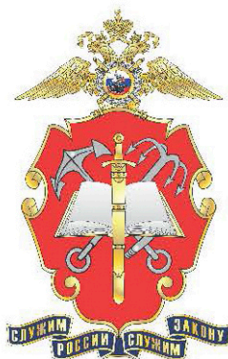

ISSN
2949-1150 online
2071-8284 print

ВЕСТНИК

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
МВД РОССИИ**

**2024
№ 1 (101)**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Научно-теоретический журнал

**Вестник
Санкт-Петербургского
университета МВД России**

№ 1 (101) январь – март 2024 г.

Scientific-theoretical journal

**Vestnik
Sankt-Peterburgskogo universiteta
MVD Rossii**

№ 1 (101) January – Marz, 2024

Федеральное государственное казённое образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России

№ 1 (101) январь – март 2024 г.

«Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» – рецензируемый научно-теоретический журнал, в котором публикуются оригинальные статьи по юридическим, педагогическим, психологическим проблемам.

Издаётся с марта 1999 года. Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. Выходит один раз в квартал. Языки журнала – русский и английский. Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны.

Издание перерегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: Эл № ФС77-84786 от 03 марта 2023 г.

ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print).

Решением ВАК Минобрнауки России от 29 марта 2022 года журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» включен в Перечень ВАК по следующим специальностям:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.
- 5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.
- 5.3.9 – Юридическая психология и психология безопасности.
- 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования.
- 5.8.7 – Методология и технология профессионального образования.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных *Ulrich's Periodicals Directory*.

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, Г. В. Лукьянова, А. Н. Великих, Л. М. Букина.

Адрес редакции и издателя: Россия, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1.

Тел. 8 (812) 730-26-96. E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Дата выхода в свет 29.03.2024 г. Формат 60 × 84/8. Объём 36,5 усл. п. л.

© «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России», 2024.

Federal State Budget Institution for higher education
«Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation»

Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii

№ 1 (101) January – March, 2024

«Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is a peer-reviewed scientific-theoretical journal that publishes original articles on legal, pedagogical, and psychological problems.

Journal is published since March, 1999. Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Journal is published on quarterly basis in Russian and English. Distribution territory: Russian Federation, foreign countries.

The scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii». The edition is reregistered in the Federal Service for Supervision of Communications, Informational Technologies and Media Control (El No. FS77-84786 of 03 March 2023).

ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print).

In accordance with the order of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of March 29, 2022, the scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is included in the current list of leading peer-reviewed scientific journals and publications published in the Russian Federation, in which the main scientific results of dissertations for the academic degree of a doctor and candidate of science must be published, in the following groups Scientific specialties:

- 5.1.1 – Theoretical and historical legal sciences.
- 5.1.2 – Public legal (state legal) sciences.
- 5.1.3 – Private legal (civilistic) sciences.
- 5.1.4 – Criminal science.
- 5.3.3 – Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics.
- 5.3.9 – Legal psychology and security psychology.
- 5.8.1 – General pedagogy, history of pedagogy and education.
- 5.8.7 – Methodology and technology of professional education.

Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in *Ulrich's Periodicals Directory*.

The journal is peer-reviewed.

The authors of scientific articles bear responsibility for the content of the articles, the facts presented in them. The opinion of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors of the publications. Reference to the scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors: G. N. Golyadkin, G. V. Lukianova, A. N. Velikikh, L. M. Bukina.

Address of editorial and publisher: 1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation. Tel. (812) 730-26-96. E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Date of publishing 29.03.2024. Format 60 × 84/8. Volume 36,5 nom. p.p.

© «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii», 2024.

Главный редактор – Каверина Л. В., кандидат филологических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Амельчаков И. Ф. – председатель редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Бавсун М. В. – заместитель председателя редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Астафичев П. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Балахонский В. В., доктор философских наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Бекетов О. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Болдырев В. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Буцакова М. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)
Васильева И. В., доктор психологических наук, доцент (Россия, Тюмень)
Вахнина В. В., доктор психологических наук, доцент (Россия, Москва)
Гейжан Н. Ф., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гельдибаев М. Х., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гривенная Е. Н., доктор педагогических наук, доцент (Россия, Краснодар)
Дозорцева Е. Г., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Ерофеева М. А., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Ескина Л. Б., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Илакавичус М. Р., доктор педагогических наук (Россия, Санкт-Петербург)
Каплунов А. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Коваленко В. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Белгород)
Коларич Драгана, доктор юридических наук, профессор (Республика Сербия, Белград)
Кубышко В. Л., кандидат педагогических наук (Россия, Москва)
Латышов И. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Мещерякова Е. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Миялькович Саша, доктор безопасности, профессор (Республика Сербия, Белград)
Нижник Н. С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никифоров Г. С., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Николаева Т. Г., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никуленко А. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Пастушеня А. Н., доктор психологических наук, профессор (Республика Беларусь, Минск)
Рузакова О. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сафонов А. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сердюк Н. В., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Слепцов И. В., кандидат юридических наук (Казахстан, Костанай)
Стрельникова Ю. Ю., доктор психологических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Тюнин В. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Ульянина О. А., доктор психологических наук, доцент (Россия, Москва)
Ухов В. Ю., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Химичева О. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков В. Л., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков И. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Честнов И. Л., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Чечётин А. Е., доктор юридических наук, профессор (Россия, Барнаул)
Шаранов Ю. А., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Шахматов А. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Editor in Chief – Kaverina L. V., Candidate of Philological Sciences
(Russia, Saint Petersburg)

Editorial Board

Amelchakov I. P., Chairman of an Editorial Board, Candidate of Juridical Sciences, Docent
(Russia, Saint Petersburg)

Bavsun M. V., Vice-chairman of an Editorial Board, Doctor of Juridical Sciences, Professor
(Russia, Saint Petersburg)

Astafichev P. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Balakhonsky V. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Beketov O. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Omsk)

Boldyrev V. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Buchakova M. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Omsk)

Vasilieva I. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Tyumen)

Vakhnina V. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)

Geyzhan N. F., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Geldibaev M. Kh., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Grivennaya E. N., Doctor of Pedagogical Sciences, Docent (Russia, Krasnodar)

Dozorcheva E. G., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Erofeeva M. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Eskina L. B., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Ilakavichus M. R., Doctor of Pedagogical Sciences (Russia, Saint Petersburg)

Kaplunov A. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Kovalenko V. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Belgorod)

Kolarich Dragana, LLD (Republic of Serbia, Belgrade)

Kubyshko V. L., Candidate of Pedagogical Sciences (Russia, Moscow)

Latyshov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Mescheryakova E. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Voronezh)

Mijalkovich Sasha, PhD, Professor (Republic of Serbia, Belgrade)

Nizhnik N. S., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikiforov G. S., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikolaeva T. G., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikulenko A. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Pastushenya A. N., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Republic of Belarus, Minsk)

Ruzakova O. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Safonov A. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Serdyuk N. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Sleptsov I. V., Candidate of Juridical Sciences (Kazakhstan, Kostanay)

Strelnikova J. Y., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Tyunin V. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Ul'yanina O. A., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)

Ukhov V. Y., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Khimicheva O. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Cvetkov V. L., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Tsvetkov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Chestnov I. L., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Chechetin A. E., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Barnaul)

Sharanov Y. A., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Shakhmatov A. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Бурданова Н. А.</i> Учет мнения детей при разрешении споров об их воспитании: практика в Советской России и эволюция нормативного закрепления	10
<i>Важенина И. В.</i> Модели организации деятельности полиции зарубежных государств в сфере взаимодействия с гражданским обществом	20
<i>Нижник Н. С., Савельева М. В.</i> Юридическая наука в России: особенности современного состояния и перспективы развития	34

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО -ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Астафьев И. Н.</i> Особенности применения ч. 1. ст. 19.3 КоАП РФ при невыполнении законного требования сотрудника полиции о прекращении эксплуатации автомобиля с недостаточной светопропускной способностью стекол	51
<i>Пирожкова И. Г., Попов А. М.</i> Правовая природа конституционного права на социальное обеспечение в комплексе смежных понятий	62

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Самсонова Е. В.</i> Проблемные аспекты действия принципов контрактной системы в сфере закупок в современных условиях	69
---	----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Алонцева Е. Ю.</i> Судебный контроль за процессуальными решениями следователя: сущность и перспективы	76
<i>Бавсун М. В., Пирожников А. Н.</i> Подходы к классификации иных мер уголовно-правового характера, направленных на противодействие преступлениям, совершаемым против интересов Российской Федерации	84
<i>Боричев К. В.</i> О необходимости внесения изменений в диспозицию статьи 205 УК РФ «Террористический акт»	94
<i>Бугера М. А.</i> Информационные особенности типичных следственных ситуаций, возникающих при расследовании хищений мобильных средств связи	103
<i>Клевицов К. К.</i> Криминалистическая регистрация в государствах – участниках Содружества Независимых Государств	111
<i>Маслов В. А.</i> Криминологическая обоснованность внесения изменений в уголовный закон: использование статистики и роль средств массовой информации	120
<i>Морозова О. С.</i> Участники стадии предварительного расследования с неопределенным процессуальным статусом	127
<i>Николаев К. Д., Квасников Е. С.</i> Детерминанты проблем применения ст. 143 Уголовного кодекса Российской Федерации	135
<i>Таранина Е. И.</i> Современные способы нарушения неприкосновенности частной жизни	142
<i>Титов С. Н.</i> Может ли использование информационных технологий быть квалифицирующим признаком преступлений против интеллектуальной собственности?	151
<i>Фарахиев Д. М.</i> Направления организованной преступной деятельности в современных реалиях	160

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

- Морозов А. П.* Методологические основы развития педагогической системы профессионального образования в образовательных организациях МВД России 172
- Ходякова Н. В., Виноградова Н. Ф., Сердюк Н. В.* Определение приоритетных направлений и тематики научно-педагогических исследований: критерии актуальности и субъекты 180

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

- Иванов Д. И., Полянский П. Г.* Методика определения направления в совершенствовании огневой подготовленности сотрудников полиции 190
- Матвейчук Н. С.* Оптимизация процесса физической подготовки курсантов Министерства внутренних дел Российской Федерации 197
- Никитская Е. А.* Проблема социализации человека в научно-исторической ретроспективе и современном междисциплинарном дискурсе 203
- Самойлова Т. А.* Актуальные компоненты цели иноязычной подготовки специалистов в образовательных организациях высшего образования МВД России: традиционные и современные аспекты 211

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

- Кузнецова И. А., Белогур Е. В.* Адаптационный потенциал сотрудников органов внутренних дел как ресурс при преодолении профессионального выгорания 220
- Лидак Л. В.* Психологическое влияние профессионального «слаживания» на формирование корпоративной культуры сотрудников органов внутренних дел 231
- Павлова С. А., Семенова Н. А.* Ведущие профессиональные компетенции преподавателей образовательных организаций МВД России с различным стажем педагогической деятельности 239

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

- Воробьева И. В., Матвеева А. И., Мазурчук Е. О.* Профилактика вандального поведения обучающихся в образовательной среде 250
- Костина Е. В., Ивашкевич Н. Т., Булыгина В. Г.* Психоэндокринные корреляты стресс-реагирования курсантов ОВД с учетом фактора адаптивности к учебно-профессиональному процессу 260
- Сорокоумова С. Н., Заргаров А. В., Ганишина И. С.* О структуре личностной ответственности курсантов образовательных организаций ФСИН России 270
- Сучкова Е. Л.* Отношение к понесенному наказанию и его последствиям у лиц, осужденных условно 281

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Burdanova N.A.</i> Taking into account the opinions of children when resolving disputes about their upbringing: practice in the Soviet Russia and the evolution of normative consolidation	10
<i>Vazhenina I. V.</i> Models of organisation of police activities in foreign countries in the sphere of interaction with civil society	20
<i>Nizhnik N. S., Savelyeva M. V.</i> Legal science in Russia: peculiarities of the current state and prospects for development	34

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Astafiev I. N.</i> Peculiarities of application of part 1. art. 19.3 of the RF Code of Administrative Offences when disobeying a police order to stop operating a car with insufficient light through the windows	51
<i>Pirozhkova I. G., Popov A. M.</i> Legal status of the constitutional right to social security in the complex of related concepts	62

PRIVATE LEGAL (CIVILISTIC) SCIENCES

<i>Samsonova E. V.</i> Problematic aspects of the principles of the contract system in the field of state procurement under modern conditions	69
---	----

CRIMINAL SCIENCE

<i>Alontseva E. Yu.</i> Judicial control over investigator's procedural decisions: essence and prospects	76
<i>Bavsun M. V., Pirozhnikov A. N.</i> Approaches to the classification of other measures of criminal-legal nature aimed at countering offences, committed against the interests of the Russian Federation	84
<i>Borichev K. V.</i> On the need for changes to the disposition of Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation «Terrorist act»	94
<i>Bugera M. A.</i> The most typical investigative situations that arise during the investigation of theft of mobile communication devices	103
<i>Klevtsov K. K.</i> Forensic database in the member states of the Commonwealth of Independent States	111
<i>Maslov W. A.</i> The criminological justification of the changes in Criminal Law: the use of statistics and the role of the media	120
<i>Morozova O. C.</i> Participants of the stage of preliminary investigation with uncertain procedural status	127
<i>Nikolaev K. D., Kvasnikov E. C.</i> Determinants of application issues of Art. 143 of the Criminal Code of the Russian Federation	135
<i>Taranina E. I.</i> Modern ways of violating privacy	142
<i>Titov S. N.</i> Can the use of information technology be a qualifying feature of offences against intellectual property?	151
<i>Farahiev D. M.</i> Tendencies of the organized criminal activity in the current reality	160

GENERAL PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

<i>Morozov A. P.</i> Methodological bases for the development of pedagogical system of professional education in educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia	172
<i>Khodyakova N. V., Vinogradova N. F., Serdyuk N. V.</i> Determination of priority directions and topics of scientific and pedagogical research: criteria of relevance and subjects	180

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

<i>Ivanov D. I., Polyansky P. G.</i> Methodology for determining the direction in improving the firearms training of police officers	190
<i>Matveichuk N. S.</i> Optimisation of physical training process for cadets of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation	197
<i>Nikitskaya E. A.</i> The problem of human socialization in scientific and historical retrospect and modern interdisciplinary discourse	203
<i>Samoylova T. A.</i> Relevant target components of foreign-language training of specialists in educational organizations of higher education of the MIA of Russia: traditional and modern aspects	211

LABOR PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY, COGNITIVE ERGONOMICS

<i>Kuznetsova I.A, Belogur E..V.</i> Adaptive potential of law enforcement officers as a resource to overcome professional burnout	220
<i>Lidak L. V.</i> Psychological influence of professional «coordination» on building a corporate culture of employees of internal affairs bodies	231
<i>Pavlova S. A., Semenova N. A.</i> Main professional competences of lecturers of educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia with different pedagogical activity experience	239

LEGAL PSYCHOLOGY AND SECURITY PSYCHOLOGY

<i>Vorobyeva I. V., Matveeva A. I., Mazurchuk E. O.</i> Prevention of vandal behavior of adolescents in the educational environment	250
<i>Kostina E. V., Ivashkevich N. T., Bulygina V. G.</i> Psychoendocrine correlates of the stress response of cadets of law enforcement agencies, taking into account the adaptability to the educational and professional process	260
<i>Sorokoumova S. N., Zargarov A. V., Ganishina I. C.</i> The structure of personal responsibility of cadets of educational establishments of the Federal Penal Correction Service of Russia	270
<i>Suchkova E. L.</i> Attitude of persons with suspended sentence to the punishment and its consequences	281

Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья

УДК 340.158

doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-10-19

Наталья Анатольевна Бурданова

<https://orcid.org/0000-0001-6285-2696>, burdanova_na@mail.ru

Московский районный суд г. Санкт-Петербурга

Российская Федерация, 196006, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 129

Учет мнения детей при разрешении споров об их воспитании: практика в Советской России и эволюция нормативного закрепления

Аннотация: **Введение.** Советское право постулировало приоритет интересов детей как главный принцип разрешения семейных споров. Современный российский законодатель воспринял данный подход. В настоящее время закреплены случаи обязательного согласия детей для совершения юридически значимого действия, регламентирован порядок выяснения мнения несовершеннолетних. Имел ли ребенок право голоса в советских судах? Ответ на этот вопрос поможет понять исторические предпосылки формирования ювенальной юстиции в России. **Методы.** Исследование опиралось на диалектику, выступающую как общую методологию научного познания. Были использованы общенаучные, специальные, частнонаучные методы. Осуществлено обобщение судебной практики советского периода с применением анализа, синтеза, индукции и дедукции. Полученные результаты обработаны с помощью интерпретативного метода. Проведено сравнение правового регулирования в различные исторические периоды (компаративный исследовательский метод). Принцип историзма позволил оценить динамику становления права ребенка на выражение своего мнения при разрешении спора и выявить причинно-следственные связи между советским и современным подходами к данной проблематике. **Результаты.** Выявлено, что в Советской России вопрос об учете мнения детей при разрешении споров об их воспитании был поставлен судебной практикой: сначала в частных случаях, затем в единых разъяснениях. Суду вменялось в обязанность учитывать мнение детей. Формы выяснения желания ребенка были различными, приоритет отдавался внесудебному опросу. Чем старше были дети, тем вероятнее было принятие решения в соответствии с их желанием. Вместе с тем негативную оценку получала практика судов, которые ограничивались только мнением ребенка. Надлежало оценить, насколько желание детей соответствовало их реальному интересу, причины отсутствия контакта с лицами, претендовавшими на воспитание, условия жизни, которые были созданы детям. Выявлена преемственность советского опыта в современном правовом регулировании учета мнения ребенка в семейных спорах. Требования, выработанные советскими юристами, применимы к современным судебным делам.

Ключевые слова: советское семейное право, семейные правоотношения, права ребенка, родительские права, учет мнения детей при разрешении споров об их воспитании

Для цитирования: Бурданова Н. А. Учет мнения детей при разрешении споров об их воспитании: практика в Советской России и эволюция нормативного закрепления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 10–19; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-10-19.

Natalia A. Burdanova

<https://orcid.org/0000-0001-6285-2696>, burdanova_na@mail.ru

*Moskovsky District Court of St. Petersburg
129, Moskovsky Ave., St. Petersburg, 196006, Russian Federation*

Taking into account the opinions of children when resolving disputes about their upbringing: practice in the Soviet Russia and the evolution of normative consolidation

Abstract: Introduction. The Soviet law postulated the priority of the interests of children as the main principle of resolving family disputes. The Modern Russian legislator has adopted this approach. Currently, cases of mandatory consent of children to perform a legally significant action have been established and the procedure for ascertaining the opinion of minors has been regulated. Did a child have the right to vote in Soviet courts? The answer to this question will help to understand the historical background of the formation of the juvenile justice in Russia. **Methods.** The study was based on dialectics, which acts as a general methodology of scientific knowledge. General scientific, special and specific scientific methods were used. A generalization of the judicial practice of the Soviet period was carried out using analysis, synthesis, induction and deduction. The results obtained were processed using the interpretive method. A comparison of legal regulation in different historical periods is carried out (comparative research method). The principle of historicism made it possible to assess the dynamics of the development of the child's right to express his opinion when resolving a dispute and to identify cause-and-effect relationships between the Soviet and modern approaches to this issue. **Results.** It was revealed that in the Soviet Russia the question of taking into account the opinions of children when resolving disputes about their upbringing was raised by judicial practice: first in individual cases, then in uniform explanations. The court was required to take into account the views of children. The forms of ascertaining the child's wishes were different; priority was given to out-of-court interviews. The older the children were, the more likely it was that a decision would be made in accordance with their wishes. At the same time, the practice of courts, which limited themselves only to the child's opinion, received a negative assessment. It was necessary to evaluate how well the children's wishes corresponded to their real interests, the reasons for the lack of contact with persons applying for education, and the living conditions that were created for the children. The continuity of the Soviet experience in modern legal regulation of taking into account the child's opinion in family disputes is revealed. The requirements developed by Soviet lawyers are applicable to modern court cases.

Keywords: Soviet family law, family legal relations, children's rights, parental rights, taking into account the opinions of children when resolving disputes about their upbringing

For citation: Burdanova N.A. Taking into account the opinions of children when resolving disputes about their upbringing: practice in the Soviet Russia and the evolution of normative consolidation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 10–19; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-10-19.

Введение

Семейное право Советской России кардинальным образом отличалось от регулирования семейно-брачных отношений в Российской империи [1; 2; 3; 4], в том числе и по вопросам, касающимся личных неимущественных родительских прав и обязанностей [5; 6; 7].

С 1917 г., пройдя путь от совокупности коротких обрывочных указаний законодателя по вопросам о семье и браке [8], советское семейное право оформилось как полноценная система норм, осуществлявшая комплексное правовое регулирование различных семейно-брачных отношений. Произошла существенная трансформация института личных неимущественных родительских прав и обязанностей, сложившаяся в монархической России [9; 10; 11]. Современное российское семейное законодательство восприняло часть ранее выработанных правовых позиций и подходов к разрешению спорных ситуаций. Проблемы, которые назрели на уровне судебной практики в Советском государстве, законодательно получили разрешение уже в Российской Федерации. Применимы ли данные утверждения к учету мнения несовершеннолетнего при разрешении спора о его воспитании? Право ребенка выражать свое мнение в суде в нормативных правовых актах СССР закреплено не было. Вместе с тем необходимость руководствоваться интересами детей красной нитью проходила по всему советскому законодательству. Как формировался порядок выяснения мнения ребенка, являлась ли закрепленная в современном российском семейном праве норма об обязательном учете мнения детей новшеством либо она стала логичным продолжением работы, проделанной предшествующими поколениями юристов? Специальные научные исследования, посвященные учету мнения детей при разрешении споров об их воспитании, отсутствовали в советский период, не проводились они и в постсоветское время. Порядок выяснения мнения ребенка по семейным делам рассматривался фрагментарно как элемент разрешения споров, вытекавших из детско-родительских правоотношений. К числу наиболее информативных для настоящего исследования относятся работы Е. М. Ворожейкина [12], Н. М. Ершовой [13], Н. В. Рабинович [14], В. А. Тархова [15].

Методы

Комплексный характер исследуемой проблемы вызывает необходимость применения различных методов. Исследование опиралось на диалектику, выступающую общей методологией научного познания. Были использованы общенаучные, специальные, частнонаучные методы, обобщена судебная практика советского периода с применением анализа, синтеза, индукции и дедукции. Полученные результаты обработаны с помощью интерпретативного метода. Проведено сравнение правового регулирования в различные исторические периоды (компаративный исследовательский метод). Принцип историзма позволил оценить динамику становления права ребенка на выражение своего мнения при разрешении спора и выявить причинно-следственные связи между советским и современным подходами к данной проблематике.

Результаты

Необходимость учета желания детей была выработана судебной практикой по конкретным делам, а затем зафиксирована в обобщенных указаниях высшей судебной инстанции. В определении Верховного Суда СССР от 31 октября 1938 г. № 21 содержалось требование учета личной привязанности ребенка к одному из родителей, «в противном случае при антипатии ребенка к родителю-воспитателю та цель, которую преследовал суд, передавая ему ребенка на воспитание, может оказаться недостигнутой и интересы ребенка пострадают»¹. Воспитание осуществлялось в различных правовых формах, получивших подробную характеристику в советской науке [12, с. 181; 13], что принималось во внимание при проверке соответствия решения суда интересам ребенка. Так, Народный суд 6-го участка Новосильского уезда Орловской губернии принял решение о передаче мальчика, вопреки его желанию, отцу М. М. Воронову на основании голословного утверждения отца о том, что он даст лучшее воспитание. Когда М. М. Воронов с милиционером пришел к матери, несовершеннолетний забился на печку и отказался идти к отцу. Верховный Суд РСФСР в определении от 8 февраля 1929 г. № 3434 отменил решение в связи с необходимостью учета мнения ребенка о порядке его воспитания².

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 сентября 1949 г. № 12/81/У «О судебной практике по делам о расторжении брака»³ судам указывалось при разрешении вопроса о детях исходить прежде всего из интересов несовершеннолетних, учитывая при этом возраст детей и их личную привязанность к тому или иному родителю (п. 8). Ана-

¹ Сборник постановлений пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР: (1938 г. и 1-е полугодие 1939 г.) / под ред. И. Т. Голякова. – Москва: Юриздат, 1940. – С. 191.

² Судебная практика РСФСР. – 1929. – № 7. – С. 7.

³ Сборник действующих постановлений пленума Верховного суда СССР. 1924–1957 гг. / под ред. Н. К. Морозова. – Москва: Госюриздат, 1958. – С. 166–170.

логичные разъяснения содержались в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г. № 10 «О практике применения судами основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье»⁴ (п. 13) и Пленума Верховного Суда РСФСР от 21 февраля 1973 г. № 3 «О некоторых вопросах, возникших в практике применения судами Кодекса о браке и семье РСФСР»⁵ (п. 43). Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 7 декабря 1979 г. № 9 (ред. от 30 ноября 1990 г.) «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей»⁶ в п. 3 содержало важное уточнение об обязательном выяснении мнения детей, достигших десяти лет. Постановление Пленума Верховного Суда СССР являлось, по замечанию А. В. Корнева, специфическим нормативным источником права [16, с. 43]. По конкретным делам судебные инстанции и ранее упоминали десятилетний возраст ребенка как имеющий юридическое значение⁷. Вместе с тем, как писал В. А. Тархов, судебная практика в отношении возраста детей носила противоречивый характер [15, с. 67]. В юридической литературе отмечалось, что к концу советского периода истории России стало общепринятой практикой учитывать в суде желание ребенка проживать с тем или иным родителем после достижения возраста десяти лет [17, с. 149]. Л. Б. Максимович указывала, что право ребенка выражать свое мнение в советской правовой системе закреплено не было [18, с. 70]. Нормативное закрепление учет желания детей получил в Семейном кодексе РФ⁸. Родители обязаны принимать во внимание желание детей по вопросам воспитания и образования (ст. ст. 63, 65), а суд – при разрешении большинства споров о воспитании детей (ст. ст. 65, 66, 67, 68, 76, 141, 148.1).

В Кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 22 октября 1918 г.⁹ содержалось требование о согласии ребенка старше 16 лет на осуществление родительских прав по заключению договора о найме (ст. 157). На наш взгляд, данную норму возможно рассматривать как начало впоследствии оформившейся группы норм о возможности совершения юридически значимого действия под обязательным условием получения согласия ребенка. По Кодексу законов о браке, семье и опеке от 19 ноября 1926 г.¹⁰ после достижения 10 лет ребенок наделялся специальными правами при усыновлении (ст. 60, 63, 65). Схожие правила закрепляли ст. ст. 103, 106, 114, 117 Кодекса о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 г.¹¹ Семейный кодекс РФ требует согласия ребенка, достигшего десяти лет, для принятия органом опеки и попечительства либо судом решений об изменении имени и фамилии ребенка, восстановлении в родительских правах, усыновлении, записи усыновителей в качестве родителей усыновленного ребенка, назначении опекуна (ст. ст. 59, 72, 132, 134, 136, 143, 145 Семейного кодекса РФ).

Впервые 14-летний возраст как имевший юридическое значение упоминался Кодексом законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г.: родители могли заключить в письменной форме соглашение о принадлежности к религии ребенка до достижения им 14 лет (ст. 148). Данный возраст до настоящего времени рассматривается законодателем как этап взросления человека, после которого правовой статус расширяется (ст. 26 Гражданского кодекса РФ¹², ст. 37 Гражданского процессуального кодекса РФ¹³, ст. 5 Кодекса административного судопроизводства РФ¹⁴).

В случае разрешения спора судом предусматривалось две модели выяснения мнения ребенка: опрос и участие в деле. Второй случай имел место в отношении лиц от 15 до 18 лет – они привлекались к делу наряду с их законными представителями, а в отдельных случаях и без таковых (ст. 32 Гражданского процессуального кодекса РСФСР от 11 июня

⁴ Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1970. – № 1. – С. 5–8.

⁵ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации 1961–1993. – Москва: Юридическая литература, 1994. – С. 124–130.

⁶ Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1980. – № 1. – С. 4–13.

⁷ Бюллетень Верховного суда СССР. – 1959. – № 3. – С. 10.

⁸ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. 31 июля 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 1997. – № 46. – Ст. 5243.

⁹ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (далее – СУ РСФСР). – 1918. – № 76. – Ст. 818.

¹⁰ СУ РСФСР. – 1926. – № 82. – Ст. 612.

¹¹ Ведомости Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – ВВС РСФСР). – 1969. – № 32. – Ст. 1086.

¹² Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) Часть первая // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3302.

¹³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 23 декабря 2023 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

¹⁴ Кодекс административного судопроизводства РФ от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 23 декабря 2023 г.) // СЗ РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

1964 г.¹⁵). В настоящее время сохранена аналогичная правовая регламентация, но изменен возраст – от 14 до 18 лет (ст. 37 Гражданского процессуального кодекса РФ).

Опрос ребенка, о воспитании которого судом рассматривался спор, отдельно не регламентируется, а проводился по правилам допроса несовершеннолетнего свидетеля [19]. При допросе детей до 14 (иногда – 16) лет присутствовал педагог, по необходимости – родители. Суд был вправе удалить кого-либо из присутствующих лиц в исключительных случаях из зала суда (ст. 173 Гражданского процессуального кодекса РСФСР от 11 июня 1964 г.) Р. О. Опалев указывал, что понятие «исключительный случай» являлось оценочным [20]. На наш взгляд, необходимость индивидуального подхода при допросе несовершеннолетнего лица была связана с уязвимой психоэмоциональной сферой опрашиваемого. Ст. 179 Гражданского процессуального кодекса РФ повторяет приведенные требования. До настоящего времени правовой статус несовершеннолетнего в семейно-правовых спорах не определен. О. С. Батова относила ребенка к участникам дела [21, с. 440]. Н. Ю. Авдоница предлагала определить для несовершеннолетнего специальный правовой статус [22, с. 213]. А. А. Алексеев обоснованно критиковал отсутствие отдельной регламентации порядка опроса несовершеннолетнего при рассмотрении судом спора о воспитании ребенка в возрасте от десяти до четырнадцати лет [23, с. 19]. Л. Б. Ситдикова полагала, что опрос ребенка для учета его мнения в семейно-правовом споре являлся частным случаем допроса несовершеннолетнего свидетеля [24, с. 47]. Верховный Суд РФ в настоящее время придерживается правовой позиции о применении к опросу ребенка с целью выяснения его мнения относительно судебного спора правил допроса несовершеннолетнего свидетеля (п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 (ред. от 26 декабря 2017 г.) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей»¹⁶). В Советской России судам рекомендовалось опрашивать ребенка вне зала судебного заседания в присутствии педагога (п. 45 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 февраля 1973 г. № 3 «О некоторых вопросах, возникших в практике применения судами Кодекса о браке и семье РСФСР»¹⁷). По мнению А. М. Эрделевского, данное разъяснение заложило основы современной российской судебной практики, которая негативно относится к непосредственному опросу несовершеннолетнего в судебном заседании [25]. В 1979 г. Пленум Верховного Суда СССР принял тематическое постановление по спорам, связанным с воспитанием детей, в котором устанавливались требования к опросу ребенка в суде, аналогичные допросу свидетеля¹⁸. С 15 сентября 1990 г. для СССР вступила в силу Конвенция Организации Объединенных Наций о правах ребенка¹⁹, возложившая в ст. 12 на государства-участники обязанность заслушать ребенка в суде. В настоящее время суды обязаны выяснить мнение ребенка старше десяти лет, вправе – более младшего возраста (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав»²⁰).

Нами проведено обобщение советской судебной практики за период с 1927 по 1986 гг. Всего отобрано 23 дела. Истцами преимущественно выступали родители (83 %), матери и отцы примерно в равных долях, а также бабушка, тетя, воспитатель, интернат. Ответчиками привлекались родители (15 лиц) либо фактические воспитатели детей. Самыми распространенными исковыми требованиями являлись определение места жительства ребенка с одним из родителей (57 %) и возврат ребенка родителям от иных лиц (26 %). В большинстве дел спор возникал относительно одного ребенка (57 %). Детский возраст охватывал от 6 лет до совершеннолетия: до 10 лет – 32 %, от 10 до 14 лет – 46 %, старше 14 лет – 22 %.

¹⁵ ВВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407.

¹⁶ Российская газета. – 1998. – 10 июня.

¹⁷ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации 1961–1993. – Москва: Юрид. лит., 1994. – С. 124–130.

¹⁸ Пункт 27 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 7 декабря 1979 г. № 9 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1980. – № 1. – С. 4–13.

¹⁹ Конвенция о правах ребенка (принята резолюцией № 44/25 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 20 ноября 1989 г. Ратифицирована Верховным Советом СССР 13 июля 1990 г.) // Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. – 1990. – № 45. – Ст. 955.

²⁰ О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <http://vsrf.ru/documents/own/24386/> (дата обращения: 25.12.2023).

Отношение ребенка к предмету судебного спора было выявлено по 39 % изученных дел, из них опрос производился непосредственно судом в 44 % случаев.

Преимущественно судебная практика не требовала выяснения мнения детей в возрасте до 10 лет. В 1944 г. в производстве народного суда 1-го участка Приморского района Ленинграда находилось дело по иску матери Ф. к отцу С. об отобрании сына Николая, 1936 г. рождения. Решением суда без выяснения мнения ребенка в удовлетворении иска было отказано²¹. Встречались исключения, когда судам вменялось в обязанность проверить мнение детей младше 10 лет. В 1946 г. Верховный Суд СССР указал, что Шелли Марголис исполнилось 9 лет, но суд не выяснил, у кого она хотела воспитываться. В 1941 г. во время оккупации немецкими войсками ее родители-евреи были убиты. В суде на воспитание ребенка претендовали тетя, фактический воспитатель и усыновители²². В другом споре между родителями решением Сталинградского областного суда Тамара 11 лет была оставлена отцу, а ее брат Юра 9 лет передан матери. Дети обратились к прокурору, не желая проживать с матерью, которой мальчик даже не помнил. Верховный Суд СССР в определении от 29 ноября 1950 г. № 36/1193 решение отменил, указав, что при разрешении спора надлежало установить мнение детей²³. Требование об опросе мальчика Эдуарда 7 лет содержалось в определении гражданской кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР от 23 июня 1928 г. № 32799 по делу по иску Кислицыной к Кислицыну о передаче сына²⁴. Невыяснение судом мнения 8-летнего ребенка повлекло в определении Верховного Суда СССР от 22 марта 1950 г. № 36/247 отмену решения об отказе в передаче сына от отца А. Г. Сучкова к матери К. Ф. Сучковой²⁵.

Как указывала Н. В. Рабинович, «ребенок может выразить желание жить не у того родителя, который его лучше воспитает, а у того, который больше дает ему поблажек» [14, с. 118]. Справедливость приведенного замечания подтверждалась судебной практикой. В. А. Кузнецов обратился в народный суд 7-го отделения города Ленинграда с иском к Э. Кирпе об отобрании дочери Нины, 12 лет, поскольку в квартире у матери притон. Суд в удовлетворении иска отказал, так как девочка пожелала остаться с мамой. Пленум Ленинградского губсуда 2 апреля 1927 г. решение отменил в связи с неисследованностью условий жизни ребенка у матери²⁶. В 1949 г. Верховный Суд СССР высказался о том, что привязанность ребенка не имела значения при возникновении спора между матерью Симоновой и ее сестрой Егоровой. Девочка Нелли 11 лет хотела остаться жить с тетей, на что суд ответил: «Ненормальное отношение ребенка к своей матери явилось результатом неправильного воспитания его ответчицей, которая с целью удержания ребенка восстанавливает его против матери»²⁷. Суду, как видно, вменялось в обязанность установить причины неприязненного отношения детей к родителям, что подтверждалось следующим примером. Ш. являлся отцом двух 12-летних мальчиков-близнецов. После смерти матери Ш. просил суд передать ему на воспитание детей, которые, однако, возражали против этого. Решение по делу об отказе в требованиях Ш. 2 марта 1983 г. Верховным Судом РСФСР было отменено с целью проверки, почему между детьми и отцом нет контакта²⁸.

Разумное желание ребенка старше 10 лет проживать с фактическим воспитателем находило поддержку. В суде по делу по иску бабушки А. А. Козыревой к мачехе А. С. Козыревой о передаче на воспитание 12-летней Нелли последняя пояснила, что сама захотела жить с мачехой. Проверка показала, что ребенку созданы надлежащие условия для развития. Решением народного суда 1-го участка Сталинского района г. Молотова, оставленным без изменения определением Верховного Суда СССР от 29 марта 1952 г., в удовлетворении иска было отказано²⁹. Другой обязанностью суда являлось сопоставление мнения ребенка с пользой для несовершеннолетнего. В гражданском деле ребенок хотел остаться с матерью, к которой был сильно привязан, но Верховный Суд РСФСР передал ребенка отцу, посчитав, что интересам несовершеннолетнего в большей степени соответствовало проживание на юге в целях обеспечения его здоровья [12, с. 182]. Следовало разграничивать учет желания детей и предоставление им права самостоятельного выбора места жительства. В определении от 21 января 1948 г. № 4 Верховный Суд СССР отметил недопустимость указания в ре-

²¹ Решение народного суда I-го участка Приморского района Ленинграда от 12 октября 1944 года по делу № 2-733/44 // Архив Приморского районного суда Санкт-Петербурга.

²² Судебная практика Верховного суда СССР. – 1946. – № 8. – С. 3–4.

²³ Судебная практика Верховного суда СССР. – 1951. – № 2. – С. 41–42.

²⁴ Судебная практика РСФСР. – 1929. – № 8. – С. 8.

²⁵ Судебная практика Верховного суда СССР. – 1950. – № 6. – С. 20–21.

²⁶ Судебная практика РСФСР. – 1927. – № 16. – С. 27.

²⁷ Судебная практика Верховного суда СССР. – 1950. – № 1. – С. 35–36.

²⁸ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1983. – № 6. – С. 10.

²⁹ Судебная практика Верховного суда СССР. – 1952. – № 6. – С. 39–41.

золотивной части решения на то, что после достижения десятилетнего возраста ребенок сам мог определить, у кого из родителей желал проживать³⁰.

Суду надлежало проверить условия жизни ребенка у сторон по делу. Мать Смышляева обратилась в народный суд 2-го участка Центрального района города Новосибирска с иском об отобрании дочери Сталины от Иевской, вдовы опекуна ребенка. Решением суда иск Смышляевой был удовлетворен, хотя девочка в суде пояснила, что не хотела проживать с матерью. Верховный Суд СССР в определении от 17 июля 1954 г. № 03/703-54 отказал в удовлетворении иска Смышляевой, указав на невозможность передачи Сталины матери вопреки желанию ребенка, достигшего 15 лет, но вместе с тем полагал невозможным оставить девочку на воспитании Иевской, которая не могла обеспечить надлежащих условий воспитания. Сталина была помещена в детский дом³¹. Верховный Суд СССР в определении от 7 июня 1950 г. № 36/589 высказался о необходимости учета мнения детей старше 14 лет. При попытке исполнения решения суда о передаче 14-летнего Вилена от отца С. матери М. ребенок отказался оставить отца. Верховный Суд СССР отметил, что «при наличии столь определенно выраженного мальчиком Виленом желания жить с отцом, а не с матерью, передачу мальчика матери при помощи принудительных мер нельзя признать допустимой...»³².

Порядок опроса ребенка длительное время определялся судами самостоятельно. В ходе рассмотрения иска матери Е. А. Тереховой о возврате 12-летней дочери Альбины от бабушки М. М. Мериц и тети А. А. Мериц девочка пояснила, что не хотела проживать с мамой. Суд первой инстанции вынес решение об отказе в удовлетворении иска. Верховный Суд СССР определением от 1 июля 1950 г. № 36/698 отменил решение, поскольку судом были допущены нарушения при опросе несовершеннолетней: не присутствовали мать и представитель народного образования³³. Мнение ребенка могло быть выявлено органом исполнительной власти. Народный суд Шуйского городского участка дважды в 1928–1929 гг. отказывал матери Заботлиной в передаче детей. Верховный Суд РСФСР в определении от 11 мая 1929 г. № 31413 отметил: «Установлено актом обследования, что дети находятся в благоприятных условиях, что они не хотят жить с матерью»³⁴. Опрос детей производился Комиссией по делам несовершеннолетних, которая в тот период обладала широкими полномочиями [26, с. 44].

Верховный Суд РФ обращал внимание на то, что мнение детей подлежало выяснению не только при рассмотрении дела по существу, но и в случае признания иска ответчиком³⁵. Подобные ошибки допускались также советскими судами. Ждановским районным судом Ленинграда в решении от 15 сентября 1986 г. по делу № 2-1584/86 Кирилл, 11 лет, был передан отцу Ю. в связи с признанием иска матерью Т. без выяснения мнения ребенка³⁶. В другом деле № 2-831/68 по решению Ждановского районного суда Ленинграда от 18 марта 1968 г. мать С. была лишена родительских прав в отношении дочери Татьяны, 15 лет, не опрошенной в судебном заседании, на основании признания иска С.³⁷

Заключение

Закрепленные в Семейном кодексе РФ нормы, регулирующие учет мнения ребенка, являются результатом постепенного развития законодательства и судебной практики советского периода. Порядок выявления желания несовершеннолетних не был урегулирован в нормативных правовых актах. Пробел восполнялся судебной практикой путем обобщения разрозненных дел с выработкой высшим судом единых указаний. Ребенок выражал свое мнение в разных формах – при обследовании органами исполнительной власти условий его жизни, путем обращения в государственные органы, в ходе непосредственного опроса судом. Приоритет отдавался внесудебной форме. Суду вменялось в обязанность учитывать мнение детей при разрешении семейных споров. Постепенно исторически сформировался подход о том, что значение имеет возраст ребенка. Различие делалось для детей старше 10 и 14 лет. Данные возрастные пороги до настоящего времени применяются в российском законодательстве. Судебной практикой были выработаны пределы учета мнения детей в виде

³⁰ Судебная практика Верховного суда СССР. – 1948. – № 4. – С. 21.

³¹ Судебная практика Верховного суда СССР. – 1954. – № 6. – С. 31–32.

³² Судебная практика Верховного суда СССР. – 1950. – № 9. – С. 37–38.

³³ Судебная практика Верховного суда СССР. – 1950. – № 12. – С. 23–24.

³⁴ Судебная практика РСФСР. – 1929. – № 18. – С. 7.

³⁵ Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей, утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 20 июля 2011 г. [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <http://vsrf.ru/documents/thematics/15101/> (дата обращения: 25.12.2023).

³⁶ Архив Приморского районного суда Санкт-Петербурга.

³⁷ Архив Приморского районного суда Санкт-Петербурга.

соответствия реальному интересу с точки зрения условий и методов воспитания, физического здоровья. Существенным обстоятельством признавались причины формирования у несовершеннолетнего определенного отношения ко взрослому. Изучение советского опыта нормативного регулирования семейных правоотношений в совокупности с правоприменительной практикой судов по рассмотренной теме позволяет понять причины, условия, цели формирования современного правового статуса ребенка в России. Полученные результаты могут быть использованы в деятельности органов ювенальной юстиции.

Список литературы

1. *Нижник Н. С.* Русское семейное право (досоветский период). – Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 1999. – 115 с.
2. *Нижник Н. С.* Защита интересов несовершеннолетних в России. – Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2000. – 183 с.
3. *Нижник Н. С.* Правовое регулирование брачно-семейных отношений в русской истории (IX – начало XX века). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2002. – 278 с.
4. *Нижник Н. С., Аракчеев В. А. и др.* Институт семьи и брака: трансформации в контексте государственно-правовой эволюции в первые годы советской власти / Эволюция политической и правовой культуры России. Региональные особенности и влияние европейского фактора : монография. – Великий Новгород: Новгородский Межрегиональный институт общественных наук, 2006. – С. 162–169.
5. *Бурданова Н. А.* Правовое регулирование отношений, возникающих между родителями и детьми при раздельном проживании родителей: историко-правовой аспект // Общество. Среда. Развитие. – 2010. – № 3 (16). – С. 102–105.
6. *Бурданова Н. А.* Осуществление личных неимущественных родительских прав и обязанностей по воспитанию детей как фактор формирования профессиональной культуры и социальной ответственности государственных служащих органов и учреждений юстиции в монархической России / Актуальные вопросы формирования высокой профессиональной и социальной ответственности в деятельности органов и учреждений Минюста России : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 27 февраля 2014 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 2014. – С. 55–58.
7. *Бурданова Н. А.* Реформы института личных неимущественных родительских прав и обязанностей в монархический период истории отечественного государства / Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2–4 апреля 2020 года / отв. ред. В. А. Веремченко, В. Н. Шайдуров. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2020. – Т. 2. – С. 129–133.
8. *Нижник Н. С.* Год 1917: начало революции в семейно-брачных отношениях // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2017. – № 4. – С. 25–31.
9. *Бурданова Н. А.* Институт личных неимущественных прав и обязанностей родителей в праве Советской России // История государства и права. – 2021. – № 6. – С. 75–80; doi: 10.18572/1812-3805-2021-6-75-80.
10. *Бурданова Н. А.* Как заставить ребенка полюбить взрослых родственников: опыт судебного урегулирования внутрисемейных отношений / Семья и детство в повседневной жизни: история и современность : материалы Международной научной конференции: в 2 т. Санкт-Петербург, 6–8 апреля 2023 года. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. – Т. 1. – С. 220–224.
11. *Бурданова Н. А.* К вопросу о выборе способа защиты родительских прав: полиция, орган опеки и попечительства или суд? / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): материалы XIV Международной научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 года. Санкт-Петербургский университет МВД России. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. – Т. 2. – С. 95–98.
12. *Ворожейкин Е. М.* Семейные правоотношения в СССР. – Москва: Юридическая литература, 1972. – 336 с.
13. *Ершова Н. М.* Правовые вопросы воспитания детей в семье. – Москва: Наука, 1971. – 102 с.
14. *Рабинович Н. В.* Личные и имущественные отношения в советской семье / Ленинградский государственный ордена Ленина университет им. А. А. Жданова. – Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета, 1952. – 160 с.

15. *Тархов В. А.* Советское семейное право. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1963. – 104 с.
16. *Корнев А. В.* Разъяснения пленумов высших судов по вопросам судебной практики как специфический источник советского права // *История государства и права.* – 2015. – № 5. – С. 42–46.
17. *Базарбаев Б. Б., Басин Ю. Г., Беспалова А. И.* [и др.]. Семейное право / под ред. А. И. Беспаловой, У. К. Ихсанова. – Алма-Ата: Мектеп, 1984. – 248 с.
18. *Максимович Л. Б.* О праве ребенка выражать свое мнение / Проблемы гражданского, семейного и жилищного законодательства: сборник статей / отв. ред. В. Н. Литовкин. – Москва: Городец, 2005. – С. 58–70.
19. *Баскаков Е. Я., Ефимов А. Ф., Жуйков В. М.* [и др.]. Особенности рассмотрения и разрешения отдельных категорий гражданских дел (исковое производство) / под ред. И. К. Пискарева. – Москва: Городец, 2005. – 512 с.
20. *Опалев Р. О.* Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве. – Москва: Волтерс Клувер, 2008. – 234 с.
21. *Батова О. С.* Особенности процессуального положения несовершеннолетнего по делам, связанным с воспитанием детей / Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов; под ред. Л. Ф. Лесницкой, М. А. Рожковой. – Москва: Статут, 2008. – С. 438–450.
22. *Авдонина Ю. Н.* Особенности субъектного состава по делам о защите прав несовершеннолетних в гражданском процессе: постановка проблемы // *Вестник гражданского процесса.* – 2022. – № 6. – С. 205–223; doi: 10.24031/2226-0781-2022-12-6-205-223.
23. *Алексеев А. А.* Проблемы непосредственного участия несовершеннолетних лиц в гражданском процессе // *Арбитражный и гражданский процесс.* – 2017. – № 10. – С. 17–21.
24. *Ситдикова Л. Б.* Проблемные вопросы правового статуса несовершеннолетнего свидетеля в гражданском процессе // *Юридический мир.* – 2016. – № 9. – С. 45–48.
25. *Эрделевский А. М.* Право ребенка на выражение мнения. [Электронный ресурс]: подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2001 // СПС «КонсультантПлюс» / URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=411#BbCDSzTGagmxJDq01> (дата обращения: 25.12.2023).
26. *Проценко Е. Д., Комарницкий А. В.* Защита прав несовершеннолетних в советском государстве: ретроспективный анализ законодательства // *Ленинградский юридический журнал.* – 2018. – № 3 (53). – С. 42–52.

References

1. *Nizhnik N. S.* Russkoye semeynoye pravo (dosovetskiy period). – Chelyabinsk: Chelyabinskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 1999. – 115 s.
2. *Nizhnik N. S.* Zashchita interesov nesovershennoletnikh v Rossii. – Chelyabinsk: Chelyabinskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 2000. – 183 s.
3. *Nizhnik N. S.* Pravovoye regulirovaniye brachno-semeynykh otnosheniy v russkoy istorii (IX – nachalo XX veka). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2002. – 278 s.
4. *Nizhnik N. S., Arakcheyev V. A. i dr.* Institut sem'i i braka: transformatsii v kontekste gosudarstvenno-pravovoy evolyutsii v pervyye gody sovetskoy vlasti / Evolyutsiya politicheskoy i pravovoy kul'tury Rossii. Regional'nyye osobennosti i vliyaniye yevropeyskogo faktora : monografiya. – Velikiy Novgorod: Novgorodskiy Mezhhregional'nyy institut obshchestvennykh nauk, 2006. – S. 162–169.
5. *Burdanova N. A.* Pravovoye regulirovaniye otnosheniy, vznikayushchikh mezhdru roditelyami i det'mi pri razdel'nom prozhivanii roditeley: istoriko-pravovoy aspekt // *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye.* – 2010. – № 3 (16). – S. 102–105.
6. *Burdanova N. A.* Osushchestvleniye lichnykh neimushchestvennykh roditel'skikh prav i obyazannostey po vospitaniyu detey kak faktor formirovaniya professional'noy kul'tury i sotsial'noy otvetstvennosti gosudarstvennykh sluzhashchikh organov i uchrezhdeniy yustitsii v monarkhicheskoy Rossii / Aktual'nyye voprosy formirovaniya vysokoy professional'noy i sotsial'noy otvetstvennosti v deyatel'nosti organov i uchrezhdeniy Minyusta Rossii : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 27 fevralya 2014 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy institut (filial) Vserossiyskogo gosudarstvennogo universiteta yustitsii (RPA Minyusta Rossii), 2014. – S. 55–58.
7. *Burdanova N. A.* Reformy instituta lichnykh neimushchestvennykh roditel'skikh prav i obyazannostey v monarkhicheskoy period istorii otechestvennogo gosudarstva / Reformy v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 2–4 aprelya 2020 goda / отв. ред. V. A. Veremenko, V. N. Shaydurov. – Sankt-Peterburg: Leningradskiy gosudarstvennyy universitet im. A. S. Pushkina, 2020. – T. 2. – S. 129–133.
8. *Nizhnik N. S.* God 1917: nachalo revolyutsii v semeyno-brachnykh otnosheniyakh // *Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii i za rubezhom.* – 2017. – № 4. – S. 25–31.

9. *Burdanova N. A.* Institut lichnykh neimushchestvennykh prav i obyazannostey roditel'ey v prave Sovetskoy Rossii // *Istoriya gosudarstva i prava.* – 2021. – № 6. – S. 75–80; doi: 10.18572/1812-3805-2021-6-75-80.
10. *Burdanova N. A.* Kak zastavit' rebenka polyubit' vzroslykh rodstvennikov: opyt sudebnogo uregulirovaniya vnutrisemeynykh otnosheniy / *Sem'ya i detstvo v povsednevnoy zhizni: istoriya i sovremennost'* : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii: v 2 t. Sankt-Peterburg, 6–8 aprelya 2023 goda. – Sankt-Peterburg: Leningradskiy gosudarstvennyy universitet imeni A. S. Pushkina, 2023. – T. 1. – S. 220–224.
11. *Burdanova N. A.* K voprosu o vybore sposoba zashchity roditel'skikh prav: politsiya, organ opeki i popechitel'stva ili sud? / *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (navstrechu 300-letiyu rossiyskoy politsii): materialy XIV Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2017 goda.* Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii.– Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2017. – T. 2. – S. 95–98.
12. *Vorozheykin Ye. M.* Semeynyye pravootnosheniya v SSSR. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1972. – 336 s.
13. *Yershova N. M.* Pravovyye voprosy vospitaniya detey v sem'ye. – Moskva: Nauka, 1971. – 102 s.
14. *Rabinovich N. V.* Lichnyye i imushchestvennyye otnosheniya v sovetskoy sem'ye / Leningradskiy gosudarstvennyy ordena Lenina universitet im. A. A. Zhdanova. – Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1952. – 160 s.
15. *Tarkhov V. A.* Sovetskoye semeynoye pravo. – Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1963. – 104 s.
16. *Kornev A. V.* Raz'yasneniya plenumov vysshikh sudov po voprosam sudebnoy praktiki kak spetsificheskoy istochnik sovetskogo prava // *Istoriya gosudarstva i prava.* – 2015. – № 5. – S. 42–46.
17. *Bazarbayev B. B., Basin Yu. G., Bepalova A. I. [i dr.].* Semeynoye pravo / pod red. A. I. Bepalovoy, U. K. Ikhsanova. – Alma-Ata: Mektep, 1984. – 248 s.
18. *Maksimovich L. B.* O prave rebenka vyrazhat' svoje mneniye / *Problemy grazhdanskogo, semeynogo i zhilishchnogo zakonodatel'stva: sbornik statey / otv. red. V. N. Litovkin.* – Moskva: Gorodets, 2005. – S. 58–70.
19. *Baskakov Ye. Ya., Yefimov A. F., Zhuykov V. M. [i dr.].* Osobennosti rassmotreniya i razresheniya otdel'nykh kategoriy grazhdanskikh del (iskovoye proizvodstvo) / pod red. I. K. Piskareva. – Moskva: Gorodets, 2005. – 512 s.
20. *Opalev R. O.* Otsenochnyye ponyatiya v arbitrazhnom i grazhdanskom protsessual'nom prave. – Moskva: Volters Kluver, 2008. – 234 s.
21. *Batova O. S.* Osobennosti protsessual'nogo polozheniya nesovershennoletnego po delam, svyazannym s vospitaniyem detey / *Problemnyye voprosy grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessov; pod red. L. F. Lesnitskoy, M. A. Rozhkovoy.* – Moskva: Statut, 2008. – S. 438–450.
22. *Avdonina Yu. N.* Osobennosti sub'yektnogo sostava po delam o zashchite prav nesovershennoletnikh v grazhdanskom protsesse: postanovka problemy // *Vestnik grazhdanskogo protsesssa.* – 2022. – № 6. – S. 205–223; doi: 10.24031/2226-0781-2022-12-6-205-223.
23. *Alekseyev A. A.* Problemy neposredstvennogo uchastiya nesovershennoletnikh lits v grazhdanskom protsesse // *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess.* – 2017. – № 10. – S. 17–21.
24. *Sitdikova L. B.* Problemnyye voprosy pravovogo statusa nesovershennoletnego svidetelya v grazhdanskom protsesse // *Yuridicheskiy mir.* – 2016. – № 9. – S. 45–48.
25. *Erdelevskiy A. M.* Pravo rebenka na vyrazheniye mneniya. [Elektronnyy resurs]: podgotovlen dlya sistemy Konsul'tantPlyus, 2001 // SPS «Konsul'tantPlyus» / URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=411#BbCDSzTGagmxJDq01> (data obrashcheniya: 25.12.2023).
26. *Protsenko Ye. D., Komarnitskiy A. V.* Zashchita prav nesovershennoletnikh v sovetskom gosudarstve: retrospektivnyy analiz zakonodatel'stva // *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal.* – 2018. – № 3 (53). – S. 42–52.

Статья поступила в редакцию 01.12.2023; одобрена после рецензирования 09.01.2024; принята к публикации 22.01.2024.

The article was submitted November 10, 2023; approved after reviewing January 9, 2024; accepted for publication January 22, 2024.

Научная статья

УДК 340

doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-20-33

Ирина Викторовна Важенина

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0002-6797-1384>, irina-mew@mail.ru

Академия управления МВД России

Российская Федерация, 125993, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

Модели организации деятельности полиции зарубежных государств в сфере взаимодействия с гражданским обществом

Аннотация: Введение. При решении проблемы взаимодействия полиции и институтов гражданского общества по участию в реализации правоохранительной функции государства опыт полиции зарубежных стран может быть актуален для выработки новых концептуальных положений и догматических решений, адекватных условиям современности. Исследование внедренных в зарубежных странах различных моделей организации деятельности полиции позволит выявить общие закономерности и предложить более действенные и эффективные меры по организации взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в России. **Цель исследования:** на основе теоретико-правового анализа моделей организации деятельности полиции зарубежных стран выявить наиболее эффективные управленческие механизмы формирования взаимодействия полиции и институтов гражданского общества при реализации правоохранительной функции государства. **Теоретические аспекты** организации местного самоуправления, традиционно исторически связанного с функционированием полиции, отражены в диссертационных исследованиях Е. С. Горбатюка¹, И. А. Горшеневой², Д. О. Ежевского³, А. М. Кононова⁴ и др. Сравнительный анализ полицейской деятельности зарубежных государств, в том числе при сотрудничестве с институтами гражданского общества, проведен в исследованиях И. А. Андреевой⁵[1], А. В. Быкова⁶, Д. В. Васильева⁷, А. В. Губанова⁸, Е. В. Киричек⁹, А. К. Киселёва [2], О. Б. Мороза¹⁰, В. Ф. Саэтгараева¹¹, А. И. Степанян¹²[3] и др. Вопросы формирования полиции и общества рассматривали в своих трудах П. Н. Кобец [4], Н. С. Нижник [5], Г. Р. Рустемова, И. С. Приходько [6] и др. Для выявления и оценки механизмов партнёрства полиции и общества использована теория взаимосвязи между местной политической культурой

© Важенина И. В., 2024.

¹ Горбатюк Е. С. Местное самоуправление в Великобритании и России XIX в.: сравнительный анализ политико-теоретических моделей: дис. ... канд. полит. наук. – Санкт-Петербург, 2004. – 198 с.

² Горшенева И. А. Полиция в механизме современного государства (теоретико-правовые аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2002. – 237 с.

³ Ежевский Д. О. Местное самоуправление в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2005. – 197 с.

⁴ Кононов А. М. Теоретические основы организации муниципальных органов охраны общественного порядка в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2000. – 364 с.

⁵ Андреева И. А. Реформы органов полиции в государствах Европы (конец XX – начало XXI вв.): учебное пособие. – Омск: ОМА МВД России, 2013. – 112 с.

⁶ Быков А. В. Теоретические и прикладные проблемы функционирования национальных полицейских систем: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2008. – 384 с.

⁷ Васильев Д. В. Концепции организации деятельности полиции и возможности их использования в отечественной практике: по материалам США и некоторых стран Западной Европы: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2005. – 234 с.

⁸ Губанов А. В. Основы организации и функционирования полиции зарубежных государств и использование их опыта для совершенствования деятельности органов внутренних дел России: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 1997. – 355 с.

⁹ Киричек Е. В. Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2015. – 537 с.

¹⁰ Мороз О. Б. Организационно-правовые основы деятельности полиции государств Западной Европы: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2004. – 150 с.

¹¹ Саэтгараев В. Ф. Организационно-правовой механизм сотрудничества органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2023. – 295 с.

¹² Степанян А. И. Полицейская система современного государства: теоретико-правовое исследование: специальность: дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2022. – 274 с.

и организацией деятельности полиции (Дж. К. Уилсон). **Методы.** Исследование опирается на системный подход, общенаучные методы (прежде всего анализа и синтеза), метод материалистической диалектики; специальные методы: сравнительно-исторический, формально-юридический; историко-правовой анализ, хронологический метод. **Результаты.** Исследованные модели организации полицейской деятельности в зарубежных государствах являются производными от родового понятия «сервисная модель организации полицейской службы», направлены на социальную сплоченность, стабильность при высоком уровне участия граждан и актуальны для различных стран. Приоритетной задачей МВД России является социальная направленность деятельности, позволяющая подразделениям полиции при решении возложенных на них задач наиболее полно использовать социальный и общественный потенциал российского общества.

Ключевые слова: полиция, полицейская деятельность, гражданское общество, взаимодействие полиции и институтов гражданского общества, модели организации деятельности полиции в зарубежных странах

Для цитирования: Важенина И. В. Модели организации деятельности полиции зарубежных государств в сфере взаимодействия с гражданским обществом // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 20–33; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-20-33.

Irina V. Vazhenina

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0002-6797-1384>, irina-mew@mail.ru

Academy of Management of the MIA of Russia

8, Zoya and Alexander Kosmodemyansky str., Moscow, 125993, Russian Federation

Models of organisation of police activities in foreign countries in the sphere of interaction with civil society

Abstract: Introduction. In solving the problem of interaction between the police and civil society institutions in implementing the law enforcement function of the state, the policing experience of foreign countries can be actual for developing new conceptual provisions and dogmatic solutions adequate to contemporary conditions. The research of different models of police activity organisation in foreign countries will reveal common patterns and suggest more efficient and effective measures to organise interaction between the police and civil society institutions in Russia. **Purpose of the research** is to identify the most effective management mechanisms for the formation of interaction between the police and civil society institutions in implementing the law enforcement function of the state on the basis of theoretical and legal analysis of models of the organisation of police activities in foreign countries. **Theoretical aspects** of the organisation of local self-government, traditionally historically linked to policing, are reflected in the theses of E. S. Gorbatyuk, I. A. Gorsheneva, D. O. Ezevsky, A. M. Kononov and others. Comparative analysis of police activity of foreign states, including cooperation with civil society institutions, was carried out in the researches of I. A. Andreeva, A. V. Bykov, D. V. Vasiliev, A. V. Gubanov, E. V. Kirichok, A. K. Kiselev, O. B. Moroz, V. F. Saetgarayev, A. I. Stepanyan and others. The issues of interaction of the police and society were considered in the works of P. N. Kobets, N. S. Nizhnik, G. R. Rustemova, I. S. Prikhodko and others. The theory of the relationship between local political culture and the organisation of police activities (J. K. Wilson) was used to identify and evaluate the mechanisms of partnership between the police and society. **Methods.** The research is based on the system approach, general scientific methods (primarily analysis and synthesis), the method of materialistic dialectics; special methods: comparative-historical, formal-legal; historical-legal analysis, chronological method. **Results.** The studied models of police organisation in foreign countries are derived from the generic concept of “service model of police organisation”, are aimed at social cohesion, stability with a high level of citizen participation and are relevant for different countries. The priority task of the Russian Ministry of Internal Affairs is the social orientation of

its activities, which allows police units to make their best in using the social and public potential of the Russian society in solving the tasks assigned to them.

Keywords: police, police activity, civil society, interaction between the police and civil society institutions, models of organisation of police activity in foreign countries

For citation: Vazhenina I. V. Models of organisation of police activities in foreign countries in the sphere of interaction with civil society // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 20–33; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-20-33.

Введение

Стремление к установлению партнерской модели взаимоотношений органов государственной власти и институтов гражданского общества в сфере реализации правоохранительной функции государства имеет свою историю [7; 8] и получило закрепление в нормативных актах международного и национального характера [9, с. 334; 10 с. 54–73; 11].

Предваряя грядущие изменения в статусе органов внутренних дел, еще в начале 2000-х годов В. Я. Кикоть заявлял о необходимости «конструировать» милицию в России в соответствии с принципами специализации деятельности и ее демилитаризации¹³.

Сочетание предоставления полицией государственных услуг с идеями социального служения гражданам и обществу в целом считал важным условием функционирования полиции Р. Г. Нурғалиев, министр внутренних дел России с 2004 по 2012 годы, подчеркивавший: «В правовом демократическом государстве и для правоохранительных институтов можно взять за основу эти идеи и следовать им в разработке новой социальной модели МВД России»¹⁴.

Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев обратил внимание на то, что «полиция должна заслужить доверие граждан... четким выполнением своего долга перед людьми, своей каждодневной, полезной и результативной службой обществу»¹⁵.

Доверие общества важнейшим показателем работы полиции неоднократно называл Президент России В. В. Путин, призывавший к его укреплению. Так, на одном из расширенных заседаний коллегии Министерства внутренних дел он отметил, что «в последние годы растёт доля граждан, которые считают, что полиция оказывает существенную помощь в решении их проблем. Это самый главный критерий, самая важная оценка»¹⁶.

Укрепление доверия к полиции может быть достигнуто различными методами, применение которых зависит от функционирующей в государстве модели организации полиции, ориентированной на служение обществу [12].

Цель исследования: на основе теоретико-правового анализа моделей организации деятельности полиции зарубежных стран выявить наиболее эффективные управленческие механизмы формирования взаимодействия полиции и институтов гражданского общества при реализации правоохранительной функции государства.

Методы

В исследовании использованы общенаучные методы (прежде всего анализа и синтеза), метод материалистической диалектики (раскрывает единство моделей организации деятельности полиции во всем его многообразии проявления); специальные методы: сравнительно-исторический (при изучении становления и развития органов правопорядка зарубежных стран), формально-юридический (для исследования нормативных правовых актов); историко-правовые методы (историко-правовой анализ, позволяющий выявить особенности моделей полицейской деятельности; хронологический метод, заключающийся в четком и последовательном изложении исторических событий). Исследование опирается на системный подход, который предполагает выявление и установление внутренней логики связи элементов, отношений между ними и осуществляемых ими функций.

¹³ Кикоть В. Я. Организационно-правовое и информационное обеспечение реализации кадровой политики МВД России в сфере подготовки кадров: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2002. – С. 32.

¹⁴ Нурғалиев Р. Г. Органы внутренних дел и их роль в обеспечении социально-экономической безопасности страны. – Москва, 2010. – 231 с.

¹⁵ Колокольцев В. А. Полиция должна заслужить доверие граждан [Электронный ресурс] // РИА Новости : сайт. – URL: <https://ria.ru/20120711/696796206.html> (дата обращения: 30.07.2023).

¹⁶ Расширенное заседание коллегии Министерства внутренних дел от 28 февраля 2019 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/5/events/59913> (дата обращения: 13.07.2023).

Результаты

Сегодня модели работы правоохранительных органов, основанные на взаимодействии с обществом, с учетом ценностно- и проблемно-ориентированных подходов востребованы современными государствами.

В литературе отмечается, что развитие и реализация социальной модели полиции происходит на основе идей «community policing» [3; 13]. «Эта концепция с ее центральной идеей превращения полиции из репрессивного органа в общественную службу предполагает кардинальное изменение взаимоотношений полиции и населения и выстраивания партнерского сотрудничества полиции со всеми субъектами, заинтересованными в достижении целей общественной безопасности» [1, с. 409]. Тем не менее имеются различные модели в зависимости от типа государства, формы правления и государственного устройства, идеологии, а также степени вовлеченности общества в процессы государственного управления и контроля за деятельностью государственных органов. Кроме того, свои особенности применения такой модели имеются в странах с переходной экономикой, в государствах, восстанавливающих мир и стабильность после гражданской войны, этнической или религиозной розни¹⁷. И если концепт «community» в англосаксонских странах звучит позитивно, то во Франции, Бельгии он вызывает настороженное отношение [2, с. 170; 14].

Рассмотрим несколько моделей организации деятельности полиции иностранных государств, построенных на основе конструктивного диалога с гражданским обществом. За рубежом исследователи выделяют различные модели, в числе которых:

- демократическая полиция (Democratic Policing);
- правозащитная полиция (Human Rights Policing);
- общественная полиция (Community Policing);
- проблемно-ориентированная полиция (Problem-oriented Policing);
- соседская (местная) полиция (Neighbourhood Policing);
- полиция поддержки (успокоения) (Reassurance Policing);
- полиция, ориентированная на граждан (Citizen Focused Policing);
- ценностно-ориентированная полиция (Value-based Policing).

Демократическая полиция представляет собой модель, в рамках которой основными обязанностями полиции являются обеспечение правопорядка; уважение основных прав и свобод каждого человека; предотвращение преступности и борьба с ней; оказание помощи и услуг населению. [3]

Термин «демократическая полицейская деятельность» де Мескита Нето определяет как такую, при которой «полиция подотчетна верховенству закона и обществу, уважает права и гарантирует безопасность всех граждан на недискриминационной основе»¹⁸. Демократическая полицейская деятельность наиболее применима в переходных обществах. По данным ОБСЕ¹⁹, полиция является наиболее заметным проявлением государственной власти, выполняющим наиболее очевидные и неотложные задачи по обеспечению благополучия как отдельных лиц, так и сообществ. Представительная демократия стала стандартом политической легитимности всех режимов мира. Существует высокая взаимная зависимость между демократией и правами человека.

Демократическую работу полиции часто называют моделью, помогающей восстановить легитимность государственного управления. Чтобы поддерживать и укреплять легитимность государства сотрудники полиции должны реагировать на потребности и ожидания общественности и использовать авторитет государства в интересах народа, действуя в соответствии с внутренним законодательством и международными обязательствами по обеспечению правопорядка, и демонстрируя приверженность верховенству закона на практике. «Проблемы, с которыми обращаются в полицию представители различных социальных слоев, и то, как полиция реагирует на эти обращения, являются четкими индикаторами уровня восприятия демократических основ полицейской деятельности. Это означает создание культуры и этики служения населению и консультирования с общественностью» [3, с. 40]. Профессионализм и добросовестность полиции являются важнейшими этическими ценностями, особенно с учетом того факта, что полиция наделена монополией на применение принудительных мер. Защита и сохранение жизни признаются наивысшим при-

¹⁷ Good Policing Instruments, Models and Practices. Asia-Europe Democratisation and Justice series. Hanns Seidel Foundation, Indonesia, – 2011 [Electronic resource]. – URL: https://www.hss.de/fileadmin/media/downloads/Publikationen/110323_Good-Policing.pdf (date of the application: 26.07.2023).

¹⁸ Haberfield M.R. & Gideon L. (2008). Introduction: Policing is hard on democracy, democracy is hard on policing? In M. Haberfield & I. Cerrah (Eds.), *Comparative Policing: The Struggle for Democratization* (pp. 1–12). Thousand Oaks, CA: Sage.

¹⁹ OSCE (Organization for Security and Co-operation in Europe) (2006), *Guidebook on Democratic Policing*, by the Senior Police Adviser to the OSCE Secretary General, Vienna; see also <http://www.osce.org/policing>.

оритетом. Механизмы подотчетности полиции должны быть прозрачны и подкрепляться надежными процедурами отчетности и управления, которые могут подвергаться публичному анализу. Ключевым принципом демократической полиции является оперативность, т. е. стремление помогать людям, быстро, качественно и беспристрастно, проявляя сочувствие к нуждающимся в помощи.

Правозащитная полиция. Организация Объединенных Наций разработала в 2003 г. Справочник «Стандарты и практика в области прав человека для работников полиции»²⁰ в форме расширенного карманного пособия для полицейских. В него включен перечень основных прав человека, имеющих отношение к деятельности полиции при расследовании уголовных дел, применении мер пресечения и физической силы. Пособие начинается с провозглашения того, что «международное законодательство по правам человека является юридически обязательным для всех государств и их представителей. Должностные лица по поддержанию правопорядка обязаны знать и применять международные стандарты по правам человека»²¹.

Практическая деятельность правозащитной полиции в соответствии с рекомендациями ООН заключается в проведении широкомасштабной политики в области прав человека; включении международных норм и стандартов в устав полиции; организации обучения и подготовки сотрудников полиции по вопросам прав человека на постоянной основе в рамках профессиональной подготовки; обеспечении сотрудничества с национальными и международными правозащитными организациями. Кроме того, справочник содержит главу об этическом и правовом поведении, включая напоминание о том, что «повиновение приказам вышестоящего начальника» не может служить оправданием серьезных нарушений прав человека, таких как противоправное лишение человека жизни и пытки.

Права человека стали важным компонентом полицейской деятельности не только в Европе, но и в странах Азии. Например, приоритетными направлениями деятельности китайской полиции являются обеспечение прав и свобод граждан, защита общества и государства от противоправных посягательств [15, с. 48]. Статья 3 Закона КНР «О народной полиции»²² разъясняет это более четко: «В своей работе служащие народной полиции должны опираться на поддержку граждан, иметь с ними тесные связи, внимательно прислушиваться к их замечаниям и предложениям, принимать контроль с их стороны и честно служить народу»²³. Кроме того, в статье 4 говорится, что «сотрудники полиции должны руководствоваться Конституцией и законами в своей деятельности». Профессор права Института уголовного правосудия Китайского университета политических наук и права (CUPL) Лилин Юэ (Пекин), утверждала, что указанные статьи отражают переход китайской полиции к тому, что она называет «правозащитной полицией». В своем выступлении на конференции Азиатской ассоциации полицейских исследований 2007 года она заявила, что китайская полиция превращается из исполнителей правительственных приказов в слуг общества, в демократически организованный институт, который служит интересам общества²⁴. Деятельность полиции направлена на достижение этого на практике, и законы, упомянутые в статье 4, включают также международные нормативные правовые акты и принципы, которые Китай принял и обязан соблюдать. Китай, как и многие другие азиатские государства, находится на пути к тому, чтобы стать более демократическим государством с верховенством закона, и в течение этого переходного периода основная функция полиции ориентирована на права человека.

Общественная полиция основана на соблюдении закона, достижении согласия и минимизации ограничений свободы граждан и излишнего вмешательства в частную жизнь со стороны полиции. Ее основными составляющими элементами являются подотчетность и эффективный механизм рассмотрения жалоб на действия полиции. Надежные гарантии соблюдения полицейской этики в рамках данной модели могут быть даны только в странах, где существует подобная система взаимодействия с населением. Следовательно, обще-

²⁰ Права человека и поддержание правопорядка: Стандарты и практика в области прав человека для работников полиции – Расширенное карманное пособие по правам человека для работников полиции [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ohchr.org/ru/publications/professional-training-series/training-package-human-rights-and-law-enforcement-human> (дата обращения: 25.07.2023).

²¹ Там же.

²² О народной полиции: закон КНР (принят на 12 заседании Постоянного комитета 8 всекитайского съезда народных представителей 28 февраля 1995 года, обнародован указом 40 Председателя КНР 28 февраля 1995 года, вступил в силу с момента обнародования) [Электронный ресурс] // [Russian.china.org.cn](http://russian.china.org.cn): сайт. – URL: http://russian.china.org.cn/links/txt/2007-09/25/content_8946459.htm (дата обращения: 25.07.2023).

²³ Там же.

²⁴ Liling Yue, during her speech titled as “Human Rights and Police’s Role in China’s Criminal Investigation”, at The 2007 AAPS Annual Conference, Asian Association of Police Studies, 1–4 October 2007, Korea.

ственная полиция не может быть панацеей для решения всех проблем в полицейской деятельности.

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) определяет общественную полицейскую деятельность как «философию»²⁵ и организационную стратегию, которая способствует совместным усилиям полиции и сообщества, основанным на партнерстве, более эффективному выявлению, предотвращению и решению проблем, связанных с преступностью. Кроме того, ОБСЕ сформулировало базовые принципы модели общественной полиции: интеграция в общество; легитимность; узнаваемость и доступность; отзывчивость; упреждающий подход к решению проблем; подотчетность. Важным моментом перевода этих концептуальных принципов в практическую плоскость является использование определенных организационных мер:

- совмещение географических районов проживания населения с постоянно действующими территориальными полицейскими формированиями;
- видимость, легкая узнаваемость и доступность сотрудников полиции и полицейских объектов для населения;
- переориентация патрульной деятельности с акцентом на обслуживание, не связанное с оперативной деятельностью;
- мобилизация и привлечение местного населения к охране правопорядка, не связанной с оперативной работой;
- вовлечение всех государственных учреждений и служб в деятельность по обеспечению правопорядка с участием всех подразделений полиции. Так, Управление общественной полицейской службы (COPS) Министерства юстиции США²⁶ осуществляет общественную полицейскую службу в трех основных направлениях: партнерство с сообществом, организационные преобразования и решение проблем. В качестве важнейшей составляющей «партнерства с сообществом» COPS определяет партнерские отношения на основе сотрудничества с другими государственными учреждениями, членами сообщества и группами, некоммерческими организациями и поставщиками услуг, частным бизнесом и средствами массовой информации. При этом утверждается, что стратегия и философия общественной полиции может работать должным образом только тогда, когда само полицейское подразделение совершенствует организацию своей деятельности, стиль управления, подбор и расстановку квалифицированных кадров, систему обработки информации;
- внедрение проактивного подхода к решению проблем. COPS и другие общественные защитники правопорядка рекомендуют при этом подход SARA²⁷, направленный на активное, систематическое изучение и тщательную оценку выявленных проблем с целью разработки адекватных мер, что является неотъемлемой частью деятельности полиции:
- сканирование (для выявления проблем и определения их приоритетности);
- анализ (для выяснения возможных причин проблем);
- реагирование (для разработки решений, направленных на устранение проблем);
- аналитическая оценка результатов.

Идея общественной полиции стала очень популярной во многих азиатских странах. Известно, что полиция Гонконга, находящаяся в значительной степени под влиянием полиции Великобритании, разработала и внедрила одну из лучших общественных полицейских программ в мире [16]. Филиппины после свержения диктатуры в 1986 году также пытались преобразовать свою полицию в общественно-ориентированную [17]. Таиланд одной из основных целей реформы полиции обозначил укрепление доверия населения и обеспечение постоянного сотрудничества с широкой общественностью [18].

Однако, несмотря на усилия по реформированию полиции в «социальном» стиле, направленные на превращение в организацию, предоставляющую услуги, основанную на философии общественной полиции, зачастую взаимодействие полиции и общественности не было налажено должным образом, что во многом объясняется местными обычаями, традициями и идеологией азиатских стран. С такими проблемами столкнулись в начале 2000-х годов Индия [19] и Корея [20]. Так называемое «партнерство местных жителей и полиции» и инструменты, разработанные для этого азиатскими странами, часто на практике использовались для слежки отдельными лицами за другими членами сообщества.

Большинство сторонников модели организации общественной полиции выступают за децентрализованную или неконцентрированную полицейскую организацию. Следова-

²⁵ Good Practices in Building Police-Public Partnerships. – Vienna, May 2008 [Electronic resource]. – URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/8/4/32547.pdf> (date of the application: 25.07.2023).

²⁷ Акроним (Scanning; Analysis; Responsiveness; Analytical).

тельно, внедрение модели общественной полиции обычно приводит к сокращению центральных регулирующих полномочий (например, со стороны Министерства внутренних дел) в пользу местных органов власти; подход «снизу вверх» является неотъемлемой частью этой модели. Особую важность здесь приобретают децентрализация и делегирование полномочий по принятию решений и управлению ресурсами от руководства к полицейским, находящимся непосредственно на обслуживаемой территории. Таким образом, сотрудники полиции низшего звена получают большую самостоятельность, а их непосредственное начальство принимает на себя функции координации, руководства и поддержки, поощряя полицейских, работающих непосредственно среди населения, к рациональному, но творческому подходу в реализации собственных инициатив и обеспечивая наличие ресурсов, необходимых для эффективного решения проблем. Полицейские на местах и их непосредственное руководство несут ответственность за свои действия перед обществом, законом и государством, а их деятельность должна быть прозрачной и подотчетной обществу.

Проблемно-ориентированная полиция (POP) основана на детальном анализе и решении проблем, с которыми она сталкивается в ходе повседневной деятельности, активно сотрудничая с сообществами и местным населением. Эффективность работы полиции подвергается тщательному контролю и оценке со стороны граждан. Результаты предаются гласности путем размещения на официальном сайте, чтобы полиция могла «извлечь уроки». POP пропагандируется с семидесятых годов XX века в противовес традиционным формам полицейской деятельности.

Центр проблемно-ориентированной полицейской деятельности в штате Аризона занимается продвижением концепции и практики проблемно-ориентированной полицейской деятельности в открытых и демократических обществах путем предоставления информации о способах, с помощью которых полиция может эффективно и справедливо решать конкретные проблемы противодействия преступности²⁸.

POP занимается не только проблемами раскрытия и расследования преступлений, таких как ограбление банка, кража велосипеда, угроза взрыва в школе, грабеж, кража со взломом, угон автомобиля, мошенничество с чеками и карточками, торговля наркотиками, преступления на почве ненависти, преступления против туристов, подпольные лаборатории по производству метамfetамина, вождение в состоянии алкогольного и наркотического опьянения и других, но и более широкими общественными проблемами. В их число входят заброшенные здания и участки, брошенные транспортные средства, агрессивное вождение, жестокое обращение с животными, драки в барах и вокруг них, безнадзорность в семье, хроническое пьянство в общественных местах, беспорядки в бюджетных мотелях, перестрелки на проезжей части, ложная охранная сигнализация, граффити, попрошайничество, школьный вандализм и взломы, лагеря бездомных, громкие автомобильные стереосистемы, люди с психическими заболеваниями, запугивание свидетелей и многие другие.²⁹ Модель предусматривает применение различных методов решения проблем с формированием межведомственного подхода. Полицейская деятельность может основываться на ситуационном предупреждении преступлений и мерах превентивной направленности.

Одним из примеров проблемно-ориентированной полицейской практики является проект полиции Гонконга «Полярная звезда» в полицейском округе Юэнь Лонг. Команда проекта состояла из четырех сотрудников, которые, используя неформальные, дружеские и информационно-разъяснительные методы для установления контакта с несовершеннолетними правонарушителями, вовлекли их в проект. Использовался межведомственный подход: были привлечены общественные группы, соответствующие социальные учреждения, в результате чего уровень рецидивизма среди тех, кто участвовал в проекте, резко снизился с 26,36 % до 0,42 %³⁰.

Соседская (местная) полиция осуществляет свою деятельность, постоянно находясь рядом с гражданами, сообществом (по соседству) [10, с. 90–91]. Важная роль при этом от-

²⁸ Центр проблемно-ориентированной полицейской деятельности был основан как частная некоммерческая организация в 2002 году. В 2015 году он стал центром при Уоттс-колледже государственной службы и общественных решений при Университете штата Аризона, сотрудничающим с другими полицейскими-практиками, исследователями и университетами, занимающимися продвижением проблемно-ориентированной полицейской деятельности. Работа Центра проблемно-ориентированной полицейской деятельности финансируется Министерством юстиции США.

²⁹ Arizona State University Center for Problem Oriented Policing [Electronic resource]. – URL: <https://popcenter.asu.edu/all-problems> (date of the application: 26.07.2023).

³⁰ Good Policing Instruments, Models and Practices. Asia-Europe Democratisation and Justice series. Hanns Seidel Foundation, Indonesia, 2011. ISBN: 978-981-08-8126-9 [Electronic resource]. – URL: https://www.hss.de/fileadmin/media/downloads/Publikationen/110323_Good-Policing.pdf (date of the application: 26.07.2023).

водится сотрудникам полиции, непосредственно взаимодействующим с местным сообществом – инспекторам соседской полиции (гражданским служащим), полномочия которых ограничены³¹. Национальное агентство по совершенствованию полицейской деятельности Великобритании (NPIA) к отличительным особенностям данной модели полиции относит: доступ к местной полиции через ее представителей; влияние, которое могут оказывать члены сообщества на планы и приоритеты полицейской деятельности; совместные действия полиции с партнерами и общественностью; обратную связь от населения. Согласно NPIA, работа местной полиции заключается в выявлении и решении важных для населения района проблем во взаимодействии с местными сообществами с целью снизить воздействие преступности и беспорядков на общество. Как и в модели общественной полиции, основополагающим принципом является общественное согласие. В Великобритании был разработан и стал доступен специальный национальный веб-сайт, который помогает местным полицейским взаимодействовать с местными сообществами и решать местные проблемы³².

Полиция поддержки (успокоения) – это модель организации деятельности полиции, широко применяемая в Англии и Уэльсе, сосредоточенная на сигналах жителей о возможных правонарушениях, при этом учитывается непосредственное восприятие общественностью любых правонарушений. Теоретически эта модель обоснована профессором Института исследований преступности и безопасности Университета Кардиффа Мартином Иннесом [21]. Проведенные под его руководством исследования показали, что беспорядки, антисоциальное поведение молодежи, а также вопросы, связанные с наркотиками, доминируют в ряду проблем, вызывающих у населения чувство незащищенности. Уголовные преступления также фигурировали в списках общественных проблем, но смешивалась с другими формами правонарушений. Таким образом, в концепции сигнальных преступлений уровень воспринимаемого вреда, связанного с проблемой, не зависит от ее фактического определения законом. Это расхождение получило название «разрыв уверенности» (the reassurance gap). Для его преодоления была разработана Национальная программа повышения уверенности (National Reassurance Policing Programme), одна из последних инициатив, финансируемых правительством и полицией для улучшения взаимоотношений с общественностью и решения проблемы снижения доверия к полиции.

Модель предусматривает более широкие полномочия полиции в ходе патрулирования для обеспечения тесных связей с общественностью. Модель в первую очередь направлена на повышение оперативности реагирования полицейских сил при поступлении сигналов от граждан в случае эскалации преступности или общественных беспорядков и обеспечивает благодаря полиции «уверенность» местных жителей в безопасности и защищенности. Однако по мере снижения общих рисков преступности возросли риски виктимизации. Развивая теорию сигнальных преступлений, М. Иннес и его коллеги предполагают, что определенные местные проблемы могут вызывать особенно сильные сигналы [21].

Стратегия построена на трех составных компонентах, а именно: публичном патрулировании, осуществляемом известными общественности сотрудниками полиции, борьбе с «сигнальными преступлениями» и «сигнальными нарушениями» и неформальном социальном контроле, осуществляемом местными сообществами [22, 23].

Полицейская деятельность, ориентированная на граждан, призвана повысить доверие общественности к полицейской деятельности. Национальное агентство по совершенствованию полицейской деятельности Великобритании (NPIA) проанализировало передовой опыт в области работы полиции, ориентированной на граждан. Выяснилось, что не все члены сообщества одинаково мотивированы работать с полицией. Некоторые полицейские подразделения Великобритании начинали работу с так называемого анализа потребностей «клиентов». Для того чтобы выяснить, «что происходит» в этих сообществах и как они предпочитают взаимодействовать, применялись различные методы установления контактов, такие как совместные встречи, уличные брифинги, регулярное посещение супермаркетов и праздников, регулярное патрулирование маршрутов в жилых кварталах и волонтерство. Новым дополнением является взаимодействие с гражданами онлайн, а также через интерактивные сайты. В рамках стратегии коммуникации и взаимодействия с сообществами

³¹ Police community support officer (PCSO) не могут арестовывать и задерживать граждан, но могут выписывать штрафы, изымать алкоголь и табак у несовершеннолетних, пресекать небольшие правонарушения в общественных местах. Инспекторы имеют право применять разумную силу, но основным требованием к ним является работа в неконфронтационной манере с исключением вероятности личного риска.

³² См.: [Electronic resource] // Neighbourhoodpolicing.co.uk : site. – URL: <http://www.npiadocuments.co.uk/localpolicingandconfidence.pdf>; Your Trusted Source for Community Safety and Engagement Electronic resource] // Neighbourhoodpolicing.co.uk : site. – URL: http://www.neighbourhoodpolicing.co.uk/files/np_neighbourhoodpolicin.pdf (date of the application: 26.07.2023).

полицейские Англии и Уэльса используют сайты социальных сетей. В то же время граждане в сообществах обращаются к социальным сетям как к платформе для комментариев или взаимодействия с полицией.

NPiA постоянно оказывает поддержку полицейской службе в получении новых технологий, а также использовании средств массовой информации при взаимодействии с местными сообществами. Так, совместно с Ассоциацией старших офицеров полиции³³ было издано пособие для сотрудников полиции по работе в цифровых и социальных сетях. В этом документе представлен обзор цифрового ландшафта, излагаются принципы работы для полицейских по использованию социальных сетей, даются советы по обеспечению безопасности в интернете и приводятся практические примеры того, как необходимо использовать социальные сети для взаимодействия с сообществами. Плодотворное сотрудничество полиции и институтов гражданского общества, участвующих в реализации правоохранительной функции правового государства, предполагает развитое правосознание общества и сотрудников полиции, наличие у них специальных знаний в области информационных технологий и современных средств связи³⁴.

Ценностно-ориентированная полиция основана на общем представлении об этических ценностях, предоставлении «максимальной выгоды клиенту». Основные ценности общества и этический кодекс являются ключевыми элементами такой модели. «Ценность дается сознанию вместе с ее носителями, она переживается как особое свойство предмета. Закон, например, сам по себе не ценность культуры, но он может выступать в качестве носителя тех или иных ценностей»³⁵. Если бы право не ориентировалось на эти ценности, то и само оно бы не являлось таковым. Профессиональная деятельность сотрудников полиции состоит в том числе и в целенаправленном формировании гуманистического сознания индивида, группы и общества на основе индивидуальной системы ценностей.

Необходимость защиты прав и свобод человека, стремление к исключению произвола со стороны должностных лиц в их взаимоотношениях с гражданами обусловили предъявление высоких требований к лицам, поддерживающим правопорядок [5, с. 54; 24 с. 57].

Вот почему в полицейской деятельности, основанной на ценностях, подчеркивается важность предварительного отбора кандидатов на службу в полицию. Чтобы создать полицию, основанную на ценностях, одной из основных задач в Англии и Уэльсе является совершенствование методов отбора перед приемом на службу (от набора психологических тестов до интерактивных видеоинструментов оценки). Это позволяет отобрать кандидатов, обладающих необходимыми навыками и ценностями, которые потенциально могут стать успешными полицейскими. Эти люди смогут не только успешно выполнять многочисленные задачи, требующиеся от сотрудника полиции, но и в общении с гражданами применять личный опыт, демонстрируя хорошо развитую систему ценностей.

Для руководителя правоохранительных органов задача отбора компетентных и соблюдающих этические нормы кандидатов в полицейские может оказаться менее сложной, чем поддержание полицейского ведомства, основанного на ценностях. Деформация или разрушение моральных принципов, нравственных норм, ценностных ориентиров ведут в конечном счете к дезинтеграции. Пытаясь создать подразделения полиции, основанные на ценностях, необходимо выявить причины, которые приводят к появлению сотрудников, умышленно нарушающих структуру ценностей, которой они обладали в момент начала карьеры. Рассматривая ценности или этику офицера полиции как неизменно сохраняющиеся на протяжении всей службы с момента вступления в должность, неверно считать, что нарушения этических норм являются неправильным решением при приеме на работу, и упускать из виду существенные элементы большинства неподобающих моделей поведения полицейских. Не существует единственного определяющего причинно-следственного фактора, который порождает модели поведения, нарушающие этические нормы в ходе осуществления правоохранительной деятельности. Однако имеется несколько основных черт, создающих благодатную почву для развития этического ухудшения на всех уровнях ранговой структуры³⁶.

³³ Ассоциация старших офицеров полиции Англии, Уэльса и Северной Ирландии была некоммерческой частной компанией с ограниченной ответственностью, которая в течение многих лет руководила развитием полицейской практики в Англии, Уэльсе и Северной Ирландии.

³⁴ Лавринович К. И. Общественно ориентированная деятельность полиции – характеристика современного правового государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 4 (84). – С. 26–36.

³⁵ Ковалева И. В. Ценности правовой культуры в представлениях российского общества конца XIX – начала XX веков: дис. ... канд. филос. наук. – Великий Новгород, 2001. – 192 с.

³⁶ Kevin M. Gilmartin, Ph.D. Gilmartin, Harris & Associates. Ethics-Based Policing...Undoing Entitlement: [Electronic resource] // Emotionalsurvival: site. – URL: http://emotionalsurvival.com/ethics_based_policing.htm (date of the application: 14.03.2023).

Деятельность полиции может основываться на ценностях, но о работе полиции гражданам также могут судить по тем основным ценностям, которых они придерживаются сами. Основным звеном социальной легитимности полиции выступает процедурная справедливость, общественное доверие, признание, ведущее к сотрудничеству народа и власти. «Люди нуждаются в таких полицейских, которые будут демонстрировать не силу и власть, а простое человеческое соучастие. Именно в этом заключается главный секрет легитимности полиции» [25, с. 40]. Рассмотренная модель организации деятельности полиции, основанная на ценностях, призвана избежать негативного отношения и низкого уровня доверия общества.

Заключение

В исследованиях зарубежных авторов внимание акцентируется на ухудшении взаимоотношений между полицией и обществом, о чем свидетельствуют массовые демонстрации против жестокости полиции и дискриминации по национальному признаку [26]. Также актуализируется общественный запрос на полицию, основным смыслом деятельности которой станет защита интересов всех людей и служение справедливости [27].

Большинство исследователей признает Великобританию родоначальницей сервисного подхода к организации полицейской службы. Период после окончания Второй мировой войны до 1950-х годов описывается историками как «золотой век обеспечения охраны порядка» в Великобритании в связи с достижением социального согласия и искреннего одобрения большинством населения действий органов охраны правопорядка. Именно в этот период можно говорить о зарождении в мире социальной или сервисной службы полиции [28, с. 1769]. Примеру Великобритании последовали многие государства различных типов и форм правления.

Кардинальную реформу в 2005 году провела Грузия, полностью упразднив институт участковых инспекторов. В результате в 2012 г. уровень доверия населения к полиции возрос до 90 %.

В Эквадоре после внедрения «социальной модели полиции» всего за один год (2013–2014) произошло снижение преступности, в том числе на 24 % снизилось число убийств, на 10 % – краж из магазинов, на 7 % – вооруженных ограблений и на 8 % – количество угонов автомобилей.

Латвия создала пилотный участок сервисной модели полиции в г. Талси, где с 2009 по 2012 год на 28 % снизилось количество зарегистрированных преступлений, на 27 % – количество грабежей, и одновременно на 26 % выросло положительное восприятие деятельности полиции.

В Соединенных Штатах полиция Нью-Йорка в период с 2013 по 2015 гг. зафиксировала снижение уровня тяжких преступлений на 5,3 % по всему городу.

Многие азиатские и арабские страны пошли по пути реформирования полиции. В Индии при реформировании созданы полиция Комиссии по эффективности и подотчетности полиции, образован Совет по формированию полиции, которые подготовили важные рекомендации, включая принятие нового Закона о полиции, отвечающего современным реалиям [4, с. 59].

Республика Казахстан в 2018 году объявила о переходе национальной полиции на сервисную модель работы, адаптируя опыт зарубежных стран (в основном стран Организации экономического сотрудничества и развития – ОЭСР), к культурным, историческим, экономическим, институциональным, политическим и социальным условиям своего государства. В 2020 году запущен пилотный проект «сервисной модели полиции» в Карагандинской области [14, с. 23]. С момента реализации проекта была разработана программа по сервисной модели полицирования (ситуативная профилактика), а также учебные курсы и тренинги для сотрудников полиции, включающие современные практики проектного менеджмента, результативности работы сервисной полиции, управления персоналом с учетом проводимой реформы. В ходе обучения решались практические задачи, рассматривались случаи из реальной жизни, образовательные проекты, основные принципы и процессы управления проектами. Деятельность, ориентированная на сервис – это модель, которая позволяет применять новые методы сотрудничества для решения проблемы преступности, обеспечения правопорядка и безопасности [29, с. 23].

Однако несмотря на то, что сервисная модель организации полицейской деятельности является актуальнейшим и востребованным направлением во всем мире, процесс теоретического осмысления данного понятия и самой концепции в науке пока не завершен [30; 31]. Описание зарубежного опыта далеко не всегда выполняет лишь объективно информаци-

онную функцию. «Гораздо чаще оно играет роль аргумента в общественной дискуссии, подчеркивая недостатки или преимущества отечественных институтов на фоне зарубежных реалий. При этом строго объективное взвешивание плюсов и минусов зарубежного опыта нередко уходит на задний план» [31; 32].

Что касается рассмотренных моделей полицейской деятельности, мы видим совпадение основных принципов, например, между демократической полицейской деятельностью и полицейской деятельностью на уровне сообщества. Указанные модели полицейской деятельности актуальны для различных стран, но модели соблюдения прав человека и демократической полиции оказали положительное воздействие на восстановление стабильности, мира, порядка и доверия особенно в государствах, охваченных конфликтами. С моделью полицейской деятельности, ориентированной на этику, тесно связана модель безопасности человека, которая представляет собой комплексную модель экономического развития, социальной справедливости, защиты окружающей среды, демократизации, уважения прав человека и верховенства закона. В позитивном смысле это подразумевает стремление к социальной сплоченности, идентичности, сообществу и социальной стабильности при высоком уровне участия граждан.

Таким образом, предлагаем считать рассмотренные модели полицейской деятельности производными от родового понятия «сервисная модель организации полицейской службы»³⁷ и соотносить их как частное к общему.

Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» в качестве основы взаимоотношений полиции и общества определил партнерскую модель, отразив в принципах деятельности полиции ее основную сущность: соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина, открытость, публичность, доверие и поддержка граждан, взаимодействие и паритетное сотрудничество. «Полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства». Такое определение сущности полиции, записанное в Регламенте Главному магистрату от 16 января 1721 года³⁸ [5; 12; 24; 30], продолжает оставаться справедливым и в настоящее время.

В современных условиях, когда Президент России Владимир Путин попросил и федеральные, и региональные органы власти подумать, как сохранить сложившуюся сплоченность российского общества и после окончания спецоперации, приоритетной задачей полиции нашего государства является социальная направленность ее деятельности, позволяющая подразделениям полиции при решении возложенных на них задач сплотить граждан и наиболее полно использовать социальный и общественный потенциал российского общества.

Список литературы

1. Андреева И. А. Современные практики социального партнерства в правоохранительной сфере (зарубежный опыт) / Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 20 мая 2021 года. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2021. – С. 409–411.
2. Киселёв А. К. Реформы в полиции европейских стран (рубеж XX – XXI вв.) // Гуманитарные и юридические исследования. – 2014. – № 4. – С. 167–171.
3. Степанян А. И. Демократическая полиция – субъект правоохранительной системы современного государства // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 37–41.
4. Кобец П. Н. Опыт полиции Республики Индия по взаимодействию с гражданским обществом в сфере поддержания правопорядка // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 1. – С. 59–63; doi: 10.18572/1813-1247-2019-1-59-63.
5. Нижник Н. С. Полиция и гражданское общество: поиск вектора взаимодействия // Полицейская деятельность. – 2018. – № 5. – С. 52–66.
6. Рустемова Г. Р., Приходько И. С. Опыт Казахстана по созданию сервисной полиции // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2022. – № 1 (42) – С. 22–23.
7. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Общественные организации и объединения в СССР: участие в реализации функций советского государства // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2023. – № 1. – С. 7–12; doi: 10.18572/2221-3287-2023-1-7-12.

³⁷ Согласно международному опыту, сервисная модель организации полицейской службы – это подход к полицейской деятельности, где идеология и организационная стратегия направлены на оказание качественных услуг гражданам и решение проблем безопасности в партнерстве с обществом.

³⁸ Регламент, или Устав Главного магистрата // Полное собрание законов Российской империи. – [Собрание 1-е]. – Т. VI. – № 3708. – С. 297.

8. *Нижник Н. С., Нудненко Л. А.* Советское государство и общество: основные направления взаимодействия / Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8. – № 4. – С. 384–394.
9. *Нижник Н. С.* Взаимодействие полиции и общественных объединений: нормативные основания и практика взаимоотношений / Неделя науки СПбПУ : материалы научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 13–19 ноября 2017 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018. – С. 334–337.
10. *Нижник Н. С., Меньшикова Н. С.* Полиция и гражданское общество в России: взаимодействие и сотрудничество. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. – 200 с.
11. *Нижник Н. С., Меньшикова Н. С.* Государственные органы и институты гражданского общества: формирование модели партнерских взаимоотношений по реализации правоохранительной функции российского государства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 2 (36). – С. 62–66.
12. *Нижник Н. С., Нудненко Л. А.* Полиция и гражданское общество: проблемы формирования партнерских отношений. Обзор всероссийской конференции // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2017. – № 3. – С. 36–44.
13. *Геворкян А. И.* Трансформация полицейской системы в условиях современности на пути к модели «полиция для общества» / Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Новороссийск, 18 мая 2018 года. – Новороссийск: Краснодарский университет МВД России, 2018. – С. 36–40.
14. *Степанян А. И.* Полицейские системы в федеративных государствах: особенности организации и функционирования / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): материалы XIX Международной научно-теоретической конференции: в 2 ч. – Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – Ч. 1. – С. 790–800.
15. *Важенина И. В., Богданов А. В.* Организационно-правовые основы деятельности сил обеспечения внутренней безопасности зарубежных стран. – Москва: Академия управления МВД России, 2023. – 100 с.
16. *Lau Raymond W. K.* Community Policing in Hong Kong: Limits to Realizing a Vision // Asian Policing. – Vol. 1. – № 1, January 2003. – P. 115–156.
17. *Sarmiento Lina C.* Police Senior Superintendent Lina C. Sarmiento, Police and Community Partnership: Philippine Experience // Workshop Papers: Asia – Europe Democratisation and Justice Series-Improving the Role of the Police in Asia and Europe, Delhi, India. – 3–4 December 2008. – P. 82–93.
18. *Shinawatra Taksin, and Pongsapat Pongcharoen.* Reforming the Police in Thailand // Bangkok, Royal Police Cadet Academy, 2006. – P. 89–100.
19. *Krishnamurthy Sastry.* Trends in Community Policing and the option to innovate as well as internationalize new ideas in people’s participation in building safe societies // The 3rd Annual Meeting Asian Association of Police Studies Paper collections, July 2002. – P. 41–74.
20. *Pyo Changwon.* The Public Perception of the Police and various Police Reform Initiatives in Korea: 1999–2001 // Asian Policing. – Vol. 1. № 1 – January 2003. – P. 157–174.
21. *Martin Innes, Colin Roberts, Trudy Lowe, Helen Innes.* Neighbourhood Policing: The Rise and Fall of a Policing Model. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – 288 p.
22. *Fielding N., Innes M.* Reassurance Policing, community policing and measuring police performance // Policing and Society. – № 16 (2). – 2006. – P. 127–145.
23. *Millie H., Herrington V.* Bridging the gap: understanding reassurance policing // The Howard Journal. – № 44 (1). – 2005. – PP. 41–56.
24. *Нижник Н. С.* Эффективная деятельность правоохранительных органов – требование современности // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2018. – № 4 (40). – С. 57–72.
25. *Клейменов М. П., Седельцев М. В.* Легитимность полиции // Правоприменение. – 2021. – № 3. – С. 34–44.
26. *Kocak D.* Rethinking Community Policing in International Police Reform: Examples from Asia. – Ubiquity Press: Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces, 2018. – 68 p.
27. *Gaub F., Walsh A.* Relationship Therapy: Making Arab Police Reform Work. – Paris: European Union Institute for Security Studies (EUISS), 2020. – 62 p.
28. *Важенина И. В.* Социальная служба полиции Великобритании: проблемы становления / Российская полиция: три века служения Отечеству: материалы юбилейной Международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. – Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 года / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 1769–1773.

29. Сабирдинов Б. С. Формирование сервисной модели полиции Казахстан: критерии оценки деятельности / Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXVI Международной научно-практической конференции. – Иркутск, 11 июня 2021 года. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2021. – С. 347–350.

30. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Проблемы совершенствования нормативной основы и практики деятельности полиции в России // Государство и право. – 2018. – № 4. – С. 110–117.

31. Геворкян А. И. Полиция и институты гражданского общества: специфика взаимодействия в условиях современности / Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXIV Международной научно-практической конференции. – Иркутск, 6–7 июня 2019 года / Восточно-Сибирский институт МВД России. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2019. – С. 291–293.

32. Борисов А. В., Важенина И. В. Английский «бобби» versus российский городской (английская полиция в общественном мнении россиян в XIX – начале XX вв.) // Социологические исследования. – 2020. – № 6. – С. 103–113; doi: 10.31857/S013216250008816-0.

References

1. Andreyeva I. A. Sovremennyye praktiki sotsial'nogo partnerstva v pravookhranitel'noy sfere (zarubezhnyy opyt) / Aktual'nyye problemy deyatel'nosti podrazdeleniy UIS: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Voronezh, 20 maya 2021 goda. – Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskiy tsentr «Nauchnaya kniga», 2021. – S. 409–411.

2. Kiselov A. K. Reformy v politzii yevropeyskikh stran (rubezh XX – XXI vv.) // Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya. – 2014. – № 4. – S. 167–171.

3. Stepanyan A. I. Demokraticeskaya politsiya – sub'yeckt pravookhranitel'noy sistemy sovremennogo gosudarstva // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. – 2020. – T. 13. – № 3. – S. 37–41.

4. Kobets P. N. Opyt politzii Respubliki Indiya po vzaimodeystviyu s grazhdanskim obshchestvom v sfere podderzhaniya pravoporyadka // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye. – 2019. – № 1. – S. 59–63; doi: 10.18572/1813-1247-2019-1-59-63.

5. Nizhnik N. S. Politsiya i grazhdanskoye obshchestvo: poisk vektora vzaimodeystviya // Politseyskaya deyatel'nost'. – 2018. – № 5. – S. 52–66.

6. Rustemova G. R., Prikhod'ko I. S. Opyt Kazakhstana po sozdaniyu servisnoy politzii // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2022. – № 1 (42) – S. 22–23.

7. Nizhnik N. S., Nudnenko L. A. Obshchestvennyye organizatsii i ob'yedineniya v SSSR: uchastie v realizatsii funktsiy sovetskogo gosudarstva // Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii i za rubezhom. – 2023. – № 1. – S. 7–12; doi: 10.18572/2221-3287-2023-1-7-12.

8. Nizhnik N. S., Nudnenko L. A. Sovetskoye gosudarstvo i obshchestvo: osnovnyye napravleniya vzaimodeystviya / Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. – 2022. – T. 8. – № 4. – S. 384–394.

9. Nizhnik N. S. Vzaimodeystviye politzii i obshchestvennykh ob'yedineniy: normativnyye osnovaniya i praktika vzaimootnosheniy / Nedelya nauki SPbPU: Materialy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, Sankt-Peterburg, 13–19 noyabrya 2017 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy politekhnicheskii universitet Petra Velikogo, 2018. – S. 334–337.

10. Nizhnik N. S., Men'shikova N. S. Politsiya i grazhdanskoye obshchestvo v Rossii: vzaimodeystviye i sotrudnichestvo. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2016. – 200 s.

11. Nizhnik N. S., Men'shikova N. S. Gosudarstvennyye organy i instituty grazhdanskogo obshchestva: formirovaniye modeli partnerskikh vzaimootnosheniy po realizatsii pravookhranitel'noy funktsii rossiyskogo gosudarstva // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2014. – № 2 (36). – S. 62–66.

12. Nizhnik N. S., Nudnenko L. A. Politsiya i grazhdanskoye obshchestvo: problemy formirovaniya partnerskikh otnosheniy. Obzor vserossiyskoy konferentsii // Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii i za rubezhom. – 2017. – № 3. – S. 36–44.

13. Gеворкян А. И. Трансформация политической системы в условиях современности на пути к модели «полиция для общества» / Aktual'nyye problemy prava i pravoprimeritel'noy deyatel'nosti: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Novorossiysk, 18 maya 2018 goda. – Novorossiysk: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 36–40.

14. Stepanyan A. I. Politseyskiye sistemy v federativnykh gosudarstvakh: osobennosti organizatsii i funktsionirovaniya / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii: v 2 ch. – Sankt-Peterburg, 28–29 aprelya 2022 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – Ch. 1. – S. 790–800.

15. *Vazhenina I. V., Bogdanov A. V.* Organizatsionno-pravovyye osnovy deyatelnosti sil obespecheniya vnutrenney bezopasnosti zarubezhnykh stran. – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2023. – 100 s.
16. *Lau Raymond W. K.* Community Policing in Hong Kong: Limits to Realizing a Vision // *Asian Policing*. – Vol. 1. – № 1, January 2003. – P. 115–156.
17. *Sarmiento Lina C.* Police Senior Superintendent Lina C. Sarmiento, Police and Community Partnership: Philippine Experience // *Workshop Papers: Asia – Europe Democratisation and Justice Series-Improving the Role of the Police in Asia and Europe*, Delhi, India. – 3–4 December 2008. – P. 82–93.
18. *Shinawatra Taksin, Pongsapat Pongcharoen.* Reforming the Police in Thailand // Bangkok, Royal Police Cadet Academy, 2006. – P. 89–100.
19. *Krishnamurthy Sastry.* Trends in Community Policing and the option to innovate as well as internationalize new ideas in people's participation in building safe societies // *The 3rd Annual Meeting Asian Association of Police Studies Paper collections*, July 2002. – P. 41–74.
20. *Pyo Changwon.* The Public Perception of the Police and various Police Reform Initiatives in Korea: 1999–2001 // *Asian Policing*. – Vol. 1. № 1 – January 2003. – P. 157–174.
21. *Martin Innes, Colin Roberts, Trudy Lowe, Helen Innes.* Neighbourhood Policing: The Rise and Fall of a Policing Model. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – 288 p.
22. *Fielding N., Innes M.* Reassurance Policing, community policing and measuring police performance // *Policing and Society*. – № 16 (2). – 2006. – P. 127–145.
23. *Millie H., Herrington V.* Bridging the gap: understanding reassurance policing // *The Howard Journal*. – № 44 (1). – 2005. – PP. 41–56.
24. *Nizhnik N. S.* Effektivnaya deyatelnost' pravookhranitel'nykh organov – trebovaniye sovremenosti // *Trudy Akademii MVD Respubliki Tadjikistan*. – 2018. – № 4 (40). – S. 57–72.
25. *Kleymonov M. P., Sedel'tsev M. V.* Legitimnost' politsii // *Pravoprimeneniye*. – 2021. – № 3. – S. 34–44.
26. *Kocak D.* Rethinking Community Policing in International Police Reform: Examples from Asia. – Ubiquity Press: Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces, 2018. – 68 p.
27. *Gaub F., Walsh A.* Relationship Therapy: Making Arab Police Reform Work. – Paris: European Union Institute for Security Studies (EUISS), 2020. – 62 p.
28. *Vazhenina I. V.* Sotsial'naya sluzhba politsii Velikobritanii: problemy stanovleniya / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu: materialy yubileynoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoy politsii. – Sankt-Peterburg, 23–25 aprelya 2018 goda / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 1769–1773.
29. *Sabirdinov B. S.* Formirovaniye servisnoy modeli politsii Kazakhstan: kriterii otsenki deyatelnosti / Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh: sbornik materialov XXVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Irkutsk, 11 iyunya 2021 goda. – Irkutsk: Vostochno-Sibirskiy institut MVD Rossii, 2021. – S. 347–350.
30. *Nizhnik N. S., Nudnenko L. A.* Problemy sovershenstvovaniya normativnoy osnovy i praktiki deyatelnosti politsii v Rossii // *Gosudarstvo i pravo*. – 2018. – № 4. – S. 110–117.
31. *Gevorkyan A. I.* Politsiya i instituty grazhdanskogo obshchestva: spetsifika vzaimodeystviya v usloviyakh sovremenosti / Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh: sbornik materialov XXIV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Irkutsk, 6–7 iyunya 2019 goda / Vostochno-Sibirskiy institut MVD Rossii. – Irkutsk: Vostochno-Sibirskiy institut MVD Rossii, 2019. – S. 291–293.
32. *Borisov A. V., Vazhenina I. V.* Angliyskiy «bobbi» versus rossiyskiy gorodovoy (angliyskaya politsiya v obshchestvennom mnenii rossiyan v XIX – nachale XX vv.) // *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. – 2020. – № 6. – S. 103–113; doi: 10.31857/S013216250008816-0.

Статья поступила в редакцию 01.08.2023; одобрена после рецензирования 12.10.2023; принята к публикации 22.01.2024.

The article was submitted August 1, 2023; approved after reviewing October 12, 2023; accepted for publication January 22, 2024.

Научная статья

УДК 340

doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-34-50

Надежда Степановна Нижник

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-3369-9490>, n.nishnik@bk.ru

Мария Владимировна Савельева

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-6322-4883>, Savelevamv@internet.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Юридическая наука в России: особенности современного состояния и перспективы развития

Аннотация: Введение. В статье освещена дискуссия, состоявшаяся на XX международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России)» (2023), прошедшей в Санкт-Петербургском университете МВД России. В обсуждении актуальных вопросов современной юридической науки приняли участие 433 исследователя. Это ученые и практики – граждане России, Азербайджана, Беларуси, Молдовы, Кыргызстана, Таджикистана. Освещены взгляды современных ученых, касающиеся особенностей современного этапа развития отечественной юридической науки – постклассической (постнеклассической); значения в развитии теоретической юриспруденции дисциплинарности и междисциплинарности правовых исследований; обновления методологической базы современной юридической науки; зависимости состояния юриспруденции от трансформаций социальной реальности; актуальных проблем правопонимания и правового регулирования. **Методы.** Основными методологическими принципами исследования явились принципы всесторонности изучения юридических процессов и явлений, единства теории и практики, историзма, единства исторического и логического. Основными методологическими подходами исследования были определены системный и ценностный, который способствовал выделению тех идей, высказанных в ходе дискуссии, которые имеют значение для современного этапа развития юридической науки. Метод целостности позволил при проведении историографического анализа определить выявленные учеными особенности современного состояния юридической науки как системы взаимосвязанных элементов юридического знания и причин, детерминирующих их изменение. **Результаты.** Охарактеризованы взгляды ученых на актуальные вопросы современной юриспруденции: специфику состояния постклассической (постнеклассической) юридической науки (И. Л. Честнов); особенности методологии современной теоретической юриспруденции (Н. В. Варламова, М. Л. Давыдова, В. В. Денисенко, С. А. Калинин, Н. В. Мамченко); значимость в развитии теоретической юриспруденции проблемы дисциплинарности и междисциплинарности (С. В. Кодан, И. А. Андреева, Е. Н. Тонков); зависимость состояния современной теоретической юриспруденции от нестабильности социальной реальности (А. В. Скоробогатов, В. Г. Зарубин, В. А. Семенов); место современной юридической науки в дисциплинарной структуре социально-гуманитарных наук (Л. В. Денисова); структуру современной теоретической юриспруденции (В. Ю. Бельский, А. Л. Золкин, М. В. Баранова); особенности правопонимания и правоприменения (Р. И. Байгутлин, Л. В. Карнаушенко, Е. С. Зайцева, Д. А. Матанцев); организационно-правовые детерминанты развития современной юридической науки (И. А. Гончаров, А. Г. Репьев).

Ключевые слова: юридическая наука, постнеклассическая юридическая наука, методология юридической науки, междисциплинарность юридических исследований, правопонимание, правоприменение, юртехнетика, субсидии и гранты ученым

Для цитирования: Нижник Н. С., Савельева М. В. Юридическая наука в России: особенности современного состояния и перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 34–50; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-34-50.

Nadezhda S. Nizhnik

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-3369-9490>, n.nishnik@bk.ru

Maria V. Savelieva

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-6322-4883>, Savelevamv@internet.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Legal science in Russia: peculiarities of the current state and prospects for development

Abstract: Introduction. The article describes the discussion at the 20th international scientific-theoretical conference “State and Law: Evolution, Current State, Development Prospects (to the 25th Anniversary of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)” (2023) held at St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 433 researchers took part in the discussion of actual issues of modern legal science. These are scientists and practitioners of Russia, Azerbaijan, Belarus, Moldova, Kyrgyzstan, Tajikistan. The participants presented the views on the peculiarities of the modern stage of development of national legal science - post-classical (post-neoclassical) legal science; the importance of disciplinarity and interdisciplinarity of legal research in the development of theoretical jurisprudence; updating the methodological basis of modern legal science; the dependence of the state of jurisprudence on the transformations of social reality; topical problems of legal understanding and legal regulation. **Methods.** The main methodological principles of the research were the principles of comprehensive study of legal processes and phenomena, integrity of theory and practice, historicism. The main methodological approaches of the research were defined as the system approach and the value approach. The last one contributed to the identification of the ideas important for the modern stage of development of legal science. The method of integrity made it possible to identify the features of the current state of legal science as a system of interrelated elements of legal knowledge and the reasons determining their change in the course of historiographical analysis. **Results.** The views of modern scientists on actual issues of modern jurisprudence are characterised: the specifics of the state of post-classical (postnon-classical) legal science (I. L. Chestnov); the features of the methodology of modern theoretical jurisprudence (N. V. Varlamova, M. L. Davydova, V. V. Denisenko, S. A. Kalinin, N. V. Mamchenko); the significance in the development of theoretical jurisprudence of the problem of disciplinarity and interdisciplinarity (S. V. Kodan, I. A. Andreeva, E. N. Tonkov); the dependence of the state of modern theoretical jurisprudence on the instability of social reality (A. V. Skorobogatov, V. G. Zarubin, V. A. Semenov); the place of modern legal science in the disciplinary structure of social and humanitarian sciences (L. V. Denisova); structure of modern theoretical jurisprudence (V. Yu. Belsky, A. L. Zolkin, M. V. Baranova); features of legal understanding and law enforcement (R. I. Baigutlin, L. V. Karнаushenko, E. S. Zaitseva, D. A. Matantsev); organisational and legal determinants of the development of modern legal science (I. A. Goncharov, A. G. Repiev).

Keywords: legal science, postnon-classical legal science, methodology of legal science, interdisciplinarity of legal research, legal understanding, law enforcement, legal techniques, subsidies and grants to scientists

For citation: Nizhnik N. S., Savelyeva M. V. Legal science in Russia: peculiarities of the current state and prospects for development // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 34–50; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-34-50.

Введение

В статье представлен обзор докладов участников научных конференций, прошедших в Санкт-Петербургском университете МВД России и приуроченных к его 25-летию, которые были посвящены становлению, развитию и современному состоянию юридической науки и юридического образования в России, прежде всего – XX международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России)», которая состоялась 27–28 апреля 2023 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России.

Проведение международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития» в Санкт-Петербургском университете МВД России является многолетней традицией [1–13]: в 2023 г. она состоялась в двадцатый раз. В очном и заочном формате в ней приняли участие 433 исследователя – ученые и практики, граждане России, Азербайджана, Беларуси, Молдовы, Кыргызстана, Таджикистана. Широка география российских участников конференции, направивших свои работы из 53 городов. В обсуждении поставленных на конференции вопросов приняли очное участие 123 участника конференции – ученые, научно-педагогические работники и исследователи, осуществляющие практическую деятельность, в числе которых 51 доктор – юридических (35), исторических (12), философских (3), педагогических (1) наук; 54 кандидата – юридических (42), исторических (8), экономических (1), педагогических (3) наук.

На конференции работала секция молодых исследователей. В обсуждении актуальных проблем юридической науки приняли участие 224 молодых исследователя, в числе которых граждане Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Узбекистан, Гвинейской Республики, Сент-Винсента и Гренадин, Кооперативной Республики Гайана. Российские участники представляли 32 образовательные организации 23 городов. Очное участие в заседании секции молодых исследователей приняли 122 участника, в том числе 23 курсанта и студента, приехавшие в Санкт-Петербург из Великого Новгорода, Владимира, Екатеринбурга, Кирова, Москвы, Нижнего Новгорода, Омска, Челябинска. 117 молодых исследователей выступили с докладами. Победителям конкурса докладов были вручены дипломы.

В число обсуждаемых на XX международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России)» проблем были внесены различные вопросы, в числе которых: детерминанты становления и тенденции развития отечественной юридической науки; юридическая наука как развитие представлений о государстве и праве; современное состояние юридической науки в России; методология современных юридических исследований; юридическая наука о сущности и функционировании права в эпоху глобализации и цифровизации общественных отношений; юридическая наука о средствах сохранения коллективной памяти, духовных и нравственных ценностей; особенности ретроспективного анализа государственно-правовой системы России.

Поставленные для обсуждения на конференции вопросы получили разностороннее освещение и отражены в сборнике материалов конференции в двух частях (часть 1 – 2589 с. [14]; часть 2 – 1118 с. [15]).

Методы

Основными методологическими принципами исследования явились принципы всесторонности изучения юридических процессов и явлений, единства теории и практики, историзма, единства исторического и логического. Основными методологическими подходами исследования были определены системный и ценностный, который способствовал выделению тех идей, высказанных в ходе дискуссии, которые имеют значение для современного этапа развития юридической науки. Метод целостности позволил при проведении историографического анализа определить выявленные учеными особенности современного состояния юридической науки как системы взаимосвязанных элементов юридического знания и причин, детерминирующих их изменение. Были использованы общенаучные и специальные методы правовых исследований.

Результаты

Современная юридическая наука является результатом длительного развития.

Подчеркивая это, И. Л. Честнов, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, характеризует современный этап развития теоретической юриспруденции как *постклассическую (или постнеклассическую) юридическую науку*, как научно-исследовательскую программу, возникновению которой предшествовало формирование постклассической (или неклассической, постнеклассической) философии и соответствующей рациональности, картины мира, значительно отличающихся от классической их версии [16]. Представление о том, что классическая рациональность ориентирована на объективность как безличностность (бессубъектность; объявление субъективного ненаучным и, значит, нерациональным), разумность, целесообразность и универсальность утвердились в науке [17]. В конце XX в. «философия науки обнаружила “сверхсложность” при описании некоторых объектов, их принципиальную стохастичность и непредсказуемость» [16, с. 344]. Описание таких (синергетических) объектов потребовало включения процесса познания в социокультурный контекст.

Благодаря идее периодизации философии, предложенной В. С. Стёпиным, использованной А. В. Поляковым в качестве концептуального основания полипарадигмального направления в философии права и юридической науке, а также развитой благодаря усилиям В. В. Лазарева, Г. А. Гаджиева, И. Л. Честнова, Е. В. Тимошиной, Н. В. Разуваева, Ю. А. Веденеева, И. Б. Ломакиной, С. И. Максимова, В. И. Павлова, А. В. Стовбы, Н. Ф. Ковкель (в области теории права), Д. А. Пашенцева, А. А. Дорской, М. А. Кожевиной (в области истории права), А. С. Александрова (в области теории уголовного процесса), Я. И. Гилинского (в области критической криминологии) и других ученых, постклассическая юридическая наука стала популярным и влиятельным направлением в отечественном юридическом дискурсе.

Распространение постклассической юридической науки не осталось незамеченным в отечественном научном юридическом сообществе и вызвало критику со стороны оппонентов, в числе которых И. Л. Честнов называет О. В. Мартышина, В. М. Сырыху, И. Ю. Козлихина [16, с. 345].

Соотношение классической и постклассической юриспруденции, полагает И. Л. Честнов, не предполагает полной замены, а требует сосуществования и даже дополнительности классики, неклассики и постнеклассики. Позитивная программа постклассической юридической науки состоит в демонстрации механизма конструируемости и воспроизводимости правовой реальности практиками людей в контексте внешних факторов, интериорируемых правовой культурой [18]. Поэтому постклассическая программа предполагает антропологизм, конструктивизм, релятивизм и контекстуализм, практическое, знаково-символическое измерение многогранной, потенциально неисчерпаемой в своих внешних проявлениях правовой реальности.

Важным в методологическом плане, по мнению И. Л. Честнова, является отказ от бинарности юридического мышления в пользу диалога как взаимодополнительности противоположных моментов в бытии-мышлении. Именно такую программу И. Л. Честнов считает адекватной социокультурному контексту постсовременного мира [16, с. 346].

Особенностью состояния ***методологии современной теоретической юриспруденции*** Н. В. Варламова, ведущий научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук (Москва), кандидат юридических наук, доцент, считает отсутствие в юридической науке собственного методологического подхода, принципиальной методологической ориентации, особой точки зрения на изучаемые объект, понятие или принцип, задающих общую стратегию исследования [19, с. 461–462]. При этом в юриспруденции, по мнению Н. В. Варламовой, имели место попытки обоснования собственного метода познания, принадлежащие Г. Кельзену и В. С. Нерсисянцу. Г. Кельзен и В. С. Нерсисянц обосновали особую методологию юриспруденции, акцентируя внимание на формальности права как социального регулятора, и увязали ее с определенным способом интерпретации фактических отношений, обеспечивающим их формализацию [19, с. 463]. Однако сегодня такие методологические установки в юридической науке все чаще отвергаются под лозунгом перехода в условиях постмодерна к новой неклассической рациональности [19, с. 464]. Н. В. Варламова считает, что право, интерпретируемое в рамках неклассической методологии, «неизбежно утрачивает свою специфику формального и абстрактного регулятора, а само правовое регулирование лишается какого-либо смысла, поскольку его принцип и цель – правовая определенность – должна быть принесена в жертву уникальности конкретной социальной

практики» [19, с. 465]. Постклассическая юридическая наука, безусловно, позволит увидеть в правовой реальности много интересного, полагает Н. В. Варламова, но результат этого обзора – не новая научная теория; искать ответы на вызовы современности юридической науке придется в рамках своей собственной методологии [19, с. 461–468].

На взаимосвязь методологии поведенческих наук и современного правового регулирования обратила внимание М. Л. Давыдова, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор [20]. Методика исследования конкретных факторов, влияющих на человеческое поведение, более продуктивна, чем абстрактные предположения, которыми часто руководствуется законодатель, полагает М. Л. Давыдова. Методологически важным является и то внимание, которое уделяется в поведенческих исследованиях экспериментальному подтверждению всех выдвигаемых гипотез. Существенное повышение эффективности правового регулирования («умное регулирование») является достижимым именно за счет использования юридическими науками новой методологии [20, с. 521].

Вопросом: *представляет ли юридическая наука собой отражение объективного мира*, задался В. В. Денисенко, профессор кафедры публичного права Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России (Москва), доктор юридических наук, доцент [21]. Является ли наука о праве лишь нарративом, связанным с идеологией, либо это научное познание, которое способно раскрыть те или иные закономерности развития общества? С позиции постклассической юриспруденции, подчеркнул В. В. Денисенко, юридическая наука не может найти объективную истину и занимается изучением повествований или нарративов [21, с. 524]. Критерием научности для права выступает юридическая праксиология (юридическая деятельность). Изучение юридической деятельности позволяет объективно оценить господствующую правовую идеологию и её адекватность настоящему времени. Учет праксиологии в праве – неизбежное условие формирования современной теории государства и права, так как это позволяет избежать конструирования юридических химер – категорий и конструкций, не имеющих практического значения для отечественной правовой системы [21, с. 527–528].

С. А. Калинин, заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета по научной работе (Минск), кандидат юридических наук, доцент, полагает, что важнейшей задачей теоретической юриспруденции является осмысление содержания собственного объекта (предмета) и уточнение связей между его феноменами (государство и право), а также *выявление условий, позволяющих познание правовой реальности* [22]. Это достигается, с одной стороны, через приоритетное изучение государства, порождающего право, а также обеспечивающего безопасность и развитие населения (граждан) определенной территории, а с другой стороны – через разработку и использование качественно новых методологических подходов, относящихся к постнеклассической научной парадигме [22, с. 547–548].

На сложность отношений методологии и теории права обратила внимание Н. В. Мамченко, доцент кафедры теории и истории государства и права Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Симферополь), кандидат юридических наук, доцент [23], подчеркнув, что теория права может отличаться в рамках определенной методологии, и сама методология может трактоваться с позиций теории права [23, с. 556]. Дуализм естественного и позитивного права содержит все признаки антиномий, отображенных прежде всего в противопоставлении тезиса «*Lex injusta non est lex*» антитезису «*Fiat Justitia et pereat mundus*». Такого рода антиномичность, отмечает Н. В. Мамченко, характерна для большинства ключевых понятий теории права, которые находятся в соотношении одного с другим на принципах дуализма (бинарности) [23, с. 557]. Разработанное в рамках романо-германской правовой семьи методологически важное деление права на публичное и частное – демонстрация перпендикулярности вертикальных и горизонтальных отношений [23, с. 558]. Дуализм, бинарность («позитивное – естественное», «публичное – частное», «объективное – субъективное» и др.) по отношению к правовой системе – логически оправданная норма [23, с. 560].

Характеризуя состояние современной юридической науки, С. В. Кодан, главный научный сотрудник управления научных исследований Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, подчеркнул *значимость в развитии теоретической юриспруденции проблемы дисциплинарности и междисциплинарности* [24, с. 469–482]. Феномены дисциплинарности и междисциплинарности в науке являются взаимосвязанными. Их исследование уже получило отражение в философии науки, эписте-

мологии и науковедении, в оформлении методологических подходов, связанных с изучением организации и развития научного знания [24, с. 470]. *Междисциплинарность и типы междисциплинарного взаимодействия наук* возникают и определяются сложностью и динамикой развития изучения научных дисциплинарных объектов, когда на их пересечении возникает проблематика, которая не укладывается в прокрустово ложе отдельной дисциплины, и её изучение возможно лишь в пространстве взаимодействия наук. Междисциплинарность в науке – сложное явление и выступает как «интеграция, кооперация, взаимодействие и взаимодополнение подходов, методов и практик, развитых в отдельных научных областях» [24, с. 474].

Активное взаимодействие научных дисциплин внутри юриспруденции и в сфере взаимодействия с другими науками представляет собой задачу, решение которой связано с проблемами как развития науки в целом, так и подготовки научных кадров [24, с. 479–480]. Препятствия развитию междисциплинарности в юриспруденции носят, по мнению С. В. Кодана, прежде всего субъективный характер и связаны с недопониманием места и роли междисциплинарного подхода как в развитии юриспруденции в целом и отдельных юридических наук, так и включенности изучения юридических явлений, процессов, институтов в более широкие контексты исследовательских практик в социогуманитаристике, выходом на новые направления и научные дисциплины, изучающие государственно-правовые феномены. Для работы в междисциплинарном исследовательском пространстве требуются соответствующая подготовка учёных, соответствующий уровень мышления, теоретической и методологической компетентности, владения современными методиками и технологиями деятельности [24, с. 480].

Междисциплинарность основывается на сущностном единстве различных областей изучения науки, подчеркнула И. А. Андреева, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России (Москва), доктор юридических наук, доцент [25]. При этом единство всего научного знания составляет эпистемологическую основу междисциплинарности, которая проявляется в существовании общих концептов эпистемологического порядка (уровни научного исследования, понятие научного факта), возрастающей роли теории и методологии в структуре научных дисциплин и высоком уровне абстрактности современных теорий. А в гносеологической плоскости сближению наук способствуют аксиологические основы интеграции [25, с. 484].

В юриспруденции междисциплинарные исследования представляются И. А. Андреевой одним из наиболее перспективных направлений работы с инновационными темами. Междисциплинарность ставит перед исследователями сложнейшие интеллектуальные задачи освоения разнообразных методов, теорий, подчеркнула профессор, причем в контексте движения к интеграции разнообразных форм знаний нельзя не учесть уникальность научного опыта юридической науки, который требует дополнительного теоретического осмысления [25, с. 487–488]. В то время как большинство научных дисциплин возлагают на себя миссию объяснять реальность, специфика юриспруденции состоит в том, что она производит не только знания о праве как о реальности, но и само право, соединяя научную и практическую (нормативную) компетенции [25, с. 488].

Дисциплинарные и междисциплинарные исследования должны соответствовать **критерию научности**, подчеркнул Е. Н. Тонков, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук [26]. В качестве критериев научной теории Е. Н. Тонков рассматривает определенные утверждения методологического характера, которые имеют специфические особенности в каждой сфере научного знания. Критериями новаторских правовых теорий Е. Н. Тонков считает: обоснование актуальности нового подхода к пониманию правовых явлений; системность, проявляющуюся как встроенность в уже существующую парадигму мышления; принципиальную простоту и понятность; объяснительные характеристики новой теории; предсказательные (эвристические) возможности новой теории; принципиальную проверяемость, осуществляемую через анализ соотношения причин и следствий; праксеологическую значимость теории [26, с. 551–554]. Новые теории, возникающие как критика предшествующих, констатировал Е. Н. Тонков, стимулируют обновление научной парадигмы, объясняют факты и правоотношения, дают иное толкование прошлому, отвечают на злободневные вопросы [26, с. 554].

Важнейшей чертой современной юридической науки А. В. Скоробогатов, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязева (ИЭУП), доктор исторических наук, до-

цент, считает *зависимость состояния современной теоретической юриспруденции от нестабильности социальной реальности* [27]. Современную правовую реальность России А. В. Скоробогатов характеризует как *транзитивную, представляющую собой особый этап социального развития, характеризующийся переходным состоянием* и охватывающий все стороны жизни общества, включая науку, прежде всего гуманитарную. Цель юридической науки на современном этапе состоит не только в выработке знаний и их организации в определенную систему, но и в адекватном объяснении закономерностей возникновения, развития, функционирования правовой реальности, а также создании научно обоснованного прогноза ее дальнейшей эволюции [27, с. 331]. Современная юридическая наука должна быть фундаментом правотворчества и правоприменения с точки зрения научного обоснования целесообразности и эффективности, изучения и обобщения; должна обеспечивать системность, сбалансированность и внутреннюю согласованность законодательства и правоприменительной практики как основы обеспечения правопорядка [27, с. 333–334]. А. В. Скоробогатов считает, что этого можно достичь не только пересмотром мировоззренческой базы научных исследований, но и принятием Основ государственной политики в сфере развития юридической науки и юридического образования. Подобный документ будет способствовать трансформации значения юридической науки в социальном развитии от простой констатации правовой реальности до драйвера не только правового, но и социального развития в целом [27, с. 334].

Современная правовая реальность и юридическая наука, отражающая и конструирующая ее, детерминированы *политизацией международного правового поля*, подчеркнули В. Г. Зарубин, профессор кафедры государственного, муниципального и социального управления Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор социологических наук, профессор, и В. А. Семенов, профессор факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург), доктор социологических наук, профессор [28]. Ученые обратили внимание на то, что резкое обострение международной обстановки связано не только с началом прямых военных действий, но и с началом процесса разрушения общего глобального пространства правового поля, регулируемого международным правом. Инициатором данного процесса профессора считают США, которые на словах постоянно декларируют свою роль лидера в защите демократических ценностей в мире, объявляя при этом, что мир должен жить по ими устанавливаемым правилам, а не по принципам и нормам международного права. «Для Российской Федерации сложившаяся ситуация означает необходимость расставания еще с одной иллюзией – упования на возможность достижения справедливого урегулирования споров и конфликтных ситуаций с помощью этого универсального механизма» [28, с. 337].

Последствиями политизации международного правового поля В. Г. Зарубин и В. А. Семенов считают: использование в правовом пространстве международных инструментов конфликто разрешения без учета интересов одной из сторон, которое порождает падение авторитета этих инструментов и торжества «права сильного», а также появление альтернативных систем правового регулирования межгосударственных отношений в организациях, основанных на принципах уважения суверенитета и национальных интересов каждого, которое станет определяющей тенденцией в развитии мирового баланса сил, но ее закрепление и утверждение будет осуществляться в условиях жесткого, вплоть до использования военных средств, противостояния [28, с. 342].

Определяя *место современной юридической науки в дисциплинарной структуре социально-гуманитарных наук*, Л. В. Денисова, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России (Москва), доктор философских наук, профессор, отметила, что к началу XX столетия в науке оформились различные представления о цели и задачах социально-гуманитарного познания: 1) культурцентризм: все явления социальной и духовной жизни – уникальные исторические события, тексты (в самом широком значении); процесс познания – интерпретации, раскрывающие смыслы текста; цель – понимание; 2) социологизм и исторический материализм: цель – познание объективных законов общественной жизни, на основе которых можно построить объяснение отдельных общественно-исторических фактов [29, с. 348–349]. В результате появилась социология как наука о социальных фактах и социальных взаимодействиях, использующая механизм верификации теоретических положений с помощью сбора и анализа эмпирических данных о социальной реальности.

В ходе развития науки о праве определилось ее особое положение в системе социально-гуманитарных наук. Л. В. Денисова полагает, что юридическая наука включает в себя как культурцентристскую, так и объективистскую научно-исследовательские программы. Каждая из этих программ доминирует в разных дисциплинарных разновидностях наук о праве. Внутри юридической науки обособились такие научные дисциплины, как криминология и криминалистика, наука полицейского (административного) права, которые ориентированы на изучение объективных связей и отношений в обществе, обуславливающих появление юридически значимых фактов. С другой стороны, все юридические науки (и соответствующие им научные специальности), в объектную сферу которых попадает законодательство, изучаемое в формах текстовой реальности, оказываются в поле притяжения культурцентристской научно-исследовательской программы [29, с. 351].

Характеризуя *структуру современной теоретической юриспруденции*, В. Ю. Бельский, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор философских наук, профессор и А. Л. Золкин, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор философских наук, доцент, обратили внимание на *соотношение юридических наук и философии права* [30]. Подчеркивая, что юридическая наука сформировалась под сильным влиянием позитивистских и кантианских критериев рациональности, которые долгое время считались универсальными, а сегодня являются анахронизмом, ученые не рассматривают эмпиризм, индуктивизм и формализм в качестве бесспорных оснований научного знания, полагая, что это скорее «призраки, продолжающие серьезно влиять на самосознание ученых-юристов» [30, с. 490].

Задача современной философии права – разработка методологии дегибридации социальных практик, различения и последующего концептуального разделения общественных институтов, имеющих признаки деструктивной интерференции [30, с. 494]. Синтетическая программа философско-правового исследования – выявление аттракторов социальной сферы, способной к росту синергетических эффектов, определяющих ее превращение в автопоэтическую систему, поддерживающую свою целостность и развитие без необходимости постоянного обращения к «ручному управлению» [30, с. 494]. Правовая система должна определяться практиками цивилизационного реализма, воплощающими не столько условия доминирования привилегированного субъекта (партия, «глубинное государство», транснациональные корпорации), а систему сложную, обеспечивающую взаимодействие множества субъектов, образующих современное общество [30, с. 494–495].

Важное место в системе современного юридического знания, считает М. В. Баранова, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, занимает *юртехнетика* [31]. Набирающая обороты юридизация отношений в обществе требовала от представителей правовой науки и практики особого юридического мышления, фундаментальным элементом которого является технико-юридическое мышление. Опираясь на опыт тематических исследований XIX–XX вв., привнося и развивая новое знание, в 1999 г. в России сформировалась научная школа «Совершенствование юридической техники как закономерность правотворческой деятельности государства» под руководством профессора В. М. Баранова [31, с. 370]. В настоящее время юридическая техника гармонично объединяет средства (собственно технику) и алгоритмы деятельности (технологии), властное и невластное начала.

Юртехнетика, по определению М. В. Барановой, (с позиции широкого подхода) – «теоретико-прикладная наука о технико-юридической реальности, создании, функционировании, эффективности воплощения в юридической практике системы профессиональных юридических правил, средств, технологий, используемых при составлении правовых актов, осуществлении властной и невластной юридической деятельности, целью которой (науки) является обеспечение совершенства формы и содержания права» [31, с. 374].

В век интенсивной технологизации, обуславливающей перманентную трансформацию всех общественных институтов, внимание к деталям должно сочетаться с глобальным видением, полагает профессор. Особенно это актуально для правового научного знания. Не случайно новая номенклатура научных специальностей не просто укрупнила их, а фактически предложила исследователям курс развития на синтетичность знания, показала его новое место в выстраиваемой реальности.

Перспективная актуальность исследований в рамках юртехники опирается на мониторинг развития правовой науки в целом, коллаборацию традиционных и инновационных,

юридических и неюридических элементов и предметов исследования, анализ вызовов, возникающих перед юридической практикой. Особая роль отводится фигуре субъекта-исследователя, обладающего потенциалом для такой работы, строящего свои исследования на понимании универсальности юридической техники, ее специфики и особого места в системе современного юридического знания. Только в этом случае, убеждена М. В. Баранова, можно говорить об обеспечении качественной деятельности юриста, эффективности функционирования права в целом [31, с. 375].

При характеристике современной юридической науки центральным вопросом продолжает оставаться проблема **понимания права**.

Р. И. Байгутлин, доцент кафедры теории государства и права, трудового права Юридического института Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) (Челябинск), кандидат юридических наук, доцент, обратился к анализу феномена *интегративного правопонимания* [32, с. 608–609]. В зависимости от используемого идейно-методологического инструментария интегративные концепции Р. И. Байгутлин сгруппировал следующим образом: 1) интегративное правопонимание, основанное на соединении идей двух или более традиционных (классических) типов правопонимания: юридического позитивизма в узком значении (легизма), юснатурализма, социологического и психологического правопонимания; 2) интегративное правопонимание, методологическая основа которого заимствована в других науках или в философии, но еще не стала традиционной для юриспруденции; 3) интегративное правопонимание, основанное на синергетической методологической парадигме и представляющее право в качестве сложной (сверхсложной), саморазвивающейся, человекообразной системы [32, с. 605–607]. Общим для всех подходов является стремление преодолеть методологический и теоретический плюрализм, вернуться к монизму, отличавшему классическую науку, но на новом мировоззренческо-методологическом уровне [32, с. 607]. Феномен интегративного правопонимания, по Р. И. Байгутлину, может быть интерпретирован в логике концепта постнеклассической науки как проявление процесса утверждения в юриспруденции соответствующего исторического типа научной рациональности. Наиболее полно такому представлению соответствует правопонимание, основанное на синергетической парадигме [32, с. 608–609].

Л. В. Карнаушенко, начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России, доктор исторических наук, профессор, обратившись к анализу *особенностей правопонимания в современном обществе*, подчеркнул, что проблема понимания права в обществе XXI в. выглядит многоаспектной и нуждается в разнообразных исследованиях [33]. С учетом быстро меняющейся социальной среды большое значение имеет обновление информации, позволяющее избегать ее «старения». Для сбора и анализа данных о правопонимании современных россиян Л. В. Карнаушенко предлагает применять эмпирические методы, одной из сильных сторон которых выступает верификация теоретических конструктов на практике. Обращение к интегративным возможностям эмпирического анализа правопонимания как симбиоза количественной и качественной парадигм позволяет достичь показателей репрезентативности и статистической значимости, а также осуществить глубокое изучение особенностей сознания людей [33, с. 594]. Правопонимание представляет собой весьма перспективный объект как для теоретического, так и для эмпирического научного поиска [33, с. 594].

При характеристике современной юриспруденции центральным вопросом являются проблемы, касающиеся **правового регулирования**. Е. С. Зайцева, докторант научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат исторических наук, доцент, считает важным характеристику *пределов правового регулирования* и рассмотрение пределов сфер правового регулирования и пределов предмета правового регулирования [34]. Пределы сферы правового регулирования – это границы, в которых должно осуществляться целенаправленное, организационное воздействие с помощью системы правовых средств на общественные отношения, имеющие правовую природу; пределы предмета правового регулирования – границы, в которых осуществляется целенаправленное, организационное воздействие на общественные отношения с помощью правовых средств, обусловленное как объективными, так и субъективными факторами [34, с. 611–612]. Сфера и предмет правового регулирования могут быть соотнесены как должное и сущее [34, с. 614].

Юридический позитивизм, полагает Е. С. Зайцева, может выступать в качестве методологической основы установления пределов правового регулирования; не исключены и возможности обращения к положениям и идеям иных типов правопонимания, дополняющих

и обогащающих избранное генеральное направление. Эксцессы юридического позитивизма заключаются в возведении действующего права и пределов предмета правового регулирования в ранг совершенства, в отказе от критического отношения к ним. Задача юридической науки, подчеркнула Е. С. Зайцева, заключается не только в том, чтобы в случае необходимости дать критическую оценку пределам предмета правового регулирования, но и в том, чтобы вырабатывать критерии установления пределов сферы правового регулирования, выявлять и совершенствовать юридические технологии, способствующие максимально точному установлению пределов сферы правового регулирования и закрепления ее в качестве предмета [34, с. 617–618].

Результативность правового регулирования находит отражение в выборе гражданами модели правового поведения. Д. А. Матанцев, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России (Москва), кандидат юридических наук, доцент, исследовал проблемы *типологии правового поведения в контексте его исторической динамики* [35, с. 647–648]. Правомерное поведение очерчивается границами дозволенного (возможного, необходимого) поведения, а правонарушение – запрещенного. Историческая динамика правового поведения, обусловленная факторами политического, социального, экономического, научно-технологического, формально-юридического характера, не только приводит к подвижности границ дозволенного и недозволенного, но и способствует дальнейшей дифференциации правового поведения, выявлению его новых типов. Такой подход отвечает богатой палитре правовой реальности и содержит эвристический потенциал познания природы правового поведения [35, с. 652].

Состояние современной юридической науки и качество современных правовых исследований во многом определяется *обеспечением достоверной информации в условиях цифровой трансформации общественных отношений*. Цифровые технологии в условиях глобализации современного мира способствуют стремительному распространению информации в обществе. И. В. Гончаров, заведующий кафедрой государственного строительства и права Университета прокуратуры Российской Федерации (Москва), доктор юридических наук, профессор, обратил внимание на то, что при проверке информации на достоверность необходимо опираться на факты, на которых базируется информация, уже проверенные на достоверность [36]. Само по себе определение понятия «информация» установлено в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Однако данный нормативный правовой акт не устанавливает, что именно представляет собой достоверность; не определяет критерии достоверности; не устанавливает, на основании чего можно установить какие-либо критерии такой достоверности применительно к любой сфере деятельности, а также как правильно раскрыть достоверность информации применительно к той или иной ситуации.

Неурегулированность данной сферы общественных отношений в условиях их повсеместной цифровизации, подчеркнул И. В. Гончаров, порождает ряд негативных моментов, связанных с распространением в различных социальных сетях и мессенджерах заведомо недостоверной информации лицами, преследующими самые различные цели. Такая ситуация требует законодательного закрепления четких критериев определения достоверности соответствующей информации [36, с. 734].

Организационно-правовыми детерминантами развития современной юридической науки А. Г. Репьев, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России (Москва), доктор юридических наук, доцент, считает стимулы осуществления научной деятельности – субсидии и гранты [37, с. 447–451]. Правовые преимущества в форме субсидий и грантов он рассматривает как приоритетный элемент специального правового статуса ученого ввиду их стимулирующего, поощрительного потенциала, способности обеспечивать достойный уровень материального благополучия. Это должно привлекать в научную сферу наиболее квалифицированные кадры. Органы внутренних дел Российской Федерации сегодня обладают серьезным потенциалом участия в ключевых направлениях развития науки и технологий, констатирует А. Г. Репьев, однако существующая система стимулирования интеллектуального труда и материального поощрения дают основания прогнозировать «постепенный отток ведущих ученых в научные организации иной ведомственной принадлежности и альтернативных организационно-правовых форм, активно внедряющих прогрессивные модели поддержки результатов научных исследований, дифференцированную систему материального обеспечения» [37, с. 451].

Заключение

Юридическая наука в современной России находится на новом этапе своего развития и выполняет важную роль в исследовании российской правовой действительности, «выступая и средством познания, и формой юридического знания, и социокультурным феноменом» [38, с. 15].

Методология современной юридической науки опирается на эвристический инструментарий философской методологии права, теории права как методологии юридического познания и методологии конкретных юридических дисциплин [39, с. 458–459]. «Многообразные аспекты правового бытия получают своё концептуальное осмысление в социологии права, антропологии права, юридической психологии и других исследовательских направлениях, раскрывающих сущность права, его происхождение, условия функционирования в обществе и специфику применения в условиях трансформирующегося бытия» [39, с. 459].

Современная юриспруденция осуществляет не только объективно-субъективное познание окружающей действительности, но и обуславливает включение научного сообщества «в политику и практическую плоскость общественной жизни» [38, с. 16]. Юридическая наука выступает важной детерминантой совершенствования государственно-правовых процессов и явлений. Ученые-юристы, осуществляя правовые исследования с различных позиций, в рамках разных научных школ, вносят важный вклад в познание правовой реальности и определения перспектив ее трансформации в условиях XXI в.

Список литературы

1. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Государство и право: современное состояние, перспективы развития // Государство и право. – 2017. – № 2. – С. 111–117.
2. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Проблемы совершенствования нормативной основы и практики деятельности полиции в России // Государство и право. – 2018. – № 4. – С. 110–117.
3. Нижник Н. С. Эффективная деятельность правоохранительных органов – требование современности // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2018. – № 4 (40). – С. 57–72.
4. Нижник Н. С., Сидоренко Н. С. Полицейская деятельность: три века служения полиции Отечеству // Полицейская деятельность. – 2018. – № 5. – С. 1–51.
5. Нижник Н. С. Полиция – субъект правоохранительной деятельности современного государства // Вестник Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова. – 2018. – № 4. – С. 94–106.
6. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Российская полиция: три века служения Отечеству // Государство и право. – 2019. – № 6. – С. 138–145; doi: 10.31857/S013207690005271-0.
7. Нижник Н. С. Российская полиция: три века служения Отечеству (об участии ученых Академии управления МВД России в юбилейной Международной научной конференции) // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 1 (49). – С. 149–156.
8. Нижник Н. С. Адъюнкты Санкт-Петербургского университета МВД России: научно-исследовательская деятельность в контексте 300-летия полиции России / Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: материалы Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 7 декабря 2018 года / сост. Э. Х. Мамедов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. – С. 267–296.
9. Nizhnik N. 300 Years in the Service to the Native Land: Specifics of the Regional Development of the Police Bodies in the Russian Empire (on the Materials of the Jubilee International Scientific Conference held at St Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs) // *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*. – 2019. – Vol. 3. – № 1. – P. 495–522.
10. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. История Российской Империи в контексте теоретико-правового анализа (к 300-летию Российской Империи) // Государство и право. – 2021. – № 11. – С. 186–195; doi: 10.31857/S102694520017466-3.
11. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Империя и федерация как формы социальной организации в контексте ретроспективного и теоретико-правового анализа (к 100-летию образования СССР) // Государство и право. – 2022. – № 12. – С. 186–192; doi: 10.31857/S102694520023313-5.
12. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Советское государство и общество: основные направления взаимодействия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8. – № 4. – С. 384–394.

13. *Нижник Н. С., Нудненко Л. А.* Общественные организации и объединения в СССР: участие в реализации функций советского государства // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2023. – № 1. – С. 7–12; doi: 10.18572/2221-3287-2023-1-7-12.

14. *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития* (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): в 2 частях : материалы XX Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – Ч. 1. – 2589 с.

15. *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития* (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): в 2 частях : материалы XX Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, Е. А. Федорова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – Ч. 2. – 1118 с.

16. *Честнов И. Л.* Постклассическая юридическая наука в современной России / *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития* (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): в 2 частях : материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – Ч. 1. – С. 343–348.

17. *Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход* / отв. ред.: И. Т. Касавин, В. Н. Порус. – Москва: ИФ РАН, 2009. – 212 с.

18. *Честнов И. Л.* Постклассическая теория права. – Санкт-Петербург: АЛЕФ-Пресс, 2012. – 649 с.

19. *Варламова Н. В.* Юридическая наука в поисках методологии / *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития* (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): в 2 частях : материалы XX Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – Ч. 1. – С. 461–469.

20. *Давыдова М. Л.* Методология поведенческих наук и современное правовое регулирование науки / *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития* (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): в 2 частях : материалы XX Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – Ч. 1. – С. 517–522.

21. *Денисенко В. В.* Юридическая наука: нарративный и праксеологический аспекты / *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития* (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): в 2 частях : материалы XX Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – Ч. 1. – С. 523–528.

22. *Калинин С. А.* О содержании объекта (предмета) современной теоретической юриспруденции / *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития* (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): в 2 частях : материалы XX Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – Ч. 1. – С. 542–548.

23. *Мамченко Н. В.* Дуализм естественного и позитивного права: методологические и логические аспекты / *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития* (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): в 2 частях : материалы XX Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – Ч. 1. – С. 556–560.

24. *Кодан С. В.* Дисциплинарность и междисциплинарность в развитии современной юридической науки / *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития* (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): в 2 частях : материалы XX Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – Ч. 1. – С. 469–483.

25. *Андреева И. А.* Дисциплинарность и междисциплинарность в развитии современной юридической науки / *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспек-*

тивы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): в 2 частях : материалы XX Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – Ч. 1. – С. 483–489.

26. *Тонков Е. Н.* Критерии научности новой правовой концепции / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): в 2 частях : материалы XX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – Ч. 1. – С. 549–555.

27. *Скоробогатов А. В.* Юридическая наука в транзитивном обществе / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): в 2 частях : материалы XX Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – Ч. 1. – С. 329–335.

28. *Зарубин В. Г., Семенов В. А.* Политизация международного правового поля и ее последствия / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): в 2 частях : материалы XX Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – Ч. 1. – С. 336–342.

29. *Денисова Л. В.* Науки о праве в дисциплинарной структуре социально-гуманитарных наук / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): в 2 частях : материалы XX Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – Ч. 1. – С. 348–351.

30. *Бельский В. Ю., Золкин А. Л.* Философия права и формирование современной парадигмы юридической науки / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): в 2 частях : материалы XX Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – Ч. 1. – С. 490–495.

31. *Баранова М. В.* Юртехнетика в системе современного юридического знания: сущность, специфика, перспективы / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): в 2 частях : материалы XX Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – Ч. 1. – С. 368–376.

32. *Байгутлин Р. И.* Интегративное правопонимание и постнеклассическая юридическая наука / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): в 2 частях : материалы XX Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – Ч. 1. – С. 602–609.

33. *Карнаушенко Л. В.* Правопонимание в современном обществе: теоретические и эмпирические аспекты / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): в 2 частях : материалы XX Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – Ч. 1. – С. 589–595.

34. *Зайцева Е. С.* Правопонимание как методологическая основа установления пределов правового регулирования / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): в 2 частях : материалы XX Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – Ч. 1. – С. 611–619.

35. *Матанцев Д. А.* Проблемы типологии правового поведения в контексте его исторической динамики / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспекти-

вы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): в 2 частях : материалы XX Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – Ч. 1. – С. 647–653.

36. *Гончаров И. В.* Право на достоверную информацию в условиях цифровой трансформации общественных отношений / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): в 2 частях : материалы XX Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – Ч. 1. – С. 731–737.

37. *Ретьев А. Г.* Субсидии и гранты как стимулы осуществления научной деятельности: законодательное регулирование и проблемы реализации / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): в 2 частях : материалы XX Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – Ч. 1. – С. 447–452.

38. *Кожевина М. А., Яцук Т. Ф.* Эволюция науки истории права и государства России (XVIII–XX вв.): монография. – Москва: Норма, 2023. – 576 с.

39. *Балахонский В. В., Бавсун М. В.* Методология познания права: проблема определения концептуальных оснований / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): в 2 частях : материалы XX Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – Ч. 1. – С. 453–460.

References

1. *Nizhnik N. S., Nudnenko L. A.* Gosudarstvo i pravo: sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya // Gosudarstvo i pravo. – 2017. – № 2. – S. 111–117.

2. *Nizhnik N. S., Nudnenko L. A.* Problemy sovershenstvovaniya normativ-noy osnovy i praktiki deyatelnosti politzii v Rossii // Gosudarstvo i pravo. – 2018. – № 4. – S. 110–117.

3. *Nizhnik N. S.* Effektivnaya deyatelnost' pravookhranitel'nykh organov – trebovaniye sovremennosti // Trudy Akademii MVD Respubliki Tadjikistan. – 2018. – № 4 (40). – S. 57–72.

4. *Nizhnik N. S., Sidorenko N. S.* Politseyskaya deyatelnost': tri veka sluzheniya politzii Otechestvu // Politseyskaya deyatelnost'. – 2018. – № 5. – S. 1–51.

5. *Nizhnik N. S.* Politsiya – sub'yekt pravookhranitel'noy deyatelnosti sovremennogo gosudarstva // Vestnik Karagandinskoy akademii MVD Respubliki Kazakhstan im. Barimbeka Beysenova. – 2018. – № 4. – S. 94–106.

6. *Nizhnik N. S., Nudnenko L. A.* Rossiyskaya politziya: tri veka sluzheniya Otechestvu // Gosudarstvo i pravo. – 2019. – № 6. – S. 138–145; doi: 10.31857/S013207690005271-0.

7. *Nizhnik N. S.* Rossiyskaya politziya: tri veka sluzheniya Otechestvu (ob uchastii uchenykh Akademii upravleniya MVD Rossii v yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii) // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2019. – № 1 (49). – S. 149–156.

8. *Nizhnik N. S.* Ad'yunkty Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii: nauchno-issledovatel'skaya deyatelnost' v kontekste 300-letiya politzii Rossii / Pravookhranitel'naya deyatelnost' organov vnutrennikh del v kontekste sovremennykh nauchnykh issledovaniy: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 7 dekabrya 2018 goda / sost. E. Kh. Mamedov. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2019. – S. 267–296.

9. *Nizhnik N.* 300 Years in the Service to the Native Land: Specifics of the Regional Development of the Police Bodies in the Russian Empire (on the Materials of the Jubilee International Scientific Conference held at St Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs) // Historia Provinciae – the Journal of Regional History. – 2019. – Vol. 3. – № 1. – P. 495–522.

10. *Nizhnik N. S., Nudnenko L. A.* Istoriya Rossiyskoy Imperii v kontekste teoretiko-pravovogo analiza (k 300-letiyu Rossiyskoy Imperii) // Gosudarstvo i pravo. – 2021. – № 11. – S. 186–195; doi: 10.31857/S102694520017466-3.

11. *Nizhnik N. S., Nudnenko L. A.* Imperiya i federatsiya kak formy sotsial'noy organizatsii v kontekste retrospektivnogo i teoretiko-pravovogo analiza (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR) // Gosudarstvo i pravo. – 2022. – № 12. – S. 186–192; doi: 10.31857/S102694520023313-5.

12. Nizhnik N. S., Nudnenko L. A. Sovetskoye gosudarstvo i obshchestvo: osnovnyye napravleniya vzaimodeystviya // *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo*. Yuridicheskiye nauki. – 2022. – T. 8. – № 4. – S. 384–394.
13. Nizhnik N. S., Nudnenko L. A. Obshchestvennyye organizatsii i ob'yedineniya v SSSR: uchastie v realizatsii funktsiy sovetskogo gosudarstva // *Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii i za rubezhom*. – 2023. – № 1. – S. 7–12; doi: 10.18572/2221-3287-2023-1-7-12.
14. *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii): v 2 chastyakh: materialy XX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii*. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2023 g. / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – Ch. 1. – 2589 s.
15. *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii): v 2 chastyakh: materialy XX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii*. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2023 g. / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, Ye. A. Fedorinova. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – 1118 s.
16. *Chestnov I. L. Postklassicheskaya yuridicheskaya nauka v sovremennoy Rossii // Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii): v 2 chastyakh: materialy XX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii*. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2023 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – Ch. 1. – S. 343–348.
17. *Kommunikativnaya ratsional'nost': epistemologicheskii podkhod* / otv. red.: I. T. Kasavin, V. N. Porus. – Moskva: IF RAN, 2009. – 212 s.
18. *Chestnov I. L. Postklassicheskaya teoriya prava*. – Sankt-Peterburg: ALEF-Press, 2012. – 649 s.
19. *Varlamova N. V. Yuridicheskaya nauka v poiskakh metodologii / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii): v 2 chastyakh: materialy XX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii*. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2023 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – Ch. 1. – S. 461–469.
20. *Davydova M. L. Metodologiya povedencheskikh nauk i sovremennoye pravovoye regulirovaniye nauki / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii): v 2 chastyakh: materialy XX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii*. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2023 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – Ch. 1. – S. 517–522.
21. *Denisenko V. V. Yuridicheskaya nauka: narrativnyy i prakseologicheskii aspekty / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii): v 2 chastyakh: materialy XX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii*. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2023 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – Ch. 1. – S. 523–528.
22. *Kalinin S. A. O soderzhanii ob'yekta (predmeta) sovremennoy teoreticheskoy yurisprudentsii / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii): v 2 chastyakh: materialy XX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii*. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2023 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – Ch. 1. – S. 542–548.
23. *Mamchenko N. V. Dualizm yestestvennogo i pozitivnogo prava: metodologicheskiye i logicheskiye aspekty / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii): v 2 chastyakh: materialy XX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii*. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2023 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – Ch. 1. – S. 556–560.
24. *Kodan S. V. Distiplinarnost' i mezhdistsiplinarnost' v razvitii sovremennoy yuridicheskoy nauki / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii): v 2 chastyakh: materialy XX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii*. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2023 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – Ch. 1. – S. 469–483.
25. *Andreyeva I. A. Distiplinarnost' i mezhdistsiplinarnost' v razvitii sovremennoy yuridicheskoy nauki / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii): v 2 chastyakh: materialy XX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii*. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2023 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – Ch. 1. – S. 484–498.

dunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2023 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – Ch. 1. – S. 483–489.

26. *Tonkov Ye. N.* Kriterii nauchnosti novoy pravovoy kontseptsii / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii): v 2 chastyakh: materialy XX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2023 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – Ch. 1. – S. 549–555.

27. *Skorobogatov A. V.* Yuridicheskaya nauka v tranzitivnom obshchestve / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii): v 2 chastyakh: materialy XX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2023 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – Ch. 1. – S. 329–335.

28. *Zarubin V. G., Semenov V. A.* Politizatsiya mezhdunarodnogo pravovogo polya i yeye posledstviya / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii): v 2 chastyakh: materialy XX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2023 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – Ch. 1. – S. 336–342.

29. *Denisova L. V.* Nauki o prave v distsiplinarnoy strukture sotsial'no-gumanitarnykh nauk / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii): v 2 chastyakh: materialy XX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2023 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – Ch. 1. – S. 348–351.

30. *Bel'skiy V. Yu., Zolkin A. L.* Filosofiya prava i formirovaniye sovremennoy paradigmy yuridicheskoy nauki / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii): v 2 chastyakh: materialy XX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2023 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – Ch. 1. – S. 490–495.

31. *Baranova M. V.* Yurtekhnetika v sisteme sovremennogo yuridicheskogo znaniya: sushchnost', spetsifika, perspektivy / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii): v 2 chastyakh: materialy XX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2023 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – Ch. 1. – S. 368–376.

32. *Baygutlin R. I.* Integrativnoye pravoponimaniye i postneklassicheskaya yuridicheskaya nauka / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii): v 2 chastyakh: materialy XX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2023 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – Ch. 1. – S. 602–609.

33. *Karnaushenko L. V.* Pravoponimaniye v sovremennom obshchestve: teoreticheskiye i empiricheskiye aspekty / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii): v 2 chastyakh: materialy XX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2023 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – Ch. 1. – S. 589–595.

34. *Zaytseva Ye. S.* Pravoponimaniye kak metodologicheskaya osnova ustanovleniya predelov pravovogo regulirovaniya / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii): v 2 chastyakh: materialy XX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2023 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – Ch. 1. – S. 611–619.

35. *Matantsev D. A.* Problemy tipologii pravovogo povedeniya v konteksteyego istoricheskoy dinamiki / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii): v 2 chastyakh: materialy XX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2023 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – Ch. 1. – S. 647–653.

36. *Goncharov I. V.* Pravo na dostovernuyu informatsiyu v usloviyakh tsifrovoy transformatsii obshchestvennykh otnosheniy / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii): v 2 chastyakh: materialy XX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2023 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – Ch. 1. – S. 731–737.

37. *Rep'yev A. G.* Subsidii i granty kak stimuly osushchestvleniya nauchnoy deyatel'nosti: zakonodatel'noye regulirovaniye i problemy realizatsii / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii): v 2 chastyakh : materialy XX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2023 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – Ch. 1. – S. 447–452.

38. *Kozhevina M. A., Yashchuk T. F.* Evolyutsiya nauki istorii prava i gosudarstva Rossii (XVIII–XX vv.): monografiya. – Moskva: Norma, 2023. – 576 s.

39. *Balakhonskiy V. V., Bavsun M. V.* Metodologiya poznaniya prava: problema opredeleniya kontseptual'nykh osnovaniy / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii): v 2 chastyakh: materialy XX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 27–28 aprelya 2023 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – Ch. 1. – S. 453–460.

Статья поступила в редакцию 17.06.2023; одобрена после рецензирования 12.11.2023; принята к публикации 15.01.2024.

The article was submitted June 17, 2023; approved after reviewing November 12, 2023; accepted for publication January 15, 2024.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья
УДК 342.98
doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-51-61

Иван Николаевич Астафьев
<https://orcid.org/0000-0002-7835-1746>, ast_ivn@inbox.ru

*Омская академия МВД России
Российская Федерация, 644092, Омск, пр. Комарова, д. 7*

Особенности применения ч. 1. ст. 19.3 КоАП РФ при невыполнении законного требования сотрудника полиции о прекращении эксплуатации автомобиля с недостаточной светопропускной способностью стекол

Аннотация: Введение. Управление неисправным транспортным средством, на котором установлены стекла, светопропускание которых не соответствует требованиям технического регламента о безопасности, предусматривает административную ответственность, предусмотренную ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ. Выдвигаемые сотрудниками ГИБДД требования о прекращении противоправных действий не имеют четкой законодательной регламентации, нет санкций за повторность совершения данного правонарушения. Целью исследования является определение признака объективной стороны административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, при эксплуатации автомобиля с недостаточной светопропускной способностью стекол. **Методы.** Методологическую основу исследования составили: диалектический метод познания как фундаментальный метод научного анализа социально-правовой действительности, а также общенаучные методы исследования: теоретический анализ, сравнительное правоведение, технико-юридический анализ, конкретизация, толкование. **Результаты.** Правоприменительная практика показывает, что водители, не выполнившие требование об устранении указанной неисправности автомобиля и повторно допустившие правонарушение, предусмотренное ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ, привлекаются к административной ответственности в соответствии с ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ. Если сотрудник полиции допустил процессуальные нарушения, то

судебные органы прекращают производство по делу ввиду недоказанности обстоятельств, на основании которых было вынесено постановление. **Заключение.** Законное основание для привлечения лица к административной ответственности по ч. 1 ст. 19.3 КоАП возникает в момент управления им транспортным средством с неисправностями, при которых запрещается эксплуатация транспортных средств в соответствии с Правилами дорожного движения. Управление транспортным средством, на котором установлены стекла, светопропускание которых не соответствует требованиям технического регламента о безопасности колесных транспортных средств, относится к нарушениям Правил дорожного движения. Неповиновение законному требованию сотрудника полиции о прекращении эксплуатации автомобиля с недостаточной светопропускной способностью стекол образует объективную сторону административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ.

Ключевые слова: автомобиль, стекла, светопропускание, административное правонарушение, неповиновение, административная ответственность

Для цитирования: Астафьев И. Н. Особенности применения ч. 1. ст. 19.3 КоАП РФ при невыполнении законного требования сотрудника полиции о прекращении эксплуатации автомобиля с недостаточной светопропускной способностью стекол // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 51–61; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-51-61.

Ivan N. Astafiev

<https://orcid.org/0000-0002-7835-1746>, ast_ivn@inbox.ru

*Omsk Academy of the MIA of the Russian Federation
7, Komarova pr., Omsk, 644092, Russian Federation*

Peculiarities of application of Part 1 Art. 19.3 of the RF Code of Administrative Offences when disobeying a police order to stop operating a car with insufficient light through the windows

Abstract: Introduction. Driving a disabled vehicle with windscreens equipped with windows which light transmission does not comply with the requirements of the technical regulations on safety provides for administrative liability under Part 3.1 of Article 12.5 of the RF Code of Administrative Offences. The requirements issued by road safety police officers to stop unlawful actions have no clear legislative regulation; there are no sanctions in case of reoffending. The purpose of the study is to determine the feature of the objective side of the administrative offence under Part 1 of Article 19.3 of the RF Code of Administrative Offences, when using a car with insufficient light transmission of windows. **Methods.** The methodological basis of the study is formed by dialectical method of cognition as a fundamental method of scientific analysis of the social and legal reality, as well as general scientific methods of research: theoretical analysis, comparative study of law, technical and legal analysis, specification, clarification and interpretation. **Results.** According to the legal experience, drivers who disobeyed orders to remove the vehicle malfunction and repeatedly reoffended under Part 3.1 of Article 12.5 of the RF Code of Administrative Offences have become subject to administrative liability in accordance with Part 1 of Article 19.3 of the RF Code of Administrative Offences. If a police officer has violated the procedure, the judicial authorities stop proceedings due to the lack of evidentiary support based on which the decree was issued. **Conclusion.** The legal basis for bringing a person to administrative liability under Part 1 of Article 19.3 of the RF Code of Administrative Offences comes into existence at the moment of driving a disabled vehicle, in which the operation of vehicles is prohibited in accordance with the Highway Code. Driving a vehicle with windows, the light transmission of which does not meet the requirements of the technical regulations on the safety of wheeled vehicles, is a violation of the Highway Code. Disobedience to the lawful demand of a police officer to stop the operation of a vehicle with insufficient light transmission of windows shall form the objective side of an administrative offence under Part 1 of Article 19.3 of the RF Code of Administrative Offences.

Keywords: car, windows, light transmission, administrative offence, disobedience, administrative liability

For citation: Astafiev I. N. Peculiarities of application of part 1. art. 19.3 of the RF Code of Administrative Offences when disobeying a police order to stop operating a car with insufficient light through the windows // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 51–61; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-51-61.

Введение

Тонирование стекол автомобиля часто используется как способ улучшения его дизайна. Тонированные стекла защищают водителя от света фар встречных автомобилей в вечернее и ночное время суток, снижают нагрузку на зрение в дневное время, обеспечивают дополнительную термоизоляцию автомобиля, защищают салон от ультрафиолетового излучения. Все это позволяет водителю чувствовать себя в более комфортной обстановке¹.

В то же время тонированные стекла в автомобиле ухудшают водителю обзор в темное время суток и в непогоду. В связи с этим, чтобы обеспечить безопасность дорожного движения, соответствующим ГОСТом установлены определенные технические требования к светопропусканию ветрового стекла и стекол, через которые обеспечивается передняя обзорность для водителя².

Согласно п. 7.3 Правил дорожного движения, «...запрещена эксплуатация транспортного средства, если на стекла установлены дополнительные предметы или нанесены покрытия, ограничивающие обзорность с места водителя³. Разрешается прикреплять прозрачные цветные пленки на верхней части ветрового стекла автомобилей и автобусов, а также применять тонированные стекла (кроме зеркальных), светопропускание которых соответствует ГОСТ».

Низкая светопропускаемость ветрового стекла и стекол, через которые обеспечивается передняя обзорность для водителя, по результатам исследования А. В. Литвинова с соавт. (2019), не обеспечивает безопасность участников дорожного движения [1, с. 91]. Исследованиями С. З. Манойлиной с соавт. (2021), показана необходимость установки солнцезащитных устройств в кабинах пилотов, т. к. использование пилотами неполяризованных солнцезащитных очков не обеспечивает достаточной солнцезащиты, а поляризованные очки поглощают часть спектра и искажают изображение, что приводит к дезорганизации и потере управления самолетом. Кроме того, избыточная инсоляция на больших высотах разрушает сетчатку глаза, вызывает атрофию зрительного нерва [2, с. 437]. Использование атермальной тонирующей пленки для тонировки автомобиля, как утверждает С. И. Цехош с соавт. (2023), обеспечивает требуемые показатели светопропускной способности стекол автомобиля и не оказывает негативного влияния на безопасность дорожного движения [3, с. 36]. Необходимость разработки таких светозащитных устройств для стекол автотранспорта, которые не только обеспечивают защиту органов зрения водителя от вредного воздействия ультрафиолетового излучения, но и обеспечивают требуемую светопропускаемость стекол, что позволяет визуально контролировать салон автомобиля извне, активизирует деятельность изобретателей⁴.

Светопропускная способность стекла автомобиля, не соответствующая техническому регламенту Таможенного союза, влияет не только на небезопасность дорожного движения, но и защиту сотрудников полиции от возможных противоправных посягательств со стороны правонарушителей. Очевидно, что по этой причине законодательная инициатива № 77Ф14519

¹ В каких странах разрешена тонировка [Электронный ресурс] // Тонировка авто: сайт. – URL: <https://www.tonirovkaauto.com/v-kakih-stranah-razreshena-tonirovka/> (дата обращения: 10.12.2022).

² ГОСТ 32565-2013 [Электронный ресурс] // ЗАКОНЫ, КОДЕКСЫ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: сайт. – URL: <https://legalacts.ru/doc/gost-32565-2013-natsionalnyi-standart-rossiiskoi-federatsii-steklo/> (дата обращения: 10.12.2022). Решение Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 877 (ред. от 25.01.2023) «О принятии технического регламента Таможенного союза "О безопасности колесных транспортных средств"» (вместе с "ТР ТС 018/2011. Технический регламент Таможенного союза. О безопасности колесных транспортных средств" [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125114/ (дата обращения: 10.12.2022).

³ О Правилах дорожного движения (вместе с "Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения") (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022): постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 (ред. от 31.12.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/ (дата обращения: 10.12.2022).

⁴ Патент на полезную модель № 130919 U1 Российская Федерация, МПК В60J 3/00. Светозащитное устройство для окна транспортного средства: № 2013112528/11: заявл. 21 марта 2013 г.; опубл. 10 августа 2013 г. / А. В. Тесленко.

об увеличении допустимой степени тонирования стекол автомобиля не была поддержана голосованием⁵, как и предложение С. И. Бажко с соавт. (2019) о нормативном закреплении увеличения нормы светопропускания передних боковых и лобовых стекол автомобилей [4, с. 149].

В отношении водителей, управляющих автотранспортным средством с тонировкой лобового стекла и передних боковых стекол, имеющих светопропускную способность менее 70 %, а также если в верхней части переднего стекла установлена тонировка любой светопропускной способности шириной более 140 мм; если имеется тонировка задних автомобильных стекол (любой светопропускной способности), но не установлены боковые зеркала заднего вида; если тонировка является зеркальной, *наступает административная ответственность, предусмотренная ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ* – запрещение эксплуатации транспортного средства с наложением административного штрафа в размере 500 рублей.

Согласимся с мнением П. А. Волкова с соавт. (2019), что административный штраф в размере пятисот рублей не обеспечивает достижения цели административного наказания [5, с. 188]. Однако мы не согласны с мнением ученых о необходимости введения санкции за повторное совершение административного правонарушения, т. к. это деяние относится к категории «неповиновение законному требованию сотрудника полиции» и должно квалифицироваться как административное правонарушение, предусмотренное ч. 1. ст. 19.3 КоАП РФ.

О необходимости «...принятия более строгого наказания за эксплуатацию транспортных средств с наличием тонировки, ограничивающей обзор для водителей; выделение конкретной нормы, без отсылки на статьи, определяющие подобные административные правонарушения...» писал П. Г. Андреев (2022) [6, с. 61]. Однако предъявляемые сотрудниками ГИБДД требования о прекращении противоправных действий, по мнению В. А. Попова (2022), не имеют четкой законодательной регламентации, что исключает необходимость исполнения требования гражданами, а значит, возбуждение дела об административном правонарушении по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ является незаконным [7, с. 167]. Исследователь, и мы с ним согласны, предлагает закрепить в КоАП РФ порядок выдачи требования о прекращении противоправных действий, детализировать этот порядок в приказе МВД России, а также установить в данном юридическом документе следующую формулировку: «Требую прекращения противоправных действий с момента вступления постановления в законную силу». Вопросы квалификации административных правонарушений, предусмотренных ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ и совершенных повторно, к сожалению, не отражены в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ⁶.

В действующем КоАП РФ значение слова «повторность», по мнению А. С. Телегина и Н. В. Тиуновой (2019), несет различную смысловую нагрузку и понимается как: «1) обстоятельство, отягчающее административную ответственность; 2) самостоятельный квалифицирующий признак состава административного правонарушения; 3) критерий для квалификации деяния в качестве грубого административного нарушения; 4) административно-преюдициальное основание для квалификации деяния в качестве уголовно наказуемого преступления» [8, с. 626]. Юридический смысл повторности совершения деяния во многих зарубежных странах заключается не в квалификации деяния по количественному признаку, а в поэтапном выборе вида наказания.

Необходимо отметить, что проект нового КоАП РФ (ч. 6. ст. 21.5) предусматривает административное наказание за повторное совершение административного правонарушения в виде управления транспортным средством, на котором установлены стекла, светопропускание которых не соответствует требованиям технического регламента о безопасности, с санкцией в виде административного штрафа в 3 000 рублей – *в шесть раз превышающей санкцию за первое правонарушение*⁷.

В одном из законопроектов было предложено внести изменение в статью 28.2 КоАП РФ, согласно которому «...требование о прекращении противоправных действий – при повторном административном правонарушении, предусмотренном ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ, подлежит осуществлению до срока вступления в законную силу постановления по делу об

⁵ Увеличить допустимую степень тонирования передних стекол автомобиля (кроме лобового) до 50 % [Электронный ресурс] // URL: <https://www.roi.ru/14519/> (дата обращения: 10.12.2022).

⁶ О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 КоАП РФ: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327611/ (дата обращения: 10.12.2022).

⁷ Проект «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/05-20/00102447) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.05.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/62684.html> (дата обращения: 10.12.2022).

административном правонарушении»⁸. Необходимо отметить, что указанное требование не является инструментом производства по делу об административном правонарушении, носит внепроцессуальный, распорядительный характер и поэтому не может быть урегулировано нормами КоАП РФ. Кроме того, вопрос об определении срока исполнения требования об удалении со стекол транспортного средства тонировочного покрытия является вопросом установления факта и решается в каждом конкретном случае с учетом критериев разумности и исполнимости.

Повторное совершение однородного административного правонарушения (в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию), является обстоятельством, отягчающим административную ответственность (ст. 4.3 КоАП РФ). Такое деяние, по нашему мнению, следует квалифицировать как «неповиновение законному требованию сотрудника полиции». Так же считают В. И. Майоров и А. В. Коркин (2016), которые, изучив правоприменительную практику, делают вывод о том, что в отношении лиц, не устранивших неисправность автомобиля и допустивших на этом автотранспорте повторное правонарушение, предусмотренное ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ, должно квалифицироваться судом как невыполнение законного требования сотрудника полиции (ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ) [9, с. 14]. Кроме того, нельзя не согласиться с мнением В. В. Денисенко и В. И. Майорова (2022), что административное правонарушение, предусмотренное ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ, имеет признак общественно опасного [10, с. 16].

Частные вопросы привлечения лиц к административной ответственности за административные правонарушения в виде искусственного понижения светопропускаемости стекол автомобиля, были рассмотрены П. А. Борноволокным (2021) [11, с. 43]. Отказ водителя от выполнения законного требования сотрудника полиции поднять передние боковые стекла для проверки их светопропускаемости судом квалифицируется как неповиновение законному требованию сотрудника полиции (ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ) (пример из судебной практики представлен нами)⁹. Утверждение водителя, что замер светопропускания был выполнен на загрязненном стекле транспортного средства, был квалифицирован судом как обстоятельство, которое ничем объективно не подтверждено и не является основанием для освобождения водителя от административной ответственности по ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ, в связи с тем, что обязанность по обеспечению исправного технического состояния и содержания в чистоте автомобиля возложена на водителя (п. 2.3.1 ПДД РФ), поэтому оснований ставить под сомнение достоверность произведенных замеров у суда нет (пример из судебной практики представлен нами)¹⁰. Требование сотрудника полиции о немедленном удалении со стекол транспортного средства тонировочного покрытия не отвечает критериям разумности и исполнимости, поэтому привлечение к административной ответственности на основании ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ суд посчитал необоснованным (пример из судебной практики представлен нами)¹¹.

Изучив отечественную правоприменительную практику за 2018–2020 годы, В. В. Барковский (2022) отметил существенное увеличение (на 35 %) количества административных правонарушений, предусмотренных ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ (с 1 273 575 случаев в 2018 году до 1 723 461 случая в 2020 году) и пришел к выводу о необходимости «... проработать вопрос о “разумности срока” при исполнении законного требования сотрудника Госавтоинспекции по устранению покрытия со стекол автомобиля», а также «... о необходимости установления административной ответственности за повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ...» [12, с. 22].

Целью исследования является определение признака объективной стороны административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, при эксплуатации автомобиля с недостаточной светопропускной способностью стекол.

⁸ Проект Федерального закона № 823765-7 «О внесении изменения в статью 28.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 28.10.2019) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/823765-7> (дата обращения: 10.12.2022).

⁹ Постановление Богородского городского суда Нижегородской области по делу № 5-576/2020 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.12.2022).

¹⁰ Решение Богородского городского суда Нижегородской области по делу № 12-226/2019 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.12.2022).

¹¹ Решение Ставропольского краевого суда по делу № 7А-572/2020 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.12.2022).

Методологическую основу исследования составили диалектический метод познания как фундаментальный метод научного анализа социально-правовой действительности, а также общенаучные методы исследования: теоретический анализ, сравнительное правоведение, технико-юридический анализ, конкретизация, толкование.

Результаты исследования

Рассмотрим порядок установления сроков выполнения требований сотрудников полиции о прекращении противоправных действий, а именно – удаления затемняющего покрытия со стекол в целях приведения светопропускания в соответствие с нормами технического регламента.

Практика показывает, что сотрудники полиции часто предъявляют водителю требование немедленно «удалить тонировку» (что не учитывает наличия у водителей таких навыков и технической возможности), либо не указывают дату устранения неисправности автомобиля в постановлении о назначении наказания, вынесенном на основании ч. 1 ст. 28.6 КоАП РФ, либо в протоколе об административном правонарушении.

Действующим законодательством сроки выполнения требований сотрудников полиции о прекращении противоправных действий, а именно – удаления затемняющего покрытия со стекол в целях приведения светопропускания в соответствие с нормами технического регламента не установлены. Наличие данного правового пробела, как указано в постановлении Верховного Суда РФ, приводит в отдельных случаях к злоупотреблениям со стороны сотрудников полиции, требующих устранить избыточное затемнение стекол непосредственно на месте задержания транспортного средства, что далеко не всегда возможно осуществить без причинения ущерба транспортному средству¹².

Согласно положениям ст. 30.3 и ст. 31.1 КоАП РФ и в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации, постановление по делу об административном правонарушении вступает в законную силу по истечении десяти суток со дня вручения или получения копии постановления, если оно не было обжаловано либо опротестовано¹³. При этом копия постановления по делу об административном правонарушении должна быть вручена под расписку физическому лицу, в отношении которого оно вынесено, либо выслана указанному лицу в течение трех дней со дня вынесения указанного постановления (часть 2 статьи 29.11 КоАП РФ).

Проблемные вопросы, возникающие в правоприменительной деятельности сотрудников ГИБДД МВД России, связанные с определением момента вступления постановления по делу об административном правонарушении в законную силу, рассмотрены А. И. Добренковым (2020) [13, с. 153]. Автор приводит данные о том, что только 8 % сотрудников ГИБДД МВД России знают о возможности отправлять заказные письма как «административные». Копия постановления, отправленная «обычным» заказным письмом, хранится в почтовом отделении 30 дней, что увеличивает период вступления постановления в законную силу. Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации дано следующее разъяснение: «В случае, если копия постановления по делу об административном правонарушении, направленная по месту жительства или месту нахождения лица, привлекаемого к административной ответственности, была возвращена судье с отметкой на почтовом извещении (отправлении) об отсутствии этого лица по указанному адресу, либо о его уклонении от получения почтового отправления, а также по истечении срока хранения»¹⁴, то постановление вступает в законную силу по истечении десяти суток, а постановления по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 5.1 – 5.25, 5.45 – 5.52, 5.56, 5.58 КоАП РФ, – по истечении пяти дней после даты поступления (возвращения) в суд копии данного постановления (статьи 30.3, 31.1 КоАП РФ)».

Практика показывает, что имеются случаи, когда водитель, не устранив неисправность автомобиля до истечения установленного срока (не удалил затемняющее покрытие со стекол в целях приведения светопропускания в соответствии с нормами техническо-

¹² Постановление Верховного Суда РФ от 11 октября 2019 г. по делу № 5-60/2018 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.12.2022).

¹³ О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 (ред. от 23.12.2021) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52681/ (дата обращения: 10.12.2022).

¹⁴ О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5 "О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях": постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 40 (п. 29.1) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156414/ (дата обращения: 10.12.2022).

го регламента), управлял неисправным автомобилем, т. е. повторно допустил правонарушение, предусмотренное ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ. В данном случае согласимся с мнением С. И. Корыц и И. Б. Боковой (2021), что это становится возможным не только из-за низкой эффективности административного наказания, предусмотренного ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ (в настоящее время административный штраф составляет 500 руб), но и из-за возможности уменьшить величину штрафа на 50 % (при оплате в 20-дневный срок с момента вынесения постановления по делу об административном правонарушении) [14, с. 201].

При совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ, на основании пунктов 1 и 21 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции», сотрудник полиции в целях выполнения возложенных на него функций, вправе требовать от граждан прекращения противоправных действий. Пункт 51 ранее действовавшего Административного регламента исполнения МВД России государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением безопасности дорожного движения предусматривал в случае неповиновения законному распоряжению или требованию сотрудника ДПС либо воспрепятствования исполнению им служебных обязанностей указание на возбуждение дела об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 19.3 Кодекса¹⁵. Действующий порядок осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения не содержит такого рода рекомендации сотрудникам ДПС¹⁶.

Наложение административного штрафа в размере от 500 до 1000 рублей или административного ареста на срок до 15 суток, согласно части 1 ст. 19.3 КоАП РФ, несколько ниже санкции, указанной в проекте нового КоАП РФ (ч. 6. ст. 21.5), предусматривающей административный штраф в размере 3 000 рублей.

Согласимся с мнением С. А. Алтухова (2020), который, проведя анализ судебной практики, пришел к выводу о том, что вынесение судами решений о привлечении к административной ответственности по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ с назначением административного ареста лицам, не выполнившим законное требование сотрудника полиции о прекращении эксплуатации автомобиля со стеклами, светопропускание которых не соответствует требованиям технического регламента, является порочной практикой, т. к. ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ предусматривает возможность применения административного ареста за наиболее опасные виды правонарушений [15, с. 323].

Судебная практика показывает, что сотрудники полиции допускают процессуальные нарушения в применении ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ в отношении лиц, которые, не устранив неисправность автомобиля, повторно допустили правонарушение, предусмотренное ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ. Например, из решения Ярославского областного суда¹⁷ следует, что «...письменные требования сотрудника полиции о прекращении эксплуатации автомобиля со стеклами, светопропускание которых не соответствует требованиям технического регламента, не содержат расписки правонарушителя в их получении. Рукописные записи в графе “Требование получил” ... выполнены почерком, схожим с почерком лиц, заполнявших эти требования, то есть не подтверждают получение требований адресатом. Подписей о получении требований, схожих с подписями в иных документах, эти требования не содержат. Рапорты сотрудников полиции содержат лишь сведения о вынесении указанных требований, сведений о вручении их эти рапорты не содержат». Таким образом, в представленных суду материалах отсутствуют доказательства получения водителем законного распоряжения сотрудника полиции, что, соответственно, не доказывает совершения административного правонарушения. В связи с этим, согласно требованиям п. 3 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ, постановление суда первой инстанции было отменено ввиду недоказанности обстоятельств, на основании которых было вынесено постановление.

Имеются и противоположные примеры судебной практики. В нескольких постановлениях Новотроицкого городского суда Оренбургской области¹⁸ содержится такая формули-

¹⁵ Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 23 августа 2017 г. № 664 [Электронный ресурс] документ утратил силу // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.12.2022).

¹⁶ Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 02 мая 2023 г. № 264 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.01.2024).

¹⁷ Решение Ярославского областного суда по делу № 30-1-147/2022 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.12.2022).

¹⁸ Постановление Новотроицкого городского суда Оренбургской области по делу № 5-530/2019 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.12.2022); постановление

ровка: «Признать виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ», несмотря на то, что водителям, допустившим повторное административное правонарушение, предусмотренное ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ, ранее было выдано требование о приведении светопропускания передних боковых стекол автомобиля в соответствие с техническим регламентом *без указания срока его исполнения*».

Заслуживает внимания предложение А. Г. Алиева (2018) о необходимости разработки МВД России бланка установленной формы – требования (распоряжения) с уникальным номером (аналогично бланкам протоколов и постановлений по делам об административных правонарушениях) [16, с. 26].

Обсуждение

Законное основание для привлечения лица к административной ответственности по ч. 1 ст. 19.3 КоАП возникает в момент управления им транспортным средством с неисправностями, при которых запрещается эксплуатация транспортных средств в соответствии с Правилами дорожного движения. К числу нарушений Правил дорожного движения относится управление транспортным средством, на котором установлены стекла, светопропускание которых не соответствует требованиям технического регламента о безопасности колесных транспортных средств.

При административном правонарушении, предусмотренном ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ, требование сотрудника полиции к водителю немедленно «удалить тонировку» должно учитывать желание водителя, оформленное в виде ходатайства об установке приемлемого для него срока удаления затемняющего покрытия со стекол, а также наличия у него необходимых для этого навыков и технической возможности.

В постановлении сотрудника ГИБДД об административном правонарушении, предусмотренном ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ, должно быть указано требование о прекращении эксплуатации автомобиля со стеклами, светопропускание которых не соответствует требованиям технического регламента, дата устранения данной неисправности автомобиля, сведения об ознакомлении водителя с предъявляемым требованием. До устранения неисправности автомобиль эксплуатироваться не должен.

После того как водителю автотранспорта, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, предоставлена возможность ознакомления с протоколом об административном правонарушении (согласно ч. 4 ст. 28.2 КоАП РФ), и если он считает, что установленный ст. 30.3 и ст. 31.1 КоАП РФ срок вступления постановления по делу об административном правонарушении в законную силу (десять суток) для него неприемлем, и желает сократить срок выполнения требования либо выполнить это требование на месте, то на основании имеющегося у него права (ч. 1 ст. 25.1 КоАП РФ), он может заявить ходатайство об установке приемлемого для него срока удаления затемняющего покрытия со стекол в целях приведения светопропускания в соответствие с нормами технического регламента и в письменной форме отказаться от обжалования, либо опротестования дела.

При невыполнении законного требования сотрудника полиции о прекращении эксплуатации автомобиля с недостаточной светопропускной способностью стекол данное административное правонарушение ввиду его повышенной общественной вредности следует квалифицировать как административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ.

Заключение

Законное основание для привлечения лица к административной ответственности по ч. 1 ст. 19.3 КоАП возникает в момент управления им транспортным средством с неисправностями, при которых запрещается эксплуатация транспортных средств в соответствии с Правилами дорожного движения. Управление транспортным средством, на котором установлены стекла, светопропускание которых не соответствует требованиям технического регламента о безопасности колесных транспортных средств, относится к нарушениям Правил дорожного движения. Неповиновение законному требованию сотрудника полиции о прекращении эксплуатации автомобиля с недостаточной светопропускной способностью стекол образует объективную сторону административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ.

Новотроицкого городского суда Оренбургской области по делу № 5-138/2019 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.12.2022); постановление Новотроицкого городского суда Оренбургской области по делу № 5-113/2019 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.12.2022).

Список литературы

1. Литвинов А. В., Князев К. С., Бочкарников А. В. [и др.]. Влияние светопропускаемости стекол транспортного средства на личную безопасность участников дорожного движения / Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования: сборник научных трудов 2-й Международной научной конференции, Курск, 14 ноября 2019 года. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. – С. 91–94.
2. Манойлина С. З., Рудаков П. А., Сазонов С. Н. Солнцезащитные устройства мобильных транспортных средств / Наука и образование на современном этапе развития: опыт, проблемы и пути их решения: материалы Международной научно-практической конференции, Воронеж, 25 ноября 2021 года. – Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 2021. – С. 437–445.
3. Цехош С. И., Цехош П. И., Жундубаев Р. Р. Влияние атермальной тонирующей пленки на безопасность жизнедеятельности и безопасность дорожного движения / Старт в науке – 2023 : сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 20 января 2023 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2023. – С. 36–41.
4. Бажко С. И., Соболева Ю. В. Вопросы административной ответственности за тонирование стекол в автомобиле / Проблемы и перспективы развития России: молодежный взгляд в будущее : сборник научных статей 2-й Всероссийской научной конференции, Курск, 17–18 октября 2019 года / Юго-Западный государственный университет, Московский политехнический университет, Рязанский государственный агротехнологический университет имени П. А. Костычева. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. – Т. 2. – С. 149–151.
5. Волков П. А., Демченко Н. В., Сарычев А. В. Актуальные вопросы привлечения лиц к административной ответственности за управление транспортным средством, на котором установлены стекла (в том числе покрытые прозрачными цветными пленками), светопропускание которых не соответствует требованиям технического регламента о безопасности колесных транспортных средств // Пробелы в российском законодательстве. – 2019. – № 7. – С. 188–191.
6. Андреев П. Г. Некоторые особенности привлечения к административной ответственности за нарушение правил эксплуатации транспортного средства с тонированными стеклами // ВВ: Административное право и практика администрирования. – 2022. – № 2. – С. 61–66.
7. Попов В. А. Проблемы производства дел по административным правонарушениям, предусмотренным ч. 1 ст. 12.5 КоАП РФ, ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ, ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ / Проблемы формирования правового социального государства в современной России: материалы XVIII Всероссийской национальной научно-практической конференции, Новосибирск, 02–03 декабря 2022 года. – Новосибирск: Издательский центр Новосибирского государственного аграрного университета «Золотой колос», 2022. – С. 167–169.
8. Телегин А. С., Тиунова Н. В. Повторность совершения административного правонарушения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – № 46. – С. 626–650.
9. Майоров В. И., Коркин А. В. Административное принуждение: понятие, место и формы выражения // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 4 (11). – С. 8–20.
10. Денисенко В. В., Майоров В. И. Возвращаясь к вопросу об общественной опасности административных правонарушений в области дорожного движения // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2022. – № 4 (62). – С. 16–24.
11. Борноволоков П. А. Об административной ответственности за нарушения, предусмотренные статьей 12.5 КоАП РФ // Безопасность дорожного движения. – 2021. – № 3. – С. 43–50.
12. Бараковский В. В. О проблеме применения части 1 статьи 19.3 КоАП РФ за неповиновение требованию сотрудника полиции прекратить эксплуатировать автомобиль с тонировкой // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2022. – № 1. – С. 22–27.
13. Добренков А. И. Вступление постановления по делу об административном правонарушении, вынесенное сотрудником ГИБДД МВД России: актуальные проблемы и перспективы // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. – 2020. – № 1 (3). – С. 153–158.
14. Корыц С. И., Бокова И. Б. Актуальность формулы расчета эффективности административного наказания // Закон и право. – 2021. – № 6. – С. 201–203.
15. Алтухов С. А. Проблемные аспекты назначения наказания за управление автомобилем с тонированными стеклами / Государство, право и общество: вопросы теории и практики : материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Сочи, 07–08 февраля

2020 года / отв. редактор В. И. Скрябин. – Сочи, Издательство: Индивидуальный предприниматель Нефедов Дмитрий Владимирович (Ростов-на-Дону) 2020. – С. 323–329.

16. Алиев А. Г. Проблемы применения ст. 19.3 КоАП при нарушении Правил дорожного движения // Законность. – 2018. – № 11. – С. 25–27.

References

1. Litvinov A. V., Knyazev K. S., Bochkarnikov A. V. [i dr.]. Vliyaniye svetopropuskayemosti stekol transportnogo sredstva na lichnyuyu bezopasnost' uchastnikov dorozhnogo dvizheniya / Gosudarstvo i pravo: problemy i perspektivy sovershenstvovaniya: sbornik nauchnykh trudov 2-y Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Kursk, 14 noyabrya 2019 goda. – Kursk: Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet, 2019. – S. 91–94.

2. Manoylina S. Z., Rudakov P. A., Sazonov S. N. Solntsezashchitnyye ustroystva mobil'nykh transportnykh sredstv / Nauka i obrazovaniye na sovremennom etape razvitiya: opyt, problemy i puti ikh resheniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Voronezh, 25 noyabrya 2021 goda. – Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet im. Imperatora Petra I, 2021. – S. 437–445.

3. Tsekhosh S. I., Tsekhosh P. I., Zhundubayev R. R. Vliyaniye atermal'noy tonirovochnoy plenki na bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti i bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya / Start v nauke – 2023 : sbornik statey Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa, Penza, 20 yanvarya 2023 goda. – Penza: Nauka i Prosveshcheniye, 2023. – S. 36–41.

4. Bazhko S. I., Soboleva Yu. V. Voprosy administrativnoy otvetstvennosti za tonirovaniye stekol v avtomobile / Problemy i perspektivy razvitiya Rossii: molodezhnyy vzglyad v budushcheye : sbornik nauchnykh statey 2-y Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, Kursk, 17–18 oktyabrya 2019 goda / Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet, Moskovskiy politekhnicheskyy universitet, Ryazanskiy gosudarstvennyy agrotekhnologicheskyy universitet imeni P. A. Kostycheva. – Kursk: Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet, 2019. – T. 2. – S. 149–151.

5. Volkov P. A., Demchenko N. V., Sarychev A. V. Aktual'nyye voprosy privlecheniya lits k administrativnoy otvetstvennosti za upravleniye transportnym sredstvom, na kotorom ustanovleny stekla (v tom chisle pokrytyye prozrachnymi tsvetnymi plenkami), svetopropuskaniye kotorykh ne sootvetstvuyet trebovaniyam tekhnicheskogo reglamenta o bezopasnosti kolesnykh transportnykh sredstv // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. – 2019. – № 7. – S. 188–191.

6. Andreyev P. G. Nekotoryye osobennosti privlecheniya k administrativnoy otvetstvennosti za narusheniye pravil ekspluatatsii transportnogo sredstva s tonirovannymi steklamy // NB: Administrativnoye pravo i praktika administrirovaniya. – 2022. – № 2. – S. 61–66.

7. Popov V. A. Problemy proizvodstva del po administrativnym pravonarusheniyam, predusmotrennym ch. 1 st. 12.5 KoAP RF, ch. 3.1 st. 12.5 KoAP RF, ch. 1 st. 19.3 KoAP RF / Problemy formirovaniya pravovogo sotsial'nogo gosudarstva v sovremennoy Rossii: materialy XVIII Vserossiyskoy natsional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Novosibirsk, 02–03 dekabrya 2022 goda. – Novosibirsk: Izdatel'skiy tsentr Novosibirskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta «Zolotoy kolos», 2022. – S. 167–169.

8. Telegin A. S., Tiunova N. V. Povtornost' soversheniya administrativnogo pravonarusheniya // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki. – 2019. – № 46. – S. 626–650.

9. Mayorov V. I., Korkin A. V. Administrativnoye prinuzhdeniye: ponyatiye, mesto i formy vyrazheniya // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. – 2016. – № 4 (11). – S. 8–20.

10. Denisenko V. V., Mayorov V. I. Vozvrashchayas' k voprosu ob obshchestvennoy opasnosti administrativnykh pravonarusheniy v oblasti dorozhnogo dvizheniya // Yuridicheskaya nauka i ravookhranitel'naya praktika. – 2022. – № 4 (62). – S. 16–24.

11. Bornovolokov P. A. Ob administrativnoy otvetstvennosti za narusheniya, predusmotrennyye stat'yey 12.5 KoAP RF // Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya. – 2021. – № 3. – S. 43–50.

12. Barakovskiy V. V. O probleme primeneniya chasti 1 stat'i 19.3 KoAP RF za nepovinoeniye trebovaniyu sotrudnika politsii prekratit' ekspluatirovat' avtomobil' s tonirovkoy // Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti. – 2022. – № 1. – S. 22–27.

13. Dobrenkov A. I. Vstupleniye postanovleniya po delu ob administrativnom pravonarushenii, vnesennoye sotrudnikom GIBDD MVD Rossii: aktual'nyye problemy i perspektivy // Upravleniye deyatel'nost'yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyaniye, problemy, puti sovershenstvovaniya. – 2020. – № 1 (3). – S. 153–158.

14. Koryts S. I., Bokova I. B. Aktual'nost' formuly rascheta effektivnosti administrativnogo nakazaniya // Zakon i pravo. – 2021. – № 6. – S. 201–203.

15. *Altukhov S. A.* Problemnyye aspekty naznacheniya nakazaniya za upravleniye avtomobilem s tonirovannymi steklami / Gosudarstvo, pravo i obshchestvo: voprosy teorii i praktiki : materialy II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sochi, 07–08 fevralya 2020 goda / otv. redaktor V. I. Skryabin. – Sochi, Izdatel'stvo: Individual'nyy predprinimatel' Nefedov Dmitriy Vladimirovich (Rostov-na-Donu) 2020. – S. 323–329.

16. *Aliyev A. G.* Problemy primeneniya st. 19.3 KoAP pri narushenii Pravil dorozhnogo dvizheniya // Zakonnost'. – 2018. – № 11. – S. 25–27.

Статья поступила в редакцию 07.02.2023; одобрена после рецензирования 12.04.2023; принята к публикации 15.01.2024.

The article was submitted February 7, 2023; approved after reviewing April 12, 2023; accepted for publication January 15, 2024.

Научная статья

УДК 342.734

doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-62-68

Ирина Геннадьевна Пирожкова

кандидат исторических наук

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0003-4034-7327>, 0_1_23456789@list.ru

*Тамбовский государственный технический университет
Российская Федерация, 392501, Тамбов, ул. Советская, д. 106/5*

Алексей Михайлович Попов

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0003-1747-4088>, ramtambov@yandex.ru

*Московская академия Следственного комитета Российской Федерации
Российская Федерация, 125080, Москва, ул. Врубеля, д. 12*

Правовая природа конституционного права на социальное обеспечение в комплексе смежных понятий

Аннотация: Введение. В статье анализируется правовая природа права человека на социальное обеспечение на основе Конституции РФ 1993 г. и поправок к ней 2020 г. Актуальность тематики определена новизной нормативного материала Конституции РФ в части определения признаков, состава понятия «социальное государство», а также чрезвычайной значимостью совокупности социально-экономических конституционных прав в целом для обеспечения качества жизни граждан. Объектом анализа являются видовые признаки права на социальное обеспечение в системе классификаций прав и свобод, а также смежные понятия, имеющие конституционную и внеконституционную природу. **Методы.** Методологической основой выступает анализ текста Конституции, его семантических единиц и юридической техники изложения нормы, связи конституционных норм, посвященных наполнению понятия «социальное государство». **Результаты.** Делается вывод о развитости нормативного материала, содержащегося в Конституции, особенностях норм, посвященных социальной сфере. В целом они носят бланкетный характер, формулируются с возможностью расширительного толкования, не содержат исчерпывающих перечней, включают множество не определенных до конца понятий, имеющих конкретно-историческое наполнение и тесную взаимосвязь с базовыми характеристиками государства, – правовое, социальное, имеющее целью обеспечение достоинства человека и социального взаимодействия.

Ключевые слова: социальное государство, право на социальное обеспечение, социальное страхование, социальные права человека, конституционная реформа

Для цитирования: Пирожкова И. Г., Попов А. М. Правовая природа конституционного права на социальное обеспечение в комплексе смежных понятий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 62–68; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-62-68.

Irina G. Pirozhkova

Cand. Sci. (Hist)

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-4034-7327>, 0_1_23456789@list.ru

Tambov State Technical University

106/5, Sovetskaya str., Tambov, 392501, Russian Federation

Alexey M. Popov

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-1747-4088>, pamtambov@yandex.ru

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

12, Vrubel str., Moscow, 125080, Russian Federation

Legal status of the constitutional right to social security in the complex of related concepts

Abstract: Introduction. The article analyses the legal nature of the human right to social security on the basis of the Constitution of the Russian Federation of 1993 and its amendments of 2020. The relevance of the theme is determined by the novelty of the normative material of the Constitution of the Russian Federation in terms of defining the signs, composition of the concept of “social state”, as well as the extreme importance of the totality of socio-economic constitutional rights in general to ensure the quality of life of citizens. The object of analysis is the species attributes of the right to social security in the system of classifications of rights and freedoms, as well as related concepts that have constitutional and extra-constitutional nature. **Methods.** The methodological basis is the analysis of the text of the Constitution, its semantic units and legal technique of norm presentation, connection of constitutional norms devoted to the filling of the concept of “social state”. **Results.** The author concludes that the normative material contained in the Constitution is developed, and that the norms devoted to the social sphere are peculiar. In general, they have a blanket character, are formulated with the possibility of expansive interpretation, do not contain exhaustive lists, include many not fully defined concepts that have a concrete-historical content and close relationship with the basic characteristics of the state - legal, social, aimed at ensuring human dignity and social interaction.

Keywords: social state, right to social assistance, social insurance, social human rights, constitutional reform

For citation: Pirozhkova I. G., Popov A. M. Legal status of the constitutional right to social security in the complex of related concepts // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 62–68; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-62-68.

Введение

Комплекс понятий, связанных с реализацией государством своей социальной функции, базируется на конституционных положениях о праве граждан на социальное обеспечение.

Наиболее значимыми с точки зрения расположения в структуре Конституции Российской Федерации – в первой главе «Основы конституционного строя» – являются нормы о признании Российской Федерации социальным государством (п. 1, ст. 7), при этом следующие положения указанной статьи являются нормой-дефиницией, фактически дают определение этому понятию, которое выражается в признании обязанности государства «обеспечивать достойную жизнь и свободное развитие человека»¹.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6–ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7–ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2–ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11–ФКЗ, от 14 мая 2020 г. № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

Конституционная реформа 2020 г. значительно актуализировала исследования на-полнения принципа социальности, зафиксированного в Конституции в 1993 г., поскольку именно в рамках концепта социальности были внесены поправки в «изменяемые» части Конституции, в частности, главы, посвященные федеральным отношениям и конституци-онному статусу Правительства РФ. Актуальность анализа нового текста Основного закона на предмет выявления новых формулировок гарантий социальных прав и конституирова-ния новых институтов (например, волонтерской деятельности) не может быть переоценена в связи с особой значимостью Конституции для правовой системы государства.

Теоретическая проблематика, связанная с правом человека на социальную помощь, является обширной, представленной в доктрине права разнообразными формами. Тенден-цией определения права на социальную защиту в новейший период является выделение в нем социальных оснований права на труд и гарантий труда и занятости [10; 11], права на жилище и право на образование [3; 15], а также их гарантий [2].

Теоретическое интегративное и максимально широкое понимание права на социаль-ное обеспечение связывается с базовым личным правом на достоинство человека. В этом случае первое выступает конкретным наполнением, гарантией второго [7].

Методы

Методология исследования строится на анализе элементов текста Конституции РФ, излагающих нормы, связанные смысловым наполнением социальности государства. Сопо-ставляются варианты изложения конституционного материала до внесения поправок в Ос-новной закон в 2020 г. и после изменений. Используется общенаучный метод классификации применительно к определению видовых признаков и состава права на социальную защиту.

Результаты

Социальное страхование как явление правовой жизни основывается на положениях пунк-та 2 ст. 7 Конституции РФ, которая указывает на обязательства государства охранять труд и здоровье человека, учреждает такие правовые механизмы реализации социального страхо-вания, как минимальный размер оплаты труда, пенсии, социальные пособия. Не считая этот перечень исчерпывающим, законодатель применяет формулу «...и иные гарантии социальной защиты». Эта же статья устанавливает круг основных субъектов получения социальной по-мощи: лица с семейными обязанностями, выполняющие родительские семейные функции, на-зывается и сама семья как объект социальной защиты, а также инвалиды и пожилые граждане.

Положения первой главы Конституции РФ развивают нормы второй главы, касающиеся конституционного статуса человека (прав, свобод и обязанностей граждан). Так, ст. 39 уста-навливает право на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей.

Примечательно, что во всех случаях законодатель, описывая комплекс социальных прав и признаков социальности самого государства, расширяет их перечень отсылкой к от-раслевому законодательству (пункты 1–2 ст. 39) и «иным» возможностям и правам. Это свойство конституционного текста не является исключительным признаком нормативно-го материала, посвященного социальным обязательствам государства, но в этих нормах встречается наиболее часто.

Положения о социальных правах человека дополняются обязательством государства развивать систему добровольного социального страхования, дополнительных форм соци-ального обеспечения, а также благотворительности.

Базовое наполнение перечня права на социальную защиту дополняется традиционным для конституционной доктрины и практики пакетом социальных прав, содержащимся во второй главе Конституции РФ.

В ст. ст. 40–43 устанавливаются право на жилище, право на медицинское обеспечение, право на образование, право на благоприятную окружающую среду. Эти права дополняют понятие социальности государства, образуя социальную сферу, улучшение которой явля-ется стратегической задачей государства в контексте улучшения качества жизни граждан. Расширительное понимание социальных прав, основанное на доктрине и международных документах о правах человека², включает также положения о праве человека на труд и от-дых, обязанность государства бороться с негативными социально-экономическими явле-ниями, ухудшающими социальное положение человека, такими как безработица [10, с. 43].

² Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Кон-сультантПлюс»: сайт. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5429/?ysclid=lto1wmyrrk6557902 (дата обращения: 28.05. 2023).

Положения первых двух глав Конституции РФ в контексте развития социальных возможностей человека и механизмов обеспечения социальности государства развиваются в тех нормах Конституции РФ, которые, во-первых, посвящены разграничению предметов ведения между Федерацией и ее субъектами, во-вторых, в ст. ст. 75 и 75.1, посвященных взаимодействию центра и субъектов в социальной сфере, в-третьих, в ст. 114, описывающей полномочия Правительства РФ.

Подпункты «ж» и «ж.1» пункта 1 ст. 72 называют социальную защиту, включая социальное обеспечение, а также защиту семьи, материнства, отцовства и детства, обеспечение семейной политики в соответствии с требованиями Основного закона предметами совместного ведения Российской Федерации и субъектов. Отметим удивительный нюанс юридической техники Конституции: в «старой» и неизменяемой части, в ст. 7 провозглашается поддержка материнства, отцовства и детства – т. е. приводится полный перечень базовых социальных статусов, связанных с семейными связями и семейными обязанностями, ст. 38, созвучная по смыслу, конституирует защиту материнства и детства, а также семьи, но не упоминает отцовство. Анализ «права на семью», личное право, признаваемое международными актами и современной доктриной, которое в явном виде не сформулировано в Конституции РФ, не входит в предмет анализа настоящего материала, но сам феномен семьи может рассматриваться в контексте реализации права человека на социальную помощь и поддержку, т. к. семья является институтом, который может быть оператором предоставления социального вспомоществования ее членам, является естественной социальной структурой, обеспечивающей социальную стабильность [6, с. 108].

Необходимо отметить, что названные части Конституции были значительно изменены в ходе конституционной реформы 2020 года, в том числе за счет усиления социально ориентированных положений нормативного материала в них.

В 3 главе Конституции РФ в 2020 г. появился пакет норм, которые являются социально ориентированными, конкретизируют понятие и принципы социального государства в контексте взаимоотношений центра и субъектов. В дополнение права человека на труд устанавливаются (ст. ст. 75, 75.1):

- положения об уважении труда и «человека труда» и конкретная норма о гарантиях минимальной оплаты труда, которая приравнивается к величине прожиточного минимума;
- для характеристики пенсионной системы используются термины «солидарность поколений», «справедливость», «всеобщность», дается конкретный временной стандарт индексации пенсий (раз в год);
- констатируется адресность социальной поддержки и индексация социальных выплат;
- новеллами являются положения о социальном партнерстве и социальной солидарности государства и всех членов общества в стремлении создать условия для достойной жизни граждан.

Перечисленные новеллы конституционного нормативного материала в части своей доктринальной оценки не были пока полностью проанализированы и в связи с их относительной новизной еще получают продолжение в отраслевом законодательстве [14, с. 4].

На фоне конкретизации нормативного материала, связанного с понятием социального государства и права на социальную защиту, усиливается вектор исследования механизмов защиты социальных прав, в частности, судебной защиты [4; 8; 13].

Перечисленные части Конституции содержат разнообразные нормы о социальных обязательствах государства в лице конкретных частей государственно-административного аппарата.

Полномочия Правительства РФ расширились, начиная с 2020 г., в связи с внесением в ст. 114 формулировок о развитии «социально ориентированной государственной политики ... в области культуры, социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, а также в области охраны окружающей среды».

Получили развитие положения о правах инвалидов: в частности конституционная терминология получила расширение через признание необходимости их интеграции в общество и создания доступной среды. В дополнении к положениям второй главы Конституции РФ о запрете дискриминации, в том числе и по социальным основаниям, появилась формулировка с запретом о дискриминации именно инвалидов. Также в 2020 году были конституированы положения о необходимости развивать волонтерское движение, что можно считать развитием отмеченных выше положений Конституции РФ о развитии дополнительных форм социального обеспечения и страхования.

В рамках теоретической оценки и классификации права человека на социальное обеспечение и смежных прав (права на жилище, образование, социальное страхование, благоприятную среду и медицинское обслуживание) можно отметить, что эта группа прав относится к «третьему эшелону» [14, с. 6] прав, то есть они сформулированы исторически последними по сравнению с группой личных и политических прав, в современном своем выражении на международном уровне после Второй мировой войны (хотя отдельные положения доктрины социальных прав в национальном законодательстве СССР имели место и раньше [5, с. 305] вместе с принятием Всеобщей декларации прав человека 1948 г.³ В настоящее время право на социальную защиту на международном уровне продолжает развиваться [12, с. 17].

С точки зрения деления прав человека на негативные и позитивные все перечисленные права в доктрине определяются как позитивные, так как они требуют для своей реализации активных действий государства: создания пенсионной системы, системы здравоохранения, стимулирования массового жилищного строительства и проч.

Видовые признаки индивидуальных и коллективных прав не дают возможности однозначно ответить на вопрос, – к какой группе относится то или иное социальное право: с одной стороны, всегда предполагается конкретный пользователь, субъект, пользующийся конкретным социальным правом, с другой стороны, законодатель, формулируя социальные права, в качестве объекта социальной защиты называет, например, семью, а также людей, выполняющих родительские обязанности, то есть включенных в «круг лиц, связанных взаимными правами и обязанностями...»⁴. Последние изменения Конституции РФ также фактически дают отсылку к коллективному действию ради реализации социальности государства – солидарности поколений, социальному партнерству – явлениям, которые требуют общности и коллективности.

Сложности представляет также такая квалификация права на социальное обеспечение, как принцип прямого их действия, зафиксированный в Конституции РФ. Отмечается, что для социальных прав, закрепленных по российской конституционной модели, без конкретного перечня, характерно опосредованное действие [9, с. 139].

Интерес также представляет вопрос о правовой природе частей «права на социальную защиту», которое распадается на ряд правомочий, возможностей, потребностей человека и соотношений этого права с социальными механизмами, предназначенными для его реализации. Четкого отличия между этими понятиями Конституция не дает, однако в доктрине права принято выделять следующие механизмы обеспечения права на социальное обеспечение, некоторые из которых обладают конституционным статусом: пенсионная система, минимальная оплата труда, борьба с безработицей, индексация социальных выплат, социальное страхование на случай потери работы, рождения ребенка, медицинское страхование, обеспечение жилищного фонда, детских дошкольных и образовательных учреждений, стимулирование волонтерства. На современном этапе в порядке эксперимента в ряде зарубежных правовых порядков приходят к выводу о необходимости базового социального дохода (Финляндия, Швеция, ФРГ) [1, с. 524–525], который можно рассматривать как механизм реализации права человека на социальное обеспечение. С этой точки зрения можно отметить, что конституционные изменения 2020 года весьма осторожны и умеренны.

Заключение

Подводя итог, можно отметить значимость конституционного регулирования права на социальное обеспечение, отраженного в международных и национальных правовых источниках. Категории «социальное обеспечение» и «социальное страхование» в российском правовом поле являются конституционными институтами, что подчеркивает их значимость для реализации социальной функции государства.

Развитый нормативный материал, выстроенный вокруг субъективного права на социальное обеспечение, порождает комплексную отрасль социального обеспечения, в рамках которой эта базовая дефиниция определяется как организованная государством форма помощи для определенного круга лиц, оказываемая при наступлении определенных юридических фактов, в установленных законом ситуациях, с целью выравнивания социального положения граждан⁵. Представляется, что подобные этому определения, заявляющие целью

³ Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» : сайт. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/?ysclid=lto20taidu262050332 (дата обращения: 28.05. 2023).

⁴ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» : сайт. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/?ysclid=lto22ajkj832878374 (дата обращения: 28.05. 2023).

⁵ Словарь терминов, используемых в законодательстве Российской Федерации / Федеральное собрание Российской Федерации, Гос. Дума ; [сост.: Р. С. Киракозов и др.]. – Москва : Гос. Дума, 2014. – 238 с.

«выравнивание» доходов граждан, значительно уже декларируемой конституционной нормы о праве граждан на свободное развитие и обеспечение достоинства, которые являются идеологической основой для самого понятия социальности государства.

Социальное страхование выступает своего рода механизмом социального обеспечения и представляет собой систему мер социальной защиты, основанной на создании целевых фондов. Задача этого механизма состоит в обеспечении реализации конституционного права граждан на материальное обеспечение в старости, в случае болезни, полной или частичной утраты трудоспособности, потери кормильца, безработицы и, возможно, в иных страховых случаях. Организация системы социального страхования всегда носит коллективный характер, реализуется как общественными объединениями, так и государством, может иметь смешанную природу.

Список литературы

1. Бобков В. Н., Одинцова Е. В., Пилюс А. Г. Безусловный базовый доход как регулятор повышения уровня и качества жизни граждан и устойчивости общества: проблемы и возможные пути их решения : дискуссия на российско-германской международной конференции, Москва, 20 мая 2021 г. // Уровень жизни населения регионов России. – 2021. – Том 17. – Вып. 4. – С. 524–541.
2. Бушуева А. В. Основные категории права социального обеспечения // Вестник Пензенского государственного университета. – 2021. – № 3 (35). – С. 63–68.
3. Водкина Т. П. Понятие конституционного права граждан на жилище в системе социально-экономических прав // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 6. – С. 19–21.
4. Гусев А. Ю. Развитие способов защиты права российских граждан на социальное обеспечение // Черные дыры в российском законодательстве. – 2018. – № 4. – С. 41–43.
5. Гусев А. Ю., Яхина М. Р. Защита права на социальное обеспечение в России (советский период) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 4 (47). – С. 295–309.
6. Желудков М. А. Некоторые проблемы совершенствования предупреждения преступности в российском обществе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – № 2 (46). – С. 108–111.
7. Иванчина Ю. В., Истомина Е. А. Защита от социальных рисков как фактор обеспечения права на достойное существование // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2023. – Том 9. – № 1 (33). – С. 66–77.
8. Колотова Н. В. Применение общих принципов права для судебной защиты социальных прав / Право – явление цивилизации и культуры : материалы II Международной научной конференции; отв. редактор М. В. Немытина. – Москва: Издательство РУДН, 2020. – Том 2. – С. 164–173.
9. Колотова Н. В. Принцип непосредственного действия прав человека и особенности социальных прав // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2019. – № 5. – Том 14. – С. 114–140.
10. Орлова Е. Е. Актуальные направления трансформации государственной политики в сфере занятости населения // Право: история и современность. – 2023. – № 1. – Том 7. – С. 40–47.
11. Орлова Е. Е. Занятость населения как правовая категория: понятие и признаки // Трудовое право в России и за рубежом. – 2017. – № 1. – С. 14–17.
12. Сулейманова Ф. О. Перспективы ратификации статьи 23 Европейской социальной хартии (право граждан пожилого возраста на социальную защиту) // Трудовое право в России и за рубежом. – 2022. – № 1. – С. 16–19.
13. Умнова-Конюхова И. А., Костылева Е. Д. Конституционная доктрина социального государства в решениях Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации на примере защиты социальных прав // Правосудие/Justice. – 2023. – Том 5. – № 2. – С. 110–131.
14. Федоренко П. А., Коваленко Е. В. Правовая природа и соотношение понятий «социальная защита» и «социальное обеспечение» населения / Проблемы и перспективы современной науки : материалы Международной научно-практической конференции. – Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки», 2019. – С. 179–182.

15. Ходусов А. А. Конституционная защита социальных прав и свобод // Евразийская адвокатура. – 2017. – № 2 (27). – С. 52–56.

References

1. Bobkov V. N., Odintsova Ye. V., Pilyus A. G. Bezuslovnyy bazovyy dokhod kak regulyator povysheniya urovnya i kachestva zhizni grazhdan i ustoychivosti obshchestva: problemy i vozmozhnyye puti ikh resheniya. Diskussiya na rossiysko-germanskoy mezhdunarodnoy konferentsii, Moskva. 20 maya 2021 g. // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. – 2021. – Tom 17. – Vyp. 4. – S. 524–541.
2. Bushuyeva A. V. Osnovnyye kategorii prava sotsial'nogo obespecheniya // Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2021. – № 3 (35). – S. 63–68.
3. Vodkina T. P. Ponyatiye konstitutsionnogo prava grazhdan na zhilishche v sisteme sotsial'no-ekonomicheskikh prav // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. Yuridicheskiy zhurnal. – 2011. – № 6. – S. 19–21.
4. Gusev A. Yu. Razvitiye sposobov zashchity prava rossiyskikh grazhdan na sotsial'noye obespecheniye // Chernyye dyry v rossiyskom zakonodatel'stve. – 2018. – № 4. – S. 41–43.
5. Gusev A. Yu., Yakhina M. R. Zashchita prava na sotsial'noye obespecheniye v Rossii (sovetskiy period) // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2021. – № 4 (47). – S. 295–309.
6. Zheludkov M. A. Nekotoryye problemy sovershenstvovaniya preduprezhdeniya prestupnosti v rossiyskom obshchestve // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. – 2007. – № 2 (46). – S. 108–111.
7. Ivanchina Yu. V., Istomina Ye. A. Zashchita ot sotsial'nykh riskov kak faktor obespecheniya prava na dostoynoye sushchestvovaniye // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskkiye i pravovyye issledovaniya. – 2023. – Tom 9. – № 1 (33). – S. 66–77.
8. Kolotova N. V. Primeneniye obshchikh printsipov prava dlya sudebnoy zashchity sotsial'nykh prav / Pravo – yavleniye tsivilizatsii i kul'tury: materialy II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii; otv. redaktor M. V. Nemytina. – Moskva: Izd-vo RUDN, 2020. – Tom 2. – S. 164–173.
9. Kolotova N. V. Printsip neposredstvennogo deystviya prav cheloveka i osobennosti sotsial'nykh prav // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk. – 2019. – № 5. – Tom 14. – S. 114–140.
10. Orlova Ye. Ye. Aktual'nyye napravleniya transformatsii gosudarstvennoy politiki v sfere zanyatosti naseleniya // Pravo: istoriya i sovremennost'. – 2023. – № 1. – Tom 7. – S. 40–47.
11. Orlova Ye. Ye. Zanyatost' naseleniya kak pravovaya kategoriya: ponyatiye i priznaki // Trudovoye pravo v Rossii i za rubezhom. – 2017. – № 1. – S. 14–17.
12. Suleymanova F. O. Perspektivy ratifikatsii stat'i 23 Yevropeyskoy sotsial'noy khartii (pravo grazhdan pozhilogo vozrasta na sotsial'nuyu zashchitu) // Trudovoye pravo v Rossii i za rubezhom. – 2022. – № 1. – S. 16–19.
13. Umnova-Konyukhova I. A., Kostyleva Ye. D. Konstitutsionnaya doktrina sotsial'nogo gosudarstva v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda i Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii na primere zashchity sotsial'nykh prav // Pravosudiye/Justice. – 2023. – Tom 5. – № 2. – S. 110–131.
14. Fedorenko P. A., Kovalenko Ye. V. Pravovaya priroda i sootnosheniye ponyatiy «sotsial'naya zashchita» i «sotsial'noye obespecheniye» naseleniya / Problemy i perspektivy sovremennoy nauki: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Neftekamsk: Nauchno-izdatel'skiy tsentr “Mir nauki” – 2019. – S. 179–182.
15. Khodusov A. A. Konstitutsionnaya zashchita sotsial'nykh prav i svobod // Yevraziyskaya advokatura. – 2017. – № 2 (27). – S. 52–56.

Статья поступила в редакцию 28.06.2023; одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 06.01.2024.

The article was submitted June 28, 2023; approved after reviewing September 15, 2023; accepted for publication January 6, 2024.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Частно-правовые (цивилистические) науки

Научная статья

УДК 347

doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-69-75

Екатерина Валерьевна Самсонова

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0001-8466-4290>, ekatersamson@yandex.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Проблемные аспекты действия принципов контрактной системы в сфере государственных закупок в современных условиях

Аннотация: **Введение.** Дальнейшее развитие института контрактной системы в сфере государственных закупок в условиях перехода к шестому технологическому укладу [1, с. 130] и нацеленности Российской Федерации на построение экономики знаний и высоких технологий [2, с. 8] должно происходить на концептуальной первооснове, в строгой гармонии со всей системой правовых принципов, действующих в данной сфере. Роль юридической науки в этом процессе состоит в том, чтобы показать новые грани актуальности и востребованности всех принципов контрактной системы в сфере государственных закупок, их практическую эффективность в новых реалиях. **Цель исследования:** на основе анализа комплекса принципов контрактной системы, действующего в сфере государственных закупок, выделить особенности и проблемные аспекты реализации этих принципов в условиях цифровизации и модернизации экономики. **Методы исследования:** в работе автор в необходимой мере использовал как общенаучные (диалектический, логический и др.), так и частнонаучные методы (сравнительно-правовой, формально-юридический и др.), что позволило в конечном счете достичь поставленной цели. **Результаты:** исследование принципов контрактной системы в сфере государственных закупок позволило определить проблемные аспекты их реализации в современных условиях, скорректировать задачи согласно актуальным вызовам времени, показать важность разграничения целей и принципов правового регулирования для их правильной классификации.

Ключевые слова: цифровизация, закупки, принципы права, контрактная система, государственные и муниципальные закупки, цели правового регулирования, принцип стимулирования инноваций, эффективность

Для цитирования: Самсонова Е. В. Проблемные аспекты действия принципов контрактной системы в сфере закупок в современных условиях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 69–75; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-69-75.

Ekaterina S. Samsonova

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0001-8466-4290>, ekatersamson@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Problematic aspects of the principles of the contract system in the field of state procurement under modern conditions

Abstract: Introduction. Further development of the institution of the contract system in the field of state procurement in context of the transition to the sixth technological paradigm [1, p. 130] and the focus of the Russian Federation on building an economy of knowledge and high technologies [2, p. 8] should take place on a conceptual basis, in strict harmony with the entire system of legal principles operating in this field. The role of legal science in this process is to show the relevance and demand of all principles of the contract system in the field of state procurement, their practical effectiveness in new reality. **The purpose of the study.** Based on the analysis of the set of principles of the contract system operating in the field of state procurement, the purpose is to identify the features and problematic aspects of the implementation of these principles in the context of digitalization and modernization of the economy. **Research methods.** In the research, to the extent necessary the author used both general scientific (dialectical, logical, etc.) and private scientific methods (comparative legal, formal legal, etc.), which ultimately allowed to achieve the set goal. **Results:** The study of the principles of the contract system in the field of state procurement made it possible to identify problematic aspects of their implementation in modern conditions, to adjust the tasks according to current challenges of our time, to show the importance of distinguishing goals and principles of legal regulation for their correct and proper classification.

Keywords: digitalization, procurement, principles of law, contract system, state and municipal procurement, objectives of legal regulation, the principle of stimulating innovation, efficiency

For citation: Samsonova E.V. Problematic aspects of the principles of the contract system in the field of state procurement under modern conditions // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 69–75; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-69-75.

Введение

Цифровизация всех сфер общественной жизни меняет традиционные представления о способах и формах как частного правового, так и публично-правового регулирования. Тем самым, на первый взгляд, как будто ставится под сомнение актуальность и востребованность принципов права в правовом регулировании общественных отношений, в том числе и в сфере государственных закупок.

Как справедливо отмечает А. В. Коновалов, «при сложившемся сегодня достаточно уважительном отношении к категории принципов права – международных, конституционных, общеправовых, отраслевых, – демонстрируемом как в ученых трудах, так и в практике судебного правоприменения, есть ощущение, что даже высококвалифицированные специалисты относятся к ним как к бесконечно отвлеченному понятию, не имеющему никакого существенного практического значения. Конечно, при таком отношении к принципам права стратегические перспективы правоприменения и состояния нормативно-правового регулирования скорее всего будут негативными» [3, с. 727].

В настоящем исследовании автор, рассматривая некоторые проблемные аспекты правового регулирования в сфере государственных закупок, предпринимает попытку показать

особую актуальность принципов контрактной системы в сфере государственных закупок в новых условиях, их способность обеспечивать развитие законодательства в указанной сфере в соответствии с запросом текущего момента.

Методы

Методологической основой работы стали общенаучные методы, в том числе диалектический метод; системный метод, послуживший основой выделения четырех уровней принципов, действующих в контрактной системе в сфере государственных закупок РФ; метод структурно-функционального анализа.

Наряду с общенаучными были использованы и частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой и др.

Результаты

В новых реалиях цифровые способы организации конкурсов и закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд получили самое широкое распространение. Процесс осуществления закупок повсеместно происходит в едином информационном пространстве с использованием современных систем автоматического управления и планирования. Торги и конкурсы, согласно Федеральному закону от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹ (далее – Федеральный закон № 44-ФЗ), можно проводить на различных электронных торговых площадках, крупнейшими из которых в нашей стране являются «РТС-тендер», «ЕАТ Березка», «Сбербанк-АСТ» и др.

Внедрение новых технологий в сферу государственных закупок обуславливает и новые ожидания от их правового регулирования: оно должно быть высокотехнологичным, практико-ориентированным и максимально эффективным [3, с. 726].

Однако в действительности фактическое отставание права от бурного развития технологий привело к тому, что в сфере государственных закупок постепенно накопился ряд проблем, которые условно можно разделить на три группы: технически-инструментальные (технические ошибки при загрузке данных; повсеместное распространение неправомерной методологии саморегулирования технологий [4, с. 83–132], отсутствие гибкой системы безопасности торговых площадок и др.); правовые (запаздывание регулятивных предписаний, нарастание сложности и противоречивости законодательства в сфере государственных закупок, беспомощность традиционных правовых инструментов против кибератак в интернет-пространстве [5, с. 34] и др.); политико-правовые (слабость научно-технической политики [6, с. 143], преобладание неконкурентных способов закупок, коррупция и засилье ведомственных интересов [7, с. 254]).

С другой стороны, стремление законодателя сделать правовое регулирование в сфере государственных закупок высокотехнологичным и практико-ориентированным на деле ведет к подмене концептуальных правовых основ новыми технологическими возможностями, стремлением решить все возникающие проблемы техническими средствами, что в конечном счете может завершиться полной дискредитацией традиционного регулирования, негативными последствиями в правоприменительной практике. Так, например, современные ученые предлагают решить проблему хаотичного, бессистемного реагирования права на запросы времени следующим образом: «Включить в нормы права (законы, подзаконные правовые акты), причем это можно сделать только в электронном варианте текстов, таймеры – специальные компьютерные программы, учитывающие время действия данной нормы и синхронизирующие действие множества отдельных норм права в различных законах (отраслях права и вообще во всем массиве законодательства, начиная с Конституции РФ и далее во всем массиве законов, подзаконных актов по иерархии)» [8, с. 153]. Такое предложение весьма разумно и своевременно, поскольку позволит обеспечить системную связь различных норм права с точки зрения фактора времени, однако без прочного концептуального фундамента принципиально решить проблему таким образом не удастся.

Еще одной тенденцией современного правотворчества и правоприменения в сфере государственных закупок является доминирование сугубо инструментального подхода, суть которого состоит в том, что отдельно взятая, узконаправленная категория общественных отношений рассматривается вне контекста однородных отношений и в ущерб им. Такая правовая ситуация приводит к стремлению урегулировать новые явления и процессы

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 10.06.2023).

в сфере государственных закупок без должного понимания их правовой природы путем принятия множества новых узконаправленных норм, порой совершенно оторванных от концептуальной первоосновы. Так, Федеральный закон № 44-ФЗ пережил уже 58 редакций, и это, к сожалению, далеко не предел. Громоздкость и сложность самих норм для восприятия и реализации вызывает отторжение у правоприменителей, стремление найти такие подходы к практике их применения, которые отличались бы простотой и ясностью, формируя тем самым объективный запрос на новые оптимальные модели правового регулирования.

Безусловно, для обеспечения эффективного правового регулирования отношений в сфере государственных закупок применение инструментального подхода оправданно, однако «необходимый для эффективности правоприменения инструментализм должен быть концептуальным и контекстным, происходящим из комплексной, квалифицированной и длящейся оценки всего нормативного массива, а не из разрозненных односторонних подходов» [3, с. 730].

В связи с этим важнейшей задачей принципов права становится обеспечение соответствия узкоспециальных институтов и инструментов в сфере закупок общим правовым концепциям.

Вторая, не менее важная задача принципов права в современных условиях – служить ограничителем для новых технологий, получивших сегодня беспрецедентное развитие. Эти технологии призваны оптимизировать организацию и формы правового регулирования в сфере закупок, но ни в коем случае не должны затрагивать сути самих отношений и механизма их регулирования. Более того, новые технологии должны развиваться с учетом требований объективных принципов права, гармонизировать с ними.

Говоря о реализации принципов права непосредственно в контрактной системе в сфере закупок, следует отметить, что по содержанию она включает в себя четыре уровня норм и принципов: общеправовые принципы (единообразие правоприменения, обеспечение оптимального баланса интересов и др.); нормы и принципы гражданского законодательства; нормы и принципы специального законодательства о государственных закупках (ст. 2 Федерального закона № 44-ФЗ) и, наконец, публично-правовые нормы и принципы, поскольку осуществление государственных закупок происходит за счет бюджетных источников финансирования. Так, при оплате обязательств, принимаемых заказчиками на основании договоров государственной закупки, применяются в том числе нормы-принципы, сформулированные в статьях Бюджетного кодекса РФ² (ст. 34 «Принцип эффективности использования бюджетных средств», ст. 38 «Принцип адресности и целевого характера бюджетных средств» и др.).

При этом все четыре уровня норм и принципов, регулирующих отношения в сфере государственных закупок, в конечном счете, формируют единую установку на добросовестное поведение любого участника на любом этапе отношений в сфере закупок и характеризуются своим механизмом реализации.

Специальные принципы контрактной системы в сфере закупок имеют ярко выраженную публичную направленность и поэтому должны осуществляться в строгом соответствии с принципами трех остальных уровней, что совершенно справедливо, ведь действия публичной власти в соответствии с общеправовыми принципами добросовестности, эффективности и др. на всех этапах осуществления закупок являются предметом пристального внимания всего общества.

Статья 6 Федерального закона № 44-ФЗ относит к специальным принципам контрактной системы в сфере государственных закупок следующие: принцип открытости и прозрачности информации о контрактной системе в сфере закупок; принцип обеспечения конкуренции; принцип профессионализма заказчиков; принцип стимулирования инноваций; принцип единства контрактной системы в сфере закупок; принцип ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд; принцип эффективности осуществления закупок.

Определяя эти принципы, М. В. Шмелева предлагает понимать под ними «исходные, руководящие, закрепленные в законе о контрактной системе и об осуществлении закупок отдельными видами юридических лиц, выработанные наукой и теорией положения (начала), на основе которых реализуются функции субъектов контрактных правоотношений, направленные на достижение целей и задач, стоящих перед государством в указанной области» [9, с. 15].

² Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 14.04.2023) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 10.06.2023).

Таким образом, конечным нормативным ориентиром для участников отношений в сфере госзакупок является «достижение целей и задач, стоящих перед государством» в этой области. Поэтому вопрос научной разработки и последующего закрепления целей осуществления государственных закупок и отграничение их от соответствующих принципов является немаловажным как для законодателя, так и для правоприменителя, поскольку именно юридические цели и планируемые средства их достижения определяют первый этап механизма правового регулирования – создание норм права и закрепление соответствующих правовых принципов деятельности субъектов правоотношений. Очевидно, что неверно сформулированные, социально необусловленные или заведомо искаженные юридические цели изначально подрывают потенциал любых юридических средств и тем самым, снижают эффективность механизма правового регулирования [10, с. 27].

Ранее цели осуществления государственных закупок были законодательно закреплены в ст. 13 Федерального закона № 44-ФЗ. Однако в последующем статья утратила силу по причине избыточности, поскольку определяла цели осуществления государственных закупок через дублирование классификации расходов бюджета.

Современные ученые предлагают относить к целям государственных закупок «создание условий для своевременного и полного удовлетворения потребностей юридических лиц (заказчиков) в товарах, работах, услугах с необходимыми показателями цены, качества и надежности; развитие добросовестной конкуренции; эффективной реализации социальных, промышленных и экологических целей в области закупок; расширение возможностей участия юридических и физических лиц в закупке товаров, работ, услуг для нужд заказчиков и стимулирование такого участия; предотвращение коррупции и других злоупотреблений; подотчетность, импортозамещение и поддержка отечественных производителей....» [11, с. 50, 12, с. 26].

Сопоставляя потенциальные цели и принципы контрактной системы в сфере государственных закупок, можно констатировать, что во многом в смысловом значении они совпадают. Представляется, что их разграничение может осуществляться с учетом того, что цель – это конечное состояние системы, которое предполагается достигнуть, а принцип – это основа функционирования системы – ожидаемое, идеальное состояние государственных закупок как систематизированного процесса, посредством которого достигается цель.

При этом подчеркнем, что цели направлены на построение системы правового регулирования государственных закупок, то есть фактически на формирование правовой политики в этой сфере, тогда как непосредственно принципы государственных закупок могут реализовываться при осуществлении государственных закупок в условиях сформулированной системной модели государственных закупок как процесса приобретения товаров (работ, услуг) [13, с. 231]. Поэтому полагаем, что принцип стимулирования инноваций, закрепленный в ст. 10 Федерального закона № 44-ФЗ, целесообразно отнести скорее к целям, нежели к принципам контрактной системы в сфере закупок, поскольку его воплощение невозможно без реализации грамотной национальной промышленной инновационной политики государства, ключевыми инструментами которой как раз и являются внедрение инноваций и модернизация всех сфер экономики [14, с. 319].

Следует поддержать мнение тех ученых, которые, считают, что решающее значение в ускорении процесса внедрения технологических инноваций во все сферы жизни общества играет стимулирование со стороны государства научной, научно-технической и инновационной деятельности, в том числе и посредством экономических льгот. С точки зрения правового регулирования сферы государственных закупок в Российской Федерации достижение этой цели потребует внесения изменений в Федеральный закон № 44-ФЗ, учитывающих специфику финансирования научной, инновационной и образовательной деятельности; упрощение правил закупок оборудования и расходных материалов в гражданской сфере, существенное увеличение срока проведения конкурсов, чтобы он был достаточным для проведения квалифицированной научной экспертизы [14, с. 320, 15, с. 24].

Заключение

Таким образом, в сфере государственных закупок РФ действует сложная, логически последовательная, упорядоченная совокупность основополагающих начал, разнопорядковых и разнозначных по своему содержанию, отражающая неизменный общественный запрос на оптимальную правовую организацию общественных отношений в этой сфере. Любая новая модель правового регулирования этих отношений, какой бы прогрессивной она ни оказалась, должна быть выстроена в соответствии со всей системой принципов права и обеспечивать неукоснительное следование им в объективном и независимом правоприменении.

менении, а дальнейшая научная разработка принципов контрактной системы в сфере государственных закупок позволит максимально глубоко познать сущность всей совокупности отношений в этой сфере, а значит, и определить дальнейшие пути ее совершенствования.

Список литературы

1. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России : монография. – Москва: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 184 с.
2. Правовое обеспечение реализации национальных проектов социально-экономического развития России до 2030 года : монография / отв. ред. В. Б. Ястребов. – Москва: Проспект, 2021. – 206 с.
3. Коновалов А. В. Принципы права : монография. – Москва: Норма: Инфра-М, 2024. – 792 с.
4. Минбалеев А. В., Мартынов А. В., Камалова Г. Г., Чубукова С. Г. Механизмы и модели регулирования цифровых технологий : монография. – Москва: Проспект, 2023. – 264 с.
5. Бегишев И. Р. Уголовно-правовые аспекты кибертерроризма // Правовые вопросы национальной безопасности. – 2010. – № 5-6. – С. 34–37.
6. Понятийный аппарат в информационном праве / отв. ред. И. Л. Бачило, Т. А. Полякова, В. Б. Наумов : кол. монография. – Москва: ИГП РАН – Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. – 264 с.
7. Осипова К. И. Экономический и правовой анализ закупочной деятельности в системе МВД России // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 2. – С. 252–254.
8. Голоскоков Л. В., Голоскокова Т. И., О’Делл М. А. Сетевые аспекты развития права, государства, общества : монография. – 2-е изд., стер. – Санкт-Петербург: Лань, 2021. – 308 с.
9. Шмелева М. В. Теоретико-методологические основы государственных (муниципальных) закупок : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2018. – 219 с.
10. Куликов М. А. Юридические цели и средства как основа механизма правового регулирования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2022. – № 2. – С. 25–33.
11. Шмелева М. В. Разработка новой концептуальной модели государственных закупок через теоретическое познание основных категорий // Российская юстиция. – 2019. – № 6. – С. 48–51.
12. Васин С. Г., Малышев Г. К. Развитие концепции повышения экономической эффективности государственных закупок // Финансовые рынки и банки. – 2023. – № 4. – С. 25–31.
13. Амельченя Ю. А. К вопросу о гражданско-правовых принципах и специальных принципах в сфере государственных закупок в Республике Беларусь // Третьи Бачиловские чтения «Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований» : материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 7 февраля 2020 г. – Москва: Проспект, 2020. – С. 227–232.
14. Тихомиров Ю. А., Емельянец В. П., Аюрова А. А. [и др.]. Эффективность законодательства: вопросы теории и практика : монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. П. Емельянец. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Москва: Инфра-М, 2015. – 336 с.
15. Лапин А. В. Принципы административно-правового обеспечения политики государства по развитию автомобильной промышленности // Административное и муниципальное право. – 2011. – № 3. – С. 24–33; doi: 10.7256/2454-0595.2011.3.4995.

References

1. Pashentsev D. A., Zaloilo M. V., Dorskaya A. A. Smena tekhnologicheskikh ukladov i pravoye razvitiye Rossii : monografiya. – Moskva: IZiSP: Norma: INFRA-M, 2022. – 184 s.
2. Pravovoye obespecheniye realizatsii natsional’nykh proyektov sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii do 2030 goda : monografiya / otv. red. V. B. Yastrebov. – Moskva: Prospekt, 2021. – 206 s.
3. Konovalov A. V. Printsipy prava : monografiya. – Moskva: Norma: Infra-M, 2024. – 792 s.
4. Minbaleyev A. V., Martynov A. V., Kamalova G. G., Chubukova S. G. Mekhanizmy i modeli regulirovaniya tsifrovyykh tekhnologiy: monografiya. – Moskva: Prospekt, 2023. – 264 s.
5. Begishev I. R. Ugolovno-pravovyye aspekty kiberterrorizma // Pravovyye voprosy natsional’noy bezopasnosti. – 2010. – № 5-6. – S. 34–37.

6. *Ponyatiynyy apparat v informatsionnom prave / otv. red. I. L. Bachilo, T. A. Polyakova, V. B. Naumov : kol. monografiya.* – Moskva: IGP RAN – Izdatel'stvo «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2017. – 264 s.
7. *Osipova K. I. Ekonomicheskiy i pravovoy analiz zakupochnoy deyatel'nosti v sisteme MVD Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii.* – 2019. – № 2. – S. 252–254.
8. *Goloskokov L. V., Goloskokova T. I., O'Dell M. A. Setevyye aspekty razvitiya prava, gosudarstva, obshchestva : monografiya.* – 2-ye izd., ster. – Sankt-Peterburg: Lan', 2021. – 308 s.
9. *Shmeleva M. V. Teoretiko-metodologicheskiye osnovy gosudarstvennykh (munitsipal'nykh) zakupok : monografiya.* – Moskva: Yurlitinform, 2018. – 219 s.
10. *Kulikov M. A. Yuridicheskiye tseli i sredstva kak osnova mekhanizma pravovogo regulirovaniya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya.* – 2022. – № 2. – S. 25–33.
11. *Shmeleva M. V. Razrabotka novoy kontseptual'noy modeli gosudarstvennykh zakupok cherez teoreticheskoye poznaniye osnovnykh kategoriy // Rossiyskaya yustitsiya.* – 2019. – № 6. – S. 48–51.
12. *Vasin S. G., Malyshev G. K. Razvitiye kontseptsii povysheniya ekonomicheskoy effektivnosti gosudarstvennykh zakupok // Finansovyye rynki i banki.* – 2023. – № 4. – S. 25–31.
13. *Amel'chenya Yu. A. K voprosu o grazhdansko-pravovykh printsipakh i spetsial'nykh printsipakh v sfere gosudarstvennykh zakupok v Respublike Belarus' // Tre't'i Bachilovskiye chteniya «Tsifrovaya transformatsiya: vyzovy prava i vektory nauchnykh issledovaniy»: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 7 fevralya 2020 g. – Moskva: Prospekt, 2020. – S. 227–232.*
14. *Tikhomirov Yu. A., Yemel'yantsev V. P., Ayurova A. A. [i dr.]. Effektivnost' zakonodatel'stva: voprosy teorii i praktika : monografiya / otv. red. Yu. A. Tikhomirov, V. P. Yemel'yantsev.* – Moskva: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii: Moskva: Infra-M, 2015. – 336 s.
15. *Lapin A. V. Printsipy administrativno-pravovogo obespecheniya politiki gosudarstva po razvitiyu avtomobil'noy promyshlennosti // Administrativnoye i munitsipal'noye pravo.* – 2011. – № 3. – S. 24–33; doi: 10.7256/2454-0595.2011.3.4995.

Статья поступила в редакцию 17.06.2023; одобрена после рецензирования 12.11.2023; принята к публикации 15.01.2024.

The article was submitted June 17, 2023; approved after reviewing November 12, 2023; accepted for publication January 15, 2024.

Уголовно-правовые науки

Научная статья

УДК 343

doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-76-83

Елена Юрьевна Алонцева

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-2008-4171>, Alontseva.alena@yandex.ru

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Российская Федерация, 117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

Судебный контроль за процессуальными решениями следователя: сущность и перспективы

Аннотация: **Введение.** Статья посвящена теоретическому анализу норм, регулирующих судебный контроль в досудебном производстве, его регламентации, сущности и значимости, а также изучению формы и содержания. Эффективность и целесообразность судебного контроля связаны с дискуссионной ролью суда при принятии некоторых решений в ходе предварительного расследования. Подвергнут исследованию порядок обращения следователя в суд в досудебном производстве, уточнена роль руководителя следственного органа при согласовании подобного обращения и прокурора. Рассмотрены вопросы необходимости судебного контроля в досудебном производстве в части процессуальных решений следователя. В процессе научного исследования обобщены научные представления о судебном контроле и его содержании в досудебном производстве. **Методы.** Для достижения указанной цели применялись описательный, формально-логический методы и метод толкования правовых норм. **Результаты.** По итогам проведённого научного исследования представлена классификация судебного контроля по содержанию процессуальной деятельности, определены и сформулированы основные цели процессуальной проверки законности и обоснованности обращения в суд следователя с ходатайством о производстве следственных и процессуальных действий, проанализированы перспективы изменения контроля за производством указанных действий и роли прокурора в данной процессуальной деятельности.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, следователь, суд, прокурор, судебный контроль, ходатайство, следственные действия

Для цитирования: Алонцева Е. Ю. Судебный контроль за процессуальными решениями следователя: сущность и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 76–83; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-76-83.

Elena Yu. Alontseva

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-2008-4171>, Alontseva.alena@yandex.ru

*Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation*

Judicial control over investigator's procedural decisions: essence and prospects

Abstract: Introduction. The article is devoted to a theoretical analysis of the rules governing judicial control in pre-trial proceedings, its regulation, essence and significance, as well as the study of form and content. The effectiveness and appropriateness of judicial control are related to the discursive role of the court in making certain decisions during the preliminary investigation. The procedure for an investigator's appeal to the court in pre-trial proceedings was examined and the role of the head of the investigative body in coordinating such an appeal and the prosecutor was clarified. The issues of the need for judicial control in pre-trial proceedings regarding procedural decisions of the investigator are considered. In the process of scientific research, scientific ideas about judicial control and its content in pre-trial proceedings are summarized. Methods. To achieve this goal descriptive, formal-logical methods and the method of interpretation of legal norms were used. Results. Based on the results of the scientific research a classification of judicial control according to the content of procedural activities is presented, the main goals of the procedural verification of the legality and validity of an investigator's application to the court with a petition to carry out investigative and procedural actions are identified and formulated, the prospects for changing control over the production of these actions and the role of the prosecutor in this procedural activities are analyzed.

Keywords: criminal proceedings, investigator, court, prosecutor, judicial control, petition, investigative actions.

For citation: Alontseva E. Yu. Judicial control over investigator's procedural decisions: essence and prospects // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024. – № 1 (101). – P. 76–83; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-76-83.

Введение

Цели и задачи уголовного судопроизводства могут быть достигнуты только при условии строгого соответствия уголовно-процессуальной деятельности предписаниям Конституции Российской Федерации, провозглашающей права и свободы высшей ценностью государства. Данные требования основного закона государства нашли отражение и в отраслевом законодательстве. В соответствии с Конституцией Российской Федерации именно суд относится к судебной власти и осуществляет защиту прав и свобод человека и гражданина. В этом контексте суд не только рассматривает дела по существу, разрешает спор между сторонами в судебном заседании, но и осуществляет признание прав и свобод лиц, их судебную защиту, обеспечивает уважение чести и достоинства личности.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) требует принятия судебного решения в случае необходимости ограничения конституционных прав и свобод граждан. Полномочия суда по проверке законности процессуальных действий в стадии возбуждения уголовного дела и в стадии предварительного расследования именуется судебным контролем. Несмотря на давнюю историю появления судебного контроля (Устав уголовного судопроизводства 1864 г.), судебный контроль был введен в уголовно-процессуальный закон в 2001 г., и в начале своего действия вызывал множество дискуссий и правоприменительных проблем.

Для того чтобы прийти к пониманию его актуальности, целесообразности и улучшению качества досудебного производства, проанализируем основные теоретические понятия, мнения некоторых авторов научных публикаций и существующие проблемы в правоприменении.

Методы и результаты

В соответствии с действующим законодательством судебный контроль регламентирован не только множеством норм уголовно-процессуального законодательства в досудебном производстве (ст. ст. 29, 109, 110, 114, 115, 165, 203 УПК РФ и др.), но и судебными актами Верховного Суда РФ – постановлениями Пленума Верховного Суда РФ¹.

Полагаем, что в первую очередь следует начать рассмотрение судебного контроля с определения его сущности и соотношения с другими полномочиями суда при осуществлении правосудия.

Проверка законности и обоснованности всех процессуальных действий, совершаемых государственными органами и должностными лицами в ходе досудебного производства, как правило, осуществляется в процессе судебного разбирательства. Судебное разбирательство и рассмотрение жалоб и представлений о законности принятого решения в следующих стадиях уголовного судопроизводства обеспечивает контроль судебных органов и судебную защиту. Конституция РФ гарантирует всем право на судебную защиту, и ч. 1 ст. 46 Конституции РФ устанавливает право гражданина обжаловать в суд решения государственных органов и должностных лиц. В соответствии с этой нормой уголовно-процессуальный закон устанавливает право обжалования в суд (ст. 125 УПК РФ) действий и решений должностных лиц и государственных органов, ведущих расследование. При этом в досудебном производстве круг процессуальных действий, следственных действий и принудительных мер, которыми затрагиваются конституционные права и свободы граждан, достаточно широк. Можно утверждать, что любое действие государственных органов и должностных лиц, осуществляющих расследование, возможно обжаловать в суд.

Также судебное решение в досудебном производстве является правовым основанием для производства следственных действий в соответствии с ч. 2 ст. 164, ст. 164.1 и ст. 165 УПК РФ.

Дискуссионность вопроса судебного контроля не является новой и объясняется прежде всего его соотношением с функцией суда в целом и в уголовном судопроизводстве. Допустимо ли считать данный вид деятельности суда правосудием в широком смысле слова, либо следует считать формой проявления полномочий суда, связанных с контролем за законностью решений, принимаемых в досудебном производстве следователем, дознавателем либо органом дознания? Относится ли контрольная деятельность суда ко всему уголовному судопроизводству, либо только к судебным стадиям? Это основные дискуссионные моменты, которые не разрешены в теоретическом понимании однозначно.

Понятие судебного контроля не закреплено в УПК РФ, сам законодатель не употребляет подобного термина. При формулировке положений закона применительно к полномочиям суда в досудебном производстве законодатель использует термины «судебное решение», «разрешение суда», «по судебному решению», подразумевая контрольную деятельность суда лишь в судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Рассмотрим более детально понятие судебного контроля в теоретических и научных работах. Сам термин «судебный контроль» появился в доктрине уголовного процесса в связи с расширением полномочий суда в досудебном производстве. Однако более расширительное толкование и использование он получил именно с принятием УПК РФ 2001 г. Сформировались различные подходы к его пониманию² [1, с. 117–118; 2, с. 61–62; 3, с. 163; 4, с. 13; 5, с. 43–50].

Группа авторов относит судебный контроль к определенной процессуальной деятельности суда, связанной с проверкой законности решений, обеспечивающей защиту конституционных прав и свобод лиц в досудебном производстве, не считая судебный контроль правосудием. Функция суда в этом случае направлена на обеспечение законности действий и решений следователя, исправление ошибок следователя, предупреждение

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 11.06.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения 18.03.2023).

О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 г. № 19 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217688/ (дата обращения 18.03.2023).

О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 (ред. от 28.06.2022) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84964/ (дата обращения 18.03.2023).

² Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф. дис. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004. – 46 с.

их совершения при расследовании других уголовных дел, либо принятии решений. В досудебном производстве это судебный контроль, а при производстве дела в суде – правосудие [6, с. 344–345; 7, с. 7–9; 8, с. 48].

Противоположной точки зрения придерживаются другие ученые и авторы научных работ. В. Л. Лазарева считает судебный контроль и правосудие схожими правовыми явлениями в связи с тем, что они имеют единую цель: защита прав и свобод человека и гражданина [9, с. 41]. Подобное сходство выделяют и А. А. Азаров, и И. Ю. Таричко [10, с. 135]. А. П. Гуськова [11] и И. Л. Петрухин также полагают, что судебный контроль следует считать правосудием [12, с. 13].

Таким образом, другая группа процессуалистов полагает, что судебный контроль следует считать особой формой правосудия.

Отчасти можно разделить подобную точку зрения большинства авторов. Но есть определенные отличия правосудия от процедуры рассмотрения судом обращений следователя с постановлением о возбуждении перед судом ходатайства. Эти отличия, на наш взгляд, являются существенными и не позволяют отождествлять эти виды деятельности суда. Прежде всего к ним следует отнести отсутствие элементов структуры судебного разбирательства, его основных черт, принципов и общих условий. Стороны не имеют равных возможностей, отсутствует гласность при рассмотрении ходатайства следователя, круг участников судебного заседания специфичен и ограничен. Судебный контроль можно рассматривать как полномочия суда, осуществляемые в ходе судебного заседания, в некоторых случаях с участием сторон, представляющие совокупность процессуальных действий по определению законности решений, защите конституционных прав и свобод в досудебном производстве, а также при рассмотрении дела по существу и в других стадиях уголовного судопроизводства по исполнению судебных решений, их обжалованию и устранению последствий нарушения закона.

Задачи настоящей научной работы предопределили рассмотрение контроля суда в досудебном производстве. В связи с этим следующим аспектом, требующим рассмотрения, является вопрос о форме процессуального контроля, его значении и эффективности для качества расследования и обеспечения юридических гарантий. Термин «форма» означает внешнее проявление чего-либо, его очертания, структуру. В литературе с указанным подходом к понятию и сформулированы основные виды классификаций и форм судебного контроля. Однако целесообразнее рассмотреть его формы по содержательному признаку деятельности. С учетом данного значения полагаем возможным выделить следующие формы контрольной деятельности суда в досудебном производстве:

- процессуальный контроль суда в стадии возбуждения уголовного дела;
- рассмотрение ходатайств государственных органов и должностных лиц и принятие судебного решения о производстве следственных и процессуальных действий, связанных с ограничением личных прав и свобод;
- рассмотрение ходатайства об ограничении времени ознакомления с делом обвиняемого;
- рассмотрение жалоб участников уголовного судопроизводства и иных лиц о нарушении прав и невозможности доступа к правосудию;
- судебный контроль за качеством предварительного расследования в судебном производстве;
- вынесение частного определения в отношении следователя.

Значительное расширение сферы судебного контроля и его форм и содержания объясняется необходимостью создания условий для состязательности сторон, законности производства по делу, обеспечения возможности отстаивать в полной мере свои права и законные интересы участников уголовного судопроизводства.

На стадии возбуждения уголовного дела судебный контроль возникает в случае обжалования участниками судопроизводства либо заинтересованными лицами постановления следователя о возбуждении уголовного дела, постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, решения о производстве осмотра жилища, если лица, проживающие в нем, возражают против осмотра, эксгумации трупа. Также судебным контролем можно назвать согласие суда для возбуждения уголовного дела в отношении отдельных категорий лиц (ст. 448 УПК РФ). В данных проявлениях судебной проверки нельзя установить одну цель. Она в этом случае разнообразна. Так, целью является проверка законности решений на предмет ограничения конституционных прав и свобод граждан. Рассмотрение жалобы заявителя или иных лиц позволяет установить законность этого решения судом и обеспечить доступ граждан к правосудию. При даче согласия суда

на возбуждение уголовного дела в отношении лиц, относящихся к особой категории, суд определяет отсутствие какого-либо интереса в возбуждении уголовного дела в отношении лиц, наделенных статусом должностных лиц, с целью воздействия на них.

В рамках одной научной работы невозможно рассмотреть все указанные выше виды контроля. Наибольший интерес представляют процессуальные полномочия суда по рассмотрению ходатайств следователя о применении мер процессуального принуждения, о производстве следственных и иных процессуальных действий и вынесению решения, на которых считаем необходимым остановиться подробнее. Полномочия суда по принятию решения в данной сфере наиболее значимы и существенны. Прежде всего большое количество процессуальных и следственных действий попадают в перечень принятия судом решения об их производстве. К ним относятся четыре группы процессуальных действий: меры пресечения, иные меры процессуального принуждения, следственные действия, процессуальные действия (уничтожение вещественных доказательств, эксгумация), помещение лица в психиатрический стационар для производства экспертизы (ст. 203 УПК РФ). Целью контроля суда в данном случае является установление оснований производства следственных действий, фактических обстоятельств и условий применения мер процессуального принуждения либо продления их срока, либо проверка законности и наличия оснований для проверки производства некоторых следственных действий без судебного решения в случаях безотлагательности. В сложившейся ситуации судебный контроль осуществляется после производства следственного действия и имеет схожую цель: обеспечение гарантий для участников уголовного судопроизводства судебного решения в случае ограничения конституционных прав (неприкосновенность личности, жилища и т. д.). Гарантии являются юридическими мерами судебной защиты прав и свобод личности и определены достижением целей и задач судопроизводства. Но именно данная форма судебного контроля представляет интерес и вызывает неоднозначное к нему отношение со стороны ученых и практиков.

Ранее интерес к данной форме судебного контроля проявлялся в его новизне и недостаточной регламентации процедуры, неясности полномочий суда и спорности в законности действий суда, его возможности оценить и принять решение по ходатайству, не вступая при этом в обсуждение вопроса о виновности, о доказанности событий, а всего лишь определяя его роль для установления законности оснований проведения либо для оценки процедуры и законности проведения (в рамках последующего судебного контроля после производства следственного действия, например, в исключительных обстоятельствах, не терпящих отлагательства). Большинство авторов поддерживает существование и необходимость судебного контроля за производством следственных действий, предлагая расширить виды следственных действий и включить в полномочия суда дачу разрешения (ч. 2 ст. 29 УПК РФ) на эксгумацию трупа и помещение лица в психиатрический или медицинский стационар [13, с. 157]. Высказываются и диаметрально противоположные мнения. Последние несколько лет важность данной процессуальной деятельности обусловлена рассмотрением вопроса о ненужности, сложности, неэффективности, формальности судебного контроля в досудебном производстве и возвращении некоторых полномочий прокурору. Интересной и категоричной представляется в этом свете позиция С. Б. Россинского, который полагает справедливым отменить предварительную процедуру получения судебного решения для производства следственных действий как сложную процедуру процессуального и организационного характера, создающую правовую преграду производству таких следственных действий, как обыск, осмотр, выемка и в целом эффективного производства на первоначальном этапе [14, с. 292].

Чуть менее категоричным предложением по принятию мер, направленных на эффективность процедуры судебного решения для производства следственных действий и мер процессуального принуждения, является наделение прокурора полномочием давать согласие следователю для обращения в суд с ходатайством [15, с. 92]. Именно прокурор в полной мере сможет осуществлять проверку обоснованности, мотивированности ходатайства следователя, знакомиться с материалами уголовного дела, и не только с копиями, в том случае, когда согласие дает руководитель следственного органа. Затем прокурор поддерживает в суде ходатайство следователя либо присутствует в судебном заседании при проверке законности уже произведенного следственного действия. Именно его участие, а не руководителя следственного органа предусмотрено в судебном заседании. При этом его участие станет обязательным, а не возможным, как предусмотрено в УПК РФ в настоящее время. Он будет нести ответственность наряду со следователем за наличие правовых и юридических оснований производства следственных действий, обоснованность решений

следователя и целесообразность их производства. Роль руководителя следственного органа и его процессуальные полномочия в этом случае не продуманы. Есть основания предполагать, что и роль суда в этом случае рассмотрения ходатайств носит формальный характер. Суд не вправе определять доказанность каких-то действий, проверять доказательства, иметь предположения о виновности лица, наличии или отсутствии у него умысла, делать об этом соответствующие выводы. Суд не располагает всеми данными уголовного дела, как мог бы ими располагать прокурор в случае наделения его правом давать согласие следователю для обращения с ходатайством в суд. В данном вопросе следует согласиться с С. Б. Россинским, предлагающим оставить только последующий судебный контроль законности следственных действий, ограничивающих конституционные права лиц, вовлеченных в судопроизводство по уголовному делу. Считаем, что в данной процедуре судебная проверка законности и обоснованности решений аналогична судебному порядку рассмотрения жалоб, регламентированному ст. 125 УПК РФ. Исключительным отличием является возникновение процедуры только при наличии обращения с жалобой в суд, тогда как для процедуры проверки необходимо установление обязательности процедуры.

Заключение

Подводя итог исследованию, сформулируем основные выводы. Судебный контроль следует рассматривать как полномочия суда, осуществляемые в ходе судебного заседания, в некоторых случаях с участием сторон, представляющие совокупность процессуальных действий по определению законности решений, защите конституционных прав и свобод в досудебном производстве, а также при рассмотрении дела по существу и в других стадиях уголовного судопроизводства по исполнению судебных решений, их обжалованию и устранению последствий нарушения закона.

Целью контрольной деятельности суда в досудебном уголовном производстве при обращении следователя в суд является установление оснований производства следственных действий, фактических обстоятельств и условий применения мер процессуального принуждения, либо продления их срока.

Большинство авторов научных работ поддерживают необходимость судебного контроля при производстве следственных действий. Вместе с тем эффективность судебного контроля, его процедура и способы нуждаются в совершенствовании самого порядка, процедуры, ускорении, изменении полномочий руководителя следственного органа. Возвращение полномочий прокурору по принятию решений, принадлежащих в настоящее время суду, весьма затруднительно с учетом необходимости вынесения судебного решения по данным процессуальным действиям в соответствии с Конституцией РФ, реализации судебной защиты прав граждан в случае ограничения и применения принуждения, применяемых следователем в процессе расследования уголовного дела.

Список литературы

1. Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном процессе: понятие, виды, сущность и содержание // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 2. – С. 117–123.
2. Семенцов В. А., Гладышева О. В. Сущность и направления судебной деятельности в досудебном уголовном производстве // Вестник ЮУрГУ. Проблемы и вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. Серия: Право. – 2012. – № 7 (266). – Вып. 29. – С. 61–66.
3. Бертовский Л. В., Галицкая Е. Е. Понятие судебного контроля // Право и государство: теория и практика. Уголовный процесс. – 2022. – № 7 (211). – С. 161–163.
4. Петрухин И. Л. Прокурорский надзор и судебный контроль за следствием // Российская юстиция. – 1998. – № 9. – С. 12–14.
5. Солодилов А. В. Судебный контроль в системе уголовного процесса России : монография. – Томск: Изд-во Томского ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2000. – 297 с.
6. Зинатуллин З. З., Зезянов В. В. Судебная власть и правосудие по уголовным делам: соотношение с судебным контролем / Судебная власть в России: закон, теория, практика: сборник статей Международной научно-практической конференции. Тюмень, 19–20 ноября 2004 г. РАЮН. – Москва: Юрист, 2005. – С. 344–345.
7. Мельников В. Ю. Судебная реформа – некоторые вопросы судебного контроля // Российский судья. – 2008. – № 1. – С. 7–9.

8. Григорьева Н. В. Судебный контроль как средство обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 4. – С. 47–49.
9. Лазарева В. А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе : монография. – Самара, 1999. – 134 с.
10. Азаров В. А., Таричко И. Ю. Функции судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России : монография. – Омск, 2004. – 379 с.
11. Гуськова А. П. К вопросу о судебном порядке рассмотрения жалоб по уголовному делу в досудебном производстве // Проблемы совершенствования и применения законодательства о борьбе с преступностью: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию Башкир. гос. ун-та. – Ч. I. – Уфа: РИО БашГУ, 2004 [Электронный ресурс] // Уголовный процесс : сайт Константина Калиновского. – URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/ufa20042/guskova.htm> (дата обращения 30.07.2023).
12. Петрухин И. Л. Прокурорский надзор и судебный контроль за следствием // Российская юстиция. – 1998. – № 9. – С. 12–14.
13. Сабина Д. И., Гаджирамазанова П. К. Судебный контроль за производством следственных действий на стадии предварительного расследования // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 2. – С. 156–158.
14. Россинский С. Б. Судебный контроль за производством следственных действий: нужны ли дальнейшие реформы / Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы : материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию Кубанского государственного университета. – Краснодар. – 2020. – С. 289–297.
15. Трухачев В. В., Белоконь Г. Г. Прокурор в системе уголовного судопроизводства // Вестник ВГУ: Серия: Право. – 2021. – № 4. – С. 87–102.

References

1. Kovtun N. N. Sudebnyy kontrol' v ugovolnom protsesse: ponyatiye, vidy, sushchnost' i sodержaniye // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I Lobachevskogo. Seriya: Pravo. – 2001. – № 2. – S. 117–123.
2. Sementsov V. A., Gladysheva O. V. Sushchnost' i napravleniya sudebnoy deyatel'nosti v dosudebnoy ugovolnoy proizvodstve // Vestnik YUUrGU. Problemy i voprosy ugovolnogo prava, ugovolnogo protsessa i kriminalistiki. Seriya: Pravo. – № 7 (266). – 2012. – Вып. 29. – S. 61–66.
3. Bertovskiy L. V., Galitskaya Ye. Ye. Ponyatiye sudebnogo kontrolya // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. Ugovolnyy protsess. – 2022. – № 7 (211). – S. 161–163.
4. Petrukhin I. L. Prokurorskiy nadzor i sudebnyy kontrol' za sledstviyem // Rossiyskaya yustitsiya. – 1998. – № 9. – S. 12–14.
5. Solodilov A. V. Sudebnyy kontrol' v sisteme ugovolnogo protsessa Rossii : monografiya. – Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta sistem upr. i radioelektroniki, 2000. – 297 с.
6. Zinatullin Z. Z., Zezyanov V. V. Sudebnaya vlast' i pravosudiye po ugovolnym delam: sootnosheniye s sudebnym kontrolem / Sudebnaya vlast' v Rossii: zakon, teoriya, praktika: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Tyumen', 19–20 noyabrya 2004 g. RAYUN. – Moskva: Yurist, 2005. – S. 344–345.
7. Mel'nikov V. Yu. Sudebnaya reforma – nekotoryye voprosy sudebnogo kontrolya // Rossiyskiy sud'ya. – 2008. – № 1. – S. 7–9.
8. Grigor'yeva N. V. Sudebnyy kontrol' kak sredstvo obespecheniya prav i svobod uchastnikov ugovolnogo sudoproizvodstva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2016. – № 4. – S. 47–49.
9. Lazareva V. A. Sudebnaya vlast' i yeye realizatsiya v ugovolnom protsesse : monografiya. – Samara, 1999. – 134 с.
10. Azarov V. A., Tarichko I. Yu. Funktsii sudebnogo kontrolya v istorii, teorii i praktike ugovolnogo protsessa Rossii: monografiya. – Омск, 2004. – 379 с.
11. Gus'kova A. P. K voprosu o sudebnoy poryadke rassmotreniya zhalob po ugovolnomu delu v dosudebnoy proizvodstve // Problemy sovershenstvovaniya i primeneniya zakonodatel'stva o bor'be s prestupnost'yu: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 95-letiyu Bashkir. gos. un-ta. – Ч. I. – Уфа: РИО БашГУ, 2004 [Elektronnyy resurs] // Ugovolnyy protsess : sayt Konstantina Kalinovskogo. – URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/ufa20042/guskova.htm> (data obrashcheniya 30.07.2023).
12. Petrukhin I. L. Prokurorskiy nadzor i sudebnyy kontrol' za sledstviyem // Rossiyskaya yustitsiya. – 1998. – № 9. – S. 12–14.

13. *Sabina D. I., Gadzhiramazonova P. K.* Sudebnyy kontrol' za proizvodstvom sledstvennykh deystviy na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. – 2021. – № 2. – S. 156–158.

14. *Rossinskiy S. B.* Sudebnyy kontrol' za proizvodstvom sledstvennykh deystviy: nuzhny li dal'neyshiye reformy / Sudebnaya reforma v sovremennoy Rossii: rezul'taty, problemy i perspektivy: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. – Krasnodar. – 2020. – S. 289–297.

15. *Trukhachev V. V., Belokon' G. G.* Prokuror v sisteme ugolovnoy sudoproizvodstva // Vestnik VGU: Seriya Pravo. – 2021. – № 4. – S. 87–102.

Статья поступила в редакцию 17.05.2023; одобрена после рецензирования 08.08.2023; принята к публикации 06.01.2024.

The article was submitted May 17, 2023; approved after reviewing August 8, 2023; accepted for publication January 6, 2023.

Научная статья

УДК 343.3

doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-84-93

Максим Викторович Бавсун

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-1407-2609>, kafedramvd@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Александр Николаевич Пирожников

<https://orcid.org/0000-0002-1004-5945>, pir@mail.ru

Главное управление МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

Российская Федерация, 191015, Санкт-Петербург, Суворовский пр., 50/52

Подходы к классификации иных мер уголовно-правового характера, направленных на противодействие преступлениям, совершаемым против интересов Российской Федерации

Аннотация: **Введение.** Проблема иного – не репрессивного воздействия на лиц, признанных виновными в совершении преступлений в отечественном уголовном праве и законодательстве, на сегодняшний день не является решенной, вызывая острую полемику на всех уровнях ее обсуждения. Это в том числе касается вопросов классификации мер подобного рода, их соотношения с наказанием, пределов применения, самого статуса и т. д. **Методы:** методологическую основу данного исследования составили базовые положения диалектического метода познания, общенаучные и частно-научные методы, такие, как сравнительно-правовой, конкретно-социологический, формально-логический, системный и исторический. **Результаты.** Существует достаточно стойкая направленность иных мер уголовно-правового характера, применяемых за преступления против интересов Российской Федерации. Во-первых, использование их потенциала должно происходить исключительно в случаях совершения преступлений определенного рода, во-вторых, целесообразность их применения как в дополнение к наказанию, так и самостоятельно, видится в случаях отказа виновного от сотрудничества [12, с. 63] в части выявления иностранных агентов или агентов влияния (иноагентов), а также непримиримости к существующей власти и транслируемой ею идеологии, в-третьих, все они в той или иной степени строятся на ограничениях и лишениях базовых конституционных прав и свобод человека. Поставлен вопрос о видовой дифференциации средств принуждения в отношении определенных групп преступлений, который на данный момент в современной литературе практически не обсуждается, находясь за пределами отечественной уголовно-правовой доктрины. Вместе с тем именно данное направление развития иных мер уголовно-правового характера представляется приоритетным, а постановка вопроса об их классификации выглядит крайне своевременной и актуальной. Решение этой проблемы с неизбежностью повлечет за собой и ответы на многие другие вопросы как теоретического, так и сугубо практического свойства, облегчив таким образом решение глобальной задачи – противодействия преступности. Что характерно, в нашем случае речь идет о противодействии ее определенной направленности, а именно, создающей угрозы интересам Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие, иные меры уголовно-правового характера, репрессия, ссылка, высылка

Для цитирования: Бавсун М. В., Пирожников А. Н. Подходы к классификации иных мер уголовно-правового характера, направленных на противодействие преступлениям, совершаемым против интересов Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 84–93; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-84-93.

Maxim V. Bavsun

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-1407-2609>, kafedramvd@mail.ru

St. Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchik Pilyutov str., St. Petersburg, 198206, Russian Federation

Alexander N. Pirozhnikov

<https://orcid.org/0000-0002-1004-5945>, pir@mail.ru

*Main Department of the MIA of Russia for St. Petersburg and Leningrad region
50/52, Suvorovsky ave., Saint-Petersburg, 191015, Russian Federation*

Approaches to the classification of other measures of criminal-legal nature aimed at countering offences, committed against the interests of the Russian Federation

Abstract: Introduction. The problem of non-repressive impact on persons convicted of committing crimes in national criminal law and legislation is not solved to date, causing a sharp polemic at all levels of its discussion. This includes the issues of classification of measures of this kind, their correlation with punishment, the limits of application, the status itself, etc. **Methods:** the methodological basis of this research was formed by the basic provisions of the dialectical method of cognition, general scientific and private-scientific methods, such as comparative-legal, concrete-sociological, formal-logical, systemic and historical. **Results.** There is a rather persistent orientation of other measures of criminal-legal nature applied for offences against the interests of the Russian Federation. Firstly, the use of their potential should occur exclusively in cases of committing crimes of a certain kind. Secondly, the expediency of their application, both in addition to punishment and independently, is in cases of the perpetrator's refusal to cooperate [12, p. 63] in terms of identifying foreign agents or agents of influence (foreign agents), as well as intransigence to the existing state power and its ideology. Thirdly, all of them are based on restrictions and deprivation of basic constitutional rights and freedoms of a person. The question of type differentiation of means of enforcement in relation to certain groups of offences, is practically not discussed at the moment in modern literature being outside the national criminal-legal doctrine. At the same time, this direction of development of other measures of criminal-legal nature seems to be a priority, as well as the question of their classification seems to be extremely actual and relevant. The solution of this issue will inevitably provide answers to many other questions of both theoretical and purely practical nature, thus facilitating the solution of the global task of fighting crime. In our case, we deal with countering threats to the interests of the Russian Federation.

Keywords: criminal-legal impact, other measures of criminal-legal nature, repression, exile, expulsion

For citation: Bavsun M. V., Pirozhnikov A. N. Approaches to the classification of other measures of criminal-legal nature aimed at countering offences, committed against the interests of the Russian Federation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 84–93; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-84-93.

Введение

Основная проблема любой классификации заключается в поиске того критерия, который должен быть положен в ее основу. По сути, именно от его выбора напрямую зависит не просто деление исследуемого явления на те или иные группы, а возможность сделать вывод о его структурных элементах, а также внутренних и логических взаимосвязях между ними, обеспечивая таким образом, возможность их более эффективного использования при непосредственном применении. Не являются в этом отношении исключением и иные меры уголовно-правового характера, до сегодняшнего дня так и не получившие соответствующей как законодательной, так и доктринальной оценки в данной части. Тем более крайне сложно пока вести речь о вопросах классификации внутри уже выделенной группы (типа) мер подобного рода, особенно если учесть тот факт, что выделения таких групп пока так и не состоялось ни на официальном, ни на теоретическом уровнях.

Методы

При разработке критериев, необходимых для дальнейшей видовой дифференциации мер иного характера, применялись методы систематизации научных знаний и анализа нормативных правовых актов, а также научных работ авторов, исследующих направления российской уголовно-правовой политики в сфере силового противодействия преступности. Посредством сравнительно-правового метода установлен критерий способности мер не просто ограничивать личную свободу человека, а ограничивать ее территориально.

Результаты

На наш взгляд, речь необходимо вести и о более глубинных процессах в рамках всей проблематики классификации мер иного воздействия в уголовном праве. В первую очередь на это указывает давно возникшее состояние неопределенности в решении вопроса разделения на группы внутри всей массы мер иного характера. В этом отношении перспективной представляется разработка критериев, необходимых для дальнейшей видовой дифференциации исследуемых мер. Прежде всего это важно для формирования общего представления (его понимания) о явлении, без которого создание законодательного материала в последующем становится практически невозможным, либо его содержание окажется разрозненным и неструктурированным, не достигая при этом тех целей и задач, которые ставятся изначально. Полагаем также, что речь должна идти о его видовой направленности, позволяющей создать требуемую базу для группирования конкретных видов иных мер уголовно-правового характера за преступления против интересов Российской Федерации по отдельным признакам либо группам таких признаков.

Следует отметить, что существует достаточно стойкая направленность иных мер уголовно-правового характера, применяемых за преступления против интересов Российской Федерации. Во-первых, использование их потенциала должно происходить исключительно в случаях совершения преступлений определенного рода, во-вторых, целесообразность их применения как в дополнение к наказанию, так и самостоятельно, видится в случаях отказа виновного от сотрудничества [12, с. 63]¹ в части выявления иностранных агентов или агентов влияния (иноагентов), а также непримиримости к существующей власти и транслируемой ею идеологии, в-третьих, все они в той или иной степени строятся на ограничениях и лишениях базовых конституционных прав и свобод человека.

Говоря о первой составляющей, а именно, той категории преступлений, за которые должны назначаться иные меры уголовно-правового характера, необходимо учитывать тот негативный потенциал данных деяний, который способен сказываться не на отдельно взятом индивиду или даже их группе, а в целом на общественном сознании, будучи способным иметь необратимый эффект. Неуправляемость и массовость воздействия наряду с целенаправленностью и доступностью технологий совершения преступлений подобного рода указывают и на необходимость выбора соответствующих мер, в том числе, а может быть, и в особенности, иного характера. Во многом это обусловлено их способностью повлиять именно на причину совершения таких посягательств, а не их следствие. С учетом обозначенных выше доступности современных технологий при наличии соответствующих материальных и организационных возможностей и их целевой принадлежности очевидным является факт, что ключевым в таких случаях является сам субъект преступления, и его

¹ «...то есть добровольно не выполнивших позитивные требования уголовно-правовых норм...».

личностные характеристики [8, с. 106]². Такие, например, как степень осведомленности и убежденности в том, что он делает, стремление охватить как можно большее количество населения, распространяя антигосударственные убеждения, категории этого населения – возрастные особенности, образование и пр., вовлечение в подобные действия других людей, готовность действовать любыми методами или ограниченность строго определенными способами и многое другое, способное облегчить преступную деятельность, причинив при этом максимальный вред сложившимся общественным отношениям [1, с. 75–77].

Отсюда, субъект преступления в совокупности с его личностными характеристиками, которые перечислены выше, а также ряд других особенностей, выступают в качестве одного из критериев классификации иных мер уголовно-правового характера, будучи способными определить их сущность. В свою очередь, обращая внимание на существующие сегодня у любого, у кого возникло желание совершить преступления подобного рода, значительные возможности к доступности технологий и их массовый характер воздействия, как правило, наряду с внешней управляемостью самого субъекта преступления, говорить можно только о его полной или частичной изоляции от общества. Исключение возможности доступа к средствам распространения информации, к человеческому ресурсу и, как следствие, невозможность оказания воздействия на общественное сознание в таких ситуациях выступает в качестве первоочередной задачи государства. При этом изоляция виновного посредством реализации наказания в виде лишения или ограничения свободы (домашнего ареста или запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ) в период предварительного следствия и судебного разбирательства), вполне может сохраняться в ситуациях подобного рода, но в то же время не должна выступать единственным средством воздействия, оставляя место для иного, нерепрессивного влияния на человека. Изоляция как таковая не состоит исключительно в установлении ограничений на физическую свободу человека и носит гораздо более многоаспектный характер³. Она может состоять в изъятии виновного из его микросреды, из того его состояния и положения, которое предполагает наличие у него перечисленных выше возможностей как технического, так финансового, организационного и прочего характера [13, с. 92–94]. С учетом отсутствия необходимости в репрессивности воздействия и, наоборот, стремления избежать его карательной составляющей [2, с. 17–19] либо в дополнение к ним, уже после реализации указанного компонента государственного принуждения, но сохранившейся потребности в исключении (или частичном ограничении) лица из социума, важную роль должна выполнять альтернатива, также имеющая уголовно-правовое происхождение.

Такое изъятие может предполагать либо преимущественно физическое (территориальное, географическое) перемещение лица, либо информационную изоляцию (т. е. ограничение права использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»).

В качестве таковой должны быть иные меры уголовно-правового характера, критерием выделения которых выступают их способность не просто ограничивать личную свободу человека, а ограничивать ее территориально. То есть, при завершении или отказе от репрессивного элемента, но сохранении потребности в изъятии лица из привычной для него среды, у государства должен существовать указанный механизм в виде конкретных мер уголовно-правового характера, иначе потом, при возникновении реальной угрозы (как это и происходит сейчас в условиях проведения СВО на Украине и действий ее, а также западных спецслужб на территории России), будет уже поздно.

Предпосылки формирования такого подхода в уголовном праве существуют и в отечественном административном законодательстве – высылка из страны (депортация), и в истории развития российского и зарубежного уголовного законодательства – ссылка, и даже ее разновидности. Оба средства, не используемые сегодня уголовным законодательством, тем не менее, потенциально представляют интерес как для уголовно-правовой доктрины, так и для правотворца, особенно с учетом современной геополитической и внутривнутриполитической ситуации в нашей стране. Несмотря на предлагаемый статус, они, безусловно, сделают более строгим уже существующий подход, сформированный в части государственного

² Именно личность преступника довольно часто становится причиной для установления особых средств воздействия, применяемых только для данного его типа. Например, в Западном уголовном законодательстве распространена такая мера уголовно-правового характера, как химическая кастрация, которая применяется исключительно к тем, кто совершил насильственные преступления сексуальной направленности.

³ Собственно, «привязка» к той или иной отрасли права неуместна изначально. Важно само толкование термина – изоляция в русском языке, а не его принадлежность к каким-либо процессам, явлениям, видам, способам, категориям или отраслям. Важен итог, а именно, отделение одного человека от других, от общества и тех процессов, которые в нем происходят, а абсолютное большинство индивидов в нем задействовано.

принуждения к лицам, признанным виновными в совершении посягательств подобного рода. Вопрос лишь в механизме их реализации на современном этапе развития государства и общества, в деталях и особенностях их правовой регламентации, а также возможного применения.

Как бы то ни было, оба средства способны обеспечить ту самую изоляцию виновного, которая столь необходима при совершении посягательств подобного рода. Они соответствуют выделенному нами критерию, где изоляция лица составляет сущность, саму идею видовой классификации иных мер уголовно-правового характера, применяемых за преступления против интересов Российской Федерации.

Вопрос в данном случае стоит лишь в том, к кому данные меры будут применяться и найдут ли они соответствующий отклик в практической деятельности. Полагаем, в первую очередь это, безусловно, гражданство виновного, особенно если мы ведем речь о высылке из страны. Применительно к гражданам России данная мера вряд ли будет применима с позиции многих аспектов, от конституционного до международного. Статуса депортируемого из своей страны при отсутствии гражданства другого государства пока не существует. Скорее всего, речь должна идти о лицах, имеющих двойное гражданство, и тех, кого сегодня можно депортировать из страны в рамках административно-правового регулирования. Необходимо говорить о так называемом двойном статусе меры государственного принуждения – административно-правовом и уголовно-правовом, трансформация которого должна происходить в соответствии с теми последствиями, которые должны следовать за практическим применением каждой из них.

Во-первых, реализация данного средства в качестве уголовно-правового должна полностью исключать возможность повторного возвращения на территорию Российской Федерации. По сути, это исключительная мера воздействия для лиц, совершивших преступления против интересов государства [5, с. 23–25]⁴, в плане полного устранения возможности оказания непосредственного влияния на сознание людей, находясь внутри страны, используя при этом весь доступный ресурс – от организационного до технического.

Во-вторых, ее применение должно происходить только в случаях совершения преступлений, а не административных правонарушений, даже однородного характера – причем преступлений строго определенной направленности, и только при полном отказе виновного от сотрудничества в части выявления иностранных агентов, а также агентов влияния. На фоне откровенного отрицания официальной идеологии (непримиримости лица), а соответственно, и власти, игнорирование содействия, выраженное в активной форме, должно приводить лишь к пропорционально-адекватному ужесточению воздействия, что, собственно, и предлагается в рамках настоящего осмысления проблемы.

В-третьих, предлагаемая мера должна находиться в русле международных договоренностей на уровне двух стран, так как уголовно-правовая депортация, впрочем, как и административно-правовая, может происходить исключительно в ту страну, гражданином которой является виновное лицо. В связи с этим наличие даже информационно-уведомительного канала связи с государством, в которое осуществляется высылка лица, совершившего преступление против интересов Российской Федерации, является важным с позиции понимания каждой из сторон тяжести наступивших для этого человека последствий в нашей стране, а также тех возможностей, которые сохраняются в той стране, куда депортируется преступник. Речь идет в первую очередь о факте наличия / отсутствия у соответствующих структур в принимающей стороне возможности выдачи нового разрешения на въезд в Российскую Федерацию, а также о тех мерах, которые должны быть приняты к нему на территории своего государства.

Важно при этом понимать, что если первое и второе условия носят исключительно уголовно-правовое происхождение и должны найти соответствующее проявление в содержании конкретной уголовно-правовой нормы, то третье в чистом виде организационно-правовое, и находит свое выражение уже на уровне международно-правовых документов и обмена информацией между странами.

В то же время жесткость подхода не следует воспринимать как посягательство на демократические основы общества и возврат к тоталитаризму, а предлагаемые изменения требуются оценивать как необходимую защиту от внешних и внутренних угроз, способ сохранить государство, власть и национальную идентичность. Полагаем, что такой позитивный сдвиг в сознании крайне важен, а сами изменения должны сохраниться

⁴ Как исключительную меру уголовно-правового характера в современной юридической литературе рассматривают конфискацию имущества.

в уголовном законодательстве вне зависимости от трансформации геополитической ситуации в мире, поддерживая высокий потенциал уголовного законодательства на случай обратных процессов [9, с. 24]⁵. На этот счет (но только применительно к мерам процессуального принуждения) еще в 1968 году высказалась В. И. Каминская, которая отмечала, что «пока существует преступность, особенно в ее наиболее тяжких формах, сама постановка вопроса о каком-либо существенном сокращении мер процессуального принуждения вряд ли может быть признана перспективной и плодотворной» [7, с. 28].

К сожалению, по прошествии более чем пятидесяти лет ситуация в данном плане если и изменилась, то лишь в худшую сторону. Преступность трансформируется, но не снижается, а если рассматривать ее объективные показатели, то и существенно растет. Между тем количественное и качественное содержание государственного принуждения к лицам, совершившим преступления, практически никак не поменялось, а в случае с преступлениями против государства даже наоборот, мы наблюдаем их стабильную гуманизацию. Вполне естественно, что очевидность поиска новых средств уголовно-правового воздействия в современных условиях не может вызывать каких-либо сомнений, а их жесткость также не должна вызывать отторжения. Эффективность, целесообразность, результативность предлагаемых средств противодействия, должны выступить в качестве основного критерия их появления в уголовном законодательстве. Именно способность к опережающему воздействию на преступность должна оказывать решающее влияние на принятие решения государством о включении того или иного средства в отечественный Уголовный кодекс. Собственно, в этом и заключается идея общего предупреждения преступности, согласно которой у государства имеется возможность «...демонстрации имеющихся в арсенале средств еще до факта совершенного преступления и, в отличие от непосредственной реализации мер принуждения, направленного на недопущение самого факта преступной деятельности, а не на устранение его последствий» [11, с. 59]. То есть уголовно-правовое воздействие должно осуществляться еще до момента возникновения отношения по поводу уже совершенного лицом преступления.

В современных условиях с учетом складывающейся обстановки, а также исторической подоплеку данного вопроса полагаем, что можно ставить вопрос и о другой мере уголовно-правового характера, относящейся к данной классификационной группе – ссылке. Имея историческую ретроспективу, ссылка, но только без ограничений, связанных с государственно-правовым статусом виновного, вне зависимости от его гражданства, вполне применима и сегодня. Учитывая географические особенности нашей страны, проблемы экономического освоения отдельных ее регионов, климатических, логистических и прочих условий, серьезно влияющих на количество проживающего там населения, потребность в человеческом ресурсе зачастую является по-настоящему колоссальной. Вопрос, как представляется, заключается в психологии восприятия новой для современного этапа, но хорошо известной для предыдущих периодов развития общества, меры уголовно-правового характера [10, с. 86–90]⁶. Важна ее переоценка с позиции современных условий и способности оказать серьезное влияние на устранение причин совершения именно данной, а не любой другой группы преступлений, выполняя, по сути, роль мер безопасности, столь распространенных в западноевропейском уголовном праве и законодательстве.

Обсуждение

Представляется, что сущность обеих мер – и ссылки, и высылки – идентична. Обе они направлены на исключение виновного из той части социума, которая может быть подвержена негативному информационному влиянию, связанному с нивелированием роли и статуса государства, власти и всех ее институтов. Обе меры способны существовать не номинально, а вполне реально оказывать влияние не просто на виновного, а на устранение причин совершенного им ранее преступного посягательства определенной направленности. Что важно, и высылка, и ссылка относятся к первой классификационной группе за счет единого критерия ее выделения, а именно, изоляции виновного в результате их применения и, как

⁵ Крайне важную по этому поводу мысль высказывает, В. Е. Квашиш, указывающий, что культура противодействия преступности предполагает «...опережающий характер этой деятельности». И далее: «Само по себе правовое мышление, как известно, консервативно; оно направлено на выполнение задач по поводу прошлого». В то же время, отмечает ученый, объективно она должна быть направлена в будущее, «...оценка ситуации в условиях текущего момента «завтра» может оказаться ошибочной, т.к. ситуация в этой сфере крайне изменчива...» [9].

⁶ Следует отметить, что кардинальность демонстрируемой позиции подкрепляется современным состоянием преступности и ее производительности, в том числе от факторов геополитического свойства. В сложившихся условиях современная уголовно-правовая доктрина зачастую продуцирует еще более жесткие подходы и конкретные меры в рамках их реализации.

следствие, ограничения или полного устранения возможности у виновного оказывать влияние на общественное сознание.

Все иные меры уголовно-правового характера в той или иной степени строятся на ограничениях и лишениях базовых конституционных прав и свобод человека, которые при этом далеко не всегда связаны с изоляционным аспектом. Соответственно, вторую группу исследуемых мер образуют ограничения нерепрессивного свойства, которые при этом не связаны с физической изоляцией виновного (либо критерий изоляции, несмотря на его наличие, не является доминирующим) и направлены в большей части на ограничение возможности получения и распространения информации – то есть это иные меры уголовно-правового характера, суть которых никак не связана с исключением виновного из социума, имея совершенно иную, хотя и также ограничительную, направленность.

В частности, это могут быть его политические права (как следствие, лишение виновного его политических прав либо политического статуса (в первую очередь, его права быть избранным на государственные должности, должности, связанные с доступом и возможностью распространения информации, в том числе и закрытого характера, и пр.) [14, с. 16–20; 15]; различные виды экономической деятельности в случае, если ранее (или в будущем) такая деятельность была (или, может быть, будет) направлена на поддержание и развитие антигосударственных настроений и движений (запрет на осуществление экономической деятельности, связанной с государственными закупками (гособоронзаказ), запрет на работу журналистом в средствах массовой информации либо ведение телеграм-каналов, блогов, страниц в социальных сетях, которые могут быть приравнены к СМИ⁷); исключение возможности или ее существенное ограничение в части распространения информации среди детей, подростков и молодежи (студентов) в виде запрета на осуществление педагогической деятельности в области социальных и гуманитарных наук в образовательных организациях среднего, средне-специального и высшего образования⁸. Это могут быть в том числе и меры, связанные с некоторым ограничением виновного в его личной свободе, но не влекущие его изоляции (лишения права на свободное передвижение как в границах страны, так и по территории проживания).

Безусловно, это могут быть и иные ограничения, установленные в рамках административного надзора, но применяемые в строго определенных случаях, специально предусмотренных, именно как иные меры уголовно-правового характера. Впрочем, это совершенно необязательно должно быть административное законодательство. С не меньшим успехом в качестве таковых мер могут выступать уголовно-процессуальные средства, имеющие пограничный характер, но также имеющие отношение к обеспечению правосудия за посягательства на интересы Российской Федерации⁹. Данный перечень ограничений, конечно, не носит исчерпывающего характера (наверное, и не может носить), однако именно он следует из тех причин и условий, которые влекут за собой совершение преступлений данной направленности. Именно перечисленные меры способны оказывать влияние на устранение этих причин, что является первоочередной задачей всего государственного механизма по противодействию преступности в целом. Если методологически подходить к интересам государства как к некоторой системе ценностей, то не менее оправданной будет оценка всех средств принуждения, применяемых за посягательства против нее, также с позиции некой системы, имеющей межотраслевой характер.

Нельзя в данном случае не согласиться с М. С. Жуком, который отмечает, что приоритетом при совершенствовании отечественного уголовного законодательства

⁷ Ст. 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/a3cba9a7c2ac9aa487df2d4172734dd5139376f5/?ysclid=lrhcecgib368355414 (дата обращения: 11.10.2023).

⁸ По аналогии с тем, как это уже установлено в части запрета на занятие педагогической и трудовой деятельностью, в связи с наличием судимости. Речь идет о тех, кто совершил преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, и клеветы), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, основ конституционного строя и безопасности государства, мира и безопасности человечества, против общественной безопасности. Также, к педагогической деятельности не допускаются лица, имеющие не снятую или непогашенную судимость за иные умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления, которые не указаны выше. См. ст. ст. 331, 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 16 сентября 2023 г.).

⁹ В частности, проф. К. В. Муравьев, указывает на необходимость таких мер уголовно-правового воздействия иного характера, имеющих при этом уголовно-процессуальную правовую природу, как: задержание, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество, а также принудительное помещение в медицинскую организацию для производства стационарной судебной экспертизы. Безусловно, современная доктрина способна предложить и что-либо некарательного свойства именно для предупреждения преступлений, посягающих на интересы государства. См.: *его*: Указ. соч. С. 84–85.

должны быть исключительно интересы общественной безопасности¹⁰, что уже само по себе исключает догматизм в выборе средств уголовно-правового воздействия, в том числе и иного характера¹¹. Как раз наоборот, нужно говорить об адаптивности уголовно-правового воздействия к стремительно изменяющимся условиям бытия, к трансформации среды, требующей соответствующего внимания со стороны государственного механизма, требующего появления в качестве его элементов принципиально новых средств и эффективных вариантов реагирования [4, с. 38]. Особенно это важно на фоне того, что современная уголовная репрессия, по мнению М. М. Бабаева и Ю. Е. Пудовочкина, «...не в полной мере отвечает целям обеспечения безопасности личности, общества и государства, ввиду несоответствия реализуемого уголовно-политического курса объективным социальным и криминологическим условиям» [4, с. 249].

Заключение

Приведенный перечень предлагаемых мер из второй подгруппы формируемой нами классификации, несмотря на относительно более мягкий характер, чем высылка или ссылка, на самом деле несет в себе достаточно серьезный не карательный, но принудительно-ограничительный потенциал. При этом вся мощь принудительной части обеспечивается за счет самого статуса мер подобного рода, наделяния их уголовно-правовой природой, а ограничительная за счет их содержания, включающего в себя вполне конкретные средства воздействия на лиц, виновных в совершении преступлений против интересов Российской Федерации и затрагивающих при этом такие же права и свободы личности, как и наказание. Другие объемы этого воздействия, иные формы реализации, а соответственно, и функции¹², разноплановые задачи, стоящие перед ними, разные последствия по итогам применения, и в то же время заложенная в них уголовно-правовая идея в сочетании с необходимостью сокращения объема именно репрессии с одновременной потребностью в точечном, но максимально эффективном влиянии на причины совершенного преступления, делают данные меры крайне важными средствами противодействия преступности.

В свою очередь, именно эффективность такого воздействия становится возможной за счет ухода от идей мести и возмездия, присущих репрессии (наказанию), и перехода к культивированным на Западе идеям обеспечения безопасности, причем обеспечения безопасности любыми средствами и без особого разделения на отрасли права с максимально широким представлением о том, что представляет собой правосудие и каким целям оно служит. Такой подход обеспечивает достижение того результата, который нужен государству в определенный момент времени, позволяя действовать быстро, быть гибким в принятии решения, а соответственно и оказывать действенное сопротивление новым формам преступных проявлений.

Список литературы

1. *Аристархова Т. А., Малахвей Е. Д.* К вопросу о преступлениях экстремистского характера, совершаемых с использованием сети «Интернет» // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2017. – № 4-2. – С. 75–82.

2. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Уголовное наказание как фактор формирования культуры и средство разрешения культурного конфликта / Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 30 сентября 2016 года. – Краснодар: Издательство: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2016. – Т. 1. – С. 15–20.

3. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Уголовная политика как преодоление неопределенности в уголовном праве / Онтология и аксиология права : материалы

¹⁰ См.: Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: автореф. дис... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 14.

¹¹ Одним из ярких примеров принципиально нового решения государства к тем, кто совершает именно преступления против интересов государства в условиях проведения специальной военной операции на Украине, является пример реакции по отношению к жителю Камчатки (ранее гражданину Украины), лишенному гражданства Российской Федерации в сентябре 2023 г. Это произошло в связи с тем, что он «...неоднократно размещал в социальной сети «ВКонтакте» призывы к насильственным действиям: расстрелу, убийствам, сожжению всех россиян и представителей органов власти». См.: Жителя Камчатского края лишили гражданства РФ за призывы к экстремизму [Электронный ресурс] // Новости Интерфакс: сайт. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/923818> (дата обращения: 17.10. 2023).

¹² См.: Уголовное право. Общая часть. Преступление: академический курс в 10 томах. Уголовная политика. Уголовная ответственность / под ред. проф. Н. А. Лопашенко. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – Т. 3. – С. 625–626.

IX Международной научной конференции. – Омск, 25–26 октября 2019 г. Омская академия МВД России / отв. за вып. Д. В. Попов. – Омск, 2019. – С. 36–39.

4. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Проблемы российской уголовной политики : монография. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2019. – 296 с.

5. *Бавсун М. В., Николаев К. Д., Самойлова С. Ю.* Конфискация имущества в российском уголовном законодательстве : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 239 с.

6. *Жук М. С.* Пути совершенствования системы институтов российского уголовного права // *Lex Russica*. – 2015. – № 4 [Электронный ресурс] // Cyberleninka: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-sovershenstvovaniya-sistemy-institutov-rossiyskogo-ugolovnogo-prava> (дата обращения: 17.10.2024).

7. *Каминская В. И.* Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве // *Советское государство и право*. – Москва: Наука. – 1968. – № 10. – С. 28–35.

8. *Harrison Karen.* Managing High-Risk Sex Offenders in the Community. – Willan, 2010. – 336 p.

9. *Квашиц В. Е.* К проблеме культуры противодействия преступности / Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 30 сентября 2016 года. – Краснодар: Издательство: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2016. – Т. 1. – С. 20–24.

10. *Милюков С. Ф., Никуленко А. В.* Некоторые направления российской уголовно-правовой политики в сфере силового противодействия преступности // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. – № 2 (6). – С. 86–99.

11. *Муравьев К. В.* Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация : монография. – Омск : ОМА МВД России, 2017. – 226 с.

12. *Похмелькин В. В.* Социальная справедливость и уголовная ответственность. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1990. – 175 с.

13. *Рахманова Е. Н.* Депортация: преступление или процедура / Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра (памяти проф. С. Ф. Кравцова): материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Издательство: Санкт-Петербургского университета МВД России, 2016. – Т. 1. – С. 92–94.

14. *Щедрин Н. В., Франкевич М.* Унификация профессиональных запретов // *Законность*. – 2008. – № 3. – С. 16–20.

15. *Щур-Труханович Л. В., Щур Д. Л.* Пожизненный запрет лицам с преступным прошлым на работу с детьми: анализ содержания, оценка соразмерности и рекомендации по совершению юридических действий [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» : сайт. – URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/blank_izvescheniya_s_razyasneniem_poryadka_vozmescheniya_vreda%252C_svyazannogo_s_ugolovnym_presledovaniem./?ysclid=lrhejcifi4538916614 (дата обращения: 11.10.2023).

References

1. *Aristarkhova T. A., Malakhvey Ye. D.* K voprosu o prestupleniyakh ekstremistskogo kharaktera, sovershayemykh s ispol'zovaniyem seti «internet» // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki*. – 2017. – № 4-2. – S. 75–82.

2. *Babayev M. M., Pudovochkin Yu. Ye.* Ugolovnoye nakazaniye kak faktor formirovaniya kul'tury i sredstvo razresheniya kul'turnogo konflikta / Ugolovnaya politika i kul'tura protivodeystviya prestupnosti : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Krasnodar, 30 sentyabrya 2016 goda. – Krasnodar: Izdatel'stvo: Federal'noye gosudarstvennoye kazennoye obrazovatel'noye uchrezhdeniye vysshego professional'nogo obrazovaniya «Krasnodarskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii», 2016. – Т. 1. – С. 15–20.

3. *Babayev M. M., Pudovochkin Yu. Ye.* Ugolovnaya politika kak preodoleniye neopredelennosti v ugolovnom prave / Ontologiya i aksiologiya prava : materialy IX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. – Омск, 25–26 oktyabrya 2019 g. Omskaya akademiya MVD Rossii / отв. за вып. Д. В. Попов. – Омск, 2019. – S. 36–39.

4. *Babayev M. M., Pudovochkin Yu. Ye.* Problemy rossiyskoy ugolovnoy politiki : monografiya. – Moskva: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu «Prospekt», 2019. – 296 s.

5. *Bavsun M. V., Nikolayev K. D., Samoylova S. Yu.* Konfiskatsiya imushchestva v rossiyskom ugolovnom zakonodatel'stve : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2016. – 239 s.

6. Zhuk M. S. Puti sovershenstvovaniya sistemy institutov rossiyskogo ugolovnogogo prava // Lex Russica. – 2015. – № 4 [Elektronnyy resurs] Cyberleninka: sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-sovershenstvovaniya-sistemy-institutov-rossiyskogo-ugolovnogogo-prava> (data obrashcheniya: 17.01.2024).

7. Kaminskaya V. I. Okhrana prav i zakonnykh interesov grazhdan v ugolovno-protsessual'nom prave // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – Moskva: Nauka. – 1968. – № 10. – S. 28–35.

8. Harrison Karen. Managing High-Risk Sex Offenders in the Community. – Willan, 2010. – 336 p.

9. Kvashis V. Ye. K probleme kul'tury protivodeystviya prestupnosti / Ugolovnaya politika i kul'tura protivodeystviya prestupnosti: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Krasnodar, 30 sentyabrya 2016 goda. – Krasnodar: Izdatel'stvo: Federal'noye gosudarstvennoye kazennoye obrazovatel'noye uchrezhdeniye vysshego professional'nogo obrazovaniya «Krasnodarskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii», 2016. – T. 1. – S. 20–24.

10. Milyukov S. F., Nikulenko A. V. Nekotoryye napravleniya rossiyskoy ugolovno-pravovoy politiki v sfere silovogo protivodeystviya prestupnosti // Biblioteka ugolovnogogo prava i kriminologii. – 2014. – № 2 (6). – S. 86–99.

11. Murav'yev K. V. Mery protsessual'nogo prinuzhdeniya – osobyie sredstva ugolovno-pravovogo vozdeystviya: doktrina, primeneniye, optimizatsiya : monografiya. – Omsk : OMA MVD Rossii, 2017. – 226 s.

12. Pokhmelkin V. V. Sotsial'naya spravedlivost' i ugolovnaya otvetstvennost'. – Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo universiteta, 1990. – 175 s.

13. Rakhmanova Ye. N. Deportatsiya: prestupleniye ili protsedura / Ugolovnoye zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra (pamyati prof. S. F. Kravtsova) : materialy yezhegodnoy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo: Sankt-Peterburgskogo universiteta Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2016. – T. 1. – S. 92–94.

14. Shchedrin N. V., Franskevich M. Unifikatsiya professional'nykh zapretov // Zakonnost'. – 2008. – № 3. – S. 16–20.

15. Shchur-Trukhanovich L. V., Shchur D. L. Pozhiznennyy zapret litsam s prestupnym proshlym na rabotu s det'mi: analiz sodержaniya, otsenka sorazmernosti i rekomendatsii po soversheniyu yuridicheskikh deystviy [Elektronnyy resurs] // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus»: sayt. – URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/blank_izvescheniya_s_razyasneniem_poryadka_vozmescheniya_vreda%252C_svyazannogo_s_ugolovnym_presledovaniem./?ysclid=lrhejcifi4538916614 (data obrashcheniya: 11.10.2023).

Статья поступила в редакцию 14.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted November 14, 2023; approved after reviewing December 8, 2023; accepted for publication January 10, 2024.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 343.326
doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-94-102

Константин Владимирович Боричев

аспирант

<https://orcid.org/0000-0002-0856-2126>, bogeni@yandex.ru

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
Российская Федерация, 196605, Санкт-Петербург,
Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10*

О необходимости внесения изменений в диспозицию статьи 205 УК РФ «Террористический акт»

Аннотация: Введение. Статья посвящена рассмотрению вопросов актуализации действующего антитеррористического законодательства. С учетом роста террористической активности в последние десятилетия как в мире, так в Российской Федерации, эффективность применения уголовно-правовых норм и их актуализация в соответствии с новыми угрозами является одним из основополагающих факторов противодействия терроризму. **Методы.** В ходе исследования были использованы различные научные методы: системный анализ, критический анализ, формально-логический метод, метод правового моделирования. **Результаты.** Проанализировано содержание диспозиции статьи 205 Уголовного кодекса Российской Федерации, выявлены коллизии данной правовой нормы. Законодатель одновременно применяет понятия «действия» и «деяния», что приводит к проблемам в правоприменительной практике. Проведено исследование способов совершения террористического акта и установлено, что данное преступление может быть совершено как в форме действия, так и бездействия. Предлагается внесение изменений в диспозицию части 1 ст. 205 УК РФ, заменив слова «иные действия» на «иные деяния», а также заменив в примечании к статье 205 УК РФ слова «в действиях» на слова «в деяниях». В ходе исследования выявлено несоответствие уголовно-правовой нормы статьи 205 УК РФ, где применяется термин «органы власти», и нормы Федерального закона «О противодействии терроризму», где используется словосочетание «органами государственной власти, органами местного самоуправления». Проведен анализ использования понятия «органы власти» и установлено, что оно не имеет легальной дефиниции. В целях унификации российского антитеррористического законодательства и приведения его в соответствие с современными реалиями предлагается конкретизировать содержание диспозиции статьи 205 Уголовного кодекса Российской Федерации, заменив словосочетание «органов власти» на слова «органов государственной власти, органов местного самоуправления».

Ключевые слова: действие, деяние, органы власти, органы государственной власти, органы местного самоуправления, противодействие терроризму, терроризм, террористический акт

Для цитирования: Боричев К. В. О необходимости внесения изменений в диспозицию статьи 205 УК РФ «Террористический акт» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 94–102; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-94-102.

Konstantin V. Borichev

Postgraduate

<https://orcid.org/0000-0002-0856-2126>, bogeni@yandex.ru

*Pushkin Leningrad State University
10, St. Petersburg highway, Saint Petersburg, Pushkin, 196605, Russian Federation*

On the need for changes to the disposition of Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation «Terrorist act»

Abstract: Introduction. The article is devoted to the matters of updating the existing anti-terrorist legislation. Given the increase in terrorist activity in recent decades, both in the world and in the Russian Federation, the effectiveness of the application of criminal law norms and their updating in accordance with new threats is one of the fundamental factors in countering terrorism. **Methods.** In the study various scientific methods were used: system analysis, critical analysis, formal-logical method, method of legal modeling. **Results.** The content of article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation was analyzed, conflicts of this legal norm were revealed. The legislator simultaneously applies the concepts of «action» and «act», which leads to problems in the law enforcement practice. The methods of committing a terrorist act were analyzed and it was established that this crime can be committed in the form of both action and lack of action. Amendments to the disposition of Part 1 of Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation are proposed such as replacing the words «other actions» with «other acts», and also replacing the words «in actions» with the words «in acts» in the note to Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation. In the course of the study the discrepancy between the criminal-legal norm of Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation, where the term «governmental bodies» is used, and the norms of the Federal Law «On the Fight against Terrorism», where the phrase «state bodies, local self-government bodies» is used, was revealed. The analysis of the use of the concept of «governmental bodies» was conducted and it was established that it does not have the legal definition. In order to unify the Russian anti-terrorist legislation and bring it into line with modern realities, it is proposed to specify the content of Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation, replacing the phrase «governmental bodies» with words «state bodies, local self-government bodies».

Keywords: action, act, governmental bodies, state authorities, local self-government bodies, counter-terrorism, terrorism, terrorist act

For citation: Borichev K. V. On the need for changes to the disposition of Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation «Terrorist act» // Vestnik of Saint-Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs – 2024. – 1 (101). – P. 94–102; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-94-102.

Введение

Конец XX – начало XXI вв. могут быть охарактеризованы как переходный этап развития терроризма с выходом его на новый уровень [11, с. 6]. Подавляющее количество происходящих на сегодняшний день процессов носят универсальный характер и в своей основе имеют матрицу глобального поведения или один из вариантов реакции на нее [10, с. 44]. XXI век зачастую именуют «золотым веком терроризма», так как терроризм распространился по всему миру, а террористические акты приводят к все большему количеству жертв среди мирного населения. Сегодня терроризм представляет крайне опасное явление, которое распространилось по всему миру и устрашающе воздействует на все современное мировое сообщество, общественность и каждого отдельного человека, так как создает угрозу их нормальной жизнедеятельности [4, с. 46]. Вот поэтому и справедливо мнение, что противодействие терроризму должно носить максимально оперативный и адекватный этой угрозе характер [7, с. 29].

В последние годы отмечается рост количества террористических актов, совершенных как на территории Российской Федерации, так и за рубежом. По данным ГИАЦ МВД России, только за период с января по август 2023 года в Российской Федерации зарегистрировано 164 преступления по ст. 205 УК РФ («Террористический акт»), рост по сравнению с аналогичным периодом прошлого года составил + 173,3 %¹. Террористы постоянно со-

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–август 2023 года // [Электронный ресурс] // Интернет-портал МВД России: сайт. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/41741442/> (дата обращения: 12.10.2023).

вершенствуют формы и методы своей преступной деятельности в целях ее активизации и достижения для себя максимального эффекта и выгоды. В сложившейся ситуации и все мировое сообщество в целом, и отдельные государства продолжают поиски путей формирования эффективной системы противодействия терроризму. При этом используются разнообразные стратегические и тактические приемы и методы, силы и средства, способы и формы. Российские и зарубежные исследователи отмечают, что для достижения мира и безопасности необходима выработка стратегии противодействия терроризму в политических и территориальных конфликтах [15, с. 9]. При этом в рамках существующего правового государства особая роль должна быть отведена и отводится в реальной практике вопросам уголовно-правового противодействия терроризму. Исследователи терроризма неоднократно указывали, что все антитеррористические мероприятия должны обязательно находиться в рамках правового поля [14, с. 175]. Однако современный терроризм – многогранное явление, и это обстоятельство существенно затрудняет процесс формирования правовой базы противодействия терроризму [7, с. 6]. Отечественный законодатель, ученые и практики на постоянной основе анализируют реалии современного терроризма и, исходя из результатов анализа, предлагают оптимальные и наиболее эффективные варианты, способы и приемы противодействия данной угрозе [8, с. 313]. Не вызывает сомнений необходимость постоянного совершенствования уголовного законодательства с учетом высокой общественной опасности терроризма [13, с. 99]. Однако, несмотря на столь активную многолетнюю деятельность, до сих пор в действующем антитеррористическом законодательстве, включая положения Уголовного кодекса Российской Федерации, встречаются коллизии правовых норм, откровенные правовые пробелы и иные недоработки, которые в конечном итоге негативным образом влияют на эффективность всей национальной общегосударственной антитеррористической системы. Вместе с тем именно своевременное выявление, устранение, нейтрализация детерминант преступлений террористического характера представляют собой одну из наиболее важных составляющих в совокупности мер, направленных на предупреждение и пресечение террористической деятельности [1, с. 291]. Н. А. Лопашенко справедливо заявляет, что оценить качество уголовно-правовой политики можно на основании того, насколько точно и понятно общественно опасное деяние описано в законе². Соответственно, необходим постоянный мониторинг и комплексный анализ уголовно-правовых и криминологических факторов терроризма, который позволит вносить своевременные, обоснованные предложения по корректировке и оптимизации действующего антитеррористического законодательства в целях повышения эффективности деятельности по противодействию терроризму.

Методы

В процессе исследования применялись различные научные методы. В частности, системный анализ был применен при изучении всей совокупности факторов распространения терроризма в настоящее время. Выявленная проблема эффективности существующих сегодня антитеррористических мер, в том числе уголовно-правового характера, подвергнута критическому анализу. При исследовании различных положений антитеррористического законодательства, в том числе действующих уголовно-правовых норм, применен формально-логический метод. Метод правового моделирования применен при формулировании целого ряда законодательных предложений, сформированных в ходе исследования.

Материалом исследования послужили нормативные правовые акты, а также научные работы авторов, изучающих проблемы уголовной ответственности за террористический акт.

Результаты

О применении законодателем терминов «действие» и «деяние» в диспозиции статьи 205 УК РФ

В соответствии с действующей уголовно-правовой нормой, террористический акт представляет собой совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие

² Актуальные проблемы уголовного права: учебник для магистрантов / отв. ред. И. А. Подройкина. – Москва: Проспект, 2015. – С. 495.

решений органами власти или международными организациями. Исследователи отмечают, что в соответствии с действующим законодательством с объективной стороны террористический акт, предусмотренный ч. 1 ст. 205 УК РФ, может быть совершен только в виде действий, выраженных в двух альтернативных формах: совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий и угроз совершения указанных действий [9, с. 38].

Исходя из представленной дефиниции, отечественный законодатель, давая характеристику объективной стороны рассматриваемого преступления, указывает, что террористический акт может быть совершен только в форме действия. Под действием в праве следует понимать юридический факт, который возникает по воле людей, т. е. является волеизъявлением, влекущим возникновение, изменение или прекращение правовых отношений³. Таким образом, действие является активной формой поведения человека⁴. При этом такого рода активная форма поведения может быть выражена как в виде совершения целого ряда тех или иных движений, так и в виде одного-единственного движения. Важно отметить, что при совершении одного и того же преступления совокупность совершаемых преступником движений может быть различной. Так, для совершения террористического акта террорист может использовать самодельное взрывное устройство, которое в дальнейшем приведет в действие и произойдет взрыв; различного рода горючие смеси, после поджога которых начнется пожар; огнестрельное оружие и т. д. Действительно, каждое преступное действие характеризуется прежде всего именно совокупностью движений, образующих внешний акт общественно опасного посягательства на охраняемый уголовным законом объект [2, с. 365]. Террористический акт в данном случае не является исключением.

В теории права существует понятие деяния, которое обозначает одновременно действие и бездействие, при этом последние являются формами деяния⁵. Отметим, что в соответствии со ст. 14 УК РФ преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом Российской Федерации под угрозой наказания. Таким образом, отечественный законодатель указывает, что преступное деяние может быть совершено как в форме действия, так и бездействия. Под последним следует понимать пассивную форму поведения, когда лицо не исполняет те действия, которые должно было и могло совершить, иными словами, воздерживается от их совершения. На наш взгляд, важно отметить, что бездействие вовсе не означает, что лицо полностью лишено какой-либо двигательной активности. Так, преступник может осуществлять различного рода активные действия, однако, при этом не совершать тех конкретных и необходимых действий, которое оно было обязано и могло совершить⁶. Учитывая изложенное, среди ученых и практиков в области противодействия терроризму продолжаются дискуссии на тему того, может ли террористический акт, помимо действия, быть совершен в форме бездействия. Важно отметить, что отечественный законодатель в диспозиции статьи 205 УК РФ использует обе эти формулировки: если в части 1 рассматриваемой статьи и примечании к ней он говорит лишь о действиях, то в частях 2 и 3 он использует формулировку «те же деяния», что создает коллизию рассматриваемой правовой нормы.

По мнению И. В. Шевченко, террористический акт может быть совершен в форме бездействия. В качестве примера приводится невыполнение требуемых для сохранения общественной безопасности действий: террорист в целях совершения террористического акта не осуществляет действия по своевременному отключению производственной линии или остановке определенного технологического процесса, в том числе на объектах топливно-энергетического комплекса, атомной и добывающей промышленности, в транспортной отрасли, что создает опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий [12, с. 51]. Аналогичной точки зрения придерживается в своем исследовании и С. У. Дикаев, отмечая, что «террористическая акция иногда может быть осуществлена и путем бездействия» [2, с. 370].

В «Энциклопедии уголовного права» также отмечается, что террористический акт может быть совершен в форме бездействия. При этом в данном случае речь будет идти об ответственности за бездействие, которое может наступить лишь в случае, когда на лицо,

³ Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. Издание 6-е, дополненное и переработанное / под ред. М. Ю. Тихомирова. – Москва: Издательство Тихомирова М. Ю., 2012. – С. 235.

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков [и др.]; под ред. А. В. Бриллиантова. – Москва: Проспект, 2015. – Т. 1. – С. 36.

⁵ Указ. соч. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. – С. 249.

⁶ Указ. соч. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – С. 37.

исходя из его должностных обязанностей и служебного положения, возложена юридическая обязанность совершить конкретные действия, что закреплено законодательно, в том числе в ведомственных нормативных правовых актах. Следовательно, не исключено наличие специального субъекта, совершающего террористический акт с использованием своего служебного положения. Действительно, такое лицо имеет доступ к определенным технологическим и производственным процессам, включая объекты жизнеобеспечения, атомной и химической промышленности, топливно-энергетического комплекса, осуществляет управление ими в соответствии с возложенными на него должностными обязанностями, вследствие чего такое лицо фактически не будет иметь препятствий для совершения террористического акта, особенно в форме бездействия⁷.

Противоположного мнения придерживаются Е. А. Капитонова и Г. Б. Романовский, полагающие, что совершение террористического акта в форме бездействия невозможно, так как данное преступление не может быть сведено лишь к одному-единственному поведенческому проявлению. Вместе с тем они признают, что бездействие может являться одной из составляющих общего преступного деяния, однако будет носить вспомогательный характер [3, с. 93]. На наш взгляд, авторы противоречат сами себе. Согласимся, что любое бездействие при совершении террористического акта в любом случае будет направлено на выполнение стоящих перед террористами активных задач, а именно, на устрашение населения, создание опасности гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий. Авторы справедливо отмечают, что бездействие при совершении террористического акта также будет направлено на создание атмосферы страха у населения и воздействие на органы власти и международные организации. Однако нельзя согласиться с их мнением, что террористический акт не может быть совершен в форме бездействия. Посредством бездействия исполнитель террористического акта может не выполнить те или иные обязанности, что в конечном итоге приведет к описанным в диспозиции ст. 205 УК РФ последствиям. Кроме того, бездействие при совершении террористического акта может служить и реальным средством устрашения: так, трансляция в интернете в режиме реального времени бездействия оператора атомной электростанции, который не производит определенных технологических действий, что приведет к неминуемой технологической катастрофе, несомненно, вызовет панику среди местного населения и мировой общественности. Вместе с тем подготовка к совершению подобного рода террористического акта включает и целый ряд активных действий, в т. ч. по организации онлайн-трансляции преступления.

В своем исследовании М. Ю. Павлик провел опрос сотрудников правоохранительных органов на предмет внесения изменений в диспозицию статьи 205 УК РФ, по результатам которого 86 % респондентов высказались за необходимость замены слов «иные действия» на «иные деяния» в диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ, 10 % высказали отрицательное мнение, 4 % воздержались от конкретного ответа [6, с. 114].

Анализ террористических актов, совершенных в последние десятилетия как в России, так и за рубежом, свидетельствует о том, что большинство из них были совершены в форме активных действий. Однако были зафиксированы и случаи, когда, в частности, бездействие пилота при управлении пассажирским самолетом привело к крушению воздушного судна и гибели пассажиров. Подобный случай произошел 24 марта 2015 года во Франции, когда второй пилот в отсутствие командира воздушного судна в кабине управления сначала умышленно перевел самолет в режим снижения, а затем не предпринял никаких мер по предотвращению столкновения с землей, то есть бездействовал: по данным, полученным в ходе расследования, второй пилот не реагировал на крики командира из-за двери и требования впустить его в кабину, хранил молчание, не выходил на связь с диспетчером и не отвечал на его повторяющиеся вызовы. При этом результатами расследования было подтверждено, что второй пилот находился в сознании⁸. Вероятно, именно проблемы в квалификации террористического акта путем бездействия не позволили французским следователям квалифицировать совершенное преступное деяние как террористический акт, в результате которого погибло 150 человек.

Таким образом, имеются все основания утверждать, что террористический акт может быть совершен как в форме действия, так и бездействия. Следовательно, необходимо внести

⁷ Энциклопедия уголовного права. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка. – Санкт-Петербург: Издание профессора Малинина – СПбГКА, 2013. – Т. 21. – С. 133–134.

⁸ Катастрофа А320 под Динь-ле-Беном // Свободная энциклопедия «Википедия» [Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия: сайт. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Катастрофа_А320_под_Динь-ле-Беном (дата обращения: 12.10.2023).

изменения в диспозицию ч. 1 ст. 205 УК РФ, заменив слова «иные действия» на слова «иные деяния», а также в примечании к статье 205 УК РФ необходимо заменить слова «в действиях» на слова «в деяниях». Тем самым будет устранена существующая в настоящее время коллизия правовой нормы, что приведет в соответствие положения части 1 и частей 2 и 3 диспозиции рассматриваемой статьи Уголовного кодекса Российской Федерации.

О применении законодателем понятия «органы власти» в диспозиции статьи 205 УК РФ

Анализ совершенных террористических актов позволяет сделать вывод, что террористы большое внимание уделяют оправданию и объяснению своей деятельности, обоснованию своих целей перед широкими слоями населения [5, с. 200]. Под целью следует понимать представление лица, совершившего преступное деяние, о желаемом результате, к достижению которого он стремился, осуществляя задуманное [9, с. 43]. При этом цель является обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ. С учетом изложенного представляется необходимым устранить имеющихся законодательных пробелов в описании целей террористического акта.

В соответствии с диспозицией ст. 205 УК РФ целью террористического акта является дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений. Вместе с тем в ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» терроризм определяется законодателем как идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий⁹. Таким образом, наблюдается явное несоответствие в формулировке специальной цели терроризма и террористического акта: в первом случае законодатель выделяет отдельно органы государственной власти, органы местного самоуправления и международные организации, в то время как при террористическом акте речь идет об органах власти и международных организациях.

Отметим, что в рамках данного исследования был проведен анализ употребления термина «орган власти» в отечественном законодательстве. В диспозиции ст. 205 УК РФ законодателем применено словосочетание, которое не имеет легального определения и не используется в иных нормативных правовых актах. Данная ситуация привела к многочисленным дискуссиям среди ученых и практиков на тему, что может быть отнесено к органам власти. Действительно, на данный момент сложилось два мнения: ряд исследователей считают, что к органам власти могут быть отнесены только органы государственной власти, другие относят к ним еще и органы местного самоуправления. Основной предмет научных споров состоит в том, следует или нет относить местное самоуправление к органам власти¹⁰.

В соответствии с положениями ст. 3 Конституции Российской Федерации многонациональный народ нашей страны является носителем суверенитета и единственным источником власти. Свою власть народ осуществляет непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Таким образом, органы государственной власти и органы местного самоуправления являются механизмами осуществления власти народом, в связи с чем некоторые исследователи делают вывод, что к органам власти могут быть отнесены как органы государственной власти, так и органы местного самоуправления¹¹. Но положениями Конституции Российской Федерации и ст. 1 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» устанавливается, что органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации¹², хотя упоминания об «органе власти» отсутствуют. Тем самым отечественный законодатель ясно показывает, что органы государственной власти и органы местного самоуправления входят в систему публичной власти, при этом избегая использования обобщенного термина «органы власти» ввиду необоснованности его применения.

⁹ О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Российская газета. – 2006. – 10 марта. – № 48.

¹⁰ Указ. соч. Энциклопедия уголовного права. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка. – С. 151.

¹¹ Там же. – С. 152.

¹² Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ // Российская газета. – 2021. – 27 дек. – № 294.

В ст. 10 Конституции Российской Федерации раскрывается понятие государственной власти и указывается, что она осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Вместе с тем в ст. 12 Основного закона Российской Федерации указывается, что органы местного самоуправления в систему органов государственной власти не входят. Таким образом, происходит четкое разделение между органами государственной власти и органами местного самоуправления, что, на наш взгляд, делает затруднительным объединение их под единым термином.

Отметим, что под государственным органом принято понимать гражданина или организацию, которые выступают от имени государства, наделены властными полномочиями и уполномочены государством на осуществление его функций и задач в той или иной сфере и действуют строго в пределах своей компетенции в соответствии с порядком, установленным самим государством. Органы местного самоуправления в России представляют собой представительные и иные выборные органы местного самоуправления, выборных должностных лиц местного самоуправления, избираемых непосредственно населением и (или) образуемые представительным органом муниципального образования на территориях, на которых осуществляется местное самоуправление¹³.

В Федеральном законе «О противодействии терроризму» законодатель в целях устранения плюрализма мнений ученых и практиков, смог избежать использования словосочетания «органы власти», заменив его двумя терминами, которые имеют легальные определения и используются в российском законодательстве: «органы государственной власти» и «органы местного самоуправления».

На наш взгляд, сложившаяся ситуация, когда в двух основных нормативных правовых актах в области противодействия терроризму – Уголовном кодексе РФ и Федеральном законе «О противодействии терроризму» – используется разная терминология при определении основных понятий антитеррористического законодательства, является недопустимой и помимо научных споров приводит к возникновению проблем в правоприменительной практике.

Представляется целесообразным внести изменения в диспозицию ч. 1 ст. 205 УК РФ, заменив словосочетание «органов власти» на словосочетание «органов государственной власти, органов местного самоуправления», что позволит привести к единообразию положения действующего антитеррористического законодательства и избежать ошибок в правоприменительной практике.

Заключение

Уголовно-правовое противодействие терроризму является одним из наиболее эффективных средств на современном этапе развития общества, позволяя выверенно, системно и целенаправленно подходить к решению имеющейся проблемы. Сложившийся в Российской Федерации правовой механизм противодействия терроризму уголовно-правовыми средствами и методами соответствует складывающейся криминогенной ситуации и предоставляет возможность эффективно реагировать на имеющиеся угрозы [1, с. 296–297]. Важно отметить, что на фоне происходящих ежесекундно изменений в современном мире происходит и постоянное развитие и трансформация терроризма. В связи с этим вопросы, связанные с противодействием данной угрозе, включая имеющийся в настоящее время арсенал уголовно-правовых форм и методов, нуждаются в постоянной актуализации и совершенствовании [8, с. 324–325]. Только таким образом удастся обеспечить своевременное привлечение к ответственности лиц, причастных к террористической деятельности, и станет невозможным вариант ухода от ответственности террориста из-за имеющихся недостатков и пробелов в законодательстве.

В ходе исследования выявлен ряд недостатков, которые допустил отечественный законодатель при формулировании диспозиции ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации. В целях устранения выявленных правовых коллизий предлагается внести ряд изменений в существующую формулировку:

1. Заменить слова «иные действия» на слова «иные деяния» в части 1, а также в применении к статье 205 УК РФ – заменить слова «в действиях» на слова «в деяниях».
2. Заменить словосочетание «органов власти» на слова «органов государственной власти, органов местного самоуправления».

¹³ Указ. соч. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. – С. 643.

Данные изменения позволят привести к единообразию действующие нормы антитеррористического законодательства, устранят выявленные в ходе исследования правовые коллизии и позволят правоприменителю более успешно осуществлять противодействие рассматриваемому преступлению против общественной безопасности.

Список литературы

1. Меркурьев В. В. Борьба с терроризмом: новые вызовы и угрозы : монография. Серия: Университет прокуратуры Российской Федерации. Уголовное право – Москва: Проспект, 2019. – 680 с.
2. Дикаев С. У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). – Санкт-Петербург: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 448 с.
3. Капитонова Е. А., Романовский Г. Б. Современный терроризм : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2015. – 214 с.
4. Кулешова Г. П. Терроризм и средства массовой информации // Терроризм и современное право: актуальные вопросы противодействия : монография. – Москва: Проспект, 2019. – С. 46–60.
5. Литвинов Н. Д. Террористические организации: формирование и деятельность (политико-правовой анализ) : монография / под ред. С. Е. Вицина. – Москва; Воронеж: ВИ МВД России, 1999. – 219 с.
6. Павлик М. Ю. Террористический акт, захват заложника, бандитизм: вопросы теории и практики. – Санкт-Петербург: Юридический центр-Пресс, 2011. – 372 с.
7. Романовский Г. Б., Безрукова О. В. Правовые основы противодействия терроризму в Российской Федерации // Терроризм и современное право: актуальные вопросы противодействия : монография. – Москва: Проспект, 2019. – С. 6–29.
8. Бельский В. Ю. [и др.]. Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях : монография / под ред. В. Ю. Бельского, А. И. Сацуты. – Москва: Юнити-Дана, 2019. – 479 с.
9. Ткаченко В. В., Ткаченко С. В. Российский терроризм: проблемы уголовной ответственности : монография. – Москва: Инфра-М, 2015. – 110 с. – (Научная мысль); doi: 10.12737/669.
10. Чернядьева Н. А. Международный терроризм: происхождение, эволюция, актуальные вопросы правового противодействия : монография. – Москва: Проспект, 2017. – 336 с.
11. Чуфаровский Ю. В. Терроризм: особенности международного противодействия. – Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. – 156 с.
12. Шевченко И. В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2011. – 176 с.
13. Ширманов Е. В. Институализация взаимодействия терроризма и коррупции и особенности противодействия ей // Терроризм и современное право: актуальные вопросы противодействия : монография. – Москва: Проспект, 2019. – С. 86–100.
14. Davies Barry B. E. M. Terrorism. Inside a World Phenomenon. – London: Virgin Books Ltd, 2005. – 310 p.
15. Elworthy Scilla & Rifkind Gabrielle. Making Terrorism History. – London, Sydney, Auckland, Johannesburg: Rider (Rider books), 2006. – 96 p.

References

1. Merkur'yev V. V. Bor'ba s terrorizmom: novyye vyzovy i ugrozy : monografiya. Seriya: Universitet prokuratury Rossiyskoy Federatsii. Ugolovnoye pravo – Moskva: Prospekt, 2019. – 680 s.
2. Dikayev S. U. Terror, terrorizm i prestupleniya terroristicheskogo kharaktera (kriminologicheskoye i ugolovno-pravovoye issledovaniye). – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr Press», 2006. – 448 s.
3. Kapitonova Ye. A., Romanovskiy G. B. Sovremennyy terrorizm : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2015. – 214 s.
4. Kuleshova G. P. Terrorizm i sredstva massovoy informatsii // Terrorizm i sovremennoye pravo: aktual'nyye voprosy protivodeystviya : monografiya. – Moskva: Prospekt, 2019. – S. 46–60.
5. Litvinov N. D. Terroristicheskiye organizatsii: formirovaniye i deyatel'nost' (politiko-pravovoye analiz) : monografiya / pod red. S. Ye. Vitsina. – Moskva; Voronezh: VI MVD Rossii, 1999. – 219 s.
6. Pavlik M. Yu. Terroristicheskiy akt, zakhvat zalozhnika, banditizm: voprosy teorii i praktiki. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr-Press, 2011. – 372 s.

7. Romanovskiy G. B., Bezrukova O. V. Pravovyye osnovy protivodeystviya terrorizmu v Rossiyskoy Federatsii // Terrorizm i sovremennoye pravo: aktual'nyye voprosy protivodeystviya : monografiya. – Moskva: Prospekt, 2019. – S. 6–29.
8. Bel'skiy V. Yu. [i dr.]. Terrorizm v istoricheskoy retrospektive i sovremennykh usloviyakh : monografiya / pod red. V. Yu. Bel'skogo, A. I. Satsuty. – Moskva: Yuniti-Dana, 2019. – 479 s.
9. Tkachenko V. V., Tkachenko S. V. Rossiyskiy terrorizm: problemy ugolovnoy otvetstvennosti : monografiya. – Moskva: Infra-M, 2015. – 110 s. – (Nauchnaya mysl'); doi: 10.12737/669.
10. Chernyad'yeva N. A. Mezhdunarodnyy terrorizm: proiskhozhdeniye, evolyutsiya, aktual'nyye voprosy pravovogo protivodeystviya : monografiya. – Moskva: Prospekt, 2017. – 336 s.
11. Chufarovskiy Yu. V. Terrorizm: osobennosti mezhdunarodnogo protivodeystviya. – Pushkino: Tsentr strategicheskoy kon'yunktury, 2014. – 156 s.
12. Shevchenko I. V. Ugolovnaya otvetstvennost' za terroristicheskuyu deyatelnost' : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2011. – 176 s.
13. Shirmanov Ye. V. Instutualizatsiya vzaimodeystviya terrorizma i korruptsii i osobennosti protivodeystviya yey // Terrorizm i sovremennoye pravo: aktual'nyye voprosy protivodeystviya : monografiya. – Moskva: Prospekt, 2019. – S. 86–100.
14. Davies Barry B. E. M. Terrorism. Inside a World Phenomenon. – London: Virgin Books Ltd, 2005. – 310 p.
15. Elworthy Scilla & Rifkind Gabrielle. Making Terrorism History. – London, Sydney, Auckland, Johannesburg: Rider (Rider books), 2006. – 96 p.

Статья поступила в редакцию 02.07.2023; одобрена после рецензирования 12.11.2023; принята к публикации 15.01.2024.

The article was submitted July 2, 2023; approved after reviewing November 12, 2023; accepted for publication January 15, 2024.

Научная статья
УДК 343.14
doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-103-110

Михаил Александрович Бугера
кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-4752-0620>, ma.bugera@mail.ru

*Волгоградская академия МВД России
Российская Федерация, 400075, Волгоград, ул. Историческая, д. 130*

Информационные особенности типичных следственных ситуаций, возникающих при расследовании хищений мобильных средств связи

Аннотация: Введение. Хищения мобильных средств связи – часто совершаемое преступление, регулярность которого обусловлена, в том числе, ростом количества средств связи у граждан, их популярностью и удобством в использовании, а также иными факторами. **Методы.** Работая над статьей, автор использовал различные методы, среди которых общенаучные методы познания, частнонаучные методы и междисциплинарный метод формализации. К материалам же относятся данные из реальной юридической практики, материалы уголовных дел, судебные акты. **Результаты.** В статье были проанализированы современное состояние и трансформация механизма хищений мобильных средств связи. Изучены и типизированы основные способы совершения хищений, применяемые при этом приёмы и технологии. Автором исследованы информационные особенности наиболее типичных следственных ситуаций, возникающих при расследовании хищений мобильных средств связи и сделан вывод о том, что чаще всего хищения мобильных средств связи совершаются путём краж (в том числе карманных; краж в общественных местах; краж с проникновением), грабежей, мошенничества. Система формирования наиболее типичных следственных ситуаций построена на сочетании аналитики следственной практики и теоретического исследования. Сама типичная следственная ситуация в расследовании хищений мобильных телефонов включает в себя различные аспекты, среди которых автор выделяет совокупность всех сведений и данных о хищении; сбор доказательств, связанных с преступлением; их комплексный системный анализ; основы взаимодействия с операторами мобильной (сотовой) связи и т. д.

Ключевые слова: типичные следственные ситуации, мобильные телефоны, мобильные средства связи, хищения, взаимодействие с оператором мобильной (сотовой) связи, онлайн-платформы, кибербезопасность

Для цитирования: Бугера М. А. Информационные особенности типичных следственных ситуаций, возникающих при расследовании хищений мобильных средств связи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 103–110; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-103-110.

Mikhail A. Bugera
Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0000-0003-4752-0620>, ma.bugera@mail.ru

*Volgograd Academy of the MIA of Russia
130, Istoricheskaya str., Volgograd, 400075, Russian Federation*

The most typical investigative situations that arise during the investigation of theft of mobile communication devices

Abstract: Introduction. Theft of mobile communication devices is a frequently committed crime, the regularity of which is due to the increase in the number of communication devices among citizens, its popularity and ease of use, as well as other factors. **Methods.** While working on the article, the author used various methods, including general scientific methods of cognition, private scientific methods and an interdisciplinary method of formalization. The data of real legal practice, materials of criminal cases and judicial acts were also used. **Results.** The current state and transformation of the mechanism of theft of mobile communication devices is analyzed in the article. The main methods of committing theft, the techniques and technologies used in this process are studied and typified. The author considered the most typical investigative situations that arise during the investigation of theft of mobile communication devices. The conclusion was drawn that the most common loss of mobile communication devices is committed by theft (including pickpocketing; theft in public places; burglary), robbery, fraud. The system of formation of the most typical investigative situations is based on a combination of analysis of investigative practice and theoretical research. The typical investigative situation in the investigation of mobile phone theft includes various aspects, among which the author emphasizes the totality of all information and data regarding theft; collecting evidence related to the crime; its comprehensive system analysis; the basics of interaction with mobile operators, etc.

Keywords: typical investigative situations, mobile phones, mobile communication devices, theft, interaction with a mobile operator, online platforms, cybersecurity

For citation: Bugera M. A. The most typical investigative situations that arise during the investigation of theft of mobile communication devices // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 103–110; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-103-110.

Введение

Как и всякое электронное устройство, мобильные средства связи могут стать объектами различных хищений. Самый распространенный способ хищения мобильного устройства – кража. Один из наиболее типичных способов хищения мобильных телефонов — это карманные кражи. Преступники могут подойти к жертве незаметно и быстро вытащить телефон из кармана, сумки, а затем мгновенно скрыться. Это часто происходит в местах плотного скопления людей, таких как общественный транспорт, уличные мероприятия (митинги, праздники и т. д.) или торговые центры.

Киберпреступники могут пытаться копировать или перехватывать данные SIM-карты. Они могут воспользоваться различными мошенническими методами и приемами, чтобы получить информацию о SIM-карте от оператора связи или использовать специализированное оборудование для копирования данных.

Мобильные телефоны являются ценными предметами, востребованными на рынке. Их высокая стоимость и популярность делают их привлекательными для потенциальных похитителей.

Некоторые мобильные средства связи могут быть легко подвержены хищениям из-за отсутствия должной безопасности и защиты. Низкая эффективность или слабость установленных механизмов блокировки, паролей или биометрической идентификации может способствовать хищениям.

Недостаточное внимание или беспечность со стороны владельцев мобильных телефонов также может способствовать кражам. Оставление устройств без присмотра или небрежное обращение с ними в общественных местах может предоставить возможность похитителям совершить кражу.

Отсутствие эффективной системы реагирования со стороны правоохранительных органов, операторов мобильной (сотовой) связи и других заинтересованных сторон может способствовать безнаказанности преступников и, следовательно, поощрять хищения мобильных телефонов.

Организованные преступные группы могут разрабатывать и распространять схемы хищений мобильных средств связи, такие как уличные грабежи, карманные кражи, разбойные нападения на магазины или курьеров, чтобы осуществлять хищения мобильных устройств.

Создание незаконного рынка для похищенных мобильных устройств и отсутствие эффективных контрмер провоцируют хищения. Преступники могут перепродавать похищенные телефоны через интернет или другие каналы и получать незаконную прибыль.

В целом, факторы, способствующие хищениям мобильных телефонов в России, объединяются вокруг ценности устройств, возможностей для хищения, отсутствия эффективной системы предотвращения и реагирования, а также востребованности незаконного рынка для перепродажи.

Актуальность темы безусловна. Исследования в данной сфере проводили различные авторы, многие из которых по-разному трактуют отдельные аспекты процесса расследования хищений мобильных средств связи. Так, А. В. Шебалин характеризовал наиболее типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования хищений сотовых телефонов [14]; этот же анализ осуществлял и А. С. Харлов [11], предлагая определённые программы действий следователя на первоначальном этапе расследования по делам о хищении сотовых телефонов, Е. Е. Шавкарова изучала деятельность следователя на первоначальном этапе расследования хищений сотовых телефонов [12], А. Б. Максимович давал авторскую характеристику хищений средств сотовой связи [8]; И. В. Макогон [6], Л. В. Косарева [7] и Б. Б. Шойжилцыренов [15] детализировали проблемы, возникающие при расследовании хищений мобильных средств связи; К. Е. Демин и А. А. Васильев раскрыли криминалистические аспекты получения доказательственной информации с электронных носителей данных [5], А. А. Голубчиков в целом характеризовал криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования грабежей и разбойных нападений [4].

Методы

Работая над статьей, мы использовали различные методы, среди которых общенаучные методы познания (сравнение, восхождение от абстрактного к конкретному, анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, классификация, абстрагирование), частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования норм права, догматический), междисциплинарный метод формализации. К материалам же относятся данные из реальной юридической практики, материалы уголовных дел, судебные акты.

Результаты

Некоторые учёные группируют данные факторы по основаниям технических особенностей средств мобильной связи, виктимного поведения потерпевших и деятельности правоохранительных органов, направленной на установление лиц, совершивших рассматриваемые хищения средств мобильной связи [1, с. 14].

В. К. Гавло, который пишет, что «типичные ситуации являются своеобразными теоретическими моделями, ориентироваться на которые полезно с точки зрения отыскания в них недостающих признаков сложившейся конкретной ситуации. Поэтому следователь всегда должен сопоставить конкретную ситуацию с типичной, известной ему ранее. Если они оказываются сопоставимыми по своим криминалистическим характеристикам, то основной алгоритм типичной ситуации по расследованию преступления может быть приемлемым и для конкретной ситуации» [2, с. 163].

А. В. Шебалин [13, с. 100] в основу деления типичных следственных ситуаций по рассматриваемой категории уголовных дел положил способ сокрытия виртуальных следов преступления. Он предлагал следующие типичные следственные ситуации:

1. Неустановленный преступник не предпринимал мер к сокрытию виртуальных следов преступления и звонил с похищенного телефона, в котором находилась SIM-карта потерпевшего.

2. Неустановленный преступник удалил SIM-карту потерпевшего из похищенного телефона, однако телефон подключен к сети одного из операторов мобильной (сотовой) связи с другой SIM-картой.

В зависимости от сведений о лице, совершившем хищение средства сотовой связи, и факта обнаружения мобильного телефона выделены типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования [10, с. 41]:

1) имеются признаки совершения хищения средства сотовой связи, лицо (подозреваемый) задержано, сотовый телефон изъят;

2) имеются признаки совершения хищения средства сотовой связи, лицо (подозреваемый) задержано, сотовый телефон не изъят;

3) имеются признаки совершения хищения средства сотовой связи, лицо (подозреваемый) не установлено и не задержано, сотовый телефон не изъят.

К сожалению, невозможно в рамках одной статьи проанализировать все типичные версии, мы рассмотрим их в зависимости от объёма данных, характеризующих непосредственно само мобильное средство связи, и выделим в соответствии с этим три типичные ситуации, возникающие при расследовании хищений мобильных средств связи:

в распоряжении следователя имеется полная информация о признаках средства мобильной связи, IMEI-номере, номере SIM-карты [9, с. 221];

в распоряжении следователя имеется неполная информация о признаках средства мобильной связи, т. е. отсутствует информация о номере SIM-карты и (или) отсутствует информация об IMEI-номере. Чтобы расследовать такое хищение, следователь может использовать данные с системы видеонаблюдения в общественных местах или свидетельские показания. Если преступник пытается использовать похищенный телефон или продать его, следы могут обнаружиться при проверке данных провайдера или баз данных похищенных устройств;

в ходе раскрытия и расследования преступлений было обнаружено и изъято средство мобильной связи, в котором отсутствовала SIM-карта, и нет данных о владельце.

Охарактеризуем алгоритм действий следователя в указанных типичных следственных ситуациях, анализируя отдельные нюансы его действий.

Действия следователя в первой типичной следственной ситуации, следующие:

Проводится осмотр места происшествия, причём следователь обязан фиксировать все имеющиеся данные, включая признаки средства мобильной связи, IMEI-номер и номер SIM-карты. Эти данные могут быть важными для проведения следующих этапов расследования. Важно проследить возможные пути отхода преступника.

Нужно обратиться к оператору, предоставляющему услуги мобильной связи для получения от него установочных данных абонента (ФИО, паспортных данных, адреса регистрации и места жительства) по абонентскому номеру, чтобы получить информацию о последних вызовах, отправленных и полученных сообщениях, а также о расходе данных на телефоне. Если мобильный телефон включен, следователь может направить оператору запрос на определение местоположения устройства с использованием сети сотовой связи.

Нужно запросить у оператора мобильной (сотовой) связи информацию о последних вызовах, отправленных и полученных сообщениях, длительности разговоров, а также о расходе данных на телефоне. Это позволяет определить активность телефона и возможные контакты.

IMEI-номер является уникальным идентификатором каждого мобильного устройства. Следователи могут использовать этот номер для отслеживания телефона и определения его статуса (например, заблокирован ли он). Если средство мобильной связи было заблокировано или у него был включен режим поиска, следователь может обратиться в службу поддержки производителя телефона для получения дополнительной информации или помощи в отслеживании и восстановлении телефона.

Следователи могут обращаться к различным интернет-платформам и социальным сетям для получения информации об активности на похищенном телефоне, например входе (или попытках входа) в учетные записи или сообщениях, которые могут быть полезными для расследования.

Конечно же, следователем должен быть осуществлён максимально подробный и детализированный допрос потерпевшего лица, у которого похитили мобильное средство связи. В ходе допроса нужно выяснить для последующей перепроверки все обстоятельства хищения.

Далее необходимо произвести выемку документов, имеющих непосредственное отношение к похищенному мобильному средству связи (упаковки, гарантийного талона, руководства по эксплуатации смартфона, инструкции, чеки и т. д.) при их наличии.

Нужно также помнить, что в России централизованный учет похищенных и изъятых номерных вещей и документов используется для облегчения и улучшения расследования различных преступлений, в том числе хищений, включая хищение мобильных телефонов. Система учета содержит информацию о похищенных и изъятых номерных вещах и документах, включая мобильные телефоны.

При осуществлении контрольных мероприятий, например, при проверке документов задержанных лиц или при проверке места жительства подозреваемых, правоохранительные органы могут запросить информацию из базы данных и установить, является ли мобильный телефон связанным с преступлением и принадлежащим определенному лицу.

Если мобильный телефон уже был зарегистрирован как похищенный в базе данных, это позволяет оперативным службам быстро установить статус устройства и принять соответствующие меры в случае обнаружения или покупки такого устройства.

Централизованная система учета позволяет отслеживать повторные случаи хищений мобильных телефонов и устанавливать связи между различными криминальными активностями. Это может помочь выявить сети организованной преступности, занимающиеся кражами и сбытом украденных телефонов.

Централизованный учет похищенных и изъятых номерных вещей и документов предоставляет правоохранительным органам значительную информацию и инструменты для расследования преступлений, включая хищение мобильных телефонов. Это способствует повышению эффективности в борьбе с преступностью и может сыграть важную роль в раскрытии, расследовании и предотвращении подобных преступлений.

При расследовании хищений мобильных телефонов по поручению следователя могут проводиться различные оперативно-разыскные мероприятия. Если хищение мобильного телефона произошло в общественном месте, нужно запросить видеозаписи с камер видеонаблюдения, чтобы идентифицировать подозреваемых или направление движения злоумышленника.

Важно поддерживать контакт с информаторами или соучастниками, чтобы получить сведения о преступлениях, связанных с хищениями мобильных телефонов. Преступники, пытающиеся сбыть похищенные мобильные телефоны, могут использовать различные способы и площадки для продажи похищенных устройств. Это могут быть онлайн-платформы и торговые сайты, такие как объявления о продаже, интернет-аукционы или социальные сети, чтобы нелегально продавать похищенные мобильные телефоны. Возможно создание фиктивных профилей или использование анонимных каналов связи для совершения сделок.

В некоторых случаях преступники предпочитают торговлю на рынках, где продажа и покупка товаров может осуществляться вне законного контроля. К примеру уличные рынки, расположенные на открытом воздухе, или специализированные торговые точки, которые могут быть временными или передвижными. Нужно учитывать и возможность сбыта похищенных мобильных средств связи через ломбарды и скупки.

Анализ данных (информация из баз данных) о кражах мобильных телефонов, может помочь выявить алгоритмы действий похитителей, а также определить возможные места сбыта.

Правоохранительные органы для раскрытия хищения мобильных телефонов могут проводить оперативные мероприятия с помощью сотрудников, работающих под прикрытием, которые пытаются выявить точки сбыта похищенного с использованием контактов с потенциальными преступниками.

Действия следователя во второй типичной следственной ситуации:

Если следователю неизвестны IMEI-номер и номер SIM-карты, это может сильно затруднить процесс раскрытия хищения. Однако могут быть предприняты следующие шаги: установить IMEI-код в случае, если хозяин мобильного телефона его не знает или отсутствует упаковка. При этом возможно обратиться в адрес оператора, предоставлявшего услуги сотовой связи, с заявлением о предоставлении IMEI-кода, т. к. при переговорах фиксируется не только статус звонка (input – входящий / output – исходящий), телефонный номер абонента, с которым велись переговоры, их длительность, но и IMEI-код [3, с. 66].

Следует немедленно связаться с оператором мобильной (сотовой) связи и сообщить о произошедшем. Они могут принять меры, чтобы заблокировать SIM-карту и предоставить дополнительную помощь.

Если устройство находится включенным и подключено к мобильной сети, операторы мобильной (сотовой) связи и правоохранительные органы могут в сотрудничестве отследить его местоположение. Однако такие меры требуют соответствующих юридических действий и составления процессуальных документов совместно с провайдерами услуг связи.

В случае хищения некоторые современные мобильные устройства имеют дополнительную функциональность для отслеживания, такую как «Find My iPhone» в устройствах Apple или подобные функции для устройств на базе Android. Если такая функция была предварительно настроена и активирована на устройстве, это может помочь в его поиске.

Далее следователь должен подготовить и направить поручение сотрудникам уголовного розыска о проведении оперативно-разыскных мероприятий, указанных нами выше.

В случае обнаружения и изъятия похищенного имущества необходимо представить средство мобильной связи для опознания потерпевшему.

Действия следователя при третьей следственной ситуации:

Следователь должен осмотреть средство мобильной связи и установить IMEI-номер, который указан на ярлыке, расположенном на корпусе мобильного телефона под аккумуляторной батареей. Для проверки IMEI-номера необходимо на мобиль-

ном телефоне набрать на телефоне комбинацию цифр и символов: *#06#, на экране высветится IMEI телефона – 15-значный номер. Далее следователю следует провести проверку данного средства мобильной связи по учету, используя IMEI-номер, чтобы определить, не значится ли данный мобильный телефон среди похищенных вещей. Есть и несколько иных способов отслеживания похищенного или утерянного мобильного телефона. Если владелец установил на устройстве специальное программное обеспечение для отслеживания, такое как приложение для удаленного доступа или служебные функции операционной системы (например, Find My iPhone в iOS или Find My Device в Android), можно попытаться найти местоположение телефона через интернет или GPS.

При наличии релевантной информации, такой как IMEI-номер, оператор может предоставить данные, связанные с учетной записью владельца. Следует направить запрос оператору связи об определении по IMEI-номеру номера SIM-карты, которая использовалась в мобильном телефоне последнее время, и сведения о владельце данной SIM-карты [3, с. 66]. Оператор предоставляет данные об активности SIM-карты, которая была установлена на устройство, а также могут быть доступны записи о входящих и исходящих звонках или сообщениях.

Необходимо внимательно изучить содержимое телефона, включая контакты, сообщения, фотографии, социальные сети и другие данные, которые могут помочь определить владельца или предоставить индивидуализирующую информацию.

Следователь может проанализировать метаданные, такие как дата и время звонков, отправленных сообщений или активности в интернете, чтобы установить связи и возможные пути идентификации владельца. Также можно исследовать историю посещений веб-сайтов или активность в приложениях, что может помочь в определении личности владельца.

Если следователю не удастся самостоятельно установить владельца, возможно потребуется сотрудничество с техническими экспертами в области цифровой криминалистики или кибербезопасности. Эти специалисты могут помочь извлечь более глубокую информацию из телефона, включая сведения, которые могут привести к идентификации владельца.

Когда личность владельца установят, его (при возможности) нужно допросить, уточнить все обстоятельства хищения мобильного средства связи.

Итак, мы видим, что типичные следственные ситуации, связанные с хищением мобильных телефонов, могут варьироваться в зависимости от обстоятельств и деталей конкретного случая.

При получении информации о краже мобильного телефона следственные органы проводят осмотр места преступления, чтобы собрать максимальное количество информации и выявить следы, которые могут помочь в установлении личности преступника. Это может включать фотографирование места происшествия, обнаружение и изъятие следов пальцев рук или ДНК, а также поиск объектов и предметов, не принадлежащих хозяину, таких как оставленные инструменты или следы проникновения.

Многие общественные места (магазины, кафе, остановки общественного транспорта и торговые центры) оборудованы системой видеонаблюдения.

Правоохранительные органы могут проверить местные базы данных, в которых хранится информация о похищенных мобильных телефонах. Если похищенный телефон попадает в обращение снова (например, продается или его пытаются разблокировать), это может помочь следствию в обнаружении и задержании подозреваемого.

Следователи также могут запросить данные о вызовах, сообщениях и интернет-активности на похищенном телефоне. Анализ этих данных может помочь в установлении связей или контактов, а также идентификации подозреваемых.

В каждом конкретном случае расследования хищения мобильных телефонов следователи полагаются на свои навыки, технические ресурсы и сотрудничество с различными лицами и организациями, чтобы выявить преступника и вернуть похищенное имущество. Существует несколько распространенных версий хищения мобильных телефонов, и каждая из них требует своего подхода для расследования и выявления преступников.

Важно помнить, что каждый случай хищения мобильного средства связи может отличаться, и расследование может зависеть от доступной информации и сотрудничества между пострадавшим, полицией и другими организациями.

Заключение

Таким образом, типичная следственная ситуация в расследовании хищений мобильных телефонов обычно включает следующие аспекты: совокупность всех сведений и дан-

ных о хищении; сбор доказательств, связанных с преступлением, включая показания свидетелей, видеозаписи с камер наблюдения, отпечатки пальцев, информацию от операторов мобильной (сотовой) связи и другие факты, которые могут помочь в расследовании; анализ собранных доказательств; основы взаимодействия с операторами мобильной (сотовой) связи для получения информации о местоположении похищенного телефона, истории звонков или текстовых сообщений, что может помочь в определении подозреваемых или маршрута движения телефона и т. д.

Роль типичной следственной ситуации в расследовании хищений мобильных телефонов заключается в том, чтобы создать базу фактов и доказательств, которая позволяет правоохранительным органам и следователям установить подозреваемых, предъявить обвинения и передать дело в суд. Расследование таких преступлений помогает восстановить справедливость, обеспечить возмещение вреда и предупредить дальнейшие случаи хищений мобильных телефонов.

Список литературы

1. *Архипова Н. А.* Типичные следственные ситуации и алгоритм расследования хищений средств мобильной связи // Сборник материалов криминалистических чтений. – 2010. – № 6. – С. 13–18.
2. *Гавло В. К.* Методика расследования как особая теоретико-методическая модель – информационный аналог расследования криминальных событий / Избранные труды. – Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2011. – С. 230–242.
3. *Ганина А. А.* Актуальные проблемы получения информации у операторов мобильной связи при расследовании хищений средств мобильной связи / Актуальные проблемы уголовного права и процесса, уголовно-исполнительного права и криминалистики : материалы VIII научно-практической конференции / редкол.: Г. П. Кулешова [и др.]. – Саранск, 29 марта 2019 г. – Саранск: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2019. – С. 65–69.
4. *Голубчиков А. А.* Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования грабежей и разбойных нападений // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023. – № 4 (22). – С. 16–21.
5. *Демин К. Е., Васильев А. А.* Криминалистические аспекты получения доказательственной информации с электронных носителей данных // Публичное и частное право. – 2011. – № 3 (11). – С. 147–161.
6. *Макогон И. В., Косарева Л. В.* Особенности расследования преступлений, связанных с хищением средств сотовой связи (первоначальный этап) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2017. – № 1 (15). – С. 138–143.
7. *Макогон И. В., Косарева Л. В.* Проблемы, возникающие при расследовании хищении средств сотовой связи, и пути их решения // Современные проблемы права, экономики и управления. – 2016. – № 2 (3). – С. 176–180.
8. *Максимович А. Б.* Криминалистическая характеристика хищений средств сотовой связи и частное криминалистическое учение // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 6 (29). – С. 251–255.
9. *Моргунов А. Е.* Проблемы расследования хищений средств мобильной связи на современном этапе / Юридическая наука: теоретические и практические аспекты : сборник тезисов и статей Всероссийской научно-практической конференции. – Волгоград: Издательский дом «Сириус», 2019. – С. 220–223.
10. *Шебалин А. В.* Расследование хищений средств сотовой связи : монография. – Барнаул: ИНиРИО БЮИ МВД России, 2013. – 192 с.
11. *Харлов А. С.* Типичные следственные ситуации и программы действий следователя на первоначальном этапе расследования по делам о хищении сотовых телефонов // Актуальные вопросы образования и науки. – 2011. – № 5-6. – С. 40–44.
12. *Шавкарова Е. Е.* Деятельность следователя на первоначальном этапе расследования хищений сотовых телефонов / Вопросы эволюции правовой мысли человечества : сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа: Аэтерно, 2015. – С. 148–152.
13. *Шебалин А. В.* О некоторых вопросах криминалистической классификации хищений средств сотовой связи // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2008. – № 8. – С. 118–120.
14. *Шебалин А. В.* Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования хищений сотовых телефонов / Вестник криминалистики / отв. ред. А. Г. Филиппов. – Москва: Спарк, 2008. – Вып. 3 (27). – С. 98–102.

15. Шойжилцыренов Б. Б. О некоторых проблемах противодействия хищениям средств сотовой связи и факторах, их детерминирующих: (по материалам Байкальского региона) // Российский следователь. – 2009. – № 12. – С. 24–27.

References

1. Arkhipova N. A. Tipichnyye sledstvennyye situatsii i algoritm rassledovaniya khishcheniy sredstv mobil'noy svyazi // Sbornik materialov kriminalisticheskikh chteniy. – 2010. – № 6. – S. 13–18.
2. Gavlo V. K. Metodika rassledovaniya kak osobaya teoretiko-metodicheskaya model' – informatsionnyy analog rassledovaniya kriminal'nykh sobytiy // Izbrannyye trudy. – Barnaul: Izdvo Alt. un-ta, 2011. – S. 230–242.
3. Ganina A. A. Aktual'nyye problemy polucheniya informatsii u operatorov mobil'noy svyazi pri rassledovanii khishcheniy sredstv mobil'noy svyazi / Aktual'nyye problemy ugolovnoogo prava i protsessa, ugolovno-ispolnitel'nogo prava i kriminalistiki: materialy VIII nauchno-prakticheskoy konferentsii. Redkollegiya: G. P. Kuleshova [i dr.]. Saransk, 29 marta 2019 g. – Saransk: Vserossiyskiy gosudarstvennyy universitet yustitsii (RPA Minyusta Rossii). – 2019. – S. 65–69.
4. Golubchikov A. A. Kriminalisticheskoye obespecheniye raskrytiya i rassledovaniya grabezhey i razboynykh napadeniy // Nauchnyy daydzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2023. – № 4 (22). – S. 16–21.
5. Demin K. Ye., Vasil'yev A. A. Kriminalisticheskiye aspekty polucheniya dokazatel'stvennoy informatsii s elektronnykh nositeley dannykh // Publichnoye i chastnoye pravo. – 2011. – № 3 (11). – S. 147–161.
6. Makogon I. V., Kosareva L. V. Osobennosti rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s khishcheniyem sredstv sotovoy svyazi (pervonachal'nyy etap) // Rassledovaniye prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya. – 2017. – № 1 (15). – S. 138–143.
7. Makogon I. V., Kosareva L. V. Problemy, vznikayushchiye pri rassledovanii khishchenii sredstv sotovoy svyazi, i puti ikh resheniya // Sovremennyye problemy prava, ekonomiki i upravleniya. – 2016. – № 2 (3). – S. 176–180.
8. Maksimovich A. B. Kriminalisticheskaya kharakteristika khishcheniy sredstv sotovoy svyazi i chastnoye kriminalisticheskoye ucheniye // Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal. – 2016. – № 6 (29). – S. 251–255.
9. Morgunov A. Ye. Problemy rassledovaniya khishcheniy sredstv mobil'noy svyazi na sovremennom etape // Yuridicheskaya nauka: teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty: sbornik tezisev i statey Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – 2019. – S. 220–223.
10. Shebalin A. V. Rassledovaniye khishcheniy sredstv sotovoy svyazi : monografiya. – Barnaul: INiRIO BYuI MVD Rossii, 2013. – 192 s.
11. Kharlov A. S. Tipichnyye sledstvennyye situatsii i programmy deystviy sledovatelya na pervonachal'nom etape rassledovaniya po delam o khishchenii sotovykh telefonov // Aktual'nyye voprosy obrazovaniya i nauki. – 2011. – № 5-6. – S. 40–44.
12. Shavkarova Ye. Ye. Deyatel'nost' sledovatelya na pervonachal'nom etape rassledovaniya khishcheniy sotovykh telefonov // Voprosy evolyutsii pravovoy mysli chelovechestva: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Volgograd: ID «Sirius», 2015. – S. 148–152.
13. Shebalin A. V. O nekotorykh voprosakh kriminalisticheskoy klassifikatsii khishcheniy sredstv sotovoy svyazi // Aktual'nyye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. – 2008. – № 8. – S. 118–120.
14. Shebalin A. V. Tipichnyye sledstvennyye situatsii pervonachal'nogo etapa rassledovaniya khishcheniy sotovykh telefonov // Vestnik kriminalistiki / otv. red. A. G. Filippov. – Moskva: Spark, 2008. – Vyp. 3 (27). – S. 98–102.
15. Shoyzhiltsyrenov B. B. O nekotorykh problemakh protivodeystviya khishcheniyam sredstv sotovoy svyazi i faktorakh, ikh determiniruyushchikh: (po materialam Baykal'skogo regiona) // Rossiyskiy sledovatel'. – Ufa: Aeterna, 2009. – № 12. – S. 24–27.

Статья поступила в редакцию 17.06.2023; одобрена после рецензирования 12.11.2023; принята к публикации 15.01.2024.

The article was submitted June 17, 2023; approved after reviewing November 12, 2023; accepted for publication January 15, 2024.

Научная статья
УДК 343.98
doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-111-119

Кирилл Константинович Клевцов

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0003-2918-175X>, klevtsov001@gmail.com

МГИМО МИД России

Российская Федерация, 11954, Москва, пр. Вернадского, д. 76

Криминалистическая регистрация в государствах – участниках Содружества Независимых Государств

Аннотация: Введение. В статье рассматриваются правовые основы и другие организационные аспекты применения криминалистических учетов в государствах – участниках Содружества Независимых Государств. В частности, делается акцент на дактилоскопической и геномной регистрации. Использование таких видов учетов положительным образом сказывается на раскрытии и расследовании любого преступления, поскольку позволяет оперативно идентифицировать злоумышленника, а также установить его причастность или же, наоборот, непричастность к расследуемому преступлению. **Методы.** В ходе исследования применялись следующие методы: философский (диалектико-материалистический); общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование); дисциплинарные (статический); частнонаучные (догматико-юридический, сравнительного правоведения). **Результаты.** По итогам исследования сделан вывод о том, что во многих государствах криминалистической регистрации уделяется существенное внимание в борьбе с преступностью, вследствие чего сформирована соответствующая правовая база, которая отчасти нуждается в совершенствовании с учетом современных реалий. Однако не во всех рассматриваемых нами государствах применяется единый подход к формированию банка данных следов пальцев рук и ДНК, что связано, как представляется, с различным уровнем технической оснащённости. Такие особенности следует учитывать при осуществлении международного сотрудничества в правоохранительной деятельности среди государств – участников СНГ.

Ключевые слова: криминалистическая регистрация, криминалистические учеты, СНГ, дактилоскопическая регистрация, геномная регистрация

Для цитирования: Клевцов К. К. Криминалистическая регистрация в государствах – участниках Содружества Независимых Государств // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 111–119; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-111-119.

Kirill K. Klevtsov

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-2918-175X>, klevtsov001@gmail.com

MGIMO Ministry of Foreign Affairs of Russia

76, Vernadskogo Ave., Moscow, 11954, Russian Federation

Forensic database in the member states of the Commonwealth of Independent States

Abstract: Introduction. The article discusses the legal framework and other organizational aspects of the application of criminal records in the member states of the Commonwealth of Independent States, in particular the emphasis on fingerprint and genomedatabase is made. The use of such records has a positive impact on solution and investigation of any crime, as it

allows the rapid identification of a perpetrator, as well as the establishment of his involvement or, on the contrary, noninvolvement in the crime under investigation. **Methods.** In the course of the study the following methods were used, namely: philosophical (dialectic-materialistic); general scientific (analysis and synthesis, induction and deduction, abstraction); disciplinary (static); private scientific (dogmatic-legal, comparative law). **Results.** The study concluded that, in many states, forensic database is given a high priority in the fight against crime, resulting in the appropriate legal framework formation, which, in part, needs to be improved to reflect current realities. At the same time, not all of the states under consideration see a uniform approach to the creation of fingerprint and DNA database, which appears to be determined by different levels of technological infrastructure. Such features should be taken into account when implementing international cooperation in law enforcement among the CIS member states.

Keywords: forensic database, criminal records, CIS, fingerprint record, genome record

For citation: Klevtsov K. K. Forensic database in the member states of the Commonwealth of Independent States // Vestnik of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – 1 (101). – P. 111–119; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-111-119.

Введение

В России общепринято криминалистическую регистрацию рассматривать как систему отдельных видов криминалистического учета определенных объектов носителей информации, используемую для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений (картотеки, коллекции, иные хранилища регистрационных данных)¹. В качестве *основной цели* криминалистической регистрации выделяется информационное обеспечение в борьбе с преступностью посредством:

- накопления данных, которые могут быть использованы для выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений;
- обеспечения условий идентификации объектов с помощью учетных данных;
- содействия розыску объектов, сведения о которых содержатся в криминалистических учетах;
- предоставления в распоряжение оперативно-розыскных, следственных и судебных органов справочно-ориентирующей информации [1, с. 11–12].

Правовой основой выступают различные нормативные правовые акты, в том числе ведомственного характера, среди которых можно выделить следующие «специализированные» законы.

Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»²;

Федеральный закон от 25 июля 1998 года № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации»³;

Федеральный закон от 3 декабря 2008 года № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»⁴.

Вместе с тем ряд положений о криминалистической регистрации содержится в нормативных правовых актах, регламентирующих правовой статус полиции *sensu lato*⁵ и ее специфическую правоохранительную деятельность, представляющую некий симбиоз адми-

¹ Белкин Р. С. Криминалистика. Краткая энциклопедия. – Москва: Большая Российская Энциклопедия, 1993. – 111 с.

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3806.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 49. – Ст. 5740.

⁵ Здесь термин «полиция» понимается в широком смысле, а не только с позиций отечественного позитивного права относительно статуса органов внутренних дел. Сюда следует отнести и иные органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (например, Федеральную службу безопасности Российской Федерации). Как обоснованно подчеркивается в юридической литературе «с теоретической точки зрения “полицией” является любая деятельность исполнительной власти <...> и отнюдь не всегда связанная с МВД. Например, во Франции к полиции принято относить не только входящую в структуру МВД национальную полицию, но и исторически подчиненную министерству обороны национальную жандармерию» [5, с. 203].

Поэтому криминалистические учеты в России ведутся, в частности в системах МВД России, ФСБ России (федеральные законы от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900; от 3 апреля 1995 года № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» // СЗ РФ. – 1995. – № 15. – Ст. 1269).

нистративной и процессуальной деятельности⁶. Очевидно, что имеются и ведомственные документы, напрямую затрагивающие вопросы криминалистической регистрации⁷.

При этом в отечественной криминалистике до сих пор идут дискуссии относительно соотношения понятий «регистрация» и «учет». Одни полагают, что учет выступает в качестве подсистемы криминалистической регистрации⁸, другие высказывают диаметрально противоположную точку зрения, считая, что криминалистический учет является более собирательным понятием [3, с. 39]. Не вдаваясь в теоретическую дискуссию по данной проблеме, обратим внимание, что если рассматривать семантику указанных слов⁹, то термин «регистрация» шире по объему и содержанию, нежели «учет», поскольку последний выступает целью первого¹⁰.

В российской доктрине криминалистическая регистрация состоит из следующих видов учетов и фондов:

- оперативно-справочные учеты (содержат краткое описание объектов учета);
- криминалистические и розыскные учеты (включают в себя более подробные сведения об учитываемых объектах, поскольку содержат не только установочные сведения, но и описание их индивидуальных особенностей, а также краткое изложение обстоятельств совершенного преступления);
- экспертно-криминалистические учеты¹¹ (фиксируют следы преступления и некоторые объекты);
- местные учеты и справочно-вспомогательные фонды в системе криминалистической регистрации (применяются также в профилактических целях, носят справочно-вспомогательный характер и создаются, как правило, на уровне территорий)¹² [2, с. 425–431].

Исходя из темы исследования, необходимо рассмотреть криминалистическую регистрацию, предусмотренную в государствах – участниках Содружества Независимых Государств, а также установить, придерживаются ли за рубежом подобной классификации¹³.

Методы

При формировании любого криминалистического учета применяются такие методы, как *описательный* (алфавитный, по признакам внешности и т. д.), *изобразительный* (к примеру, дактилокарты), *графический* (схемы) и *коллекционный* (материалы, вещества, изделия, орудия преступлений и т. д.).

Результаты

В Азербайджанской Республике, в отличие от Российской Федерации, предусмотрен комплексный закон от 29 июня 2018 года № 1197-VQ «О государственной дактилоскопии».

⁶ См.: Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ // СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

⁷ Например, см.: Наставление по ведению и использованию централизованных оперативно-справочных, криминалистических и розыскных учетов, формируемых на базе органов внутренних дел Российской Федерации, от 12 февраля 2014 года, утвержденное приказами МВД России № 89 дсп, Минюста России № 19 дсп, МЧС России № 73 дсп, Министерства финансов Российской Федерации № 1а дсп, Министерства обороны Российской Федерации № 113 дсп, ФСБ России № 108 дсп, ФСКН России № 75 дсп, ФСО России № 93 дсп, СВР России № 19 дсп, Федеральной таможенной службы России № 324 дсп, ФМС России № 133 дсп, Государственной фельдъегерской службы Российской Федерации № 63 дсп, СК России 14 дсп, Генпрокуратуры России № 95 дсп.

⁸ Ялышев С. А. Криминалистическая регистрация: учебное пособие. – Москва: Академия управления МВД России, 1999. – С. 39.

⁹ Поэтому раздел отечественной криминалистики рекомендуется именовать как «криминалистическая регистрация». См.: Демин Р. Е. Криминалистическая регистрация и ее использование в расследовании преступлений: учебное пособие. – Саратов: СЮИ МВД России, 2003. – С. 39.

¹⁰ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. – Москва: ООО «А ТЕМП», 2006. – С. 670.

¹¹ Среди российских криминалистов продолжают идти споры касательно автономности экспертно-криминалистических учетов. Впрочем, исходя из анализа некоторых ведомственных документов, такой вид учета является самостоятельным (например, см.: приказ МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] // доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.07.2023). Более того, различие между криминалистическим и экспертно-криминалистическим учетами происходит по объектам (в первых аккумулируются преступления и лица, некоторые предметы, а в последних следы преступления и ряд объектов); субъектам и нормативной основе [6, с. 109].

¹² Подробнее об этом см.: Белов О. А. Криминалистическая регистрация: история, современное состояние и перспективы развития: учебное пособие / под ред. д-ра юрид. наук Е. П. Ищенко. – Москва: Юрлитинформ, 2010. – С. 30–79.

¹³ Стоит сделать оговорку, что при описании криминалистических учетов в отдельных зарубежных странах автор не придерживается какого-либо единого подхода относительно их выборки, в том числе не делается акцент на каких-либо критериях, позволяющих систематизировать учеты по отдельным группам, как это предусмотрено в отечественной криминалистике, о чем было сказано ранее. Автор преследовал цель дать общую характеристику некоторым криминалистическим учетам в государствах – участниках СНГ, которые могут быть использованы при раскрытии и расследовании преступлений. Отнюдь, такая характеристика не носит исчерпывающего характера.

ческой и геномной регистрации»¹⁴, который разграничивает два вида регистрации. Кроме того, аккумулирование генетической (информации, полученной посредством проведения анализа дезоксирибонуклеиновой кислоты, позволяющего установить личность человека) и дактилоскопической (информации об особенностях строения папиллярного рисунка на пальцах рук человека, позволяющей установить личность человека) информации производится, как и во многих других государствах, для предотвращения, раскрытия преступлений, административных проступков и проведения расследования (п. 5.0.4 ст. 5 и п. 12.0.4 ст. 12).

В Республике Армения, к примеру, с целью содействия охране государственной границы, повышения эффективности действий правоохранительных органов в борьбе с терроризмом, организованной преступностью и нелегальной миграцией предусмотрена информационная система пограничного электронного управления Республики Армения¹⁵. Срок хранения данных, накопленных в указанной выше информационной системе, составляет 7 лет с момента регистрации (ввода) данных. Массив данных разнообразен, начиная от сведений, получаемых от осуществляющих международные перевозки организаций, действующих на территории Республики Армения, а также от служб аэропортов, осуществляющих обслуживание пассажиров и багажа, заканчивая данными, представляемыми непосредственно государственными органами указанного государства (к примеру, Службой национальной безопасности при Правительстве Республики Армения).

В Республике Беларусь в основу построения системы криминалистических учетов ОВД положен принцип отношения регистрационной деятельности к специальным знаниям, вследствие чего такие криминалистические учеты подразделяются на:

- учеты, требующие для их функционирования и применения специальных знаний; как правило, они ведутся экспертно-криминалистическими подразделениями ОВД;
- учеты, не требующие для регистрации и проверки объектов или сведений о них использования специальных знаний (такие учеты сконцентрированы в информационно-аналитических подразделениях)¹⁶.

Хотя система криминалистических учетов в Белоруссии несколько схожа с российской, но имеются и различия – с точки зрения как терминологии, так и квалифицирующих признаков. В зависимости от целевого назначения учеты подразделяются на:

- оперативно-справочные учеты, которые отличаются большими объемами массивов при относительно кратком (справочном) описании объектов учета (основным их назначением является проверка наличия установочных сведений об объекте и его местонахождении на момент запроса);
- оперативно-розыскные учеты, которые содержат больше сведений об объекте учета, выполняя наряду с оперативно-справочной и функцию сравнения не только установочных данных, но и сходных внешних описаний лиц, предметов, вещей, изделий, составленных непосредственно следователями и работниками оперативных аппаратов (сравнение объектов или их признаков не требует специальных знаний);
- технико-криминалистические учеты, которые содержат информационные признаки объектов. Они выявляются, как правило, путем специальных исследований или экспертиз (эти учеты ведутся только в экспертно-криминалистических подразделениях)¹⁷.

Одним из ключевых различий с Российской Федерацией в рассматриваемом вопросе является то, что в Республике Беларусь принят закон, регулирующий исключительно вопросы государственной дактилоскопической регистрации [7, с. 119–134]¹⁸, оставляя вне правового регулирования геномную регистрацию [11, с. 262]. При этом о необходимости создания таких информационных массивов белорусские ученые говорят в своих публикациях [9, с. 164].

¹⁴ О государственной дактилоскопической и геномной регистрации в Азербайджанской Республике: закон Азербайджанской Республики от 29 июня 2018 г. № 1197-VQ // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ: сайт. – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=110062&ysclid=lkkr1u57br764792257 (дата обращения: 01.07.2023).

¹⁵ О создании информационной системы пограничного электронного управления Республики Армения, установления порядка ее эксплуатации и перечня пользователей системы: постановление Правительства Республики Армении от 22 июня 2006 г. № 884-N [Электронный ресурс] // Armenian Legal Information System. – URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=138082> (дата обращения: 01.07.2023).

¹⁶ Пацкевич А. П. Вопросы теории и практики повышения эффективности использования криминалистических учетов в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Минск, 2000. – С. 11.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: О государственной дактилоскопической регистрации: закон Республики Беларусь от 4 ноября 2003 г. № 236-3 [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ: сайт. – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=5181&ysclid=lkkunom1mc120677142 (дата обращения: 01.07.2023).

В Республике Казахстан специалисты называют такие проблемы в использовании криминалистической регистрационной информации: 1) недостаточное информационное обеспечение правоохранительных органов; 2) низкий уровень использования возможностей криминалистической регистрации¹⁹. Думается, аналогичные проблемы характерны для многих государств постсоветского пространства.

Выделяются такие виды учетов, как криминалистический, оперативно-справочный и справочно-вспомогательные, а основное отличие состоит в том, что объекты регистрации таких учетов не имеют причинно-следственной связи с событием преступления, хотя для установления регистрационных признаков таких объектов необходимо производство специальных исследований²⁰. Примечательно, что вопросы дактилоскопической и геномной регистрации регулируются единым нормативным правовым актом²¹.

Вместе с тем в настоящее время в повседневной деятельности оперативно-криминалистических подразделений МВД Республики Казахстан используется более 50 разновидностей информационных коммуникационных комплексов, обеспечивающих осуществление административных, исследовательских и аналитических операций, где основной функциональной задачей является систематизация и размещение в учетно-регистрационных массивах данных о свойствах и признаках объектов, подлежащих постановке на соответствующий вид криминалистического учета [8, с. 231].

В Кыргызской Республике для раскрытия и расследования преступлений, например, связанных с применением огнестрельного оружия, используется пулегильзотека, созданная в системе Министерства внутренних дел Кыргызской Республики. Однако до сих пор проверка осуществляется вручную, а следовательно, и качество проверки оставляет желать лучшего. База данных содержит только следы, внесенные в результате отдельных проверок, проведенных сотрудниками правоохранительных органов при обнаружении оружия и постановке на учет [10, с. 17]. При этом местные специалисты отмечают, что в Министерстве юстиции и Министерстве внутренних дел Кыргызской Республики общий комплексный криминалистический учет данных о происшествиях с боеприпасами не создан. Нет систематического и полноценного обмена опытом работы между соответствующими криминалистическими службами, вследствие чего (на примере предупреждения терроризма) усматривается необходимость создания единого межведомственного криминалистического учета по фактам террористических актов, применения взрывных устройств, боеприпасов и огнестрельного оружия²².

В Республике Молдова ученые-криминалисты, как правило, не выделяют отдельный раздел по криминалистической регистрации, а рассматривают эти аспекты в плоскости криминалистической техники²³. Криминалистический учет следов пальцев рук производится на основании Закона от 19 декабря 2002 года № 1549 «О государственной дактилоскопической регистрации»²⁴. Между тем учет геномной информации, накопленной в рамках геномной регистрации, ведется только в Автоматизированной информационной системе «Государственный регистр геномных данных», концепция и регламент способа ведения которого утверждается Правительством. Держателем такого регистра является Министерство внутренних дел. В силу ст. 6 Закона «О судебно-геномной регистрации»²⁵ использование геномной информации необходимо для:

- идентификации преступников;
- установления принадлежности биологических следов или объектов, причинно-следственной связи с деянием;
- исключения лиц и потерпевших, которые обоснованно или случайно находились на месте происшествия;

¹⁹ Брылевский А. В. Научные, правовые и организационные основы криминалистического учения о регистрации (по материалам Республики Казахстан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2005. – С. 4.

²⁰ Там же.

²¹ О дактилоскопической и геномной регистрации: закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 г. № 40-VI ЗРК [Электронный ресурс] // Юрист: сайт. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33276266&pos=3;-106#pos=3;-106 (дата обращения: 01.07.2023).

²² Намазбекова М. М. Теоретические основы криминалистического обеспечения расследования террористического акта (по материалам Кыргызской Республики): дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2015. – С. 50–51.

²³ Chirila M. Note De Curs Criminalistica / Institutul De Stiinte Penale Si Criminologie Aplicata Catedra Stiinte Juridice Si Securitate Criminologica. Chisinau, 2014. – P. 2–64.

²⁴ О государственной дактилоскопической регистрации: закон Республики Молдова от 19 декабря 2002 г. № 1549 [Электронный ресурс] // Министерство Юстиции. Государственный реестр правовых актов: сайт. – URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=110675&lang=ru (дата обращения: 01.07.2023).

²⁵ О судебно-геномной регистрации: закон Республики Молдова от 17 ноября 2017 г. № 235 [Электронный ресурс] // Министерство Юстиции. Государственный реестр правовых актов: сайт. – URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=105619&lang=ru (дата обращения: 01.07.2023).

- исключения лиц, принадлежащих к кругу лиц, имеющих общие характеристики, связанные с деянием, в который может входить и преступник;
- установления личности неопознанных трупов и погибших лиц – жертв чрезвычайных ситуаций или преступлений террористического характера;
- идентификации без вести пропавших лиц;
- обмена информацией с другими государствами в соответствии с международными договорами, ратифицированными Республикой Молдова в целях борьбы с трансграничной преступностью, для идентификации без вести пропавших лиц и неопознанных трупов.

В Молдавии также предусмотрена интегрированная автоматизированная система учета преступлений, уголовных дел и лиц, совершивших преступления, под которой понимается совокупность взаимосвязанных информационных ресурсов и технологий, программно-технических средств, методологий и персонала, предназначенная для хранения, обработки и использования информации криминального характера²⁶ в рамках центрального банка данных, а также единого учета преступлений²⁷.

При этом порядок создания и функционирования информационного ресурса правоохранительных органов как составной части национальной информационной системы, порядок информационного обеспечения правоохранительных органов в борьбе с преступностью и коррупцией путем использования оперативной и достоверной информации о преступлениях, уголовных делах, а также о лицах, совершивших преступления, и других объектах, подлежащих учету, требования по защите данных при сборе, накоплении, обновлении, хранении, обработке и передаче данных криминального характера регулируются Положением «Об организации и функционировании автоматизированной информационной системы “Регистр криминалистической и криминологической информации”»²⁸.

В дежурных частях, у оперативных работников, участковых инспекторов, следователей, сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, паспортно-визовых аппаратов, других подразделений правоохранительных органов Республики Таджикистан на документах первичного учета, в учетных журналах и на других носителях накапливаются массивы данных оперативно-розыскного и оперативно-справочного назначения, в которых содержатся сведения:

- о правонарушителях и преступниках;
- о владельцах автотранспортных средств;
- о владельцах огнестрельного оружия;
- о событиях и фактах криминального характера, правонарушениях;
- о похищенных и изъятых вещах, предметах антиквариата; а также другая, подлежащая хранению информация [13, с. 104].

В настоящее время в системе Министерства внутренних дел Республики Таджикистан создано Информационное управление, которое является самым крупным банком оперативно-справочной и розыскной информации. Наряду с учетами в органах внутренних дел созданы экспертно-криминалистические централизованные коллекции и картотеки, которые пополняются и хранятся в экспертно-криминалистическом центре органов внутренних дел, в том числе и на региональном уровне [13, с. 105–106].

Криминалистический учет следов пальцев рук осуществляется на основании Закона Республики Таджикистан от 3 сентября 1999 года № 830 «О государственной дактилоскопической регистрации»²⁹. При этом криминалистический учет геномной информации как таковой не осуществляется. Как представляется, это связано с тем, что «в Республике Таджикистан в связи с отсутствием специалистов и специальных лабораторий с техническими средствами почти не проводится до сих пор <...> экспертиза по ДНК, за исключением проведения экспертизы, подтверждающей или не подтверждающей отцовство ребенка» [12, с. 304].

²⁶ Информация криминального характера – информация о зарегистрированных преступлениях и лицах, их совершивших, других категориях лиц, взятых на специальный централизованный учет в соответствии с законом, о номерных вещах и антиквариате, другие данные, характеризующие преступления и условия их совершения.

²⁷ Об интегрированной автоматизированной информационной системе учета преступлений, уголовных дел и лиц, совершивших преступления: закон Республики Молдова от 29 мая 2003 г. № 216 [Электронный ресурс] // Министерство Юстиции. Государственный реестр правовых актов: сайт. – URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=27856&lang=ru (дата обращения: 01.07.2023).

²⁸ Об утверждении Положения об организации и функционировании автоматизированной информационной системы “Регистр криминалистической и криминологической информации: постановление Правительства Республики Молдова от 24 мая 2012 г. № 328 [Электронный ресурс] // Министерство юстиции. Государственный реестр правовых актов: сайт. – URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=12219&lang=ru (дата обращения: 01.07.2023).

²⁹ О государственной дактилоскопической регистрации: закон Республики Таджикистан от 3 сентября 1999 г. № 830 [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ: сайт. – URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2250&ysclid=1kl3minx8943124190 (дата обращения: 01.07.2023).

В Республике Узбекистан диаметрально противоположная ситуация, поскольку отсутствует правовая основа дактилоскопической регистрации, несмотря на то, что данный процесс, как отмечают специалисты, интенсифицирован, поскольку следы пальцев рук изымают у граждан при получении биометрического паспорта, у лиц без гражданства при получении биометрического проездного документа, доставленных при проведении профилактических и иных мероприятий в органы внутренних дел, привлеченных к уголовной ответственности, подвергнутых административному аресту и т. д. [14, с. 221]

Но это не означает, что в Республике Узбекистан криминалистический учет следов пальцев рук не ведется, а осуществляется посредством использования российских автоматизированных дактилоскопических идентификационных систем «Сонда» и «Папилон» и актуален при решении таких задач, как:

- установление личности злоумышленника по следам рук, изъятым с мест нераскрытых преступлений;
- установление факта совершения нескольких преступлений одним и тем же лицом;
- идентификация неопознанных трупов, погибших в результате насильственной смерти, катастроф, стихийных бедствий и военных действий;
- установление лиц, находящихся в местном или межгосударственном розыске за совершенные правонарушения;
- реализация запросов на розыск лиц, направляемых через Интерпол и другие государственные структуры;
- установление личности граждан, не имеющих возможности сообщить свои анкетные данные в связи с состоянием здоровья (психическим и физическим состоянием) или преклонным возрастом;
- розыск без вести пропавших граждан [15, с. 106].

В то же время в Республике Узбекистан предусмотрен нормативный правовой акт, подробно регулирующий вопросы геномной регистрации³⁰. Отметим, что уполномоченным государственным органом в области государственной геномной регистрации является Министерство внутренних дел Республики Узбекистан. В частности, геномная регистрация осуществляется Главным экспертно-криминалистическим центром МВД РУ. Основания, условия и порядок детально регулируется соответствующим подзаконным нормативным правовым актом³¹. Безусловно, всеобщая дактилоскопическая и геномная регистрация имеет больше плюсов, нежели минусов [4, с. 116–124], поскольку позволяет оперативно установить лиц, присутствовавших на месте происшествия, в частности, оптимизировать выявление из такого круга лиц конкретно злоумышленника.

Заключение

Можно сделать вывод, что во всех государствах – участниках СНГ криминалистической регистрации уделяется повышенное внимание, о чем свидетельствует ее правовое регулирование, а также некоторые теоретические источники. В то же время не везде усматривается единый подход к дактилоскопической и геномной регистрации, что, думается, вызвано различным уровнем технической оснащенности в каждом государстве. Эти особенности следует учитывать при осуществлении международного сотрудничества в правоохранительной деятельности в рамках СНГ, а также при совершенствовании отечественного законодательства и правоприменительной практики. В частности, в целях соблюдения правил юридической техники стоит задуматься о систематизации и объединении российских законов, регламентирующих обработку дактилоскопической и геномной информации в единую согласованную систему – отдельный комплексный нормативный правовой акт (как это предусмотрено, например, в Азербайджанской Республике и Республике Казахстан). Перспективным видится принятие закона о биометрических данных, который регулировал бы обработку как статических, так и динамических биометрических данных.

Список литературы

1. *Беляков А. А., Усманов Р. А.* Криминалистическая регистрация. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 189 с.

³⁰ О государственной геномной регистрации: закон Республики Узбекистан от 24 ноября 2020 г. № ЗРУ-649 [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ: сайт. – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=128743&ysclid=lk152mrb4q457938115 (дата обращения: 01.07.2023).

³¹ См.: постановление кабинета министров Республики Узбекистан от 17 ноября 2021 г. № 689 «Об утверждении положения о порядке государственной регистрации по геному» [Электронный ресурс] // LexUZ online: сайт. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/5742996> (дата обращения: 01.07.2023).

2. Белов О. А. Повышение эффективности и перспективы развития информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений // Актуальные проблемы российского права. – 2007. – № 2 (5). – С. 425–341.
3. Возгрин И. А. Некоторые вопросы теории и практики криминалистического учета // Вопросы теории и практики борьбы с преступностью. – Ленинград: Высшее политическое училище МВД СССР, 1972. – 110 с.
4. Волинский А. Ф. Всеобщая дактилоскопическая регистрация граждан: за и против, мифы и реальность // Криминалист первопечатный. – 2012. – № 4. – С. 116–124.
5. Головкин Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография. – Москва: Издательский дом «Городец», 2022. – 458 с.
6. Горшкова В. С. Экспертно-криминалистические учеты органов внутренних дел как элемент системы криминалистических учетов // Алтайский юридический вестник. – 2021. – № 4 (36). – С. 108–112.
7. Ермолович В. Ф., Пацкевич А. П. История возникновения и перспективы развития дактилоскопической регистрации // Проблемы управления (Минск). – 2013. – № 2 (47). – С. 119–134.
8. Кокушев А. Б. Стандартизация учетно-регистрационной деятельности оперативно-криминалистических подразделений МВД Республики Казахстан как инструмент повышения эффективности информационного обеспечения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. – 2023. – № 1 (94). – С. 229–236.
9. Лузгин И. И. Методы познания в технико-криминалистическом обеспечении как технология решения криминалистических задач // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. – 2009. – № 4. – С. 161–165.
10. Пусуров А. О., Исмаилов А. Э., Усманов Т. Криминалистический учет оружия в Кыргызской Республике // Известия вузов (Кыргызстан). – 2015. – № 12. – С. 17–19.
11. Романюк Д. А., Рубис А. С. Геномная регистрация в Республике Беларусь и перспективы ее развития при расследовании нераскрытых преступлений прошлых лет // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 5 (16). – С. 261–268.
12. Самиев Н. М. Актуальные вопросы применения криминалистических средств и методов в расследовании нераскрытых преступлений прошлых лет в Республике Таджикистан / Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы : сборник материалов Международной научно-практической конференции (Иркутск, 15–16 марта 2019 года). – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 302–308.
13. Умаров М. А., Гафуров М. Х. Вопросы информационного обеспечения правоохранительных органов Республики Таджикистан // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2009. – № 12. – С. 100–111.
14. Югай Л. Ю. Законодательная регламентация дактилоскопической регистрации в Республике Узбекистан / Деятельность правоохранительных органов на современном этапе: наука, образование, практика : сборник материалов научно-практического семинара (Минск, 15 февраля 2019 года). – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2019. – С. 220–224.
15. Югай Л. Ю. Актуальные вопросы использования автоматизированных дактилоскопических идентификационных систем (на примере Узбекистана) // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2019. – № 1 (45). – С. 106–110.

References

1. Belyakov A. A., Usmanov R. A. Kriminalisticheskaya registratsiya. – Rostov-na-Donu: Feniks, 2006. – 189 s.
2. Belov O. A. Povysheniye effektivnosti i perspektivy razvitiya informatsionnogo obespecheniya raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. – 2007. – № 2 (5). – S. 425–341.
3. Vozgrin I. A. Nekotoryye voprosy teorii i praktiki kriminalisticheskogo ucheta // Voprosy teorii i praktiki bor'by s prestupnost'yu. – Leningrad: Vyssheye politicheskoye uchilishche MVD SSSR, 1972. – 110 s.
4. Volynskiy A. F. Vseobshchaya daktiloskopicheskaya registratsiya grazhdan: za i protiv, mify i real'nost' // Kriminalist" pervopechatnyy. – 2012. – № 4. – S. 116–124.
5. Golovko L. V. Gosudarstvo i yego ugolovnoye sudoproizvodstvo: monografiya. – Moskva: Izdatel'skiy dom «Gorodets», 2022. – 458 s.

6. *Gorshkova V. S.* Ekspertno-kriminalisticheskiye uchety organov vnutrennikh del kak element sistemy kriminalisticheskikh uchotov // *Altayskiy yuridicheskiy vestnik*. – 2021. – № 4 (36). – S. 108–112.
7. *Yermolovich V. F., Patskevich A. P.* Istoriya vozniknoveniya i perspektivy razvitiya daktiloskopicheskoy registratsii // *Problemy upravleniya (Minsk)*. – 2013. – № 2 (47). – S. 119–134.
8. *Kokushev A. B.* Standartizatsiya ucheto-registratsionnoy deyatelnosti operativno-kriminalisticheskikh podrazdeleniy MVD Respubliki Kazakhstan kak instrument povysheniya effektivnosti informatsionnogo obespecheniya // *Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii im. V. V. Luk'yanova*. – 2023. – № 1 (94). – S. 229–236.
9. *Luzgin I. I.* Metody poznaniya v **tekhniko-kriminalisticheskom obespechenii kak tekhnologiya resheniya kriminalisticheskikh zadach** // *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D*. – 2009. – № 4. – S. 161–165.
10. *Pusurov A. O., Ismailov A. E., Usmanov T.* Kriminalisticheskiy uchot oruzhiya v Kyrgyzskoy Respublike // *Izvestiya vuzov (Kyrgyzstan)*. – 2015. – № 12. – S. 17–19.
11. *Romanyuk D. A., Rubis A. S.* Genomnaya registratsiya v Respublike Belarus' i perspektivy yeye razvitiya pri rassledovanii neraskrytykh prestupleniy proshlykh let // *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal*. – 2014. – № 5 (16). – S. 261–268.
12. *Samiyev N. M.* Aktual'nyye voprosy primeneniya kriminalisticheskikh sredstv i metodov v rassledovanii neraskrytykh prestupleniy proshlykh let v Respublike Tadjikistan // *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nyye problemy kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy» (15–16 marta 2019 goda)*. – Irkutsk: Vostochno-Sibirskiy institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2019. – S. 302–308.
13. *Umarov M. A., Gafurov M. Kh.* Voprosy informatsionnogo obespecheniya pravookhranitel'nykh organov Respubliki Tadjikistan // *Trudy Akademii MVD Respubliki Tadjikistan*. – 2009. – № 12. – S. 100–111.
14. *Yugay L. Yu.* Zakonodatelnaya reglamentatsiya daktiloskopicheskoy registratsii v Respublike Uzbekistan // *Sbornik materialov nauchno-prakticheskogo seminar «Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov na sovremennom etape: nauka, obrazovaniye, praktika (15 fevralya 2019 goda)*. – Minsk: Akademiya upravleniya pri Prezidente Respubliki Belarus', 2019. – S. 220–224.
15. *Yugay L. Yu.* Aktual'nyye voprosy ispol'zovaniya avtomatizirovannykh daktiloskopicheskikh identifikatsionnykh sistem (na primere Uzbekistana) // *Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy*. – 2019. – № 1 (45). – S. 106–110.

Статья поступила в редакцию 02.09.2023; одобрена после рецензирования 08.11.2023; принята к публикации 01.02.2024.

The article was submitted September 2, 2023; approved after reviewing November 8, 2023; accepted for publication February 1, 2024.

Научная статья

УДК 343

doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-120-126

Вилли Андреевич Маслов

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0001-5539-5220>, vmaslov-lex@yandex.ru

Уральский юридический институт МВД России
Российская Федерация, 620057, Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66

Криминологическая обоснованность внесения изменений в уголовный закон: использование статистики и роль средств массовой информации

Аннотация: Введение. Фундаментом стратегической деятельности государства по борьбе с преступностью (уголовной политики) выступает совокупность исходных данных криминологического и социального характера, объективность (соответствие истине) которых зачастую справедливо подвергается сомнению, в связи с чем не теряют своей актуальности вопросы поиска и выбора источников формирования уголовной политики в целях достижения требования криминологической обоснованности. **Методы.** В основе методологии исследования диалектический материализм, применяемые общенаучные (системно-структурный и формально-логический, индуктивный и дедуктивный, анализ и синтез) и специальные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы. **Результаты.** Несмотря на то, что масштабы криминологически значимой информации достаточно велики, препятствием на пути формирования криминологически обоснованной уголовной политики является отсутствие необходимого объема объективных данных о преступности. Признавая, что сами по себе те или иные показатели необходимо правильно интерпретировать (в том числе во взаимосвязи и взаимообусловленности), можно утверждать, что для корректного криминологического прогнозирования необходима соответствующая методологическая основа, недвусмысленно указывающая на то, каким образом необходимо обрабатывать значимую для борьбы с преступностью информацию. Признавая проблему латентности преступности, стоит подчеркнуть необходимость поиска инструментов объективизации данных о преступности. В частности, стоит обратить внимание на перспективность комплексного подхода к анализу криминальных явлений, включающего как минимум «перекрестные сверки» данных различных органов государственной власти и негосударственных структур (при условии уверенности в объективности представляемых ими сведений). При внесении изменений в уголовный закон признается обоснованным использование данных официальной статистики в качестве базового источника информации. Особую значимость приобретает вопрос поиска альтернативных источников информации, каковыми в настоящее время все чаще называют социальные ожидания.

Ключевые слова: уголовная политика, формирование уголовной политики, уголовно-правовая политика, криминологическая обоснованность, официальная статистика, латентность преступности, средства массовой информации

Для цитирования: Маслов В. А. Криминологическая обоснованность внесения изменений в уголовный закон: использование статистики и роль средств массовой информации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 120–126; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-120-126.

Willie A. Maslov

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0001-5539-5220>, vmaslov-lex@yandex.ru

Ural Law Institute of the MIA of Russia
66, Korepin str., Yekaterinburg, 620057, Russian Federation

Criminological validity of amendments to the criminal law: the use of statistics and the role of the media

Abstract: Introduction. The foundation of the state's strategic activity in the fight against crime (criminal policy) is a set of initial data of a criminological and social nature, the objectivity (compliance with the truth) of which is often rightly questioned, and therefore the issues of searching and selecting sources for the formation of criminal policy in order to achieving the requirement of criminological validity. **Methods.** In work based on the dialectical-materialistic method of scientific knowledge, the legal-dogmatic method, formal-logical and systemic methods are used. **Results.** Despite the fact that the scale of criminologically significant information is quite large, an obstacle to the formation of a criminologically based criminal policy is the lack of the required volume of objective data on crime. Recognizing that certain indicators themselves must be correctly interpreted (including in their interrelation and interdependence), it can be argued that correct criminological forecasting requires an appropriate methodological basis that clearly indicates how it is necessary to process what is significant for the fight against crime information. Recognizing the problem of crime latency, it is worth emphasizing the need to find tools for objectifying crime data. In particular, it is worth paying attention to the promise of an integrated approach to the analysis of criminal phenomena, including, at a minimum, "cross-reconciliation" of data from various government bodies and non-state structures (subject to confidence in the objectivity of the information they provide). When making changes to the criminal law, the use of official statistics as a basic source of information is recognized as justified. Of particular importance is the issue of searching for alternative sources of information, which are now increasingly referred to as social expectations.

Keywords: criminal policy, formation of criminal policy, criminal law policy, criminological validity, official statistics, crime latency, media

For citation: Maslov W. A. Criminological validity of amendments to the criminal law: the use of statistics and the role of the media // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 120–126; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-120-126.

Введение

Уголовная политика, под которой мы понимаем стратегическую деятельность государства по противодействию преступности в целях охраны прав и свобод личности, с очевидностью должна базироваться на достоверной информации криминологического и социального характера.

Аргументировать сказанное можно в том числе и тем, что в научной среде распространена точка зрения, согласно которой среди принципов уголовной политики выделяют «социальную и научную обоснованность» [1, с. 46], «научную обоснованность и целесообразность» [2, с. 647].

При этом Ю. Е. Пудовочкин отмечает, что особое внимание необходимо уделять научности уголовной политики, означающей «криминологическую обоснованность принимаемых законов и осуществление уголовной политики ... в соответствии с новейшими достижениями наук криминального и психолого-педагогического циклов»¹. В свою очередь Ю. В. Недотко говорит о том, что «эффективность уголовно-правовой политики прямо обусловлена логичностью, обоснованностью и востребованностью законотворческой деятельности государственной власти, направленной на борьбу с преступностью»².

С учетом содержательной многогранности уголовной политики и ограниченности объемов публикации видится обоснованным обратиться к вопросам поиска и выбора источников формирования уголовно-правовой политики как одной из составляющих политики уголовной в целях достижения требования криминологической обоснованности.

¹ Пудовочкин Ю. Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. – Москва, 2005. – С. 22.

² Недотко Ю. В. Тенденции российской уголовно-правовой политики постсоветского периода: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2005. – С. 7.

Методы

В работе на основе диалектико-материалистического метода научного познания используются юридико-догматический метод, формально-логический и системный методы.

Результаты

Анализ криминологической и уголовно-правовой ситуации в современной России и оценку политико-правовых аспектов реформы уголовного законодательства называет необходимым элементом формирования уголовной политики Г. Ю. Лесников³, отмечая, что «уголовную политику следует считать максимально эффективной, когда уголовное (материальное, процессуальное, исполнительное) законодательство и практика его применения в борьбе с преступностью в наибольшей мере соответствуют объективным закономерностям развития общества и всей совокупности общественных отношений, обеспечивают приемлемый уровень общественной безопасности в соответствующей сфере»⁴.

Вместе с тем ответ на вопрос соответствия проводимой уголовной политики объективным закономерностям развития общества не представляется возможным дать, не подвергнув анализу аспекты соответствия «криминальным вызовам и социальным ожиданиям» [3, с. 109].

Соответствие объективным закономерностям развития общества, криминальным вызовам и социальным ожиданиям в «отсутствии репрезентативной криминологической базы для нововведений в УК РФ» [4, с. 30] признается как минимум в части уголовно-правовой политики достаточно труднодостижимой целью.

Раскрывая содержание криминологической обоснованности как требования при внесении изменений в уголовное законодательство, Э. Ф. Побегайло указывает на необходимость тщательного учета выявленных и прогнозируемых тенденций преступности, ее структуры, новых ее видов, контингента преступников, отмечая, что «уголовная политика любого государства должна основываться на четком понимании того, каких изменений в структуре и динамике преступности можно будет добиться, совершенствуя соответствующие нормы и институты» [5, с. 48].

Поддерживая указанную точку зрения, отметим, что данный прогностический подход с очевидностью необходим, особенно с учетом динамичности современных общественных отношений, существенно меняющих криминологическую картину как отечественного, так и международного общества. Однозначное понимание цели вносимых изменений в уголовный закон как неотъемлемая составляющая уголовно-правовой политики существенно еще и постольку, поскольку позволяет в дальнейшем проанализировать реализацию принятых решений с учетом заявленных целей, при необходимости – рассмотреть вопрос о корректировке либо признать изменения опрометчивыми.

Соглашаясь с тезисом, что «процессу законотворчества объективно необходима качественная прогностическая информация, сбор и формирование которой в нынешних условиях можно обеспечить, причем в различных объемах и под конкретные задачи» [6, с. 75], отметим, что ряд ученых рассматривают проблемы с реализацией данного требования. В частности, В. В. Лунеев считает, что «...мы не имеем сколько-нибудь полных и надежных, и конкретных данных о криминологической обстановке в мире, стране, регионе и т. д. Между реальными криминологическими данными и регистрируемой преступностью существует давняя системная пропасть, обусловленная политическими, экономическими, социальными, организационными, правовыми, идеологическими и психологическими проблемами страны...» [7, с. 48], «реальный уровень преступности МВД не известен... Публикуемые Генеральной прокуратурой РФ статданные отрывочны, разрозненны, малопригодны для глубокого анализа» [8, с. 20]. Полагаем, что можно выделить несколько составляющих обозначенной автором проблемы.

Во-первых, в действительности объемы криминологически значимой информации достаточно велики, при этом важно понимать, что представляет существенную сложность реализация задачи корректной интерпретации. Динамика, демонстрирующая рост того или иного вида преступности в отдельно взятом регионе на протяжении определенного времени, может быть детерминирована массой разнородных факторов, среди которых необходимо стремиться выделить существенные и исключить второстепенные и незначимые.

Во-вторых, исследованию тех или иных показателей преступности и дальнейшей выработке стратегических мер борьбы с преступностью препятствует известное всем качество

³ Лесников Г. Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2005. – С. 11.

⁴ Лесников Г. Ю. Указ. соч. – С. 32.

латентности, под которой авторы понимают «часть фактически совершенных преступлений, не нашедшую отражения в официальной статистике, либо отраженную ненадлежащим образом, что влечет искажение представления об истинных масштабах и (или) характере преступности или отдельных видов (групп) преступлений» [9, с. 37]. Иллюстрацией указанной проблемы является, к примеру, исследование А. Л. Репецкой, результатом которого выступило утверждение, что регистрируется лишь каждое пятое убийство (2014–2017 гг.) [10, с. 66].

В. В. Лунеев, приводя данные о том, что реальная преступность превышает официально зарегистрированную в 3–5 раз, отмечает, что для ее выявления применяются социологические, статистические и аналитические методики [11, с. 45]. Ряд авторов говорит об эффективности использования оперативно-розыскных сил при выявлении скрытых преступлений, особенно в экономической сфере [12, с. 116].

В-третьих, даже если представить себе «идеальную» ситуацию, что нам доподлинно известны объемы преступности и понятен причинный комплекс, следующий вопрос на который следует найти ответ – каковы реальные возможности воздействия государства на сложившуюся ситуацию. Вопрос о соотношении затрачиваемых на правоохранительную деятельность ресурсов и ожидаемого результата, несомненно, является одним из ключевых.

В то же время, даже говоря об официальной статистике, ученые отмечают, что «динамика преступности характеризуется возвышением её количественных и качественных показателей, астрономическим значением численных величин, резким ростом удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений, приоритетом роста преступлений в сфере экономики и насильственных преступлений. Она является существенным критерием, отражающим масштабы, социальные последствия, причины преступности и направления их устранения. Но она не определяющий показатель эффективности уголовной политики»⁵.

Стоит отметить и мнение М. М. Бабаева, согласно которому «феномен неопределенности, производный от недостатка информации или неправильной ее оценки, рождает массу сложнейших проблем в области формирования и применения уголовного и уголовно-исполнительного права» [13, с. 14].

В действительности говорить о том, что цифры, характеризующие криминальное состояние общества, стоит воспринимать как результат деятельности государства в части борьбы с преступностью, и лишь на этом основании судить об эффективности уголовной политики, не представляется возможным. Дело здесь не столько в указанной чуть ранее латентности, хотя данное обстоятельство и играет существенную роль, сколько в том, что конечная цель уголовной политики не борьба с преступностью, а охрана прав и свобод человека и гражданина, и общественный правопорядок. М. М. Бабаев верно видит проблему использования статистики в том, что она используется «в качестве базового (а порой и единственного) обоснования важных управленческих решений и в целом реализуемого государством уголовно-политического курса» [14, с. 37].

В статистике, воспринимаемой подчас как единственно верный базис формирования уголовной политики и наиболее показательный критерий ее эффективности, интерес представляет ведомственная отчетность как структурный элемент государственной статистики.

Отметим, что в научной среде нередки критические высказывания по данному вопросу. К примеру, Ю. Е. Пудовочкин отмечает, что в сложившейся в настоящее время ситуации «возникает возможность менять показатели эффективности уголовной политики, подменяя оценку реального состояния преступности оценкой факта выполнения всех установленных процедур и требований, рассчитанных на предотвращение преступлений, независимо от результата» [15, с. 87]. И. Н. Соловьев говорит о том, что «правоохранительные органы отчитываются теми цифрами материального ущерба, которые официально проходят в материалах уголовных дел, направляемых в суд», в то же время отмечая, что «суммы, поступившие в бюджет после вступления приговора в законную силу, в 4–5 раз меньше сумм, фигурировавших в обвинительном заключении»⁶.

Г. Ю. Лесников верно подмечает, что «ориентация на отчетность, а не на реальные результаты» приводит к снижению эффективности деятельности государства⁷.

Среди ученых существует мнение, что неуместно считать главным показателем деятельности правоохранительных органов количество дел, направленных в суд, производ-

⁵ Гревцов О. В. Уголовная политика современной России и предупреждение преступности : дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2000. – 182 с.

⁶ Соловьев И. Н. Реализация уголовной политики России в сфере налоговых преступлений: проблемы и перспективы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2004. – С. 20.

⁷ Лесников Г. Ю. Указ. соч. – С. 42.

ство по которым оканчивается постановлением обвинительного приговора. К примеру, О. А. Малышева говорит о необходимости пересмотра подходов оценки деятельности правоохранительных органов, предлагая в качестве критериев оценку соблюдения законности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, количество и качество расследуемых эпизодов, количество подозреваемых, обвиняемых, проходящих по уголовному делу, количество дел, возвращенных прокурором ввиду нарушения норм материального или процессуального уголовного права, а также соблюдение срока расследования преступления⁸.

Стоит подчеркнуть, что препятствием на пути формирования криминологически обоснованной уголовно-правовой политики является отсутствие необходимого объема объективных данных о преступности. Недостатки официальной отчетности и латентность преступности обуславливают необходимость поиска альтернативных источников, позволяющих обеспечить чуть большую криминологическую состоятельность и социальную обусловленность вносимых в уголовный закон изменений, каковыми в настоящее время все чаще называют социальные ожидания.

Говоря о данной составляющей при формировании уголовной политики, стоит констатировать ключевую роль средств массовой информации, которые, как справедливо считают ученые, «приобрели исключительное значение не только в информировании своих зрителей, читателей, слушателей, но и в навязывании им тех или иных оценок, идеалов, представлений, т. е. в манипулировании общественным мнением» [16, с. 75].

К примеру, Г. Ю. Лесников одним из факторов, создающих повышенное состояние тревожности у населения, считает «типичное для регионов России явление информационной напряженности, т. е. создаваемую средствами массовой информации гиперболизированную картину преступности в общественном сознании – позиция власти (оценка и высказывания о необходимости реформирования)»⁹. Особую тревогу вызывает факт, что треть опрошенных из числа молодежи признают неадекватность информации о деятельности полиции, отражаемой средствами массовой информации [17, с. 197].

С учетом человеческой психологии и в условиях рыночной экономики средства массовой информации все больше отдают предпочтение «сенсационным», «провокационным» и т. п. новостям, среди которых особое место занимают новости о преступлениях. Таким образом, создается так называемая «гиперболизированная картина преступности в общественном сознании», что, как верно отмечает Г. Ю. Лесников, объективно приводит к ожиданию населением «адекватного усиления уголовной репрессии со стороны государства» [6, с. 75].

Отдельного внимания в свете изложенного заслуживают исследования, направленные на решение принципиального вопроса – свободы средств массовой информации, поднимаемого в последнее время ввиду законодательных корректировок Закона РФ «О средствах массовой информации». В данном случае стоит поддержать исследователей, утверждающих, что свобода средств массовой информации не может быть абсолютной [18, с. 127].

При этом необходимо понимать и то, что в ряде случаев представления населения относительно уголовной политики (в том числе о необходимости корректировок законодательства) могут идти вразрез с криминологическими учениями. Пожалуй, самый наглядный пример – точка зрения граждан, согласно которой чем более суровое наказание применяется к правонарушителю, тем более оно действенно.

Таким образом возможна ситуация, когда государство усиливает репрессивный потенциал уголовного закона, корректируя его нормы посредством криминализации деяний, общественная опасность которых дискуссионна, увеличивая размеры наказаний в санкциях норм, вводя дополнительные квалифицирующие признаки, новые виды отягчающих ответственность обстоятельств и т. д., в первую очередь для создания в обществе ощущения безопасности.

Вместе с тем стоит отметить и положительную составляющую в вопросах влияния резонансных событий на уголовную политику. К примеру небезызвестные события придания огласке фактов применения насилия к осужденным в Областной туберкулезной больнице № 1 Управления ФСИН России по Саратовской области в 2021 году повлекли за собой целый ряд законодательных инициатив, одна из которых (авторства сенаторов Российской Федерации А. А. Клишаса, В. В. Полетаева и депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации П. В. Крашенинникова) скорректировала ряд норм уголовного закона¹⁰. В контексте рассматриваемого вопроса положительным является не толь-

⁸ Малышева О. А. Современная уголовная политика Российского государства и ее реализация на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2006. – 519 с.

⁹ Лесников Г. Ю. Указ. соч. – С. 20.

¹⁰ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ // Российская газета. – 2022. – № 159.

ко то, что порочная практика (по крайней мере, в указанном исправительном учреждении) была прекращена и лица, совершившие данные деяния, понесут заслуженное наказание, а то, что было устранено правовое несоответствие понимания «пытки» в отечественном праве и международном законодательстве.

Заключение

Объемы криминологически значимой информации достаточно велики, при этом важно понимать, что реализация задачи её корректной интерпретации представляет существенную сложность. Динамика, демонстрирующая рост того или иного вида преступности в отдельно взятом регионе на протяжении определенного времени, может быть детерминирована массой разнородных факторов, среди которых необходимо выделить существенные и исключить второстепенные и незначимые. Представляется, что для корректного криминологического прогнозирования необходима соответствующая методологическая основа, недвусмысленно показывающая, каким образом необходимо обрабатывать значимую для борьбы с преступностью информацию.

Препятствием на пути формирования криминологически обоснованной уголовной политики является отсутствие необходимого объема объективных данных о преступности. Признавая проблему латентности преступности, стоит подчеркнуть необходимость поиска инструментов объективизации данных о преступности. В частности, стоит обратить внимание на перспективность комплексного подхода к анализу криминальных явлений, включающего как минимум «перекрестные сверки» данных различных органов государственной власти и негосударственных структур (при условии уверенности в объективности представляемых ими сведений).

При внесении изменений в уголовный закон признается обоснованным использование данных официальной статистики в качестве базового источника информации. Особую значимость приобретает вопрос поиска альтернативных источников информации, каковыми в настоящее время все чаще называют социальные ожидания.

Список литературы

1. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. – Москва: Волтерс Клувер, 2009. – 579 с.
2. Ендольцева А. В., Ендольцева Ю. В., Платонова Н. И. Базовые начала уголовной политики: от теоретических рассуждений к *de lege ferenda* // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 4. – С. 641–650; doi: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).641-650.
3. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Концентрация репрессии как принцип уголовной политики // Уголовное право. – 2010. – № 4. – С. 109–115.
4. Бойко А. И. Диалектика стабильности и изменчивости уголовного закона // Вопросы правовой теории и практики : сборник научных трудов / отв. ред. В. В. Векленко. – Омск: Омская академия МВД России, – 2017. – Вып. 12. – С. 24–31.
5. Побегайло Э. Ф. Тенденции современной преступности и кризис российской уголовной политики // Публичное и частное право. – 2011. – № 4. – С. 47–66.
6. Лесников Г. Ю. Проблемы соотношения уголовной политики и уголовного права // Научные ведомости. – 2008. – № 8. – С. 73–76.
7. Лунеев В. В. Соотношение криминальных реалий с теорией права в России // Пролог : журнал о праве. – 2014. – Т. 2. – № 4. – С. 45–52.
8. Лунеев В. В. О криминолого-аналитическом и системном подходе к законотворчеству // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2014. – № 4. – С. 14–25.
9. Баранов А. А., Денисов Н. Л. Латентность преступлений и влияние на нее уголовной политики // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 4. – С. 35–37.
10. Репецкая А. Л. Убийства в России: методика определения латентного массива // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2019. – № 32. – С. 55–68; doi: 10.17223/22253513/32/5.
11. Лунеев В. В. Латентной криминальности необходим системный мониторинг // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2010. – № 3. – С. 41–49.
12. Иванов П. И., Шегабудинов Р. Ш. Экономическая и коррупционная преступность и ее латентность как объект криминологического изучения // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 3. – С. 111–120.
13. Бабаев М. М. Неопределенность и проблемы правоприменения // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Т. 25. – № 1. – С. 12–19.
14. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Изменения российского уголовного закона и их уголовно-политическая оценка // Государство и право. – 2012. – № 8. – С. 35–45.

15. Пудовочкин Ю. Е. Закономерности формирования и развития российской уголовной политики в условиях глобализации // Журнал российского права. – 2017. – № 3. – С. 82–91.
16. Лесников Г. Ю. Полиномативность уголовной политики // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2009. – № 2. – С. 72–78.
17. Гайдай М. К., Грозин С. Ю. Роль СМИ в оценке деятельности полиции // Юристъ-Правоведъ. – 2020. – № 3. – С. 195–198.
18. Речков М. П. К вопросу о правовых ограничениях свободы российских средств массовой информации // Вопросы теории и практики журналистики. – 2015. – № 2. – С. 127–138; doi: 10/17150/2308-6203.2015.4(2).127-138.

References

1. Lopashenko N. A. Ugolovnaya politika. – Moskva: Volters Kluver, 2009. – 579 s.
2. Endol'tseva A. V., Endol'tseva Yu. V., Platonova N. I. Bazovye nachala ugolovnoi politiki: ot teoreticheskikh rassuzhdenii k de lege ferenda // Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal. – 2019. – Т. 13. – № 4. – С. 641–650; doi: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).641-650.
3. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Kontsentratsiya repressii kak printsip ugolovnoi politiki // Ugolovnoe pravo. – 2010. – №4. – С. 109–115.
4. Boiko A. I. Dialektika stabil'nosti i izmenchivosti ugolovnogo zakona // Voprosy pravovoi teorii i praktiki: sb. nauch. tr. / otv. red. V. V. Veklenko. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii. – 2017. – Вып. 12. – С. 24–31.
5. Pobegailo E. F. Tendentsii sovremennoi prestupnosti i krizis rossiiskoi ugolovnoi politiki // Publichnoe i chastnoe pravo. – 2011. – № 4. – С. 47–66.
6. Lesnikov G. Yu. Problemy sootnosheniya ugolovnoi politiki i ugolovnogo prava // Nauchnye vedomosti. – 2008. – № 8. – С. 73–76.
7. Luneev V. V. Sootnoshenie kriminal'nykh realii s teoriei prava v Rossii // Prolog: zhurnal o prave. – 2014. – Т. 2. – № 4. – С. 45–52.
8. Luneev V. V. О криминолого-аналитическом и системном подходе к законотворчеству // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2014. – № 4. – С. 14–25.
9. Baranov A. A., Denisov N. L. Latentnost' prestuplenii i vliyanie na nee ugolovnoi politiki // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – № 4. – С. 35–37.
10. Repetskaya A. L. Ubiistva v Rossii: metodika opredeleniya latentnogo massiva // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. – 2019. – № 32. – С. 55–68; doi: 10.17223/22253513/32/5.
11. Luneev V. V. Latentnoi kriminal'nosti neobkhodim sistemnyi monitoring». Vestnik Akademii general'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii. – 2010. – № 3. – С. 41–49.
12. Ivanov P. I., Shegabudinov R.Sh. Ekonomicheskaya i korrupsionnaya prestupnost' i ee latentnost' kak ob'ekt kriminologicheskogo izucheniya // Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti. – 2017. – № 3. – С. 111–120.
13. Babaev M. M. Neopredelennost' i problemy pravoprimeneniya // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. – 2017. – Т. 25. – № 1. – С. 12–19.
14. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Izmeneniya rossiiskogo ugolovnogo zakona i ikh ugolovno-politicheskaya otsenka // Gosudarstvo i pravo. – 2012. – № 8. – С. 35–45.
15. Pudovochkin Yu. E. Zakonomernosti formirovaniya i razvitiya rossiiskoi ugolovnoi politiki v usloviyakh globalizatsii // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2017. – № 3. – С. 82–91.
16. Lesnikov G. Yu. Polinormativnost' ugolovnoi politiki // Uchenye trudy Rossiiskoi Akademii advokatury i notariata. – 2009. – № 2. – С. 72–78.
17. Gaidai M. K., Grozin S. Yu. Rol' SMI v otsenke deyatelnosti politsii // Yurist'-Pravoved'. – 2020. – № 3. – С. 195–198.
18. Rechkov M. P. K voprosu o pravovykh ogranicheniyakh svobody rossiiskikh sredstv massovoi informatsii // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. – 2015. – № 2. – С. 127–138; doi: 10/17150/2308-6203.2015.4(2).127-138.

Статья поступила в редакцию 11.10.2023; одобрена после рецензирования 14.12.2023; принята к публикации 21.02.2024.

The article was submitted October 10, 2023; approved after reviewing December 14, 2023; accepted for publication February 21, 2024.

Научная статья
УДК 343.137.5
doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-127-134

Ольга Сергеевна Морозова

<https://orcid.org/0000-0002-4886-3740>, olga283m@mail.ru

*Сибирский юридический университет
Российская Федерация, 640410, Омск, ул. Короленко, д. 12*

Участники стадии предварительного расследования с неопределенным процессуальным статусом

Аннотация: Введение. Раздел II Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) «Участники уголовного судопроизводства» не содержит полного перечня лиц, участвующих в производстве по уголовному делу. Анализ норм уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики свидетельствует о довольно обширном перечне лиц, фактически вовлеченных в уголовное судопроизводство, но процессуальный статус которых четко не определен. В связи с этим данная статья посвящена вопросу процессуального закрепления общего статуса участников стадии предварительного расследования. Цель исследования – предложить изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство, связанные с введением нормы, регламентирующей права и обязанности всех лиц, привлекаемых для участия в производстве по уголовному делу на стадии предварительного расследования, но не указанных в разделе II УПК РФ. **Методы.** Для комплексного исследования вопросов, связанных с процессуальным положением лиц, чей правовой статус не закреплен в уголовно-процессуальном законодательстве, использовались общенаучные методы: формально-логический, обобщение, анализ, описание, а юридико-технический как частнонаучный метод дал возможность предложить внести изменение в законодательство. **Результаты.** Автором сделан вывод о том, что участники уголовного судопроизводства, не обладающие регламентированным законом процессуальным статусом, обладают равнозначными процессуальными возможностями, что позволило предложить закрепить в УПК РФ норму, регуливающую права и обязанности всех участников стадии предварительного расследования.

Ключевые слова: участник, субъект, права, обязанности, процессуальный статус

Для цитирования: Морозова О. С. Участники стадии предварительного расследования с неопределенным процессуальным статусом // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 127–134; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-127-134.

Olga S. Morozova

<https://orcid.org/0000-0002-4886-3740>, olga283m@mail.ru

*Siberian Law University
12, Korolenko, Omsk, 640410, Russian Federation*

Participants of the stage of preliminary investigation with uncertain procedural status

Abstract: Introduction. Section II of the CPC of the RF “Participants of criminal proceedings” does not contain a complete list of persons involved in criminal proceedings. The analysis of the norms of criminal procedural legislation and law enforcement practice indicates a rather extensive list of persons actually involved in criminal proceedings, but their procedural status is not clearly

defined. In this regard, this article is devoted to the issue of procedural consolidation of the general status of participants of the preliminary investigation stage. The purpose of the research is to propose amendments to the current criminal procedural legislation related to the introduction of a norm regulating the rights and obligations of all persons involved in criminal proceedings at the stage of preliminary investigation, but not specified in Section II of the CPC of the RF. **Methods.** In order to comprehensively analyse the issues related to the procedural status of persons whose legal status is not fixed in the criminal procedural legislation, general scientific methods were used: formal-logical, generalisation, analysis, description, and the legal-technical as a private-scientific method made it possible to propose changes in the legislation. **Results.** The author concluded that the participants of criminal proceedings, who do not have a procedural status regulated by law, have equivalent procedural opportunities. This allowed to suggest fixing a norm regulating the rights and obligations of all participants of the stage of preliminary investigation in the CPC RF.

Keywords: participant, subject, rights, duties, procedural status

For citation: Morozova O. C. Participants of the stage of preliminary investigation with uncertain procedural status // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 127–134; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-127-134.

Введение

Положение личности и её связь с государством определяется взаимным «договором», где прописаны взаимодополняющие права и свободы конкретного субъекта правоотношений, его процессуальные возможности и ответственность. Отсюда следует, что правовой статус личности – это одна из важнейших политико-юридических категорий, которая плотно связана с социальной структурой общества, уровнем демократии, а также состоянием законности в государстве [4, с. 38].

В демократическом обществе права, свободы и обязанности личности в совокупности формируют ее правовой статус [5, с. 50], в котором выражена определенная мера свободы, характерная для человека, с учетом особенностей исторического развития. Но только при условии их закрепления в законодательных актах личность свободно может ими пользоваться [6, с. 20], приобретая процессуальный статус участника (субъекта) правоотношений.

Полагаем, что участниками (субъектами) уголовного судопроизводства должны признаваться все вовлеченные в уголовный процесс лица независимо от их места, роли, объема прав и обязанностей и их личного интереса в исходе производства по уголовному делу. Следовательно, любые лица, участвующие в уголовно-процессуальных отношениях, должны рассматриваться как участники, а не только субъекты, указанные в разделе II УПК РФ и выполняющие основные уголовно-процессуальные функции.

Вместе с тем практика правоприменения постоянно сталкивается с ситуациями, когда в уголовно-процессуальные отношения вовлекаются участники, правовой статус которых законодателем конкретно не обозначен.

В связи с этим следует согласиться с И. В. Смольковой, которая одной из важнейших проблем современного уголовного судопроизводства считает неурегулированность вопроса о правовом положении лиц, фактически участвующих в уголовном судопроизводстве, но чей статус УПК РФ не определен [13, с. 205]. Как отмечает автор, «некоторые из них упоминаются в других разделах УПК РФ, однако процессуальный статус этих лиц определен либо недостаточно полно и конкретно, либо не определен вообще. Есть еще третья группа участников, вступающих в уголовно-процессуальные отношения, но вообще не названных в УПК РФ. В связи с этим возникает необходимость определить уголовно-процессуальный статус всех этих лиц» [13, с. 205].

Часть ученых-процессуалистов считают, что их также необходимо наделять фактическим процессуальным статусом. Например, Л. Л. Абрамова предлагает внести в УПК РФ процессуальный статус лица, задержанного для выяснения обстоятельств до возбуждения уголовного дела [1]. А. А. Давлетов рассматривает лицо, подвергнутое уголовному преследованию в ходе доследственного производства [7]. О. В. Михайловская, а также А. А. Тарасов изучали вопрос, связанный с наделянием процессуальным статусом заявителя [10; 14]. А. Е. Федюнин и Н. М. Перетятыко предложили в качестве участника уголовного судопроизводства рассматривать правопреемника подозреваемого и обвиняемого [15]. В. В. Мурылева-Казак допускает появление третьего лица как самостоятельного участника уголовно-процессуальных отношений¹ [12] и др.

¹ Мурылева-Казак В. В. Процессуальные средства защиты имущественных прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2023. – 221 с.

Можно констатировать, что круг участников без определенного статуса объединяет не только это обстоятельство (отсутствие статуса), но и необходимость его определения.

Методы исследования

Для комплексного исследования вопросов, связанных с процессуальным положением лиц, чей правовой статус не закреплен в уголовно-процессуальном законодательстве, использовались общенаучные методы: формально-логический, обобщение, анализ, описание. Юридино-технический как частнонаучный метод позволяет предложить внести изменения в законодательство.

Результаты

Как уже отмечалось, раздел II УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства» не содержит полного перечня лиц, реально участвующих в производстве по уголовному делу. К таким лицам можно отнести: законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего (п. 12 ст. 5; чч. 2, 21, 22, 23 ст. 45 УПК РФ); реабилитированного (глава 18 ч. 1 ст. 399 УПК РФ); заявителя (чч. 2, 3, 5, 6 ст. 141 УПК РФ); близких родственников (п. 4 ст. 5; ч. 9 ст. 166 УПК РФ); близких лиц (п. 3 ст. 5; ч. 9 ст. 166 УПК РФ); родственников (п. 37 ст. 5 УПК РФ); близкого родственника обвиняемого (ч. 2 ст. 49 УПК РФ); иных лиц, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым действием (бездействием) или решением дознавателя, начальника подразделения дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора (ч. 3 ст. 125 УПК РФ) и др.

В качестве участников, вовлекаемых в уголовно-процессуальные правоотношения при избрании мер процессуального принуждения, следует назвать: начальника места содержания подозреваемого под стражей (ч. 4 ст. 94 УПК РФ); заслуживающее доверия лицо (ч. 1 ст. 103 УПК РФ); поручителя (ч. 3 ст. 103 УПК РФ); командование воинской части (ст. 104 УПК РФ); заслуживающее доверия лицо, которому отдан под присмотр несовершеннолетний (ч. 1 ст. 105 УПК РФ); залогодателя (ч. 4 ст. 106 УПК РФ); лицо, несущее материальную ответственность за действия подозреваемого, обвиняемого, на имущество которого наложен арест (ч. 1, 3 ст. 115 УПК РФ); собственника или владельца имущества, которым передано на хранение арестованное имущество (ч. 6 ст. 115 УПК РФ); иное лицо, которому передано на хранение арестованное имущество (ч. 6 ст. 115 УПК РФ), и т. д.

Данный перечень также следует дополнить лицами, участвующими в производстве следственных и иных процессуальных действий, включив туда лицо, участвующее в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении (ч. 11 ст. 144 УПК РФ); редакцию, главного редактора соответствующего средства массовой информации (ч. 2 ст. 144 УПК РФ); совершеннолетнего члена семьи, в помещении которого производится обыск (ч. 11 ст. 182 УПК РФ); лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производится обыск, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что оно скрывает при себе предметы или документы, которые могут иметь значение для уголовного дела (ч. 2 ст. 184 УПК РФ); законного представителя несовершеннолетнего свидетеля (ч. 1 ст. 191 УПК РФ; ч. 1 ст. 280 УПК РФ); лицо, предъявляемое для опознания (ч. 1 ст. 193 УПК РФ); опознающего (чч. 2, 7 ст. 193 УПК РФ); опознаваемого (ч. 8 ст. 193 УПК РФ); заемщика (ч. 6 ст. 183 УПК РФ); поклажедателя (ч. 6 ст. 183 УПК РФ); руководителя экспертного учреждения (чч. 1, 2, 3 ст. 199 УПК РФ); экспертное учреждение (п. 60 ст. 5 УПК РФ); руководителя коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием (ст. 23 УПК РФ) и др.

Отдельно можно выделить лиц, участвующих в производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: должностные лица специализированного детского учреждения, в котором находится несовершеннолетний и которым он передан под присмотр (ч. 1 ст. 105 УПК РФ); председатель и члены комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (ст. ст. 421, 432 УПК РФ); представители администрации специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа (ч. 4 ст. 432 УПК РФ), лица, участвующие в производстве о применении принудительных мер медицинского характера: представители администрации медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 445 УПК РФ); лицо, в отношении которого решается вопрос о применении принудительной меры медицинского характера (ст. 433 УПК РФ), а также участники иных особых производств: Уполномоченный по правам человека в РФ (ч. 1 ст. 447, ст. 448 УПК РФ); компетентный орган иностранного государства (ч. 3 ст. 460 УПК РФ); выдаваемое лицо (ст. 467 УПК РФ).

Необходимо отметить, что за последнее десятилетие в конкретных нормах УПК РФ были определены процессуальные статусы ряда участников уголовного судопроизводства, чье правовое положение вызывало споры. К таковым относятся: начальник органа дознания (ст. 402)², помощник судьи (ст. 2441)³, лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 56.1)⁴. В 2013 г. ч. 1 ст. 5 УПК РФ была дополнена п. 62, который разъясняет понятие педагога как педагогического работника, выполняющего в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся⁵.

Достаточно оригинальную классификацию участников уголовного судопроизводства, не имеющих фактического процессуального статуса, дает И. В. Смолькова. Наряду с участниками, указанными в разделе II УПК РФ, процессуальное положение которых относительно урегулировано, автор выделяет еще три группы субъектов: участники, не фигурирующие в разделе II УПК РФ, но упоминающиеся в других разделах УПК РФ, процессуальное положение которых определено нечетко и неконкретно, однако его можно вывести из содержания общих положений; участники, вообще не указанные в разделе II УПК РФ, но названные в других разделах УПК РФ, процессуальное положение которых не определено; участники, вступающие в уголовно-процессуальные отношения, но не упоминающиеся в УПК РФ [13, с. 209]. В третью группу наряду с помощником следователя и помощником прокурора автор относит частного детектива, за которым признается возможность полноценного участия в уголовном судопроизводстве, несмотря на отсутствие его упоминания в УПК РФ.

Действительно, ряд субъектов упоминающихся в разных нормах УПК РФ, не входят в раздел II (главы 5–9), который должен объединять весь круг участников уголовного судопроизводства. Вместе с тем законодатель не пошел по этому пути и, судя по впечатляющему количеству «неохваченных» субъектов, сделал это вполне осознанно, учитывая эпизодический характер вовлечения их в уголовный процесс и, по-видимому, отсутствие необходимости определения их индивидуального правового статуса, что отмечают некоторые ученые [3, с. 73, 11, с. 193].

Более того, анализ положения данных участников в уголовном судопроизводстве в полной мере свидетельствует, что большинство вовлекаемых лиц имеют сходные права и обязанности в зависимости от стадии уголовного судопроизводства, в которой их интересы реализуются.

Продолжая анализ лиц без индивидуального статуса, можно выделить такого субъекта, как поручитель, который в качестве участника уголовного судопроизводства привлекается к участию следователем или дознавателем при избрании меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в виде личного поручительства в целях обеспечения данной избранной меры.

Представляется, что поручитель должен заслуживать доверие у органа предварительного расследования и находиться в доверительных отношениях с подозреваемым (обвиняемым) [9, с. 11] (наряду с поручителем здесь уместно вспомнить заслуживающее доверие лицо, которому отдан под присмотр несовершеннолетний, а также командование воинской части).

Согласно ст. 103 УПК РФ, поручитель вправе: отказаться от участия в уголовном деле в качестве поручителя (ч. 2); знать о существовании подозрения (ч. 3); знать об ответственности поручителя и сути избранной меры пресечения, в которой он участвует, а также обеспечивать соблюдение меры пресечения (ч. 4). Следовательно, для реализации вышеуказанного правового статуса поручитель обладает правом обжаловать действия (бездействие) и ре-

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя : федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191497/ (дата обращения: 12.11.2023).

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_303432/ (дата обращения: 12.11.2023).

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_309993/ (дата обращения: 12.11.2023).

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» : федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ : в ред. Федерального закона от 30 декабря 2021 г. № 454-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148576/ (дата обращения: 12.11.2023).

шения суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя в части избранной меры пресечения (ст. 19 УПК РФ), заявлять ходатайства (ч. 1 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, далее – УК РФ), участвовать в следственных действиях, проводимых по его ходатайству – например, в случае нарушения подозреваемым или обвиняемым меры пресечения, ходатайствовать о его допросе в качестве свидетеля (ч. 1 ст. 56 УПК РФ).

Подобным комплексом прав и обязанностей обладают и другие лица, привлеченные для обеспечения мер пресечения. Так, залогодатель (лицо, вносившее залог и не являющееся подозреваемым либо обвиняемым) вправе знать существо подозрения, обвинения, в связи с которым избирается данная мера пресечения, и связанные с ней обязательства и последствия их нарушения (ч. 6 ст. 106 УПК РФ), вправе при соблюдении условий вернуть залог (ч. 10 ст. 106 УПК РФ); обязан обеспечить явку подозреваемого или обвиняемого (ч. 1 ст. 106 УПК РФ); вправе отказаться от взятого на себя обязательства [2, с. 56], а также имеет иные права и обязанности, предусмотренные УПК РФ, аналогичные правам и обязанностям поручителя.

На основе комплексного анализа указанных правовых норм можно сделать вывод, что базовые права всех рассмотренных лиц носят общий характер, т. е. идентичны.

Как указывалось выше, в отдельную группу следует включить лиц без фактического процессуального статуса, но привлекаемых к участию в производстве следственного действия. Так, согласно ч. 5 ст. 164 УПК РФ всем участвующим лицам следователь обязан разъяснять их права, ответственность, а также порядок производства соответствующего процессуального действия. При этом объем прав зависит от цели участия в следственном действии.

Например, лицо, находящееся в помещении или ином месте, где производится обыск, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что оно скрывает при себе предметы или документы, которые могут иметь значение для уголовного дела (ч. 2 ст. 184 УПК РФ), вправе знакомиться с постановлением о производстве обыска (ч. 4 ст. 182 УПК РФ) и с протоколом следственного действия, вносить замечания о дополнении и уточнении протокола (ч. 6 ст. 166 УПК РФ), заявлять ходатайства (ч. 1 ст. 159 УК РФ), а при несогласии с решением должностного лица обжаловать их (ст. 19 УПК РФ). Наряду с этим производство личного обыска существенно ограничивает права человека, следовательно, согласно ч. 3 ст. 49 УПК РФ, лицо вправе пригласить адвоката для оказания квалифицированной юридической помощи. Это касается и иного лица, в помещении которого производится обыск (ч. 11 ст. 182 УПК РФ).

Поскольку ст. 166 УПК РФ распространяется на все предварительное расследование, таким же комплексом прав обладает совершеннолетний член семьи лица, в помещении которого производится обыск, участвующий в ходе допроса законный представитель несовершеннолетнего свидетеля (ч. 1 ст. 191), при предъявлении для опознания – лицо, предъявляемое для опознания (статист), опознающий, опознаваемый (ст. 193) и др.

Данные обстоятельства позволили О. В. Гладышевой предложить предусмотреть в главе 22 УПК РФ ст. 1661 «Участник следственного действия» наряду с регламентацией прав, обязанностей и ответственности возможных участников следственного действия, внести отдельные изменения в процессуальный порядок производства некоторых следственных действий⁶.

Таким образом, все лица, участвующие в производстве следственных действий, вправе знать о цели, основании и порядке следственного действия, знакомиться с протоколом, вносить замечания о дополнении и уточнении протокола, заявлять ходатайства, обжаловать действия (бездействия) и решения следователя и дознавателя.

В качестве отдельной группы лиц без фактического процессуального статуса стоит рассмотреть близких родственников, близких лиц (п. 3 ст. 5 УПК РФ) и родственников (п. 7 ст. 5 УПК РФ). Согласно п. 4 ст. 5 УПК РФ, близкими родственниками являются: супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки. Они вступают в уголовно-процессуальные отношения в случае: смерти потерпевшего (ч. 8 ст. 42 УПК РФ); в качестве представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика (ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 55, ч. 2 ст. 138 УПК РФ); при уведомлении о задержании подозреваемого или обвиняемого (ч. 3 ст. 46, ч. 1 ст. 96 УПК

⁶ Гладышева О. В. Теоретические основы обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2013. – 64 с.

РФ); по постановлению суда в качестве защитника наряду с адвокатом (ч. 2 ст. 49 УПК РФ); при уведомлении о месте содержания под стражей или об изменении места содержания под стражей подозреваемого или обвиняемого (ч. 12 ст. 108 УПК РФ); в случае смерти подозреваемого или обвиняемого (чч. 3, 4 ст. 136 УПК РФ); при передаче на попечение несовершеннолетние дети, другие иждивенцы, а также престарелые родители, нуждающиеся в постоянном уходе подозреваемого (ч. 1 ст. 160 УПК РФ); при необходимости извлечения трупа из места захоронения (ч. 3 ст. 178 УПК РФ) и др.

Во всех указанных выше случаях близкий родственник вправе знать об обстоятельствах его вовлечения. Следовательно, обжаловать действия (бездействия) и решения суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя, заявлять ходатайства, участвовать в следственных действиях, проводимых по его ходатайству.

Также все вышеперечисленные участники согласно ч. 3 ст. 11 УПК РФ вправе ходатайствовать о применении в отношении них мер безопасности в случае угрозы убийством, применения насилия, уничтожения или повреждения их имущества либо иными опасными противоправными деяниями. Данное положение нашло отражение в Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», где наряду с потерпевшим, свидетелем и обвиняемым, также указаны близкие родственники, родственники, близкие лица (ч. 3 ст. 2)⁷.

Отметим, что при проверке сообщения о преступлении, заявитель, пострадавший, лицо, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении, лицо, явившееся с повинной, очевидец согласно ст. 144 УПК РФ, в рамках стадии возбуждения уголовного дела также имеют общий комплекс процессуальных прав: право на обжалование, заявление ходатайств, ознакомление с материалами проверки, дачу объяснения и т. д. На общий комплекс базовых конституционных прав личности на стадии возбуждения уголовного дела также указывают А. А. Давлетов и И. А. Филимоненко [8, с. 191].

Заключение

Учитывая, что многие участники стадии предварительного расследования, не обладающие фактическим процессуальным статусом и вовлекаемые следователем, дознавателем или судом в производство по уголовному делу, обладают схожими процессуальными возможностями независимо от цели их привлечения и стадии, на которой реализуется их деятельность. Формулирование правового статуса каждого из них представляется нецелесообразным, так как введение новых норм приведет к расширению УПК РФ и снизит его мобильность. В данном случае необходима общая норма, регулирующая права и обязанности участников, вовлекаемых в досудебное производство. Вместе с тем мы допускаем идею объединения всех эпизодических участников уголовного судопроизводства под общими правами за счет расширения системы общих условий предварительного расследования, дополнив УПК РФ статьей следующего содержания:

«Статья 161.1. Права и обязанности участников, вовлекаемых в предварительное расследование.

1. Все лица, привлекаемые к участию в производстве предварительного расследования, вправе: знать о цели привлечения их к производству по уголовному делу; участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных и иных процессуальных действиях, производимых по его ходатайству; знакомиться с протоколами следственных действий, в которых они участвовали; требовать внесения в протокол замечаний и дополнений; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда и принимать участие в их рассмотрении судом; заявлять ходатайства; пользоваться помощью переводчика бесплатно; пользоваться услугами адвоката-консультанта ходатайствовать о применении к ним мер безопасности в случае угрозы убийством, применения насилия, уничтожения или повреждения их имущества либо иными опасными противоправными деяниями; пользоваться иными правами, предусмотренными настоящим Кодексом.

2. Участникам уголовного судопроизводства разъясняется их ответственность за разглашение без соответствующего разрешения следователя или дознавателя данных предварительного расследования в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁷ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48959/?ysclid=lt5vrd3a8v940687723 (дата обращения: 12.11.2023).

Список литературы

1. *Абрамова Л. Л.* Полифункциональный характер задержания: дискуссия продолжается // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – № 4 (24). – С. 7–13.
2. *Баландюк О. В.* Исполнение обязательств залогодателем при реализации ст. 106 УПК РФ // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2014. – № 1 (52). – С. 54–59.
3. *Бешиков А. А.* Некоторые проблемы привлечения к участию в уголовном судопроизводстве лиц, не обладающих процессуальным статусом // Вестник КРУ МВД России. – 2021. – № 3 (53). – С. 71–74.
4. *Бялт В. С., Демидов А. В.* Разделение властей в историко-правовой мысли России // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 1 (47). – С. 35–43.
5. *Бялт В. С., Демидов А. В.* Перспективы становления гражданского общества в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 2 (48). – С. 47–54.
6. *Бялт В. С., Демидов А. В.* Правовой статус личности: теоретико-правовая характеристика // Ленинградский юридический журнал. – 2018. – № 3 (53). – С. 19–26.
7. *Давлетов А. А.* Проблема статуса уголовно-преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. – 2015. – № 4 (103). – С. 61–67.
8. *Давлетов А. А., Филимоненко И. А.* Процессуальное положение личности в стадии возбуждения уголовного дела : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2022. – 216 с.
9. *Закомолдин А. В.* Проблемы применения личного поручительства в уголовном процессе России // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Юридические науки. – 2018. – № 4. – С. 10–14.
10. *Михайловская О. В.* Заявитель как участник уголовного судопроизводства // Вестник КРУ МВД России. – 2020. – № 4 (50). – С. 64–67.
11. *Мичурина О. В.* Гарантии соблюдения прав лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность без приобретения статуса участника уголовного судопроизводства // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 2. – С. 192–195.
12. *Мурылева-Казак В. В.* Преступное происхождение имущества третьих лиц как основание его ареста в уголовном процессе // Адвокатская практика. – 2022. – № 3. – С. 41–45.
13. *Смолькова И. В.* Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Известия Байкальского государственного университета. – 2017. – Т. 27. – № 2. – С. 205–210.
14. *Тарасов А. А.* О процессуальном статусе «заявитель о преступлении» // Судебная власть и уголовный процесс. – 2021. – № 1. – С. 131–141.
15. *Федюнин А. Е., Перетягько Н. М.* Вопросы нормативно-правового обеспечения производства по уголовному делу в отношении умершего подозреваемого (обвиняемого) // Вестник СГЮА. – 2023. – № 4 (153). – С. 256–263.

References

1. *Abramova L. L.* Polifunktsional'nyy kharakter zaderzhaniya: diskussiya prodolzhayetsya // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. – 2022. – № 4 (24). – S. 7–13.
2. *Balandyuk O. V.* Ispolneniye obyazatel'stv zalogodatelem pri realizatsii st. 106 UPK RF // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2014. – № 1 (52). – S. 54–59.
3. *Beshkok A. A.* Nekotoryye problemy privlecheniya k uchastiyu v ugovolnom sudoproizvodstve lits, ne obladayushchikh protsessual'nyim statusom // Vestnik KRU MVD Rossii. – 2021. – № 3 (53). – S. 71–74.
4. *Byalt V. S., Demidov A. V.* Razdeleniye vlastey v istoriko-pravovoy mysli Rossii // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2017. – № 1 (47). – S. 35–43.
5. *Byalt V. S., Demidov A. V.* Perspektivy stanovleniya grazhdanskogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2017. – № 2 (48). – S. 47–54.
6. *Byalt V. S., Demidov A. V.* Pravovoy status lichnosti: teoretiko-pravovaya kharakteristika // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2018. – № 3 (53). – S. 19–26.
7. *Davletov A. A.* Problema statusa ugovolno-presleduyemogo litsa v stadii vzbuzhdeniya ugovolnogo dela // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2015. – № 4 (103). – S. 61–67.
8. *Davletov A. A., Filimonenko I. A.* Protsessual'noye polozheniye lichnosti v stadii vzbuzhdeniya ugovolnogo dela : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2022. – 216 s.
9. *Zakomoldin A. V.* Problemy primeneniya lichnogo poruchitel'stva v ugovolnom protsesse Rossii // Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Yuridicheskiye nauki. – 2018. – № 4. – S. 10–14.
10. *Mikhaylovskaya O. V.* Zayavitel' kak uchastnik ugovolnogo sudoproizvodstva // Vestnik KRU MVD Rossii. – 2020. – № 4 (50). – S. 64–67.

11. *Michurina O. V.* Garantii soblyudeniya prav lits, vovlechennykh v ugovolno-protssesual'nyuyu deyatel'nost' bez priobreteniya statusa uchastnika ugovolnogo sudoproizvodstva // *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti.* – 2021. – № 2. – S. 192–195.
12. *Muryleva-Kazak V. V.* Prestupnoye proiskhozhdeniye imushchestva tret'ikh lits kak osnovaniye yego aresta v ugovolnom protsesse // *Advokatskaya praktika.* – 2022. – № 3. – S. 41–45.
13. *Smol'kova I. V.* Uchastniki ugovolnogo sudoproizvodstva s ne-opredelennym protssesual'nyim statusom // *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2017. – T. 27. – № 2. – S. 205–210.
14. *Tarasov A. A.* O protssesual'nom statuse «zayavitel' o prestuplenii» // *Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess.* – 2021. – № 1. – S. 131–141.
15. *Fedyunin A. Ye., Peretyat'ko N. M.* Voprosy normativno-pravovogo obespecheniya proizvodstva po ugovolnomu delu v otnoshenii umershego podozrevayemogo (obvinyayemogo) // *Vestnik SGYuA.* – 2023. – № 4 (153). – S. 256–263.

Статья поступила в редакцию 12.01.2024; одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 19.02.2024.

The article was submitted January 12, 2024; approved after reviewing January 30, 2024; accepted for publication February 19, 2024.

Научная статья
УДК 343.3/.7
doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-135-141

Константин Дмитриевич Николаев

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-4661-2120>, knik55@mail.ru

Евгений Сергеевич Квасников

адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0002-2418-3900>, evgen1219@mail.ru

Омская академия МВД России

Российская Федерация, 644092, Омск, пр. Комарова, д. 7

Детерминанты проблем применения ст. 143 Уголовного кодекса Российской Федерации

Аннотация: в статье исследуются детерминанты проблем применения ст. 143 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Нарушение требований охраны труда». **Введение.** Вопросы уголовно-правовой оценки преступного нарушения требований охраны труда, несомненно, не теряют своей актуальности. В частности, это касается ряда теоретических и практических проблем разработки направлений совершенствования норм ст. 143 УК РФ и ее практического применения. Сложность квалификации данного преступления обусловлена бланкетностью диспозиции указанной уголовно-правовой нормы. Однако исследование практики применения ст. 143 УК РФ показало, что бланкетность выступает общим показателем затруднений при правоприменении. Такой показатель в совокупности составляют несколько факторов-причин. **Методы.** В исследовании использовались методы анализа, анкетирования, интервьюирования, статистический метод. Для установления детерминантов проблем применения ст. 143 УК РФ мы обратились к судебной следственной практике, а также к данным результатов работы государственных инспекций труда. **Результаты.** Выявлены детерминанты проблем применения ст. 143 УК РФ; на основе этого указаны конкретные обстоятельства, которые следует учитывать при определении наличия в деянии признаков нарушения требований охраны труда; сформулированы рекомендации по квалификации указанного преступления.

Ключевые слова: нарушение требований, охрана труда, преступление, проблема применения, детерминанты, квалификация

Для цитирования: Николаев К. Д., Квасников Е. С. Детерминанты проблем применения ст. 143 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 135–141; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-135-141.

Konstantin D. Nikolaev

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-4661-2120>, knik55@mail.ru

Evgeny S. Kvasnikov

Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-2418-3900>, evgen1219@mail.ru

Omsk Academy of the MIA of Russia

7, Komarova str., Omsk, 644092, Russia Federation

Determinants of application issues of Art. 143 of the Criminal Code of the Russian Federation

Abstract: the article studies the determinants of the application issues of article 143 of the Criminal Code of the Russian Federation “Violation of labour protection requirements”.

Introduction. Issues of criminal-legal assessment of criminal violation of labour protection requirements, with no doubt, do not lose their relevance. In particular, it concerns a number of theoretical and practical problems of development of directions for improving the norms of Article 143 of the Criminal Code of the RF and its practical application. The complexity of qualification of this offence is due to the blanket disposition of the specified criminal-legal norm. However, the study of the practice of application of Art. 143 of the Criminal Code of the RF has shown that the blankness is a general indicator of difficulties in law enforcement. Several causal factors make up this indicator. **Methods.** The methods of analysis, questionnaires, interviewing, statistical method were used in the research. To establish the determinants of the issues of application of Article 143 of the Criminal Code of the Russian Federation, judicial and investigative practice, as well as the data of the results of the work of state labour inspections were applied. **Results.** The determinants of the issues of application of Art. 143 of the Criminal Code of the RF were identified; on this basis, specific circumstances that should be taken into account in determining the presence of signs of violation of labour protection requirements in the act were indicated; recommendations on the qualification of this crime were formulated.

Keywords: violation of requirements, labour protection, crime, issue of application, determinants, qualification.

For citation: Nikolaev K. D., Kvasnikov E. C. Determinants of application issues of Art. 143 of the Criminal Code of the Russian Federation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 135–141; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-135-141.

Введение

Часть 3 ст. 37 Конституции Российской Федерации провозглашает право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены. Вместе с тем соотношение травматизма на рабочих местах, числа нарушений требований охраны труда, количества возбуждаемых по ст. 143 УК РФ уголовных дел и осужденных лиц отличается несоразмерностью¹. Это свидетельствует о низкой эффективности борьбы с преступностью в сфере охраны труда, о существующей проблеме в выявлении лиц, виновных в совершении таких преступлений, а также о проблеме квалификации соответствующего преступления. Таким образом вопросы уголовно-правовой оценки преступного нарушения требований охраны труда не теряют своей актуальности. Сложность квалификации данного преступления обусловлена бланкетностью диспозиции указанной уголовно-правовой нормы. «Бланкетность статьи Уголовного кодекса означает еще и то, что уголовно-правовая норма, выраженная в данной статье, включает в себя и не уголовную норму, регулирующую отношения, которым причиняется вред преступлением» [1]. Поскольку бланкетность ст. 143 УК РФ является общим показателем сложности квалификации, целесообразно выявить отдельные детерминанты проблем применения ст. 143 УК РФ. На основе этого необходимо указать конкретные обстоятельства, которые следует учитывать при определении наличия в деянии признаков нарушения требований охраны труда, и сформулировать рекомендации по квалификации указанного преступления.

Методы

В исследовании использовались методы анализа, анкетирования, интервьюирования, статистический метод. Для установления детерминантов проблем применения ст. 143

¹ Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации и Федеральной службы по труду и занятости, за период 2017–2022 гг. количество выявленных нарушений требований охраны труда составило более полумиллиона; число материалов, направленных в правоохранительные органы в связи с несчастными случаями на производстве (в соответствии со статьей 143 УК РФ), превышает тридцать семь тысяч. Однако, по данным ГИАЦ МВД России количество зарегистрированных уголовных дел по ст. 143 УК РФ составляет 4782, а число уголовных дел, направленных в суд, не превышает 1008, при этом количество лиц, осужденных по ст. 143 УК РФ, – 679.

УК РФ мы обратились к судебной-следственной практике, а также к данным результатов работы государственных инспекций труда. В частности, были проанализированы приговоры, вынесенные судами субъектов Российской Федерации по делам о преступлениях, связанных с нарушением требований охраны труда и производственным травматизмом; результаты анкетирования 436 сотрудников следственных управлений Следственного комитета РФ двадцати субъектов Российской Федерации, проведенного в 2022–2023 гг. по вопросам, связанным с уголовно-правовой оценкой преступного нарушения требований охраны труда; материалы 23 уголовных дел (в числе которых материалы о расследовании несчастных случаев на производстве) и 422 материала об отказе в возбуждении уголовных дел и о прекращении уголовных дел (уголовного преследования) по ст. 143 УК РФ.

Основная часть

Анализируя судебную практику квалификации нарушений требований охраны труда, можно отметить, что несмотря на разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2018 г. № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов»² (далее – постановление Пленума), единообразием она не отличается. Например, оценка судами документального подтверждения правомерного оформления возложения обязанностей по обеспечению соблюдения требований охраны труда (при установлении надлежащего субъекта преступления) осуществляется по-разному. В одном случае суд учитывал фактическую возможность подсудимого выполнить возложенные на него обязанности по соблюдению требований охраны труда; оценивал легитимность приказа о возложении на него соответствующих обязанностей³. В другом случае суд, напротив, исходил из объективного вменения таких обязанностей в отсутствие документального подтверждения их оформления⁴. В юридической литературе отмечается разный подход судов к квалификации деяния: используется идеальная совокупность общей и специальной нормы (например, ч. 2 ст. 143 УК РФ и ч. 2 ст. 219 УК РФ) либо применяется общая норма вместо специальной (ч. 2 ст. 143 УК РФ вместо ч. 2 ст. 216 УК РФ). Также указывается на отсутствие единого подхода судов в определении причинно-следственной связи между деянием и последствиями. В частности, речь идет о допустимости привлечения к уголовной ответственности за невыполнение обязанностей по контролю за действиями подчиненных лиц при наступлении криминообразующих последствий [2]. Анализ соответствующих приговоров показал, что в ходе рассмотрения уголовного дела по ч. 2 ст. 143 УК РФ в одном случае суд определил, что причиной происшествия с работником стало отсутствие контроля со стороны уполномоченного на обеспечение соблюдения требований охраны труда лица⁵. В другом случае суд посчитал недопустимым учет формального назначения ответственного лица в качестве безусловного основания для его привлечения к уголовной ответственности⁶.

Разные подходы судов к квалификации преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, можно объяснить множеством обстоятельств, которые необходимо оценить при рассмотрении каждого конкретного уголовного дела. Оценка этих обстоятельств напрямую зависит от качества расследования и рассмотрения каждого уголовного дела.

Анкетирование сотрудников Следственного комитета показало, что при квалификации соответствующего преступления 34,17 % опрошиваемых испытывают сложность в определении трудового статуса потерпевших от преступного нарушения требований охраны труда; 39,68 % отметили, что у них возникает трудность определения субъекта преступления, 37,84 % пояснили, что при квалификации преступления по ст. 143 УК РФ испытывают трудность определения субъекта преступления в связи с возложением рабо-

² О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2018 г. № 41 [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312308/?ysclid=lr61mo3qeq247187831 (дата обращения: 01.03.2023).

³ Информация с сайта Воскресенского городского суда Московской области [Электронный ресурс] // Воскресенский городской суд Московской области: сайт. – URL: http://voskresensk.mo.sudrf.ru/modules.php?name=press_der&op=1&did=380 (дата обращения: 01.03.2023).

⁴ Приговор Приволжского районного суда г. Казани № 1-195/2018 от 24 мая 2018 г. по делу № 1-195/2018 [Электронный ресурс] // СудАкт: сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZXLfoVDmMAo8/> (дата обращения: 20.02.2023).

⁵ Приговор Калининского районного суда г. Уфы № 1-381/2018 от 27 сентября 2018 г. по делу № 1-381/2018 [Электронный ресурс] // СудАкт: сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZeTrvF2oPTQP/> (дата обращения: 20.02.2023).

⁶ Приговор Воскресенского городского суда (Московская область) № 1-50/2017 от 6 февраля 2017 г. по делу № 1-50/2017 [Электронный ресурс] // СудАкт: сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6Y2DMKwWvYJ3/?regular/> (дата обращения: 25.02.2023).

тодателем своих обязанностей по охране труда на работников. В целом это связано прежде всего с неточным описанием признаков субъекта преступления в диспозиции ч. 1 ст. 143 УК РФ (лицо, на которое возложены обязанности по соблюдению требований охраны труда). В уголовно-правовой доктрине также отмечаются сложности определения признаков субъекта нарушения требований охраны труда [3; 4; 5], которые обусловлены в том числе отсутствием в законодательстве регламентации конкретных функций такого субъекта; определения того, кого именно можно считать уполномоченным лицом на проведение мероприятий по охране труда, а также отсутствием определений специализированной службы по охране труда и специалиста по охране труда [6, с. 20].

подавляющее большинство респондентов сочли данное преступление латентным, где в качестве причин латентности указали: отсутствие должной профилактики со стороны контролирующих органов; собственную позицию потерпевшего; разную оценку тяжести причиненного вреда здоровью у судебно-медицинских экспертов и в медицинских учреждениях; страх потери работы у потерпевшего; тотальное невыполнение требований охраны труда; сокрытие фактов нарушения соответствующих требований; подкуп работодателем работника; неофициальное трудоустройство; формальное выполнение требований охраны труда.

Высокий уровень латентности также проявляется в наличии у работодателя целой массы локальных документов (приказов, инструкций, журналов инструктажей по технике безопасности и т. п.), формальное соблюдение требований которых не позволяет привлечь последнего к ответственности (особенно к уголовной), поскольку их содержание по форме соответствует установленным требованиям охраны труда в соответствующей сфере работ [7, с. 99]. Так, например, бездействие работодателя по обеспечению работников средствами индивидуальной защиты, но вместе с тем производящийся сбор подписей работников за их получение фактически нарушают технику безопасности, а следовательно, и требования охраны труда. Мотив при совершении рассматриваемых преступлений проявляется в корыстной и иной личной заинтересованности (например, преуменьшение производимых затрат, стремление извлечь материальную выгоду, создание видимости благополучия на производстве и т. п.).

Кроме того, причиной проявления латентности рассматриваемого преступления также являются отдаленный характер неблагоприятных для потерпевшего последствий и особенности личности преступника. За период с 2017 по 2022 гг. Главным информационно-аналитическим центром МВД России представлена следующая характеристика выявленных лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 143 УК РФ: преступления совершены гражданами РФ в количестве 2857; иностранными гражданами в количестве 30 (все совершеннолетние). Из общего числа совершенных преступлений 1643 совершено лицами, имеющими высшее профессиональное образование; 947 – лицами со средним профессиональным образованием; 66 – с начальным и основным общим образованием; 257 – со средним общим образованием; 13 преступлений было совершено лицами в состоянии алкогольного опьянения; 281 преступление было совершено женщинами. Таким образом, очевидно, что такого рода преступления совершаются в основном образованными лицами мужского пола. В юридической литературе отмечается, что для лиц, совершающих преступления против конституционных прав и свобод личности, характерны такие качества, как высокая моральная устойчивость, хорошие интеллектуальные способности, образованность, высокий уровень познаний в сфере практической психологии и искусства управления людьми [8], что закономерным образом оказывает влияние на выявление и раскрываемость рассматриваемых преступлений.

Относительно темы латентности был интервьюирован старший инспектор контрольно-следственного отдела Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации одного из субъектов Российской Федерации. Из интервью следует, что основными причинами латентности преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, являются: 1) ненаправление работодателем (его представителем) извещения о групповом несчастном случае (два человека и более), тяжелом несчастном случае или несчастном случае со смертельным исходом в соответствии со ст. 2281 ТК РФ в соответствующие органы; 2) уничтожение или фальсификация доказательств нарушения требований охраны труда; 3) занижение квалификации (прикрытие тяжелого несчастного случая легким).

По анкетированию сотрудников Следственного комитета в целом отметим, что на вопрос о том, с какими основными трудностями можно столкнуться при квалификации преступления по ст. 143 УК РФ, респонденты назвали следующие:

– определение того, по чьей вине произошло происшествие – работника или работодателя;

- выполнение обязанностей по соблюдению требований охраны труда лицами, которые фактически не ознакомлены с соответствующими приказами, инструкциями, либо в условиях отсутствия таких документов;
- отсутствие специальных знаний трудового законодательства; установления причинно-следственной связи;
- определение субъекта преступления; действия самого потерпевшего; установление трудовых отношений;
- отграничение соответствующего преступления от преступления, предусмотренного ст. 216 УК РФ;
- значительное количество подзаконных нормативных правовых актов, закрепляющих требования охраны труда; отсутствие систематизации в регламентации требований охраны труда;
- отсутствие документов, связанных с охраной труда;
- сокрытие несчастного случая;
- изъятие распорядительных документов;
- формальное обучение ответственного за охрану труда лица;
- легализация трудовых отношений.

Вместе с тем 28 % респондентов сочли ненужным при квалификации давать оценку законности приказу о возложении обязанностей по охране труда работодателем на работника (иное уполномоченное лицо). Более 28 % на вопрос о допустимости квалификации преступления по ст. 143 УК РФ в случае, когда в результате нарушений требований безопасного труда заказчиком погибло самозанятое лицо, при условии признаков сокрытия заказчиком фактических трудовых отношений, ответили отрицательно.

Также нельзя не отметить, что несмотря на предусмотренную законом неосторожную форму вины, более 80 % респондентов на вопрос: «Возможно ли (фактически) совершение преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, с косвенным умыслом (например, в том случае, когда лицо осознанно нарушает установленные требования и безразлично относится к общественно опасным последствиям)?» – ответили положительно. Полагаем, это можно объяснить тем, что, осознанно нарушая соответствующие требования, лицо сознает реальную общественную опасность своего деяния, поскольку субъект отдает себе отчет в вероятности наступления негативных последствий для кого-либо.

Изучение материалов об отказе в возбуждении уголовных дел по ст. 143 УК РФ показало, что причинами такого отказа послужили: нарушения требований охраны труда, не повлекшие за собой причинение вреда здоровью (в том числе несчастные случаи, произошедшие по собственной неосторожности работника) – 15,5 %; нарушения требований охраны труда, повлекшие за собой причинение легкого вреда здоровью (в том числе несчастные случаи, произошедшие по собственной неосторожности работника) – 45,5 %; нарушения требований охраны труда, повлекшие за собой вред здоровью средней тяжести (в том числе несчастные случаи, произошедшие по собственной неосторожности работника) – 32,2 %; собственная неосторожность работника, в результате чего последнему был причинен тяжкий вред здоровью (5,5 %); собственная неосторожность работника, что явилось причиной наступления его смерти (1,3 %).

Заключение

Неоднократные исследования аспектов применения положений ст. 143 УК РФ до принятия указанного постановления Пленума [9–12] определяли, что новые разъяснения должны были оправдать ожидания практического работника [13]. Однако из вышеизложенного можно сделать вывод, что при практическом применении ст. 143 УК РФ возникает много вопросов, которые, несмотря на разъяснения постановления Пленума, разрешаются органами расследования и судами с учетом собственного видения, что способствует неверной квалификации и отсутствию единообразия в судебной практике, а следовательно, снижается уровень уголовно-правовой охраны прав и интересов трудящихся, а также уровень обеспечения гарантий соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, в том числе наделяя их процессуальным статусом в соответствии с их фактическим положением. Это также негативно сказывается на достоверности статистических данных относительно рассматриваемых преступлений и лиц, их совершающих.

Чрезмерно расширительное толкование и бланкетность диспозиции ч. 1 ст. 143 УК РФ являются детерминантами проблем применения данной нормы, которые в совокупности составляют несколько факторов-причин: значительное количество подзаконных нормативных актов, закрепляющих требования охраны труда; отсутствие систематизации в регламентации требований охраны труда; высокая степень латентности нарушения требований охраны труда;

несовершенство юридико-технического построения диспозиции ч. 1 ст. 143 УК РФ; отсутствие единообразного подхода правоприменителя к квалификации преступления по ст. 143 УК РФ. Исследование практического применения ст. 143 УК РФ показало, что при квалификации соответствующего преступления правоприменителю необходимо обращать особое внимание на:

- вероятность сокрытия факта трудовых отношений в целях уклонения от установленной ответственности. В случае подмены трудовых отношений гражданско-правовыми важно установить признаки, указывающие на наличие факта трудовых отношений (выполнение конкретной трудовой функции, личный характер выполнения работ, установление рабочего времени, режим работы, и др.) [14];
- легитимность возложения обязанностей на лицо, уполномоченное на обеспечение соблюдения требований охраны труда;
- реальную (фактическую) возможность соблюдения таких требований ответственным лицом;
- характер нарушенных правил (общие или специальные) в целях разграничения преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, со смежными составами;
- характер самого нарушения (осознанное или неосознанное). Как указано в научной литературе, важность установления характера нарушения (осознанное или неосознанное) обуславливается в том числе дальнейшим определением категории преступления (ст. 15 УК) и сроков давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 78 УК РФ) [15, с. 39];
- причину наступления последствий в виде тяжкого вреда здоровью или смерти потерпевшего (потерпевших), учитывая момент нарушения соответствующих требований, а не условия их наступления.

Список литературы

1. Яни П. С. Уголовная ответственность за нарушение трудовых прав граждан [Электронный ресурс] // Library.by : сайт. – URL: https://library.by/portalus/modules/russianlaw/readme.php?subaction=showfull&id=1160664480&archive=&start_from=&ucat=&/ (дата обращения: 17.05.2023).
2. Толкаченко А. А., Лясколо А. Н. Спорные вопросы уголовно-правовой квалификации нарушений правил охраны труда и техники безопасности // Уголовное право. – 2019. – № 5. – С. 89–99.
3. Коняхин В. П., Рыбалка А. А. Основные направления совершенствования законодательного определения субъекта нарушения требований охраны труда (статья 143 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 1 (31). – С. 37–38.
4. Вешняков Д. Ю. Спорные вопросы квалификации нарушений правил охраны труда по признакам субъекта преступления // Законодательство и экономика. – 2013. – № 3. – С. 42–45.
5. Хацкевич А. С., Шищенко Е. А. Проблема определения субъекта преступлений, предусмотренных ст. 143 УК РФ и ст. 238 УК РФ // Наука, техника и образование. – 2016. – № 5 (23). – С. 101–102.
6. Квасников Е. С. Преступление, предусмотренное ст. 143 УК РФ: вопросы квалификации // Уголовное право. – 2022. – № 9 (145). – С. 19–25.
7. Квасников Е. С. Социальная обусловленность уголовной ответственности за нарушение требований охраны труда // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2023. – № 1. – С. 97–102.
8. Климова М. И., Проскуряков А. Ю. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (глава 19 УК РФ): характеристика личности преступника / Актуальные вопросы охраны общественного порядка и административной деятельности полиции: материалы межведомственной научно-практической конференции. – Волгоград, 2 июня 2020 г. – Москва: ООО Издательство «Спутник+», 2020. – С. 23–28.
9. Грошев А., Смык О. Квалификация нарушения правил охраны труда несколькими лицами // Уголовное право. – 2006. – № 1. – С. 27–31.
10. Гарбатович Д. А. Квалификация преступных нарушений правил безопасности: установление причинной связи // Уголовное право. – 2015. – № 2. – С. 10–15.
11. Вешняков Д. Ю. К вопросу о соблюдении правовой определенности в бланкетных статьях УК РФ // Российский ежегодник уголовного права. – 2014. – № 7. – С. 118–133.
12. Бутаева Е. Государственное регулирование охраны труда: риск-ориентированный подход // Трудовое право. – 2017. – № 1. – С. 95–112.
13. Соктоев З. Б. Нарушение требований охраны труда: о новом постановлении Пленума // Уголовное право. – 2019. – № 1. – С. 53–62.

14. Бережнов А. А. Признаки трудовых отношений: некоторые теоретические и практические аспекты // Трудовое право в России и за рубежом. – 2019. – № 3. – С. 3–6.

15. Яни П. С. Состав нарушения специальных правил безопасности: форма вины // Законность. – 2016. – № 6. – С. 39–43.

References

1. Yani P. S. Ugolovnaya otvetstvennost' za narusheniye trudovykh prav grazhdan [Elektronnyy resurs] // LIBRARY.BY: sayt. – URL: [https://library.by/portalus/modules/russianlaw/readme.php?subaction=showfull&id=1160664480&archive=&start_from=&ucat=&/](https://library.by/portalus/modules/russianlaw/readme.php?subaction=showfull&id=1160664480&archive=&start_from=&ucat=&) (data obrashcheniya: 17.05.2023).

2. Tolkachenko A. A., Lyaskalo A. N. Spornyye voprosy ugolovno-pravovoy kvalifikatsii narusheniy pravil okhrany truda i tekhniki bezopasnosti // Ugolovnoye pravo. – 2019. – № 5. – С. 89–99.

3. Konyakhin V. P., Rybalka A. A. Osnovnyye napravleniya sovershenstvovaniya zakonodatel'nogo opredeleniya sub'yekta narusheniya trebovaniy okhrany truda (stat'ya 143 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii) // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2016. – № 1 (31). – С. 37–38.

4. Veshnyakov D. Yu. Spornyye voprosy kvalifikatsii narusheniy pravil okhrany truda po priznakam sub'yekta prestupleniya // Zakonodatel'stvo i ekonomika. – 2013. – № 3. – С. 42–45.

5. Khatskevich A. S., Shishchenko Ye. A. Problema opredeleniya sub'yekta prestupleniy, predusmotrennykh st. 143 UK RF i st. 238 UK RF // Nauka, tekhnika i obrazovaniye. – 2016. – № 5 (23). – С. 101–102.

6. Kvasnikov Ye. S. Prestupleniye, predusmotrennoye st. 143 UK RF: voprosy kvalifikatsii // Ugolovnoye pravo. – 2022. – № 9 (145). – С. 19–25.

7. Kvasnikov Ye. S. Sotsial'naya obuslovlennost' ugolovnoy otvetstvennosti za narusheniye trebovaniy okhrany truda // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina. – 2023. – № 1. – С. 97–102.

8. Klimova M. I., Proskuryakov A. Yu. Prestupleniya protiv konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina (glava 19 UK RF): kharakteristika lichnosti prestupnika / Aktual'nyye voprosy okhrany obshchestvennogo poryadka i administrativnoy deyatel'nosti politsii: materialy mezhvedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Volgograd, 2 iyunya 2020 g. – Moskva: ООО Izdatel'stvo «Sputnik+», 2020. – С. 23–28.

9. Groshev A., Smyk O. Kvalifikatsiya narusheniya pravil okhrany truda neskol'kimi litsami // Ugolovnoye pravo. – 2006. – № 1. – С. 27–31.

10. Garbatovich D. A. Kvalifikatsiya prestupnykh narusheniy pravil bezopasnosti: ustanovleniye prichinnoy svyazi // Ugolovnoye pravo. – 2015. – № 2. – С. 10–15.

11. Veshnyakov D. Yu. K voprosu o soblyudenii pravovoy opredelennosti v blanketnykh stat'yakh UK RF // Rossiyskiy yezhegodnik ugolovnogo prava. – 2014. – № 7. – С. 118–133.

12. Butayeva Ye. Gosudarstvennoye regulirovaniye okhrany truda: risk-oriyentirovanny podkhod // Trudovoye pravo. – 2017. – № 1. – С. 95–112.

13. Soktoev Z. B. Narusheniye trebovaniy okhrany truda: o novom postanovlenii Plenuma // Ugolovnoye pravo. – 2019. – № 1. – С. 53–62.

14. Berezhnov A. A. Priznaki trudovykh otnosheniy: nekotoryye teoreticheskiye i prakticheskkiye aspekty // Trudovoye pravo v Rossii i za rubezhom. – 2019. – № 3. – С. 3–6.

15. Yani P. S. Sostav narusheniya spetsial'nykh pravil bezopasnosti: forma viny // Zakonnost'. – 2016. – № 6. – С. 39–43.

Статья поступила в редакцию 17.05.2023; одобрена после рецензирования 08.08.2023; принята к публикации 06.01.2024.

The article was submitted May 17, 2023; approved after reviewing August 8, 2023; accepted for publication January 6, 2024.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья

УДК 343.9

doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-142-150

Екатерина Игоревна Таранина

<https://orcid.org/0000-0002-8477-9343>, 97ekaterina@mail.ru

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Российская Федерация, 117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

Современные способы нарушения неприкосновенности частной жизни

Аннотация: Введение. Статья посвящена изучению способов совершения преступлений, предусмотренных ст. 137 УК РФ. Особое внимание уделено влиянию информационных технологий на формирование индивидуального преступного поведения: выбор способов совершения преступлений, нарушающих неприкосновенность частной жизни (в 2020–2021 гг. 87 % случаев приходится на информационные технологии). Значимым фактором при анализе преступлений, нарушающих неприкосновенность частной жизни, является изменение статистического учёта способов совершения преступлений: с 2022 года в формах федерального статистического наблюдения отражаются способы совершения преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, предусмотренные ч. 3 ст. 137 УК РФ.

Методы: Методологию исследования составили общенаучные методы познания общественных процессов, в частности, социально-правового явления – преступности (анализ, синтез, дедукция, индукция, системно-структурный метод, измерение, описание, абстрагирование), а также частнонаучные методы – анализа документов, статистические методы. В качестве эмпирической базы были использованы отдельные формы статистического наблюдения ГИАЦ МВД России, сведения интернет-ресурса «Судебные и нормативные акты РФ», а также материалы иных интернет-изданий. **Результаты:** В представленной статье в качестве предмета изучения выбраны отдельные способы нарушения неприкосновенности частной жизни ввиду их значительного многообразия. В частности, были рассмотрены следующие способы совершения преступлений, подтвержденные статистическими данными: интернет, социальные сети, компьютерная техника, средства мгновенного обмена сообщением, средства мобильной связи, программные средства.

Ключевые слова: неприкосновенность частной жизни, личная тайна, семейная тайна, распространение информации, способы совершения преступлений, информационно-телекоммуникационные технологии, социальные сети

Для цитирования: Таранина Е. И. Современные способы нарушения неприкосновенности частной жизни // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 142–150; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-142-150.

Ekaterina I. Taranina

<https://orcid.org/0000-0002-8477-9343>, 97ekaterina@mail.ru

*Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Akademik Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation*

Modern ways of violating privacy

Abstract: Introduction. The article is devoted to the study of the methods of committing crimes provided for in Article 137 of the Penal Code of the Russian Federation. Special attention is paid to the influence of information technology on the formation of individual criminal behavior: the choice of ways to commit crimes that violate privacy (in 2020-2021, 87% of cases are accounted for by information technology). A significant factor in the analysis of crimes violating privacy is the

change in the statistical accounting of the methods of committing crimes: since 2022, the forms of federal statistical observation reflect the methods of committing crimes in the field of information and telecommunications technologies provided for in Part 3 of Article 137 of the Penal Code of the Russian Federation. **Methods:** The research methodology consists of general scientific methods of cognition of social processes, in particular, the socio-legal phenomenon of crime (analysis, synthesis, deduction, induction, system-structural method, measurement, description, abstraction), as well as private scientific methods - document analysis, statistical methods. As an empirical base, separate forms of statistical observation of the Federal State Institution "Main Information and Analysis Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", information from the Internet resource "Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation", as well as information from other online publications were used. **Results:** In this article, individual ways of violating privacy are selected as the subject of study due to their significant diversity. In particular, the following methods of committing crimes, confirmed by statistical data, were considered: the Internet, social networks, computer equipment, instant messaging tools, mobile communication tools, software tools.

Keywords: privacy, personal secret, family secret, dissemination of information, methods of committing crimes, information and telecommunication technologies, social networks

For citation: Taranina E. I. Modern ways of violating privacy // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 142–150; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-142-150.

Введение

Цифровая трансформация является значимой стратегической целью Российской Федерации до 2030 года, один из показателей достижения которой – соответствие предприятий, учреждений, организаций, граждан стандартам «цифровой зрелости»¹. Наряду с социально значимыми интересами государства – повышением уровня жизни, созданием комфортной и безопасной среды для жизни – наблюдается стремительная цифровизация общественных отношений, негативным проявлением которой является контроль частной жизни граждан, зачастую носящий нелегитимный характер [1, с. 327]. В связи с этим могут быть изменены и способы совершения нарушения неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ), характеристика которых сегодня нуждается в научном описании.

Важно отметить, что право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени является конституционным правом каждого и предполагает запрет любых форм произвольного вмешательства в частную жизнь со стороны государства, а также гарантирует защиту со стороны государства от такого вмешательства третьих лиц (ст. ст. 23, 24 Конституции Российской Федерации). Проблема нарушения неприкосновенности частной жизни в последние годы имеет особую значимость, поскольку наблюдается тенденция к увеличению преступлений, предусмотренных ст. 137 УК РФ.

Методы

В настоящей статье были использованы общенаучные методы познания общественных процессов, в частности, социально-правового явления – преступности (анализ, синтез, дедукция, индукция, системно-структурный метод, измерение, описание, абстрагирование), а также частнонаучные методы – анализа документов, статистические методы. В качестве эмпирической базы были использованы отдельные формы статистического наблюдения ГИАЦ МВД России, сведения интернет-ресурса «Судебные и нормативные акты РФ», а также материалы иных интернет-изданий.

Результаты исследования

Действующая Стратегия развития информационного общества Российской Федерации до 2030 года² в качестве одного из основных принципов определяет законность и разумную достаточность при сборе, накоплении и распространении информации о гражданах и организациях.

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927/?ysclid=lradue60rr320059117 (дата обращения: 28.02.2023).

² О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 г. № 203 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/?ysclid=lradtmt9a95531477 (дата обращения: 28.02.2023).

В связи с этим законодатель полагает, что реализация иного неотчуждаемого права, предусмотренного ч. 4 статьи 29 Конституции [2, с. 102] Российской Федерации («право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом»³), допускается лишь в порядке, установленном федеральными законами, и способами, не противоречащими действующему законодательству [3, с. 92]. Конкретизируя положения действующей Конституции, п. 6 ст. 10 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ⁴ позволил определить право на свободное распространение информации не абсолютным, что также допускается отдельными положениями Конституции. Так, вышеназванным федеральным законом среди прочих ограничений введен запрет на обнародование информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность. Не вызывает сомнений, что указанная категория данных включает в себя сведения о частной жизни лица, его личной и семейной тайне, поскольку они являются объектом уголовно-правовой охраны в Российской Федерации.

Диспозиция ст. 137 УК РФ предусматривает не только само противоправное деяние, но и способы его совершения: распространение сведений в публичном выступлении, публично демонстрируемом произведении или СМИ (ч. 1 ст. 137 УК РФ), а также в информационно-телекоммуникационных сетях (ч. 3 ст. 137 УК РФ). Заметим, что обеспечить нормативное правовое закрепление всех возможных приемов и методов, используемых при нарушении неприкосновенности частной жизни, не представляется возможным ввиду их значительного разнообразия.

Вынесенное в 2018 году постановление Пленума Верховного Суда № 46⁵ позволило толковать и разъяснить дефиницию понятий «собираение...» и «распространение сведений о частной жизни лица», перечислив некоторые из общедоступных способов их осуществления. Так, например, сбор вышеуказанных сведений допускается при помощи наблюдения, прослушивания или опроса (в том числе с применением аудио-, видео-, фотосредств), копирования, похищения или приобретения сведений, являющихся документированными, а распространение – при помощи использования информационно-телекоммуникационных сетей, в т. ч. сети «Интернет».

Отдельно остановимся на специальном субъекте совершения преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 137 УК РФ, – должностном лице с использованием своего служебного положения. Ввиду того, что частную жизнь составляет «область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны государства» [4, с. 135], отметим, что сведения, составляющие врачебную, банковскую, коммерческую, налоговую, адвокатскую тайны, тайны связи, усыновления и иные виды тайн всегда указывают на определенное лицо, следовательно, также могут являться объектом разглашения. Перечисленные сведения зачастую хранятся в информационных системах государственных органов, банковских, медицинских и иных организациях, доступ к которым осуществляют лица, их получающие и обрабатывающие. В 2022 году Роскомнадзор⁶ выявил около 150 крупных «утечек» персональных данных⁷. Большая часть обращений в структурные подразделения ведомства (52 %) касалась обработки личной информации без согласия граждан. Отметим, что «имеются сведения, которые относятся к специальной категории персональных данных, и по общему правилу их можно обрабатывать только с письменного согласия субъекта» [5, с. 27].

Преступления, нарушающие неприкосновенность частной жизни, как и другие преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (гл. 19 УК РФ), ввиду наблюдающейся стремительной цифровизации и информатизации общественных

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 01 июля 2020 г. № 11-ФКЗ, от 06 октября 2022 г.) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=lr4e473g1h778200627 (дата обращения: 28.02.2023).

⁴ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/?ysclid=lr4e5uwzq2170658115 (дата обращения: 28.02.2023).

⁵ О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314616/?ysclid=lr4e8e16ov828021876 (дата обращения: 28.02.2023).

⁶ Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

⁷ РНК зафиксировал около 150 крупных утечек персональных данных в 2022 году [Электронный ресурс] // Российская газета: сайт. – URL: <https://rg.ru/2023/01/28/rkn-zafiksiroval-okolo-150-krupnyh-utechek-personalnyh-dannyh-v-2022-godu.html> (дата обращения: 10.04.2023).

отношений стали преимущественно совершаться с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) [6, с. 152]. Отметим, что такая трансформация структуры преступности является естественным изменением ввиду того, что сфера информационных технологий стала легкодоступной.

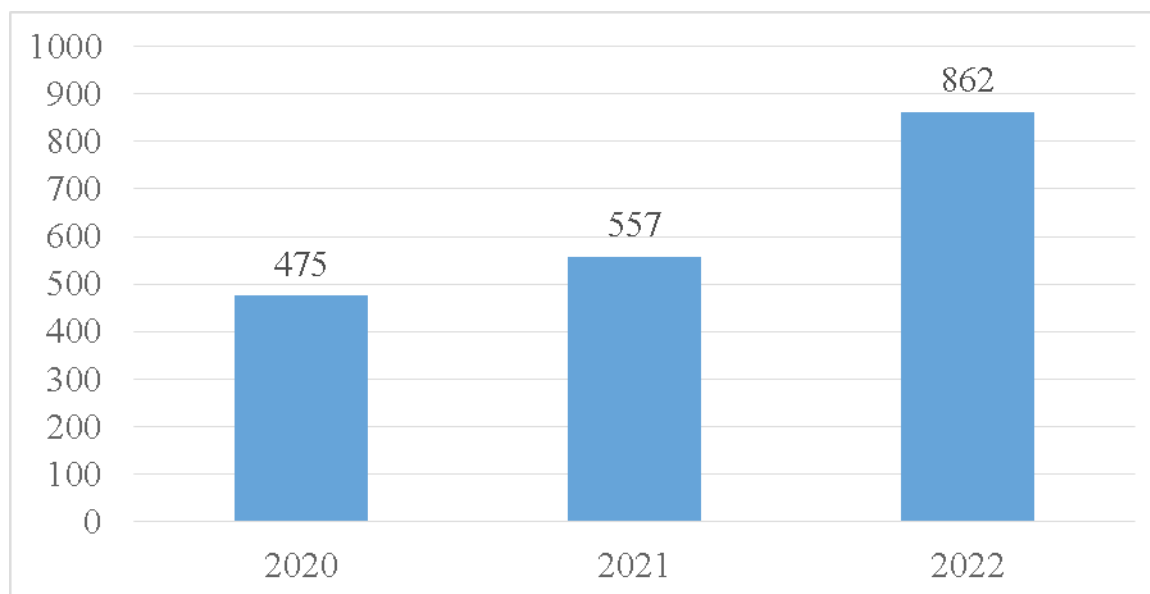

Рисунок 1. Динамика количества преступлений, предусмотренных ст. 137 УК РФ, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в 2020–2022 гг., выявленных органами внутренних дел⁸.

Анализ статистических данных, представленных на рис. 1, демонстрирует тенденцию ежегодного увеличения количества преступлений, предусмотренных ст. 137 УК РФ. Так, например, в 2020 году 63 % преступлений, предусмотренных ст. 137 УК РФ, были совершены с использованием ИТТ (всего преступлений – 754, ИТТ – 475), в 2021 г. – 60,68 % (всего – 918, ИТТ – 557), 2022 г. – 80,87 % (всего – 981, ИТТ – 862).

С увеличением количества средств и методов коммуникации и их доступности также возрастает необходимость их постоянного использования. Несмотря на то, что российский сегмент интернета появился в 1994 году [7, с. 3], пересылаемые по электронной почте фотографии, видеозаписи, сообщения и иные, ранее не описанные способы взаимодействия между субъектами, сегодня всё чаще используются в противоправных целях, оказывая деструктивное воздействие на граждан, чья неприкосновенность частной жизни гарантируется государством. Автором исследования подчеркивается, что динамичность информационных технологий, их использование в различных сферах жизни граждан не дают возможности определить точное количество способов, при помощи которых можно распространить личную или семейную тайны. Мы проанализируем лишь те способы совершения преступлений с использованием ИТТ, предусмотренных ст. 137 УК РФ, которые были выявлены органами внутренних дел и подтверждены статистическими данными. Следует отметить, что сведения о способах совершения преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий являются объектом статистического наблюдения, начиная с 2020 года, в связи с чем в представленном варианте исследования приведены и проанализированы данные только за три года (табл. 1, 2). Как было отмечено ранее, способы нарушения неприкосновенности частной жизни продолжают эволюционировать, принимать новые формы и формировать тенденции незаконного собирания и распростра-

⁸ Форма федерального статистического наблюдения № 280 кн.1 «Сводный отчет по России о результатах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также результатах деятельности структурных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, специализирующихся на противодействии преступлениям данного вида», раздел № 3 «Сведения о способах совершения преступлений с использованием или применением информационно-телекоммуникационных технологий, выявленных ОВД» за 2020–2022 гг. [Электронный ресурс] // ГИАЦ МВД России: сайт. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen?ysclid=lraecxgygc84865720 (дата обращения: 13.03.2023)

нения сведений о частной жизни лица с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Таблица 1

Сведения о способах совершения преступлений, предусмотренных ст. 137 УК РФ в 2020–2021 гг. в сфере информационно-телекоммуникационных технологий⁹

	Расчётные (пластиковые) карты	Компьютерная техника	Программные средства	Фиктивные электронные платежи	Средств мобильной связи	Сеть «Интернет»	Социальные сети	Средства мгновенного обмена сообщениями (интернет-мессенджеры)	Электронные платежные системы	Методы социальной инженерии	SIP-телефония
2020	0	116	33	0	71	444	200	57	0	1	0
2021	1	95	25	0	112	525	267	90	0	1	0
Прирост / снижение, %	–	-18,10	-24,24	–	57,75	18,24	33,50	57,89	–	0,00	–

Формы федерального статистического наблюдения ГИАЦ МВД России содержат 11 способов (табл. 1) совершения преступлений, посягающих на нарушение неприкосновенности частной жизни, совершенных с использованием ИТТ, удельный вес которых в 2021 году можно представить в виде ранжированного списка:

- интернет – 525 преступлений (47,04 %);
- социальные сети – 267 преступлений (23,92 %);
- средства мобильной связи – 112 преступлений (10,04 %);
- компьютерная техника – 95 преступлений (8,51 %);
- средства мгновенного обмена сообщениями (интернет-мессенджеры) – 90 преступлений (8,06 %);
- программные средства – 25 преступлений (2,24 %);
- расчётные (пластиковые) карты – 1 (0,09 %).

Не вызывает сомнения, что каждое второе преступление, предусмотренное ст. 137 УК РФ, за указанный период было совершено с использованием интернета. Ежегодные отчёты¹⁰ о состоянии Digital-сферы¹¹ свидетельствуют об увеличении внедрения и использования цифровых технологий в странах мира. Не исключение и Российская Федерация: по состоянию на 2022 г. 129,8 млн человек (89 % населения России) являются пользователями интернета. В 2021 г. их было 124 млн (85 % населения), в 2020-м – 118 млн (81 % населения). Отметим, что для распространения сведений, составляющих личную и семейную тайны, а также наносящих ущерб деловой репутации, не требуется тщательной подготовки и планирования, приискания средств и орудий преступления – достаточно иметь подключение к информационно-телекоммуникационной сети и сведения, подлежащие публикации. Именно поэтому у интернета большое преимущество перед всеми иными способами на-

⁹ Форма федерального статистического наблюдения ГИАЦ МВД России № 280 кн.1 за 2020-2021 гг. [Электронный ресурс] // ГИАЦ МВД России: сайт. – URL: https://xn--blaew.xn--p1ai/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen?ysclid=lracxgygc84865720 (дата обращения: 13.03.2023).

¹⁰ Отчёт Global Digital 2022 [Электронный ресурс] // Wearesocial: сайт. – URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2/> (дата обращения: 09.04.2023 г.).

¹¹ Digital-сфера (с англ.) – «цифровая сфера», то есть сфера использования информационно-телекоммуникационных технологий.

рушения неприкосновенности частной жизни в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

Социальные сети используются в 23,92 % случаев нарушения неприкосновенности частной жизни. Отчёт упомянутых выше исследовательских компаний We Are Social и Kerios¹² показывает, что аудитория российских социальных сетей в 2022 г. возросла на 7 млн пользователей (+ 7,1 % к 2021 г.) и составила 106 миллионов человек. 58,7 % жителей России используют социальные сети для общения с друзьями и близкими, 42,9 % – чтобы провести свободное время. Указанные выше количественные значения аудитории социальных сетей подтверждают возможность использования социальных сетей в деятельности по нарушению неприкосновенности частной жизни. Обмен сообщениями, фотографиями и видеозаписями в процессе виртуальной коммуникации между пользователями позволяет сторонам их беспрепятственно копировать, сохранять на устройство (а) или пересылать их одному лицу или группе лиц. Материалы следственно-судебной практики все чаще свидетельствуют о распространении в социальных сетях фотографий личного характера [8, с. 91], которые впоследствии в результате незаконных действий лиц публикуются в блогах открытых группах и сообществах, становясь доступными широкому кругу лиц.

Статистические данные подтверждают, что преступления, предусмотренные ст. 137 УК РФ также совершаются при помощи средств мобильной связи. Из всех способов нарушения неприкосновенности частной жизни в 2021 г. преступления, совершенные указанным способом, имеют самый высокий темп прироста (57,75 %). Сведения, составляющие личную тайну, могут быть переданы в ходе телефонного разговора или отправки СМС и MMS, что также является нарушением неприкосновенности [9, с. 225].

Очевидно, что при совершении преступлений, предусмотренных ст. 137 УК РФ, не применяются расчётные (пластиковые) карты, фиктивные электронные платежи и электронные платежные системы. Указанным способом, как правило, совершаются преступления, объектом которых являются собственность (например, ст. ст. 158, 159–159.6, 163 УК РФ), а также установленный порядок обращения кредитных и расчётных карт (ст. 187 УК РФ) [10, с. 27].

Таблица 2

Сведения о способах совершения преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 137 УК РФ в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, в 2022 г.¹³

	Расчётные (пластиковые) карты	Компьютерная техника	Программные средства	Фиктивные электронные платежи	Средства мобильной связи	Сеть «Интернет»	Социальные сети	Средства мгновенного обмена сообщениями (интернет-мессенджеры)	Электронные платежные системы	Методы социальной инженерии	SIP-телефония	DDos-атаки	Даркнет	Фишинговый поддельный сайт или ссылка
2022	0	2	0	0	1	29	16	1	0	0	0	0	0	0

Начиная с июня 2022 г. формы федерального статистического наблюдения ГИАЦ МВД России, учитывающие преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, стали содержать сведения о способах совершения преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 137 УК РФ. В связи с этим нашему статистическому анализу подлежит исчерпывающая категория граждан, в отношении которой совершаются

¹²Отчёт Global Digital 2022 [Электронный ресурс] // Wearesocial: сайт. – URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2/> (дата обращения: 09.04.2023 г.).

¹³Указ. соч. Форма федерального статистического наблюдения ГИАЦ МВД России № 280 кн.1 за 2022 г.

преступления, посягающие на нарушение неприкосновенности частной жизни с использованием способов, указанных в табл. 2. К таким лицам относятся несовершеннолетние потерпевшие, не достигшие шестнадцатилетнего возраста [11, с. 542], в отношении которых данные о причинении им физических или нравственных страданий в результате совершения преступлений были распространены публично, в том числе в СМИ или с использованием интернета.

Анализ данных табл. 2 показал, что наблюдается тесная связь между отдельными способами преступных посягательств на неприкосновенность частной жизни, совершенных в отношении несовершеннолетних в 2022 году (ч. 3 ст. 137 УК РФ), и способами совершения преступлений, предусмотренных ст. 137 УК РФ в 2020–2021 гг., в отношении всех категорий граждан. Так, например, в 2022 г. 29 преступлений (59,18 %) в отношении несовершеннолетних были совершены с использованием сети «Интернет», 16 преступлений (32,65 %) – с использованием социальных сетей. Незначительные факты фиксации демонстрируют преступления, совершенные с использованием компьютерной техники – 2 преступления (4,08 %), единичные преступления совершаются с использованием средств мобильной связи и интернет-мессенджеров.

«Заметим, что с июня 2022 года статистические формы отчетности были дополнены новыми способами совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: DDos-атаки, сети Даркнет, фишинговые поддельные сайты или ссылки. Статистическое закрепление перечисленных способов не отражает их реальную новизну, общественная опасность преступлений, совершенных при помощи трех указанных способов, была осознана обществом еще в начале-середине 2000-х годов с момента их первого описания и использования в криминальной деятельности» [12, с. 195]. Отметим, что использование сетей Даркнет является «перспективным» способом совершения преступлений, предусмотренных ст. 137 УК РФ. На форумах теневого сегмента интернета [13, с. 16] имеются сообщения о продаже сведений о частной жизни лица (паспортные данные, сведения о регистрации по месту жительства, сведения о транспортных средствах, пересечении государственной границы, данных об имеющемся имуществе), указанных в банках (базах) данных государственных органов, а также стоимость оказания услуг по предоставлению таких сведений.

Отметим, что с 1 января 2023 года предполагалось существенное изменение единого для всех органов, осуществляющих дознание, предварительное следствие и судебное производство по уголовным делам, порядка учета преступлений [14, с. 274]. Так, приказом Генеральной прокуратуры России от 9 декабря 2022 г. № 746¹⁴ с момента ввода в эксплуатацию государственной автоматизированной системы правовой статистики (ГАС ПС) установлена новая форма статистической карточки на преступление (форма № 1-ГП). Реквизит «способ совершения преступления» карточки рассматриваемой формы заполняется в соответствии со справочником, его объясняющим и конкретизирующим, одной из позиций которого являются «операции с цифровыми финансовыми активами». Правоприменительная практика использования цифровых финансовых активов и их разновидности – криптовалюты при совершении преступлений, предусмотренных ст. 137 УК РФ, сегодня отсутствует. Сведения о цифровых финансовых активах (наименование, дата приобретения, сведения об операторе информационной системы, биткоин-адрес и др.) также не подлежат распространению, в связи с чем разглашение указанных сведений может подпадать под признаки преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ. Отметим, что опытная эксплуатация ГАС ПС на данный момент приостановлена.

Заключение

В заключение отметим что преступления, предусмотренные ст. 137 УК РФ, обладают высоким уровнем латентности: лицо либо не осведомлено о нарушении в отношении него конституционного права на неприкосновенность частной жизни, либо не обращается в правоохранительные органы для защиты уже нарушенных прав. Описать и оценить способы нарушения неприкосновенности частной жизни возможно только исследуя данные ведомственной статистики и материалы правоприменительной практики.

¹⁴О государственном едином статистическом учете данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре: приказ Генеральной прокуратуры России от 09 декабря 2022 г. № 746 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433986/?ysclid=lrdfj966c904299837 (дата обращения: 28.02.2023).

В настоящей статье представлены как «традиционные» способы нарушения неприкосновенности частной жизни: наблюдение, прослушивание или опрос, копирование, похищение или приобретение сведений, являющихся документированными, так и «цифровые» – способы распространения информации о частной жизни лица при помощи информационных технологий: компьютерной техники, средств мобильной связи, интернета, социальных сетей, средств мгновенного обмена сообщениями.

Полагаем, что помимо приведенных в настоящем исследовании способов распространения личной и семейной тайны имеется значительное количество иных современных и появляющихся вновь способов совершения преступлений, предусмотренных ст. 137 УК РФ, преимущественно в сфере информационно-телекоммуникационных технологий: цифровые финансовые активы, ботнеты, использование технологий «блокчейн», которые имеют значительные недостатки при обработке персональных данных [15, с. 14].

Список литературы

1. *Таранина Е. И.* Преступления, связанные с неприкосновенностью частной жизни, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: криминологическая характеристика / Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики: сборник научных трудов. – Москва: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2022. – С. 327–331.
2. *Ефремова М. А.* Уголовно-правовая охрана информационной безопасности : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2018. – 306 с.
3. *Поперина Е. Н.* Конституционное право на неприкосновенность частной жизни в России : монография – Москва: Юрлитинформ, 2014. – 186 с.
4. *Молчанова Т. В., Таранина Е. И.* Преступления, связанные с неприкосновенностью частной жизни, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в сфере экономической деятельности // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 5. – С. 134–139.
5. *Михалевич Е. В.* Обработка персональных данных: анализ законодательства и судебной практики / Библиотечка «Российской газеты». – Москва: Издательство «Российская газета». – 2019. – № 18. – 145 с.
6. *Таранина Е. И.* Международное сотрудничество Российской Федерации и Республики Казахстан по предупреждению преступлений, связанных с неприкосновенностью частной жизни, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: сборник по результатам международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью, приуроченной к 20-летию Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя». – Москва: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2022. – С. 159–164.
7. *Диков А. В.* Эволюция Интернета от начала до наших дней и далее // Школьные технологии. – 2019. – № 2. – С. 3–8.
8. *Кадников Б. Н.* Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни: научно-практическое пособие. – Москва: Юриспруденция, 2011. – 119 с.
9. *Мамонова Ю. А.* Криминальная угроза как элемент механизма преступления против неприкосновенности частной жизни // Вестник Костромского государственного университета. – 2014. – № 6. – С. 224–227.
10. *Богомолов А. Н.* Уголовно-правовые меры борьбы с неправомерным оборотом и использованием средств платежей: монография / под ред. Е. Б. Кургузкиной. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 141 с.
11. *Стяжкина С. А.* Уголовно-правовая охрана частной жизни лица // Вестник Удмуртского университета. Серия. Экономика и право. – 2019. – Т. 9. – № 4. – С. 538–544.
12. *Молчанова Т. В., Таранина Е. И.* Эмпирические измерения преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 6. – С. 193–198.
13. *Дворянкин О. А.* Даркнет – темная сторона Интернета, или Неужели так всё плохо // Национальная ассоциация учёных. – 2021. – № 71-1. – С. 14–19.
14. *Ларионова Е. Ю., Голодков Ю. Э.* Государственная автоматизированная система правовой статистики (ГАС ПС) как цифровая платформа обеспечения единого статистического учета сообщений о преступлениях и результатах следственной работы // Образование и право. – 2023. – № 1. – С. 272–277.
15. *Талапина Э. В.* Закон об информации в эпоху больших данных // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. – 2020. – Т. 11. – № 1. – С. 4–18.

References

1. *Taranina Ye. I.* Prestupleniya, svyazannyye s neprikosnovennost'yu chastnoy zhizni, sovershennyye s ispol'zovaniyem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy: kriminologicheskaya kharakteristika // Sbornik nauchnykh trudov «Voprosy sovershenstvovaniya pravookhranitel'noy deyatelnosti: vzaimodeystviye nauki, normotvorchestva i praktiki». – Moskva: Moskovskiy universitet MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya, 2022. – S. 327–331.
2. *Yefremova M. A.* Ugolovno-pravovaya okhrana informatsionnoy bezopasnosti: monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2018. – 306 s.
3. *Poperina Ye. N.* Konstitutsionnoye pravo na neprikosnovennost' chastnoy zhizni v Rossii: monografiya – Moskva: Yurlitinform, 2014. – 186 s.
4. *Molchanova T. V., Taranina Ye. I.* Prestupleniya, svyazannyye s neprikosnovennost'yu chastnoy zhizni, sovershennyye s ispol'zovaniyem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy v sfere ekonomicheskoy deyatelnosti // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2022. – № 5. – S. 134–139.
5. *Mikhalevich Ye. V.* Obrabotka personal'nykh dannykh: analiz zakonodatel'stva i sudebnoy praktiki / Bibliotekha «Rossiyskoy gazety». – Moskva: Izdatel'stvo «Rossiyskaya gazeta». – 2019. – № 18. – 145 s.
6. *Taranina Ye. I.* Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Kazakhstan po preduprezhdeniyu prestupleniy, svyazannykh s neprikosnovennost'yu chastnoy zhizni, sovershennykh s ispol'zovaniyem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy // Sbornik po rezul'tatam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nyye problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva v bor'be s prestupnost'yu, priurochennoy k 20-letiyu Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya») – Moskva: Moskovskiy universitet MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya, 2022. – S. 159–164.
7. *Dikov A. V.* Evolyutsiya Interneta ot nachala do nashikh dney i daleye // Zhurnal «Shkol'nyye tekhnologii» . – № 2. – 2019. – S. 3–8.
8. *Kadnikov B. N.* Ugolovno-pravovaya okhrana neprikosnovennosti chastnoy zhizni: nauchno-prakticheskoye posobiye. – Moskva: Yurisprudentsiya, 2011. – 119 s.
9. *Mamonova Yu. A.* Kriminal'naya ugroza kak element mekhanizma prestupleniya protiv neprikosnovennosti chastnoy zhizni // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – № 6. – 2014. – S. 224–227.
10. *Bogomolov A. N.* Ugolovno-pravovyye mery bor'by s nepravomernym oborotom i ispol'zovaniyem sredstv platezhey: monografiya / pod redaktsiyey doktora yuridicheskikh nauk Ye. B. Kurguzkinoy. – Moskva: Yurlitinform, 2017. – 141 s.
11. *Styazhkina S. A.* Ugolovno-pravovaya okhrana chastnoy zhizni litsa // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya. Ekonomika i pravo. – T. 9. – № 4. – 2019. – S. 538–544.
12. *Molchanova T. V., Taranina Ye. I.* Empiricheskiye izmereniye prestupleniy, sovershennykh s ispol'zovaniyem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2022. – № 6. – S. 193–198.
13. *Dvoryankin O. A.* Darknet – temnaya storona Interneta ili neuzheli tak vso plokho // Natsional'naya assotsiatsiya uchonykh. – 2021. – № 71-1. – S. 14–19.
14. *Larionova Ye. Yu., Golodkov Yu. E.* Gosudarstvennaya avtomatizirovannaya sistema pravovoy statistiki (GAS PS), kak tsifrovaya platforma obespecheniya yedinogo statisticheskogo ucheta soobshcheniy o prestupleniyakh i rezul'tatakh sledstvennoy raboty // Zhurnal «Obrazovaniye i pravo» . – № 1. – 2023. – S. 272–277.
15. *Talapina E. V.* Zakon ob informatsii v epokhu bol'shikh dannykh // Vestnik SPbGU. Seriya 14. Pravo. 2020. – T. 11. – № 1. – S. 4–18.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 12.11.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted April 10, 2023; approved after reviewing November 12, 2023; accepted for publication January 10, 2024.

Научная статья
УДК 343
doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-151-159

Сергей Николаевич Титов

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0009-0007-5855-673X>, s.n.titov@yandex.ru

Ульяновский государственный педагогический университет

имени И. Н. Ульянова

Российская Федерация, 432700, Ульяновск, пл. Ленина, д. 4

Может ли использование информационных технологий быть квалифицирующим признаком преступлений против интеллектуальной собственности?

Аннотация: **Введение.** Настоящая статья посвящена проблеме учета использования информационных технологий при совершении преступлений против интеллектуальной собственности. Этот вопрос рассмотрен автором в трех аспектах – использование при совершении преступлений компьютерной информации; информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», и использование при совершении преступлений технологий искусственного интеллекта. **Методы.** В работе применены методы формальной логики, системно-структурного анализа, большое внимание уделяется исследованию материалов судебной практики. **Результаты.** Автор приходит к выводу, что использование информационных технологий должно повлечь более строгую ответственность в тех случаях, когда оно существенно облегчает совершение преступления, ведет к расширению числа получателей деструктивной информации или незаконных товаров и веществ и в перспективе способно увеличить число совершаемых преступлений. По итогам проведенного исследования автором получены результаты, выраженные в конкретных предложениях по совершенствованию уголовного законодательства в сфере интеллектуальной собственности. Автор предлагает включить в отдельные статьи о преступлениях против интеллектуальной собственности квалифицирующий признак «деяние, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», либо с использованием систем искусственного интеллекта».

Ключевые слова: уголовная ответственность; интеллектуальная собственность; искусственный интеллект; интеллектуальные права; посяательства на интеллектуальную собственность

Для цитирования: Титов С. Н. Может ли использование информационных технологий быть квалифицирующим признаком преступлений против интеллектуальной собственности? // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 151–159; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-151-159.

Sergey N. Titov

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0009-0007-5855-673X>, s.n.titov@yandex.ru

Ulyanovsk State Pedagogical University

named after I. N. Ulyanov

4, pl. Lenina, Ulyanovsk, 432700, Russian Federation

Can the use of information technology be a qualifying feature of offences against intellectual property?

Abstract: Introduction. The present article is devoted to the issue of registration of the use of information technologies in committing offences against intellectual property. This issue is considered by the author in three aspects - the use of computer information in the committing offences; information and telecommunication networks, including the Internet; and the use of artificial intelligence technologies in committing offences. **Methods.** The methods of formal logic, system-structural analysis are applied in the research, the main attention is paid to the analysis of materials of judicial practice. **Results.** The author concludes that the use of information technology should lead to stricter liability in cases where it significantly simplifies crime committing, leads to an increased number of recipients of destructive information or illicit goods and substances, and has the potential to raise the number of offences committed. Based on the results of the research, the author formulates specific proposals to improve criminal legislation in the field of intellectual property. The author proposes to include in separate articles on offences against intellectual property the qualifying feature "an act committed with the use of information and telecommunication networks, including the Internet, or with the use of artificial intelligence systems".

Keywords: criminal liability; intellectual property; artificial intelligence; intellectual rights; intellectual property infringement

For citation: Titov S. N. Can the use of information technology be a qualifying feature of offences against intellectual property? // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 151–159; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-151-159.

Введение

М. Д. Шаргородский в конце 1960-х годов писал: «Право в современном обществе не может и не должно отставать от научного и технического прогресса» [1, с. 385].

Сегодня для уголовного права важнейшим следствием этого прогресса является массовое развитие информационных технологий. По данным МВД России, в 2022 году с использованием кибертехнологий совершалось каждое четвертое преступление в стране¹. На данную проблему был вынужден обратить внимание Президент России. Выступая на расширенном заседании коллегии МВД, глава государства отметил, что за последние 6 лет число преступлений в сфере информационных технологий возросло более чем в 10 раз².

Специалистами отмечается высокий уровень компьютерных преступлений в сфере электронной коммерции [2, с. 6]. В информационной сфере сегодня возобладали деструктивные процессы [3, с. 98], а преступники используют роботов и искусственный интеллект для совершения преступлений, в том числе тяжких преступлений против личности [4, с. 169].

На момент вступления в силу Уголовного кодекса Российской Федерации в нем не сохранилось упоминания об информационных технологиях. По истечении 25 лет они только в качестве квалифицирующего признака указаны в 27 составах преступлений (таблица 1).

При этом в российской науке и документах стратегического государственного планирования отсутствует ясное концептуальное понимание того, насколько сильно и в каких направлениях должно измениться уголовное право под влиянием «виртуализации» жизни, развития систем обработки и передачи информации, а также систем искусственного интеллекта [5, с. 93].

Это говорит не просто об актуальности, а о злободневности исследования вопросов уголовно-правового противодействия киберпреступлениям. Чрезвычайно важны эти вопросы относительно преступлений против интеллектуальной собственности, поскольку последняя представляет собой информацию, а значит крайне подвержена незаконному использованию, изменению и передаче с помощью информационных технологий.

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 г. [Электронный ресурс] // Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/35396677/> (дата обращения: 29.04.2023).

² Расширенное заседание коллегии МВД России [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65090> (дата обращения: 29.04.2023).

В пункте 2 статьи 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³ приводится весьма широкое понятие информационных технологий, которыми признаются процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов.

Ввиду столь широкого законодательного определения следует конкретизировать, в каких аспектах следует исследовать вопросы, связанные с использованием таких технологий при совершении преступлений против интеллектуальной собственности. Представляется, что таких аспектов три: использование при совершении преступлений компьютерной информации, информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», и использование при совершении преступлений технологий искусственного интеллекта.

Целью настоящей работы является выработка предложений по учету использования информационных технологий при совершении преступлений против интеллектуальной собственности, в том числе предложений о внесении изменений в действующее уголовное законодательство.

Методы

Методологическую основу данного исследования составил диалектический метод познания. Дополнительно были использованы различные общие и частные научные методы, в первую очередь анализ и синтез, системно-структурный и формально-логический методы, исследование и обобщение судебной практики.

Материалами исследования послужили нормы уголовного законодательства Российской Федерации, материалы судебной и правоприменительной практики, научная литература.

Результаты

Исходя из пункта 1 примечаний к ст. 272 УК РФ, под компьютерной информацией понимаются любые сведения (сообщения, данные), представленные в виде электрических сигналов.

С понятием компьютерной информации тесно связано понятие компьютерного преступления, под которым понимают любое преступление, которое может быть совершено с использованием компьютера [6, с. 1181], либо как незаконные действия, совершенные посредством электронных операций и направленные против безопасности компьютерных систем или обрабатываемых ими данных [7, с. 324], либо как преступления в сфере компьютерной информации, уголовная ответственность за которые предусмотрена в гл. 28 УК РФ [8, с. 8].

Поскольку интеллектуальная собственность зачастую представлена в виде компьютерной информации, неправомерные манипуляции с последней ставят вопрос о квалификации соответствующих деяний. Ответственность за неправомерные действия с компьютерной информацией предусмотрена нормами главы 28 УК РФ. Из содержащихся в ней составов наиболее вероятными деяниями, сопряженными с преступлениями против интеллектуальной собственности, являются неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) и создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ).

Вопрос о квалификации незаконных действий в отношении интеллектуальной собственности, сопряженных с преступлениями в сфере компьютерной информации, решен Пленумом Верховного Суда Российской Федерации следующим образом. Если действия, оцениваемые как преступления в сфере компьютерной информации, были способом совершения преступления против интеллектуальной собственности, квалификация осуществляется по совокупности преступлений⁴. Аналогичный подход должен, очевидно, применяться и в отношении прав на средства индивидуализации и секреты производства.

Иначе обстоит дело с использованием информационных систем. В настоящее время использование сетей никак не учитывается в составах преступлений против интеллектуальной собственности. Между тем повышенная общественная опасность совершения преступления таким способом не вызывает сомнений.

Под информационно-телекоммуникационной сетью понимается технологическая система, предназначенная для передачи информации по линиям связи⁵.

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Российская газета. – № 165. 29.07.2006.

⁴ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL: https://vsrf.ru/documents/own/?category=resolutions_plenum_supreme_court_russian&year=2022 (дата обращения: 10.02.2023).

⁵ Там же.

**Использование информационных технологий
как квалифицирующий признак преступления в УК РФ**

№ п/п	Состав	Признак
1	ч. 2 ст. 110, ч. 3 ст. 110 ¹ , ч. 2 ст. 110 ² , ч. 2 ст. 151 ² УК РФ	То же деяние, совершенное в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)
2	ч. 2 ст. 128 УК РФ	Клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации либо совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»
3	ч. 3 ст. 133, ч. 3 ст. 242, ч. 2 ст. 242 ¹ , ч. 2 ст. 280, ч. 2, 4 ст. 354 ¹ УК РФ	Деяние, предусмотренное частью второй настоящей статьи, если оно совершено с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»
4	ч. 2 ст. 205 ² , ч. 11 ст. 238 ¹ , ч. 11 ст. 258 ¹ , ч. 2 ст. 280 ⁴ УК РФ	Те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»
5	ч. 3, 5 ст. 222, ч. 3, ч. 5 ст. 222 ¹ , ч. 3, 5 ст. 222 ² УК РФ	Деяния, предусмотренные частью первой/второй настоящей статьи, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»
6	ч. 2 ст. 228 ¹ , ч. 2 ст. 280 ¹ УК РФ	Сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)
7	ч. 2 ст. 230, ч. 2 ст. 242 ² УК РФ	То же деяние, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)
8	ч. 2 ст. 245, ч. 2 ст. 258 ¹ УК РФ	То же деяние, совершенное с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)

В УК РФ квалифицирующий признак преступления, связанный с использованием информационных технологий, встречается в восьми формулировках (табл. 1). Нельзя не оценить как порок юридической техники использование слов «электронные и информационно-телекоммуникационные сети» в одних составах и «информационно-телекоммуникационные сети» в других. Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в 2022 году было дано разъяснение, что это одно и то же⁶. К чему авторами законов в текст включено указание «электронные сети» и почему не выдержано единообразие в формулировках квалифицированного признака, остается неясным.

В целом все восемь формулировок близки по значению. Они встречаются в составах преступлений, которые предполагают какую-либо коммуникацию – распространение, передачу информации, призывы и т. п. Значение информационных технологий заключается в облегчении такой коммуникации, ее ускорении, если требуется, в расширении аудитории. Воспользовавшись такими возможностями, преступник с большей легкостью способен осуществить преступный замысел, что говорит об увеличении его разрушительной силы в отношении объекта преступления, а значит, об увеличении опасности совершаемого деяния.

⁶ Там же.

Использование сетей повышает степень общественной опасности деяния за счет упрощения совершения деяния, анонимности преступников, а также массовости, быстрой и глубины проникновения негативного информационного воздействия на общество [9, с. 56].

Указанные обстоятельства становятся основанием для предложений о расширении использования данного способа как квалифицирующего признака в тексте уголовного закона [9, с. 56–57], и даже законопроектов о дополнении соответствующим пунктом списка универсальных отягчающих обстоятельств⁷.

Использование информационных технологий приводит к высокой латентности преступлений. По некоторым данным, она достигает в этом случае до 90 % [10, с. 45]. Это существенно ослабляет возможности частной превенции и увеличивает привлекательность продолжения преступной деятельности, что является еще одним поводом для усиления ответственности за такие преступления.

В то же время стоит избегать повального внедрения такого квалифицирующего признака в уголовный закон. Как и любые изменения, такие законодательные решения должны быть обоснованными и не вызывать сомнений. Это предполагает выработку четких, понятных, применимых на практике и научно обоснованных подходов к введению такого квалифицирующего признака. Эти подходы должны выражаться в критериях, показывающих, что подобное законодательное решение назрело.

В законотворческой практике последних лет имеются удачные примеры на этот счет. К таковым можно отнести квалифицированные составы сбыта наркотических средств, клеветы, склонения к потреблению наркотических средств, жестокого обращения с животными и др.

В этих преступлениях использование сети облегчает передачу информации, расширяет аудиторию преступника, повышает его анонимность, делает неважным место его нахождения, упрощает обмен денежными средствами.

Согласимся здесь с Е. А. Русскевичем в том, что квалифицирующий признак должен вводиться в тех случаях, когда использование информационных технологий способно привести к повышению общественно опасных последствий [11, с. 78].

Стоит только уточнить, что при рассмотрении вопроса криминализации в этой части нужно не только оценивать опасность каждого отдельного преступления, но и криминологическую перспективу, возможность увеличения числа и опасности совершаемых преступлений в случае непринятия необходимых мер уголовно-правового противодействия.

Нелишним будет в связи с этим отметить, что превентивная криминализация в настоящее время приобретает все большее значение, о чем говорит анализ вносимых в уголовный закон изменений последнего десятилетия [12, с. 125].

Таким образом, использование информационных технологий должно признаваться квалифицирующим признаком преступления тогда, когда оно существенно облегчает его совершение, ведет к расширению числа получателей деструктивной информации или незаконных товаров и веществ и в перспективе способно увеличить число совершаемых преступлений.

Среди составов преступлений против интеллектуальной собственности можно отметить следующие варианты описания преступного деяния:

- 1) присвоение авторства (ч. 1 ст. 146, ч. 1 ст. 147 УК РФ);
- 2) принуждение к соавторству (ч. 1 ст. 147 УК РФ);
- 3) незаконное использование объекта интеллектуальной собственности (ч. 2 ст. 146, ч. 1 ст. 147, ч. 1 и ч. 2 ст. 180, ч. 2 ст. 183 УК РФ);
- 4) приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров объектов интеллектуальной собственности (ч. 2 ст. 146 УК РФ);
- 5) разглашение сущности объекта промышленной собственности (ч. 1 ст. 147 УК РФ);
- 6) незаконное собирание сведений, составляющих коммерческую тайну (ч. 1 ст. 183 УК РФ);
- 7) незаконное разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну (ч. 2 ст. 183 УК РФ).

В отношении статьи 183 УК РФ нужно обратить внимание на то, что из всех видов тайн, указанных в этой статье и других статьях УК РФ, только коммерческая тайна является объектом интеллектуальной собственности, что следует из ст. 1465 ГК РФ. По этой же причине нельзя отнести к преступлениям против интеллектуальной собственности разглашение государственной тайны (ст. 283 УК РФ). В отношении последнего из указанных составов

⁷ Добрикова Е. Использование Интернета при совершении преступлений предлагают отнести к отягчающим обстоятельствам [Электронный ресурс] // Доступ из ИПП «Гарант.ру»: сайт. – URL: <https://www.garant.ru/news/722335/> (дата обращения: 10.02.2023).

следует также заметить, что объектом этого преступления являются отношения, связанные с основами конституционного строя, а не с оборотом интеллектуальной собственности.

Представляется, что составы плагиата и разглашения сущности объектов промышленной собственности, во всяком случае, в настоящее время, не соответствуют описанным выше критериям введения квалифицированного состава, связанного с использованием информационных технологий. Еще одним аргументом здесь может быть нулевая статистика преступности по этим статьям⁸.

Зато этим критериям вполне соответствуют незаконное использование объекта интеллектуальной собственности и приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров объектов интеллектуальной собственности. Типичными для данной категории дел являются следующие обстоятельства.

31 января 2020 г. М. осуществил копирование с неустановленного сайта в сети «Интернет» контрафактной версии дистрибутивов программного продукта стоимостью 1 108 200 рублей. Указанными действиями М. незаконно приобрел указанные программные продукты и стал незаконно хранить с целью сбыта. 8 февраля 2020 г. М. осуществил незаконную установку и копирование программных продуктов Б., участвующего в проведении проверочной закупки. Своими действиями М. незаконно использовал объекты авторского права, незаконно приобрел и хранил с целью сбыта контрафактные экземпляры произведений в особо крупном размере⁹.

В данном примере сеть «Интернет» явилась источником получения виновным контрафактной продукции и способом связи с клиентом. Это в точности соответствует критерию облегчения совершения преступления, описанному нами выше.

В отношении незаконного собирания сведений, составляющих коммерческую тайну, и незаконного разглашения сведений, составляющих коммерческую тайну, хотелось бы прокомментировать позицию Е. А. Русскевича. Автор полагает, что разглашение коммерческой тайны, совершенное путем передачи документов, и разглашение коммерческой тайны через электронное письмо, имеют равную опасность [11, с. 77]. При подобном кратком изложении обстоятельств вывод не вызывает возражений. Однако обратимся к реальному уголовному делу.

Будучи зарегистрированным в социальной сети *Telegram* и не установленном в ходе предварительного следствия интернет-форуме, Л. стал предлагать свои услуги как работника ПАО «Сбербанк России», имеющего доступ к базе клиентов банка, по передаче персональных данных о клиентах ПАО «Сбербанк России», которые относятся к категории банковской тайны, за денежное вознаграждение. После чего ответил согласием на предложение неустановленного следствием лица, с сетевым псевдонимом «Сервис» о передаче сведений о клиенте ПАО «Сбербанк России» за денежное вознаграждение. Далее Л. получил сведения по счету клиента ПАО «Сбербанк» и посредством программы для быстрого обмена сообщениями *Telegram* через сеть «Интернет» совершил разглашение неустановленному лицу этих сведений¹⁰.

В данном случае сеть «Интернет», а также мессенджер *Telegram* имеют определяющее значение для совершения преступления – как источник получения клиентов для возмездной передачи тайных сведений, как инструмент достижения сговора («сделки» с клиентом), как средство передачи этих сведений и, наконец, как гарантия анонимности (обратим внимание, что клиент остался неизвестен).

Зададимся вопросом: пошел бы Л. на совершение преступления, если бы ему предстояло передавать коммерческую тайну на бумажном носителе при личной встрече с клиентом и получить там же вознаграждение наличными деньгами? Весьма вероятно, что опасность быть застигнутым на месте совершения преступления, возможность встречи со случайными свидетелями, попадания на камеры видеонаблюдения, перспектива свидания с клиентом, который в этом случае запомнил бы его внешность, а также перспектива оставить множество других следов отпугнули бы злоумышленника.

⁸ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год [Электронный ресурс] // Судебный департамент РФ: сайт. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 30.04.2023).

⁹ Приговор Дмитровградского городского суда Ульяновской области от 23 апреля 2020 г. по делу № 1-166\2020 [Электронный ресурс] // Дмитровградский городской суд Ульяновской области: сайт. – URL: <http://dimitrovgradskiy.uln.sudrf.ru/> (дата обращения: 30.04.2023).

¹⁰ Приговор Промышленного районного суда г. Ставрополя от 14 ноября 2019 г. по делу № 1-1151/19 [Электронный ресурс] // Дмитровградский городской суд Ульяновской области: сайт. – URL: <http://promyshlenny.stv.sudrf.ru/> (дата обращения: 30.04.2023).

Те же вопросы можно задать в отношении клиента. Весьма логично предположить, что на личную встречу с неизвестным человеком для участия в незаконной передаче сведений (пусть даже в качестве получателя) пойдет далеко не каждый. А вот в условиях анонимности подобные предложения вполне могут найти широкую клиентуру.

Добавим к обозначенным выше вопросам еще один: откуда взялся бы этот клиент? Ведь вся «бизнес-идея» Л. была основана на поиске заинтересованных лиц через интернет.

Если исходить из того, что опасность деяния прямо зависит от степени вероятности наступления общественно опасных последствий [13, с. 102], а также из общего подхода к квалифицирующим признакам, описанного нами выше, использование информационных технологий в составах, связанных с незаконными действиями в отношении коммерческой тайны, необходимо, поскольку такое использование несет в себе потенциал облегчения совершения преступления и увеличения числа таких преступлений.

Таким образом, предлагается включить использование сети «Интернет» в качестве квалифицирующего признака незаконного использования объектов интеллектуальной собственности, приобретения, хранения, перевозки контрафактных экземпляров объектов интеллектуальной собственности, незаконного собирания и разглашения сведений, составляющих коммерческую тайну.

В отношении этих же составов стоит рассмотреть вопрос об усилении ответственности при использовании систем искусственного интеллекта.

Технологии искусственного интеллекта в настоящее время получают взрывное развитие. В нашей стране это связано и с экономическими, и с техническими причинами, и с позицией руководства страны, оказывающего всемерную поддержку этим процессам. На международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению *Artificial Intelligence Journey 2022* на тему «Технологии искусственного интеллекта для обеспечения экономического роста» Президент России В. В. Путин заявил: «Задача нового этапа в горизонте текущего десятилетия – обеспечить именно массовое внедрение искусственного интеллекта. Оно должно охватить все отрасли экономики, социальной сферы и систему госуправления»¹¹.

Несомненными являются достижения в этой области. В то же время технологии искусственного интеллекта, имеющие неоспоримое значение для социальной сферы и экономики, являются эффективным вредоносным орудием в руках преступников.

С. Б. Вепрев и С. А. Нестерович пишут, что преступники заинтересованы, чтобы их преступную работу выполнили информационные системы с искусственным интеллектом, а они получили от ее работы прибыль и оставались вне подозрения правоохранительных органов [14, с. 378].

И. Р. Бегишев, З. И. Хисамова выделяют два вида криминологических рисков применения искусственного интеллекта – прямой и косвенный. Прямой риск связан с непосредственным действием на человека и гражданина той или иной опасности, вызванной применением искусственного интеллекта. Косвенный связан с непреднамеренными опасностями в контексте применения таких систем [15, с. 775].

Представляется, что в случае с интеллектуальной собственностью применение технологий искусственного интеллекта должно быть учтено как квалифицирующий признак преступления, поскольку способно многократно увеличить общественную опасность деяния, будучи потенциально не ограничено в масштабах получения, обработки и распространения информации.

При этом использование искусственного интеллекта и применение при совершении преступления вредоносной компьютерной программы не являются совпадающими понятиями. Это видно хотя бы по определению этих средств: программа есть совокупность данных и команд¹², а искусственный интеллект представляет собой технологию имитации когнитивных функций человека¹³.

¹¹ Выступление В. В. Путина на международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению *Artificial Intelligence Journey 2022* на тему «Технологии искусственного интеллекта для обеспечения экономического роста» [Электронный ресурс] Сайт Президента России. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69927> (дата обращения: 10.02.2023).

¹² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL: https://vsrf.ru/documents/own/?category=resolutions_plenum_supreme_court_russian&year=2022 (дата обращения: 10.02.2023).

¹³ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 // Сохранение законодательства Российской Федерации от 14 октября 2019 г. – № 41. – Ст. 5700.

Заключение

Таким образом, использование информационных технологий должно влечь более строгую ответственность в тех случаях, когда оно существенно облегчает совершение преступления, ведет к расширению числа получателей деструктивной информации или незаконных товаров и веществ и в перспективе способно увеличить число совершаемых преступлений.

Квалифицирующий признак преступлений против интеллектуальной собственности, связанный с использованием информационных технологий, может быть сформулирован следующим образом: «Деяние, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», либо с использованием систем искусственного интеллекта».

Список литературы

1. Шаргородский М. Д. Избранные работы по уголовному праву. – Санкт-Петербург: Юридический центр, 2003. – 434 с.
2. Журкина О. В., Филиппова Е. О. Проблемы предупреждения мошенничества в сфере компьютерной информации // Российский судья. – 2022. – № 12. – С. 6–9.
3. Расторопов С. В., Шахрай С. С. Определение общего понятия состава преступлений в сфере компьютерной информации в контексте анализа действующего уголовного законодательства // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 9. – С. 97–104.
4. Грачева Ю. В., Арямов А. А. Роботизация и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 6. – С. 169–178.
5. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. – Москва: Проспект, 2014. – 296 с.
6. Broadhead S. The contemporary cybercrime ecosystem: A multidisciplinary overview of the state of affairs and developments // Computer Law and Security Review. – 2018. – Vol. 34. – Iss. 6. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3272270 (дата обращения: 12.07.2023).
7. Скляр С. В., Евдокимов К. Н. Современные подходы к определению понятия, структуры и сущности компьютерной преступности в Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2016. – Т. 10. – № 2. – С. 322–329.
8. Жижина М. В., Завьялова Д. В. Содержание преступлений в сфере компьютерной информации в России и зарубежных странах как основа создания единой методики расследования // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2022. – № 3. – С. 6–9.
9. Косарев М. Н. Информационно-телекоммуникационные сети как признак преступления // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2014. – № 2. – С. 56–57.
10. Рассолов И. М. Киберпреступность: понятие, основные черты, формы проявления // Юридический мир. – 2008. – № 2. – С. 44–46.
11. Русскевич Е. А. Уголовное право и информатизация // Журнал российского права. – 2017. – № 8. – С. 73–79.
12. Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex russica (Русский закон). – 2023. – № 76 (1). – С. 110–125.
13. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. – Москва: Госюриздат, 1960. – 244 с.
14. Венрев С. Б., Нестерович С. А. О некоторых криминальных направлениях в использовании искусственного интеллекта // Вестник науки. – 2019. – № 6 (15). – Т. 2. – С. 377–383.
15. Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Криминологические риски применения искусственного интеллекта // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 6. – С. 767–775.

References

1. Shargorodskiy M. D. Izbrannyye raboty po ugovolnomu pravu. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr, 2003. – 434 s.
2. Zhurkina O. V., Filippova Ye. O. Problemy preduprezhdeniya moshennichestva v sfere komp'yuternoy informatsii // Rossiyskiy sud'ya. – 2022. – № 12. – S. 6–9.

3. *Rastoropov S. V., Shakhray S. S.* Opredeleniye obshchego ponyatiya sostava prestupleniy v sfere komp'yuternoy informatsii v kontekste analiza deystvuyushchego ugolovno-zakonodatel'stva // Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii. – 2010. – № 9. – S. 97–104.
4. *Gracheva Yu. V., Aryamov A. A.* Robotizatsiya i iskusstvennyy intellekt: ugolovno-pravovyye riski v sfere obshchestvennoy bezopasnosti // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. – 2020. – № 6. – S. 169–178.
5. *Babayev M. M., Pudovochkin Yu. Ye.* Problemy rossiyskoy ugolovnoy politiki. – Moskva: Prospekt, 2014. – 296 s.
6. *Broadhead S.* The contemporary cybercrime ecosystem: A multidisciplinary overview of the state of affairs and developments // Computer Law and Security Review. – 2018. – Vol. 34. – Iss. 6. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3272270 (data obrashcheniya: 12.07.2023).
7. *Sklyarov S. V., Yevdokimov K. N.* Sovremennyye podkhody k opredeleniyu ponyatiya, struktury i sushchnosti komp'yuternoy prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii // Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. – 2016. – T. 10. – № 2. – S. 322–329.
8. *Zhizhina M. V., Zav'yalova D. V.* Soderzhaniye prestupleniy v sfere komp'yuternoy informatsii v Rossii i zarubezhnykh stranakh kak osnova sozdaniya yedinoy metodiki rassledovaniya // Mezhdunarodnoye ugolovnoye pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya. – 2022. – № 3. – S. 6–9.
9. *Kosarev M. N.* Informatsionno-telekommunikatsionnyye seti kak priznak prestupleniya // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2014. – № 2. – S. 56–57.
10. *Rassolov I. M.* Kiberprestupnost': ponyatiye, osnovnyye cherty, formy proyavleniya // Yuridicheskiy mir. – 2008. – № 2. – S. 44–46.
11. *Russkevich Ye. A.* Ugolovnoye pravo i informatizatsiya // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2017. – № 8. – S. 73–79.
12. *Pudovochkin Yu. Ye., Babayev M. M.* Sovremennoye normotvorchestvo kak osnova formirovaniya novoy teorii kriminalizatsii // Lex russica (Russkiy zakon). – 2023. – № 76 (1). – S. 110–125.
13. *Kudryavtsev V. N.* Ob'yektivnaya storona prestupleniya. – Moskva: Gosyurizdat, 1960. – 244 s.
14. *Veprev S. B., Nesterovich S. A.* O nekotorykh kriminal'nykh napravleniyakh v ispol'zovanii iskusstvennogo intellekta // Vestnik nauki. – 2019. – № 6 (15). – T. 2. – S. 377–383.
15. *Begishev I. R., Khisamova Z. I.* Kriminologicheskiye riski primeneniya iskusstvennogo intellekta // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. – 2018. – T. 12. – № 6. – S. 767–775.

Статья поступила в редакцию 10.07.2023; одобрена после рецензирования 12.09.2023; принята к публикации 01.02.2024.

The article was submitted July 10, 2023; approved after reviewing September 12, 2023; accepted for publication February 1, 2024.

Научная статья

УДК 343.97

doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-160-171

Динар Минзеферович Фарахийев

<http://orcid.org/0000-0001-6419-7701>, dfarakhiev@mail.ru

Управление экономической безопасности и противодействия коррупции

МВД по Республике Татарстан

Российская Федерация, 420012, Республика Татарстан,

Казань, ул. Лобачевского, д. 9/30

Направления организованной преступной деятельности в современных реалиях

Аннотация: **Введение.** Сегодня особую опасность представляют преступления, совершаемые участниками организованной преступной деятельности. Принимая во внимание обстановку, складывающуюся в России, и развитие информационно-телекоммуникационных технологий, автор полагает, что назрела необходимость исследования данного вопроса.

Цель: в настоящем исследовании рассматриваются основные направления организованной преступной деятельности, в том числе сложившиеся в процессе развития информационных технологий. **Методы:** методологической основой является всеобщий диалектический метод познания противодействия организованной преступности в процессе развития общественных отношений и цифровизации. Автором при написании статьи были использованы общенаучные (логический, системно-структурный) и частнонаучные (изучение правовой статистики и нормативных правовых актов, анализ информационных ресурсов) методы познания. Материалами исследования послужили нормативные правовые акты и научная литература, посвященные современным способам борьбы с организованной преступной деятельностью, а также данные о состоянии преступности на территории Российской Федерации и правоприменительная практика по исследуемой проблеме. **Результаты:** в проведенном исследовании анализируются современные направления организованной преступной деятельности. Большое внимание уделяется незаконному обороту наркотиков, оружия, использованию информационного пространства в деятельности организованных преступных структур. Отдельного рассмотрения заслуживает коррупционный аспект организованной преступной деятельности. На основе проведенного исследования автором предлагаются меры по противодействию современным направлениям организованной преступности.

Ключевые слова: организованная преступность, направления, преступное сообщество, преступная организация, организованное преступное формирование, цифровизация, предупреждение

Для цитирования: Фарахийев Д. М. Направления организованной преступной деятельности в современных реалиях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 160–171; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-160-171.

Dinar M. Farakhiev

<http://orcid.org/0000-0001-6419-7701>, dfarakhiev@mail.ru

*The Directorate of Economic Security and Anti-Corruption of the MIA of Internal Affairs
for the Republic of Tatarstan*

9/30, Lobachevsky str., Rep. Tatarstan, Kazan, 420012, Russian Federation

Tendencies of the organized criminal activity in the current reality

Abstract: Introduction. At present days the crimes being committed by the members of the organized criminal activities introduce a special danger. Taking into account the current environment in Russia and the development of Information and Communications Technology (ICT) the author considers that there is the necessity to study this issue. **The aim of study:** The main areas of the organized criminal activities, including those having been composed in the process of developing informational technologies, are examined. **Methods:** The methodological basis of the study is a universal dialectical method of cognition of counteraction to the organized crime in the process of developing the public relations and digitalization. The author of the article uses the general scientific (logical, system-structural) and particular scientific (the study of law statistics and normative legal acts, analysis of informational resources) methods of cognition. The research materials are the normative acts and scientific literature concerning the modern methods of fighting against the organized crime and also data about the criminal situation at the territory of the Russian Federation and law enforcement practice on the researched problem. **Results:** In this research the modern methods of fighting against the organized crime are analyzed. A great attention is paid to illegal drug trafficking, weapon trafficking, the use of informational technologies in the activities of the organized criminal structures. Special consideration should be given to the corruptive aspect of organized criminal activity. On the base of the author's research measures against the current organized crimes are offered.

Keywords: organized crime, tendencies, criminal community, criminal organization, organized criminal groups, digitalization, prevention

For citation: Farahiev D. M. Tendencies of the organized criminal activity in the current reality // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024. – № 1 (101). – P. 160–171; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-160-171.

Введение

Нарушая нормальное функционирование общественных и социально-экономических институтов, организованная преступная деятельность ставит под угрозу усилия по трансформации экономической и политической систем в Российской Федерации, что приводит к потере доверия к проводимым реформам. Реальные масштабы организованной преступности в нашей стране ставят общество в положение жертвы, унижают человеческое достоинство, получая в то же время огромные доходы от своей противоправной деятельности.

Внедряясь в органы государственной власти, в частности, в правоохранительные органы, участники организованной преступной деятельности всерьез заявляют о своих преступных намерениях, сохраняя конспиративность, налаживая связи с должностными лицами органов власти. Организованная преступность играет заметную роль во всех сферах жизни общества, оставляя негативный отпечаток на социальных, экономических, финансово-правовых отношениях.

К сожалению, в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) нет специального раздела или главы, посвященной организованной преступной деятельности. Следует отметить, что организованная преступность в ее различных проявлениях посягает на общественную безопасность, жизнь и здоровье граждан, собственность, нарушает нормальное функционирование государственных, коммерческих и иных организаций и общественных объединений¹. Таким образом, организованная преступная деятельность затрагивает множество объектов преступного посягательства. На наш взгляд, к основополагающим нормам исследуемых категорий преступлений следует относить ст. ст. 210, 210¹ УК РФ, в сочетании: п. «а» ч. 4 ст. 162, ст. ст. 205, 205¹–205⁵, 208, 209, 282–282⁴ УК РФ и пр.

В работе исследуются основные направления современной организованной преступности: мошенничество; преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов; преступления, совершаемые с использованием

¹ О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101362/ (дата обращения: 12.12.2022).

информационно-телекоммуникационных технологий, и преступления коррупционной направленности.

В 2022 году на территории Российской Федерации было выявлено (зарегистрировано):

1) 343,1 тыс. преступлений, связанных с мошенничеством;

2) 177,7 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов;

3) 522,1 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации;

4) 35,3 тыс. преступлений коррупционной направленности².

Для наглядности предлагаем рассмотреть статистические данные по исследуемым преступлениям за последние пять лет (рис. 1):

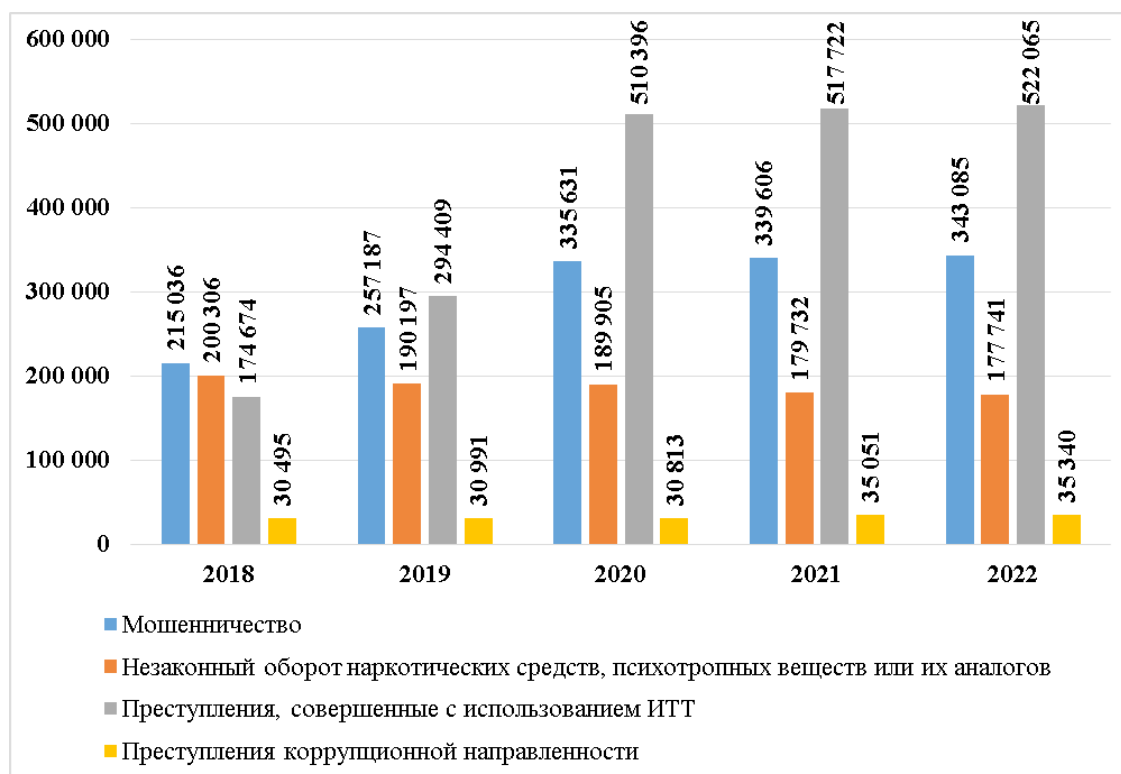

Рис. 1. Количество зарегистрированных преступлений на территории Российской Федерации за 2018–2022 гг., связанных с мошенничеством, наркопреступлениями, киберпреступностью и коррупцией

Материалы и методы

Методологическую основу настоящего исследования составил общенаучный диалектический метод познания. В процессе исследования автором использовались структурно-логический метод, а также методы сравнения, уголовно-правового и сравнительного анализа. Эмпирической базой настоящего исследования послужили материалы уголовных дел и правоприменительной практики по преступлениям, связанным с организованной преступностью.

В ходе расширенного заседания МВД России в 2022 г. глава МВД России В. А. Колокольцев отметил, что большое внимание уделялось выявлению преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенных организованными преступными структурами. Также министр призвал к активизации деятельности по ликвидации организованных групп и сообществ, в частности, имеющих транснациональные связи: «Доказана причастность к совершению более 20 тысяч криминальных посягательств. К ответственности привлечено 35 лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Во взаимодействии с Федеральной службой безопасности

² Состояние преступности в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России: сайт. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 15.01.2022).

и Следственным комитетом пресечена деятельность почти 250 организованных преступных групп, сформированных по этническому принципу»³.

Результаты исследования

МВД России особое внимание уделяет противодействию организованной преступности. Согласно статистическим данным, за 2022 год на территории Российской Федерации выявлено 13 270 лиц, совершивших преступления в составе организованных групп или преступных сообществ (+ 11,4 %). Организованными группами или преступными сообществами совершено 26 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+ 21,4 %), причем их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий возрос с 9,3 % в 2021 году до 10,5 %⁴.

Организованная преступность – сложное многогранное социальное негативное явление, характеризующееся множеством противоправных проявлений, внутренних компонентов и отношений [1, с. 110]. В своих исследованиях П. В. Эзрохин предлагает авторское определение организованной преступности. По его мнению, организованная преступность представляет собой «относительно массовое социально-экономическое, правовое и криминологическое явление, заключающееся в постоянном функционировании на определенной территории и в отдельных отраслях экономики и бизнеса ОП и ПС, в том числе банд, обладающих ярко выраженной иерархической структурой, занимающихся подготовкой, совершением и сокрытием преимущественно тяжких и особо тяжких преступлений как промыслом, извлекающих на постоянной основе доход от организованной преступной деятельности общеуголовной и экономической направленности, вовлекающих в систему преступных связей государственных чиновников, служащих и сотрудников правоохранительных органов» [2, с. 76].

Сущностные признаки, характеризующие организованную преступную деятельность, А. И. Долгова усматривает в том, что общественная, экономическая, национальная и политическая сферы жизни настолько объединены тесными связями, что в конечном счете целью их является осуществление подмены государства, контроль над ним, который позволит использовать все ресурсы для незаконного получения прибыли [3, с. 6]. А. И. Долгова полагает, что организованная преступность – это сложно структурированная системная модель, включающая множество разнообразных криминальных групп, характеризующихся вариативной криминальной направленностью: в ее основе лежит скрупулезная подготовка необходимых условий, которые предусматривают использование и собственных структур, и структур государства, и ресурсов гражданского общества [3, с. 68]. Следует отметить, что практическое применение такого понятия, как «организованная преступность», сопровождается определенными трудностями, что обусловливается нормативными, теоретическими и практическими разногласиями между специалистами, пытающимися выстроить терминологические границы между категориями «организованная преступность», «организованная группа», «организованная преступная группа» и «преступное сообщество», нашедшими четкую регламентацию в ст. 35 УК РФ в виде форм соучастия, из которых наибольшим негативно-деструктивным потенциалом обладают «организованная группа и преступное сообщество (преступная организация)»⁵. С уголовно-правовой точки зрения организованная преступность представляет собой уголовно наказуемую деятельность лиц, осуществляемую на профессиональном уровне и являющуюся основанием для обогащения лица или группы лиц [4, с. 73]. Именно поэтому граждане объединяются в организованные группы и преступные сообщества (преступные организации). Преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

В настоящее время значительная часть организованной преступной деятельности переместилась в новые развивающиеся сферы деятельности общества. С развитием инновационных технологий в области компьютерной техники и информационно-телекоммуни-

³ Расширенное заседание коллегии МВД России. 17 февраля 2022 года [Электронный ресурс] // Администрация Президента России: сайт. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67795> (дата обращения: 15.12.2022).

⁴ Состояние преступности в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России: сайт. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 15.01.2022).

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

кационных технологий открылись возможности для возникновения и совершенствования организованной преступной деятельности. С одной стороны, появляются масштабные возможности осуществления преступной деятельности в информационном пространстве и (или) посредством инновационных технологий, используя последние в качестве орудия преступных посягательства (к примеру, ст. ст. 159, 228, 228¹, 272 УК РФ); с другой – информационное пространство и (или) инновационные технологии активно применяются для формирования, осуществления и взаимодействия организованных преступных структур как на федеральном, так и на транснациональном уровне [5, с. 18].

В современных условиях значительную трансформацию претерпел прежде всего качественный состав организованных структур преступной деятельности [6, с. 116]. Организованная деятельность преступных структур подразумевает конспиративную преступную деятельность, в ходе которой посредством иерархических структур осуществляется планирование противоправных действий. Следует отметить, что конспиративный характер является особенностью нынешних форм организованной преступной деятельности. Организованной преступности свойственно отмывание денежных средств, хищения и манипуляции, а также вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий, для чего преступники привлекают высококлассных специалистов в IT-области. Кроме того, данные сообщества используют методы насилия и угроз.

Взаимосвязь организованной преступной деятельности с мошенничеством

Мошенничество характеризуется тем, что, проникая во все сферы общественной жизни, адаптируется к трансформирующимся условиям рынка, приобретая яркий интеллектуальный оттенок. Преступная деятельность организованных групп и преступных сообществ, направленная на совершение мошеннических действий, характеризуется высокой адаптивностью к трансформирующейся социально-экономической обстановке в стране.

Доходы от указанных действий, совершаемых организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), являются одним из основных источников их финансирования. Как правило, преступная деятельность организованных преступных сообществ распространяется на территорию нескольких регионов. В ряде случаев злоумышленники действуют под прикрытием коммерческих организаций⁶. Так, в конце декабря 2021 года в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий установлены и задержаны четверо жителей Ульяновской области, которые в арендованном доме на территории пос. Вознесение г. Казани организовали преступный «колл-центр».

На наш взгляд, преступные «колл-центры» – это отдельная тема, представляющая интерес для всех правоохранительных органов. В настоящее время наблюдается тенденция к увеличению преступных «колл-центров», которые находятся за пределами Российской Федерации. К примеру, в городе Набережные Челны Республики Татарстан полицейские зафиксировали более 10 эпизодов мошенничеств под предлогом «родственник попал в дорожно-транспортное происшествие». В процессе осуществления оперативно-розыскных и иных мероприятий, оперативниками был задержан так называемый курьер, который получал денежные средства и перенаправлял их остальным участникам организованной группы.

Следует отметить, что характерной чертой мошенничества, совершенного организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), является устойчивый характер. Под устойчивостью в исследуемой проблеме следует понимать сохранение целостности при осуществлении преступной деятельности продолжительное время для достижения единой цели.

Взаимосвязь организованной преступной деятельности с наркопреступностью

В. С. Овчинский, описывая международный тренд «цифровизации» и «виртуализации» всего и вся», отметил, что трансфер организованной преступности в киберсреду делает ее практически неуязвимой «для “старых” – национальных и офлайн-органов правопорядка» криминальной системой [7, с. 2]. Более концептуально опасным следует признать то, что криминальное проникновение в киберпространство уничтожает невидимые, но достаточные для экспертов грани «между войной (включая гибридную, далее – ГВ), терроризмом и преступностью» [7, с. 377].

⁶ Ирина Волк: В Башкортостане завершено расследование дела о преступном сообществе мошенников [Электронный ресурс] // Информационный интернет-портал «МВД Медиа»: сайт. – URL: <https://mvdmedia.ru/news/ofitsialnyy-predstavitel/irina-volk-v-bashkortostane-zaversheno-rassledovanie-dela-o-prestupnom-soobshchestve-moshennikov/> (дата обращения: 10.08.2023).

Ежегодно Президент РФ В. В. Путин отмечает необходимость эффективного предупреждения вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков и в экстремистские акции⁷. В данном контексте целесообразно обратиться к результатам авторского исследования Г. Р. Фарахиевой, изучающей вовлечение несовершеннолетних в наркопреступность. Согласно результатам исследования автора, «несовершеннолетние отметили, что в интернет-пространстве они встречались с “опасным контентом”, склоняющим пользователей к совершению противозаконных действий, – 53 %, вызывающим пристрастие к употреблению наркотических веществ, алкогольных и табачных изделий, а также втягивающим пользователей в иную криминогенную сферу (проституцию, игорный бизнес и др.) – 37 %, склоняющим к совершению самоубийства – 10 %» [8, с. 558].

На наш взгляд, несовершеннолетние являются категорией лиц, наиболее подверженных опасности, на которых оказывают воздействие организованные преступные структуры.

Взаимосвязь организованной преступной деятельности с коррупционной преступностью

Наряду с вовлечением несовершеннолетних в организованную преступность и воздействием на них со стороны участников организованной преступной деятельности, большое внимание уделяется коррупционной составляющей, которая характерна для лидеров и лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Наличие коррупционных связей отражает уровень организованности преступников, придает общей структуре закрытый характер и не является самоцелью. По мнению Ю. Н. Жданова, «в этом и заключается принцип так называемой мафии, которая представляет собой неразделимый сращенный конгломерат из “воров в законе”, олигархов, представителей органов власти и силовых структур. То есть чиновники являются “крышей” для криминальных сообществ. А те чувствуют себя безнаказанными, имея влиятельных покровителей в региональных и федеральных структурах власти»⁸.

Приведем пример связи организованной преступной деятельности и должностных лиц органов власти – дело «Цапков». 4 ноября 2010 года бандиты во главе с Сергеем Цапком вошли в дом Сервера Аметова и расстреляли всех, кто там находился. По словам Сергея Цапка, фермер Аметов мешал ему вести бизнес и подрывал авторитет. По мнению органов предварительного расследования, основной версией является взрыв газа, в результате чего начался пожар. В последующем было установлено, что у всех погибших имелись колото-резаные раны. Это преступление вызвало большой общественный резонанс⁹. Следует отметить, что основное внимание здесь уделяется коррупционной составляющей. Как позже было установлено, бывшая жена заместителя генпрокурора Ольга Лопатина владела долей в компании «...» совместно с супругами Сергея Цапка и Вячеслава Цеповяза¹⁰.

В своих исследованиях Ю. Н. Жданов отмечает, что вышеуказанной группировке не нужна власть в прямом смысле этого слова, они «покупали» должностных лиц органов власти¹¹. Следует отметить, что участниками этой группировки являлись предприниматели и бизнесмены, которые обладали коррупцированными связями с должностными лицами органов власти, в том числе органов внутренних дел и суда.

Говоря о коррупционной составляющей сотрудников правоохранительных органов, И. В. Краснов отметил, что из общего числа коррупционных преступлений около 70 % совершаются именно сотрудниками органов внутренних дел. Например, в июле 2022 года вступил в законную силу приговор суда в отношении заместителя начальника следственной части по расследованию организованной преступной деятельности ГСУ ГУ МВД России по Воронежской области. Также широкий общественный резонанс вызвало уголовное дело в отношении одного из руководителей подразделения Главного управления уголовного розыска МВД России, который, действуя в составе организованной группы, получил около 25,5 млн рублей. И это только часть взятки, сумма которой должна была составить

⁷ Расширенное заседание коллегии МВД России. 17 февраля 2022 года [Электронный ресурс] // Администрация Президента России: сайт. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67795> (дата обращения: 15.12.2022).

⁸ Юрий Жданов: Организованная преступность оказывает услуги онлайн [Электронный ресурс] // Российская газета: сайт. – URL: <https://rg.ru/2021/10/14/organizovannaia-prestupnost-okazyvaet-uslugi-onlajn.html> (дата обращения: 15.12.2022).

⁹ Массовое убийство в станице Кушевской (2010) [Электронный ресурс] // МИА «Россия сегодня»: сайт. – URL: <https://ria.ru/20201104/ubiystvo-1582646242.html> (дата обращения: 15.12.2022).

¹⁰ Фигурант расследования Навального отрицает связь с «бандой Цапков» [Электронный ресурс] // АО «Бизнес Ньюс Медиа»: сайт. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/12/02/619345-figurant-navalnogo> (дата обращения: 15.12.2022).

¹¹ См.: Юрий Жданов: Организованная преступность оказывает услуги онлайн.

\$500 тыс. Со своей стороны, он обещал не направлять в следственные органы материалы оперативно-розыскной деятельности в отношении одного из фигурантов¹².

Преступными структурами коррупция используется для того, чтобы обеспечить рентабельное и безопасное функционирование, сформировать положительные внешние условия в целях извлечения прибыли от связи с должностными лицами органов власти [9, с. 206].

В Ростове-на-Дону был осужден начальник отдела экономической безопасности и противодействия коррупции, который получал денежное вознаграждение за игнорирование незаконной игровой деятельности и покровительство взяточдателей¹³.

Как пример, можно привести приговор Приволжского районного суда г. Казани, вынесенный в отношении гр. П. и гр. Р. Согласно материалам уголовного дела, гр. П. являлся начальником отдела по борьбе с групповой преступностью и раскрытию преступлений, связанных с иностранными гражданами. Гр. П. находился в близких отношениях с гр. Н., который при встрече сообщил гр. П. о том, что он является подозреваемым по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, и сказал, что обеспокоен этим. Гр. Н. узнал, что оперативное сопровождение предварительного расследования по данному уголовному делу осуществляет отдел по борьбе с организованной преступностью, возглавляемый гр. Р., и сообщил об этом гр. П.

Гр. П. в свою очередь обещал оказать содействие в решении возникшей проблемы путем передачи взятки гр. Р., с которым он находился в дружеских отношениях.

При личной встрече гр. П. сообщил гр. Р. о возникшей ситуации, и разузнал, имеется ли у него возможность «решить» вопрос со следственными подразделениями за денежное вознаграждение. Гр. Р. ответил, что сможет. Сумма вознаграждения составляла 7 000 000 рублей.

Однако преступная цель не была достигнута, подозреваемый гр. Н. стал сомневаться в гр. Р., и гр. П., решил, что они занимаются мошенничеством, а не решением существующей проблемы, поэтому сообщил об этом в правоохранительные органы, в результате чего оба фигуранта были задержаны¹⁴.

Следует отметить, что в правоприменительной практике имеются случаи взяточничества посредством криптовалюты. Однако, несмотря на размер взяточничества, данные преступления увеличивают уровень общественной опасности, так как использование криптовалюты часто свидетельствует о связи с организованной преступной деятельностью.

Организованная преступность год за годом перетекает в информационное пространство. В 2021 году была разоблачена организованное преступное сообщество, руководителем которого являлся житель г. Ижевска Сергей Магданов – администратор online-магазина в сети DarkNet. Участники сообщества занимались незаконным оборотом оружия в сети «Интернет», а также совершали заказные убийства. Несмотря на то, что магазин находился в сети DarkNet, оперативники МВД и ФСБ России смогли вычислить его владельца и задержать¹⁵.

Взаимосвязь организованной преступной деятельности с киберпреступностью

В своей диссертации М. А. Иващенко исследует новое направление организованной преступной деятельности – совершение преступлений с использованием искусственного интеллекта¹⁶. Использование информационно-коммуникационных технологий, в том числе искусственного интеллекта оперативными подразделениями, может быть эффективным только в том случае, если они носят комплексный и системный характер [10, с. 60]. М. А. Иващенко отмечает: «Особое значение ... имеет такой вид субъектов, как создатели искусственного интеллекта, заранее объединившиеся в организованную преступную группу для совершения или содействия совершению преступлений, деятельность которых может выступать основанием уголовной ответственности. Искусственный интеллект, соз-

¹² Игорь Краснов: мы «бьем по рукам» за коррупцию и намерены продолжить это делать [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС: сайт. – URL: <https://tass.ru/interviews/16540865> (дата обращения: 15.12.2022).

¹³ Экс-начальника отдела по борьбе с коррупцией в РО осудили за взятку [Электронный ресурс] // АО «Росбизнесконсалтинг»: сайт. – URL: <https://rostov.rbc.ru/rostov/freeNews/5dc16fc99a7947cead5a320d> (дата обращения: 12.12.2022).

¹⁴ Приговор Приволжского районного суд г. Казани Республика Татарстан № 1-159/2019 1-7/2020 от 25 февраля 2020 г. по делу № 1-159/2019 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/№wIjQQi0HoY/> (дата обращения: 12.12.2022).

¹⁵ Интернет-магазин особых заказов: как лидер филиала партии «Оплот России» создал ОПГ киллеров [Электронный ресурс] // АО «Ньюс медиа»: сайт. – URL: <https://life.ru/p/1434592> (дата обращения: 15.12.2022).

¹⁶ Иващенко М. А. Новые формы организованной преступности: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2022. – С. 97.

данный исключительно в противоправных целях, представляет значительно более высокую степень общественной опасности»¹⁷.

Также характерной чертой организованной преступной деятельности выступает ее трансграничный характер, выход за границу Российской Федерации и международные преступные связи, что ставит вопрос сопоставления организованной преступной деятельности и совершения террористических актов на территории нашей страны.

25 августа 2021 года Федеральная служба безопасности России в ходе спецоперации задержала в ряде регионов страны 31 главаря и участника межрегиональной структуры террористической организации «Катиба Таухид валь-Джихад», запрещенной в России. По данным Федеральной службы безопасности России, члены ячейки осуществляли вербовку и переправку рекрутов в зоны боевых действий, занимались финансированием находящихся в Сирии участников террористической структуры, а также призывали к совершению преступлений террористического характера¹⁸.

В 2015 году лондонским Международным институтом стратегических исследований предложено определение термина «гибридная агрессия (война)», часто применяемого в НАТО, сущность которого сводится к использованию военных и иных инструментов в интегрированном комплексе мероприятий, направленных на достижение внезапности, захват инициативы, получение психологических преимуществ, применяемых в дипломатических действиях, масштабных и стремительных кибероперациях, келейных и отвлекающих разведывательных, диверсионных и военных действий в сочетании с экономическим давлением [11, с. 168].

Следует отметить, что с началом проведения РФ специальной военной операции описанный инструментарий ведущейся против России гибридной войны максимально активизирован и выведен из келейного состояния [12, с. 123]. Борьба с данными негативными проявлениями – это эффективное и одно из основных направлений, обеспечивающее формирование правового государства, соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Рассмотрев сущность, значение и особенности современных направлений организованной преступной деятельности, необходимо перейти к мерам предупреждения.

Заключение

Поскольку в нашей стране наблюдается тенденция к активизации вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий, в том числе в организованную преступность, основным направлением предупредительной деятельности является воздействие именно на молодежь, а конкретнее – на ее социальную среду.

Рассматривая применяемые в нашей стране предупредительные меры в исследуемой сфере, можно сделать вывод, что действия органов власти представляют собой последовательную программу реализации положений стратегии борьбы с организованной преступностью в России, и прежде всего на уровне руководителей высшей криминальной иерархии.

В 2019 году УК РФ претерпел ряд изменений. Так, была введена в действие ст. 210¹ УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» и изменена действующая ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)»¹⁹.

Основным направлением борьбы с организованной преступной деятельностью является статистический анализ, на основе которого возможно определить причинно-следственную связь между процессами и явлениями, установить незаконные источники их функционирования и деятельности организованных преступных структур и пр. Наряду со статистическим анализом, большое внимание уделяется сетевому анализу, который масштабно применяет сведения, которые поступают от биллинговых компаний, систем платежа, камер видеонаблюдения и т. п.²⁰

Специалисты объясняют необходимость применения указанных средств и методов именно в сфере борьбы с организованной преступностью тем, что «работа с финансовыми базами данных является главным аналитическим инструментом по борьбе с организованной преступностью. Именно в сфере легальных банковских и иных финансовых переводов эффективнее всего бороться с организованной преступностью как на стадии расследова-

¹⁷ Там же. – С. 115.

¹⁸ ФСБ задержала 31 участника террористической организации «Катиба Таухид валь-Джихад» [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС: сайт. – URL: <https://tass.ru/proisshestviya/12214035> (дата обращения: 15.12.2022).

¹⁹ Указ. соч. Уголовный кодекс Российской Федерации. – Ст. 2954.

²⁰ Мировой опыт выявления мафии с помощью современных методов работы с данными [Электронный ресурс] // Электронный вестник ветеранских и общественных организаций Уральского федерального округа: сайт. – URL: <https://www.putin-today.ru/archives/77234> (дата обращения: 12.12.2022).

ния преступлений, так и на прогнозной стадии. В настоящее время есть, по меньшей мере, три эффективных комплекса, которые позволяют проводить электронный финансовый анализ с использованием алгоритмов ИИ. Это – американская система Palantir, европейский программный комплекс ePoolice и британская финансовая платформа NFC. Похожие комплексы уже действуют у нас в стране»²¹.

Отсюда следует вывод, что современная организованная преступная деятельность обладает информационным признаком. Данный признак обеспечивает осуществление широкой и дифференцированной преступности в стране. Призыв организованных преступных структур к применению средств анонимизации противоправной деятельности требует особого внимания со стороны криминологической науки и правоприменительной практики. На наш взгляд, необходимо расширять границы криминологического познания предупреждения организованной преступной деятельности: причинного комплекса, механизма преступного поведения, личностных качеств участников организованных преступных структур и лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Приобретенные знания дают возможность формировать эффективные и научно обоснованные меры противодействия современным формам организованной преступной деятельности в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий [13, с. 64].

Противодействие современным формам организованной преступной деятельности строится, на наш взгляд, больше на профилактике. Понимание социально-экономической природы организованной преступности видится необходимым для выработки эффективных мер противодействия организованной преступной деятельности. К таким мерам следует отнести:

- мониторинг, прогнозирование и анализ оперативной обстановки по борьбе с организованной преступностью и ее участниками как в стране в целом, так и в отдельных ее регионах;

- разработку, внедрение и реализацию федеральной целевой программы «Предупреждение и борьба с организованной преступной деятельностью (2023–2030 годы)»;

- систематическое осуществление оперативно-розыскных, оперативно-профилактических и иных мероприятий, направленных на осуществление задач в сфере противодействия деятельности организованных преступных структур;

- совершенствование мер обеспечения государственной защиты субъектов, указанных в федеральных законах от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ²² и от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ²³ со стороны участников организованной преступной деятельности;

- усиление и совершенствование взаимодействия между органами исполнительной власти, правоохранительными органами, прокуратурой, Федеральной службой по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) и другими органами и службами.

Практическое осуществление поставленных задач предполагает выработку принципиально нового подхода для системы борьбы с организованными преступными сообществами, аккумулирующего выработанные конструктивные положения в рамках теории и апробации ее отдельных положений на практике. Данный подход предусматривает выработку теоретическо-логической модели преступности, ее основополагающих факторов с учетом основ законодательных инициатив, принципов их правового применения, а также межведомственной координации государственных институциональных структур, направленных на борьбу с преступностью, организованными группами и преступными сообществами и поддержание правопорядка [14, с. 555].

В сложившейся ситуации в процессе проведения специальной военной операции на территории Украины большое внимание в процессе противодействия организованной преступности уделяется сотрудничеству между странами – членами СНГ. В связи с этим важно сосредоточить усилия на практическом осуществлении разработанных межгосударственных программ коллективных мер противодействия современным формам организованной преступной деятельности и иным опасным видам преступности на территории государств – участников СНГ. По мнению автора, совершенствованием программно-целевого характера по противодействию организованной преступности необходимо заниматься и на федеральном уровне. Разрабатываемые меры должны соответствовать современным реалиям и поставленным задачам по выведению участников организованных преступных структур

²¹ Там же.

²² О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6425/ (дата обращения: 12.12.2022).

²³ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48959/ (дата обращения: 12.12.2022).

из-под преступного контроля, а также разработке специальных барьеров или так называемых фильтров, которые не позволят их представителям «заполучить власть».

На наш взгляд, в процессе международного и межнационального сотрудничества в сфере борьбы с организованной преступной деятельностью следует сформировать организацию или центр противодействия транснациональной организованной преступности. В целях увеличения эффективности предупредительной деятельности в исследуемой проблеме необходимо сформировать алгоритм взаимодействия правоохранительных органов государств – участников СНГ и Интерпола [15, с. 258].

В целях систематизации организационно-правовых основ борьбы с деятельностью преступных структур необходимо сформировать единую информационную базу данных о физических лицах, въехавших на территорию Российской Федерации и выехавших с территории Российской Федерации, поскольку в правоприменительной практике имеются случаи участия иностранных граждан в деятельности преступных групп, сообществ или формирований. В данном контексте следует рассмотреть мнение Ю. Н. Жданова, который считает: «Этническую преступную среду активно подпитывает нелегальная миграция... Опять же без коррумпированных чиновников организовать нелегальную миграцию невозможно. Особую опасность криминальные группы мигрантов представляют в связи с участившимися фактами вербовки граждан в террористические организации»²⁴.

Для улучшения обеспечения деятельности подразделений органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, важно оснастить их современными средствами радиосвязи, аудиоконтроля, видеодокументации и информационно-телекоммуникационных технологий [16, с. 123]. На наш взгляд, внедрение и использование информационно-телекоммуникационных технологий в процессе противодействия организованной преступности является обязательным. Необходимо также активизировать взаимодействие правоохранительных органов с IT-организациями (компаниям) в целях выявления криминогенных online-ресурсов, в частности, пропагандирующей деятельность организованных преступных структур и (или) вовлекающих в нее.

В целях совершенствования мер противодействия организованной преступной деятельности в современной России следует:

- учитывать при выработке комплекса мер постоянную динамику организованной преступной деятельности, ее латентный характер и способность быстро адаптироваться к новым условиям, в том числе трансформируя состав данных преступных сообществ;
- повышать эффективность государственной политики, направленной на борьбу с организованными преступными сообществами, посредством внедрения новой модели уголовно-правового блока с усовершенствованным механизмом противодействия преступности;
- усиливать межведомственную координацию государственных институциональных структур в поддержании правопорядка, подготовке сотрудников оперативных органов реагирования, а также систематизации организационных основ противодействия деятельности организованных преступных сообществ.

Современные формы организованной преступной деятельности активно развиваются, перетекая в информационное пространство, в результате чего организованная преступность становится изощреннее. Следует отметить, что организованная преступная деятельность проникает практически во все сферы деятельности общества, основываясь на следующих источниках финансирования: незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов; незаконный оборот оружия; осуществление незаконной деятельности в сети *DarkNet*. Большое внимание уделяется борьбе с вовлечением в деятельность организованных преступных структур несовершеннолетних, а также коррупционным связям участников организованной преступной деятельности. Нормативное регулирование противодействия современным формам организованной преступности не всегда находит отражение в практической деятельности.

Список литературы

1. Менкенов Д. Б. Организованная преступность в современной России // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. – 2020. – № 1 (40). – С. 109–112.
2. Эзрохин П. В. Современная организованная преступность в России: текущий анализ проблемы и перспективы развития теоретических основ оперативно-розыскной деятельности подразделений уголовного розыска по борьбе с организованной преступностью // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2018. – № 2 (80). – С. 63–77.

²⁴ Указ. соч. Юрий Жданов: Организованная преступность оказывает услуги онлайн.

3. Организованная преступность – 2. Проблемы, дискуссии, предложения / под ред. А. И. Долговой, С. В. Дьякова. – Москва: Криминологическая Ассоциация, 1993. – 328 с.
4. Тишкин Д. Н. Организованная преступность в России в контексте национальной безопасности : монография / под ред. Н. С. Самыгина. – Москва: Русайнс, 2016. – 124 с.
5. Шурухнов В. А. Организованная преступная деятельность как объект криминалистического исследования // Правовой альманах. – 2020. – № 4. – С. 16–23.
6. Бирюков С. Ю., Алексеева А. П. Криминалистические методы преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений, совершенных преступным сообществом // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 4 (51). – С. 115–121.
7. Овчинский В. С. Мафия: новые мировые тенденции. – Москва: Книжный мир, 2016. – 384 с.
8. Фарахиева Г. Р. Социальная среда как фактор вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021. – Т. 12. – № 4 (46). – С. 555–560.
9. Утаров К. А., Сартаева Ш. Ш. Понятие и сущность организованной преступности // Научные труды ЮКГУ им. М. Ауэзова. – 2021. – № 2 (58). – С. 203–208.
10. Фарахиев Д. М., Минзянова Д. Ф. Перспективы внедрения информационно-коммуникационных технологий в деятельность оперативных подразделений полиции по противодействию коррупции // Современная наука. – 2022. – № 1. – С. 60–63.
11. Бартош А. А. Смыслы гибридной войны // Вестник Академии военных наук. – 2017. – № 2 (59). – С. 165–172.
12. Тишкин Д. Н., Напханенко И. П., Михайлов А. В. Комплексное противодействие множественным формам организованной преступности как одно из приоритетных направлений государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности // Философия права. – 2022. – № 3 (102). – С. 119–127.
13. Андреев В. Л., Ильницкий А. С. Формы организованной преступной деятельности в теневом пространстве сети «Интернет» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 7. – С. 60–65.
14. Шакирьянов М. М. Противодействие организованной преступности: российский и зарубежный опыт // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2018. – № 2 (32). – С. 254–259.
15. Чичерин Ю. С., Лугинец Е. А. О некоторых тенденциях организованной преступности в сфере фальшивомонетничества и мерах, направленных на противодействие ее развитию (оперативно-розыскной аспект) // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – № 2 (53). – С. 117–125.
16. Максимов С. В., Васин Ю. Г. Концепт инновационной модели противодействия организованной преступности: предпосылки и возможности // Всероссийский криминологический журнал – 2020. – Т. 14. – № 4. – С. 553–569.

References

1. Menkenov D. B. Organizovannaya prestupnost' v sovremennoy Rossii // Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territoriy. – 2020. – № 1 (40). – S. 109–112.
2. Ezrokhin P. V. Sovremennaya organizovannaya prestupnost' v Rossii: tekushchiy analiz problemy i perspektivy razvitiya teoreticheskikh osnov operativno-razysknoy deyatel'nosti podrazdeleniy ugovolnogo rozyska po bor'be s organizovannoy prestupnost'yu // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2018. – № 2 (80). – S. 63–77.
3. Organizovannaya prestupnost' – 2. Problemy, diskussii, predlozheniya / pod red. A. I. Dolgovoy, S. V. D'yakova. – Moskva: Kriminologicheskaya Assotsiatsiya, 1993. – 328 s.
4. Tishkin D. N. Organizovannaya prestupnost' v Rossii v kontekste natsional'noy bezopasnosti : monografiya / pod red. N. S. Samygina. – Moskva: Rusayns, 2016. – 124 s.
5. Shurukhnov V. A. Organizovannaya prestupnaya deyatel'nost' kak ob"yekt kriminalisticheskogo issledovaniya // Pravovoy al'manakh. – 2020. – № 4. – S. 16–23.
6. Biryukov S. Yu., Alekseyeva A. P. Kriminalisticheskiye metody preodoleniya protivodeystviya raskrytiyu i rassledovaniyu prestupleniy, sovershennykh prestupnym soobshchestvom // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. – 2019. – № 4 (51). – S. 115–121.
7. Ovchinskiy V. S. Mafiya: novyye mirovyye tendentsii. – Moskva: Knizhnyy mir, 2016. – 384 s.
8. Farakhiev G. R. Sotsial'naya sreda kak faktor vovlecheniya nesovershennoletnikh v nezakonnnyy оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2021. – Т. 12. – № 4 (46). – S. 555–560.

9. *Utarov K. A., Sartayeva Sh. Sh.* Ponyatiye i sushchnost' organizovannoy prestupnosti // Nauchnyye trudy YuKGU im. M. Auezova. – 2021. – № 2 (58). – S. 203–208.
10. *Farakhiyev D. M., Minzyanova D. F.* Perspektivy vnedreniya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy v deyatelnost' operativnykh podrazdeleniy politsii po protivodeystviyu korruptsii // *Sovremennaya nauka.* – 2022. – № 1. – S. 60–63.
11. *Bartosh A. A.* Smysly gibridnoy voyny // *Vestnik Akademii voyennykh nauk.* – 2017. – № 2 (59). – S. 165–172.
12. *Tishkin D. N., Napkhanenko I. P., Mikhaylov A. V.* Kompleksnoye protivodeystviye mnozhestvennym formam organizovannoy prestupnosti kak odno iz prioritetnykh napravleniy gosudarstvennoy politiki v sfere obespecheniya natsional'noy bezopasnosti // *Filosofiya prava.* – 2022. – № 3 (102). – S. 119–127.
13. *Andreyev V. L., Il'nitskiy A. S.* Formy organizovannoy prestupnoy deyatelnosti v tenevom prostranstve seti internet // *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki.* – 2021. – № 7. – S. 60–65.
14. *Shakir'yanov M. M.* Protivodeystviye organizovannoy prestupnosti: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt // *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii.* – 2018. – № 2 (32). – S. 254–259.
15. *Chicherin Yu. S., Luginets Ye. A.* O nekotorykh tendentsiyakh organizovannoy prestupnosti v sfere fal'shivomonetnichestva i merakh, napravlennykh na protivodeystviye yeye razvitiyu (operativno-rozysknoy aspekt) // *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii.* – 2020. – № 2 (53). – S. 117–125.
16. *Maksimov S. V., Vasin Yu. G.* Kontsept **innovatsionnoy modeli protivodeystviya organizovannoy prestupnosti: predposylki i vozmozhnosti** // *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal* – 2020. – Т. 14. – № 4. – S. 553–569.

Статья поступила в редакцию 17.04.2023; одобрена после рецензирования 12.06.2023; принята к публикации 15.01.2024.

The article was submitted April 17, 2023; approved after reviewing June 12, 2023; accepted for publication January 15, 2024.

Общая педагогика, история педагогики и образования

Научная статья
УДК 378.046.4
doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-172-179

*Статья является призером конкурса публикаций
в рамках I Всероссийского конгресса
«Санкт-Петербургские встречи молодых учёных» 2023 года*

Алексей Павлович Морозов

адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0002-3557-8000>, Saitek127@mail.ru

*Ростовский юридический институт МВД России
Российская Федерация, 344015, Ростов-на-Дону, ул. Еременко, д. 83*

Методологические основы развития педагогической системы профессионального образования в образовательных организациях МВД России

Аннотация: Введение. Проблемы, связанные с развитием педагогической системы профессионального образования в образовательных организациях МВД России, актуализированы современным состоянием приемов и методов, направленных на решение задач по борьбе с антиобщественными и криминальными проявлениями, которые являются основополагающими инструментами в правоохранительной деятельности. Многие базовые аспекты педагогической системы профессионального образования (далее – ПСПО) МВД России со временем и под влиянием современного методологического инструментария переосмысливаются и получают новое наполнение в понятийном аппарате. В процессе профессиональной подготовки специалистов МВД России, основанной на процессе замещения неэффективных устаревших методов и приемов, формируются нетрадиционные педагогические технологии. В данной статье рассматривается проблема исследования на основе научных концепций и нормативно-правовой базы целевых установок по формированию личности специалиста. **Методы исследования.** Автором применялся сравнительный ана-

лиз научных работ по данной теме, научно-педагогический анализ состояния нормативно-правовой базы, состояния практики реализации системы образования МВД России, а также использовался принцип научного моделирования. Кроме этого, были реализованы различные варианты анализа (историко-ретроспективный, интерпретативный, контент-анализ). **Результаты.** Результаты исследования представлены в виде авторской модели педагогической системы профессионального образования образовательных организаций МВД России.

Ключевые слова: педагогическая система, профессиональное обучение, профессиональная подготовка, гибкое обучение, профессиональное воспитание

Для цитирования: Морозов А. П. Методологические основы развития педагогической системы профессионального образования в образовательных организациях МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 172–179; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-172-179.

The article is a prize-winner in the competition of publications within the framework of the I All-Russian Congress “St. Petersburg Meetings of Young Scientists”, 2023

Alexey P. Morozov

Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-3557-8000>, Saitek127@mail.ru

Rostov Law Institute of the MIA of Russia

83, Eremenko str., Rostov-on-Don, 344015, Russian Federation

Methodological bases for the development of pedagogical system of professional education in educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: Introduction. The problems associated with the development of the pedagogical system of professional education in educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia are actualised by the current state of techniques and methods aimed at solving the tasks of combating anti-social and criminal manifestations, which are fundamental tools in law enforcement activities. Many basic aspects of the pedagogical system of professional education of the Ministry of Internal Affairs of Russia are revised over time and under the influence of modern methodological tools and are given new content in the conceptual apparatus. In the process of professional training of specialists of the Ministry of Internal Affairs of Russia, based on the process of replacement of ineffective outdated methods and techniques, non-traditional pedagogical technologies are formed. In this article the problem of research on the basis of scientific concepts and normative-legal base of target settings for the formation of specialist’s personality is considered. **Research methods.** A comparative analysis of scientific works on this issue, scientific and pedagogical analysis of the state of the regulatory and legal framework, the state of practice of the implementation of the educational system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as well as the principle of scientific modelling was used in this article. In addition, different variants of analysis (historical and retrospective, interpretative, content analysis) were implemented. **Results.** The results of the research are presented in the form of the author’s model of pedagogical system of professional education of educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: pedagogical system, professional education, professional training, flexible training

For citation: Morozov A. P. Methodological bases for the development of pedagogical system of professional education in educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 172–179; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-172-179.

Введение

В настоящее время в стране происходят сложные экономические, политические и иные социальные процессы, которые непосредственно оказывают влияние на состояние общественной безопасности и правопорядка. Сегодня борьба с антиобщественными и криминальными проявлениями не может проводиться одними и теми же приемами и методами.

В системе профессионального образования МВД России выявлена серьезная проблема, связанная с нехваткой квалифицированных кадров, способных после окончания образовательных организаций МВД России работать в правоохранительной сфере.

Актуальность рассматриваемой темы заключается в недостаточной степени ее изученности и насущной потребности научно-теоретического осмысления.

У обучающихся в вузах Министерства внутренних дел Российской Федерации формируются индивидуальные качества и профессиональные компетенции. В этот период происходит развитие стратегического и тактического мышления, умений и навыков выполнения функциональных обязанностей командиров подразделений. Вырабатываются такие личностные качества, как ответственность, инициатива, творчество, способность выполнять оперативно-служебные задачи в любых условиях [5, с. 67–72].

Таким образом, ключевое значение приобретает создание в образовательных организациях МВД России педагогической системы профессионального образования для подготовки квалифицированных специалистов юридического, управленческого, психологического, экономического, педагогического и других профилей высшего и среднего звеньев руководителей в соответствии с актуальными проблемами современного общества.

Проблема исследования состоит в определении роли педагогической системы профессионального образования в структуре МВД России.

Для решения поставленной проблемы автор, ссылаясь на научные изыскания И. В. Горлинского, разработал педагогическую систему гибкого профессионального воспитания и обучения будущих специалистов (курсантов и слушателей) [1, с. 15–17]. В ней отражены принципы государственной политики в области образования, продублированные в законе «Об образовании» 1996 года. Кроме этого, она подробно описана в книге И. В. Горлинского «Педагогическая система гибкого обучения специалистов в вузах МВД России».

Данная система состоит из подсистемы гибкого профессионального обучения и подсистемы гибкого профессионального воспитания обучающихся и включает следующее:

1. Управление активностью воспитуемых и обучающихся, т. е. управление процессом воспитания и обучения. Речь идет о формировании единой формы взаимодействия преподавателей с курсантами и слушателями.

2. Воспитание и обучение в образовательном процессе должны гармонично сочетаться с практической и теоретической деятельностью. В рабочих программах учебных дисциплин большую часть тем целесообразно начинать с теории, а завершать практической подготовкой, т. е. строить по модульной схеме [14, с. 332–340].

3. Использование внутренних коллективообразующих факторов для формирования специальных отношений между участниками совместной деятельности.

4. Достижение наибольшей эффективности обучающими и воспитательными воздействиями в образовательном процессе, когда курсанты и слушатели выступают не как объект, а как субъект данной деятельности.

5. Создание условий для самовыражения курсантов и слушателей, не только в процессе обучения, но и в нравственно-этических действиях.

6. Учет и соответствующее распределение нагрузки на обучающихся.

Истоки сегодняшних реформ ПСПО в образовательных организациях МВД России следует искать в конце восьмидесятых, начале девяностых годов прошлого века.

Данную проблему рассматривали О. А. Мальцева [6, с. 168–171], А. П. Морозов [7, с. 237–240], Т. А. Слободчикова [9, с. 238–242], З. Р. Танаева [10, с. 18–29], Б. А. Федюлов [12, с. 34–37], А. М. Фомина [13, с. 415–418], М. В. Шустикова [15, с. 28–31] и другие ученые, которые неоднократно отмечали, что методы, приемы и способы обучения, используемые в образовательных организациях МВД России, устарели.

Кроме того, в исследованиях А. П. Морозова [5, с. 190–193], Ф. К. Зинурова¹, Е. В. Парахина [8, с. 216–217], В. А. Торопова [11, с. 77–80] представлено обоснование методологических подходов к определению инновационной деятельности в педагогической системе профессионального образования.

¹ Зиннуров Ф. К., Марданов Д. Р. Образовательные технологии в системе профессиональной подготовки курсантов учебных организаций МВД России на основе контекстного подхода. – Казань: Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – С. 120.

Методы исследования

В системе профессионального образования в МВД России выделялась педагогическая составляющая [4, с. 37–45]. Вследствие принципа инерции обучение специалистов в 19 90-х годах проводилось с использованием традиционных – устаревших, и потому неэффективных – методик обучения. Кроме того, зарубежный и отечественный педагогический опыт в образовательном процессе не использовался.

Под ПСПО (педагогической системой профессионального образования) понимается определенная совокупность неизменяющихся элементов, необходимых для создания образовательного процесса, обеспечивающего формирование специалиста для подразделений МВД России с необходимыми профессиональными умениями и качествами. Сложившаяся к настоящему времени система подготовки профессиональных кадров, прошедшая глубокую структурную модернизацию, отвечает всем требованиям, предъявляемым МВД России.

Национальная доктрина образования в России включает целеполагание как нормативно-правовой документ, регламентирующий деятельность всех структур системы образования Российской Федерации, в том числе и концепции образования, профессионального образования и педагогическую систему профессионального образования в России. В свою очередь, ПСПО включает три основных составляющих (организационно-управленческая, научно-содержательная и технологическая). Кроме этого, ПСПО содержит в себе подсистему гибкого обучения специалистов в образовательных учреждениях МВД России, подсистему профессионального воспитания, самовоспитания и развития личности будущего специалиста МВД и подсистему подготовки и повышения квалификации преподавателей для образовательных организаций системы МВД России.

Модель ПСПО в учебных заведениях МВД России и направления ее развития включают обновление федеральных государственных образовательных стандартов по циклам дисциплин, интеграцию ПСПО в мировую систему профессиональной подготовки полицейских кадров, адекватных вызовам времени, и новые технологии профессиональной подготовки специалистов МВД России с учетом передового отечественного и зарубежного опыта.

В положениях Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» отражена концептуальная основа педагогической системы профессионального образования. Что же касается федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), то они закрепляют научно-содержательную основу ПСПО в образовательных организациях. ФГОС определяют основные требования к минимуму содержания и уровня подготовки специалистов в образовательных организациях, в том числе и МВД России.

Анализируя нормативно-правовую базу системы образования России, определим принципы ПСПО.

1. Принцип инерционности. Он заключается в сохранении устаревших элементов в структурных составляющих ПСПО.

2. Принцип последовательности и преемственности развития ПСПО. Констатирует необходимость сохранения всех значимых аспектов исторически сложившейся образовательной системы и перенос их в современную систему профессионального образования.

3. Принцип гуманитарности и гуманности. Основывается на идеях педагогики сотрудничества, составляющих партнерские взаимоотношения между обучающимися и педагогами, а также руководителями. В образовательных организациях различных уровней способствует развитию самоуправления и демократизации учебно-воспитательного процесса.

4. Принцип единства региональной (ведомственной) и федеральной составляющих в ПСПО. Он предполагает использование в ПСПО ФГОС для подготовки сотрудников по разным специальностям (направлениям).

5. Принцип самоуправления, коллегиальности и единоначалия в ПСПО. Реализуется в процессе сочетания целесообразности и необходимости принятия коллегиальных и единоличных решений руководителем учебного заведения.

6. Принцип профессионально-научного развития ПСПО. Он предусматривает взаимодополнение принципов регионального самоуправления и государственного регулирования через развитие форм интеграции науки и практики, разработки и внедрения научно-практических и образовательных программ, использование данных техники и науки в педагогическом процессе.

7. Принцип единства технологического и теоретического развития ПСПО. Определяет необходимость построения ПСПО с обширным использованием различных педагогических технологий и практик воспитания и обучения.

8. Принцип непрерывности в ПСПО. Формирует условия, обеспечивающие последовательное развитие навыков профессиональной подготовки сотрудников полиции и их реализацию в процессе службы.

9. Принцип целостности развития воспитания и обучения слушателей с использованием дифференцированного подхода к различным курсам обучения. Ориентирован на выбор средств и приемов воздействия на обучающихся, а также на выбор методов и форм обучения.

10. Принцип взаимосвязи разных технологий в ПСПО. Сочетание цифровых технологий и технических средств в образовательном процессе.

11. Принцип прогнозирования в развитии ПСПО. Учет и прогнозирование зарубежного и отечественного педагогического опыта в подготовке сотрудников, а также прогнозирование новых педагогических идей.

При использовании вышеперечисленных принципов в образовательных организациях МВД России, по нашему мнению, в ПСПО произойдут существенные позитивные изменения, а именно:

- повысится научный уровень профессионального образования;
- в образовательных организациях МВД России усилится фундаментальность профессионального образования;
- за счет научно обоснованного отбора учебных дисциплин повысится профессионализм, определяющий квалификацию сотрудников;
- станут развиваться и эффективно использоваться педагогические компоненты и психологические технологии, обеспечив личностный рост и специалистов системы МВД России, и самих преподавателей;
- за счет внедрения, использования и совершенствования новых педагогических технологий и методического мастерства преподавателей возрастет качество образования;
- расширится возможность интеграции профессионального образования системы МВД России в мировую систему подготовки полицейских кадров;
- численность обучающихся в образовательных организациях МВД России увеличится;
- усилится практическая составляющая в профессиональной подготовке специалистов.

С учетом реализации определенных педагогических условий, к которым можно отнести использование интерактивных методов обучения, комплексность и системность обучения, процесс формирования профессиональных компетенций значительно ускорится.

Результаты исследования. На первом этапе исследования использован контент-анализ, в результате чего определены состояние данной проблемы в современном педагогическом дискурсе и нормативно-правовая база, касающаяся проблематики исследования.

На втором этапе поставлена цель – выявить качественное своеобразие и дать оценку вклада И. В. Горлинского в развитие теоретических основ проблематики нашего исследования. Гипотеза исследования сводилась к утверждению о том, что автор внес значительный вклад в формирование теоретических основ ПСПО МВД России. Фундаментом нашего исследования явились научные труды И. В. Горлинского, давшие импульс к началу разработки авторской модели ПСПО МВД России.

Наша модель педагогической системы профессионального образования представлена на рис. 1.

Рис. 1.

Обсуждени

Как показано в нашем исследовании, актуальность постановки проблемы определения методологических основ ПСПО определяется следующими факторами. Проведен-

ный нами на первом этапе исследования комплексный анализ педагогической системы профессионального образования, которая сформировалась в конце восьмидесятых – начале девяностых годов в образовательных организациях МВД России, показал, что у преподавателей имелась проблема правильной постановки цели к темам занятий, что, в свою очередь, затрудняло развитие активности обучающихся, снижало их познавательный интерес к теме занятия и ограничивало самостоятельность. В результате таких занятий требуемые знания программного материала обучающимися в полном объеме не были получены. Это также вызывало необходимость введения рубежного контроля дважды в семестр, ужесточение требований к обучающимся со стороны преподавателей (усиление командного стиля), а также расширение школьного метода мониторинга за успеваемостью путем выставления оценок по четырехбалльной шкале. Образовавшиеся формы обучения способствовали установлению новых правил: преподаватель – это начальник, а обучающийся – это подчиненный, и слово преподавателя – закон. Такие правила унижали обучающихся, сковывали их поведение на занятиях. Из-за боязни получить неудовлетворительную оценку обучающиеся обманывали не только преподавателей, но и самих себя, отмалчивались, были пассивны на занятиях [3, с. 240–243]. Безусловно, в тот период уровень профессиональной подготовки курсантов и слушателей нуждался в совершенствовании.

Изучение трудов И. В. Горлинского показало, что в центре его внимания находились проблемы, связанные с интерпретацией условий организации системы гибкого обучения. Представляют интерес практические занятия в режиме «участвующего обучения». Для их проведения приглашались практические сотрудники органов внутренних дел. В настоящее время этот прием используется в системе профессиональной подготовки кадров в МВД.

Заключение

Проведенный анализ дает нам возможность констатировать: большинство перечисленных тенденций образовательного процесса способствуют расширению и развитию всех элементов педагогической системы профессионального образования. Следовательно, это будет содействовать реализации системного подхода к построению целостного педагогического процесса в образовательных организациях профессионального образования МВД России.

В заключение отметим, что в процессе рассмотрения нами вопроса развития педагогической системы профессионального образования мы пришли к следующему выводу: данную систему необходимо модернизировать, точнее, обновить и расширить ее функции. Мы предлагаем выделить в ее составе воспитательную, развивающую, содержательную, управленческую, обучающую и научную функции.

Список литературы

1. *Горлинский И. В.* Новые технологии в педагогический процесс Академии управления МВД России / Сборник статей учебно-методического сбора профессорско-преподавательского и начальствующего состава Академии управления МВД России (сентябрь 1998 г.). – Москва: Академия управления МВД России, 1998. – С. 15–17.
2. *Зиннуров Ф. К., Марданов Д. Р.* Средства реализации контекстного подхода при подготовке курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России в процессе подготовки и проведения деловых игр // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 4. – С. 400–402.
3. *Конко З. У.* Исторические этапы формирования и развития системы профессионального образования в МВД России / Документ в современном обществе: соединяя пространство и время : материалы XIV Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Екатеринбург, 09–10 апреля 2021 года; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; Российский государственный профессионально-педагогический университет. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2021. – С. 240–243.
4. *Кожевина М. А.* Профессиональное образование в истории российской полиции (1718 – начало 2000-х годов) // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2018. – № 1(68). – С. 37–45.
5. *Морозов А. П.* Профессиональная подготовка сотрудников (курсантов и слушателей) в образовательных учреждениях МВД России / XXXV Международные Плехановские чте-

ния: сборник статей участников : в 4 т. РЭУ им. Г. В. Плеханова, 22–24 марта 2022 года. – Москва: Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, 2022. – Т. 2. – С. 67–72.

6. Мальцева О. А. Особенности формирования профессионально-важных качеств сотрудников для предварительного следствия в ходе профессиональной подготовки в образовательных организациях МВД России / Актуальные проблемы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. – Москва, 7 апреля 2020 г., Москва, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя 2020. – С. 168–172.

7. Морозов А. П. Исторические аспекты становления образовательного процесса в системе НКВД РСФСР / Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики : материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 27 октября 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – С. 237–240.

8. Парахина Е. В. Инновационные подходы в методике обучения курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России / Совершенствование профессиональной и физической подготовки курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств : материалы XVII Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и празднованию 20-летия образования кафедры физической подготовки, Иркутск, 10–11 июня 2015 года. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. – С. 216–217.

9. Слободчикова Т. А. Особенности педагогической образовательной системы вузов МВД России // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2018. – № 1 (155). – С. 238–242.

10. Танаева З. Р., Деккерт Д. В. Развитие профессионального мастерства сотрудников полиции в условиях дополнительного профессионального образования // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2022. – № 4 (53). – С. 18–28.

11. Торопов В. А. Реализация основных профессиональных образовательных программ в образовательной системе МВД России / Проблемы физкультурного образования в силовых ведомствах (структурах): содержание, направленность, технологии, организация : сборник статей по материалам VIII Международного научного конгресса, Санкт-Петербург, 15–16 декабря 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 77–80.

12. Федулов Б. А. Особенности реализации компетентностного подхода в образовательных организациях МВД России // Вестник учебного отдела Барнаульского юридического института МВД России. – 2020. – № 35. – С. 34–37.

13. Фомина А. М. Проблемы формирования профессиональной компетентности научно-педагогического работника системы высшего образования МВД России // Вестник науки. – 2019. – Т. 4. – № 5(14). – С. 415–418.

14. Чернецкий В. А., Кузьмин В. В., Картавцев Д. А., Ефимова А. А. Актуальность проведения практических занятий у слушателей профессиональной подготовки совместно с сотрудниками практических органов внутренних дел // Педагогический журнал. – 2021. – Т. 11. – № 4-1. 332–340.

15. Шустикова М. В. Особенности воспитательной деятельности курсантов МВД России в современном мире // Успехи гуманитарных наук. – 2021. – № 2. – С. 28–31.

References

1. Gorlinskiy I. V. Novyye tekhnologii v pedagogicheskiy protsess Akademii upravleniya MVD Rossii / Sbornik statey uchebno-metodicheskogo sbora professorsko-prepodavatel'skogo i nachal'stvuyushchego sostava Akademii upravleniya MVD Rossii (sentyabr' 1998 g.). – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 1998. – S. 15–17.

2. Zinnurov F. K., Mardanov D. R. Sredstva realizatsii kontekstnogo podkhoda pri podgotovke kursantov i slushateley obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii v protsesse podgotovki i provedeniya delovykh igr // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2019. – № 4. – S. 400–402.

3. Konko Z. U. Istoricheskiye etapy formirovaniya i razvitiya sistemy professional'nogo obrazovaniya v MVD Rossii / Dokument v sovremennom obshchestve: soyedinyaya prostranstvo i vremya : materialy XIV Vserossiyskoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Yekaterinburg, 09–10 aprelya 2021 goda; Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii, Ural'skiy federal'nyy universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B. N. Yel'tsina; Rossiyskiy gos-

darstvennyy professional'no-pedagogicheskiy universitet. – Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2021. – S. 240–243.

4. *Kozhevina M. A.* Professional'noye obrazovaniye v istorii rossiyskoy politsii (1718 – nachalo 2000-kh godov) // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2018. – № 1(68). – 37–45.

5. *Morozov A. P.* Professional'naya podgotovka sotrudnikov (kursantov i slushateley) v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh MVD Rossii / XXXV Mezhdunarodnyye Plekhanovskiye chteniya: sbornik statey uchastnikov : v 4 t. REU im. G. V. Plekhanova, 22–24 marta 2022 goda. – Moskva: Rossiyskiy ekonomicheskiy universitet im. G. V. Plekhanova, 2022. – T. 2. – S. 67–72.

6. *Mal'tseva O. A.* Osobennosti formirovaniya professional'no-vazhnykh kachestv sotrudnikov dlya **predvaritel'nogo sledstviya v khode professional'noy podgotovki v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii** / Aktual'nyye problemy sovershenstvovaniya proizvodstva predvaritel'nogo sledstviya v sovremennykh usloviyakh razvitiya ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva: sbornik nauchnykh trudov **Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii**. – Moskva, 7 aprelya 2020 g., Moskva, Moskovskiy universitet MVD Rossii imeni V. Ya. Kikoty 2020. – S. 168–172.

7. *Morozov A. P.* Istoricheskiye aspekty stanovleniya obrazovatel'nogo protsessa v sisteme NKVD RSFSR / **Pedagogika i psikhologiya v deyatelnosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: integratsiya teorii i praktiki : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii**, Sankt-Peterburg, 27 oktyabrya 2023 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – S. 237–240.

8. *Parakhina Ye. V.* Innovatsionnyye podkhody v metodike obucheniya kursantov i slushateley obrazovatel'nykh organizatsiy sistemy MVD Rossii / Sovershenstvovaniye professional'noy i fizicheskoy podgotovki kursantov, slushateley obrazovatel'nykh organizatsiy i sotrudnikov silovykh vedomstv : materialy XVII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, **posvyashchennoy 70-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg. i prazdnovaniyu 20-letiya obrazovaniya kafedry fizicheskoy podgotovki**, Irkutsk, 10–11 iyunya 2015 goda. – Irkutsk: Vostochno-Sibirskiy institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2015. – S. 216–217.

9. *Slobodchikova T. A.* Osobennosti **pedagogicheskoy obrazovatel'noy sistemy vuzov MVD Rossii** // Uchenyye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta. – 2018. – № 1 (155). – S. 238–242.

10. *Tanayeva Z. R., Dekkert D. V.* Razvitiye professional'nogo masterstva sotrudnikov politsii v usloviyakh dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya // Nauchnoye obespecheniye sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov. – 2022. – № 4 (53). – S. 18–28.

11. *Toropov V. A.* Realizatsiya osnovnykh professional'nykh obrazovatel'nykh programm v **obrazovatel'noy sisteme MVD Rossii / Problemy fizkul'turnogo obrazovaniya v silovykh vedomstvakh (strukturakh): sodержaniye, napravlennost', tekhnologii, organizatsiya** : sbornik statey po materialam VIII Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa, Sankt-Peterburg, 15–16 dekabrya 2022 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 77–80.

12. *Fedulov B. A.* Osobennosti realizatsii kompetentnostnogo podkhoda v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii // Vestnik uchebnogo otdela Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 35. – S. 34–37.

13. *Fomina A. M.* Problemy formirovaniya professional'noy kompetentnosti nauchno-pedagogicheskogo rabotnika sistemy vysshego obrazovaniya MVD Rossii // Vestnik nauki. – 2019. – T. 4. – № 5 (14). – S. 415–418.

14. *Chernetskiy V. A., Kuz'min V. V., Kartavtsev D. A., Yefimova A. A.* Aktual'nost' provedeniya prakticheskikh zanyatiy u slushateley professional'noy podgotovki sovместno s sotrudnikami prakticheskikh organov vnutrennikh del // Pedagogicheskiy zhurnal. – 2021. – T. 11. – № 4-1. 332–340.

15. *Shustikova M. V.* Osobennosti vospitatel'noy deyatelnosti kursantov MVD Rossii v sovremennom mire // Uspekhi gumanitarnykh nauk. – 2021. – № 2. – S. 28–31.

Статья поступила в редакцию 16.09.2023; одобрена после рецензирования 08.11.2023; принята к публикации 01.03.2024.

The article was submitted September 16, 2023; approved after reviewing November 8, 2023; accepted for publication March 1, 2024.

Научная статья

УДК 37.01

doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-180-189

Наталья Владимировна Ходякова

доктор педагогических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0003-4340-0744>, hodyakova@yandex.ru

Академия управления МВД России

Российская Федерация, 125993, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

Наталья Федоровна Виноградова

доктор педагогических наук, профессор

<https://orcid.org/0009-0007-8093-6237>, nfv@bk.ru

Институт стратегии развития образования

Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Жуковского, д. 16

Наталья Владимировна Сердюк

доктор педагогических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0001-5538-3406>, natalyaserduk@inbox.ru

Академия управления МВД России

Российская Федерация, 125993, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

Определение приоритетных направлений и тематики научно-педагогических исследований: критерии актуальности и субъекты

Аннотация: **Введение.** Определение приоритетных направлений и тематики научно-педагогических исследований обуславливает перспективы развития педагогической науки, содержание и характер реформирования образования, способы и средства модернизации педагогических систем, варианты трансформации подготовки педагогов и их практической деятельности. Выявление состава субъектов этой деятельности, а также критериев, которыми они руководствуются, позволит педагогам-исследователям более точно формулировать темы для своих исследований и обосновывать их актуальность. **Методы:** анализ научно-педагогической литературы и нормативных правовых актов в сфере образования и науки; систематизация результатов анализа; обобщение полученных научных представлений в форме выводов. **Результаты.** Субъектами разработки главных направлений и актуальной тематики педагогических исследований являются: российское государство и общество, министерства и ведомства, Российская академия образования, научно-педагогические школы, авторы и их научные руководители (консультанты). Соответствующими критериями, которые должны учитываться в выборе тем и обосновании их актуальности, служат приоритеты экономической политики страны, потенциал практической полезности для различных социальных групп, ведомственная обеспеченность ресурсами для проведения исследований, аналитические критерии экспертного сообщества ученых РАО, потребности развития концепций научных школ, научные интересы авторов исследований и их научных руководителей (консультантов).

Ключевые слова: научно-педагогическое исследование, тема исследования, направление исследования, субъект разработки тематики, актуальность, критерии актуальности

Для цитирования: Ходякова Н. В., Виноградова Н. Ф., Сердюк Н. В. Определение приоритетных направлений и тематики научно-педагогических исследований: критерии актуальности и субъекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 180–189; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-180-189.

Nataliya V. Khodyakova

Dr. Sci. (Ped.), Professor

<https://orcid.org/0000-0003-4340-0744>, hodyakova@yandex.ru

*Academy of Management of the MIA of Internal Affairs of Russia
8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125993, Russian Federation*

Natal'ya F. Vinogradova

Dr. Sci. (Ped.), Docent

<https://orcid.org/0009-0007-8093-6237>, nfv@bk.ru

*Institute for Education Development Strategy
16, Zhukovskogo str., Moscow, 101000, Russian Federation*

Natal'ya V. Serdyuk

Dr. Sci. (Ped.), Professor

<https://orcid.org/0000-0001-5538-3406>, natalyaserduk@inbox.ru

*Academy of Management of the MIA of Internal Affairs of Russia
8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125993, Russian Federation*

Determination of priority directions and topics of scientific and pedagogical research: criteria of relevance and subjects

Abstract: Introduction. Determination of priority directions and topics of scientific and pedagogical research determines the prospects for the development of pedagogical science, the content and nature of education reform, ways and means of pedagogical systems modernization, options for transforming teachers training and their practical activities. Identification of the subjects composition of this activity, as well as the criteria they are guided by, will allow educationalists to more accurately formulate topics for their research and justify their relevance. **Methods:** analysis of scientific and pedagogical literature and normative legal acts in the field of education and science; systematization of the analysis results; generalization of the obtained scientific ideas in the form of conclusions. **Results.** The subjects of the development of the main directions and actual topics of pedagogical research are: Russian state and society, ministries and departments, Russian Academy of Education, scientific and pedagogical schools, authors and their scientific supervisors (advisors). The relevant criteria that should be taken into account in the selection of topics and justification of their relevance are the priorities of the country's economic policy, the potential of practical usefulness for various social groups, departmental resource capability for research, analytical criteria of the expert community of RAE scientists, the needs for the development of concepts of scientific schools, scientific interests of research authors and their scientific supervisors (advisors).

Keywords: scientific and pedagogical research, research topic, research direction, subject of topic development, relevance, criteria of relevance

For citation: Khodyakova N. V., Vinogradova N. F., Serdyuk N. V. Determination of priority directions and topics of scientific and pedagogical research: criteria of relevance and subjects // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 180–189; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-180-189.

Введение

Определение актуальных направлений и тематики педагогических исследований – очевидная и очень ответственная задача. От ее решения зависят вектор и перспективы развития педагогической науки и, как следствие, содержание и характер реформирования образования, способы и средства модернизации педагогических систем, варианты трансформации подготовки педагогов и их практической деятельности.

Выявление состава субъектов этой деятельности, а также критериев, которыми они руководствуются, – проблема, отраженная в научной литературе фрагментарно. Ее более целостное решение позволит педагогам-исследователям более точно формулировать темы для своих исследований и обосновывать их актуальность.

Методы. Поиск решения поставленной проблемной задачи авторы вели в рамках анализа отечественной научно-педагогической литературы и нормативных правовых актов в сфере образования и науки. Результирующие выводы получены методами систематизации результатов анализа и научного обобщения.

Результаты. Кто же выступает в роли субъектов определения приоритетных направлений и формулирования актуальных тем педагогических исследований? Представляется, что таких субъектов несколько, и каждый из них подходит к решению данного вопроса со своими критериями, отражает в предлагаемой тематике свои собственные цели и интересы.

Главным и бесспорным субъектом формирования научной политики в той или иной стране является *государство*. Для любого государства важно, чтобы наука обеспечила как его лидерство на мировой арене, так и успешность социально-экономического развития внутри страны. Это в значительной мере относится к системе образования, которая обеспечивает формирование готовности обучающихся на разных ее ступенях к реализации стратегии развития государства, распределению ресурсов между различными отраслями или направлениями науки. Отражением участия государства в формировании научной повестки проводимых исследований служат нормативно-программные документы. Примерами могут служить Номенклатура научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени¹, «Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы)»², «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации»³ и другие документы, которые определяют *политико-экономические критерии* разработки приоритетных направлений и актуальной тематики научно-педагогических исследований.

Общество также заинтересовано в том, чтобы выполняемые учеными научно-педагогические исследования приносили конкретную пользу, решали насущные проблемы социальных групп, а соответствующая тематика исследований носила бы максимально прикладной характер. Социальный заказ на те или иные исследования обычно подкрепляется результатами социологических опросов, запросами к науке со стороны общественных организаций и априори предполагает экспертизу полученных учеными результатов со стороны массовой практики. Примерами таких субъектов определения актуальной научно-педагогической тематики и / или проблем, требующих исследовательских разработок, могут служить организации-грантодатели, организации-учредители научных конкурсов и т. п. *Прагматичные, практико-ориентированные критерии* [1], которые выдвигаются общественным субъектом, обуславливают преобладающую ориентацию исследователей на функциональность, то есть существенную практическую значимость, технологичность решений той или иной проблемы, четкие доказательства их эффективности. Высказанные положения доказывают, что при выборе направления исследования, определении его научного аппарата (темы, целей, объекта, предмета и др.) следует учитывать запросы главных субъектов, определяющих стратегические потребности в научных разработках. Особое внимание необходимо уделять оценке возможного влияния исследования на коренные изменения в практике (в широком смысле этого слова), его вклада в развитие и совершенствование всех социальных областей – от экономики и промышленности до образования и культуры. Очень важно анализировать и дополнительные критерии, какими являются затраты на научные разработки, наличие кадрового потенциала и его готовность реализовывать результаты исследований и др.

Подчеркнем, что отдельным заинтересованным в научно-педагогических исследованиях субъектом может выступать то или иное *ведомство*, проецирующее свои цели и задачи в плоскость педагогической науки. К этим ведомствам можно отнести Министерство просвещения, Министерство науки и высшего образования, Министерство обороны, Министерство внутренних дел и т. д. Представляя федеральные органы исполнительной власти

¹ Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093; приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118.

² Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы): распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 3684-р.

³ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642.

государства, они, безусловно, разделяют общегосударственные научно-исследовательские приоритеты, но в то же время заявляют и о своих специфических актуальных проблемах, подлежащих научной разработке. Так, например, в соответствии с ведомственным приказом приоритетная тематика диссертационных исследований, выполняемых в образовательных и научных организациях МВД России, должна «соответствовать направлениям деятельности органов внутренних дел, развивать теоретические основы и совершенствовать практику их деятельности»⁴. Закономерно, что ведомственные организации заинтересованы прежде всего в практическом эффекте проводимых научных исследований, поскольку совершенствование деятельности подведомственных организаций в направлении улучшения ее качества и результативности является основной функцией любого ведомства. Так, в приказе МВД России от 28 апреля 2023 г. № 260 «Об организации научной и научно-технической деятельности в системе МВД России» подчеркивается, что главным критерием выбора тем должен быть «прагматично-экономический» (экономический прагматизм), «исключающий инициирование и проведение исследований, в том числе диссертационных, по темам, не представляющим интерес для системы МВД России»⁵.

С этих объективных позиций следует особо подчеркнуть значимость деятельности подведомственных научных организаций (НИИ, научных центров, научных лабораторий, отделов и пр.), а также вневедомственных российских академий по определению тематики научных исследований, прежде всего, РАН и РАО (если речь идет о психолого-педагогических научных разработках и экспериментах).

Так, вневедомственным субъектом определения приоритетной тематики научных исследований по педагогике (дидактике, теории воспитания), педагогике высшей школы, педагогической психологии, а также других близких к педагогике наук выступает ключевой профильный экспертный, научно-методический и прогностический центр в области наук об образовании – *Российская академия образования*, по инициативе которой в 2022 г. диссертационные советы и организации сформулировали 3350 тем и 203 направления исследований по 7 научным специальностям по педагогическим наукам, которые подлежат дальнейшей оценке и отбору. Компетентные специалисты-эксперты РАО, проведя ретроспективный анализ диссертаций, защищенных в последние 10 лет, отметили дефицит тематики, касающейся разработки современной дидактической системы преподавания (целей, содержания, методов, средств, форм организации и дифференциации обучения) русского языка, литературы, истории, и других учебных предметов, изучаемых в общеобразовательных организациях, а также интеграции обучения и воспитания обучающихся, контрольно-оценочной деятельности и педагогической диагностики, взаимодействия семьи и школы⁶. Именно на этих направлениях, определенных на основе *экспертно-аналитических критериев*, Российская академия образования призывает сосредоточить внимание педагогов-исследователей.

Следует отметить, что в указанных субъектах, формирующих тематику научных исследований, существенную роль играют различные *научные школы*. Создание научных школ видных ученых, которые внесли значительный вклад в развитие отраслевой науки, – явление прогрессивное. Во-первых, научные школы продолжают дело своих научных руководителей, обеспечивают преемственность поколений в педагогических науках; во-вторых, в фонде каждой научно-педагогической школы имеется ряд уже выполненных научно-исследовательских работ, в каждой из которых определяется перспективная тематика дальнейших исследований; в-третьих, представители научных школ хорошо осведомлены о проблемах, которые требуют своего исследовательского решения [2; 3]. Представляя собой неформальное объединение ученых, научная школа живет и развивается, что всегда связано с выявлением в процессе коллективных обсуждений «белых пятен» и противоречий в разрабатываемой теории, постановкой новых вопросов и поиском ответов на них. Конкретные проблемные области становятся источником определения новых направлений педагогических исследований и формулирования новых тем. Обсуждаемый критерий обоснования актуальности, на наш взгляд, можно назвать *концептуально-проблемным*.

⁴⁴ Об организации научной и научно-технической деятельности в системе МВД России: приказ МВД России от 28 апреля 2023 г. № 260.

⁵ Там же.

⁶ Совет РАО о тематике диссертаций по педагогическим наукам [Электронный ресурс] // Петрозаводский государственный университет: сайт. – URL: <https://petrsu.ru/news/2022/113113/sovet-rao-o-tematike> (дата обращения: 02.06.2023); Ольга Васильева: Нужны квалифицированные преподаватели, которые бы обучили учителей [Электронный ресурс] // Независимая газета: сайт. – URL: https://www.ng.ru/education/2022-04-27/8_8428_education2.html (дата обращения: 02.06.2023).

Отдельного внимания в качестве субъектов формулирования актуальной темы исследования заслуживают его *автор и научный руководитель (консультант)*. Эти субъекты характеризуются личностным принятием ведущих ценностей и целей научной деятельности, определенным научным и профессиональным опытом, высоким уровнем научных интересов, сложившейся системой теоретических представлений, освоенными методиками практической педагогической деятельности и / или проведения исследования. Названные субъекты оценивают свои продуктивные возможности и способности раскрыть ту или иную тему (помочь в ее раскрытии, если речь идет о научном руководителе или консультанте). Такой критерий, вероятно, можно назвать *личностно-детерминированным*, поскольку главные причины в определении темы и ее актуальности связаны с личностной сферой ученого.

Стоит ли учитывать мнения всех субъектов разработки приоритетных направлений и актуальной тематики научно-педагогических исследований? Очевидно, стоит, так как только, принимая во внимание позиции всех заинтересованных субъектов, можно сформулировать такую проблему, исследование которой будет востребовано на современном этапе развития государства и общества, полезно для отечественной педагогической науки и практики, обеспечено необходимыми ресурсами и мотивировано личностным интересом ученого и его руководителя. Кроме того, как мы уже отмечали, обоснование актуальности представляет собой последовательную и системно-целостную аргументацию важности и состоятельности избранной темы [4, с. 19].

Предположим, что тема педагогического исследования «в первом приближении» сформулирована, и ее автору предстоит обосновать и описать ее актуальность. Из каких дополнительных критериев ему исходить?

1. Проблема

Заявляемая тема должна содержать в себе научно-педагогическую проблему, решение которой до сих пор не найдено, либо предложенные решения уже потеряли свою эффективность, устарели и не отвечают современным реалиям, либо тема высвечивает несоответствие между нормативно заданными и реальными характеристиками образовательного процесса [5]. При этом выделяемая проблема должна быть по-настоящему острой и социально значимой [6]. Это может быть не только известная проблема, но и проблема, которая впервые ставится и подлежит научной разработке. Путь определения проблемы – анализ и оценка противоречий, которые существуют в концептуальном и теоретическом обосновании педагогических явлений и их практической реализации.

2. Аксиологическая составляющая исследовательского процесса

Аксиологическая составляющая исследовательского процесса определяется как ценностно-целевая его ориентация. Цель как представление исследователя об ожидаемом результате по-новому спроектированной педагогической деятельности требует особенно убедительной аргументации, так как целевой компонент является системообразующим в любой образовательной системе, в инновационной – тем более. В обосновании актуальности, как правило, характеризуются три позиции:

- социальный заказ, то есть значимость данного исследования для реализации требований государства, общества, разных социальных групп;
- теоретическая необходимость, то есть устранение или компенсация имеющихся рисков в теоретическом осмыслении данной проблемы, удовлетворение требований научно-педагогического сообщества;
- практическая значимость как возможность реального влияния на совершенствование практической деятельности соответствующих лиц и / или организаций.

Таким образом, необходимо уделить должное внимание значимости постановки новой цели исследуемого образовательного процесса или качественно новой смысловой интерпретации уже известной педагогической цели. Такая цель, как правило, указывает на какой-либо вид социально-культурного или личностного опыта, которым будет овладевать обучающийся (воспитанник) в учебно-воспитательном процессе [7], и представляется в виде формируемого у него личностного качества, выполняемой им специфической деятельности, осваиваемых им характеристик мышления, поведения, общения и т. д.

Определение исследователем цели диктуется не только его ценностными ориентациями, его убеждениями в важности решения в образовании тех или иных педагогических задач, но и исходит из объективного анализа тенденций, трудностей, проблем ее реализации в современной системе образования. Ценностные предпочтения исследователя наиболее четко проявляются в выборе им образовательной парадигмы: традиционной, в которой самостоятельную ценность представляют знания, умения и навыки, виды деятельности и способы действий, которыми должен овладеть обучающийся (воспитанник), или гумани-

стической (лично ориентированной), выводящей на первый план ценность личности человека, ее полноценного развития в ходе образования и рассматривающей знания, умения и навыки как средства личностного роста.

3. Ведущая идея или замысел исследования

Если ценностно-целевые ориентиры отвечают на вопросы: «На что направлены ожидаемые изменения, и ради чего эти изменения должны быть реализованы в образовательном процессе?», то замысел исследования, отражаемый в определении его научного аппарата, приоткрывает завесу «исследовательской кухни» в части ответа на вопрос: «Как именно предлагается реорганизовать процесс обучения или воспитания для достижения в нем поставленной педагогической цели?».

Чтобы тема была воспринята научно-педагогическим сообществом как актуальная и вызывающая интерес, основная идея исследования должна характеризоваться теоретической и практической новизной. Замысел исследования представляется удачным, если автор открывает новый ракурс в уже известном педагогическом знании, предлагает принципиально новую идею на основе синтеза или комбинации уже утвердившихся представлений или открывает новое направление в педагогической науке (ее отрасли, теории).

4. Участники образовательного процесса в условиях экспериментальной работы

Из поля зрения ученого, выполняющего исследование в области педагогики и доказывающего его актуальность, не должны выпадать главные субъекты образовательной деятельности – педагоги и обучающиеся (воспитанники). Ведь именно для них и с их участием будет моделироваться на новых теоретических основаниях образовательный процесс. Нельзя забывать, что любая образовательная система субъекто-зависима, и какие бы педагогические среды и пространства, технологии и методики ни проектировались в исследовании, какие бы неординарные средства обучения и воспитания ни открывались, применяться они будут в отношении конкретных людей – педагогов и обучающихся (воспитанников), каждый из которых вырабатывает свое собственное, личностное отношение к этим подсистемам и компонентам образовательного процесса. Это обязывает исследователя учитывать мотивацию каждого участника, желание принять новые ценностные установки и смыслы образовательного процесса. Только в этом случае повышается возможность успешной реализации исследования. Как уже было сказано выше, предлагаемые научные идеи должны заинтересовать конкретных участников образования или их групп – педагогов-руководителей, методистов, преподавателей, воспитателей, а также обучающихся, воспитанников, то есть заключать в себе существенную практическую актуальность.

5. Принципиальная возможность решения заявленной в теме проблемы средствами педагогической науки

Речь идет не столько о научной составляющей, которая, безусловно, должна быть представлена и в формулировке темы, и в содержании исследования, отражена в научной стилистике текстов отчетов и диссертаций, но в первую очередь о наличии реальных возможностей для осуществления исследования в плане имеющегося на данный момент научно-педагогического знания, о существовании научных предпосылок для движения ученых к исследовательской цели, о возможности педагогической науки повлиять на коренные изменения в образовательной практике.

Обсуждение

В рамках инициируемого авторами научного дискурса заметим, что в качестве убедительных аргументов, доказывающих актуальность темы, могут выступать:

– результаты уже выполненных теоретических исследований, мнения авторитетных и хорошо известных ученых-экспертов, представленные в их научных выступлениях и публикациях;

– статистические данные по результатам эмпирических исследований, полученные из официальных и достоверных источников, с указанием организации, предоставившей эти сведения, времени их получения, характеристики выборки испытуемых и примененной методики исследования;

– проведенные автором пробные констатирующие исследования, оценивающие состояние исследуемой проблемы в реальной практике;

– выдержки из государственных и ведомственных нормативно-программных документов, цитаты из публичных выступлений руководителей страны и ведомства.

Обоснование актуальности темы призвано соответствовать следующим критериям:

1) диссертант должен кратко осветить причины обращения именно к этой теме, охарактеризовать те особенности современного состояния системы образования, педагоги-

ческого процесса и других педагогических феноменов, которые обосновывают необходимость изучения данной темы;

2) желательно раскрывать актуальность через методологические и методические проблемы педагогической науки – соискатель обязан объяснить, почему данная тема современна именно сейчас;

3) диссертанту необходимо обосновать обращение к конкретной теме, в том числе, динамикой развития педагогического знания, недостаточной разработанностью проблемы, необходимостью ее изучения с помощью инновационных подходов, методов и методик в организации исследования [8].

Актуальность должна раскрываться с бинарных позиций: развития педагогической науки в целом и решения практико-ориентированных задач образования; может иметь фундаментальный характер и отражать разработку и развитие теоретических разделов наук об образовании либо иметь прикладной характер как продолжение фундаментальных исследований и методической базы уже существующей и развивающейся методологии.

Нередко в актуальность исследователи помещают *противоречия и решаемую научную задачу (для кандидатской диссертации) или проблему (для докторской диссертации) исследования.*

В области философии науки *задача* может быть определена различными способами: как цель, поставленная перед исследователем; 2) как ситуация, которая включает в себя и цель, и условия, в которых она должна быть достигнута; 3) как словесная формулировка (знаковая модель) проблемной ситуации. Психологи [9] полагают, что задача служит для творческого мышления неким условием мыслительного процесса. Задача обозначает «границы» неопределенности, поскольку до выведения решения искомое не определено. Фундаментальные задачи включают в себя процессы объяснения, понимания, интерпретации и даже некоего предвидения с опорой на известные закономерности. Прикладные задачи направлены на конкретное решение в определенных условиях, характеризующееся, например, дефицитом ресурсов и сопротивлением среды. Формулировка научной задачи исследования – план-да самого диссертанта в процессе решения выявляемых проблем. Как известно, факторы успешности решения задач делятся на личностные и ситуативные. К личностным относятся черты личности исследователя и его отношение к познавательной сфере, которые влияют на особенности мышления, определяя степень его восприимчивости к ситуативным факторам. Ситуативные факторы непосредственно связаны с задачей или проблемой (ее содержанием, формулировкой, способом предъявления и т. д.) и с ситуацией решения⁷.

Психологи и педагоги справедливо полагают, что задача может быть явлена следующими образом: как отраженная в сознании или объективированная в знаковой модели проблемная ситуация, включающая данные и условия, необходимые и достаточные для ее решения имеющимися знаниями и опытом; как форма структурирования и представления экспериментального материала в исследованиях процессов познания и практической деятельности; как одна из форм проектирования содержания обучения. Задача также нередко понимается как синоним цели действия или деятельности. Задача черпает свое начало в проблемной ситуации, приобретающей задачный вид, когда исследователь вычленяет в ней предметные компоненты, преобразование которых по определенному алгоритму дает новое соотношение, составляющее искомое задачи, ее решение. Превращение проблемной ситуации в задачу является актом продуктивного мышления⁸.

Проблема порождается невозможностью объяснить новые факты в рамках наличных представлений. Обычно она формулируется в виде вопроса. Чаще всего это вопрос о причинах тех или иных событий – о факторах, которые определяют существование или специфику тех или иных явлений. Нередко проблема соотносится не с причинно-следственными зависимостями, а со связями иного рода. Возможна и другая постановка проблем: они могут связываться не с отношениями, а с самим фактом существования какого-то объекта или его особенностей [10].

Задача появляется в том случае, когда в изучаемом объекте намечается искомое, которое нужно найти путем изменения некоторых условий. Проблема воспринимается как противоречивая ситуация, характеризующаяся наличием противоположных позиций при объяснении одних и тех же объектов, явлений и связей между ними. Это диалектическое противоречие внутри единого предмета, явления или процесса, амбивалентно включаю-

⁷ Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И. Т. Касавина. – Москва: Канон+, РООИ «Реабилитация». – 2009. – 1248 с.

⁸ Краткий психологический словарь / под ред. Л. А. Карпенко, А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 358 с.

щее противоположности и требующее построения теории, способной разрешить данное противоречие. Разрешение противоречий, составляющих существо проблемы, выступает источником развития методологии науки. Для решения проблемы ее необходимо превратить в творческую познавательную задачу, позволяющую проверять различные модели тех или иных сознательно или интуитивно принимаемых решений. В этом плане универсальным может выступать герменевтический подход с его классическими методами понимания и интерпретации [11].

Обычно проблемы рождаются из практики деятельности в связи с потребностью решения конкретной прикладной задачи или же с невозможностью теоретического продвижения в некоей области в связи с появлением фактов, необъяснимых или сомнительных с позиций некоей теории⁹.

Наиболее типичными ошибками в разработке актуальности темы исследования являются следующие: публицистическое и пространное описание темы с наличием неуместных метафор и иных художественных тропов и фигур; разъяснение всем известных терминов и феноменов, устоявшихся в педагогической науке; подробный историко-педагогический анализ проблемы, требуемый в первой главе диссертации, но никак не во введении к ней; представление выводов из прежде проведенных исследований как самим диссертантом, так и его предшественниками в данной области научного знания¹⁰ и другое [12, с. 44].

К типичным ошибкам, нередко встречающимся в описании актуальности исследования в педагогических диссертациях, выполняемых, например, в МВД России, иных «силовых» ведомствах, являются, в частности, многократные ссылки на ведомственные приказы. Совершенно очевидным представляется тот факт, что приказ – не наука, а распорядительный документ, вид акта управления, который, конечно, должен базироваться на межпредметном научном знании, но сам по себе научной составляющей в себе не содержит и, значит, не может обосновывать актуальность проведения каких бы то ни было научных исследований.

Еще одним заблуждением является обоснование актуальности исследования исключительно обращением его автора к активно развивающейся научной парадигме [13] без обсуждения возникающих в процессе трансформации научного знания противоречий, «моментов столкновения старого с новым» [14, с. 15].

Также к недостаткам в описании актуальности темы можно отнести собственный педагогический (управленческий, иной) опыт диссертанта, выдаваемый за абсолютное знание, что является логической ошибкой, гласящей следующее: «Верное при определенных условиях не может быть признано верным при любых условиях».

Кроме того, к нередко встречающимся ошибкам в описании актуальности темы можно причислить абсолютизацию иностранного опыта (в области организации систем образования, организации педагогического процесса и пр.), который эпигонски предлагается перенести на российскую ниву без должной аргументации автором исследования.

К факультативным недостаткам при формулировании актуальности темы исследования можно отнести: формулировки, имеющие лозунговый характер, деперсонализированные и неуместные в научном тексте призывы («необходимо», «надо», «поднимем», «требуется» и пр.), избитые словесные клише («в современном мире остро актуальной становится проблема...», «на современном этапе развития общества актуальной предстает задача...» и пр.).

Заключение

В разработке приоритетных направлений и формулировании актуальных тем педагогических исследований участвует несколько субъектов, которые реализуют различные подходы к выбору тематики. Так, государство руководствуется ролью страны на международной арене, интересами всех социальных сфер. Потребности общества в выполнении научно-педагогических исследований предъявляются с помощью критериев теоретической значимости, новизны и практической полезности. Министерства и ведомства ориентированы на свои прагматико-экономические критерии. Экспертно-аналитические критерии предлагаются Российской академией образования. Концептуально-проблемный критерий используют научные школы. А автор и научный руководитель формулируют тему, исходя

⁹ Словарь практического психолога / сост.: С. Ю. Головин. – Москва: АСТ, Харвест, 1998. – 621 с.

¹⁰ Применение критериев доказательности диссертационных исследований в области наук об образовании: методические рекомендации // под научн. ред. В. М. Филиппова. – Москва: РАО, 2023. – 22 с.

из своих научных интересов, тем самым реализуя лично-детерминированные критерии.

Знакомство с описанием актуальности темы исследования должно составить у его читателя хоть и первое, но достаточно целостное представление о том, кто в нем более всего и почему заинтересован, на какой проблемный вопрос автор планирует получить ответ в процессе научной работы, что и ради чего подлежит исследованию, какие инновационные преобразования предполагается осуществить в образовательном процессе, каким образом будут учтены интересы и потребности его участников.

Каждая из позиций в обосновании актуальности должна подтверждаться убедительными аргументами, в качестве которых могут выступать заявленные в официальных документах государственные и ведомственные приоритеты, достоверная статистика, мнения авторитетных экспертов.

Критериями актуальности научного исследования являются: обоснование востребованности проблемы в области наук об образовании, обоснование возможности совершенствования образовательной практики (с указанием конкретной адресной группы и области возможного применения), обоснование соответствия запросам государства и общества, соответствие государственной образовательной политике и / или ее развитию [15, с. 33].

Формулировка актуальности научно-квалификационной работы, как и всего научно-методологического аппарата исследования – это искусство, а любое искусство «заключается в том, чтобы посредством наипростейших средств выразить наисложнейшее. Оно – высшая форма экономии»¹¹.

Список литературы

1. Ардашкин И. Б. Социокультурная обусловленность постановки и решения научных проблем в современном научном познании // Известия Томского политехнического университета. – 2011. – Т. 318. – № 6. – С. 78–84.
2. Дежина И. Г., Киселева В. В. Тенденции развития научных школ в современной России. – Москва: ИЭПП, 2009. – 164 с.
3. Грезнева О. Ю. Научные школы как педагогическое явление // Образование и наука. – 2002. – № 5 (17). – С. 33–51.
4. Неумоева-Колчеданцева Е. В., Закирова А. Ф. Организационно-методическое сопровождение педагога как субъекта исследовательской деятельности : монография. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2022. – 166 с.
5. Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология научного исследования. – Москва: Либроком, 2010. – 280 с.
6. Загвязинский В. И. О социальной значимости и востребованности педагогических исследований [Электронный ресурс] // Образование и наука: сайт. – URL: <https://www.edscience.ru/jour/article/view/484> (дата обращения: 02.06.2023).
7. Сериков В. В. Педагогическая реальность и педагогическое знание. Опыт методологической рефлексии : монография. – Москва: Редакционно-издательский дом Российского нового университета, 2018. – 291 с.
8. Аниупов А. Я., Аристер Н. И., Вахнина В. В. и др. Стратегия и практика достижения высшей квалификации субъектом инновационного труда: монография / под общ. ред. С. И. Пахомова, В. Л. Кубышко. – Москва: БукиВеди, 2018. – 550 с.
9. Асмолов А. Г., Битюцкая Е. В., Братусь Б. С., Леонтьев Д. А., Ушаков Д. В. Диалоги о/в поле смыслов: к 120-летию со дня рождения Алексея Николаевича Леонтьева // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2023. – Т. 46. – № 2. – С. 5–22.
10. Павличенко Н. В. Диссертационное исследование: технологии подготовки: в 2-х частях : монография. – Москва: Проспект, 2023. – Часть 2. – 360 с.
11. Сердюк Н. В. Педагогическая герменевтика в полицейском менеджменте : монография. – Москва: Академия управления МВД России, 2014. – 51 с.
12. Гайдамашко И. В. Стратегия и практика достижения высшей квалификации субъектом инновационного труда : монография / под ред. С. И. Пахомова. – Москва: БукиВеди, 2016. – 541 с.
13. Иванова С. В. Черный квадрат научной коммуникации: актуальность, цель, методы, единица анализа // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021. – № 3. – С. 140–157.

¹¹ Платонов А. П. Труд есть совесть // Собрание сочинений: в 3 т. – Москва: Советская Россия, 1984. – Т. 3. – С. 549.

14. Краевский В. В. Методологические характеристики научного исследования // Школьные технологии. – 2010. – № 2. – С. 11–23.

15. Павличенко Н. В. Диссертационное исследование: технологии подготовки. – Москва: Проспект, 2019. – 368 с.

References

1. *Ardashkin I. B. Sotsiokul'turnaya obuslovlennost' postanovki i resheniya nauchnykh problem v sovremennom nauchnom poznanii // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta.* – 2011. – Т. 318. – № 6. – С. 78–84.

2. *Dezhina I. G., Kiseleva V. V. Tendentsii razvitiya nauchnykh shkol v sovremennoy Rossii.* – Moskva: IEPP, 2009. – 164 s.

3. *Greznova O. Yu. Nauchnyye shkoly kak pedagogicheskoye yavleniye // Obrazovaniye i nauka.* – 2002. – № 5 (17). – С. 33–51.

4. *Neumoyeva-Kolchedantseva Ye. V., Zakirova A. F. Organizatsionno-metodicheskoye soprovozhdeniye pedagoga kak sub'yekta issledovatel'skoy deyatel'nosti : monografiya.* – Tyumen': TyumGU-Press, 2022. – 166 s.

5. *Novikov A. M., Novikov D. A. Metodologiya nauchnogo issledovaniya.* – Moskva: Librokom, 2010. – 280 s.

6. *Zagvyazinskiy V. I. O sotsial'noy znachimosti i vostrebovanosti pedagogicheskikh issledovaniy [Elektronnyy resurs] // Obrazovaniye i nauka: sayt.* – URL: <https://www.edscience.ru/jour/article/view/484> (data obrashcheniya: 02.06.2023).

7. *Serikov V. V. Pedagogicheskaya real'nost' i pedagogicheskoye znaniye. Opyt metodologicheskoy refleksii : monografiya.* – Moskva: Redaktsionno-izdatel'skiy dom Rossiyskogo novogo universiteta, 2018. – 291 s.

8. *Antsupov A. Ya., Arister N. I., Vakhnina V. V. i dr. Strategiya i praktika dostizheniy vysshey kvalifikatsii sub'yektom innovatsionnogo truda: monografiya / pod obshch. red. S. I. Pakhomova, V. L. Kubyshko.* – Moskva: BukiVedi, 2018. – 550 s.

9. *Asmollov A. G., Bityutskaya Ye. V., Bratus' B. S., Leont'yev D. A., Ushakov D. V. Dialogi o/v pole smyslov: k 120-letiyu so dnya rozhdeniya Alekseya Nikolayevicha Leont'yeva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya.* – 2023. – Т. 46. – № 2. – С. 5–22.

10. *Pavlichenko N. V. Dissertatsionnoye issledovaniye: tekhnologii podgotovki: v 2-kh chastyakh : monografiya.* – Moskva: Prospekt, 2023. – Chast' 2. – 360 s.

11. *Serdyuk N. V. Pedagogicheskaya germeneytika v politseyskom menedzhmente : monografiya.* – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2014. – 51 s.

12. *Gaydamashko I. V. Strategiya i praktika dostizheniya vysshey kvalifikatsii sub'yektom innovatsionnogo truda : monografiya / pod red. S. I. Pakhomova.* – Moskva: BukiVedi, 2016. – 541 s.

13. *Ivanova S. V. Chernyy kvadrat nauchnoy kommunikatsii: aktual'nost', tsel', metody, yedinit'sya analiza // Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyy nauchnyy zhurnal.* – 2021. – № 3. – С. 140–157.

14. *Krayevskiy V. V. Metodologicheskiye kharakteristiki nauchnogo issledovaniya // Shkol'nyye tekhnologii.* – 2010. – № 2. – С. 11–23.

15. *Pavlichenko N. V. Dissertatsionnoye issledovaniye: tekhnologii podgotovki.* – Moskva: Prospekt, 2019. – 368 s.

Статья поступила в редакцию 21.11.2023; одобрена после рецензирования 12.12.2023; принята к публикации 22.01.2024.

The article was submitted November 21, 2023; approved after reviewing December 12, 2023; accepted for publication January 22, 2024.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Методология и технология профессионального образования

Научная статья

УДК 799.31

doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-190-196

Дмитрий Игоревич Иванов

кандидат педагогических наук

<https://orcid.org/0000-0002-1262-4035>, dmnqwerty@mail.ru

Петр Георгиевич Полянский

<https://orcid.org/0009-0007-2541-6052>, zdzazz@mail.ru

*Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России
Российская Федерация, 625049, Тюмень, ул. Амурская, д. 75*

Методика определения направления в совершенствовании огневой подготовленности сотрудников полиции

Аннотация: **Введение.** Данная научная работа посвящена разработке методики, направленной на выявление слабых сторон огневой подготовленности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации с целью акцентированного влияния на определенные компоненты техники стрельбы в связи с необходимостью осуществления учебного процесса по совершенствованию навыков обращения с оружием. Предметом исследования является методика определения профиля подготовленности сотрудников полиции. В качестве объекта исследования выступает огневая подготовка сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. **Методы.** При решении задач исследования использовались следующие методы: анализ научно-методической литературы и документальных источников, наблюдение, педагогическое тестирование, методы математической статистики. **Результаты.** В статье приводятся результаты уровня огневой подготовленности сотрудников полиции в соответствии с выполнением стрелкового упражнения. На основании полученных данных авторами произведен сравнительный анализ результатов стрелкового упражнения в соответствии с модельными значениями. В завершение исследования выявлены основные направления совершенствования огневой подготовленности сотрудников полиции в зави-

симости от гендерных различий. Научная новизна заключается в обосновании методики определения направления совершенствования огневой подготовленности сотрудников полиции и выявления слабых сторон при выполнении технических элементов исследуемого упражнения.

Ключевые слова: методика определения, огневая подготовка, сотрудники полиции, совершенствование подготовленности, стрелковое упражнение

Для цитирования: Иванов Д. И., Полянский П. Г. Методика определения направления в совершенствовании огневой подготовленности сотрудников полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 190–196; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-190-196.

Dmitry I. Ivanov

Cand. Sci. (Ped.)

<https://orcid.org/0000-0002-1262-4035>, dmnqwerty@mail.ru

Peter G. Polyansky

<https://orcid.org/0009-0007-2541-6052>, zdzazz@mail.ru

*Tyumen Advanced Training Institute of the MIA of Russia
75, Amurskaya str., Tyumen, 625049, Russian Federation*

Methodology for determining the direction in improving the firearms training of police officers

Abstract: Introduction. The research is devoted to the development of a methodology aimed at identifying the weak points of firearms training of officers of internal affairs bodies of the Russian Federation in order to draw attention to certain components of shooting technique to take them into account in training process to improve weapon handling skills. The subject of the research is the methodology of determining the profile of police officers' competence. The object of the research is the firearms training of internal affairs officers of the Russian Federation. **Methods.** The following methods were used in solving the research issues: analysis of scientific and methodological literature and documentary resources, observation, pedagogical testing, methods of mathematical statistics. **Results.** The authors present the results of the level of firearms training of police officers in accordance with performing a shooting exercise. The authors made a comparative analysis of the results of the shooting exercise in accordance with the model values. At the end of the research, the main directions of improving the firearms training of police officers depending on gender differences are revealed. Scientific novelty consists in the substantiation of the methodology for determining the direction of improving the firearms training of police officers and identifying weak points in performing technical elements of the studied exercise.

Keywords: determination methodology, firearms training, police officers, training improvement, shooting exercise

For citation: Ivanov D. I., Polyansky P. G. Methodology for determining the direction in improving the firearms training of police officers // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 190–196; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-190-196.

Введение

В настоящее время наблюдается тенденция к активизации противоправных действий со стороны вооруженных преступников, возросло количество правонарушений, совершенных с применением оружия. Все это диктует необходимость усиления огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации [8, с. 88; 3, с. 121; 4, с. 266].

Д. А. Черменев и А. Н. Толстихин утверждают, что на занятиях по огневой подготовке в подразделениях органов внутренних дел выполняется одно и то же стрелковое упражне-

ние, которое не отражает специфику несения службы сотрудниками полиции. Результат – низкий уровень правомерного владения оружием [10, с. 169; 7, с. 240].

Следовательно, необходимо научно-методическое обеспечение обучения стрельбе [12, с. 96; 16, с. 122]. В то же время обучение стрельбе из боевого ручного стрелкового оружия должно учитывать специфику несения службы в различных условиях¹, в связи с чем появляется острая необходимость применения научных способов в определении основных аспектов педагогических воздействий на сотрудников с недостаточным уровнем огневой подготовленности [11, с. 137]. При этом, по мнению Ч. М. Бурханова и А. Б. Урпина, «профессорско-преподавательский состав должен постоянно совершенствовать свое педагогическое и методическое мастерство, профессиональные навыки и компетенцию в сфере информационных технологий и современных технических средств обучения»². А. В. Афанасьев, Я. А. Павлова и А. Г. Литвиненко утверждают, что основным фактором, способствующим активизации процесса разработки самостоятельных методик огневой подготовки с применением технических средств сотрудниками правоохранительных органов, стало признание упражнений из стрелковых видов спорта и включение их в подготовительный процесс обучения.

Общепризнанно, что эффективность поражения мишени при проведении контрольных стрельб определяется множеством факторов. По нашему мнению, результативность стрельбы в значительной степени зависит от технической подготовки сотрудника полиции. Именно высокой уровень технической подготовленности позволяет точно и рационально выполнять такие технические элементы стрельбы, как изготовка, хват, прицеливание, нажатие на спусковой крючок. Из этого следует, что компоненты техники стрельбы требуют особенного внимания при определении направления совершенствования огневой подготовленности сотрудников.

Кроме того, организация огневой подготовки с учетом оценки подготовленности стреляющих и последующей коррекции в технике стрельбы является сложным многофункциональным процессом. Однако перед тем как применять действия по снижению негативных аспектов стрельбы, необходимо определить и достоверно подобрать способы тестирования сотрудников, в том числе с учетом изучения каждого технического элемента.

Существует также проблема, выражающаяся в необходимости выявления методики определения направления в совершенствовании огневой подготовленности сотрудников полиции, являющейся универсальной при применении в различных упражнениях учебных и контрольных стрельб. Получение результатов в соответствии с методикой определения направления позволит в перспективе выстроить стратегию подготовки сотрудников в рамках занятий по профессиональной служебной подготовке.

Объект исследования – огневая подготовка сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Предмет исследования – методика определения профиля подготовленности сотрудников полиции.

Гипотеза: использование методики определения направления при осуществлении контрольных и учебных стрельб позволит выявить слабые стороны огневой подготовленности сотрудников и осуществить коррекционные мероприятия, способствующие повышению результативности в поражении мишеней.

Цель исследования – теоретически обосновать и апробировать методику определения направления совершенствования огневой подготовленности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Задачи исследования:

- 1) выявить ключевые компоненты контрольного стрелкового упражнения сотрудников полиции;
- 2) разработать методику определения направления совершенствования огневой подготовленности сотрудников полиции;
- 3) определить уровень огневой подготовленности сотрудников полиции;
- 4) проанализировать и выявить направления совершенствования огневой подготовленности сотрудников полиции в соответствии с исследуемыми компонентами стрелкового упражнения.

¹ Торопов В. А. Современные методики обучения стрельбе из боевого оружия в ОВД // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2007. – № 3. – С. 141–145.

² Бурханов Ч. М., Урпин А. Б. Использование современных информационных технологий и технических средств при изучении дисциплины «огневая подготовка» в вузах МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 1 (61). – С. 135–139.

Научная новизна состоит в обосновании методики определения направления совершенствования огневой подготовленности сотрудников полиции и выявлении слабых сторон подготовленности при выполнении технических элементов исследуемого упражнения.

Методы и организация исследования

При решении задач исследования использовались следующие методы: анализ научно-методической литературы и документальных источников, наблюдение, педагогическое тестирование, методы математической статистики.

В исследовании по определению уровня огневой подготовленности приняли участие наиболее подготовленные сотрудники подразделения полиции, из которых 37 мужчин и 12 женщин. Также с целью определения модельных характеристик в стрелковом упражнении были исследованы квалифицированные спортсмены по стрельбе из ручного стрелкового боевого оружия, имеющие спортивные звания и разряды уровня мастеров спорта и кандидатов в мастера спорта Российской Федерации, в количестве четырёх человек.

Определение уровня огневой подготовленности осуществлялось в соответствии с упражнением стрельб «ПБ-10», что характеризуется скоростной стрельбой со сменой магазинов и дистанций, с включением некоторых изменений. Стрельба осуществлялась из положения стоя по мишени № 1 (Интерпол) в две серии с расстояния 7 и 15 метров, со сменой магазина. Всего в упражнении 4 серии по 4 выстрела с ограничением в 20 секунд на каждом огневом рубеже. Было учтено мнение А. В. Афанасьева, Я. А. Павлова, А. Г. Литвиненко, С. В. Корягина, В. Ф. Выштикалюка, утверждающих, что приоритетом в огневой подготовке является максимальное приближение содержания обучения к специфике задач, выполняемых сотрудниками правоохранительных органов [13, с. 55; 6, с. 95]. При этом сотрудник должен иметь в своем арсенале максимальное количество алгоритмов действий в возможных экстремальных ситуациях [15, с. 211].

Результаты

В системе профессиональной подготовки Ю. Б. Ленева, А. Н. Воротник, Е. Ю. Домрачёва, О. Ю. Иляхина, С. С. Клименко, В. Ю. Дубровский, П. А. Кадуцкий считают, что огромное значение в совершенствовании подготовленности сотрудников играют служебно-прикладные виды спорта, способствующие развитию навыков, необходимых в решении оперативно-служебных задач [9, с. 99; 14, с. 64]. В то же время процесс подготовки к стрельбе из боевого оружия с учетом современных тенденций связан с расширением тренировочного процесса и введением в него новых, ранее не используемых элементов [1, с. 172; 2, с. 306; 5, с. 136].

Таким образом, применение соревновательного метода с использованием нестандартных упражнений учебных стрельб в огневой подготовке позволит повысить уровень развития профессиональных качеств. Однако возможность совершенствования навыков сотрудника полиции определяется выявлением способов и направлений, на основе которых следует проводить занятия.

Перед тем, как проводить занятия по совершенствованию уровня огневой подготовленности, стоит выявить слабые стороны различных компонентов и технических элементов стрелковых упражнений, выполняемых в профессиональной служебной подготовке, посредством тестирований с обязательной фиксацией данных.

В нашем случае контрольным стрелковым упражнением является «ПБ-10», в котором мы выделяем следующие технические компоненты: время стрельбы до смены магазина, время смены магазина на рубеже, время стрельбы после смены магазина, общее время на упражнение, темп стрельбы, количество очков.

Собственно, слабые стороны огневой подготовленности сотрудника возможно определить при выполнении контрольного стрелкового упражнения, обращая внимание на его технические элементы и ключевые компоненты.

Для достижения поставленной цели первоначально был определен уровень огневой подготовленности сотрудников полиции при выполнении стрелкового упражнения с фиксацией данных в программу EXEL, с получением результатов на рис. 1.

Определение направления в совершенствовании огневой подготовленности согласно модельных значений (%)

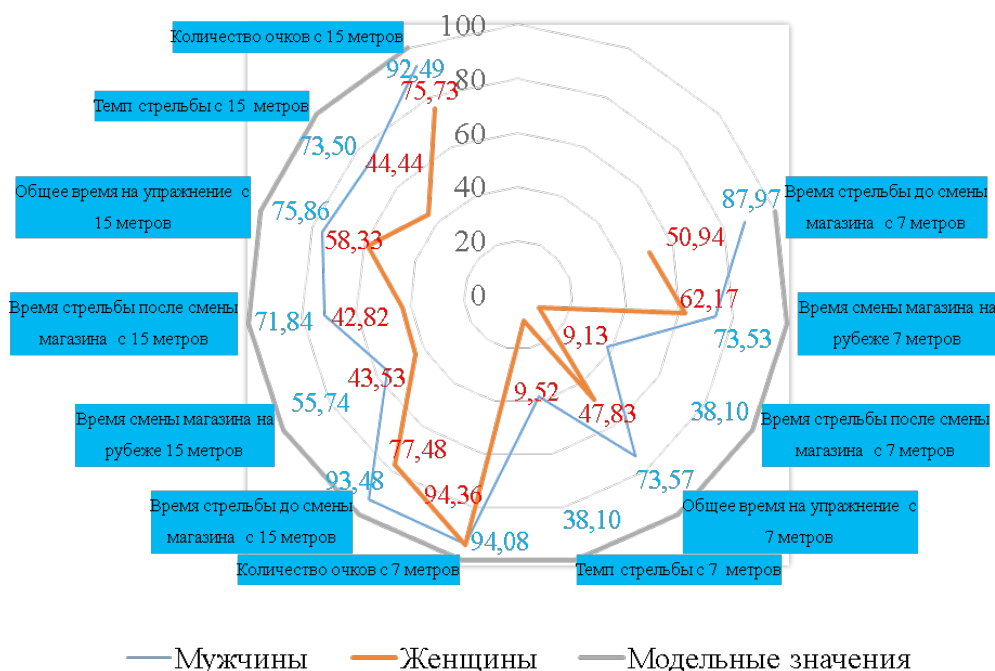

Рис. 1. Результаты огневой подготовленности сотрудников полиции

Кинематические показатели стрелкового упражнения сотрудников полиции были переведены в процентное соотношение в зависимости от модельных значений, а затем проведен сравнительный анализ с получением информации о направлении в совершенствовании огневой подготовленности.

Женщины в зависимости от модельных значений продемонстрировали низкий уровень огневой подготовленности в следующих компонентах: время стрельбы до смены магазина (50,9 %) на рубеже 7 метров, время смены магазина на рубеже 7 метров (62,1 %), время стрельбы после смены магазина с 7 метров (9,1 %), общее время на упражнение с 7 метров (47,8 %), темп стрельбы (9,5 %), время смены магазина на рубеже 15 метров (43,5 %), время стрельбы после смены магазина с 15 метров (42,8 %), общее время на упражнение с 15 метров (58,3 %), темп стрельбы 15 метров (44,4 %).

Мужчины также показали недостаточный уровень огневой подготовленности при выполнении технических элементов, а именно: время стрельбы после смены магазина 7 метров (38,1 %), темп стрельбы (38,1 %), время смены магазина на рубеже 15 метров (55,7 %).

Выявленные показатели позволяют определить компоненты, на которые необходимо особенно обратить внимание при проведении занятий по профессиональной служебной подготовке.

Методика определения направления совершенствования огневой подготовленности сотрудников полиции представлена совокупностью выполнения следующих действий:

- 1) определить стрелковое упражнение, оценивающее уровень огневой подготовленности сотрудников полиции в соответствии со спецификой несения службы;
- 2) осуществить получение кинематических характеристик при выполнении стрельб сотрудниками полиции с фиксацией данных на электронный носитель;
- 3) перевести полученные данные кинематических характеристик в процентное соотношение в соответствии с модельными значениями;
- 4) провести сравнительный анализ компонентов стрелкового упражнения при выполнении технических элементов сотрудников полиции;
- 5) выявить слабые стороны огневой подготовленности сотрудников полиции.

Заключение

Предложенная методика определения направленности занятий по огневой подготовке с сотрудниками полиции позволяет достоверно установить технические компоненты, на которые следует акцентировать внимание при проведении стрельб с целью совершенствования навы-

ка эффективного применения огнестрельного оружия при выполнении оперативно-служебных задач. В то же время выявление слабых сторон огневой подготовленности при выполнении технических элементов стрелкового упражнения необходимо для индивидуальной реализации специализированных упражнений в составе занятий при обращении с оружием. Однако для достоверного и объективного определения уровня огневой подготовленности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации необходимо варьировать контрольные упражнения в сторону использования многообразия технических элементов и осуществления стрельб с различных расстояний. Таким образом, результаты исследования позволяют в перспективе разработать методики и технологии, направленные на совершенствование огневой подготовленности сотрудников полиции за счет коррекции недостаточно совершенных компонентов стрельбы.

Список литературы

1. *Архипов С. Н.* Огневая подготовка в системе профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел: проблемы и пути их решения // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2016. – № 1 (6). – С. 171–173.
2. *Нестеров А. Ю.* Применение образовательных технологий для организации и проведения занятий по огневой подготовке с сотрудниками ОВД // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 6. – С. 305–309; doi: 10.24411/2414-3995-2020-10405.
3. *Корсаков Ю. В.* Пути совершенствования огневой подготовки в органах внутренних дел на современном этапе // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2016. – № 4 (39). – С. 121–125.
4. *Колесников А. С.* Методика обучения огневой подготовке сотрудников правоохранительных органов на современном этапе // Молодой ученый. – 2019. – № 15 (253). – С. 266–270.
5. *Маюров Н. П., Бантюков И. Б., Трабо В. Н.* Огневая подготовка в органах внутренних дел: проблемы и перспективы развития // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2022. – № 1. – С. 134–144; doi: 10.24412/2658-638X-2022-1-134-144.
6. *Афанасьев А. В., Павлова Я. А., Литвиненко А. Г.* Предпосылки возникновения, становления, развития и перспективы совершенствования профессионального образования в органах внутренних дел Российской Федерации (на примере учебной дисциплины «огневая подготовка») // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 2 (31). – С. 90–97; doi: 10.51980/2542-1735_2018_2_90.
7. *Филимонов В. А., Якушев В. А., Митин А. А.* Актуальные вопросы организации огневой и физической подготовки в территориальных органах МВД России // Образование. Наука. Научные кадры. – 2019. – № 4. – С. 239–241; doi: 10.24411/2073-3305-2019-10228.
8. *Каримов А. А.* Некоторые аспекты по совершенствованию огневой подготовки сотрудников ОВД исходя из статистики применения табельного оружия // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2014. – № 1 (68). – С. 87–91.
9. *Ленева Ю. Б., Воротник А. Н.* Некоторые особенности методики огневой подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России к соревнованиям различного уровня // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2016. – № 4. – С. 98–102.
10. *Черменев Д. А., Толстихин А. Н.* Анализ состояния огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации // Научный компонент. – 2019. – № 4 (4). – С. 167–174.
11. *Кочеткова С. В., Таран А. Н.* Теоретико-методологические основы совершенствования огневой подготовки сотрудников ОВД // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 3. – С. 137–140.
12. *Струганов С. М., Украинский С. В., Баркалов С. Н.* Некоторые особенности методики подготовки сотрудников органов внутренних дел к ведению огня в условиях, ограничивающих прицеливание // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2019. – № 1 (43). – С. 96–100.
13. *Корягин С. В., Выштикалюк В. Ф.* О содержании и развитии огневой подготовки сотрудников полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2016. – № 3 (66). – С. 55–58.
14. *Домрачёва Е. Ю., Иляхина О. Ю., Клименко С. С., Дубровский В. Ю., Кадуцкий П. А.* О развитии в системе МВД России стрелковых служебно-прикладных видов спорта // Экстремальная деятельность человека. – 2018. – № 4 (50). – С. 63–66.
15. *Светличный Е. Г., Веремьев А. С.* Практико-ориентированный подход в огневой подготовке обучающихся в образовательных организациях МВД России // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 58 (1). – С. 211–215.
16. *Иванов Д. И., Ширинкин Н. А.* Основные аспекты обучения сотрудников, включенных в состав внештатных снайперских групп органов внутренних дел Российской Федерации, в рамках занятий по огневой подготовке // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2023. – № 1 (20). – С. 120–126.

References

1. Arkhipov S. N. Ognevaya podgotovka v sisteme professional'noy podgotovki sotrudnikov organov vnutrennikh del: problemy i puti ikh resheniya // Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii. – 2016. – № 1(6). – S. 171–173.
2. Nesterov A. Yu. Primeneniye obrazovatel'nykh tekhnologiy dlya organizatsii i provedeniya zanyatiy po ognevoy podgotovke s sotrudnikami OVD // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2020. – № 6. – S. 305–309; doi: 10.24411/2414-3995-2020-10405.
3. Korsakov Yu. V. Puti sovershenstvovaniya ognevoy podgotovki v organakh vnutrennikh del na sovremennom etape // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. – 2016. – № 4 (39). – S. 121–125.
4. Kolesnikov A. S. Metodika obucheniya ognevoy podgotovke sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov na sovremennom etape // Molodoy uchenyy. – 2019. – № 15 (253). – S. 266–270.
5. Mayurov N. P., Bantyukov I. B., Trabo V. N. Ognevaya podgotovka v organakh vnutrennikh del: problemy i perspektivy razvitiya // Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoy deyatelnosti. – 2022. – № 1. – S. 134–144; doi: 10.24412/2658-638X-2022-1-134-144.
6. Afanas'yev A. V., Pavlova Ya. A., Litvinenko A. G. Predposylki vznikeniya, stanovleniya, razvitiya i perspektivy sovershenstvovaniya professional'nogo obrazovaniya v organakh vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii (na primere uchebnoy distsipliny «ognevaya podgotovka») // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2018. – № 2 (31). – S. 90–97; doi: 10.51980/2542-1735_2018_2_90.
7. Filimonov V. A., Yakushev V. A., Mitin A. A. Aktual'nyye voprosy organizatsii ognevoy i fizicheskoy podgotovki v territorial'nykh organakh MVD Rossii // Obrazovaniye. Nauka. Nauchnyye kadry. – 2019. – № 4. – S. 239–241; doi: 10.24411/2073-3305-2019-10228.
8. Karimov A. A. Nekotoryye aspekty po sovershenstvovaniyu ognevoy podgotovki sotrudnikov OVD iskhodya iz statistiki primeneniya tabel'nogo oruzhiya // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2014. – № 1 (68). – S. 87–91.
9. Leneva Yu. B., Vorotnik A. N. Nekotoryye osobennosti metodiki ognevoy podgotovki kursantov i slushateley obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii k sorevnovaniyam razlichnogo urovnya // Problemy pravookhranitel'noy deyatelnosti. – 2016. – № 4. – S. 98–102.
10. Chermenev D. A., Tolstikhin A. N. Analiz sostoyaniya ognevoy podgotovki v organakh vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii // Nauchnyy komponent. – 2019. – № 4 (4). – S. 167–174.
11. Kochetkova S. V., Taran A. N. Teoretiko-metodologicheskiye osnovy sovershenstvovaniya ognevoy podgotovki sotrudnikov OVD // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2014. – № 3. – S. 137–140.
12. Struganov S. M., Ukrainskiy S. V., Barkalov S. N. Nekotoryye osobennosti metodiki podgotovki sotrudnikov organov vnutrennikh del k vedeniyu ognya v usloviyakh, ogranichivayushchikh pritselivaniye // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2019. – № 1 (43). – S. 96–100.
13. Koryagin S. V., Vyshtikalyuk V. F. O soderzhanii i razvitiu ognevoy podgotovki sotrudnikov politzii // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2016. – № 3 (66). – S. 55–58.
14. Domrachova Ye. Yu., Ilyakhina O. Yu., Klimenko S. S., Dubrovskiy V. Yu., Kadutskiy P. A. O razvitiu v sisteme MVD Rossii strelkovykh sluzhebno-prikladnykh vidov sporta // Ekstremal'naya deyatelnost' cheloveka. – 2018. – № 4 (50). – S. 63–66.
15. Svetlichnyy Ye. G., Verem'yev A. S. Praktiko-oriyentirovanny podkhod v ognevoy podgotovke obuchayushchikhsya v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2018. – № 58 (1). – S. 211–215.
16. Ivanov D. I., Shirinkin N. A. Osnovnyye aspekty obucheniya sotrudnikov, vkluyuchennykh v sostav vneshtatnykh snayperskikh grupp organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, v ramkakh zanyatiy po ognevoy podgotovke // Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii. – 2023. – № 1 (20). – S. 120–126.

Статья поступила в редакцию 28.06.2023; одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 06.01.2024.

The article was submitted June 28, 2023; approved after reviewing September 15, 2023; accepted for publication January 6, 2024.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья

УДК 796.06

doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-197-202

Николай Станиславович Матвейчук

<https://orcid.org/0009-0003-2429-1092>, wrestrus01@mail.ru

*Барнаульский юридический институт МВД России
Российская Федерация, 656038, Барнаул, ул. Чкалова, д. 49*

Оптимизация процесса физической подготовки курсантов Министерства внутренних дел Российской Федерации

Аннотация: Введение. Специфика задач, поставленных перед правоохранительными органами, характеризуется чрезмерными психофизическими нагрузками. Эти нагрузки усиливают утомление, снижают умственную и физическую работоспособность и в результате приводят к снижению эффективности деятельности. Физическая подготовка важна для сотрудников всех правоохранительных органов. Так, физическая подготовленность сотрудников МВД России в процессе служебной деятельности способствует формированию специальных двигательных навыков, совершенствованию наиболее важных психических и физических качеств. Одной из наиболее значимых составляющих профессиональной подготовки является обеспечение необходимого уровня психофизической подготовленности. Актуальность выбранной темы исследования обусловлена несовершенством организации физической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России. Опыт осуществления правоохранительной деятельности свидетельствует о том, что непонимание важности физической готовности личного состава нередко приводит к травмам, ранениям и гибели сотрудников ОВД во время выполнения служебных задач, поэтому важно определить наиболее значимые проблемы и пути их решения для оптимизации физической подготовки будущих сотрудников МВД России. **Методы исследования.** Анализ нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы организации физической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России, опрос специалистов, исследование и обобщение данных специальной научно-методической литературы, мониторинг информационных ресурсов сети «Интернет». **Результаты.** В работе рассмотрено законодательное регулирование вопросов физической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России, отражены точки зрения ученых на актуальные проблемы физической подготовки сотрудников МВД России, проанализированы показатели их физической подготовленности. На основании проведенного исследования предложены конкретные меры по решению проблем физической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России.

Ключевые слова: образовательные организации, МВД России, физическое воспитание, физическая подготовка, курсанты, физическая подготовленность, технико-тактическая подготовка

Для цитирования: Матвейчук Н. С. Оптимизация процесса физической подготовки курсантов Министерства внутренних дел Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 197–202; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-197-202.

Nikolay S. Matveychuk

<https://orcid.org/0009-0003-2429-1092>, wrestrus01@mail.ru

*Barnaul Law Institute of the MIA of Russia
49, Chkalova str., Barnaul, 656038, Russian Federation*

Optimisation of physical training process for cadets of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Abstract: Introduction. The specificity of tasks set for law enforcement agencies is characterised by excessive psychophysical tension. These strains increase fatigue, reduce mental and physical efficiency and, as a result, lead to decrease in the effectiveness of activity. Physical training is important for employees of all law enforcement agencies. Thus, physical training of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the process of professional activity contributes to the formation of special motor skills, improvement of the most important mental and physical qualities. One of the most significant components of professional training is to ensure the necessary level of psychophysical competency. The relevance of the current research is due to the shortcomings in the organisation of physical training for cadets of educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The experience of law enforcement activity shows that the lack of understanding of the importance of physical training of personnel often leads to injuries, wounds and deaths of police officers while performing their official tasks. It is important to identify the most significant problems and ways to solve them to optimise the physical training of future employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. **Research methods.** Analysis of normative legal acts regulating the issues of organisation of physical training for cadets of educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, survey of specialists, research and synthesis of data of special scientific and methodological literature, monitoring of information resources of the Internet. **Results.** The research deals with the legislative regulation of the issues of physical training of cadets of educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, reflects the views of scientists on the current problems of physical training of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, analyses the indicators of their physical competence. On the basis of the research, specific measures to solve the problems of physical training of cadets of educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia are proposed.

Keywords: educational organisations, Ministry of Internal Affairs of Russia, physical education, physical training, cadets, physical competence, technical and tactical training

For citation: Matveichuk N. S. Optimisation of physical training process for cadets of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 197–202; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-197-202.

Введение

Важнейшую роль в успешной профессионально-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел играет навык физического противодействия правонарушителям, поэтому особое внимание в учебном процессе уделяется многостороннему физическому развитию будущих специалистов. Физическое воспитание – это вид образовательной деятельности, направленный на обучение двигательным навыкам и умениям, а также на развитие физических качеств, являющихся неотъемлемой частью здоровой, физически полноценной и социально активной личности. Сегодня в образовательных организациях МВД России физическое воспитание осуществляется посредством преподавания самостоятельной дисциплины «Физическая подготовка». Под физической подготовкой будем понимать специально организованный учебно-тренировочный процесс, направленный на воспитание и поддержание основных физических качеств, психологической устойчивости, укрепления здоровья сотрудников органов внутренних дел, приобретение и стабилизацию у них двигательных навыков и умений, имеющих служебно-прикладную направленность.

Теоретически понятие физического воспитания схоже с понятием физической подготовки, однако последнее в научных трудах используется для того, чтобы подчеркнуть прикладную направленность физической подготовки по отношению к работе и другим видам деятельности, требующим физической подготовленности. В свою очередь, физическая подготовленность – это результат физической подготовки, воплощенный в работоспособности или двигательных навыках, которые необходимы или полезны для овладения определенным видом деятельности. Можно утверждать, что физическая подготовленность, как и физическое воспитание, является лишь частью физической культуры и не отражает сущности более широкого понятия.

В настоящее время немало трудов отечественных специалистов посвящено вопросу физической и психофизической подготовки сотрудников МВД России. В частности, сегодня актуальны следующие направления научных исследований по вопросам физической подготовки сотрудников МВД России: 1) повышение адаптации первокурсников к специфическим условиям обучения [1, с. 35; 2, с. 212]; 2) формирование психофизиологической готовности курсантов образовательных организаций МВД России к будущей профессиональной деятельности [3, с. 214]; 3) приоритетное применение видов спорта, а именно, методики военно-спортивного ориентирования [4, с. 496; 5, с. 465]; 4) использование легкоатлетических средств [6, с. 12; 7, с. 300]; 5) функциональный тренинг – кроссфит [8, с. 16]; 6) применение йоги [9, с. 300; 10, с. 126]; 7) профессиональный отбор в правоохранительные органы и критерии оценки физической подготовленности [11, с. 154]; 8) использование педагогических технологий [12, с. 359].

На законодательном уровне вопросы реализации физической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России регламентируются приказом МВД России от 1 июля 2017 г. № 450 «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» (далее – приказ № 450)¹. Несмотря на большое количество научных трудов, опубликованных по данному вопросу, и строгую регламентацию занятий физической подготовкой, существует ряд проблем, связанных с организацией физической подготовки. Такое положение дел подтверждается высокими показателями смертности сотрудников ОВД, а также достаточно высоким числом сотрудников, получивших ранения при исполнении служебных обязанностей².

Задачи исследования

В качестве задач, стоящих перед автором, выступают обобщение и систематизация данных о существующих проблемах организации физической подготовки будущих сотрудников МВД России и разработка предложений по ее совершенствованию.

Методы исследования

В процессе исследования анализировались документы, регламентирующие вопросы организации физической подготовки в образовательных организациях системы МВД России. Был проведен опрос среди действующих сотрудников МВД России, а также курсантов образовательных организаций МВД России, в рамках которого респонденты отвечали на вопросы о своей физической подготовленности. Исследовались научно-правовые позиции по проблемным аспектам организации физической подготовки в образовательных организациях системы МВД России.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты проведенного опроса показали, что 57,1 % сотрудников ОВД имеют уровень здоровья «ниже среднего»; у 24,8 % уровень оценивается как «низкий»; у 16,3 % – как «средний», и только 1,8 % сотрудников ОВД имеют уровень здоровья «выше среднего». Важно подчеркнуть, что ни один из опрошенных нами сотрудников ОВД, проходивших физическую подготовку в образовательных организациях системы МВД России, не имел высокого уровня физического здоровья. Физическая подготовленность более чем у 40 % абитуриентов является низкой, и из года в год ухудшается; отсутствует надлежащая мотивация улучшения своих физических возможностей. Только 47 % курсантов образовательных организаций МВД России посещают секции в нерабочее время, и только 19,1 % респондентов довольны своей физической формой.

В приказе № 450 целью физической подготовки названо формирование физической готовности сотрудников к успешному выполнению оперативно-служебных задач, умелому применению физической силы, в том числе боевых приемов борьбы, а также обеспечение высокой работоспособности в процессе служебной деятельности. А среди задач были выделены следующие: 1) развитие и поддержание профессионально важных физических качеств на уровне, необходимом для успешного выполнения оперативно-служебных задач; 2) формирование двигательных навыков и умений эффективного и правомерного применения физической силы, в том числе боевых приемов борьбы; 3) поддержание и укрепление

¹ Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 01 июля 2017 г. № 450 (ред. от 27.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.08.2023).

² В России в прошлом году погибли или умерли более 400 сотрудников МВД [Электронный ресурс] // РИА Новости: сайт. – URL: <https://ria.ru/20190523/1554842495.html> (дата обращения: 10.08.2023).

здоровья, сохранение продуктивного уровня общей работоспособности, повышение устойчивости организма к воздействию неблагоприятных факторов служебной деятельности. Упомянутый приказ также предусматривает, что в содержание занятий по физической подготовке должны быть включены упражнения прикладной гимнастики и атлетической подготовки, легкой атлетики и ускоренного передвижения, преодоления препятствий, лыжной подготовки, плавания, а также боевых приемов борьбы.

К сожалению, задачи физической подготовки сотрудников МВД России, обозначенные в приказе № 450, в настоящее время не выполняются в полной мере. Соответственно, сформулированная законодателем цель физической подготовки сотрудников МВД России не достигается. Из числа наиболее распространенных проблем физической подготовки прежде всего нужно назвать низкий уровень технико-тактической подготовки курсантов. В настоящее время лишь небольшая часть курсантов, прошедших обучение в образовательных организациях, приобрела высокий уровень навыков рукопашного боя и смогла эффективно применять их в экстремальных условиях последующей службы. По справедливому замечанию Е. Е. Витютнева, указанная проблема обусловлена отсутствием систематизации и недостаточным количеством часов, отведенных на данный вид обучения в программах для разных категорий учащихся [13, с. 80].

Как правило, минимальное количество занятий по физической подготовке в образовательных организациях МВД России составляет два раза в неделю. Соответственно, перерыв между отдельными занятиями может составлять от трех до четырех дней, что является довольно длинным периодом, и в совокупности со сложностью приемов и низким уровнем развития двигательной памяти у слушателей, приводит к нарушению целостности процесса формирования двигательного навыка.

Кроме того, на практике встречаются случаи, когда в основе физической подготовки используют всего несколько обязательных параметров, что, как правило, является лишь частью всестороннего педагогического процесса и не может дать хорошего результата. Впоследствии нарушается формирование специальных физических качеств, что влечет изменение техники выполнения боевых приемов.

Многие эксперты связывают с проблемой низкого уровня технико-тактической подготовки курсантов проблему несоответствия способов изучения и методологии физической подготовки новейшим научным достижениям. Например, по настоящее время в практике физической подготовки в качестве постоянной проверки способностей курсантов не распространены соревновательные ситуации, вследствие чего не обеспечивается своевременное формирование профессиональных физических качеств и прикладных двигательных навыков до необходимого уровня [14, с. 37]. В целом многие специалисты указывают на недостаток современных научно-методических разработок, направленных на модернизацию образовательного процесса в образовательных организациях МВД России, однако отмечая при этом сохранение стандартного, общеиспользуемого подхода со стороны преподавательского состава.

Актуальность приобрело и такое нововведение, как персонификация двигательной активности. В современных реалиях персонификация принимает иной, более многогранный и компактный вид. Внедрение электронных учебников по дисциплине «Физическая подготовка», техническое переоснащение, разработка актуальных методик использования средств физической культуры способны повысить эффективность физического развития курсантов. Наряду с вышеописанными проблемами существует также проблема направленности физической подготовки обучающихся в образовательных организациях МВД России на сдачу нормативов, разучивание двигательных действий в стандартных условиях и развитие определенной психофизической устойчивости, в то время как на практике сотрудник полиции должен быть готов действовать в критических ситуациях и нестандартных условиях.

Интересной в данном вопросе является проблема, отмеченная А. А. Третьяковым, А. А. Гореловым. Эти ученые считают, что основные нормативно-правовые документы сужают подготовку сотрудников ОВД, не охватывая и не раскрывая основные направления профессионально-прикладной физической подготовки. Так, неясными остаются цели включения в содержание занятий по физической подготовке упражнений прикладной гимнастики, легкой атлетики и ускоренного передвижения, лыжной подготовки и плавания. Кроме того, недетальное описание развития общей физической подготовки сотрудников полиции, существующей одновременно со специальной, не содержит профессионально важные умения и навыки, что дезориентирует и не даёт в полной мере раскрыть сущность данного направления на практике [15, с. 304].

Заключение

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о том, что существующая организационная структура физической подготовки курсантов в образовательных организациях МВД России не лишена проблем, существование которых ограничивает и тем самым затрудняет комплексную служебно-боевую подготовку сотрудников ОВД. Полагаем, необходимо принять соответствующие меры, а именно: внедрить актуальные в настоящее время методологии – метод проектов; личностно-ориентированного обучения; уровневой дифференциации; ситуации, приближенные к экстремальным во время несения службы – и другие, способствующие всестороннему и индивидуальному развитию физической подготовки, повысить квалификацию персонала в области планирования и проведения профессиональных и физических тренировок, усовершенствовать учебно-материальную базу образовательных организаций МВД России и в целом повысить роль и место физической подготовки в образовательном процессе. Результатом этих нововведений должна стать такая педагогическая система, компоненты и направления подготовки которой взаимосвязаны и взаимообусловлены, а сама она ориентирована на качественный уровень профессионально-прикладной физической подготовленности. В случае установления взаимосвязи между компонентами и направлениями подготовки достигается сбалансированное развитие физических навыков и профессиональных качеств курсантов. Эффективное распределение ресурсов и времени в такой системе способствует повышению уровня профессиональной и прикладной физической подготовки курсантов.

Список литературы

1. Гуралев В. М., Гуралев А. В., Осипов А. Ю., Филиппович В. А. Обеспечение практической направленности обучения на занятиях по физической подготовке в вузах МВД РФ // Проблемы современного педагогического образования. Серия: Педагогика и психология. – 2016. – № 52-3. – С. 34–41.
2. Журавлев А. А., Макаров В. М. К вопросу об оптимизации физической подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России // NovaInfo. – 2016. – Т. 2. – № 51. – С. 211–214.
3. Витютнев Е. Е. Особенности процесса формирования профессионально важных двигательных умений и навыков у курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 2 (32). – С. 212–216.
4. Шейнин А. А., Ларин А. Н., Кривилев С. А., Павлов А. Г., Тухто С. В. Инновации в физическом развитии курсантов посредством персонификации двигательной активности // Ученые записки университета Лесгафта. – 2022. – № 5 (207). – С. 495–498.
5. Ярославский М. А. Проблемы применения практических навыков, полученных в рамках курса физической подготовки курсантами и слушателями образовательных организаций МВД России // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 3 (166). – С. 465–466.
6. Тапунов Ю. Н. Теоретико-методические аспекты физической подготовки курсантов вузов МВД // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2010. – № 1. – С. 10–14.
7. Баркалов С. Н., Герасимов И. В. Физическая подготовка курсантов образовательных организаций МВД России: состояние, проблемы и пути совершенствования // Общество и право. – 2014. – № 4 (50). – С. 299–304.
8. Журавлев А. А., Макаров В. М., Долгих И. П. О проблемах физической подготовки курсантов и слушателей в образовательных организациях системы МВД России // Тенденции развития психологии и педагогики: сборник статей Международной научно-практической конференции (20 сентября 2014 г., г. Уфа). – Уфа: Аэтерна, 2014. – С. 15–17.
9. Сафонов Д. Е. О некоторых путях повышения эффективности обучения боевым приемам борьбы в образовательных учреждениях МВД России // Общество и право. – 2010. – № 4. – С. 299–301.
10. Славко А. Л., Витютнев Е. Е. Совершенствование процесса физической подготовки сотрудников органов внутренних дел // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 2 (40). – С. 125–128.
11. Фомин С. А., Шевченко А. Р. Педагогические проблемы организации процесса физической подготовки курсантов вузов МВД России // Эпоха науки. – 2019. – № 19. – С. 153–156.
12. Цекунов С. О., Мудренко Н. А. Проблемы обучения боевым приемам борьбы на занятиях по физической подготовке курсантов образовательных организаций МВД России // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2021. – № 6 (196). – С. 358–361.

13. *Витютнев Е. Е.* Оптимизация процесса профессионально-прикладной физической подготовки сотрудников полиции в образовательных организациях МВД России // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 71-1. – С. 79–81.

14. *Муханов Ю. В., Тарасенко А. А., Лопатин И. И.* Проблемы и пути совершенствования физической подготовки в образовательных организациях МВД России // Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2017. – № 1. – С. 36–38.

15. *Третьяков А. А., Горелов А. А.* К проблеме организации профессионально-прикладной физической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России // Современные наукоемкие технологии. – 2022. – № 10-2. – С. 302–307.

References

1. *Guralev V. M., Guralev A. V., Osipov A. Yu., Filippovich V. A.* Obespecheniye prakticheskoy napravlenosti obucheniya na zanyatiyakh po fizicheskoy podgotovke v vuzakh MVD RF // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. Seriya: Pedagogika i psikhologiya. – 2016. – № 52-3. – С. 34–41.

2. *Zhuravlev A. A., Makarov V. M.* K voprosu ob optimizatsii fizicheskoy podgotovki kursantov i slushateley obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii // NovaInfo. – 2016. – Т. 2. – № 51. – С. 211–214.

3. *Vityutnev Ye. Ye.* Osobennosti protsessa formirovaniya professional'no vazhnykh dvigatel'nykh umeniy i navykov u kursantov i slushateley obrazovatel'nykh organizatsiy sistemy MVD Rossii // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2016. – № 2 (32). – С. 212–216.

4. *Sheynin A. A., Larin A. N., Krivilev S. A., Pavlov A. G., Tukhto S. V.* Innovatsii v fizicheskom razvitii kursantov posredstvom personifikatsii dvigatel'noy aktivnosti // Uchenyye zapiski universiteta Lesgafta. – 2022. – № 5 (207). – С. 495–498.

5. *Yaroslavskiy M. A.* Problemy primeneniya prakticheskikh navykov, poluchennykh v ramkakh kursa fizicheskoy podgotovki kursantami i slushatelyami obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii // Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2022. – № 3 (166). – С. 465–466.

6. *Tapunov Yu. N.* Teoretiko-metodicheskiye aspekty fizicheskoy podgotovki kursantov vuzov MVD // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2010. – № 1. – С. 10–14.

7. *Barkalov S. N., Gerasimov I. V.* Fizicheskaya podgotovka kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii: sostoyaniye, problemy i puti sovershenstvovaniya // Obshchestvo i pravo. – 2014. – № 4 (50). – С. 299–304.

8. *Zhuravlev A. A., Makarov V. M., Dolgikh I. P.* O problemakh fizicheskoy podgotovki kursantov i slushateley v obrazovatel'nykh organizatsiyakh sistemy MVD Rossii // Tendentsii razvitiya psikhologii i pedagogiki: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (20 sentyabrya 2014 g., g. Ufa). – Ufa: Aeterna, 2014. – С. 15–17.

9. *Safonov D. Ye.* O nekotorykh putyakh povysheniya effektivnosti obucheniya boyevym priyemam bor'by v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh MVD Rossii // Obshchestvo i pravo. – 2010. – № 4. – С. 299–301.

10. *Slavko A. L., Vityutnev Ye. Ye.* Sovershenstvovaniye protsessa fizicheskoy podgotovki sotrudnikov organov vnutrennikh del // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2018. – № 2 (40). – С. 125–128.

11. *Fomin S. A., Shevchenko A. R.* Pedagogicheskiye problemy organizatsii protsessa fizicheskoy podgotovki kursantov vuzov MVD Rossii // Epokha nauki. – 2019. – № 19. – С. 153–156.

12. *Tsekunov S. O., Mudrenko N. A.* Problemy obucheniya boyevym priyemam bor'by na zanyatiyakh po fizicheskoy podgotovke kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii // Uchenyye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta. – 2021. – № 6 (196). – С. 358–361.

13. *Vityutnev Ye. Ye.* Optimizatsiya protsessa professional'no-prikladnoy fizicheskoy podgotovki sotrudnikov politsii v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2021. – № 71-1. – С. 79–81.

14. *Mukhanov Yu. V., Tarasenko A. A., Lopatin I. I.* Problemy i puti sovershenstvovaniya fizicheskoy podgotovki v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii // Vestnik BelYul MVD Rossii. – 2017. – № 1. – С. 36–38.

15. *Tret'yakov A. A., Gorelov A. A.* K probleme organizatsii professional'no-prikladnoy fizicheskoy podgotovki kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii // Sovremennyye naukoemykiye tekhnologii. – 2022. – № 10-2. – С. 302–307.

Статья поступила в редакцию 18.06.2023; одобрена после рецензирования 12.08.2023; принята к публикации 22.01.2024.

The article was submitted June 18, 2023; approved after reviewing August 12, 2023; accepted for publication January 22, 2024.

Научная статья

УДК 378

doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-203-210

Екатерина Александровна Никитская

кандидат педагогических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0003-3187-6534>, katamax@yandex.ru

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

Проблема социализации человека в научно-исторической ретроспективе и современном междисциплинарном дискурсе

Аннотация. Введение. В статье представлено системное междисциплинарное изложение теоретических основ исследования феномена социализации. В настоящее время в социальной сфере феномен социализации сам представляет собой социальную проблему, что вызвано, по мнению ученых, комплексом динамично меняющихся социальных, экономических, политических, культурологических условий и обстоятельств, способствующих возникновению трансформационных процессов социума в целом. **Методы исследования.** Характеризующие социализацию результаты исследования представлены в статье на основе некоторых методов социально-гуманитарных наук: теоретических (восхождение от абстрактного к конкретному, анализ и синтез, реферирование), наблюдательных (прямое, включенное, косвенное наблюдение); диагностических (интервьюирование, анализ документов); праксиметрических (изучение и обобщение опыта и продуктов профессиональной деятельности) и пр. **Результаты исследования.** Прежде всего это процессы в современном российском социуме, которые объективно меняют содержание и механизмы социализации человека. В связи с этим стало возможным говорить о превращении феномена социализации в самостоятельную социальную и научно-исследовательскую проблему. Вышесказанным определяется принципиальная по значимости необходимость тщательно изучить социализацию человека в ее современных условиях как актуальную социальную и педагогическую проблему в контексте социально-гуманитарных отраслей человекознания, прежде всего в области философии, социологии и педагогики. Расширяя предметное поле социально-гуманитарного знания, представленные в статье материалы могут послужить стимулом к дальнейшему научному осмыслению проблематики социализации человека, а также быть использованы при профессиональной подготовке и профессиональной социализации будущих специалистов социальной сферы.

Ключевые слова: междисциплинарное исследование, социальная проблема социализации, воспитание, развитие, субъект-объектный подход, субъект-субъектный подход, социальная сфера, социализированность

Для цитирования: Никитская Е. А. Проблема социализации человека в научно-исторической ретроспективе и современном междисциплинарном дискурсе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 203–210; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-203-210.

Ekaterina A. Nikitskaya

Cand. Sci (Ped.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-3187-6534>, katamax@yandex.ru

*Kikot Moscow University of the MIA of Russia
12, Akademika Volgina str., Moscow, 117997, Russian Federation*

The problem of human socialization in scientific and historical retrospect and modern interdisciplinary discourse

Abstract: Introduction. The article depicts a systematic interdisciplinary presentation of the theoretical foundations of the study of the phenomenon of socialization. Currently, in the social sphere, the phenomenon of socialization itself is a social problem that is caused, according to scientists, by a whole pleiad of dynamically changing social, economic, political, and cultural conditions and circumstances that contribute to the emergence of transformational processes in society as a whole. **Research methods.** The research results that characterize socialization are presented in the article based on some methods of the social and humanitarian sciences: theoretical (ascent from the abstract to the concrete, analysis and synthesis, referencing), observational (direct, included, indirect observation), diagnostic (interviewing, analysis of documents), gravimetric analysis (the study and generalization of experience and products of professional activity), and so on. **The results of the research.** First of all, these are processes in modern Russian society that objectively change the content and mechanisms of human socialization. In this regard, it is now possible to talk about the transformation of the phenomenon of socialization into an independent social and research problem. The above points out the fundamental importance of the need to thoroughly study human socialization in its modern conditions as an actual social and pedagogical problem in the context of the social and humanitarian branch of human studies, and above all in the fields of philosophy, sociology, and pedagogy. Expanding the subject field of social and humanitarian knowledge, the materials presented in the article can serve as an incentive for further scientific understanding of the problem of human socialization, as well as be used in the professional training and professional socialization of future social specialists.

Keywords: interdisciplinary research, social problem socialization, education, development, subject-object approach, subject-subject approach, social sphere, socialization

For citation: Nikitskaya E. A. The problem of human socialization in scientific and historical retrospect and modern interdisciplinary discourse // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 203–210; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-203-210.

Introduction

In social and humanitarian studies and fields of activity, socialization is studied as a complex and integral phenomenon caused by social, psychological, and pedagogical problem components. Currently, in Russian society, socialization as a process is a social problem. This is caused by several dynamically changing social conditions and circumstances that contribute to the emergence of transformational processes in society as a whole.

The changed economic, socio-economic, socio-cultural, socio-psychological, socio-pedagogical, and technological realities contributed to the change in established social norms and values, which together stimulated the autonomization of spontaneous human socialization with diverse components of social existence and relatively socially controlled socialization—education. This also contributed to the increasing importance of the role of relatively directed socialization, which is carried out in the process of human interaction with various social institutions. In this regard, it became possible to talk about the transformation of the phenomenon of socialization into an independent social and research problem. The above-mentioned factors determine the fundamental need to thoroughly study human socialization in its modern conditions as an actual social problem in the context of the social and humanitarian branches of human studies.

The relevance of this problem for the humanitarian branch of human studies is determined by at least the following circumstances: a significant transformation in the XXI century of the conditions that determine the content and mechanisms of the socialization process; the need for an interdisciplinary understanding of changes occurring in the positive and negative components of the socialization process.

Research methods

The research results that characterize socialization are presented in the article based on some methods of the social and humanitarian sciences: theoretical (ascent from the abstract to the

concrete, analysis and synthesis, referencing), observational (direct, included, indirect observation), diagnostic (interviewing, analysis of documents), gravimetric analysis (the study and generalization of experience and products of professional activity), and so on.

Description of the study

As an object of multidisciplinary research, the phenomenon of socialization has been studied and is being studied in philosophy, social philosophy, sociology, cultural anthropology, ethnology and ethnography, social and age psychology, as well as in criminology, social pedagogy, and socio-pedagogical victimology. At the same time, the term “socialization” was initially and mainly used in political-economic discourse, but since the end of the XIX century, it has been progressively and, most importantly, for the humanitarian branch of knowledge, being considered in more and more detail concerning the study of the phenomenon of human development in other branches of human knowledge.

Considering the uniqueness of man with their separation from “cosmos,” the philosophers of antiquity had a great influence on the formation of ideas about the ideal of man, including thinking about his possibility of socialization in such “centers” as the state. With the beginning of the Christian era, the view of the phenomenon of assimilation and reproduction of social experience by a person changed. Christian philosophical thought sees man as the image and likeness of the Creator and sees the triune natural essence of man—spiritual, spiritual, and physical—expanding the idea of the mechanisms of the phenomenon of human integration into society, as well as the characteristics of the latter, not only as a good and “field” of human realization of divine commandments but also as the focus of “earthly” dangers, preventing a person from achieving eternal benefits in the Kingdom of Heaven.

In the Renaissance, the philosophical view was focused on seeing a person as an active being, creating values (spiritual and material) that transformed society. This reveals the most important component of understanding the phenomenon of human socialization, namely, not only as a process of assimilation of social experience but also its reproduction and creative introduction into the culture of new forms and accents of social relations and value orientations of social existence. By this time, it is customary to refer to the formation of a philosophical trend—humanism—the doctrine “about man as the creator of earthly existence and the measure of all things.” For philosophy, the problem of exalting the human essence in the humanistic paradigm is inevitably associated with the need to understand the problem of balancing the interests of the individual and society, determining the subjectivity and objectivity of a person in the process of socialization, and therefore determining the positive and negative potentials in the interaction of a person and society that contribute or hinder their constructive development and mutual influence.

Since the 17th century, philosophers have included such categories as “knowledge” and “reason” in the structure of human social interaction, which in the 18th century was of fundamental importance for revealing the phenomenon of human socialization. Philosophers of this era prefer to define human socialization as an “interval” process between animality, egoism, and submission to natural passions, on the one hand, and responsibility, will, and spirit, on the other. It is thanks to the development of spirituality that a person overcomes his animal (biological being) and begins to communicate with the world through knowledge¹.

Subsequent socio-economic processes in the history of mankind, which determined the technical breakthroughs of the XIX–XX centuries, stimulated philosophical thought to identify the phenomenon of education as one of the key conditions for human development, which is presented as a necessary factor for positive socialization. Followers of the philosophy of existentialism A. Camus, J. P. Sartre, M. Heidegger, and K. Jaspers raised questions about the conflict between the individual and society, the place of a person in society, the individual responsibility of a person for choosing a life path, the meaning of human life, freedom as universal characteristics of human existence, and the subjectivity of human self-consciousness, reflecting on the processes of socialization of the individual again but already taking into account the acute challenges of the twentieth century. The analysis of the works of existentialist philosophers reveals this trend, in which such unique phenomena of social practice as upbringing and education are given at best a secondary place in the formation of human sociality. This conclusion is suggested by the often-found principled position of representatives of this philosophical direction, which declares that the qualities and properties of a socialized, or rather socializing, personality are formed as a result of countless personal “choices” and not through pedagogical influence on the part of socialization subjects—parents, teachers, relatives, peers, neighbors, and others—which, for pedagogy, are the most essential factors of human socialization, that is, subjects of the pedagogical process that are directly involved in the formation of the human personality and its individuality [4].

¹Тегель Г. В. Фридрих. Энциклопедия философских наук. – Рига: Звайгзне, 1981. – С. 24–32.

The concepts of several German and French philosophers formed in the middle of the twentieth century, clearly under the influence of the tragic events in which Europe was immersed at that time and from which it was trying to find constructive ways to restore the disturbed balance in the “man-society” system, contrast significantly with existential philosophy in terms of understanding the essence of the socialization process.

Thus, German philosophers and representatives of the Frankfurt School, T. Odorno, J. Habermas, M. Horkheimer, K. Weizsacker, and others, attempted to minimize the gap between philosophy and real social practice in the discourse of studying the relationship and interaction of man and society. This approach made it possible to construct a person's social existence in the most nonviolent (non-vertical) ways to avoid a repeat of the tragedy of the twentieth century.

French philosopher P. M. Foucault, Zh. Deleuze, as well as P. Bourdieu, J. K. Passeron, J. K. Chaberdon, and other representatives of the French school of the social philosophy of the twentieth century revealed the so-called “integration theory,” the key concepts of which are “human subjectivity” and “social structural objectivity” in all the variety of their mutual influence and interaction. One of the main thoughts of the representatives of this philosophical school is the understanding that the reality in which modern man lives and which appears to him as something originally and forever given by nature, indubitable and self-evident, actually arises under absolutely definite social relations and in very specific social institutions. At the same time, the actions performed by a person and the meanings they bring to the world are always socially determined.

In the sociological discourse, a significant contribution to the development of the subject of socialization was made primarily by such scientists as E. Durkheim, R. Merton, T. Parsons, and N. Smelzer.

E. Durkheim, the founder of the subject-object approach, based his understanding of the phenomenon of socialization on the concept of the philosophical and sociological theory of morality, based on two key postulates: society is a form of special reality that exercises control over the actions of its members; control of human nature is carried out through public morality and the threat of punishment. Based on this, E. Durkheim transfers the semantic characterization of external socializing factors to the process of educating younger generations without actually separating these phenomena, and the French sociologist explains the apparent methodological incorrectness of this opinion as the main function of socialization—establishing the integrity and homogeneity of society².

It can be emphasized that it is precisely in the context of the subject-object sociological approach that such terms as “internalization,” “assimilation” (“mastering”), “adaptation,” and similar ones were formed, which are often found in dictionary definitions of the concept of socialization as revealing the essence of this phenomenon.

Thus, T. Parsons and R. Merton reveal the specifics of the socialization process mainly through the concept of “adaptation,” that is, the integration of the individual into society through the psychological mechanism of adaptation. The question of the adaptability of a person and society to each other, from the point of view of T. Parsons determines the key problems of society and is a criterion for maintaining it in a stable equilibrium state. To eliminate “social diseases,” the scientist suggests bringing all systems of social action into functional harmony, monitoring the satisfaction of the needs of the majority of citizens, as well as monitoring the effectiveness of social integration processes, the main one of which is the process of human socialization. The latter, from the point of view of T. Parsons is a “coordinate system of social actions,” where social action is the action of one person concerning another to change its behavior and structure the social order. In the system of such actions, he defines three main components: personality, culture, and social system, and as signs of socialization: the presence in a person's life of a specific situation of social interaction, the presence of a personal status-role position, as well as the presence of a person's normative-value system of external symbols that regulate his social actions and contribute to constructive life [9].

Unlike T. Parsons, R. Merton draws attention to the study of destructive phenomena that arise as a result of accumulating contradictions in society. R. Merton supplemented E. Durkheim's theory of social anomie and proposed, among other things, a typology of social adaptation, which gives an idea of various manifestations of deviant behavior, which, according to the scientists, are a consequence of the corresponding social conditions and the result of the reaction of members of society to violations of social regulations [5, p. 118].

The position of another proponent of this approach in sociology, N. Smelzer is in tune with the classics of the subject-object approach to understanding the phenomenon of socialization, which defines the goal of socialization as firstly, to promote constructive social interaction among citizens based on their social roles, and secondly, to ensure the preservation of society as an integral structure.

² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – Москва: Канон, 1996. – С. 46.

In the sociological studies of the founders and subsequent adherents of the subject-subject approach to understanding the phenomenon of socialization, G. Bloomer, E. Hoffman, W. A. Thomas, and others, the active position of the individual in the process of socialization is indicated. In line with this approach, the social-transforming function of the individual is emphasized, along with the “passive” role of assimilation and reproduction of social experience and cultural values cultivated in a particular society. Thus, one of the representatives of the adherents of the subject-subject approach, W. A. Thomas put forward and substantiated the idea that, in general, all social processes and phenomena should be considered exclusively as the result of the conscious activity of specific individuals.

E. Goffman’s understanding of the essence of the socialization process is based on the concept of interactionism [14], the main idea of which is the idea of the socialization process as a set of many interactions—“interindividual interactions.” These interactions, in all their socially and institutionally determined diversity, are elements from which the entire process of human socialization is built. In this process, the individual is the source and designer of social interaction, and thus, as the fan of the social actions of the individual, the breadth and diversity of his interactions with other members of society become the driving force for the development of society as a whole.

In connection with this understanding of the “link” between the role of individual activity and the possibility of its implementation in social groups, the sociological interpretation of socialization by the American scientist A. Inkeles, who proposed to analyze this phenomenon using the so-called “focus model,” is very interesting. Its essence boils down to the fact that although the sociological analysis of the phenomenon of socialization may largely coincide with the interpretations of philosophers, cultural scientists, psychologists, and teachers, nevertheless, according to A. Inkeles, socialization for sociologists, unlike specialists in other branches of humanitarian knowledge, is of interest in the context of the emergence, existence, and reproduction of specific social groups as an organic and integral developing system [13, p. 53].

A separate place in the scientific discourse of the phenomenon of socialization belongs to psychology as a branch of social and humanitarian knowledge.

In the foreign psychological literature, we can distinguish several areas related to the study of the socialization process: behavioral, psychodynamic (Freudian and neo-Freudian), cognitive, and humanistic. The analysis of these areas shows that, in line with each of them, a fairly wide range of relatively independent paradigms, theories, and concepts was developed and presented, which contributed to detailing the psychological understanding of the phenomenon of socialization and filling it with “industry” specifics.

Many experts recognize that the concept of “socialization” entered the field of psychology thanks to representatives of behaviorism (A. Bandura, B. Skinner, E. Thorndike, R. Walters, etc.), who identified socialization only as a process of “social learning.”

Social conditioning of personality development is represented in a certain way in the psychodynamic direction in psychology (Z. Freud, E. Fromm, E. Erickson, etc.), in the mainstream of which socialization is considered the acquisition of control over innate impulses and drives.

In the framework of the cognitive field of psychology (Zh. Piaget, L. Kohlberg, and others), researchers analyze the process of socialization mainly through the study of the peculiarities of the development of the human cognitive sphere. The main factor in the social development of the individual, according to this concept, is the psychosocial identification of the child with his immediate environment.

As for the direction of humanistic psychology (A. Maslow, G. Allport, K. Rogers, V. Frankl, E. Fromm, etc.), in which a person is considered from the standpoint of the uniqueness of his being and his social development is associated with the process of his self-actualization, in fact, for representatives of this direction, human socialization is a process of actualization by the individual of his own “self-concepts,” the realization of a person’s potential and creative abilities, as well as the process of overcoming negative environmental influences that interfere with its self-development and self-affirmation³.

As to modern research on the psychological aspects of the phenomenon of socialization of the individual, it is appropriate to pay attention to some works that analyze the features of personality formation and self-awareness in the process of socialization in the context of general and age psychology, as well as studies that focus on the study of the specifics of social groups and, in general, environmental factors that influence human socialization in modern socio-cultural conditions of

³ Слостенин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н. Педагогика : учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / под ред. В. А. Слостенина. – Москва: Издательский центр “Академия”, 2002. – С. 138.

society development (E. P. Belinskaya, E. B. Vesna, L. G. Pochebut, N. K. Radina, A. A. Rean, S. I. Rozum, T. N. Sakharova, E. O. Tikhomandritskaya, etc.).

The analysis of the content characteristics of socialization in various scientific areas of psychology allows to focus on the essential components of this phenomenon, namely, the processes of adaptation of the individual to the social environment and the possibilities of autonomization in it, the process of mastering a certain set of patterns and prototypes of social interaction and relationships within society, as well as the place and role of self-development of the individual.

There is no doubt in the scientific community that creating the necessary conditions for the development of a socially active, responsible, and creative personality is a priority goal and a meaningful essence of pedagogical activity. At the same time, what we are talking about is most fully revealed precisely in the pedagogical understanding of the phenomenon of socialization, the idea of which is firmly embedded today in the conceptual fields of general pedagogy and social pedagogy. At the same time, the entry of the concept of “socialization” into a stable pedagogical thesaurus was very difficult. Several distinguished methodologists of pedagogy, including V. A. Slastenin and A.V. Mudrik repeatedly expressed the opinion that in the field of humanitarian knowledge, there is often either a substitution of the concept of “socialization” by the concept of “education” or their identification. However, the actual pedagogical thought clearly defines the illegality of both one and the other, arguing that education is only one of the components of the complex process of socialization, namely, its so-called “controlled” part, along with the spontaneous and relatively directed, as well as the process of human self-change, carried out throughout his life [11].

At the end of the XX and beginning of the XXI centuries, the fundamental differences between spontaneous socialization and human education are identified in pedagogy, and the process of socialization itself is defined as a synergistic process of social formation of the individual due to the interaction of purposeful social education and self-improvement under the special influence of various social groups and the socio-pedagogical infrastructure of society. Indeed, despite the multidimensional nature of the concept of “socialization”, if we proceed from the postulates of pedagogical anthropology, which calls for studying the human personality and its development in its entirety and using knowledge from various sciences, then the subject area of pedagogical science becomes the most relevant to the study of the phenomenon of socialization concerning the formation of a person as an integral part of society.

Foreign studies of the phenomenon of socialization in the pedagogical context have emphasized the exceptional importance of the social component in the educational process – the social environment, social groups, social relations, social interactions, social institutions, etc. Thus, according to E. Bornemann, it is social pedagogy that reveals the key essence of the phenomenon of human socialization in the closest approximation, contributing to a productive study of the problems of individual independence and its significance in social groups and social communities. K. Mollenhauer, when understanding the phenomenon of human socialization, considered it necessary to study not only the features of the transfer of cultural values but also the pedagogical problems that arise in the process of development and inclusion of the younger generation in society [15]. The authors state that the main ideas, methods, and means of socialization of a person are formed and applied in society and through society, thereby revealing the social nature of the development of a person’s personality and becoming a social being.

It should be noted that in Russian pedagogy, for the first time, publications on understanding the problems of socialization of the younger generations and, in particular, students of general education schools appeared in the second half of the 20th century. They were mainly associated with the analysis of the relationship between the processes of socialization and individualization of a person, as well as the study of socialization in the context of the activity approach that prevailed in Russian pedagogy and psychology at the time. V. G. Bocharova, M. V. Voropayev, M. R. Ilakavichus, A. V. Mudrik, L. I. Novikova, M. M. Plotkin, T. A. Romm, N. L. Selivanova, T. T. Shchelina, and others made the most significant contribution to the development of pedagogical methodology for studying socialization. [1; 2; 3; 4; 6; 7; 8; 10; 11]. Thanks to the concepts developed by these scientists, in recent decades the pedagogical “arsenal” of scientific research has accumulated an impressive array of works that analyze the pedagogical essence and various aspects of the socialization process, namely: family socialization, political and civil socialization, economic socialization, gender-role and ethnic socialization, religious socialization in the context of confessional traditions, etc., educational practices, cybersocialization, and professional socialization.

At the same time, it is unmistakable to note that the most significant place in the pedagogical discourse of the phenomenon of socialization belongs to the scientific school of Professor A. V. Mudrik, under whose leadership the independent research direction “Socialization and Education” is developing [12]. In line with this direction, based on many years of empirical and

experimental research, original pedagogical concepts of socialization and social education have been created. In several fundamental works, a detailed view of the problem of socialization is given, which is based on the candidate's and doctoral dissertations completed in the period 1986–2024. All the studies conducted focus on various aspects of the phenomenon of socialization and the upbringing of a person, and they also pay great attention to the study of specific pedagogical conditions for the socialization of younger generations.

Conclusion

As the analysis of modern pedagogical research and works in the framework of the scientific school of A.V. Mudrik shows that today, in the pedagogical analysis of human development in the process of socialization, scientists mainly rely on the subject-subject approach, in line with which socialization is understood as “the development and self-change of a person in the process of assimilation and reproduction of culture, which occurs in spontaneous, relatively directed, and purposefully created living conditions at all age stages” [6; 7, p. 101; 8]. This interpretation of the phenomenon of socialization allowed scientists to carefully study the universal characteristics of socialization, namely, the features of factors, institutions, mechanisms, means, and agents of socialization that accompany this process. In general, the analysis of multidisciplinary research shows that the main research vector for studying various aspects of human socialization today is associated with the understanding that the socialization of a modern person takes place in interaction with numerous and diverse factors, the function and significance of which at various stages of personality formation are not only complementary but also often contradictory.

Список литературы

1. Арапова П. И., Борисова М. М., Воронаев М. В. [и др.]. Рекомендации по разработке комплекса мер по преодолению дефицитов в функционировании (поддержке) институтов воспитания и социализации подрастающего поколения в современном мегаполисе : монография. – Москва: Известия института педагогики и психологии образования, 2022. – 128 с.
2. Илакавичус М. Р. Исследование разновозрастных сообществ: философско-культурологический аспект // Человек и образование. – 2013. – № 2 (35). – С. 70–73.
3. Илакавичус М. Р., Иванов Е. Ю. Педагогическое сопровождение социализации воспитанников суворовских военных училищ МВД России на начальном этапе обучения на основе гуманитарно-антропологического подхода // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2022. – № 95 (1). – С. 156–162.
4. Леванова Е. А., Мудрик А. В., Серякова С. Б., Пушкарева Т. В., Тарабакина Л. В., Звонова Е. В. Воспитание как процесс эффективного функционирования метасистемы «личность – группа – общество» // Вестник Вятского государственного университета. – 2020. – № 137 (3). – С. 65–75.
5. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. – 1992. – № 2. – С. 118–124.
6. Мудрик А. В. Социализация – поле системных изменений // Вопросы воспитания. – 2014. – № 4. – С. 49–51.
7. Мудрик А. В., Яковлева М. Г. Социально-педагогическая виктимология : монография. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2021. – 396 с.
8. Мудрик А. В. Социализация: новации последних десятилетий // Сибирский педагогический журнал. – 2023. – № 3. – С. 6–15. doi: 10.15293/1813–4718.2303.01.
9. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В. И. Добренькова. – Москва: Издательство МГУ, 1994. – С. 246–262.
10. Педагогическое наследие В. А. Слостенина: проблемы воспитания, личностного и профессионального развития : монография / отв. ред. Л. С. Подымова, Н. А. Подымов. – Москва: Московский государственный педагогический университет, 2020. – 290 с.
11. Звонова Е. В., Зотова О. Н., Ильин В. А., Леванова Е. А., Мудрик А. В., Перминова А. А., Пушкарева Т. В., Серякова С. Б., Тарабакина Л. В. Социально-педагогические основы теоретических и оперантных моделей муниципальных и локальных систем воспитания в мегаполисе : монография / под ред. А. В. Мудрика. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2023. – 368 с. doi: 10.31862/9785426311947.
12. Тамарская Н. В., Никитская Е. А., Никитский М. В. Научная школа «Социализация и воспитание» // Научные школы Московского педагогического государственного универ-

ситета : очерки / отв. ред. А. В. Лубков. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2023. – Вып. 2 – С. 213–224.

13. *Inkeles A., Smith D. H.* Becoming modern: individual change in six developing countries. – London: Heinemann, 1974. – 436 p.

14. *Goffman E.* The presentation of self in everyday life. – Edinburgh: University of Edinburgh, 1956. – 162 p.

15. *Mollenhauer K.* Einführung in die Sozialpädagogik. Probleme und Begriffe. – Weinheim: Beltz, 1965. – 141 s.

References

1. *Arapova P. I., Borisova M. M., Voropayev M. V. [i dr.]*. Rekomendatsii po razrabotke kompleksa mer po preodoleniyu defitsitov v funktsionirovanii (podderzhke) institutov vospitaniya i sotsializatsii podrastayushchego pokoleniya v sovremennom megapolise: monografiya. – Moskva: Izvestiya instituta pedagogiki i psikhologii obrazovaniya, 2022. – 128 s.

2. *Ilakavichus M. R.* Issledovaniye raznovozrastnykh soobshchestv: filosofsko-kulturologicheskiy aspekt // *Chelovek i obrazovanie*. – 2013. – № 2 (35). – S. 70–73.

3. *Ilakavichus M. R., Ivanov E. Yu.* Pedagogicheskoye soprovozhdeniye sotsializatsii vospitanikov suvorovskikh voyennykh uchilishch MVD Rossii na nachal'nom etape obucheniya na osnove gumanitarno-antropologicheskogo podkhoda // *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. – 2022. – № (95) 1. – S. 156–162.

4. *Levanova E. A., Mudrik A. V., Seryakova S. B., Pushkareva T. V., Tarabakina L. V., Zvonova E. V.* Vospitanie kak protsess effektivnogo funktsionirovaniya metasistemy “lichnost’ – gruppа – obshchestvo” // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2020. – № 137 (3). – S. 65–75.

5. *Merton R. K.* Sotsial'naya struktura i anomiya // *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. – 1992. – № 2. – S. 118–124.

6. *Mudrik A. V.* Sotsializatsiya – pole sistemnykh izmeneniy // *Voprosy vospitaniya*. – 2014. – № 4. – S. 49–51.

7. *Mudrik A. V., Yakovleva M. G.* Sotsial'no-pedagogicheskaya viktimologiya : monografiya. – Moskva: Moskovskiy pedagogicheskiy gosudarstvennyy universitet, 2021. – 396 s.

8. *Mudrik A. V.* Sotsializatsiya: novatsii poslednykh desyatiletii // *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*. – 2023. – № 3. – S. 6–15. doi: 10.15293/1813-4718.2303.01.

9. *Parsons T.* Sistema koordinat deystviya i obshchaya teoriya sistem deystviya: kul'tura, lichnost' i mesto sotsialnykh sistem. Funktsionalnaya teoriya izmeneniya // *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': Teksty / pod red. V. I. Dobren'kova*. – Moskva: Izdatel'stvo MGU, 1994. – S. 246–262.

10. *Pedagogicheskoye naslediyе V. A. Slastenina: problemy vospitaniya, lichnostnogo i professional'nogo razvitiya* : monografiya / отв. ред. L. S. Podymova, N. A. Podymov. – Moskva: Moskovskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 2020. – 290 s.

11. *Zvonova E. V., Zotova O. N., Il'in V. A., Levanova E. A., Mudrik A. V., Perminova A. A., Pushkareva T. V., Seryakova S. B., Tarabakina L. V.* Sotsialno-pedagogicheskiye osnovy teoreticheskikh i operantnykh modeley munitsipal'nykh i lokal'nykh sistem vospitaniya v megapolise : monografiya / pod red. A. V. Mudrika. – Moskva: Moskovskiy pedagogicheskiy gosudarstvennyy universitet, 2023. – 368 s. doi: 10.31862/9785426311947.

12. *Tamarskaya N. V., Nikitskaya E. A., Nikitsky M. V.* Nauchnaya shkola “Sotsializatsiya i vospitanie” // *Nauchnye shkoly Moskovskogo pedagogicheskogo gosudarstvennogo universiteta : ocherki. Vyp. 2 / отв. ред. A. V. Lubkov*. – Moskva: Moskovskiy pedagogicheskiy gosudarstvennyy universitet, 2023. – S. 213–224.

13. *Inkeles A., Smith D. H.* Becoming modern: individual change in six developing countries. – London: Heinemann, 1974. – 436 p.

14. *Goffman E.* The presentation of self in everyday life. – Edinburgh: University of Edinburgh, 1956. – 162 p.

15. *Mollenhauer K.* Einführung in die Sozialpädagogik. Probleme und Begriffe. – Weinheim: Beltz, 1965. – 141 s.

Статья поступила в редакцию 19.01.2024; одобрена после рецензирования 12.02.2024; принята к публикации 04.03.2024.

The article was submitted January 19, 2024; approved after reviewing February 12, 2024; accepted for publication March 4, 2024.

Научная статья

УДК 374

doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-211-219

Татьяна Анатольевна Самойлова

<https://orcid.org/0000-0002-5694-708X>, samoylova-tati@inbox.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пиллутова, д. 1

Актуальные компоненты цели иноязычной подготовки специалистов в образовательных организациях высшего образования МВД России: традиционные и современные аспекты

Аннотация: Введение. В современных сложных социальных и политических условиях цели иноязычной подготовки нуждаются в переосмыслении для решения актуальных образовательных задач. Проведенный анализ традиционных компонентов цели иноязычной подготовки в организациях высшего образования неязыковых вузов позволил выявить дефициты в теории и практике. Установлены основные традиционные векторы исследования в области совершенствования иноязычной подготовки: коммуникативный аспект; интеграция иноязычного и профессионального образования; ознакомление с культурой стран изучаемого языка. **Методы.** В исследовании использованы теоретические методы: анализ, синтез, абстрагирование, классификация, аналогия, включенное наблюдение. **Результаты.** Образовательный потенциал учебной дисциплины «Иностранный язык», помимо решения традиционных задач формирования и развития иноязычных и коммуникативных умений и навыков, состоит в возможности его использования для развития универсальных и профессиональных компетенций, а также личностного развития в профессиональной деятельности. Не является исключением иноязычная подготовка будущих сотрудников подразделений по вопросам миграции, практика которой только формируется. Автором предложено обоснование новых, соответствующих современным реалиям, цели и задач иноязычной подготовки как части профессиональной подготовки будущих сотрудников подразделений по вопросам миграции к профессиональной деятельности. Для осуществления таким образом расширенной цели иноязычной подготовки необходим пересмотр ее методологических основ. Обосновывается эффективность применения гуманитарно-антропологического, герменевтического и компетентностно-ориентированного методологических подходов.

Ключевые слова: иноязычная подготовка; сотрудник миграционной службы; цель профессионального образования; гуманитарно-антропологический подход; герменевтический подход

Для цитирования: Самойлова Т. А. Актуальные компоненты цели иноязычной подготовки специалистов в образовательных организациях высшего образования МВД России: традиционные и современные аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 211–219; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-211-219.

Tatyana A. Samoylova

<https://orcid.org/0000-0002-5694-708X>, samoylova-tati@inbox.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Relevant target components of foreign-language training of specialists in educational organizations of higher education of the MIA of Russia: traditional and modern aspects

Abstract: Introduction. In today's complex social and political environment the objectives of foreign-language training need to be rethought in order to solve current educational problems. The conducted analysis of the traditional components of the goal of foreign language training in higher education institutions of non-linguistic universities allowed to identify deficiencies in theory and practice. The main traditional vectors of research in the field of improvement of foreign language training have been established: communicative aspect; integration of foreign language and vocational education; familiarization with the culture of the countries of the studied language. **Methods.** The study used theoretical methods: analysis, synthesis, abstraction, classification, analogy, included observation. **Results.** Educational potential of the discipline «Foreign language», in addition to solving traditional problems of formation and development of foreign language and communicative skills, consists of the possibility of its use for the development of universal and professional competencies, as well as personal development in professional activities. The foreign-language training of future migration officers, which is in its formative period, is no exception. The author substantiates a new, corresponding to modern realities, goal and objectives of foreign language training as a part of the future migration officers training for professional activity. In order to implement the expanded objective of foreign language training in this way, a revision of its methodological basis is necessary. The article justifies efficient application of humanitarian-anthropological, hermeneutic and competently-oriented methodological approaches.

Keywords: foreign language training; migration officer; purpose of vocational education; humanitarian and anthropological approach; hermeneutic approach

For citation: Samoylova T. A. Relevant target components of foreign-language training of specialists in educational organizations of higher education of the MIA of Russia: traditional and modern aspects // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 211–219; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-211-219.

Введение

Система высшего образования МВД России развивается, ориентируясь на основные потребности личности, общества и государства в области подготовки к профессиональной деятельности. Система подготовки сотрудников правоохранительных органов к профессиональной деятельности реализует положительный теоретический ресурс и практический опыт всей государственной системы профессионального образования. Одновременно система профессиональной подготовки, в том числе иноязычной подготовки как ее составной части, подвержена влиянию политических, экономических, научных и культурных факторов, которые обуславливают соответствующие изменения в структурной, содержательной и методической составляющих. В современных социальных и политических условиях цель и задачи иноязычной подготовки нуждаются в переосмыслении, в выявлении новых, важных для настоящего момента и перспективных для будущего образовательных инноваций, дефицитов в методическом обеспечении.

Задачи совершенствования иноязычной подготовки в гражданских и военных образовательных (неязыковых) организациях высшего образования находятся в сфере изучения педагогической науки. Анализ научных положений 25 авторефератов диссертаций в указанной предметной области за последнее десятилетие позволил сделать вывод о том, что исследований, посвященных иноязычной подготовке будущих сотрудников правоохранительных органов и, в частности, сотрудников подразделений по вопросам миграции, не проводилось. Целесообразность разработки темы диктуется федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования, согласно которым результатом профессионального образования должны стать не только профессиональные, но и универсальные компетенции современного специалиста. Научная новизна заключается

в анализе основных результатов уже проведенных исследований и обосновании новых, соответствующих современным реалиям, целей и задач иноязычной подготовки как части профессиональной подготовки будущих сотрудников подразделений по вопросам миграции к профессиональной деятельности на основании гуманитарно-антропологического, герменевтического и компетентностно-ориентированного методологических подходов.

Методы

При проведении исследования использованы теоретические методы: анализ, синтез, абстрагирование, классификация, аналогия, включенное наблюдение.

Результаты и обсуждение

Проведенный анализ показал, что авторы исследуют теоретические, практические и методические аспекты процесса или компонентов иноязычной подготовки, либо процесса формирования иноязычной компетенции в образовательных организациях высшего образования (в данном контексте оба термина можно расценивать как синонимичные). Выявлены следующие значимые результаты исследований: этапы формирования иноязычной коммуникативной компетенции и компетентности (Н. В. Белозерова [1], М. В. Захарченко [2], Д. В. Куревич [3], О. С. Присмотрова [4], Л. Т. Рудометова [5], Ю. В. Токмакова [6]); описание применения различных инновационных технологий при обучении иностранному языку (А. О. Багатева¹, М. В. Захарченко [2], А. А. Катекина [7], О. Н. Никейцева [8], О. С. Присмотрова [4], В. В. Хитущенко [9]), способы интеграции иноязычной и профессиональной подготовки (Т. В. Байдикова [10], Н. В. Багрецова [11], Л. Т. Рудометова [5], В. В. Хитущенко [9], А. В. Цепилова [12]), методы развития креативности (М. А. Дворецкая [13]), развитие межкультурной / социокультурной / поликультурной компетенции (Т. В. Байдикова [10], Н. В. Багрецова [11], Н. В. Белозерова [1], А. А. Катекина [7], М. Ю. Королева [14], Э. И. Муртазина [15], Е. Г. Соколова²), способы и формы интенсификации и совершенствования иноязычной подготовки (Р. Н. Абитов [16], Н. Е. Селезнева³, И. В. Бганцева [17]). Указанные исследования развивают теорию, практику, методику иноязычной подготовки и способствуют накоплению и систематизации научных данных по рассматриваемому вопросу.

Формирование иноязычной коммуникативной компетенции или компетентности (ИКК) у будущего специалиста является традиционной целью иноязычной подготовки благодаря не только традиционной коммуникативной направленности языкового образования, но во многом вследствие реализации компетентностного подхода как основной методологии при организации образовательного процесса. Подобные исследования были особенно актуальны и востребованы с конца 1990-х до 2010-х гг. в связи с присоединением России к Болонскому процессу и переходом на компетентностную оценку результатов образования. Отмечая теоретическую и практическую значимость указанных исследований, необходимо подчеркнуть: несмотря на то, что аспект формирования ИКК является одним из самых разработанных в области теории и методики обучения иностранным языкам, единое определение данного термина отсутствует. На настоящий момент достаточно хорошо исследована коммуникативная сторона указанных компетенции и компетентности. В анализируемый период подобное целеполагание иноязычной подготовки не потеряло своей актуальности (М. Ю. Королева [14], А. О. Багатева¹, Д. В. Куревич [3], Ю. В. Токмакова [6], В. В. Хитущенко [9]).

Однако исследователи не ограничиваются формированием и развитием ИКК для определения цели изучения дисциплины «Иностранный язык». Учитывая ее сложный, многоаспектный характер и интегративную сущность, обусловленные тесной связью с другими универсальными, общепрофессиональными, профессиональными компетенциями в ходе междисциплинарного взаимодействия, специалисты расширяют содержание ИКК, и предлагают формировать и развивать совокупность (суб)компетенций (лингвистическую, социокультурную, стратегическую, прагматическую, дискурсивную и др.), среди которых центральное место, безусловно, отводится ИКК. Такое направление исследований, несомненно, продиктовано постоянным процессом расширения профессиональной деятельности человека под влиянием глобальных процессов интеграции и глобализации, многослойностью её

¹ Багатева А. О. Модульная технология иноязычной подготовки студентов технического вуза: модель и ее реализация: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Казань, 2017. – 27 с.

² Соколова Е. Г. Формирование межкультурной компетенции юриста в процессе обучения иностранному языку: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Нижний Новгород, 2019. – 24 с.

³ Селезнева Н. Е. Модернизация иноязычного образования в военно-учебных заведениях Крыма в конце XX – начале XXI века: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Ялта, 2020. – 22 с.

структуры и компонентного состава, многообразием и многозначностью сфер её реализации в современном мире. И правоохранительная деятельность не является исключением – сотрудникам приходится встречаться с многообразием и непредсказуемостью жизненных ситуаций.

Объединяющим авторов концептуальным положением является признание иноязычной коммуникативной компетентности элементом профессиональной компетентности будущих специалистов, возможности и способы формирования которых (в иноязычной подготовке) являются предметом обсуждения и объектом активного научного изучения (Т. В. Байдикова [10], Н. В. Багрецова [11], М. В. Захарченко [2], М. Ю. Королева [14], Л. Т. Рудометова [5], В. В. Хитущенко [9], А. В. Цепилова [12]).

Данная задача решается при выполнении как минимум двух обязательных условий:

- осведомленность преподавателя иностранного языка в профильной специальности обучающихся;

- учебно-методическое обеспечение, отражающее специфику профессиональной деятельности будущих специалистов, а также современные представления о человеке с высшим образованием.

Всё перечисленное в полной мере можно отнести и к иноязычной подготовке в организациях высшего образования МВД России.

Отдельную группу исследований составляют работы, описывающие цель иноязычной подготовки как формирование способности и готовности будущих специалистов к конструктивному взаимодействию с представителями разных стран и культур с учетом диалога культур и национальной специфики, т. е. формирование социокультурной / межкультурной / поликультурной компетенции. (В рамках данного исследования будем считать подобные термины синонимичными) (Н. В. Багрецова [11], Н. В. Белозерова [1], А. А. Каткина [7], Е. Г. Соколова²). Необходимо подчеркнуть, что указанную компетенцию как неотъемлемую составляющую ИКК указывают большинство исследователей. В процессе межнационального взаимодействия именно иностранный язык выступает основным средством установления контакта, взаимопонимания между представителями разных лингвоэтносообществ. В результате происходит знакомство со спецификой другой культуры, а на этой основе – овладение языком как средством общения. По мнению Е. Г. Таревой, усвоение фактов иной культуры осуществляется в следующем направлении: знакомство с фактом иной культуры – перенос его в родную культуру и осознание ее особенностей, переосмысление родной культуры – постижение с этих позиций явления иной культуры [18, с. 240].

Сотрудникам подразделений по вопросам миграции в ежедневной профессиональной деятельности приходится работать с представителями различных наций, культур, вероисповеданий, что требует специальных социокультурных знаний и подготовки, в частности, знаний основ межкультурной коммуникации, особенностей региональной культуры в контексте отечественной и мировой истории, понимания современных глобальных процессов межкультурного и межконфессионального взаимодействия, формирование которых способствует толерантному восприятию цивилизационного и культурного разнообразия.

Специалисты в области преподавания иностранных языков в высшей школе традиционно ориентируются на цели иноязычной подготовки в образовательных организациях высшего образования, в том числе МВД России, через интеграцию коммуникативной, общекультурной и профессиональной подготовки. На основании вышеизложенного анализа, мы определили необходимость совершенствования процесса иноязычной подготовки будущих сотрудников подразделений по вопросам миграции в образовательных организациях высшего образования МВД России к профессиональной деятельности. Рассматривая профессию правоохранителя как профессию служения, как средство личностной самореализации на благо общества (М. Р. Илакавичус [19]), мы полагаем ее сверхзадачей осознание ценности профессиональной деятельности полицейского в служении обществу, основанному на принципах гуманизма. В сложной социально-политической ситуации цели профессионального, в том числе и полицейского образования нуждаются в переосмыслении. Перед педагогической наукой встает вопрос о новом целеполагании, поиске средств для решения новых задач иноязычной подготовки: максимальной реализации гуманитарного потенциала, с ориентацией на целостное развитие человеческих качеств, становление индивидуальной личности, формирование ценностной личностно значимой соотнесенности всего познаваемого с развитием человечества и самого познающего субъекта. Современному сотруднику полиции требуется гуманитарное, критическое и креативное мышление, умение продуктивно работать с информацией, достигать поставленных целей в командной работе.

В образовательных организациях МВД России, как было отмечено выше, иноязычная подготовка входит в гуманитарный компонент. «Гуманитарная подготовка сотрудников правоохранительных органов рассматривается в противовес узко правовой нормативной наполненности образования, что при одностороннем подходе становится зачастую причиной профессиональной узости их мышления, его нормативности, решения профессиональных задач вне понимания человека-личности, по образцу срабатывания «нормативной машины». Профессиональная узость и односторонность приводят к утрате социального, созидательного смысла правоохранительной деятельности-служения людям и превращения ее в борьбу с людьми. Профессиональная односторонность образования – обрезанные корни развития личности, придающие ей односторонность и изначально порождающие процесс профессиональной деформации личности, которая потом приобретает тенденцию к расширению и углублению, становясь причиной человеческой глухоты, черствости, формализма, бездушия, бесчеловечности и нарушений законности. Чтобы противовес был уравновешивающим, гуманитарная подготовка должна быть непрерывной и действенной»⁴. Специфика гуманитарности состоит в том, что она наделяет смыслами, вводит в культуру, требует выражения отношения личности к изучаемому, отражая не только индивидуальные смыслы, но и принятие, присвоение обучающимися объективно востребованных обществом, социально значимых, культурных смыслов, образцов поведения и идеалов жизнедеятельности, профессиональной деятельности. Именно в данном широком идейном контексте специалисты определяют место и роль иноязычной подготовки в современном профессиональном образовании.

Стратегический запрос государства, определяемый через современный образовательный стандарт высшего профессионального образования, даёт установку на необходимость расширения спектра формируемых посредством иноязычной подготовки компетенций аспектов деятельности:

- развитие критического мышления (в том числе и для ориентирования в информационном пространстве);
- формирование личностных и профессиональных ценностей;
- развитие креативных способностей;
- изучение особенностей региональной культуры в контексте отечественной и мировой истории / формирования и развития поликультурной картины мира.

На основании изложенного видится необходимым дополнить определение цели иноязычной подготовки будущих сотрудников подразделений по вопросам миграции, расширить традиционные подходы и рассматривать ее как составную часть процесса профессионального образования, решающую задачу восполнения гуманитарного компонента в образовании через интеграцию коммуникативной и общекультурной подготовки для формирования мировоззренческих, социальных, ценностных, этических основ профессиональной деятельности с позиции ценностей культуры и гуманизма, с ориентацией на целостное развитие личностных качеств. «Такие интеграционные процессы должны способствовать возрождению духовной жизни общества через воспитание духовности и высокой нравственности сотрудников, их толерантности и способности профессионально решать сложные многопрофильные задачи, которые ставит перед ними правоприменительная практика» [20, с. 95].

В данном контексте аспектами цели иноязычной подготовки будут:

- развитие иноязычной коммуникативной компетенции УК 4 (умение и навыки создавать и поддерживать эффективные межличностные отношения в профессиональной иноязычной коммуникативной деятельности);
- развитие межкультурной компетенции УК 5: а) развитие у обучающихся представлений о многообразии культур; б) развитие толерантности к культурным особенностям партнеров по коммуникации и предъявление себя как представителя своей этнокультуры; в) развитие личностных ценностей в рамках межкультурного взаимодействия;
- развитие компетенции критического мышления УК 1 (развитие способности работать с потоком информации, к критическому анализу медиаинформации);
- развитие общепрофессиональной компетенции ОПК-2 (способности анализировать мировоззренческие, социальные и личностно-значимые проблемы в целях формирования ценностных основ профессионально-служебной деятельности);

⁴ Столяренко А. М. Юридическая педагогика: курс лекций. – Москва: ЭКМОС, 2000. – 495 с.

- развитие оперативно-служебной профессиональной компетенции ПК-17 (способность «осуществлять повседневную профессиональную служебную деятельность в качестве сотрудника подразделения по вопросам миграции МВД РФ с учетом профессиональной этики и морали, а также этнокультурных и конфессиональных различий»);
- развитие креативной компетенции (способности на основе нестандартного мышления, поведения формировать и использовать новые, нетрадиционные, конструктивные методы осуществления деятельности).

Важным для современного правоохранителя видится создание педагогических условий для комплексного развития вышеуказанных компетенций, включая универсальные компетенции критического мышления и креативности. Потенциальная «полипредметность» иностранного языка является адаптивной дидактической характеристикой, которая может выполнять интегрирующую функцию. Подобная интеграция нацелена на решение задачи формирования УК, ОПК и ПК у обучающихся конкретного направления подготовки и позволяет рассматривать учебную дисциплину «Иностранный язык» как проводник профессиональных знаний для обеспечения реализации ОПОП. Профессиональное образование сегодня обретает новые смыслы, правоохранительная деятельность должна соответствовать современным вызовам. Государственные и общественные приоритеты – развитие творческой и критической личности, стремящейся к саморазвитию и реализации своих креативных идей на основе правильной оценки информации – диктуют необходимость трансформации целей профессионального образования в теоретическом и практическом плане в ответ на реалии современности и стремительно изменяющегося мира. Данные проблемы ждут своего решения. Для осуществления вышеуказанных целей иноязычной подготовки необходима диверсификация методологических основ. С этой целью мы предлагаем организовать образовательный процесс на основе гуманитарно-антропологического, герменевтического и компетентностно-ориентированного подходов в иноязычной подготовке будущих сотрудников подразделений по вопросам миграции к профессиональной деятельности.

Гуманитарно-антропологический подход служит основанием для применения гуманитарных технологий в образовании, поскольку он обращает педагога к Человеку в пространстве его субъективной реальности. Именно здесь происходит целенаправленное и осознанное проектирование таких жизненных и образовательных ситуаций, в которых происходит становление собственной субъектности, самореализация, осмысленные вторичные действия как результат рефлексии. «Самореализация в профессии является частным случаем жизнестроения, в котором субъектом профессиональной традиции становится тот, кто осознанно принимает ценности профессионального сообщества и на их основе реализует свой потенциал в общезначимой деятельности, то есть самосовершенствуется, совершенствуя профессиональные практики. Для освоения значимых для них ценностей важно наличие опыта рефлексии, опыта взаимодействия. Нужна прежде всего встреча с самим собой, обнаружение объекта преобразования в себе самом, осознанное принятие ценностной культуросообразной основы» [19, с. 179].

Герменевтический подход используется как методология гуманитарного освоения феноменов культуры, в основе которой лежит идея воздействия механизмов интерпретации культурных текстов на профессиональное сознание будущего сотрудника, на способы его мышления и миропонимания. Необходимость поиска ответов на мировоззренческие вопросы, заинтересованность в постижении фундаментальных проблем природы, общества, культуры стимулируют духовный рост человека, повышают чувство ответственности за результаты своей деятельности. Ввиду того, что «в рамках компетентностного подхода доминирующим является представление не просто о «наращивании объема» знаний, а о приобретении разностороннего опыта деятельности» [21, с. 33], полагаем необходимым дополнять образовательный процесс ценностно-смысловой, эмоционально окрашенной, личностно-значимой для субъекта деятельностью. В данном контексте культурологическая концепция содержания образования (В. В. Краевский, А. В. Хуторской), позволяет проектировать содержание иноязычной подготовки. Ее обязательными элементами, наряду с компетенциями, является практика творческой деятельности и эмоционально-ценностных отношений. Не подлежит сомнению тот факт, что образование человека на современном этапе развития общества идет перманентно, на протяжении всей жизни, поэтому общеобразовательные компетенции (согласно определению А. В. Хуторского⁵) – когнитивные, креативные, ком-

⁵ Хуторской А. В. Дидактика: учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. – Санкт-Петербург: Питер, 2017. – 720 с.

муникативные, организационно-деятельностные, ценностно-смысловые – являются универсальными для применения в любой сфере деятельности, востребованы и осваиваются в любом возрасте. Компетентностно-ориентированный подход (термин А. В. Хуторского) для иноязычной подготовки будущих сотрудников подразделений по вопросам миграции применяется в качестве инструмента постановки практикоориентированных целей и определения уровня сформированности компетенций.

Заключение

Несмотря на наличие исследований, посвященных проблеме иноязычной подготовки в образовательных организациях высшего образования в неязыковых вузах, проведенный теоретический анализ источников по теме исследования в области теории и методики профессионального образования выявляет необходимость переосмысления цели и подходов к ее реализации. Осознание профессиональных ценностей полицейского (служение обществу, основанное на принципах гуманизма) как аспекта цели образования влечет необходимость формирования мировоззренческих, социальных, ценностных, этических основ профессиональной деятельности. Образовательный потенциал учебной дисциплины «Иностранный язык», помимо решения традиционных задач формирования и развития иноязычных и коммуникативных умений и навыков, является ресурсом развития универсальных и профессиональных компетенций, личностного развития в профессиональной деятельности, восполняет гуманитарный компонент. Цель иноязычной подготовки как составной части профессиональной подготовки, должна быть дополнена и содержать помимо иноязычной коммуникативной компетенции УК 4 такие компоненты, как межкультурная компетенция УК 5, компетенция критического мышления УК 1, общепрофессиональная компетенция ОПК-2, оперативно-служебная профессиональная компетенция ПК-17, креативная компетенция. Реализовать так понимаемую цель возможно на основании гуманитарно-антропологического, герменевтического и компетентностно-ориентированного методологических подходов.

Список литературы

1. Белозерова Н. В. Образовательная модель формирования иноязычной коммуникативной компетенции курсантов вузов МЧС России на основе социокультурного подхода // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. – 2015. – № 2 (27). – С. 31–38.
2. Захарченко М. В. Возможности системно-кластерного подхода в формировании иноязычной компетенции бакалавра «Государственное и муниципальное управление» // Образование и общество. – 2019. – № 1 (114). – С. 52–57.
3. Курсевич Д. В. Адаптивная модель развития профессионально-коммуникативной компетентности будущих специалистов в сферах информационных технологий и кибернетики / Муниципальное образование: инновации и эксперимент. – Инновации и эксперимент в образовании. – 2019. – № 6 (69). – С. 13–17.
4. Присмотрова О. С. Модель формирования профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции магистрантов по направлению обучения «Фундаментальная информатика и информационные технологии» // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 6 – С. 382–383.
5. Рудометова Л. Т. Педагогическая модель формирования иноязычной компетентности у студентов, изучающих иностранный язык в техническом вузе // Известия Южного Федерального университета. Педагогические науки. – 2011. – № 8. – С. 217–222.
6. Токмакова Ю. В. Формирование профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности студентов в качестве цели обучения иностранному языку в аграрном вузе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 25. – № 185. – С. 107–118.
7. Катекина А. А. Формирование межкультурной иноязычной компетенции будущего специалиста в контексте культурологической парадигмы образования // Казанская наука. – 2015. – № 8. – С. 118–121.
8. Никейцева О. Н. Теоретическое обоснование модели иноязычной практико-ориентированной подготовки будущих специалистов туристической сферы // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. – 2020. – № 5. – С. 22–25.
9. Хитущенко В. В. Педагогическое проектирование и экспертиза электронного учебного курса // Глобальный научный потенциал. – 2019. – № 10 (103). – С. 121–124.

10. Байдикова Т. В. Формирование профессиональной межкультурной иноязычной коммуникативной компетенции студентов направления подготовки «Агроинженерия» в условиях интегрированного предметно-языкового обучения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 25. – № 186. – С. 64–76.

11. Багрецова Н. В. Лингвокультурологический подход к обучению языкам для специальных целей (на материале нефтегазового дела) // Вестник Поморского университета, серия: Гуманитарные и социальные науки. – № 5. – 2010. – С. 135–138.

12. Цепилова А. В. Интегрированная иноязычная профессионально-коммуникативная компетентность в составе профессиональной компетентности современного инженера // Вестник ТГПУ. – 2017. – № 1 (178). – С. 87–92.

13. Дворецкая М. А. Формирование креативной компетенции у студентов нелингвистических направлений подготовки на основе технологии мобильного обучения // Современное педагогическое образование. – 2021. – № 4. – С. 135–138.

14. Королева М. Ю. Профессионально ориентированная иноязычная подготовка курсантов военного вуза на основе компетентностного подхода // Проблемы современного педагогического образования. Серия 22: Педагогика и психология. – Сборник научных трудов. – Ялта: РИО ГПА, 2016. – Вып. 52. – Ч. 2. – С. 130–136.

15. Муртазина Э. И. Развитие толерантности студентов технического вуза средствами иностранного языка в процессе межкультурной коммуникации // Вестник Казанского технологического университета. – 2014. – Т. 17. – № 18. – С. 333–338.

16. Абитов Р. Н. О результатах реализации модульной программы как средства интенсификации обучения иностранному языку в строительном вузе // Проблемы современного педагогического образования. – 2017. – № 57-12. – С. 3–10.

17. Бганцева И. В. Когнитивно-систематизирующее развитие иноязычной коммуникативной компетенции студентов нелингвистического вуза : монография. – Волгоград: ВГАФК, 2017. – 199 с.

18. Тарева Е. Г. Межкультурный подход к подготовке современных лингвистов / Межкультурное многоязычное образование как фактор социальных трансформаций: становление и развитие научной школы: сб. науч. статей. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Языки Народов Мира», 2021. – С. 34–44.

19. Илакавичус М. Р., Бородавко Л. Т. Гуманитарно-антропологические основы профессионального воспитания новых поколений в образовательных организациях МВД России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2023. – № 1 (99). – С. 176–182.

20. Мещерякова Е. И. Интегративные тенденции в подготовке специалистов для органов внутренних дел // Вестник ВИ МВД России. – 2014. – № 4. – С. 93–98.

21. Вербицкий А. А., Ларионова О. Г. Личностный и компетентностный подходы в образовании. Проблемы интеграции. – Москва: Логос, 2009. – 336 с.

References

1. Belozerova N. V. *Obrazovatel'naya model' formirovaniya inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentsii kursantov vuzov MCHS Rossii na osnove sotsiokul'turnogo podkhoda* // *Psikhologopedagogicheskiye problemy bezopasnosti cheloveka i obshchestva*. – 2015. – № 2 (27). – С. 31–38.

2. Zakharchenko M. V. *Vozmozhnosti sistemno-klasternogo podkhoda v formirovanii inoyazychnoy kompetentsii bakalavra «Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye»* // *Obrazovaniye i obshchestvo*. – 2019. – № 1 (114). – С. 52–57.

3. Kursevich D. V. *Adaptivnaya model' razvitiya professional'no-kommunikativnoy kompetentnosti budushchikh spetsialistov v sferakh informatsionnykh tekhnologiy i kibernetiki / Munitsipal'noye obrazovaniye: innovatsii i eksperiment*. – *Innovatsii i eksperiment v obrazovanii*. – 2019. – № 6 (69). – С. 13–17.

4. Prismotrova O. S. *Model' formirovaniya professional'no oriyentiro-vannoy inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentsii magistrantov po napravleniyu obucheniya «Fundamental'naya informatika i informatsionnyye tekhnologii»* // *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. – 2015. – № 6 – С. 382–383.

5. Rudomotova L. T. *Pedagogicheskaya model' formirovaniya inoyazychnoy kompetentnosti u studentov, izuchayushchikh inostranny yazyk v tekhnicheskom vuze* // *Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo universiteta. Pedagogicheskiye nauki*. – 2011. – № 8. – С. 217–222.

6. Tokmakova Yu. V. *Formirovaniye professional'noy inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentnosti studentov v kachestve tseli obucheniya inostrannomu yazyku v agrarnom vuze* // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. – 2020. – Т. 25. – № 185. – С. 107–118.

7. *Katekina A. A.* Formirovaniye mezhkul'turnoy inoyazychnoy kompetentsii budushchego spetsialista v kontekste kul'turologicheskoy paradigmy obrazovaniya // *Kazanskaya nauka.* – 2015. – № 8. – S. 118–121.
8. *Nikeytseva O. N.* Teoreticheskoye obosnovaniye modeli inoyazychnoy praktiko-oriyentirovannoy podgotovki budushchikh spetsialistov turisticheskoy sfery // *Modern Humanities Success / Uspekhi gumanitarnykh nauk.* – 2020. – № 5. – S. 22–25.
9. *Khitushchenko V. V.* Pedagogicheskoye proyektirovaniye i ekspertiza elektronnoy uchebnogo kursa // *Global'nyy nauchnyy potentsial.* – 2019. – № 10 (103). – S. 121–124.
10. *Baydikova T. V.* Formirovaniye professional'noy mezhkul'turnoy inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentsii studentov napravleniya podgotovki «Agroinzheneriya» v usloviyakh integrirovannogo predmetno-yazykovogo obucheniya // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki.* – 2020. – T. 25. – № 186. – S. 64–76.
11. *Bagretsova N. V.* Lingvokul'turologicheskyy podkhod k obucheniyu yazykam dlya spetsial'nykh tseley (na materiale neftegazovogo dela) // *Vestnik Pomorskogo universiteta, seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki.* – № 5. – 2010. – S. 135–138.
12. *Tsepilova A. V.* Integrirovannaya inoyazychnaya professional'no-kommunikativnaya kompetentnost' v sostave professional'noy kompetentnosti sovremennogo inzhenera // *Vestnik TGPU.* – 2017. – № 1 (178). – S. 87–92.
13. *Dvoretzkaya M. A.* Formirovaniye kreativnoy kompetentsii u studentov nelingvisticheskikh napravleniy podgotovki na osnove tekhnologii mobil'nogo obucheniya // **Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovaniye.** – 2021. – № 4. – S. 135–138.
14. *Koroleva M. Yu.* Professional'no oriyentirovannaya inoyazychnaya podgotovka kursantov voyennogo vuza na osnove kompetentnostnogo podkhoda // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. Seriya 22: Pedagogika i psikhologiya.* – Sbornik nauchnykh trudov. – Yalta: RIO GPA, 2016. – Vyp. 52. – Ch. 2. – S. 130–136.
15. *Murtazina E. I.* Razvitiye tolerantnosti studentov tekhnicheskogo vuza sredstvami inostrannogo yazyka v protsesse mezhkul'turnoy kommunikatsii // **Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta.** – 2014. – T. 17. – № 18. – S. 333–338.
16. *Abitov R. N.* O rezul'tatakh realizatsii modul'noy programmy kak sredstva intensivatsii obucheniya inostrannomu yazyku v stroitel'nom vuze // **Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya.** – 2017. – № 57-12. – S. 3–10.
17. *Bgantseva I. V.* Kognitivno-sistematiziruyushcheye razvitiye inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentsii studentov nelingvisticheskogo vuza : monografiya. – Volgograd: VGAFK, 2017. – 199 s.
18. *Tareva Ye. G.* Mezhkul'turnyy podkhod k podgotovke sovremennykh lingvistov / **Mezhkul'turnoye mnogoyazychnoye obrazovaniye kak faktor sotsial'nykh transformatsiy: stanovleniye i razvitiye nauchnoy shkoly: sb. nauch. statey.** – Moskva: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu “Yazyki Narodov Mira”, 2021. – S. 34–44.
19. *Ilakavichus M. R., Borodavko L. T.* Gumanitarno-antropologicheskiye osnovy professional'nogo vospitaniya novykh pokoleniy v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii // *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii.* – 2023. – № 1 (99). – S. 176–182.
20. *Meshcheryakova Ye. I.* Integrativnyye tendentsii v podgotovke spetsialistov dlya organov vnutrennikh del // *Vestnik VI MVD Rossii.* – 2014. – № 4. – S. 93–98.
21. *Verbitskiy A. A., Larionova O. G.* Lichnostnyy i kompetentnostnyy podkhody v obrazovaniy. *Problemy integratsii.* – Moskva: Logos, 2009. – 336 s.

Статья поступила в редакцию 21.12.2023; одобрена после рецензирования 20.01.2024; принята к публикации 02.02.2024.

The article was submitted December 21, 2023; approved after reviewing January 20, 2024; accepted for publication February 2, 2024.

Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

Научная статья

УДК 159.9.072

doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-220-230

Инна Александровна Кузнецова

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0002-7031-4342>, inna.ota.1716@mail.ru

Омская академия МВД России

Российская Федерация, 644092, Омск, пр. Комарова, д. 7

Екатерина Владимировна Белогур

<https://orcid.org/0009-0002-6541-4979>, belogur@inbox.ru

Омское линейное управление МВД России на транспорте

Российская Федерация, 644005, Омск, ул. Карбышева, д. 23

Адаптационный потенциал сотрудников органов внутренних дел как ресурс при преодолении профессионального выгорания

Аннотация: Введение. Феномен «профессионального выгорания» вызывает особый интерес в научных кругах. Несмотря на множество проведенных исследований природы его возникновения и динамики, отсутствует единство понимания способов профилактики и коррекции произошедших в результате деформации личности изменений ее психических и социально-психологических функций. В своих работах А. К. Маркова отмечает, что представители профессий типа «человек – человек», постоянно работающие с людьми, имеют опасность подвергаться профессиональной деформации в большей степени, чем сотрудники профессий «человек – техника», «человек – природа» [11, с. 308]. Разделяя позицию автора, отметим, что в условиях повышенной ответственности, напряженности и роста предъявляемых требований, не всегда соответствующих внутренним ресурсам, данный вопрос приобретает особое звучание. Разрушительное действие оказывается на протекание психических процессов и состояний личности, что влечет деструктивные изменения в профессиональной деятельности сотрудников ОВД. Призвание полицейских – защита от преступных и иных противоправных посягательств в условиях профессио-

нального выгорания, в частности, деперсонализации (халатного отношения к своим обязанностям и циничного отношения к гражданам), становится, фигурально выражаясь, «прозрачным». Именно поэтому важно своевременно определить лиц, наиболее склонных к профессиональному выгоранию, выявить признаки, свидетельствующие о его возникновении, сформировать инструментарий, способствующий активизации адаптационного потенциала и расширению туннельного мышления, вызванного стрессовыми обстоятельствами. **Методы.** В качестве психодиагностического инструментария были выбраны: методика оценки адаптационных способностей «МОАС», разработанная на основе факторов теста Кеттелла. Она позволила оценить на основе анализа ответов респондентов выраженность таких их личностных характеристик, как «замкнутость – общительность», «эмоциональная неустойчивость – эмоциональная устойчивость», «робость – смелость», «доверчивость – подозрительность», «уверенность в себе – тревожность», «расслабленность – напряженность»; опросник выгорания К. Маслач (в адаптации Н. Е. Водопьяновой), с помощью которого определена степень выраженности профессионального выгорания по трем шкалам: эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция профессиональных достижений; статистический анализ данных (критерий корреляции Пирсона). **Результаты.** По итогам исследования были определены четыре группы респондентов с высоким, удовлетворительным, низким, неудовлетворительным уровнями адаптационных способностей. Выявлено, что большинство исследуемых (70,5 %) обладают недостаточным адаптационным потенциалом для совладания со стрессовыми ситуациями, рациональной оценки предъявляемых требований и личностных ресурсов. Кроме того, сотрудники с низким уровнем адаптационных способностей в большей степени подвержены профессиональному выгоранию, в частности деперсонализации.

Ключевые слова: адаптационный потенциал, профессиональное выгорание, редукция, деперсонализация, эмоциональное истощение, самооценка, личностный потенциал

Для цитирования: Кузнецова И. А., Белогур Е. В. Адаптационный потенциал сотрудников органов внутренних дел как ресурс при преодолении профессионального выгорания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 220–230; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-220-230.

Inna A. Kuznetsova

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0002-7031-4342>, inna.oma.1716@mail.ru

*Omsk Academy of the MIA of the Russian Federation
7, Komarova pr., Omsk, 644092, Russian Federation*

Ekaterina V. Belogur

<https://orcid.org/0009-0002-6541-4979>, belogur@inbox.ru

*Omsk local transport department of the MIA of the Russian Federation
23, Karbysheva str., Omsk, 644005, Russian Federation*

Adaptive potential of law enforcement officers as a resource to overcome professional burnout

Abstract: Introduction. The phenomenon of “professional burnout” appears to be of special interest among scientists. Although there have been many studies of the nature of its occurrence and dynamics, there is no unity in understanding the ways to prevent and correct changes of mental and socio-psychological functions caused by personality deformation. According to A. K. Markova, specialists of “human-human” professions, working constantly with people, are more at risk of professional deformation than employees of “human-technology” and “human-nature” professions. Supporting this idea, we should note that under conditions of high responsibility, pressure and increasing demands not always corresponding the inner resources, this problem becomes especially important. The destructive effect affects mental process and personal characteristics, leading to negative changes in the professional activities of police officers. The mission of police officers to

protect the public against criminals and other unlawful encroachments becomes, metaphorically speaking, “transparent” due to professional burnout, in particular, depersonalisation (negligent approach to duties and cynical attitude towards citizens). That is why, it is important to determine in time individuals being more prone to professional burnout, to reveal signs indicating its occurrence, and to develop a methodology stimulating adaptive potential and extension of tunnel thinking provoked by high stress. **Methods.** The following psychological methods were used: the method of assessment of adaptive abilities - “MOAS” (developed on the basis of Kettell’s Test). This method helped to assess the respondents’ personal characteristics “closeness – sociability”, “emotional instability - emotional stability”, “shyness – courage”, “trustfulness – suspiciousness”, “self-confidence – anxiety”, “relaxation – tension”; the Maslach Burnout Inventory (MBI) adapted by N. E. Vodopyanova, which helped to determine the level of professional burnout on the following three scales: emotional exhaustion, depersonalisation, and reduction of professional achievements; the Pearson correlation method (statistical analysis of the data). **Results.** The results determined four groups of respondents: with high, satisfactory, low, unsatisfactory levels of adaptive potential. The majority of respondents (70.5 %) have insufficient adaptive potential for coping with stressful situations, rational assessment of requirements and personal resources. Besides, employees with low level of adaptive abilities are more prone to professional burnout, especially depersonalisation.

Keywords: adaptive potential, professional burnout, reduction, depersonalisation, emotional exhaustion, self-esteem, personal potential

For citation: Kuznetsova I. A., Belogur E. V. Adaptive potential of law enforcement officers as a resource to overcome professional burnout // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 220–230; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-220-230.

Введение

Как часто мы задумываемся о том, что отсутствие желания заниматься профессиональной деятельностью, снижение мотивации, инициативности и удовлетворенности от эффективного решения возникающих задач – это яркий сигнал о происходящих в сознании человека трансформациях? Почему, если возникают болевые ощущения в организме, мы ищем причину и устраняем ее? Однако описанные выше ситуации воспринимаются как нечто естественное, не требующее разрешения. Этот актуальный вопрос мы задаем в качестве пролога к исследованию такого явления, как профессиональная деформация сотрудников органов внутренних дел, сформировавшаяся под перманентным воздействием внешних и внутренних факторов.

С точки зрения юридической психологии профессиональной деформацией сотрудников органов внутренних дел являются асоциальные изменения их профессиональных качеств и личности в целом как следствие негативных условий прохождения и организации службы [7, с. 3].

Мы разделяем иную позицию, как нам видится, более четкую в части идентификации факторов, порождающих профессиональную деформацию сотрудников органов внутренних дел, в которой наряду с внешними выделяются и внутренние детерминанты:

- перманентное общение с различными (зачастую конфликтно настроенными) категориями граждан;
- высокая степень ответственности за принимаемые решения, в том числе и в экстремальных условиях деятельности;
- ненормированный график работы и, как следствие, накопление психического, физического напряжения;
- постоянный (как оправданный, так и неоправданный) риск;
- несоответствие индивидуально-личностных особенностей сотрудников предъявляемым профессиональным требованиям;
- амбивалентность профессионально значимых качеств сотрудников (решительность и экстернальный локус контроля);
- несовпадение реальной профессиональной ситуации с представлениями о ней, которое оказывает негативное влияние на мотивацию сотрудника и степень его вовлеченности в служебную деятельность¹.

¹ Юридическая педагогика: учебник для студентов вузов / под ред. В. Я. Кикотя, А. М. Столяренко. – Москва, 2004. – 896 с.

Важно дополнить данный перечень таким фактором, как отсутствие возможности влиять на организацию своей деятельности (распределение дополнительных профессиональных нагрузок, расстановка приоритетов в целях и задачах, несогласованное расширение должностного регламента и т. д.).

Исследователи выгорания как одного из проявлений профессиональной деформации отмечают, что оно формируется под воздействием возникающего диссонанса между личностным ресурсом сотрудника и рабочей средой. В данной модели можно говорить о чрезмерных требованиях, предъявляемых к сотруднику, превышающих его возможности; недостаточном стимулировании (вознаграждении); неконструктивных отношениях в коллективе; чувстве досады и несправедливости, возникающих при протекании относительно легитимных процедур в ходе профессиональной деятельности; конкуренции ценностей, детерминируемой при несоответствии требований работы и личных принципов (ценностей, установок) сотрудника [2, с. 695].

Изучая компоненты данного феномена, Е. В. Змановская выделила три основных синдрома, проявление которых позволяет констатировать наступление профессиональной деформации у сотрудника органов внутренних дел:

- психофизиологическое истощение и психосоматические нарушения, проявляющиеся в апатии, раздражительности, конфликтности;
- нарушение восприятия окружающего мира и себя. Как следствие – циничное отношение к людям, халатное отношение к своим обязанностям;
- нивелирование профессиональных достижений: неудовлетворенность своей профессиональной деятельностью, отсутствие стремления к повышению ее эффективности, снижение мотивации, направленной на достижение целей [6, с. 189].

В психологической литературе отсутствует единство понимания понятия «профессиональная деформация». Г. С. Абрамова и Ю. А. Юдциц отождествляют эмоциональное выгорание и профессиональную деформацию [15, с. 17]. Другие исследователи говорят том, что одним из проявлений профессиональной деформации является выгорание, возникающее как следствие эмоционального и психического истощения, детерминируемого продолжительной включенностью в эмоционально напряженные и значимые обстоятельства [12, с. 90].

Т. И. Рогинская при изучении феномена «эмоциональное выгорание» сфокусировала внимание на внешних факторах, дезадаптирующих сотрудника: жестких требованиях к профессиональной деятельности, неблагоприятных условиях труда, конфликтных отношениях в коллективе, не умаляя при этом значения индивидуальных особенностей личности, способствующих эмоциональному выгоранию [14, с. 85].

В. В. Бойко подразделяет внутренние детерминанты выгорания на четыре группы:

- 1) интенсивное восприятие и переживание профессиональной деятельности, возникающее у людей с высоким локусом контроля при максимальной отдаче порученному делу;
- 2) нравственные дефекты и дезориентация, проявляющиеся в невключенности в процесс взаимодействия таких категорий, как честность, уважение, добропорядочность;
- 3) расположенность к эмоциональной ригидности. У менее сенситивных, в значительной степени эмоционально сдержанных личностей выгорание начинается быстрее именно как способ психологической защиты. Обладатели подвижной нервной системы более защищены от наступления рассматриваемого недуга;
- 4) низкая мотивация эмоциональной вовлеченности в профессиональную деятельность, нивелирование альтруистической отдачи, стимулирующие равнодушие².

Думается, что интегративная модель феномена «эмоциональное выгорание» включает такие сегменты, как внешние обстоятельства и реакции на них (несоответствие ожиданий и реальности, отсутствие признания, невозможность самореализации и профессионального роста), личностные качества сотрудника, сформировавшиеся механизмы защиты как инструмент совладения со стрессовыми ситуациями.

Когда мы рассуждаем о риске эмоционального выгорания как одном из проявлений профессиональной деформации, возникают такие вопросы: почему под влиянием внешних факторов (далеко не всеми воспринимаемыми в качестве стрессоров) одни сотрудники в большей степени испытывают профессиональную деформацию, другие – в меньшей степени, а кому-то она несвойственна? Возможно ли посредством рефлексии выявить склонность к профессиональной деформации и предпринять профилактические меры, направленные на ее недопущение?

² Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. – Москва: Информ.-изд. дом «Филинь», 1996. – 469 с.

В поисках ответов на поставленные вопросы мы обратились к трудам зарубежных исследователей, которые в качестве структурных элементов устойчивости личности к эмоциональному выгоранию выделяют следующие сегменты:

- возможность проявлять инициативу и принимать самостоятельные решения;
- внутренний локус контроля;
- поддержка руководства и окружения [1, с. 490].

Можно предположить, что сотрудники, идентифицирующие себя со своей профессиональной деятельностью, склонные брать ответственность за принимаемые решения при содействии руководства, в меньшей степени подвержены эмоциональному выгоранию.

К. Маслач связывает выгорание с реакцией на длительные стрессы в профессиональной сфере (в том числе в контексте межличностных коммуникаций), проявляющейся:

- в эмоциональном истощении вследствие перегрузок и конфликтов (сопровождающихся перенапряженностью и опустошенностью);
- деперсонализации (циничном отношении к окружающим и дистанцировании) как «межличностном компоненте выгорания», выступающем как защитная реакция;
- редукции персональных измерений (обесценивании собственных достижений и негативном самовосприятии). Зачастую она детерминирована ощущением невозможности совладать с предъявляемыми требованиями, отсутствием поддержки и перспектив профессионального роста.

Автор подчеркивает, что посредством активизации таких компонентов профессионального выгорания, как деперсонализация и редукция профессиональных достижений, «расширяется понятие индивидуального реагирования на стресс, и понятие выгорания становится более широким, чем просто профессиональный стресс».

Кроме того К. Маслач высказала предположение о том, что «вовлеченность» («engagement») имеет характеристику, противоположную выгоранию, и интегрирует такие факторы, как включенность в процесс работы, энергичность и самоэффективность [3, с. 200]. При этом выгорание является следствием резонанса между ресурсами личности и требованиями профессии. Его увеличение повышает риск возникновения эмоционального выгорания. Ю. В. Варданян, О. М. Воробьева по результатам проведенного исследования пришли к выводу, что существует взаимосвязь между эмоциональным выгоранием сотрудников полиции и их индивидуально-личностными качествами, а также стажем профессиональной деятельности [4, с. 203].

Таким образом, становится очевидным амбивалентный характер вовлеченности сотрудника в профессиональную деятельность. С одной стороны, согласно позиции К. Маслач, это панацея от выгорания. С другой, при вовлеченности возможно наступление эмоционального выгорания в случае гиперболизированного чувства ответственности, экстраверсии, повышенной тревожности, нарушения механизмов личностной перцепции, влекущих эмоциональное истощение. Низкие адаптационные способности совладания со стрессовыми ситуациями – предиктор активизации защитных механизмов и, как следствие, формирования профессиональной деформации (деадаптации). Психическое напряжение становится своего рода триггером в возникновении синдрома выгорания.

Высказанное предположение актуализируется в ракурсе концепции М. Буриша, согласно которой гиперболизированная увлеченность работой является ключевым критерием, детерминирующим выгорание сотрудника. Автор структурировал стадии развития синдрома профессионального выгорания:

- предупреждающая стадия (преувеличенная активность в профессиональной деятельности, изнеможение);
- уменьшение уровня личностного участия; психические реакции (депрессия, агрессия);
- стадия деструктивных проявлений: психосоматические реакции, разочарование³.

Видится, что профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел предшествует механизм когнитивно-поведенческого процесса, включающий следующие этапы:

- возникновение внешнего воздействия (постоянное взаимодействие с различными категориями граждан, необходимость решения множества задач в условиях дефицита времени, высокая степень ответственности и т. д.);
- формирование реакции на него;

³ Управление персоналом: словарь-справочник. Стадии эмоционального выгорания [Электронный ресурс] // Психфактор : сайт. – URL: <https://psyfactor.org/personal/personal17-11.htm> (дата обращения: 02.05.2023).

– оценка личностного (адаптационного) потенциала с точки зрения ресурсности для совладания со сложными обстоятельствами (стрессом).

В чем заключается природа внутренних факторов личности, влияющих на возникновение профессиональной деформации и могут ли они трансформироваться в адаптационный (ресурсный) потенциал, профилактирующий эмоциональное выгорание?

В контексте рассматриваемой нами темы предлагаем обратиться к определению понятия «адаптационный потенциал». Исходя из концепции адаптационного потенциала личности А. Г. Маклакова, данный феномен носит интегративный характер и включает такие составляющие, как:

- нервно-психическая устойчивость, степень развития которой обеспечивает терпимость к стрессу;
- самооценка личности – «ядро» саморегуляции, как лакмус восприятия окружающих условий и собственных возможностей;
- ощущение социальной поддержки, детерминирующее чувство собственной значимости относительно окружающих;
- уровень конфликтности личности;
- опыт социального общения [10, с. 16].

В работах Д. А. Леонтьева «личностный потенциал» определяется как базовая характеристика, «стержень» личности и является интегральным показателем уровня зрелости личности. Именно личностный потенциал отражает степень готовности к работе над собой и над возникшими обстоятельствами, а также свидетельствует о расположенности к самодетерминации, т. е. способности к самостоятельному выбору вектора поведения и принятию за него ответственности [9, с. 56].

В. А. Кулганов, Л. С. Шенберг, Л. А. Короткова предлагают рассматривать адаптационный потенциал личности через интеграцию таких составляющих, как:

- 1) степень развития сфокусированной активности и мотивации;
- 2) адекватность самооценки;
- 3) отношение к людям, или уровень социализации;
- 4) развитие общего и социального интеллекта в целом [8, с. 578].

Изучая феномен «адаптационный потенциал», С. Т. Посохова пришла к выводу, что он обладает некой латентностью адаптационных способностей, вектор реализации которых определяется активностью личности. Автор определила адаптационный потенциал как интегральное образование, включающее социально-психологические, психические, биологические качества, которые реализуются личностью в целях конструирования новых моделей поведения в новых актуальных условиях [13, с. 240].

При этом адаптационные способности личности в значительной степени определяют ее психологическими особенностями, влияющими на возможность координации состояния организма и поведения в различных обстоятельствах. М. В. Григорьева утверждает, что адаптационные способности – качества личности, способствующие реактивному выбору эффективных способов организации взаимодействия с окружающей средой [5, с. 5].

Таким образом, мы пришли к выводу, что сотрудники, обладающие низкими и неудовлетворительными адаптационными способностями, в большей степени подвержены профессиональному выгоранию. Кроме того, полагаем, что на успешность совладания личности со сложными обстоятельствами в существенной степени влияют не только ее адаптационные способности, но и готовность к рефлексии (осознанию) предшествующего опыта, порождающего переживания, как предпосылки формирования нового опыта.

В ходе исследования нами сформулирован вопрос: какие внешние и внутренние факторы детерминируют профессиональную деформацию сотрудников органов внутренних дел? Для получения ответа были определены для решения следующие задачи:

- изучить адаптационный потенциал исследуемых и выделить группы респондентов с различными уровнями адаптационных способностей;
- исследовать взаимосвязь адаптационных способностей сотрудников и показателей их профессионального выгорания.

Методы

Изучение профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел осуществлялось на основе теоретического анализа психологической литературы по данной проблеме. Для диагностики адаптационного потенциала сотрудников ОВД и их профессиональной деформации применялись:

1) методика оценки адаптационных способностей «МОАС». И. В. Соловьев разработал на основе факторов теста Кеттелла методику МОАС, направленную на диагностику адаптационных возможностей, которая позволяет определить:

- непосредственный адаптационный потенциал;
- реальный уровень адаптированности;
- вероятный тип дезадаптивного поведения.

По итогам исследования респонденты распределяются на 4 группы:

I группа – с высокими адаптационными способностями;

II группа – с удовлетворительными адаптационными способностями;

III группа – с низкими адаптационными способностями;

IV группа – с неудовлетворительными адаптационными способностями⁴;

2) опросник выгорания К. Маслач (в адаптации Н. Е. Водопьяновой), с помощью которого определяется степень выраженности профессионального выгорания по трем шкалам: эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция профессиональных достижений⁵;

3) статистический анализ данных (критерий корреляции Пирсона), позволяющий выявить наличие или отсутствие связи между адаптационными способностями респондентов и их профессиональным выгоранием.

Эмпирическое исследование проводилось среди сотрудников одного из управлений МВД России – в количестве 61 человека, проходящих службу в должностях рядового и среднего начальствующего состава⁶ от 1 года до 25 лет. Возраст сотрудников от 20 до 51 года, женщин – 18, мужчин – 43. ОЭБиПК – 4,9 % (3 чел.), патрульно-постовая служба полиции – 63,9 % (39 чел.), дежурная часть – 14,7 % (9 чел.), дознание – 6,5 % (4 чел.), кинологическая служба – 9,8 % (6 чел.).

Результаты

По итогам первого этапа исследования адаптационного потенциала сотрудников респонденты были разделены на четыре группы.

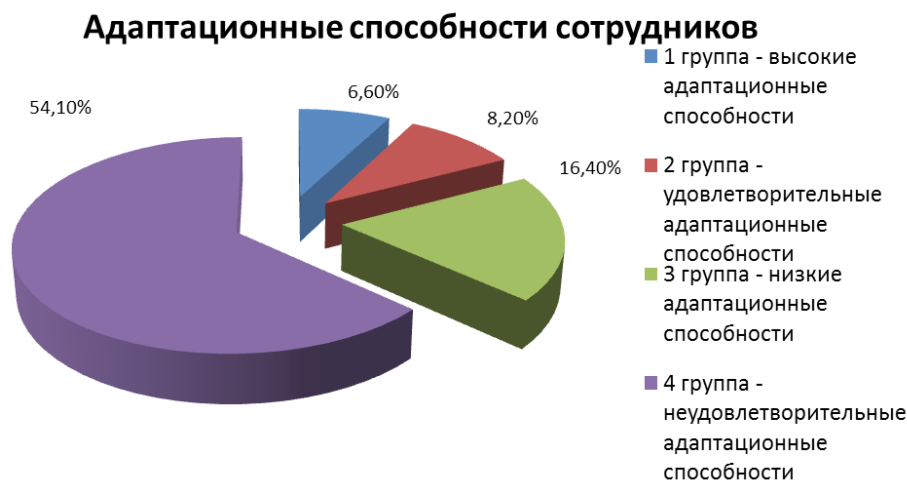

Рис. 1. Группы респондентов с различными адаптационными способностями

Результаты исследования адаптационных способностей респондентов свидетельствуют о том, что большинство (70,5 %) сотрудников обладают недостаточным адаптационным ресурсом. При этом группу с высокими адаптационными способностями составили 4 респондента, с удовлетворительными адаптационными способностями – 5 сотрудников, с низкими адаптационными способностями – 10 человек, с неудовлетворительными адаптационными способностями – 33 респондента. Итоги изучения адаптационных способностей 9 сотрудников (14,7 %) свидетельствуют о ложности их ответов. Акцентируем внима-

⁴ Основные виды деятельности и психологическая пригодность к службе в системе органов внутренних дел (справочное пособие) / под ред. Б. Г. Бовина, Н. И. Мягих, А. Д. Сафронова. – Москва: НИЦПМО МВД России, 2007. – 127 с.

⁵ Энциклопедия психодиагностики [Электронный ресурс] // PsyLab.info: сайт. – <https://psylab.info/> (дата обращения: 02.05.2023).

⁶ Выслуга в анализируемой выборке сотрудников ОВД составила: 24,6 % (15 чел.) до 5 лет включительно; 31,1 % (19 чел.) до 10 лет включительно; 26,8 % (16 чел.) до 20 лет включительно; 18 % (11 чел.) до 25 лет включительно.

ние на том, что испытуемые, входящие в 4-ю группу, не способны успешно адаптироваться к окружающей среде, вследствие чего формируются предпосылки к их профессиональной деформации.

На втором этапе, обращаясь к выдвинутой нами гипотезе о том, что сотрудники, обладающие низкими и неудовлетворительными адаптационными способностями, в большей степени подвержены профессиональной деформации, было проведено исследование взаимосвязей групп с различными уровнями адаптационного потенциала со шкалами профессионального выгорания.

Таблица 1

Взаимосвязи высокого и удовлетворительного уровней адаптационных способностей сотрудников и показателей их профессионального выгорания

Показатель уровня адаптационных способностей («МОАС»)	Шкалы профессионального выгорания (К. Маслач)	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
Высокие и удовлетворительные адаптационные способности	Эмоциональное истощение	0,14	0,01
	Деперсонализация	0,25	0,01
	Редукция профессиональных достижений	0,07	0,01

Полученные данные свидетельствуют об очень слабой связи высоких и удовлетворительных уровней адаптационных способностей респондентов с таким компонентом профессионального выгорания, как деперсонализация (шкала Е. П. Голубкова, при $R = 0,21 - 0,40$).

Представляют особый интерес результаты изучения взаимосвязи групп с низкими адаптационными способностями и с неудовлетворительными адаптационными способностями со шкалами профессионального выгорания.

Таблица 2

Взаимосвязь низкого уровня адаптационных способностей сотрудников и показателей профессионального выгорания

Показатель уровня адаптационных способностей («МОАС»)	Шкалы профессионального выгорания (К. Маслач)	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
Низкие адаптационные способности (3-я группа)	Эмоциональное истощение	0,31	0,01
	Деперсонализация	0,61	0,01
	Редукция профессиональных достижений	0,23	0,01

Взаимосвязь неудовлетворительного уровня адаптационных способностей сотрудников и показателей профессионального выгорания

Показатель уровня адаптационных способностей («МОАС»)	Шкалы профессионального выгорания (К. Маслач)	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
Неудовлетворительные адаптационные способности (4-я группа)	Эмоциональное истощение	- 0,07	0,01
	Деперсонализация	- 0,03	0,01
	Редукция профессиональных достижений	0,35	0,01

В третьей группе респондентов выявлена прямая связь умеренной силы (при $R = 0,61-0,80$) адаптационных способностей с таким проявлением профессионального выгорания, как деперсонализация; с эмоциональным истощением зафиксирована очень слабая связь (при $R = 0,21-0,40$). Для сотрудников, обладающих неудовлетворительными адаптационными способностями, характерна очень слабая связь данного личностного компонента с редукцией профессиональных достижений (при $R = 0,21-0,40$).

Проанализировав результаты, представленные в табл. 2 и 3, и исходя из теоретического анализа показателей профессионального выгорания, можно сделать следующие выводы.

Сотрудники с низким уровнем адаптационных способностей склонны к нарушению восприятия себя и окружающего мира, проявляющегося в стремлении к дистанцированию. Данная ситуация возникает как реакция на эмоциональное истощение, позиционируемое К. Маслач в качестве базового стимула профессионального выгорания. То есть, пройдя первый этап профессионального выгорания – истощение, сотрудники создают в качестве защитного механизма «эмоциональный буфер», позволяющий совладать с такими стрессовыми факторами, как перегруженность, несоответствие внешних требований и внутренних ресурсов, конфликтность, создавая тем самым «панцирь», способствующий самосохранению (на фоне эмоциональной неустойчивости) в стрессовых обстоятельствах, при этом детерминируя снижение социальности.

Респондентам 4-й группы на фоне яркой выраженности признаков нервно-психической неустойчивости свойственно в большей степени нивелирование своих достижений, объясняемое восприятием себя как некомпетентного сотрудника. В данном случае доминирует один из компонентов адаптационного потенциала личности – самооценка. Кроме того, для них характерно дезадаптивное поведение, проявляющееся ярче именно в постоянно меняющихся (стрессовых) условиях. Стереотипное мышление и организация своей деятельности согласно четко сформированным алгоритмам – ключевые компоненты модели их поведения (совладания с трудностями).

Можем предположить, что чем больше выражены неудовлетворительные адаптационные способности респондентов, тем более для них характерно снижение вовлеченности в решение служебных задач и, соответственно, ухудшение профессиональной деятельности в целом. Видится, что сложившиеся предпосылки эмоционального выгорания взаимосвязаны и с искажением смыслообразовательных процессов сотрудников, и с нарушением их профессиональной самоидентификации.

Таким образом, сравнивая респондентов с высокими, удовлетворительными адаптационными способностями и респондентов с низкими адаптационными способностями, можно констатировать, что для последних в большей степени характерна взаимосвязь между их личностными качествами (адаптационным ресурсом) и эмоциональным истощением, деперсонализацией. При этом неудовлетворительные адаптационные способности сотрудников влияют исключительно на формирование редукции профессиональных достижений.

Заключение

Полученные в нашем исследовании данные об адаптационном потенциале сотрудников органов внутренних дел и их профессиональном выгорании позволяют сделать следующие выводы.

Адаптационный потенциал личности – интегративное понятие, включающее такие сегменты, как самооценка, интеллект, нервно-психическая устойчивость, волевая регуляция, зрелость личности. Они приобретают особое звучание при совладании сотрудниками органов внутренних дел со стрессовыми ситуациями, влияющими на формирование их профессионального выгорания.

Для большинства респондентов (70,5 %) характерен недостаточный адаптационный потенциал для адекватной оценки внешних требований и внутренних ресурсов, определяющий их иррациональное поведение. Соответственно, можем предположить, что данные сотрудники склонны к дезадаптации.

Исходя из результатов исследования, полагаем, что сотрудники с низким уровнем адаптационных способностей в большей степени подвержены именно деперсонализации, с неудовлетворительным уровнем адаптационных способностей – редукции профессиональных достижений.

Полагаем, что при преодолении профессионального выгорания сотрудниками органов внутренних дел основной вектор необходимо направить на активизацию их осознанного отношения к своим внутренним психическим процессам и внешним факторам, стимулирующим такие реакции, как эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция. Каким образом? В том числе посредством интроспекции; фиксации на внешних ресурсных источниках, влияющих на благополучие и поддержание внутреннего баланса ценностей.

Список литературы

1. Ito J. K., Brotheridge C. M. Resources, coping strategies, and emotional exhaustion: A conservation of resources perspective // *Journal of Vocational Behavior*. – 2003. – Vol. 63. – P. 490–509.
2. Leiter M. P., Maslach C. A mediation model of job burnout // Antoniou A. S. G. Cooper C. L. (Eds). *Research companion to organizational health psychology*. Cheltenham UK: Edward Elgar, 2005. – P. 544–564.
3. Maslach C., Leiter M. P. *The truth about burnout: How organization cause personal stress and what to do about it*. – San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1997. – 186 p.
4. Варданян Ю. В., Воробьева О. М. Исследование эмоционального выгорания сотрудников полиции в контексте психологической безопасности // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. – 2018. – № 2. – С. 203 – 213.
5. Григорьева М. В. Базовый побудительный механизм социальной активности личности // *Социальная психология и общество*. – 2019. – Т. 10. – № 1. – С. 5–17.
6. Змановская Е. В. Структурно-динамическая концепция девиантного поведения // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. – 2013. – Вып. 5 (133). – С. 189–195.
7. Кечил Д. И. Особенности профессиональной деформации психологов служебной деятельности ФСИН (результаты экспертного оценивания проблемы) // *Человеческий капитал*. – 2021. – № 10 (154). – С. 30–36.
8. Кулганов В. А., Шенберг Л. С., Короткова И. А. Исследования адаптационного потенциала личности у подростков и молодежи // *Ананьевские чтения – 2005: материалы науч.-практ. конф.*, 25–27 окт. 2005 г. / под ред. И. А. Цветковой, Л. М. Шипицыной. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2005. – С. 578–580.
9. Леонтьев Д. А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // *Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова* / под ред. Б. С. Братуся, Д. А. Леонтьева. – Москва: Смысл, 2002. Вып. 1. – С. 56–65.
10. Маклаков А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // *Психологический журнал*. – 2001. – Т. 22. – № 1. – С. 16–24.
11. Маркова А. К. *Психология профессионализма*. – Москва, Междунар. гуманитар. фонд «Знание», 1996. – 308 с.
12. Орел В. Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии // *Журнал практической психологии и психоанализа*. – 2001. – Т. 22. – № 1. – С. 90–101.
13. Посохова С. Т. *Психология адаптирующейся личности : монография*. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. – 240 с.

14. *Рогинская Т. И.* Синдром выгорания в социальных профессиях // Психологический журнал. – 2002. – № 3. – С. 85–95.

15. *Юдчиц Ю. А.* К проблеме профессиональной деформации // Журнал прикладной психологии. – 2008. – № 2. – С. 17–22.

References

1. *Ito J. K., Brotheridge C. M.* Resources, coping strategies, and emotional exhaustion: A conservation of resources perspective // *Journal of Vocational Behavior*. – 2003. – Vol. 63. – P. 90–509.

2. *Leiter M. P., Maslach C.* A mediation model of job burnout // *Antoniou A. S. G. Cooper C. L.* (Eds). *Research companion to organizational health psychology*. Cheltenham UK: Edward Elgar, 2005. – P. 544–564.

3. *Maslach C., Leiter M. P.* The truth about burnout: How organization cause personal stress and what to do about it. – San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1997. – 186 p.

4. *Vardanyan Yu. V., Vorob'yeva O. M.* Issledovaniye emotsional'nogo vygoraniya sotrudnikov politzii v kontekste psikhologicheskoy bezopasnosti // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. – 2018. – № 2. – S. 203 – 213.

5. *Grigor'yeva M. V.* Bazovyy pobuditel'nyy mekhanizm sotsial'noy aktivnosti lichnosti // *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*. – 2019. – T. 10. – № 1. – S. 5–17.

6. *Zmanovskaya Ye. V.* Strukturno-dinamicheskaya kontseptsiya deviantnogo povedeniya // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. – 2013. – Vyp. 5 (133). – S. 189–195.

7. *Kechil D. I.* Osobennosti professional'noy deformatsii psikhologov sluzhebnoy deyatelnosti FSIN (rezul'taty ekspertnogo otsenivaniya problemy) // *Chelovecheskiy kapital*. – 2021. – № 10 (154). – S. 30–36.

8. *Kulganov V. A., Shenberg L. S., Korotkova I. A.* Issledovaniya adaptatsionnogo potentsiala lichnosti u podrostkov i molodezhi // *Anan'yevskiy chteniya – 2005: materialy nauch.-prakt. konf.*, 25–27 okt. 2005 g. / pod red. I. A. Tsvetkovoy, L. M. Shipitsynoy. – Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGU, 2005. – S. 578–580.

9. *Leont'yev D. A.* Lichnostnoye v lichnosti: lichnostnyy potentsial kak osnova samodeterminatsii // *Uchenyye zapiski kafedry obshchey psikhologii MGU im. M. V. Lomonosova* / pod red. B. S. Bratusya, D. A. Leont'yeva. – Moskva: Smysl, 2002. Vyp. 1. – S. 56–65.

10. *Maklakov A. G.* Lichnostnyy adaptatsionnyy potentsial: yego mobilizatsiya i prognozirovaniye v ekstremal'nykh usloviyakh // *Psikhologicheskii zhurnal*. – 2001. – T. 22. – № 1. – S. 16–24.

11. *Markova A. K.* Psikhologiya professionalizma. – Moskva, Mezhdunar. gumanitar. fond «Znaniye», 1996. – 308 s.

12. *Orel V. Ye.* Fenomen «vygoraniya» v zarubezhnoy psikhologii // *Zhurnal prakticheskoy psikhologii i psikhoanaliza*. – 2001. – T. 22. – № 1. – S. 90–101.

13. *Posokhova S. T.* Psikhologiya adaptiruyushcheylya lichnosti : monografiya. – Sankt-Peterburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2001. – 240 s.

14. *Roginskaya T. I.* Sindrom vygoraniya v sotsial'nykh professiyakh // *Psikhologicheskii zhurnal*. – 2002. – № 3. – S. 85–95.

15. *Yudchits Yu. A.* K probleme professional'noy deformatsii // *Zhurnal prikladnoy psikhologii*. – 2008. – № 2. – S. 17–22.

Статья поступила в редакцию 14.06.2023; одобрена после рецензирования 29.07.2023; принята к публикации 22.11.2023.

The article was submitted June 14, 2023; approved after reviewing July 29, 2023; accepted for publication November 22, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья

УДК 159

doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-231-238

Людмила Валентиновна Лидак

доктор психологических наук, профессор

<https://orcid.org/0009-0002-4941-1110>, Ludalidak@mail.ru

*Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
Российская Федерация, 603950, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1*

*Ставропольский государственный педагогический институт
Российская Федерация, 355029, Ставрополь, ул. Ленина, д. 417 а*

Психологическое влияние профессионального «слаживания» на формирование корпоративной культуры сотрудников органов внутренних дел

Аннотация: Введение. Актуальность статьи связана с современной социальной ситуацией. Исследование посвящено важной психологической проблеме, возникшей на почве обострения международных отношений, – проблеме профессионального «слаживания» в группах и его влияния на совершенствование корпоративной культуры членов коллективов в подразделениях органов внутренних дел. **Методы и методология исследования.** В исследовании использована методология культурологического, системно-структурного, личностно-деятельностного и профессионально-деятельностного подходов к развитию корпоративной культуры личности профессионала. В качестве ведущих методов исследования использовался сравнительно-сопоставительный анализ литературных источников, обобщение передового опыта работы подразделений ОВД и терминологический анализ ведущих понятий. **Результаты и обсуждение.** В содержательной части статьи предложено определение профессионального «слаживания». Отмечено, что процесс профессионального «слаживания» обеспечивает формирование корпоративной культуры между сотрудниками, объединенными для решения общих задач; способствует формированию сплоченности, товарищеской поддержки и взаимопомощи в коллективах ОВД. Конкретизировано, что в настоящее время проблема профессионального «слаживания» особенно важна для военнослужащих, участвующих в спецоперации, и для коллективов органов внутренних дел. Отмечается, что задачи формирования корпоративной культуры и профессионального «слаживания» связаны с необходимостью повышения статуса сотрудников полиции и их авторитета в сознании гражданского населения. В представленном исследовании был использован метод сравнительно-сопоставительного анализа литературных источников и базовых документов, регламентирующих деятельность сотрудников полиции. Это позволило уточнить лексический и психологический смысл феноменов «профессиональное слаживание» и «корпоративная культура». Выявлена детерминирующая роль структурных компонентов «слаживания», влияющих на базовые компоненты корпоративной культуры сотрудников, выполняющих единые задачи, поставленные государством перед органами внутренних дел. Построение научной логики исследования основано на методологии системно-структурного подхода, способствующего описанию характеристик мотивационно-ценностных, когнитивных и конативных компонентов в структуре личности, обеспечивающих динамику профессионального «слаживания» и процесс формирования корпоративной культуры в подразделениях ОВД. **Выводы и рекомендации к апробации.** В заключительной части статьи представлены выводы и обобщения. Отмечена важная роль воспитательной работы и психологического сопровождения в системе формирования про-

фессионального «слаживания» и совершенствования корпоративной культуры субъектов профессиональной деятельности. Статья может быть рекомендована для использования в системе воспитательной работы с сотрудниками силовых структур и гражданских специалистов, для осуществления психологического сопровождения оперативно созданных коллективов. **Основные положения.** 1) Статус сотрудника органов внутренних дел определяется проявлениями корпоративной культуры личности, которая обеспечивает повышение его авторитета у граждан и гостей государства. 2) Смысловой анализ понятия «слаживание» позволяет уточнить его лексический и психологический смысл, предложить рабочее определение данного понятия для психологической науки и практики, а также уточнить его роль в системе формирования корпоративной культуры в подразделениях ОВД.

Ключевые слова: «слаживание», психологическое сопровождение, детерминанты, корпоративная культура, производственные отношения, сотрудники полиции

Для цитирования: Лидак Л. В. Психологическое влияние профессионального «слаживания» на формирование корпоративной культуры сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 231–238; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-231-238.

Lyudmila V. Lidak

Dr. Sci. (Psy.), Professor

<https://orcid.org/0009-0002-4941-1110>, Ludalidak@mail.ru

*Nizhny Novgorod State Pedagogical University them. K. Minina
1, Ulyanova str., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation*

*Stavropol State Pedagogical Institute
417 a, Lenina str., Stavropol, 355029, Russian Federation*

Psychological influence of professional «coordination» on building a corporate culture of employees of internal affairs bodies

Abstract: Introduction. The relevance of the article is connected with the current social situation. The study is devoted to an important psychological problem that has arisen on the ground of international relations aggravation - the problem of professional «coordination» in groups and its influence on improvement of corporate culture of collectives' members in subdivisions of internal affairs bodies. **Research methods and methodology.** The study used the methodology of culturological, system-structural, personality-activity and professional-activity approaches to the development of the professional's corporate culture. Comparative analysis of literary sources, summary of best practices of the internal affairs bodies and terminological analysis of leading concepts were used as the leading research methods. **Results and discussion.** In the content of the article the definition of professional «coordination» is offered. It was noted that the process of professional «coordination» provides the corporate culture formation between employees, united for the solution of common tasks; promotes the formation of cohesion, friendly support and mutual assistance in the teams of internal affairs bodies. It is specified that at present the problem of professional «coordination» is especially important for servicemen participating in the special operation and for the teams of internal affairs agencies. It is noted that the tasks of corporate culture and professional «coordination» are connected with the need to increase the status of police officers and their authority in the consciousness of the civilians. In the present study the method of comparative analysis of literary sources and basic documents regulating the activities of police officers was used. This allowed to clarify the lexical and psychological meaning of phenomena «professional coordination» and «corporate culture». The determinant role of the structural components of «coordination» that influence the basic components of the corporate culture of employees carrying out the common tasks assigned by the state to the internal affairs bodies has been revealed. The constructing of the scientific logic of the study is based on the methodology of the system-structural approach, which contributes to the description of the characteristics of motivational-valuable, cognitive and conative components in the person's structure, providing the dynamics of professional «coordination» and the process of corporate culture formation in the

subdivisions of internal affairs bodies. **Conclusions and recommendations for approbation.** In the final part of the article the conclusions and recommendations are presented. The important role of educational work and psychological support in the system of professional «coordination» formation and improvement of corporate culture of subjects of professional activity was noted. The article may be recommended for the usage in the system of educational work with employees of security forces and civilian specialists, to provide psychological support for the operationally established teams. **Basics:** 1) The status of an internal affairs officer is determined by the manifestations of the corporate culture of the individual, which ensures the enhancement of his authority among citizens and guests of the state. 2) The semantic analysis of the concept of «coordination» allows to clarify its lexical and psychological meaning, to propose a working definition of this concept for psychological science and practice, as well as to clarify its role in the system of corporate culture formation in the subdivisions of internal affairs bodies.

Keywords: «coordination», psychological support, determinants, corporate culture, production relations, police officers

For citation: Lidak L. V. Psychological influence of professional «coordination» on building a corporate culture of employees of internal affairs bodies // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 231–238; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-231-238.

Введение

Политическая и социокультурная ситуация, сложившаяся в современном российском обществе, актуализирует необходимость совершенствования корпоративной культуры между сотрудниками в различных профессиональных коллективах. Цель данной статьи направлена на выявление психологических детерминант, обеспечивающих процесс формирования корпоративной культуры у сотрудников органов внутренних дел на этапе создания и становления профессиональных коллективов, следуя логике паспорта специальностей 5.8.3 – методология и технология профессионального образования; 5.3.7 – возрастная психология.

В исследованиях Д. В. Деккерта [3], В. Л. Кубышко [8], В. Я. Кикотя, С. С. Маиляна, Д. И. Грядового [6] и др. было установлено, что отсутствие корпоративной культуры хотя бы у одного члена коллектива оказывает деструктивное влияние на эффективность выполнения совместной деятельности и вместе с тем разрушает систему межличностных и производственных отношений между другими сотрудниками, связанными едиными профессиональными задачами.

На особую важность корпоративной культуры для формирования командного духа, эффективной и слаженной работы в подразделениях ОВД указывали В. А. Дроздов [5], Л. Б. Ткаченко и Л. Н. Костина [13] и др.

Авторы подчеркивали, что статус сотрудника органов внутренних дел определяется проявлениями корпоративной культуры личности, которая обеспечивает повышение его авторитета у граждан и гостей государства.

Системно-структурный анализ корпоративной культуры личности свидетельствует о ее многомерности и дифференцированности. В монографическом исследовании А. Н. Леонтьева «Деятельность. Сознание, Личность» отмечено, что базовыми структурными компонентами личности являются мотивационно-ценностные, когнитивные и конативные компоненты, которые формируются и трансформируются в процессе жизнедеятельности человека [10]. Компонентная структура личности, предложенная А. Н. Леонтьевым, достаточно широко использовалась в работах психологов школы Е. А. Климова при изучении проблем психологии труда, при исследовании базовых показателей корпоративной культуры сотрудников, работающих в едином коллективе [7].

Данные идеи распространяются на изучение культуры профессиональных отношений в органах внутренних дел Российской Федерации. Сравнительно-сопоставительный анализ литературных источников позволяет уточнить содержательную характеристику структурных компонентов корпоративной культуры сотрудников полиции, ответственно выполняющих свой профессиональный долг в достаточно сложной современной социальной ситуации.

Методы и методология исследования

Предлагаемое исследование основано на методологических подходах, раскрывающих сущностные характеристики системно-структурного, культурологического, личностно-деятельностного и профессионально-деятельностного подходов, направленных на исследование особенностей корпоративной культуры и профессионального «слаживания» сотрудни-

ков ОВД, на развитие личности профессионала. В качестве ведущих методов исследования использовался сравнительно-сопоставительный анализ литературных источников, обобщение передового опыта работы подразделений ОВД.

Обсуждение и результаты исследования

Обобщая психолого-педагогические исследования, представленные работами В. В. Ермаева [5], М. И. Марьина [11], Е. А. Шамрай [15] и др., можно сделать предварительный вывод о том, что корпоративная культура субъекта служебно-профессиональной деятельности складывается из совокупности таких личностных качеств, которые обязывают сотрудника решать социально-значимые задачи, возложенные на него государством. Установлено, что при решении государственных задач сотрудники органов внутренних дел обязаны следовать нравственным моделям поведения и деятельности, одобряемым государством и профессиональным сообществом.

При более детальном анализе особенностей корпоративной культуры сотрудников ОВД есть основания выделить и рассмотреть их как совокупность следующих структурных компонентов:

- совокупность ценностных ориентаций, отражающих гражданскую и гуманистическую направленность личности;
- совокупность социально-патриотических, общекультурных и профессиональных компетенций;
- совокупность знаний, практических умений и навыков для эффективного выполнения служебной деятельности по защите граждан и правопорядка в государстве.

Обратимся к психологическим детерминантам формирования корпоративной культуры у сотрудников в подразделениях органов внутренних дел. Реалии современной жизни свидетельствуют о важности формирования корпоративной культуры сотрудников на начальных этапах создания профессионального коллектива – этапах «слаживания».

Именно начальный этап формирования коллектива является важнейшим детерминирующим фактором, обеспечивающим динамику корпоративной культуры и построения дальнейших продуктивных взаимоотношений между сотрудниками. Не случайно в настоящее время начальный этап построения корпоративных отношений в группах и коллективах получил достаточно емкое название – «слаживание». Механизмы профессионального «слаживания» являются основанием для быстрого установления позитивных взаимоотношений между сотрудниками подразделения, приводящих к корпоративному братству и взаимопомощи при решении профессиональных задач. К числу наиболее важных психологических механизмов «слаживания» следует отнести изменения, происходящие в Я-концепции каждого сотрудника, основанные на восприятии другого человека со всеми его профессиональными, поведенческими и социокультурными особенностями. Важное место занимают такие психологические механизмы «слаживания», как адаптация к среде, в которой осуществляется профессиональная деятельность, рефлексия собственной готовности к порученному делу, самооценка после выполнения задания и прогнозирование дальнейших этапов совместной деятельности. Перечисленные механизмы, лежащие в основе «слаживания» субъектов профессиональной деятельности в группах и коллективах, носят динамический характер и способствуют формированию доверия между сотрудниками, появлению культуры корпоративного взаимодействия у каждого члена коллектива, достижению совместных целей. Представленные психологические механизмы «слаживания» особо важны в группах силовых структур, в том числе, в подразделениях ОВД.

Спектр служебных обязанностей сотрудников органов внутренних дел определен нормативными актами – федеральным законом «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ¹ и приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 25 декабря 2020 г. № 900 «Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации»². В указанных документах отражаются не только профессиональные требования к сотрудникам полиции, но также подчеркивается важность оперативности в деятельности по обеспечению общественного порядка и безопасности граждан. Профессиональная оперативность возможна при условии осуществления быстрого, оперативного «слаживания» всех членов профессионального сообщества, решающего единые задачи.

¹ О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165 (дата обращения: 05.08.2023).

² Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 25 декабря 2020 г. № 900 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: <https://base.garant.ru/400791288/?ysclid=l63t70u8hu196412462> (дата обращения: 05.08.2023).

Диалектика взаимного влияния профессионального «слаживания» на культуру корпоративных отношений и наоборот, культуры корпоративных отношений на совершенствование профессионального «слаживания» требует конкретизации понятийного аппарата. В последнее время термины «профессиональное слаживание», «оперативное слаживание», «боевое слаживание» широко употребляются в публикациях и выступлениях журналистов, военных, политиков, экспертов и др. Несмотря на глубокий смысл термина «слаживание», он не получил распространения в научной лексике. Полагаем, что со временем данный пробел будет восполнен, а обозначенное понятие приобретет особое значение в качестве рабочего определения для исследований в области психологии, философии, социологии, педагогики.

Терминологический контент-анализ лексической единицы «слаживание» позволяет уточнить его лексический и психологический смысл, а также предложить рабочее определение данного понятия для психологической науки и практики.

Словарно-справочная литература свидетельствует о том, что лексическая единица «слаживание», применяемая в общелитературной русской лексике, образована от однокоренного слова «лад». В «Толковом словаре русского языка» отмечено, что синонимами слова «слаженный» являются понятия «согласованный», «упорядоченный»³. Это позволяет констатировать, что согласованность и упорядоченность являются необходимыми детерминантами, определяющими психологическую характеристику профессионального «слаживания». Очевидно, что согласованность и слаженность совместной деятельности выполняют особо важную роль в системе формирования корпоративных отношений в профессиональных коллективах или боевых группах, созданных достаточно оперативно, а зачастую спонтанно для решения единых, жизненно важных задач.

Особое значение в процессе профессионального «слаживания» членов группы, имеют единые мотивационно-ценностные установки субъектов совместной деятельности. Наполнение новыми личностными смыслами мотивационно-ценностного компонента сотрудников, объединенных единой системой профессионального или боевого «слаживания», зависит от тех задач и противоречий, которые возникают в природе, в обществе, в промышленном производстве, «на театре военных действий».

Координатором и руководителем при устранении возникающих проблем и противоречий является государство, которое ставит конкретные задачи перед конкретными профессиональными или боевыми коллективами в конкретной социальной ситуации. Исторические факты свидетельствуют о том, что в годы Великой Отечественной войны перед армией и гражданским населением государство ставило задачи по обеспечению победы над фашизмом. После войны вектор государственных задач изменился в сторону восстановления народного хозяйства, разрушенного войной, защиты населения от бандитов и криминальных элементов, развития экономики и приумножения могущества государства.

В современной социальной ситуации перед военнослужащими, сотрудниками органов внутренних дел и гражданским населением возникла сложнейшая задача – сохранить целостность Российской Федерации, защитить русское население, живущее на территории Украины, от социально-экономического произвола, восстановить мир и порядок во взаимоотношениях с соседними государствами, противостоять амбициям недружественных стран.

В связи с этим возникают задачи по созданию боевых и профессиональных коллективов, способных к слаженному выполнению профессионального долга. Ядром профессиональной и боевой «слаженности» являются единые мотивационно-ценностные установки у каждого члена коллектива, выполняющего гражданский долг по противостоянию агрессии и национализму. Необходимость боевого «слаживания» определяет новые цели и задачи для совершенствования психологических детерминант в рамках воспитания ценностных ориентаций в коллективах, обеспечивающих слаженность в решении насущных проблем и повышение оперативности выполнения профессиональной деятельности.

Наши выводы совпадают с выводами М. В. Пряхиной о том, что детерминантами формирования ценностных ориентаций личности сотрудника в мобильных профессиональных коллективах является набор таких качеств, как гражданственность, патриотизм, чувство долга, профессиональная ответственность, т. е. той нравственной основы русского человека, которая делает его особенным в глазах мирового сообщества [12]. Именно эти

³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд. – Москва: Азбуковник, 1999. – С. 728.

качества россиянина неоднократно раскрывались в произведениях классиков отечественной литературы, отражались на полотнах художников, в музыке, кинофильмах, театральных постановках.

Безусловно, наполнение ценностных ориентаций сотрудников глубокими нравственными смыслами является основанием для эффективного профессионального и боевого «слаживания» в группах и коллективах органов внутренних дел.

Наметилась определенная разница между профессиональным и боевым «слаживанием». Она определяется содержанием той деятельности, ради которой была создана оперативная группа единомышленников. Под профессиональным «слаживанием» следует понимать согласованное и упорядоченное взаимодействие сотрудников в группах, созданных для решения конкретных профессиональных задач в короткий промежуток времени. В данном случае цель профессионального «слаживания», как правило, носит созидательный характер. Она связана с конкретной помощью людям, с устранением неполадок в природной или техногенной среде, с созданием новых объектов или культурных сооружений. В качестве примеров можно привести факты профессионального «слаживания» энтузиастов, построивших олимпийские объекты в Сочи; «слаживание» специалистов-медиков, работающих во временных госпиталях по устранению массовых инфекционных заболеваний, «слаживание» строителей из различных регионов страны для ремонта и восстановления объектов на освобожденных территориях, присоединившихся к России.

Иные цели у боевого и оперативного «слаживания», которое определяется стратегиями боевых или оперативных действий. В одних случаях оно носит оборонительный, в других – наступательный характер. В отличие от профессионального «слаживания» в гражданских коллективах, боевое и оперативное «слаживание» в силовых структурах осуществляется для решения боевых задач. Оно представляет систему динамичного взаимодействия бойцов для приобретения знаний, умений и навыков, обеспечивающих согласованное и упорядоченное участие в боевых действиях с использованием военной техники.

Как в контексте профессионального, так и в контексте боевого и оперативного «слаживания» важна эффективность взаимодействия между сотрудниками, которая во многом обеспечивается проявлениями корпоративной культуры. Психологическими детерминантами боевого, оперативного и профессионального «слаживания» является совпадение мотивационно-ценностных установок у всех членов коллектива, динамичность овладения профессиональными или боевыми компетенциями, новыми умениями и навыками для освоения конкретной деятельности, гибкость применения освоенных компетенций и использование новых умений и навыков в боевой или профессиональной ситуации. Полагаем, что необходимыми детерминирующими условиями «слаживания» членов коллектива являются такие личностные качества, как проявление организованности, ответственности, чувства долга, субъектно-личностной рефлексии по поводу эффективности выполнения порученного дела, а также прогнозирования механизмов и возможных результатов совместного взаимодействия сотрудников при выполнении общего задания.

В исследованиях Ю. П. Ветрова и Д. А. Рубана отмечено, что динамичность создания групп и коллективов для решения государственно важных задач актуализирует потребность в обосновании системы воспитательной работы и психологического сопровождения временных коллективов, обеспечивающих эффективность профессионального или боевого «слаживания» между сотрудниками [1]. Система психологического сопровождения, являясь важной составной частью психологической практики, обладает высоким потенциалом для формирования корпоративной культуры в производственных коллективах, а активизация психологической работы в рамках «слаживания» членов профессионального сообщества сегодня становится необходимой и обязательной. Это позволяет сделать вывод об актуальности и важности решения обозначенной проблемы – проблемы «слаживания» в системе корпоративных отношений как важной ступени формирования корпоративной культуры у сотрудников полиции, а также иных силовых структур и гражданских коллективов.

Выводы и рекомендации к апробации

Изложенное выше позволяет сделать ряд выводов:

- корпоративная культура субъектов служебно-профессиональной деятельности складывается из совокупности личностных качеств сотрудников, обеспечивающих решение социально значимых государственных задач;
- корпоративная культура в структуре личности сотрудника органов внутренних дел представляет собой совокупное единство трех комплексных компонентов: комплекса ценностных ориентаций, отражающих гражданскую и гуманистическую направленность лич-

ности; комплекса социально-патриотических, общекультурных и профессиональных компетенций; комплекса знаний, умений и навыков для эффективного выполнения служебной деятельности по защите граждан и правопорядка в государстве;

– лексический анализ термина «слаживание» позволил обосновать его рабочее определение, которое с языковой точки зрения является производным от старинного слова «лад», совпадающим по смыслу с понятиями «согласованность», «упорядоченность»;

– феноменологический анализ понятия «слаживание» как психологического явления позволяет констатировать, что оно представляет собой согласованность и оперативность действий в структуре совместной деятельности профессионального коллектива или боевой группы, оперативно сформированных для решения важных государственных задач;

– детерминирующим условием формирования корпоративной культуры и профессионального «слаживания» является система психологического сопровождения субъектов совместной деятельности, которая обладает достаточно высоким потенциалом для совершенствования ценностных ориентаций, формирования профессиональных компетенций и повышения эффективности совместной деятельности как в подразделениях органов внутренних дел, так и в производственных коллективах гражданских лиц.

Таким образом, цель и задачи теоретико-методологического исследования решены в полном объеме. В связи с тем, что в статье предпринята попытка осуществить теоретическое обоснование влияния профессионального «слаживания» в подразделениях на формирование корпоративной культуры сотрудников органов внутренних дел, остается открытым вопрос о необходимости специальной практической апробации возможностей профессионального «слаживания» для совершенствования психолого-педагогической системы воспитания корпоративной культуры у сотрудников полиции.

Список литературы

1. *Ветров Ю. П., Рубан Д. А.* Педагогическое сопровождение личностно-профессионального развития курсовых офицеров в университетах МВД России : монография. – Армавир: РИО АГПУ, 2019. – 160 с.
2. *Гладилин А. П.* Профессиональная культура и имидж руководителя органа внутренних дел (философско-культурологический аспект) : монография. – Москва: Академия управления МВД России, 1998. – 220 с.
3. *Деккерт Д. В.* Особенности формирования профессиональной культуры сотрудников ГП МЧС России // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2012. – № 4. – С. 48–57.
4. *Деркач А. А., Зазыкин В. Г., Маркова А. К.* Психология развития профессионала : монография. – Москва: РАГС, 2000. – 124 с.
5. *Ермолаев В. В.* К вопросу специфики функций организационной культуры органов внутренних дел: институциональный анализ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2020. – Т. 6 (72). – № 3. – С. 86–98.
6. *Кикоть В. Я., Маилян С. С., Грядовой Д. И.* Наука управления. Основы организации и управления в правоохранительной деятельности. – Москва: Юнити-дана, 2017. – 751 с.
7. *Климов Е. А.* Человек как субъект труда и проблемы психологии : доклад на пленарном заседании Центрального совета Общества психологов СССР 2 апреля 1984 г. // Вопросы психологии. – 1984. – № 4. – С. 5–14.
8. *Кубышко В. Л.* Совершенствование психологической работы в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности личного состава органов внутренних дел // Национальный психологический журнал. – 2017. – № 4 (28). – С. 95–103.
9. *Кунавцев Т. С.* Концепция педагогической поддержки саморазвития личности сотрудника органов внутренних дел в непрерывном образовании : монография. – Москва: Академия МВД России, 2022. – 168 с.
10. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – Москва: Смысл; Академия, 2005. – 431 с.
11. *Марьин М. И.* Научно-практические проблемы повышения эффективности психологической работы в ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2014. – № 1 (56). – С. 80–86.
12. *Пряхина М. В.* Особенности эмоционально – волевой устойчивости сотрудников полиции на различных этапах профессионализма // Психология и право. – 2023. – Т. 13. – № 1. – С. 51 – 63.

13. *Ткаченко Л. Б., Костина Л. Н.* Психологические особенности корпоративной культуры сотрудников ОВД // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2020. – № 4. – С. 131–133.

14. *Сердюк Н. В.* Формирование профессионально-личностных компетенций в процессе воспитания сотрудников органов внутренних дел : монография. – Москва: Академия управления МВД России, 2017. – 239 с.

15. *Шамрай Е. А.* Комплексный подход к педагогическим технологиям формирования корпоративной культуры в трудовых коллективах сотрудников полиции // Вестник Пятигорского государственного университета – 2018. – № 3. – С. 273–276.

References

1. *Vetrov Yu. P., Ruban D. A.* Pedagogicheskoye soprovozhdeniye lichnostno-professional'nogo razvitiya kursovyykh ofitserov v universitetakh MVD Rossii : monografiya. – Armavir: RIO AGPU, 2019. – 160 s.

2. *Gladilin A. P.* Professional'naya kul'tura i imidzh rukovoditelya organa vnutrennikh del (filosofsko-kul'turologicheskiy aspekt) : monografiya. – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii. 1998. – 220 s.

3. *Dekkert D. V.* Osobennosti formirovaniya professional'noy kul'tury sotrudnikov GP MChS Rossii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2012. – № 4. – С. 48 – 57.

4. *Derkach A. A., Zazykin V. G., Markova A. K.* Psikhologiya razvitiya professionala : monografiya. – Moskva: RAGS, 2000. – 124 s.

5. *Yermolayev V. V.* K voprosu spetsifiki funktsiy organizatsionnoy kul'tury organov vnutrennikh del: institutsional'nyy analiz // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya. – 2020. – Т. 6 (72). – № 3. – С. 86–98.

6. *Kikot' V. Ya., Mailyan S. S., Gryadovoy D. I.* Nauka upravleniya. Osnovy organizatsii i upravleniya v pravookhranitel'noy deyatel'nosti. – Moskva: Yuniti-Dana, 2017. – 751 s.

7. *Klimov Ye. A.* Chelovek kak sub'yekt truda i problemy psikhologii : doklad na plenarnom zasedanii Tsentral'nogo soveta Obshchestva psikhologov SSSR 2 aprelya 1984 g. // Voprosy psikhologii. – 1984. – № 4. – С. 5–14.

8. *Kubyshko V. L.* Sovershenstvovaniye psikhologicheskoy raboty v sisteme moral'no-psikhologicheskogo obespecheniya operativno-sluzhebnoy deyatel'nosti lichnogo sostava organov vnutrennikh del // Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal. – 2017. – № 4 (28). – С. 95–103.

9. *Kupavtsev T. S.* Kontseptsiya pedagogicheskoy podderzhki samorazvitiya lichnosti sotrudnika organov vnutrennikh del v nepreryvnom obrazovanii : monografiya. – Moskva: Akademiya MVD Rossii – 2022. – 168 s.

10. *Leont'yev A. N.* Deyatel'nost'. Soznaniye. Lichnost'. – Moskva: Smysl; Akademiya, 2005. – 431 s.

11. *Mar'in M. I.* Nauchno-prakticheskiye problemy povysheniya effektivnosti psikhologicheskoy raboty v OVD // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2014. – № 1 (56). – С. 80–86.

12. *Pryakhina M. V.* Osobennosti emotsional'no – volevoy ustoychivosti sotrudnikov politzii na razlichnykh etapakh professiogeneza // Psikhologiya i pravo. – 2023. – Т. 13. – № 1. – С. 51–63.

13. *Tkachenko L. B., Kostina L. N.* Psikhologicheskiye osobennosti korporativnoy kul'tury sotrudnikov OVD // Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoy deyatel'nosti. – 2020. – № 4. – С. 131–133.

14. *Serdyuk N. V.* Formirovaniye professional'no-lichnostnykh kompetentsiy v protsesse vospitaniya sotrudnikov organov vnutrennikh del : monografiya. – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2017. – 239 s.

15. *Shamray Ye. A.* Kompleksnyy podkhod k pedagogicheskim tekhnologiyam formirovaniya korporativnoy kul'tury v trudovykh kolektivakh sotrudnikov politzii // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta – 2018. – № 3. – С. 273–276.

Статья поступила в редакцию 30.10.2023; одобрена после рецензирования 12.11.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted October 30, 2023; approved after reviewing November 12, 2023; accepted for publication January 10, 2024.

Научная статья
УДК 159.9.07; 378
doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-239-249

Светлана Алексеевна Павлова
кандидат психологических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-3196-8834>, swetapawlowa@mail.ru

Наталья Александровна Семенова
кандидат психологических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-0687-0472>, natalya_deeva@bk.ru

*Краснодарский университет МВД России
Российская Федерация, 350005, Краснодар, ул. Ярославская, д. 128*

Ведущие профессиональные компетенции преподавателей образовательных организаций МВД России с различным стажем педагогической деятельности

Аннотация: Введение. Статья содержит теоретические и эмпирические данные изучения профессиональных компетенций опытных и начинающих преподавателей образовательных организаций МВД России. Актуальность научной проблемы заключается в потребности обоснования системы ведущих профессиональных компетенций преподавателя высшей школы. Новизна исследования заключается в изучении ведущих профессиональных компетенций преподавателей образовательных организаций МВД России как системы, раскрывающей содержание его профессиональной деятельности с учетом трансформации целей образования, требующих навыков грамотного взаимодействия в информационном и поликультурном пространстве; повышения значимости воспитательной функции преподавателя; необходимости приобретения опыта педагогической деятельности сотрудниками, принятыми в образовательные организации на должности преподавателей из территориальных подразделений органов внутренних дел. В статье представлены ведущие профессиональные компетенции: самоорганизационная, информационная, интерактивная и поликультурная, как наиболее существенные в современных реалиях, которые формируются в контексте профессиональной педагогической культуры и обуславливают профессиональную успешность преподавателя высшей школы. Цель исследования: выявить выраженность и характер взаимосвязи самоорганизационной, информационной, интерактивной и поликультурной компетенций с учетом стажа педагогической деятельности. **Методы.** В исследовании приняли участие 117 преподавателей образовательных организаций МВД России от 23 до 52 лет, из них 62 начинающих преподавателя со стажем до одного года и 55 опытных преподавателей со стажем педагогической деятельности от 6 до 25 лет. Были применены методики, направленные на исследование ведущих профессиональных компетенций: «Профессиональные компетенции преподавателя высшей школы» (С. А. Павлова, Н. А. Деева); «Индекс технологической готовности (TRI)» А. Парасураман, К. Колби (адаптация Ю. В. Хлоповских); «Интегративный опросник межкультурной компетентности» (О. Е. Хухлаев, В. В. Гриценко, А. В. Макаручук, О. С. Павлова, Н. В. Ткаченко, Ш. А. Усубян, В. А. Шорохова); «Диагностика стилей педагогического общения» (Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов); «Диагностика особенностей самоорганизации» (ДОС) (А. Д. Ишков). Сбор данных происходил посредством опроса с использованием электронных форм, рассылки электронных писем и очного анкетирования. **Результаты.** Результаты подтвердили предположение о том, что выраженность и характер взаимосвязи ведущих профессиональных компетенций современного преподавателя связаны со стажем педагогической деятельности: обнаружено большее количество связей между компетенциями в группе опытных

преподавателей по сравнению с группой начинающих; наличие значимых корреляций с характеристиками личности у опытных преподавателей; наибольшая структурированность классификационных признаков исследуемых профессиональных компетенций с дифференциацией по полу, возрасту и стажу в группе опытных преподавателей.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, самоорганизационная компетенция, информационная компетенция, интерактивная компетенция, поликультурная компетенция

Для цитирования: Павлова С. А., Семенова Н. А. Ведущие профессиональные компетенции преподавателей образовательных организаций МВД России с различным стажем педагогической деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 239–249; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-239-249.

Svetlana A. Pavlova

Cand. Sci. (Psy.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-3196-8834>, swetapawlova@mail.ru

Natalya A. Semenova

Cand. Sci. (Psy.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-0687-0472>, natalya_deeva@bk.ru

Krasnodar University of the MIA of Russia

128, Yaroslavskaya str., Krasnodar, 350005, Russian Federation

Main professional competences of lecturers of educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia with different pedagogical activity experience

Abstract: Introduction. The article describes theoretical and empirical data of the analysis of professional competences of experienced lecturers and newcomers in educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The relevance of the scientific issue consists in the need to substantiate the system of professional competences of a lecturer of a higher educational organisation. The novelty of the research is in the study of the professional competencies of lecturers of educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a system that reveals the content of his/her professional activity. The authors draw particular attention to the transformation of educational goals, requiring the skills of competent interaction in the information and multicultural space; as well as to the increasing significance of the upbringing function of the pedagogue, and the need to gain experience in pedagogical activities by employees recruited to educational organisations as lecturers from territorial departments of internal affairs bodies. The authors present the professional competences: self-organisational, informational, interactive and multicultural competences as the most essential in modern realities, which are formed in the context of professional pedagogical culture and determine the professional success of a higher education lecturer. **The purpose of the research:** to identify the expression and nature of the relationship between self-organisational, informational, interactive and multicultural competences, based on pedagogical activity experience. **Methods.** The research involved 117 lecturers of educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia from 23 to 52 years old, including 62 newcomers with up to one year of pedagogical experience and 55 experienced lecturers with 6 to 25 years of pedagogical experience. Methods aimed at the analysis of the professional competences were applied: “Professional competences of a lecturer of a higher educational organisation” (S. A. Pavlova, N. A. Deeva); “Technological Readiness Index (TRI)” by A. Parasuraman, K. Colby (adapted by Y. V. Khlopovskikh); “Integrative questionnaire of intercultural competence” (O. E. Khukhlaev, V. V. Gritsenko, A. V. Makarchuk, O. S. Pavlova, N. V. Tkachenko, Sh. A. Usubyan, V. A. Shorokhova); “Diagnostics of pedagogical communication styles” (N. P. Fetiskin, V. V. Kozlov, G. M. Manuilov); “Diagnostics of self-organisation features” (A. D. Ishkov). Data collection was carried out by means of a survey

using electronic forms, sending e-mails and face-to-face questionnaires. **Results.** The results confirmed the hypothesis that the expression and nature of the relationship between the professional competences of a present-day lecturer are related to pedagogical activity experience. The results revealed a greater number of links between the competences in the group of experienced lecturers in comparison with the group of newcomers; the presence of significant correlations with personality characteristics in experienced lecturers; the greatest structuring of classification attributes of the studied professional competences with differentiation by gender, age and pedagogical activity experience in the group of experienced lecturers.

Keywords: professional competences, self-organisational competence, informational competence, interactive competence, multicultural competence.

For citation: Pavlova S. A., Semenova N. A. Main professional competences of lecturers of educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia with different pedagogical activity experience // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 239–249; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-239-249.

Введение

Особую актуальность в образовательных организациях МВД России приобретает проблема выявления и формирования профессиональных компетенций преподавателя, которая обусловлена рядом причин.

Во-первых, трансформация целей и задач высшего образования, которые обосновывают актуализацию функций преподавателя, связанных с грамотным взаимодействием в насыщенном информационном поликультурном пространстве с учетом многозадачности профессиональной педагогической деятельности.

Во-вторых, это усиление значимости воспитательной функции преподавателя в образовательных организациях МВД России, что требует не только знания приемов, методов и форм воспитания, но и содержательной составляющей, а именно, компетентности в определении целей и реализации воспитательного воздействия, что зависит от общего уровня профессионализма.

В-третьих, это проблема педагогической компетентности и отсутствие базового педагогического образования за счет включения в профессорско-преподавательский состав имеющих практический опыт сотрудников из территориальных органов, В связи с этим возникают следующие проблемы: разный уровень практической и методической подготовки преподавателей; имеющийся практический стереотипный опыт по преподаваемым дисциплинам.

В настоящее время научный интерес представляет выявление и систематизация ведущих профессиональных качеств и компетенций современного преподавателя высшей школы (Э. Ф. Зеер, О. Н. Шахматова, В. М. Шепель, М. С. Каган, Н. Х. Розов [8], Ф. В. Шарипов [13] и др.). Достижение позитивных изменений в эффективности работы университетов возможно благодаря выявлению комплекса профессиональных компетенций.

В одном из масштабных исследований среди выделенных кластеров «компетенций будущего» [1] есть такие, как: «умение взаимодействовать и сотрудничать с людьми»; «обучаемость и открытость новому» и «осознанность и управление собой», «инновационность и креативность» и «цифровые знания и навыки», «междисциплинарное и межкультурное взаимодействие». Данные компетенции характерны для различных видов профессиональной деятельности, в том числе и педагогической. Они задают контекст для целостного подхода к пониманию ведущих профессиональных компетенций преподавателя.

В научно-педагогической литературе выявление профессиональных качеств и компетенций преподавателя осуществляется в рамках деятельностного и системного подходов. Компетенции выделяются в соответствии с основными направлениями деятельности преподавателя. Например, С. Д. Резник и О. А. Вдовина в качестве основных направлений определяют: преподавание; методическую деятельность и повышение квалификации; научную деятельность; воспитательную работу; организаторскую деятельность [7]. Данный подход представляет интерес с точки зрения мониторинга результатов деятельности преподавателя, однако не раскрывает содержания профессиональных компетенций.

Наиболее эффективно компетенции исследуются в подходах, где обращается внимание на содержательные характеристики самой педагогической деятельности в соответствии с основной проблематикой и современными требованиями. Так, в зарубежной практике наибольшую распространенность получило разделение компетенций на универсальные

(soft-skills) и профессиональные (hard-skills) [15], которое используется при оценке образовательных услуг.

В отечественных исследованиях авторы уделяют внимание различным компетенциям, связанным с процессами взаимодействия и общения, саморазвития и информационной грамотности преподавателя. Ф. В. Шарипов выделяет следующие основные компетенции преподавателя: психолого-педагогическая, коммуникативная, креативная, социально-организационная [13]. В исследовании Г. З. Ефимовой и А. Н. Сорокина в качестве базовых обосновываются социально-профессиональные компетенции, которые включают в себя способность эффективно взаимодействовать в рамках профессиональной деятельности [3]. Изучаемые компетенции указывают на значимость интерактивной составляющей педагогической деятельности и соответствуют современным требованиям к профессиональным функциям преподавателя.

Не менее важной является самоорганизационная компетентность преподавателя, которая проявляется в умении использовать профессионально-личностные способности и качества для достижения эффективных результатов. Самоорганизация лежит в основе осознанной саморегуляции собственной профессиональной деятельности. Особое значение приобретает мотивационная установка на организацию собственного рабочего времени, профессионального саморазвития и результативности [9]. Одним из аспектов проявления самоорганизационной компетенции является краткосрочное и долгосрочное планирование, которое присуще всем трудовым функциям преподавателя.

Отечественными исследователями обосновывается значимость информационной компетенции для преподавателей в условиях информационного общества и интенсивной цифровизации образования. Информационная компетентность – это «интегративное качество личности, являющееся результатом отражения процессов отбора, усвоения, переработки, трансформации и генерирования информации в особый тип предметно-специфических знаний, позволяющее вырабатывать, принимать, прогнозировать и реализовывать оптимальные решения в различных сферах деятельности» [10]. Данная компетентность включает в себя: информационную грамотность¹; информационную образованность, информационную компетентность [4]; информационную культуру [5]; информационный менталитет [2].

Процессы, происходящие в современном обществе, актуализируют поликультурную компетентность преподавателя, которая заключается в межкультурной стабильности, интересе, отсутствии этноцентризма, управлении межкультурным взаимодействием [12], уважении других культур, а также знании и понимании собственной, что способствует самоидентификации с поликультурным миром и наиболее эффективной интеракции с обучающимися.

Обозначенные компетенции во взаимосвязи формируются в контексте профессиональной педагогической культуры и обуславливают профессиональную успешность преподавателя высшей школы (рис. 1).

Рис.1. Взаимосвязь профессиональных компетенций преподавателя высшей школы.

¹ Лау Х. Руководство по информационной грамотности для образования на протяжении всей жизни. – Москва: МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007. – 54 с.

Теоретический анализ позволил выявить необходимость дальнейшего обоснования системы профессиональных компетенций. В процессе профессиональной педагогической деятельности вероятно динамика обозначенных компетенций, но ее характер может зависеть от различных факторов, в том числе от профессионального опыта преподавателя.

Цель исследования: выявить выраженность и характер взаимосвязи самоорганизационной, информационной, интерактивной и поликультурной компетенций с учетом стажа педагогической деятельности.

Методы

Исследовательская выборка состояла из преподавателей образовательных организаций МВД России из разных городов (Москва, Санкт-Петербург, Краснодар, Ставрополь, Нальчик, Симферополь, Екатеринбург, Казань, Барнаул, Красноярск, Омск, Калининград, Ростов-на-Дону, Хабаровск) в количестве 117 респондентов от 23 до 52 лет, из них 50 мужчин и 67 женщин. Выборка была поделена на две группы в зависимости от стажа педагогической деятельности. В первую группу вошли начинающие преподаватели со стажем до одного года, которые имеют опыт практической деятельности в территориальных подразделениях органов внутренних дел, в количестве 62 человек (начинающие преподаватели). Во вторую группу вошли преподаватели со стажем педагогической деятельности от 6 до 25 лет в количестве 55 человек (опытные преподаватели).

Целесообразность выбора исследовательской методики определялась поставленной проблемой, удобством в применении. Сбор данных происходил посредством опроса с использованием электронных форм, рассылки электронных писем и очного анкетирования. Исследование ведущих профессиональных компетенций осуществлялось при помощи авторской методики «Профессиональные компетенции преподавателя высшей школы» (С. А. Павлова, Н. А. Деева) [6]. Также были использованы вспомогательные исследовательские методики для обнаружения связей данных компетенций со сходными характеристиками личности: «Индекс технологической готовности (TRI)» А. Парасураман, К. Колби [14] (адаптация Ю. В. Хлоповских) [11], «Интегративный опросник межкультурной компетентности» (О. Е. Хухлаев, В. В. Гриценко, А. В. Макаручук, О. С. Павлова, Н. В. Ткаченко, Ш. А. Усубьян, В. А. Шорохова), «Диагностика стилей педагогического общения» (Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов)², «Диагностика особенностей самоорганизации» (ДОС) (А. Д. Ишков)³.

Обработка эмпирических данных осуществлялась с использованием пакета программ SPSS 26.0 и Excel, были применены методы описательной статистики, U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок, проведен корреляционный анализ по критерию Пирсона, кластерный анализ по методу Варда с использованием таблиц сопряженности, частотного анализа и подсчета средних.

Результаты

Исследование ведущих профессиональных компетенций в группах с различным стажем педагогической деятельности показало, что их выраженность имеет значимые различия только по поликультурной компетенции (U-критерий Манна-Уитни равен 1556 при $p \geq 0,05$). Так, в группе опытных преподавателей данная компетенция выражена в меньшей степени. При этом показатели остальных компетенций выражены в диапазоне 3,18–2,76 баллов с незначительным увеличением в группе опытных преподавателей (рис. 2).

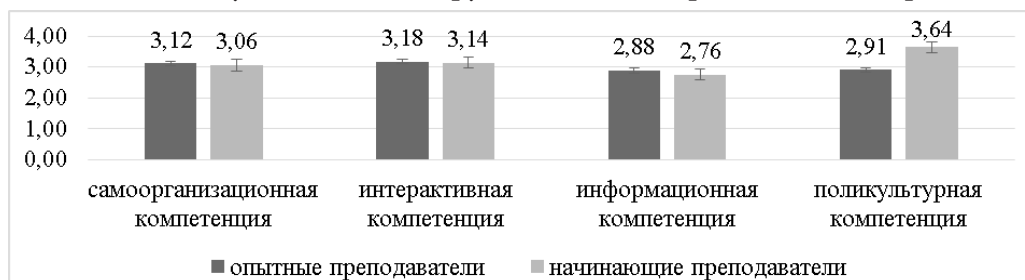

Рис. 2. Средние значения показателей ведущих профессиональных компетенций в исследуемых выборках

² Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – Москва: Изд-во Института психотерапии, 2002. – 490 с.

³ Ишков А. Д. Связь компонентов самоорганизации и личностных качеств студентов с успешностью в учебной деятельности: дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2004. – 202 с.

При проведении корреляционного анализа выявлены взаимосвязи между компетенциями в обеих группах. Однако в группе опытных преподавателей взаимосвязи охватывают все компетенции. В группе начинающих преподавателей отсутствуют взаимосвязи между интерактивной и поликультурной, информационной и поликультурной компетенциями (табл. 1).

Таблица 1

Взаимосвязь профессиональных компетенций

компетенции	Опытные преподаватели (N=55)		
	самоорганизационная	интерактивная	информационная
самоорганизационная	1		
интерактивная	,361**	1	
информационная	,259*	,463**	1
поликультурная	,481**	,354**	,264*
компетенции	Начинающие преподаватели (N=62)		
	самоорганизационная	интерактивная	информационная
самоорганизационная	1		
интерактивная	,436**	1	
информационная	,306**	,251*	1
поликультурная	,324*	,223	,218

Примечание: * $p \geq 0,05$; ** $p \geq 0,01$

При проведении корреляционного анализа, направленного на выявление взаимосвязи показателей компетенций с показателями вспомогательных исследовательских методик, а также с возрастом, полом и стажем педагогической деятельности, обнаружилось несколько значимых корреляций в группе опытных преподавателей. Положительная значимая связь выявлена между самоорганизационной компетенцией и полом преподавателей (0,567 при $p \geq 0,05$): у преподавателей женского пола самоорганизационная компетентность выражена в большей степени, чем у преподавателей мужского пола. Обратные значимые корреляции выявлены между интерактивной компетенцией и негативными показателями технологической готовности преподавателей: информационная компетентность – дискомфорт (– 0,496 при $p \geq 0,05$); информационная компетентность – недоверие (– 0,485 при $p \geq 0,05$). Также отрицательная значимая взаимосвязь наблюдается между показателем информационной компетенции и активностью взаимодействия с обучающимися (– 0,517 при $p \geq 0,05$).

В группе начинающих преподавателей корреляционный анализ не выявил значимых взаимосвязей между компетенциями и показателями вспомогательных методик.

Проведение кластерного анализа позволило выделить три кластера сочетания выраженности компетенций в группе опытных преподавателей. Первый кластер охватывает 41,2 % группы, второй и третий кластер имеют одинаковое распределение (29,4 %) (табл. 2).

Таблица 2

Результаты кластеризации в группе опытных преподавателей по Ward Method

		Ward Method		
		Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	1	41,2	41,2	41,2
	2	29,4	29,4	70,6
	3	29,4	29,4	100,0
	Всего	100,0	100,0	

При сравнении средних показателей выраженности компетенций по кластерам выявилось уровневое распределение. Так, в первом кластере все компетенции выражены на более высоком уровне с преобладанием интерактивной и информационной. Во втором кластере происходит равномерное снижение всех показателей с наименьшим показателем информационной компетенции. Третий кластер характеризуется еще более низкими показателями всех компетенций с меньшей выраженностью поликультурной и самоорганизационной (рис. 3).

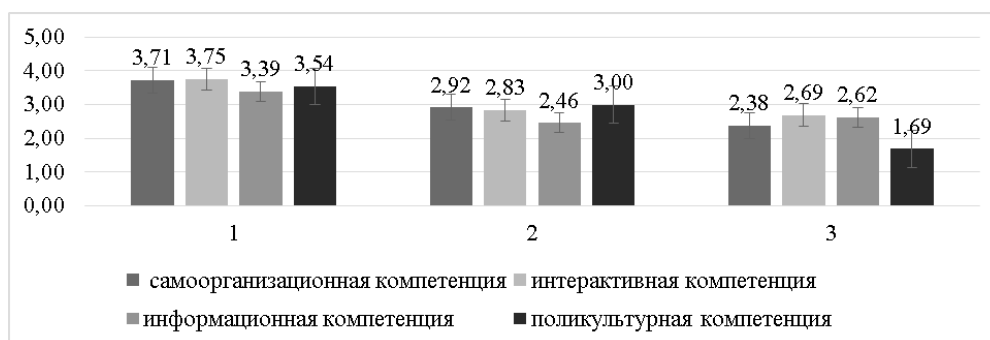

Рис. 3. Выраженность профессиональных компетенций в выделенных кластерах в группе опытных преподавателей

При анализе данных с использованием таблиц сопряженности выявлено, что в первый и второй кластеры входит преобладающий процент женщин преподавателей (50 % и 40 % соответственно). Третий кластер в основном представлен респондентами мужского пола (57,10 %) (табл. 3).

Таблица 3

Комбинационная таблица по признаку пола Ward Method в группе опытных преподавателей

Ward Method			
Кластеры	1	2	3
Мужчины	28,60%	14,30%	57,10%
Женщины	50,00%	40,00%	10,00%

Также выявлено, что по возрастному признаку в первый кластер входят респонденты с возрастом 45 лет и от 47 до 52 лет. Второй кластер представлен респондентами в возрасте 38–44 года и 46 лет. Третий кластер представлен возрастной группой от 34 до 37 лет.

По признаку стажа педагогической деятельности в первый кластер вошли респонденты со стажем от 17 до 25 лет. Во второй кластер вошли респонденты со стажем 6,5 лет и от 10 до 14 лет. Третий кластер представлен респондентами со стажем от 1 года до 4 лет, а также 7 лет.

В группе начинающих преподавателей выделилось всего пять кластеров. Наиболее широким по охвату явился первый кластер (50 % опрошенных), второй кластер представлен 23,5 %. Наименее выраженными явились кластеры 3–5 (табл. 4).

Таблица 4

Результаты кластеризации в группе начинающих преподавателей по Ward Method

Ward Method				
		Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	1	50,0	50,0	50,0
	2	23,5	23,5	73,5
	3	5,9	5,9	79,4
	4	11,8	11,8	91,2
	5	8,8	8,8	100,0
Всего		100,0	100,0	

При сравнении средних показателей выраженности компетенций по кластерам выявилось следующее. Первый кластер характеризуется наибольшей выраженностью интерактивной и поликультурной компетенций по сравнению с самоорганизационной и информационной. Второй кластер представлен наиболее гармоничной и достаточно высокой выраженностью всех компетенций с некоторым преобладанием поликультурной. Третий кластер характеризуется явным преобладанием самоорганизационной и интерактивной компетенций. Четвертый кластер представлен наименьшей выраженностью всех компетенций по сравнению с остальными кластерами. Пятый кластер характеризуется наибольшей выраженностью поликультурной и самоорганизационной компетенций с очень низким уровнем информационной компетенции (рис. 4).

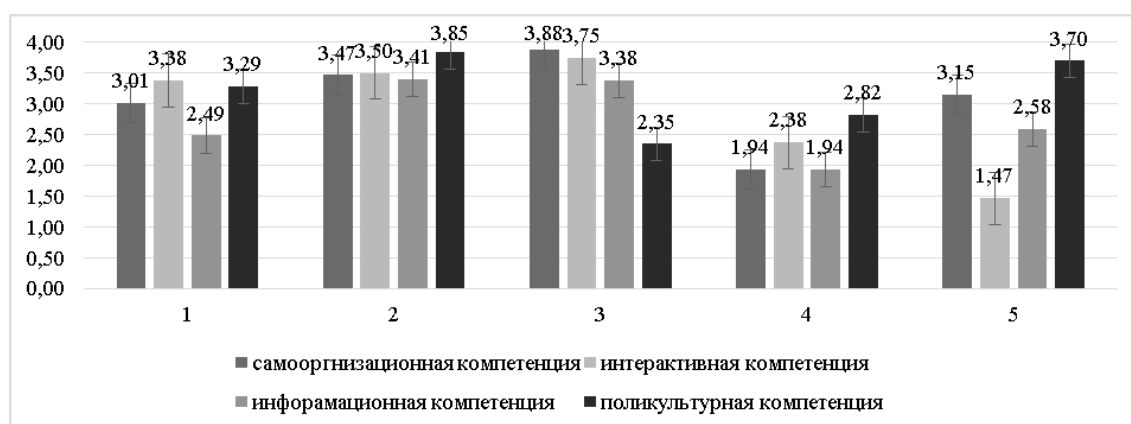

Рис. 4. Выраженность профессиональных компетенций в выделенных кластерах в группе начинающих преподавателей

Применение таблиц сопряженности не выявило каких-либо тенденций относительно пола и возраста респондентов в распределении по кластерам в группе начинающих преподавателей.

Обсуждение

В целом профессиональные компетенции в обеих исследовательских группах выражены на среднем уровне при общей тенденции снижения показателя информационной компетенции. Данная картина является типичной для современных преподавателей и связана с проблемами отношения к цифровизации, умениями работать с использованием цифровых и дистанционных средств обучения, а также общей информационной грамотностью и информационной культурой. Наиболее высокие показатели поликультурной компетенции в группе начинающих преподавателей, вероятно, могут быть связаны с опытом их предыдущей деятельности в территориальных органах, которая предполагала налаживание контакта и общения с представителями различных культур.

Наличие взаимосвязей между компетенциями, которые были выявлены в результате корреляционного анализа, свидетельствует о том, что данные компетенции действительно представляют собой систему, характеризующую общую профессиональную компетентность современного преподавателя. Самоорганизационная, интерактивная, информационная и поликультурная компетенции значимо взаимосвязаны между собой в исследуемой выборке. Однако в группе начинающих преподавателей количество связей меньше за счет отсутствия взаимосвязей поликультурной компетенции с остальными.

Проблемным моментом является то, что при корреляционном анализе взаимосвязей компетенций и показателей методик, измеряющих сходные личностные характеристики выявилось крайне малое их наличие в группе опытных преподавателей и полное отсутствие в группе начинающих. Данный факт может быть обусловлен несколькими причинами: во-первых, это недостаточно корректный отбор методик; во-вторых, методологические проблемы, связанные с реализацией компетентного подхода и адекватностью инструментария измерения компетенций, когда наличие той или иной компетенции скорее проявляется в деятельности, нежели чем в наличии определенных характеристик личности; в-третьих, по наиболее близкой нам версии, данные компетенции не встроены должным образом в систему личности преподавателя высшей школы. Это доказывает то, что у опыт-

ных преподавателей все же отмечается малое количество значимых взаимосвязей. Именно с опытом возрастает вероятность оформления данной системы компетенций.

В исследуемой группе опытных преподавателей самоорганизационная компетенция связана с полом, и это свидетельствует о том, что самоорганизации в профессиональной деятельности педагоги-женщины уделяют большее значение, чем педагоги-мужчины.

Отрицательная взаимосвязь интерактивной компетенции с дискомфортом и недоверием как отрицательными показателями информационной готовности, свидетельствует о том, что способность преподавателя налаживать продуктивное взаимодействие с обучающимися приводит к снижению дискомфорта и недоверия в использовании различного рода технических средств, помогающих это взаимодействие организовать – так же, как уверенное использование технических средств приводит к повышению интерактивной компетенции.

Интерес представляет отрицательная взаимосвязь информационной компетенции с активным взаимодействием с аудиторией. Преподаватели, считающие себя наиболее информационно компетентными, не стремятся активно взаимодействовать и сотрудничать с аудиторией. Это может негативно сказываться на реализации принципа интерактивности обучения.

Проведение кластеризации выявило существенные различия в группах опытных и начинающих преподавателей.

Так, в группе опытных преподавателей выявилось три кластера, четко отличающиеся по уровню выраженности компетенций. Первый кластер «системный» (41,2 % респондентов) характеризуется более высоким уровнем всех компетенций, что выражается в способности эффективно организовывать собственную профессиональную деятельность, грамотно работать с информацией и взаимодействовать с обучающимися в поликультурной среде. Второй кластер, условно обозначенный как «адаптивный» (29,4 % респондентов), характеризуется средней степенью выраженности компетенций с некоторым снижением информационной компетенции. Респонденты, вошедшие в данный кластер, вполне успешно могут адаптироваться к современным условиям педагогической деятельности с учетом того, что они будут совершенствовать информационную компетентность. Третий кластер – «ригидный» (29,4 %) – представляет наибольший риск для эффективного осуществления педагогической деятельности в современных условиях. Для респондентов, вошедших в данный кластер, характерны сложности в самоорганизации, проблемы во взаимодействии с обучающимися в сложном информационном и поликультурном пространстве. Они хуже справляются с условиями многозадачности современного педагога.

Анализ данных при помощи таблиц сопряженности выявил интересные факты в группе опытных преподавателей, касающиеся распределения кластеров по полу, возрасту и стажу педагогической деятельности. В «системный» кластер вошло большинство женщин в возрасте после 45 лет с большим стажем педагогической деятельности. В «адаптивный» кластер также вошло большинство женщин приблизительно от 38 до 44 лет со стажем от 10 до 14 лет. В «ригидный» кластер вошло большинство мужчин в возрасте до 37 лет с относительно небольшим стажем педагогической деятельности. Таким образом, данные подтверждают, что система компетенций имеет динамику, связанную с возрастом и стажем, и частично с полом респондентов. Наиболее опытные и возрастные преподаватели имеют наиболее выраженные ведущие профессиональные компетенции.

Проведение кластерного анализа в группе начинающих преподавателей показало более разрозненную картину по сравнению с группой опытных. Выделено пять кластеров с различным сочетанием выраженности тех или иных компетенций. Большим по охвату явился первый кластер (50 % респондентов) с доминированием интерактивной и поликультурной компетенций, что характеризует респондентов как направленных на построение эффективного педагогического общения и взаимодействия с учетом поликультурных особенностей обучающихся. Наиболее гармонично выглядит второй кластер (23,5 % респондентов), в котором равномерно и на высоком уровне выраженности представлены все компетенции. В третьем кластере (5,9 %) наблюдаются резко сниженные показатели поликультурной компетенции на фоне остальных, то есть преподаватели в общем компетентны, однако проблемы учета поликультурных особенностей могут вызывать существенные трудности в достижении целей педагогической деятельности. Четвертый кластер (11,8 %) является наиболее неблагоприятным с точки зрения выраженности компетенций: респонденты, вошедшие в него, нуждаются в пристальном внимании и наставничестве. Пятый кластер (8,8 %) характеризуется низкими показателями интерактивной компетенции, что также может препятствовать эффективности деятельности современного педагога, которая предполагает интерактивность как основу реализации современных технологий обучения.

Заключение

В результате анализа эмпирических данных были выявлены следующие особенности выраженности и взаимосвязей профессиональных компетенций в зависимости от стажа педагогической деятельности на примере исследуемых групп опытных и начинающих преподавателей.

Средние показатели выраженности профессиональных компетенций в группах начинающих и опытных преподавателей имеют в целом высокое значение.

Наличие большего количества связей между компетенциями в группе опытных преподавателей по сравнению с группой начинающих дает основание полагать, что данная система формируется в процессе приобретения опыта педагогической деятельности.

Существует проблема «встроенности» исследуемых компетенций в систему личности преподавателя высшей школы. При этом ее возможную интеграцию доказывает наличие небольшого количества значимых корреляций с характеристиками личности у опытных преподавателей.

Результаты кластерного анализа позволили обнаружить наиболее структурированные классификационные признаки исследуемых профессиональных компетенций с их явным различием по полу, возрасту и стажу в группе опытных преподавателей. В группе начинающих преподавателей отмечается более разрозненная картина кластеров, что свидетельствует о начальном этапе формирования системы данных компетенций.

Полученные данные подтвердили наличие динамики ведущих профессиональных компетенций современного преподавателя в зависимости от стажа педагогической деятельности. Результаты исследования также способствовали постановке проблем для дальнейших теоретических и эмпирических исследований системы профессиональных педагогических компетенций, а также совершенствованию программ индивидуального профессионального развития преподавателей образовательных организаций МВД России с учетом сформированности ведущих профессиональных компетенций.

Список литературы

1. Безручко П., Шатров Ю., Максимова М. Компетенции неясного будущего [Электронный ресурс] // Harvard Business Review Россия: сайт. – URL: Режим доступа: <https://hbr-russia.ru/karera/professionalnyy-i-lichnostnyy-rost/p2613> (дата обращения 07.05.2023).
2. Ермаков Д. С. Информационная компетентность: получение знаний из информации // Открытое образование. – 2011. – № 1. – С. 4–8.
3. Ефимова Г. З., Сорокин А. Н., Грибовский М. В. Идеальный педагог высшей школы: личностные качества и социально-профессиональные компетенции // Образование и наука. – 2021. – № 1. – С. 202–230.
4. Ионова О. Н. Концептуальные основы формирования информационной компетентности взрослых в системе дополнительного образования // Дополнительное профессиональное образование. – 2006. – № 4 (28). – С. 84–85.
5. Медведева Е. А. Основы информационной культуры // Социс. – 1994. – № 11. – С. 59–63.
6. Павлова С. А., Деева Н. А. Ведущие профессиональные компетенции преподавателя высшей школы и их ключевые индикаторы // Гуманизация образования. – 2022. – № 1. – С. 58–70; doi:10.24411/1029-3388-2020-10216.
7. Резник С. Д., Вдовина О. А. Профессиональные компетенции преподавателя современного университета: механизмы управления формированием и развитием // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. – 2017. – № 1. – С. 67–83.
8. Розов Н. Х. Преподаватель – профессия на все времена // Высшее образование в России. – 2014. – № 12. – С. 26–35.
9. Спивак В. А. Самоменеджмент как вид менеджмента — области исследования // Лидерство и менеджмент. – 2017. – Т. 4. – № 4. – С. 153–167; doi: 10.18334/lim.4.4.38351.
10. Тришина С. В. Информационная компетентность как педагогическая категория [Электронный ресурс] // Эйдос: интернет-журнал. – URL: journal/2005/0910-II.htm (дата обращения 07.05.2023).
11. Хлоповских Ю. Г., Веденева Г. И., Сашенков С. А., Орлова Г. В. Потребностно-мотивационная сфера субъектов образовательного процесса в условиях цифровизации образования // Перспективы науки и образования. – 2022. – Т. 2. – № 56. – С. 347–360.
12. Хухлаев О. Е., Гриценко В. В., Макаручук А. В., Павлова О. С., Ткаченко Н. В., Усубян Ш. А., Шорохова В. А. Разработка и адаптация методики «Интегративный опросник межкультурной компетентности» // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 18. – № 1. – С. 71–91; doi: 10.17323/1813-8918-2021-1-71-91.

13. Шарипов Ф. В. Профессиональная компетентность преподавателя вуза // Высшее образование сегодня. – 2010. – № 1. – С. 72–77.
14. Parasuraman A., Colby C. L. An updated and streamlined technology readiness index: TRI 2.0. // Journal of service research. – 2014. – Vol. 18(1). – P. 59–74; doi:10.1177/1094670514539730.
15. Wibowo T. S., Badi'ati A. Q., Annisa A. A., Wahab M. K., Jamaludin M. R., Rozikan M., Mufid A., Fahmi K., Purwanto A., Muhaini A. Effect of Hard Skills, Soft Skills, Organizational Learning and Innovation Capability on Islamic University Lecturers' Performance // Systematic Reviews in Pharmacy. – 2020. – № 11 (7). – P. 556–569.

References

1. Bezruchko P., Shatrov Yu., Maksimova M. Kompetentsii neyasnogo budushchego [Elektronnyy resurs] // Harvard Business Review Rossiya: sayt. – URL: Rezhim dostupa: <https://hbr-russia.ru/karera/professionalnyy-i-lichnostnyy-rost/p2613> (data obrashcheniya 07.05.2023).
2. Yermakov D. S. Informatsionnaya kompetentnost': polucheniye znaniy iz informatsii // Otkrytoye obrazovaniye. – 2011. – № 1. – S. 4–8.
3. Yefimova G. Z., Sorokin A. N., Gribovskiy M. V. Ideal'nyy pedagog vysshey shkoly: lichnostnyye kachestva i sotsial'no-professional'nyye kompetentsii // Obrazovaniye i nauka. – 2021. – № 1. – S. 202–230.
4. Ionova O. N. Kontseptual'nyye osnovy formirovaniya informatsionnoy kompetentnosti vzroslykh v sisteme dopolnitel'nogo obrazovaniya // Dopolnitel'noye professional'noye obrazovaniye. – 2006. – № 4 (28). – S. 84–85.
5. Medvedeva Ye. A. Osnovy informatsionnoy kul'tury // Sotsis. – 1994. – № 11. – S. 59–63.
6. Pavlova S. A., Deyeva N. A. Vedushchiye professional'nyye kompetentsii prepodavatelya vysshey shkoly i ikh klyuchevyye indikatory // Gumanizatsiya obrazovaniya. – 2022. – № 1. – S. 58–70; doi:10.24411/1029-3388-2020-10216.
7. Reznik S. D., Vdovina O. A. Professional'nyye kompetentsii prepodavatelya sovremennogo universiteta: mekhanizmy upravleniya formirovaniyem i razvitiyem // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20: Pedagogicheskoye obrazovaniye. – 2017. – № 1. – S. 67–83.
8. Rozov N. Kh. Prepodavatel' – professiya na vse vremena // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. – 2014. – № 12. – S. 26–35.
9. Spivak V. A. Samomenedzhment kak vid menedzhmenta — oblasti issledovaniya // Liderstvo i menedzhment. – 2017. – T. 4. – № 4. – S. 153–167; doi: 10.18334/lim.4.4.38351.
10. Trishina S. V. Informatsionnaya kompetentnost' kak pedagogicheskaya kategoriya [Elektronnyy resurs] // Eydos: internet-zhurnal. – URL: journal/2005/0910-ll.htm (data obrashcheniya 07.05.2023).
11. Khlopovskikh Yu. G., Vedeneyeva G. I., Sashenkov S. A., Orlova G. V. Potrebnostno-motivatsionnaya sfera sub'yektov obrazovatel'nogo protsessa v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovaniya // Perspektivy nauki i obrazovaniya. – 2022. – T. 2. – № 56. – S. 347–360.
12. Khukhlayev O. Ye., Gritsenko V. V., Makarchuk A. V., Pavlova O. S., Tkachenko N. V., Usubyan Sh. A., Shorokhova V. A. Razrabotka i adaptatsiya metodiki «Integrativnyy oprosnik mezhkul'turnoy kompetentnosti» // Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. – 2021. – T. 18. – № 1. – S. 71–91; doi: 10.17323/1813-8918-2021-1-71-91.
13. Sharipov F. V. Professional'naya kompetentnost' prepodavatelya vuza // Vyssheye obrazovaniye segodnya. – 2010. – № 1. – S. 72–77.
14. Parasuraman A., Colby C. L. An updated and streamlined technology readiness index: TRI 2.0. // Journal of service research. – 2014. – Vol. 18(1). – P. 59–74; doi:10.1177/1094670514539730.
15. Wibowo T. S., Badi'ati A. Q., Annisa A. A., Wahab M. K., Jamaludin M. R., Rozikan M., Mufid A., Fahmi K., Purwanto A., Muhaini A. Effect of Hard Skills, Soft Skills, Organizational Learning and Innovation Capability on Islamic University Lecturers' Performance // Systematic Reviews in Pharmacy. – 2020. – № 11 (7). – P. 556–569.

Статья поступила в редакцию 11.07.2023; одобрена после рецензирования 08.09.2023; принята к публикации 06.01.2024.

The article was submitted July 11, 2023; approved after reviewing September 8, 2023; accepted for publication January 6, 2024.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Юридическая психология и психология безопасности

Научная статья

УДК 159.9.07

doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-250-259

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации по теме «Научно-методическое обеспечение программы предупреждения и профилактики школьного вандализма»

Ирина Владимировна Воробьева

кандидат психологических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0003-0561-3888>, lorisha@mail.ru

Алена Игоревна Матвеева

<https://orcid.org/0000-0002-9595-3458>, lyonchik_7777@list.ru

Екатерина Олеговна Мазурчук

кандидат психологических наук

<https://orcid.org/0000-0002-7380-6246>, mazurchukE@yandex.ru

*Уральский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26*

Профилактика вандального поведения обучающихся в образовательной среде

Аннотация: Введение. В рамках данного исследования были рассмотрены понятия «вандализм» и «вандальное поведение», а также определены психологические характеристики личности, детерминирующие вандальные действия у подростков. Авторы подчеркивают разрушительные последствия данных действий, однако их мотивы и содержание могут существенно отличаться. Особое внимание уделяется проблеме распространения вандального поведения в молодежной среде (среде обучающихся). Результаты теоретического анализа показывают, что в современной практике прослеживается дефицит программ профилактики вандального поведения, что и является, по мнению авторов, проблемой исследования. **Методы.** В исследовании приняли участие 354 обучающихся школ из 8 субъектов Российской Федерации. Сбор эмпирических данных осуществлялся дистанционно, с помощью четырех стандартизированных диагностических методик. Полученные данные были обработаны с помощью методов математико-статистического анализа данных

(частотный анализ, описательная статистика, сравнительный анализ, регрессионный анализ). **Результаты.** В результате было выявлено, что акты школьного вандализма свидетельствуют не только о дефицитах самой образовательной среды, но и могут сигнализировать о наличии психологических проблем у отдельных обучающихся. Так, профилактическая работа в образовательных организациях должна включать предупреждение вандальной активности и учитывать типичные механизмы, такие как агрессивные стратегии поведения и отсутствие личных целей в жизни, которые влияют на подобное поведение подростков. Основываясь на полученных эмпирических данных, авторы определили основные направления предупреждения и профилактики вандального поведения в образовательной среде, уточнили и обосновали конкретные формы профилактической работы.

Ключевые слова: вандализм, вандальное поведение, виды вандального поведения, профилактика, методы профилактики, тренинг

Для цитирования: Воробьева И. В., Матвеева А. И., Мазурчук Е. О. Профилактика вандального поведения обучающихся в образовательной среде // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 250–259; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-250-259.

The research was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation for “Scientific and methodological support of the prevention programme for school vandalism”

Irina V. Vorobyeva

Cand. Sci. (Psy.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-0561-3888>, lorisha@mail.ru

Alena I. Matveeva

<https://orcid.org/0000-0002-9595-3458>, lyonchik_7777@list.ru

Ekaterina O. Mazurchuk

Cand. Sci. (Psy.)

<https://orcid.org/0000-0002-7380-6246>, mazurchukE@yandex.ru

Ural State Pedagogical University

26, Cosmonautov Ave., Ekaterinburg, 620091, Russian Federation

Prevention of vandal behaviour of students in the educational environment

Abstract: Introduction. Within the research, the concepts of “vandalism” and “vandal behavior” were considered, and the psychological characteristics of personality determining vandal actions among adolescents were identified. The authors emphasise the destructive consequences of these actions, but their motives and content may differ significantly. Special attention is paid to the problems of the spread of vandal behaviour in the youth environment (the environment of students). The results of theoretical analysis show that in modern practice there is a shortage of vandalism prevention programmes, which is considered as the issue of the research. **Methods.** The research involved 354 schoolchildren from 8 federal subjects of the Russian Federation. The empirical data were collected remotely, using four standardised diagnostic techniques. The obtained data were processed using the methods of mathematical and statistical data analysis (frequency analysis, descriptive statistics, comparative analysis, regression analysis). **Results.** The findings revealed that acts of school vandalism indicate not only shortcomings of the educational environment itself, but can also be a signal of a number of psychological problems among particular students. Thus, preventive work in educational organisations should include prevention of vandalism and take into account typical mechanisms that influence such behaviour among adolescents, such as aggressive behavioural strategies and lack of personal goals in life. Based on the empirical data obtained, the

authors identified the main directions of vandalism prevention in the educational environment, clarified and substantiated specific forms of preventive work.

Keywords: vandalism, vandal behaviour, types of vandal behaviour, prevention, prevention methods, training

For citation: Vorobyeva I. V., Matveeva A. I., Mazurchuk E. O. Prevention of vandal behaviour of students in the educational environment // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 250–259; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-250-259.

Введение

Сегодня в обыденном сознании отношение к вандализму существенно трансформируется (Е. Н. Волкова, И. В. Воробьева, О. В. Кружкова, Е. А. Митищина, Д. В. Руденкин). Под вандализмом понимают широкий круг действий, которые включают в себя не только серьезные деструктивные, уголовно наказуемые проступки (повреждение памятников и культурных объектов и т. п.), но и мелкие действия разрушительного характера, часто встречающиеся в образовательной среде (рисунки и надписи на школьной мебели, порча учебников и т. п.). Школьная среда, являясь частым объектом преобразований со стороны подростков, может служить как индикатором социальных настроений и психологических состояний обучающихся, так и сигнализировать о различных дефицитах (функциональных, эстетических и др.) самого образовательного пространства [9]. Из этого следует, что важна не только социально-юридическая, но и психологическая интерпретация такого поведения у подростков, так как именно такие действия с объектами школьного пространства часто являются предпосылками для появления более деструктивных форм поведения, направленных уже не только на неодушевленные объекты, но и на окружающих людей – агрессивное поведение, делинквентное поведение и т. п. [11; 14].

Учитывая несомненную актуальность проблемы вандального поведения в образовательной среде, для определения основ профилактической работы в первую очередь целесообразно обратиться к детальному рассмотрению понятий «вандализм» и «вандальное поведение» в современных исследованиях и определить, с какими психологическими предикторами авторы соотносят данный феномен. На бытовом уровне под вандализмом понимают совокупность осознанных действий и поступков, которые направлены на повреждение объектов, имеющих общественную значимость [10].

В психологических концепциях вандализм описывается через определенные личностные деструкции, имеющие явный негативный окрас:

- деформация социализации личности [8];
- поведение, не соответствующее нормам, направленное на уничтожение материальных и духовных ценностей без каких-либо явных на то оснований [4; 18];
- стратегия совладающего поведения или реакция, направленная на защиту [5].

Вандальное поведение в психологии чаще всего трактуется как форма деструктивного поведения, протестная реакция, возникающая из-за ослабления внутренних функций социального контроля [5]. Исследователи отмечают, что активному распространению вандализма в молодежной среде способствует высокая частота случаев безнаказанности за вандальное поведение и широкое освещение и популяризация вандальных действий (их процесса и результата) в интернете [4; 18].

В исследованиях, направленных на изучение проблемы предупреждения вандального поведения, профилактику рассматривают в контексте устранения, сглаживания, снятия причин, условий и факторов, которые способствуют возникновению разрушающей активности. Стоит отметить, что чаще всего, по мнению исследователей, разрабатывающих программы профилактики, такое поведение у обучающихся имеет средовую обусловленность [13; 20; 25]. Зачастую оно связано с ближайшим социальным окружением, которое запускает естественные механизмы научения. Существенное значение при проявлении вандального поведения у обучающихся имеют и взаимоотношения с педагогами, нарушающие представления обучающихся о справедливости [21; 22; 27]. Важно, что эмпирически доказано и обратное влияние взаимоотношений с педагогами. Среда школы и ее параметры (локальные правила в школе, школьная тревожность, примеры вандального поведения и т. п.), по

мнению авторов, являются примером средовой обусловленности вандального поведения [19; 20; 24]. К настоящему времени появилось немало исследований, описывающих феномен вандализма и вандального поведения, их виды, личностные и социальные особенности людей, демонстрирующих подобное поведение. Но при этом имеется ограниченное количество работ, направленных на разработку, теоретическое обоснование и апробацию конкретных практик предупреждения вандального поведения в обществе в целом и в образовательных организациях в частности. Существуют отдельные программы или адресные рекомендации по организации профилактической работы, но отсутствуют критерии эффективности, обобщенные требования к ним или четко зафиксированные теоретические положения, которые должны лежать в основе этих программ. Соответственно, несомненной видится актуальность подобной профилактической работы для всех субъектов образования: обучающихся, родителей, педагогов, педагогов-психологов и других заинтересованных лиц. Таким образом, целью настоящего исследования стало определение основных направлений и эффективных форм профилактики вандального поведения подростков в образовательной среде на основе выявления психологических предикторов данной поведенческой модели. Для достижения поставленной цели были сформулированы несколько исследовательских вопросов:

1. Какими психологическими характеристиками обусловлено вандальное поведение подростков?
2. Какие основные направления и конкретные формы профилактики вандального поведения будут максимально эффективны для современных подростков?

Методы

В исследовании приняли участие 354 обучающихся образовательных организаций общего образования (школ) с 5 по 11 класс и проживающих в восьми субъектах Российской Федерации: Свердловская, Челябинская, Тюменская области, Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Республика Крым. Средний возраст респондентов – 15,68 лет ($\delta = 2,45$), из них: 47,5 % мальчиков, 52,5 % девочек. Сбор эмпирических данных осуществлялся дистанционно, с помощью четырех стандартизированных диагностических методик, оформленных в сервисе «Яндекс.Формы»:

1. Личностный опросник «Мотивы вандального поведения» [7], содержащий 10 основных шкал, отражающих мотивы вандальных действий, но в рамках данного исследования был использован только интегральный показатель – «готовность к вандальному поведению».
2. Методика «Шкала психологического благополучия Рифф» (в адаптации Т. Д. Шевеленковой и Т. П. Фесенко), направленная на измерение выраженности основных составляющих психологического благополучия [17].
3. Опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (SACS) (в адаптации Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой¹), предназначенный для выявления предпочитаемых стратегий преодоления затруднительных (стрессогенных) ситуаций.
4. Опросник уровня агрессивности Басса – Перри (в адаптации С. Н. Ениколопова, Н. П. Цибульского) [12], направленный на диагностику агрессивности.

Полученные данные были обработаны с помощью методов математико-статистического анализа данных. Для подсчетов использовалась статистическая программа SPSS: частотный анализ, описательная статистика, сравнительный анализ, регрессионный анализ (множественная линейная регрессия с последовательным исключением переменных).

Результаты

Для ответа на первый исследовательский вопрос, то есть для определения специфики детерминации мотивов вандального поведения подростков конкретными психологическими факторами, была проведена множественная линейная регрессия. В результате построена одна регрессионная модель ($F = 22,368$, $p = 0,000$), где зависимой переменной выступила общая готовность к вандальному поведению, а независимыми – все показатели использованных в исследовании методик, включая дополнительные шкалы (табл. 1). Стоит отметить, что получившаяся модель имеет общую объясненную дисперсию, $R = 28 \%$.

¹ Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика : практическое пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Юрайт, 2023. – 299 с.

Регрессионная модель

Параметры предикторов		
Наименование предиктора	Стандартизированный коэффициент регрессии, δ	Уровень значимости бета, p
Агрессивные действия (Стратегии преодоления стрессовых ситуаций, SACS)	0,176	0,002
Физическая агрессия (Опросник уровня агрессивности Басса – Перри)	0,172	0,001
Гнев (Опросник уровня агрессивности Басса – Перри)	-0,178	0,006
Враждебность (Опросник уровня агрессивности Басса – Перри)	0,126	0,029
Личностный рост (Шкала психологического благополучия Рифф, бланк версии Шевеленковой – Фесенко)	-0,169	0,048
Человек как открытая система (Шкала психологического благополучия Рифф, бланк версии Шевеленковой – Фесенко)	-0,230	0,008

Таким образом выявлено, что на общую готовность к вандальному поведению оказывают влияние шесть предикторов. Прямая связь была обнаружена между готовностью к вандализму и агрессивными действиями (SACS), физической агрессией и враждебностью (Опросник уровня агрессивности Басса – Перри), обратная связь – с гневом (Опросник уровня агрессивности Басса – Перри), личностным ростом и таким показателем как «человек как открытая система» (Шкала психологического благополучия Рифф).

Таким образом, если говорить о психологическом портрете подростка с высоким уровнем готовности к вандальному поведению, то это человек, в первую очередь имеющий асоциальную стратегию преодоления напряженных (стрессовых) ситуаций, проявляющуюся в агрессии (в том числе физической) и враждебности – в общем недоброжелательном отношении, готовности или желании причинить зло. При этом обратная зависимость готовности к вандальному поведению от уровня показателя «гнев» может свидетельствовать об обдуманности и осознанности асоциальных действий, а не об импульсивном влиянии кратковременных ярких отрицательных эмоций. Кроме этого, готовность к вандальному поведению обусловлена такими факторами психологического благополучия, как «личностный рост» и «человек как открытая система» (обратная зависимость), то есть подростки с целостным, реалистичным взглядом на жизнь, имеющие жизненные цели и ориентиры, демонстрируют меньший уровень готовности к вандальным действиям, а отсутствие самореализации, понимания необходимости собственного развития, интереса к жизни в совокупности с бесцельностью и бесперспективностью своего существования, наоборот – формирует у подрастающего поколения готовность к совершению деструктивных действий. Указанные закономерности подтверждаются и в зарубежных научных источниках [3; 20; 26].

Полученные результаты регрессионного анализа были использованы для ответа на второй исследовательский вопрос, поскольку для определения действительно эффективных направлений предупреждения деструктивной активности обучающихся важно разрабатывать адресные меры, опирающиеся на причинно-следственные связи, обуславливающие их вандальное поведение.

Обсуждение

Необходимо отметить, что при разработке программ профилактики важно учитывать особенности проявления вандализма: он проявляется не изолированно, а в сочетании с различными видами девиантного и агрессивного поведения, и обуславливается дефици-

тами таких личностных ресурсов, как целостное восприятие себя и мира, общее понимание причинно-следственных связей и систем, желание к развитию и самореализации. Вышеперечисленное дает возможность резюмировать, что профилактика вандального поведения должна включать в себя четыре основных направления:

1. Информационно-просветительское направление, решающее задачи по своевременному предупреждению высокой готовности к вандальной активности обучающихся и обеспечивающее первичную профилактику, которая позволит предотвратить закрепление вандальных практик и появление более тяжелых форм деструктивного поведения.

2. Психолого-педагогическое направление, предполагающее работу с личностными особенностями обучающихся группы риска, а именно трансформацию асоциальных и деструктивных механизмов регуляции, тревожности и агрессивности, формирование и развитие личностных ресурсов: стрессоустойчивости, жизненных ценностей и целей. И уже на базе этого – выработку новых паттернов поведения в социальных отношениях (не просто отказ от разрушающего поведения, появление и закрепление новых социально приемлемых форм поведения).

3. Воспитательное направление, включающее в себя ориентир на разработку и реализацию школьниками социальных проектов, позволяющих вовлечь обучающихся в конструирование и преобразование образовательной среды. В рамках данного направления могут быть реализованы элементы трудового воспитания, формирования гражданской идентичности, художественно-эстетического развития, правовой и финансовой грамотности.

4. Организационно-пространственное направление, затрагивающее оптимизацию образовательной среды как с предметной (эргономичность, удобство, эстетическая составляющая), так и социальной (отношения со сверстниками, педагогами и др.) точки зрения. В рамках данного направления отдельно стоит подчеркнуть важность формирования идентификации подростков с образовательной средой и уже как следствие – принятие локальных правил и норм поведения в образовательной организации.

Отметим, что сегодня для профилактики девиантного поведения в целом активно используется целый комплекс самых разнообразных методов: вербальные формы (лекции, групповые дискуссии, размышления), игровые (ролевые и деловые игры, проигрывание тактик эффективного поведения в стрессовых ситуациях и др.), арт-терапевтические (изобразительное творчество, лепка, музыкотерапия и т. д.), а также телесные и медитативные формы работы, направленные на снятие напряжения и релаксацию.

Отдельно практикующие психологи рассматривают такой метод или организационную форму профилактики, как тренинг. Такое обособленное положение объясняется рядом его преимуществ.

Во-первых, высокую эффективность тренинга при профилактике вандального поведения обуславливает возможность создания комфортного психологического климата в группе, что обеспечивает большую интенсивность межличностных связей участников тренинговой группы.

Во-вторых, интенсивное взаимодействие участников дает возможность визуализировать и проанализировать собственный витагенный опыт, что выступает ключевой детерминантой профилактики разрушающего поведения.

В-третьих, тренинг обеспечивает преднамеренные изменения за счет сочетания учебной и игровой деятельности, проходящей в условиях моделирования различных ситуаций. Кроме того, тренинг гарантирует изменение социальных установок, ценностей, умений и опыта, а также расширение знаний в различных областях [15].

Помимо тренинга, могут быть использованы и иные формы работы с обучающимися: социальное проектирование, игровые практики и др. Отличительной особенностью таких форм является их комплексность, то есть возможность включения элементов из различных технологий, что повышает эффективность профилактики, и сокращает временные затраты на нее. С учетом вышесказанного можно сделать вывод, что профилактика вандального поведения обучающихся должна быть ориентирована на преднамеренные изменения субъекта в целом и отдельных характеристик его личности в частности.

Заключение

Можно констатировать, что вандальное поведение обучающихся, несмотря на его кажущуюся некриминогенность, заслуживает более пристального внимания специалистов. Школьный вандализм, с одной стороны, сигнализирует о наличии дефицитов в организации образовательной среды, причем преимущественно в ее социально-психологическом компоненте, а с другой – является индикатором психологического неблагополучия отдель-

ных обучающихся, для которых вандальные практики могут стать основой для закрепления делинквентных форм поведения. Соответственно, предупреждение вандальной активности обучающихся должно органично встраиваться в общую логику профилактической работы, проводимой в образовательных организациях. Вместе с тем мероприятия по снижению готовности обучающихся к совершению несанкционированного преобразования или разрушению объектов школьной среды должны опираться на наиболее типичные механизмы, обуславливающие подобную активность подростков. Так установлено, что модель деструктивного взаимодействия с образовательной средой характерна для школьников, отличающихся агрессивными стратегиями поведения, имеющими преднамеренный характер. Кроме того, готовность к вандальной активности демонстрируют обучающиеся, не обладающие устойчивой ориентацией на собственное развитие и личностный рост, а также не имеющие отчетливых целей в жизни. Соответственно, деятельность по предупреждению вандализма в образовательной среде должна выстраиваться в рамках нескольких ключевых направлений:

- первичная профилактика, решающая задачи по информированию обучающихся и их родителей;
- адресная психолого-педагогическая работа с группой риска;
- социально-проектная деятельность, обеспечивающая вовлечение школьников в формирование образовательной среды;
- оптимизация школьного пространства, минимизирующая риски по его преобразованию / разрушению.

Список литературы

1. Беляева Ю. В. Коррекционно-развивающая работа: теоретические аспекты // Наука и современность. – 2014. – № 32-1. – С. 83–87.
2. Березин М. А., Мяснищева В. Н. Концепция отношений и теория психической адаптации личности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2008. – № 33 (133). – С. 18–26.
3. Ватова Л. С. Психологические особенности личностей вандалов из среды молодежи и коррекционно-профилактической работы с ними // Психологическая наука и образование. – 2002. – № 4. – С. 27–37.
4. Ватова Л. С. Социально-психологические основания молодежного вандализма и его профилактика. – Москва : НИИ шк. технологий : Народное образование, 2006. – 295 с.
5. Волкова Е. Н., Митицина Е. А. Обзор психологических исследований вандализма детей и подростков как основа проектирования программ профилактики в образовательной среде // Вестник Мининского университета. – 2020. – Т. 8. – № 3. – URL : <https://www.mininvestnik.ru/jour/article/view/1126> (дата обращения: 12.11.2023).
6. Волкова Л. А. Вандализм и граффити как одна из форм проявления девиации среди молодежи // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2009. – № 6-1. – С. 120–124.
7. Воробьева И. В., Кружкова О. В. Возможности диагностики мотивов вандального поведения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. – 2011. – Вып. 15. – № 42 (259). – С. 35–40.
8. Воробьева И. В., Кружкова О. В., Руденкин Д. В. Вандализм молодежи как особенность и риск современной социализации // Педагогическое образование в России. – 2017. – № 11. – С. 30–36.
9. Воробьева И. В., Матвеева А. И. Современная образовательная среда: анализ рисков вандального поведения подростков / Современный учитель – взгляд в будущее : международный научно-образовательный форум. – Екатеринбург : [б. и.], 2023. – Ч. 1. – С. 102–106.
10. Гурова О. В. Вандальное поведение подростков как правовая и психологическая проблема // Образование и наука. – 2018. – Т. 20. – № 10. – С. 76–94; doi: 10.17853/1994-5639-2018-10-76-94.
11. Девятковская И. В., Блинова О. А. Школьный вандализм: анализ опыта России и Германии // Педагогическое образование в России. – 2021. – № 6. – С. 178–184; doi: 10.26170/2079-8717_2021_06_21.
12. Ениколопов С. Н., Цибульский Н. П. Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. – 2017. – Т. 28. – № 1. – С. 115–124.

13. *Зотова М. В.* Профилактика семейной дезадаптации как аспект социальной работы / Актуальные вопросы социально-психологических исследований: сборник научных и учебно-методических статей. – Москва : Перо, 2015. – С. 42–53.
14. *Кочламазашвили Л. Г., Фурманов И. А.* Мотивация вандального поведения юношей и девушек с различной склонностью к отклоняющемуся поведению // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. – Минск : РИВШ, 2017. – № 17-3. – С. 166–174.
15. *Петровская Л. А.* Теоретические и методические проблемы социально-психологического тренинга. – Москва : Изд-во МГУ, 1982. – 168 с.
16. *Рейн Н. А.* Социально-психологический тренинг как форма активного обучения // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. – 2014. – № 2. – С. 47–53.
17. *Шевеленкова Т. Д., Фесенко П. П.* Психологическое благополучие личности (обзор концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. – 2015. – № 3. – С. 95–129.
18. *Bazrafshan M.-R., Abdi A., Masmouei B., Kavi E.* The Relation of Social Happiness and Adjustment with Vandalistic Behaviour of the Children and Young Adults in the Families under Supervision of Welfare Office // Journal of Clinical and Diagnostic Research. – 2018. – Vol. 12. – № 8. – P. 5–9; doi: 10.7860/JCDR/2018/35184.11916.
19. *Bradshaw C. P., Milam A. J., Furr-Holden C. D. M.* The School assessment for environmental typology (safety): an observational measure of the school environment // American Journal of Community Psychology. – 2015. – Vol. 56. – №. 3-4. – P. 280–292; doi: 10.1007/s10464-015-9743-x.
20. *Csemy L., Hrachovinova T., Cap P.* Aggressive behaviour of adolescents: prevalence and analysis of the role of family, peer and school-related factors // Ceskoslovenska Psychology. – 2014. – № 58 (3). – P. 242–253.
21. *Ervasti J., Kivimaki M., Puusniekka R., Luopa P., Pentti J., Suominen S., Vahtera J., Virtanen M.* Association of pupil vandalism, bullying and truancy with teachers' absence due to illness: a multilevel analysis // Journal of School Psychology. – 2012. – № 50 (3). – P. 347–361; doi: 10.1016/j.jsp.2011.11.006.
22. *Horowitz T., Tobaly D.* School vandalism: individual and social context // Adolescence. – 2003. – № 38 (149). – P. 131–139.
23. *Johnson K. D.* School vandalism and break-ins. Problem-oriented guides for police. Problem-Specific Guides Series № 35. Washington: US Department of Justice, 2005. – 80 p.
24. *Moyo G., Khewu N. P. D., Bayaga A.* Disciplinary practices in schools and principles of alternatives to corporal punishment strategies // South African Journal of Education. – 2014. – № 34 (1); doi: 10.15700/201412120952. – URL : <http://www.sajournalofeducation.co.za> (дата обращения: 14.11.2023).
25. *Nijhof K. S., Scholte R. H. J., Overbeek G., Engels R. C. M. E.* Friends and adolescents delinquency. The moderating role of social status and reciprocity of friendships // Criminal Justice and Behavior. – 2010. – № 37 (3). – P. 289–305; doi: 10.1177/0093854809355776.
26. *Van Lier P. A. C., Vitaro F., Barker E. D., Koot H. M., Tremblay R. E.* Developmental links between trajectories of physical violence, vandalism, theft, and alcohol-drug use from childhood to adolescence // Journal of Abnormal Child Psychology. – 2009. – № 37(4). – P. 481–492; doi: 10.1007/s10802-008-9289-6.
27. *Vilalta C. J., Fondevila G.* School vandalism in Mexico // Journal of School Violence. – 2017. – № 17 (7). – P. 1–13; doi: 10.1080/15388220.2017.1355809.

References

1. *Belyayeva Yu. V.* Korrektsionno-razvivayushchaya rabota: teoreticheskiye aspekty // Nauka i sovremennost'. – 2014. – № 32-1. – S. 83–87.
2. *Berebin M. A., Myasishcheva V. N.* Kontseptsiya otnosheniy i teoriya psikhicheskoy adaptatsii lichnosti // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2008. – № 33 (133). – S. 18–26.
3. *Vatova L. S.* Psikhologicheskiye osobennosti lichnostey vandalov iz sredy molodezhi i korrektsionno-profilakticheskoy raboty s nimi // Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye. – 2002. – № 4. – S. 27–37.
4. *Vatova L. S.* Sotsial'no-psikhologicheskiye osnovaniya molodezhnogo vandalizma i yego profilaktika. – Moskva : NII shk. tekhnologiy : Narodnoye obrazovaniye, 2006. – 295 s.
5. *Volkova E. N., Miticina E. A.* Obzor psikhologicheskikh issledovaniy vandalizma detej i podrostkov kak osnova proektirovaniya programm profilaktiki v obrazovatel'noj srede // Vestnik

Mininskogo universiteta. – 2020. – Т. 8. – №3. – URL : <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/1126> (дата обращения: 12.11.2023).

6. *Volkova L. A.* Vandalizm i graffiti kak odna iz form proyavleniya deviacii sredi molodezhi // *Psihologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya*. 2009. № 6-1. – S. 120–124.

7. *Vorobyeva I. V., Kruzhkova O. V.* Vozmozhnosti diagnostiki motivov vandal'nogo povedeniya // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya*. – 2011. – Vyp. 15. – № 42 (259). – S. 35–40.

8. *Vorobeva I.V., Kruzhkova O.V., Rudenkin D.V.* Vandalizm molodezhi kak osobennost' i risk sovremennoj socializacii // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. – 2017. – № 11. – S. 30–36.

9. *Vorobeva I. V., Matveeva A. I.* Sovremennaya obrazovatel'naya sreda: analiz riskov vandal'nogo povedeniya podrostkov // *Sovremennyy uchitel' – vzglyad v budushchee : Mezhdunarodnyj nauchno-obrazovatel'nyj forum. Chast' 1 / Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet*. – Ekaterinburg : [b. i.], 2023. – Ch. 1. – С. 102–106.

10. *Gurova O. V.* Vandal'noe povedenie podrostkov kak pravovaya i psikhologicheskaya problema // *Obrazovanie i nauka*. – 2018. – Т. 20. – № 10. – S. 76–94; doi: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-10-76-94>.

11. *Devyatovskaya I. V.* Shkol'nyj vandalizm: analiz opyta Rossii i Germanii // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. – 2021. – № 6. – S. 178–184; doi: [10.26170/2079-8717_2021_06_21](https://doi.org/10.26170/2079-8717_2021_06_21).

12. *Yenikolopov S. N., Tsibul'skiy N. P.* Psikhometricheskij analiz russkoyazychnoy versii oprosnika diagnostiki agressii A. Bassa i M. Perri // *Psikhologicheskij zhurnal*. – 2017. – Т. 28. – № 1. – S. 115–124.

13. *Zotova M. V.* Profilaktika semeynoy dezadaptatsii kak aspekt sotsial'noy raboty / Aktual'nyye voprosy sotsial'no-psikhologicheskikh issledovaniy: sbornik nauchnykh i uchebno-metodicheskikh statey. – Moskva: Pero, 2015. – S. 42–53.

14. *Kochlamazashvili L. G., Furmanov I. A.* Motivatsiya vandal'nogo povedeniya yunoshey i devushek s razlichnoy sklonnost'yu k otklonyayushchemusya povedeniyu // *Nauchnyye trudy Respublikanskogo instituta vysshey shkoly. Istoricheskiye i psikhologo-pedagogicheskkiye nauki*. – Minsk : RIVSH, 2017. – № 17-3. – S. 166–174.

15. *Petrovskaya L. A.* Teoreticheskiye i metodicheskiye problemy sotsial'no-psikhologicheskogo treninga. – Moskva : Izd-vo MGU, 1982. – 168 s.

16. *Reyn N. A.* Sotsial'no-psikhologicheskij trening kak forma aktivnogo obucheniya // *Vestnik sotsial'no-gumanitarnogo obrazovaniya i nauki*. – 2014. – № 2. – S. 47–53.

17. *Shevelenkova T. D., Fesenko P. P.* Psikhologicheskoye blagopoluchiye lichnosti (obzor kontseptsiy i metodika issledovaniya) // *Psikhologicheskaya diagnostika*. – 2015. – № 3. – S. 95–129.

18. *Bazrafshan M.-R., Abdi A., Masmouei B., Kavi E.* The Relation of Social Happiness and Adjustment with Vandalistic Behaviour of the Children and Young Adults in the Families under Supervision of Welfare Office // *Journal of Clinical and Diagnostic Research*. – 2018. – Vol. 12. – № 8. – P. 5–9; doi: [10.7860/JCDR/2018/35184.11916](https://doi.org/10.7860/JCDR/2018/35184.11916).

19. *Bradshaw C. P., Milam A. J., Furr-Holden C. D. M.* The School assessment for environmental typology (safety): an observational measure of the school environment // *American Journal of Community Psychology*. – 2015. – Vol. 56. – №. 3-4. – P. 280–292; doi: [10.1007/s10464-015-9743-x](https://doi.org/10.1007/s10464-015-9743-x).

20. *Csemy L., Hrachovinova T., Cap P.* Aggressive behaviour of adolescents: prevalence and analysis of the role of family, peer and school-related factors // *Ceskoslovenska Psychology*. – 2014. – № 58 (3). – P. 242–253.

21. *Ervasti J., Kivimaki M., Puusniekka R., Luopa P., Pentti J., Suominen S., Vahtera J., Virtanen M.* Association of pupil vandalism, bullying and truancy with teachers' absence due to illness: a multilevel analysis // *Journal of School Psychology*. – 2012. – № 50 (3). – P. 347–361; doi: [10.1016/j.jsp.2011.11.006](https://doi.org/10.1016/j.jsp.2011.11.006).

22. *Horowitz T., Tobaly D.* School vandalism: individual and social context // *Adolescence*. – 2003. – № 38 (149). – P. 131–139.

23. *Johnson K. D.* School vandalism and break-ins. Problem-oriented guides for police. Problem-Specific Guides Series № 35. Washington: US Department of Justice, 2005. – 80 p.

24. *Moyo G., Khewu N. P. D., Bayaga A.* Disciplinary practices in schools and principles of alternatives to corporal punishment strategies // *South African Journal of Education*. – 2014. – №34 (1); doi: [10.15700/201412120952](https://doi.org/10.15700/201412120952). – URL : <http://www.sajournalofeducation.co.za> (дата обращения: 14.11.2023).

25. *Nijhof K. S., Scholte R. H. J., Overbeek G., Engels R. C. M. E.* Friends and adolescents delinquency. The moderating role of social status and reciprocity of friendships // *Criminal Justice and Behavior*. – 2010. – № 37 (3). – P. 289–305; doi: [10.1177/0093854809355776](https://doi.org/10.1177/0093854809355776).

26. *Van Lier P. A. C., Vitaro F., Barker E. D., Koot H. M., Tremblay R. E.* Developmental links between trajectories of physical violence, vandalism, theft, and alcohol-drug use from childhood to adolescence // *Journal of Abnormal Child Psychology*. – 2009. – № 37(4). – P. 481–492; doi: 10.1007/s10802-008-9289-6.

27. *Vilalta C. J., Fondevila G.* School vandalism in Mexico // *Journal of School Violence*. – 2017. – № 17 (7). – P. 1–13; doi: 10.1080/15388220.2017.1355809.

Статья поступила в редакцию 12.01.2024; одобрена после рецензирования 14.02.2024; принята к публикации 16.03.2024.

The article was submitted January 12, 2024; approved after reviewing February 14, 2024; accepted for publication March 16, 2024.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья

УДК 159.9

doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-260-269

Елена Викторовна Костина

<https://orcid.org/0000-0002-9741-1089>, kasatka1317@mail.ru

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Российская Федерация, 117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

Ивашкевич Надежда Тарасовна

<https://orcid.org/0009-0002-2516-0863>, ivamilita95@gmail.com

*Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии
имени В. П. Сербского Минздрава России
Российская Федерация, 119034, Москва, Кропоткинский пер., д. 23*

Вера Геннадьевна Булыгина

доктор психологических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, ver210@yandex.ru

*Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии
имени В. П. Сербского Минздрава России
Российская Федерация, 119034, Москва, Кропоткинский пер., д. 23*

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ)
Российская Федерация, 127051, Москва, ул. Сретенка, д. 29*

Психоэндокринные корреляты стресс-реагирования курсантов ОВД с учетом фактора адаптивности к учебно-профессиональному процессу

Аннотация: Введение. Актуальность исследования особенностей саморегуляции и самоконтроля, защитных механизмов, способов совладания со стрессогенными ситуациями и определение специфики психонейроэндокринных коррелятов стресс-реагирования курсантов ОВД с учетом фактора адаптивности к учебно-профессиональному процессу обусловлена высокими требованиями к личностным и профессиональным качествам курсантов, которые уже на этапе обучения включены в осуществление служебной деятельности. **Методы.** В исследовании применялись следующие методы: тестирование, клинико-лабораторный, эксперимент. Диагностический комплекс включал: госпитальную шкалу тревоги и депрессии (HADS), «Комплексную оценку проявлений стресса» Ю. В. Щербатых, опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкмана, «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Опросник Грасмика (Grasmick Н. с соавт., 1993; адаптация В. Г. Булыгиной, А. М. Абдразяковой, 2008), «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Морсановой. **Результаты.** Адаптивную группу отличает развитость всех этапов осознанной регуляции поведения, которая опосредуется адаптивными копинг-стратегиями. Индивидуально-типологические характеристики обеспечивают высокий самоконтроль. Обнаруженный значительно более высокий уровень кортизола до предъявления стрессового стимула, не выходящего за рамки нормативного, и повышение ДГЭА после стрессового стимула сопряжены с малой выраженностью признаков стресса. Дезадаптивную группу курсантов отличает преобладание малоадаптивных копингов, менее зрелых форм психологической защиты, которые не опосредуются осознанными регуляторными системами. ДГЭА как ключевой буферный гормон стрессоустойчивости не выполняет протективной функции, поскольку его изначально высокий фоновый уровень значительно снижается после воздействия стрессовых стимулов.

Ключевые слова: саморегуляция, самоконтроль, гормоны стресса, копинг-стратегии, учебно-профессиональная дезадаптация

Для цитирования: Костина Е. В., Ивашкевич Н. Т., Булыгина В. Г. Психоэндокринные корреляты стресс-реагирования курсантов ОВД с учетом фактора адаптивности к учебно-профессиональному процессу // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 260–269; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-260-269.

Elena V. Kostina

<https://orcid.org/0000-0002-9741-1089>, kasatka1317@mail.ru

*Moscow University of the Ministry of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Akademika Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation*

Nadezhda T. Ivashkevich

<https://orcid.org/0009-0002-2516-0863>, ivamilita95@gmail.com

*National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology named
after V. P. Serbsky, Ministry of Health of Russia
23, Kropotkinsky lane, Moscow, 119034, Russian Federation*

Vera G. Bulygina

Dr. Sci. (Psy.), Professor

<https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, ver210@yandex.ru

*National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology named
after V. P. Serbsky, Ministry of Health of Russia
23, Kropotkinsky lane, Moscow, 119034, Russian Federation*

*Moscow State University of Psychology & Education
29, Sretenka str., Moscow, 127051, Russian Federation*

Psychoendocrine correlates of the stress response of cadets of law enforcement agencies, taking into account the adaptability to the educational and professional process

Abstract: Introduction. The relevance of studying the features of self-regulation and self-control, protective mechanisms, ways of coping with stressful situations and determining the specifics of the psychoneuroendocrine correlates of the stress response of cadets of law enforcement agencies, taking into account the adaptability to the educational and professional process, is due to the high requirements for the personal and professional qualities of cadets, who are already included in the professional service activities. **Methods.** The following research methods were used in the study: testing, clinical laboratory, experiment. The diagnostic complex included: The Hospital Anxiety and Depression Scale (HADS), the «Comprehensive assessment of stress manifestations» by Yu. V. Shcherbatykh, «Ways of Coping Questionnaire, WCQ» from S. Folkman and R. Lazarus, «The Life Style Index, LSI» questionnaire of R. Plutchik, the Grasmick Scale (Grasmicket al., 1993; adapted by V.G. Bulygina, A.M. Abdrazyakova, 2008), «Self-regulation profile questionnaire – SRPQM» by V. I. Morosanova. **Results.** The adaptive group is distinguished by the development of all stages of conscious regulation of behavior, which is mediated by adaptive coping strategies. Individual typological characteristics ensure high self-control. The detected significantly higher cortisol level before a stress stimulus that does not go beyond the normative level, and an increase in Dehydroepiandrosterone (DHEA) after a stress stimulus are associated with a low severity of signs of stress. The maladaptive group of cadets is distinguished by the predominance of maladaptive coping strategies, less mature forms of psychological protection that are not mediated

by conscious regulatory systems. DHEA, as a key buffer hormone of stress resistance, does not perform a protective function, because its initially high background level significantly decreases after exposure to stressful stimuli.

Keywords: self-regulation, self-control, stress hormones, coping strategies, educational and professional maladjustment

For citation: Kostina E. V., Ivashkevich N. T., Bulygina V. G. Psychoendocrine correlates of the stress response of cadets of law enforcement agencies, taking into account the adaptability to the educational and professional process // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.– 2024. – № 1 (101). –P. 260–269; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-260-269.

Введение

Эндокринная система играет одну из ведущих ролей в регуляции компенсаторных механизмов, активирующихся под влиянием экстремальных факторов и оказывающих воздействие на организм [16]. Сегодня известно, что симпатoadреналовая и гипофизарно-надпочечниковая ось формируют неспецифический ответ на широкий ряд стимулов. Природа стрессора, индивидуальная оценка возникшей стрессовой ситуации, стратегия поведения субъекта в течение стресса обуславливают комплексный нейроэндокринный ответ организма.

Результаты исследований сотрудников полиции свидетельствуют о связи стресса с повышенным риском развития психических и физиологических заболеваний [2], эмоциональным выгоранием [1; 4; 9], снижением производительности труда [3; 6; 10]. Профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел сопряжена с высокими требованиями к личностным и профессиональным качествам курсантов, которые уже на этапе обучения включены в осуществление служебной деятельности. За период 2020–2021 г. на первом году службы в ОВД увольнялись около 6 % кандидатов. В течение первых трех лет с начала службы каждый 8–9-й офицер уходит с должности по причине высокого нервно-психического напряжения [14]. Сотрудники, имеющие стаж службы в органах внутренних дел до 3 лет и привлекавшиеся к дисциплинарной ответственности, составляют около 20 % служебного коллектива в отдельных территориальных органах, 40 % из них имеют стаж работы менее года [15]. Значительный процент увольнений сотрудников ОВД России до достижения выслуги лет, текучесть кадров указывают на необходимость тщательного исследования психоэндокринных характеристик курсантов уже на ранних этапах профессиональной деятельности с целью уменьшения рисков развития выгорания, нарушений психического здоровья, снижения эффективности труда.

В стрессогенных ситуациях, к которым относятся нестандартные и сложные условия профессиональной деятельности представителей правоохранительных органов, многие исследователи отмечают наличие взаимосвязи между рискованным поведением, психофизиологическими особенностями эмоционального реагирования и эндокринными показателями [5; 8; 11; 13; 17].

Именно поэтому способы совладания со стрессогенными ситуациями и специфика стресс-реагирования являются основополагающими конструктами, отвечающими за успешное выполнение служебных обязанностей [7; 12].

Целью исследования является оценка психоэндокринных характеристик курсантов ОВД для выделения групп риска учебно-профессиональной дезадаптации.

База и выборка исследования. Всего в исследовании приняли участие 60 курсантов. 26 из них мужского пола и 34 – женского пола.

На основании заключений психологов подразделений по работе с личным составом, центров психофизиологической диагностики МВД России были выделены группы с низким и высоким адаптационным потенциалом среди курсантов ОВД. В адаптивной и дезадаптивной группах по 30 курсантов, из них 13 мужского пола и 17 женского пола. Средний возраст курсантов – $19,9 \pm 2,3$ года.

В адаптивную группу вошли курсанты, у которых отсутствуют факторы риска девиантного (общественно опасного) поведения, определен средний уровень развития личных и деловых качеств, что позволяет им в установленные сроки овладеть профессиональными знаниями, навыками и умениями, успешно выполнять служебные обязанности сотрудников органов внутренних дел РФ.

В дезадаптивную группу вошли курсанты, у которых отсутствуют факторы риска девиантного (общественно опасного) поведения, уровень развития личных и деловых качеств ниже среднего, что позволяет им овладеть минимумом профессиональных знаний, навы-

ков и умений, удовлетворительно выполнять служебные обязанности в обычных условиях, но не обеспечивающих успешного их выполнения в особых условиях деятельности; с низкими адаптационными способностями к условиям оперативно-служебной (учебной) деятельности, признаками нервно-психической неустойчивости.

Методы

Диагностический комплекс включал следующие методики и методы: Госпитальная шкала тревоги и депрессии (HADS); «Комплексная оценка проявлений стресса» Ю. В. Щербатых; Опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкмана; «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика; Опросник Грасмика (Grasmick Н. с соавт., 1993; адаптация В. Г. Булыгиной, А. М. Абдраязковой, 2008); «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой.

Клинико-лабораторный. Для выделения психоэндокринных профилей стресс-реагирования используется биохимическое исследование слюны (уровни кортизола и дегидроэпиандростерона). Сбор слюны (метод ВЭЖХ-МС) проводился дважды: до и после предъявления стрессового стимула.

Экспериментальный. С целью исследования психоэндокринных характеристик курсантов ОВД применялась процедура, во время которой моделировалась стрессовая ситуация.

Описание процедуры. Перед началом исследования было получено добровольное информированное согласие каждого участника. Техническая составляющая эксперимента заключалась в демонстрировании изображений и звуков, относящихся к опасным ситуациям. Длительность процедуры составляла 13 минут.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием пакета SPSS Version 20 и Microsoft Excel-2019. В исследовании применялся дескриптивный анализ, t-критерий Стьюдента, корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона).

Результаты

Для решения задачи выявления специфических психоэндокринных характеристик курсантов ОВД в адаптивной и дезадаптивной группах был проведен анализ средних значений показателей особенностей реагирования на стресс и способов совладания с ним (рис. 1, 2):

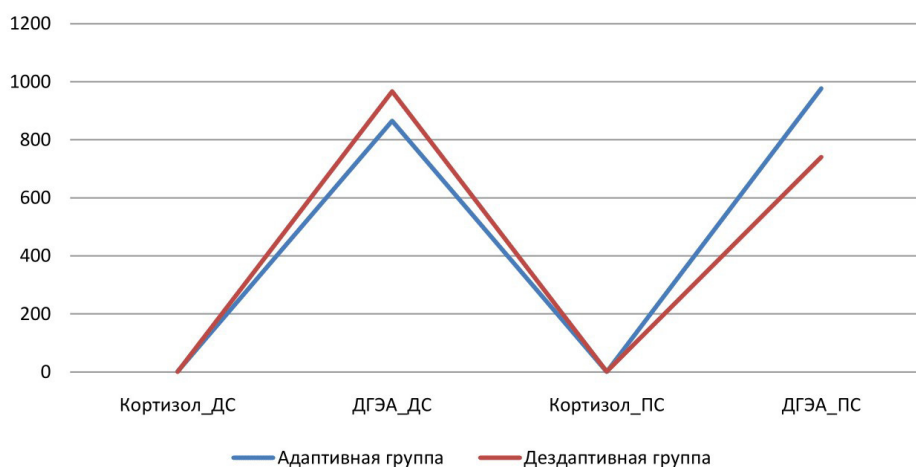

Рис. 1. Средние значения показателей гормонов у курсантов адаптивной и дезадаптивной групп

В дезадаптивной группе курсантов ОВД выявлены более высокие показатели изначального уровня гормона ДГЭА и более низкие значения данного гормона после стрессового стимула. Их отличают более высокие значения показателей всех шкал, отражающих уровень стресса, тревоги и депрессии, напряженности копинг-стратегий и механизмов психологических защит. Выявлены высокие значения показателей таких конструктов самоконтроля, как «Раздражительность», «Предпочтение простых задач» при низких значениях по шкалам «Эгоцентризм» и «Физическая активность». Также следует отметить низкие значения показателей составляющих процесса саморегуляции: «Планирование», «Моделирование», «Оценивание результатов», «Общий уровень саморегуляции» в сочетании с высокими значениями по шкале «Самостоятельность» (несвязанность между собой составляющих процесса саморегуляции).

Адаптивная группа курсантов отличается низкими показателями уровня стресса, тревоги и депрессии, более высоким уровнем показателей защитного механизма «Вытеснение» и конструкта самоконтроля «Физическая активность», а также показателями саморегуляции «Планирование», «Моделирование», «Оценивание результатов», «Общий уровень саморегуляции» при низком значении показателя «Самостоятельность».

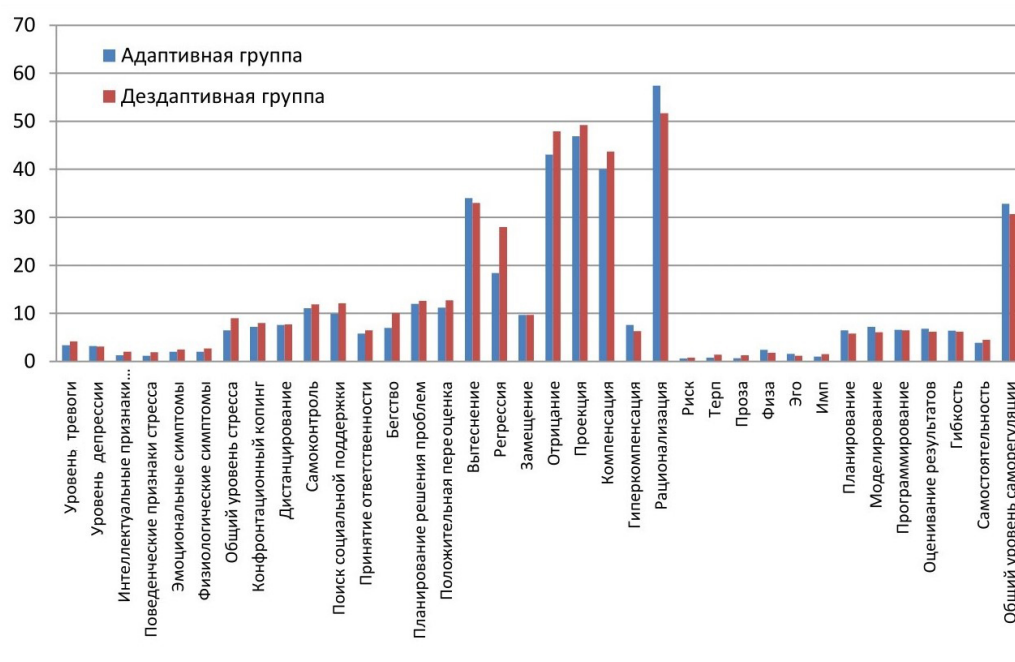

Рис. 2. Средние значения показателей гормонов у курсантов адаптивной и дезадаптивной групп

Анализ значимых различий психоэндокринных показателей адаптивной и дезадаптивной группы курсантов ОВД, проведенный при помощи t-критерия Стьюдента, выявил следующее (табл. 1):

Таблица 1

Значимые различия психоэндокринных характеристик адаптивной и дезадаптивной группы курсантов (t-критерий Стьюдента)

Шкалы	Среднее значение по группам		Значимость
	Адаптивная группа	Деадаптивная группа	
Кортизол ДС	1,3	0,77	0,025
Кортизол ПС	0,71	1,13	0,034
ДГЭА ПС	977,2	740,23	0,045
Поиск социальной поддержки	9,9	12,1	0,013
Бегство	7	10,1	0,005
Регрессия	18,4	28	0,013
Моделирование	7,2	6,1	0,020
Оценивание	6,8	6,2	0,045

Адаптивную группу курсантов значимо отличают высокие показатели по шкалам «Моделирование» и «Оценивание». В этой группе значимо более высокий уровень кортизола до предъявления стрессового стимула, не выходящего за рамки нормативного, и ДГЭА после стрессового стимула, значение которого выше нормативного.

Деадаптивная группа характеризуется большим уровнем напряженности таких копинг-стратегий, как «Поиск социальной поддержки», «Бегство» и защитным механизмом «Регрессия». Уровень кортизола после стрессового стимула дезадаптивной группы курсантов превышает уровень кортизола адаптивной группы, что указывает на более активное реагирование на стрессовые стимулы.

Необходимо отметить, что значимые различия показателей гормонов до и после стрессового стимула были выявлены только в адаптивной группе курсантов ОВД по значениям кортизола, который снижался с показателя 1,2897 до 0,7163 (t-критерия Стьюдента).

Для оценки взаимосвязи психоэндокринных показателей стресс-реагирования *адаптивной группы* курсантов ОВД был применен корреляционный анализ Пирсона, в результате чего были получены следующие данные.

Низкие значения интеллектуальных (0,485**), поведенческих (0,470**) и физиологических (0,543**) симптомов стресса, как и его общего уровня (0,471**), взаимосвязаны с низким значением показателя самоконтроля «Раздражительность». Оценка взаимосвязи психологических характеристик с эндокринными показателями стресса адаптивных курсантов ОВД выявила, что низкие значения показателя гормона ДГЭА до предъявления стрессового стимула имеют плотную корреляционную связь с более высокими значениями показателя конструкта самоконтроля «Эгоцентризм» (0,575**). Низкие значения показателя уровня кортизола после предъявления стрессового стимула имеют обратную корреляционную связь с низким значением показателя применения защитного механизма «Замещение» (-0,449**).

Оценка взаимосвязи показателей саморегуляции, самоконтроля, копинг-стратегий и психологических защит адаптивных курсантов ОВД показала следующее. Высокие значения показателя копинг-стратегии «Рационализация» отчетливо коррелируют с более низкими значениями таких показателей, как «Принятие ответственности» (0,467**), «Самоконтроль» (0,552**), «Планирование решения проблем» (0,577**), «Положительная переоценка» (0,517**). Высокие значения шкал «Планирование» связаны с низкими значениями показателей копинг-стратегий «Дистанцирование» (0,575**), «Принятие ответственности» (0,610**), «Самоконтроль» (0,593**), «Положительная переоценка» (0,475**), «Конфронтация» (0,502**), более высоким значением показателя защитного механизма «Рационализация» (0,700**) и низким значением показателя «Поиск социальной поддержки» (0,472**).

Более высокие значения показателя «Вытеснение», относящегося к защитным механизмам, коррелируют с низкими значениями таких показателей копинг-стратегий, как «Дистанцирование» (0,546**), «Бегство» (0,477**) и конструктами самоконтроля «Импulsивность» (0,521**), и более высоким значением показателя «Эгоцентризм» (0,494**). Низкое значение показателя «Регрессия» связано с низким значением показателя копинг-стратегии «Бегство» (0,471**) и низким значением показателя компонента самоконтроля «Раздражительность» (0,634**). Сниженное значение показателя «Компенсация» отчетливо коррелирует с низкими значениями показателей копинг-стратегий «Бегство» (0,648**) и «Принятие ответственности» (0,472**). Низкое значение показателя копинг-стратегии «Положительная переоценка» связано с более высокими значениями показателей «Гибкость» (0,570**) и «Рационализация» (0,517**).

Оценка взаимосвязи конструктов саморегуляции и уровня тревоги адаптивных курсантов ОВД выявила, что низкое значение показателя конструкта самоконтроля «Импulsивность» имеет положительную корреляционную связь с низким уровнем тревоги (0,544**) и обратную корреляционную связь с более высокими значениями показателя «Моделирование» (-0,513**). Высокие значения показателя «Оценивание результатов» имеют отрицательную корреляционную связь с более высокими значениями показателя «Эгоцентризм» (-0,494**), а показатель «Программирование» с равными значениями как в адаптивной, так и в дезадаптивной группе курсантов ОВД – отрицательную корреляционную связь с более низким значением шкалы «Предпочтение простых задач» (-0,531**).

Оценка взаимосвязи психоэндокринных показателей стресс-реагирования *дезадаптивной группы* курсантов ОВД (корреляционный анализ Пирсона) выявила, что средние значения показателя напряженности и применение копинг-стратегии «Бегство» имеют плотную корреляционную связь с низкими показателями интеллектуального (0,492**), эмоционального (0,526**) и общего уровня стресса (0,479**). Низкие показатели конструкта самоконтроля «Физическая активность» имеют отрицательную корреляционную связь с низкими значениями поведенческих признаков стресса (-0,478**). Высокие значения показателя защитного механизма «Регрессия» связаны с низким уровнем тревоги (0,644**) и депрессии (0,596**) и средним уровнем напряженности показателя копинг-стратегии «Дистанцирование» (0,493**). Высокие значения показателя защитного механизма «Рационализация» отчетливо коррелируют со средним уровнем показателя «Общий уровень саморегуляции» (0,508**). Средний уровень показателя «Программирование» как конструкта саморегуляции имеет отрицательную корреляционную связь с более высокими значениями показателя копинг-стратегии «Поиск социальной поддержки» (-0,488**).

Обсуждение

Курсанты дезадаптивной группы обращаются к внешним ресурсам как к способу совладания со стрессом, склонны к уклонению и избеганию негативных переживаний, к использованию онтогенетически более ранних образцов поведения и сильнее реагируют на стрессовые стимулы. Для адаптивных курсантов характерна более высокая степень осознанности и развитости как внутренних, так и внешних представлений, способность к операциональному наполнению достижения поставленных целей, а также сформированность устойчивых представлений о субъективных критериях оценки результатов, что способствует гибкой адаптации к изменяющимся условиям.

Для большей наглядности выявленных взаимосвязей при помощи программы Gephi была построена корреляционная плеяда психоэндокринных показателей адаптивной группы курсантов (рис. 3).

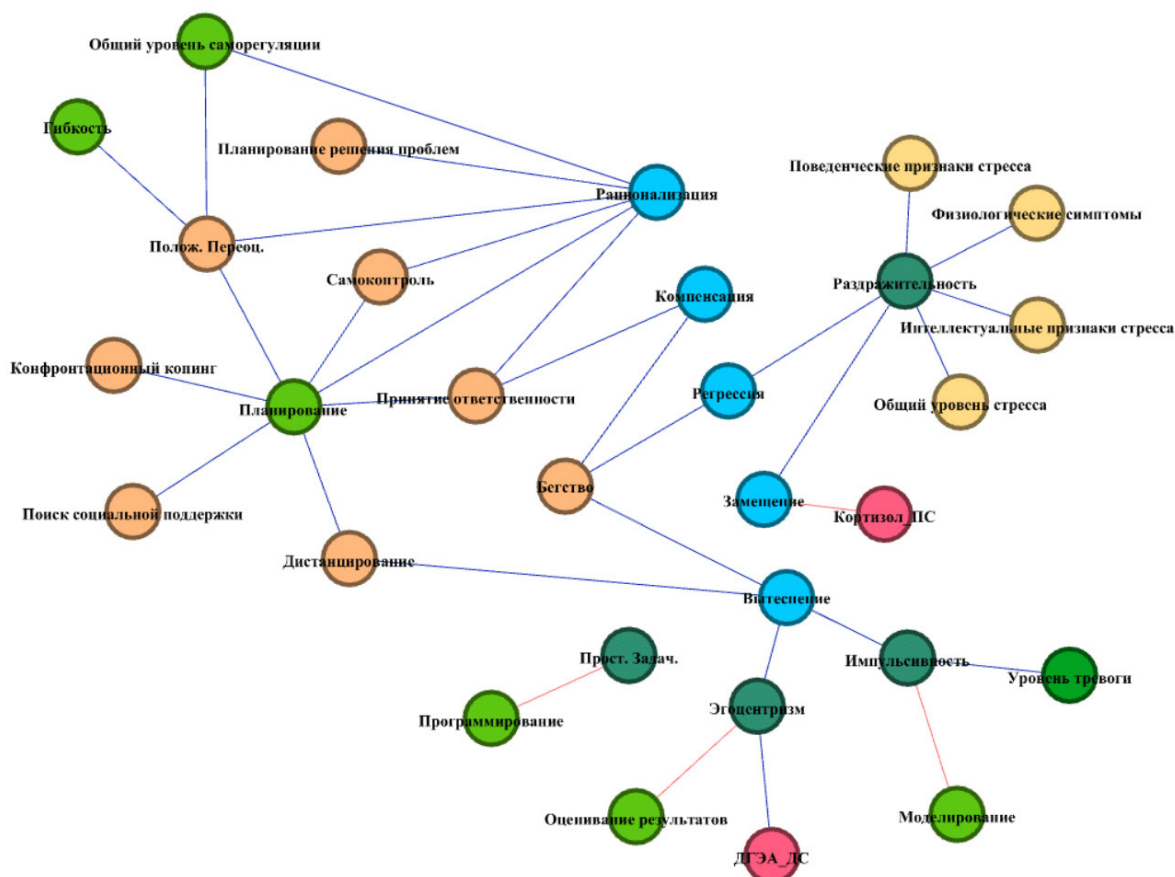

Рис. 3. Корреляционная плеяда адаптивной группы курсантов ОВД

Группа адаптивных курсантов отличается контролем собственных реакций. Однако сосредоточенность на собственных интересах приводит к минимизации негативных переживаний за счет удержания их психического содержания вне сознания. Вытеснение психотравмирующих событий, применение адаптивных способов реагирования, большая готовность принятия своих недостатков без потребности компенсировать их в других областях опосредованы механизмом избегания негативных переживаний.

Способность сдерживать аффект раздражения и использование более зрелых механизмов ассоциируются с минимальным проявлением эмоциональных, психологических и поведенческих признаков стресса. Низкая импульсивность взаимосвязана с низким уровнем тревоги, что может быть объяснено существенным влиянием на апперцептивную функцию и функцию восприятия времени: низкая тревожность снижает возможность преждевременного реагирования на ситуацию.

Удовлетворительная способность адаптивных курсантов к выделению значимых условий для достижения поставленных целей сопряжена с построением программ достижения цели, а также низкой спонтанностью при поиске оптимального решения проблем. Разработка детализированной развернутой программы, представляющей собой цепочку определенных действий, опосредуется готовностью к решению сложных задач. Положительное

переосмысление негативных переживаний связано с использованием защитного механизма рационализации и сопряжено со способностью адаптироваться к изменяющимся условиям, реалистичностью выдвигаемых целей.

Использование таких копингов, как: дистанцирование, позволяющее снижать субъективную значимость ситуации для адекватного ее оценивания; конфронтация, а именно – быстрое реагирование на негативные переживания; принятие ответственности, предполагающее понимание значимости собственных действий и принятие ответственности за последствия выбранных решений, способствуют реалистичности и перспективности целеполагания. Способность адаптивных курсантов обращаться к внешним ресурсам, положительное переосмысление ситуации, целенаправленное подавление импульсов и эмоций взаимосвязаны с устойчивостью, действенностью целеполагания.

Таким образом, развитость всех этапов осознанной регуляции поведения опосредуется адаптивными копинг-стратегиями, а индивидуально-типологические характеристики, обеспечивающие высокий самоконтроль, сопряжены с низким уровнем выраженности признаков стресса.

При помощи программы Gephi была построена корреляционная плеяда *психоэндокринных показателей дезадаптивной группы курсантов* (рис. 4).

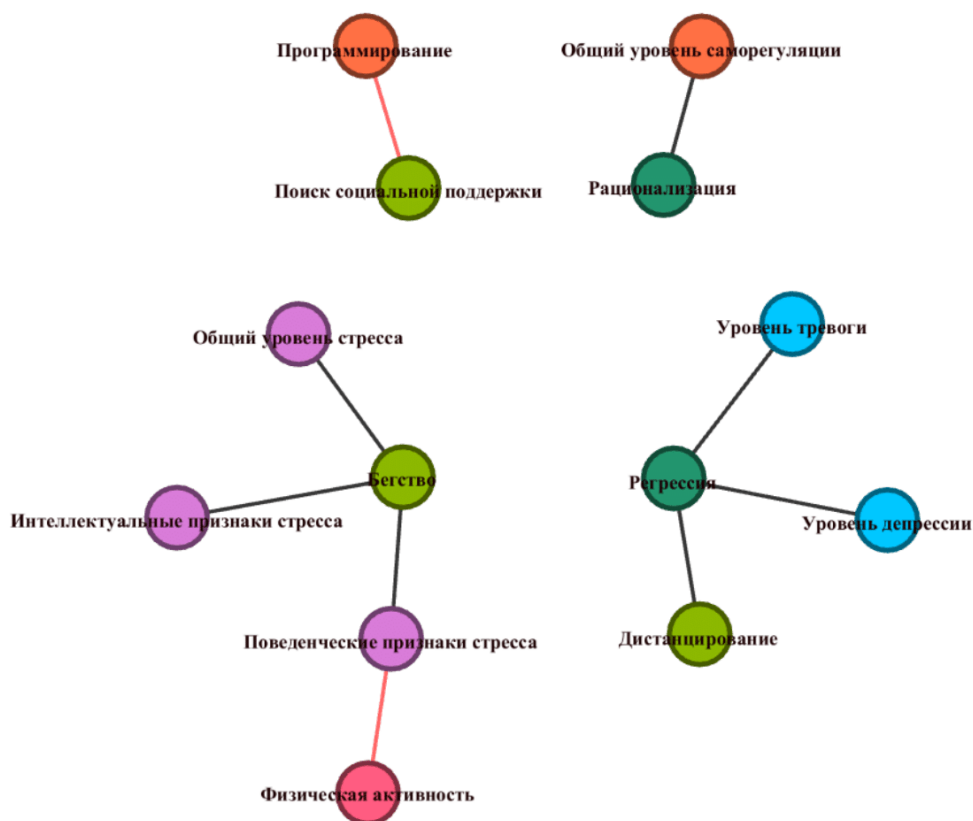

Рис. 4. Корреляционная плеяда дезадаптивной группы курсантов ОВД

В дезадаптивной группе курсантов выделено меньшее количество корреляционных связей, чем в адаптивной группе.

Привлечение внешних ресурсов для разрешения проблем и стабилизации эмоционального состояния как копинг-стратегия имеет пограничный уровень адапционного потенциала, что корреспондирует с меньшей способностью к самостоятельному детализированному продумыванию способов достижения целей и возможности их корректировки. Потребность в обосновании причин возникновения собственных и чужих поступков связана со сцепленностью всех этапов процессов осознанной регуляции поведения.

Дезадаптивная группа курсантов отличается большим проявлением поведенческих признаков стресса, повышенной конфликтностью и низким уровнем поведенческой активации. Отсутствие навыков дистанцирования и склонность прибегать к более ранним, менее зрелым поведенческим паттернам сопряжены с более высокими показателями тревоги и депрессии, большим количеством интеллектуальных и поведенческих признаков стресса, которые в свою очередь связаны с более частым использованием копинга в виде уклонения и избегания проблемных ситуаций.

Таким образом, эту группу курсантов отличает преобладание малоадаптивных копингов, менее зрелых форм психологической защиты, которые не опосредуются осознанными регуляторными системами.

Заключение

В результате проведенного исследования были выделены психоэндокринные особенности с учетом фактора адаптивности и дезадаптивности в учебно-профессиональной деятельности курсантов ОВД.

Адаптивную группу отличает развитость всех этапов осознанной регуляции поведения, которая опосредуется адаптивными копинг-стратегиями. Индивидуально-типологические характеристики обеспечивают высокий самоконтроль. Обнаруженный значительно более высокий уровень кортизола до предъявления стрессового стимула, не выходящего за рамки нормативного, и повышение ДГЭА после стрессового стимула свидетельствуют о выполнении буферной функции ДГЭА исходной готовности на организменном уровне противостоять негативным внешним воздействиям, что закономерно приводит к малой выраженности признаков стресса в этой группе курсантов.

Дезадаптивную группу курсантов отличает преобладание малоадаптивных копингов, менее зрелых форм психологической защиты, которые не опосредуются осознанными регуляторными системами. ДГЭА как ключевой буферный гормон стрессоустойчивости не выполняет протективную функцию, поскольку его изначально высокий фоновый уровень значительно снижается после воздействия стрессовых стимулов.

Список литературы

1. *Лантев С. А.* Условное осуждение или ограничение свободы // Вестник Кузбасского института. – 2012. – № 5 (13). – С. 96–105.
2. *Панасенко (Яловая) В. Н.* Эффективность условного осуждения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 7. – С. 181–183.
3. *Казакова В. А.* Цели наказания и их реализация в России и зарубежных странах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2019. – № 2 (831). – С. 193–204.
4. *Маликова Н. Б., Москвитина М. М.* О некоторых аспектах трудоустройства условно осужденных // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2021. – № 1 (40). – С. 46–52; doi: 10.34988/2226-2326.2021.40.1.007.
5. *Юрова Ю. В., Зайцева А. Е.* Проблемные вопросы организации контроля за условно осужденными // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2023. – № 2 (36). – С. 46–50.
6. *Кирилловский О. В., Шаромова А. А.* Правовые и организационные недостатки в деятельности уголовно-исполнительных инспекций по контролю за условно осужденными // *Ius publicum et privatum*. – 2022. – № 3 (18). – С. 152–161; doi: 10.46741/2713-2811.2022.18.3.016.
7. *Минсафина С. Н., Власова У. С.* Деятельность уголовно-исполнительных инспекций по контролю за условно осужденными // Вестник Самарского юридического института. – 2017. – № 1 (23). – С. 45–47.
8. *Чистяков К. А.* К вопросу об основных направлениях предупреждения преступлений, совершаемых условно осужденными // Прикладная юридическая психология. – 2014. – № 3. – С. 178–182.
9. *Дегтярева О. Л.* Исполнение меры уголовно-правового характера в виде условного осуждения // Проблемы права. – 2015. – № 6 (54). – С. 217–219.
10. *Сучкова Е. Л.* Представления о правовой действительности условно осужденных // Прикладная юридическая психология. – 2012. – № 3. – С. 153.–161.
11. *Маликов Б. З.* Условное осуждение – форма условного наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2012. – № 2 (18). – С. 14–18.
12. *Гвоздева Е. В., Вишивцева Н. А.* Социально-демографическая характеристика личности условно осужденного // Наука и образование: тенденции и перспективы. – 2016. – № 1 (3). – С. 108–112.
13. *Макарова В. В.* Основные направления профилактики преступности условно осужденных : монография. – Рязань: Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2021. – 224 с.
14. *Волчков Д. И.* Организация психологического обеспечения деятельности уголовно-исполнительных инспекций за поведением условно осужденных // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 155–158.
15. *Мазнева М. Ю.* Специфика исследования ролевых конфликтов у лиц, осужденных без изоляции от общества к мерам наказания, не связанным с изоляцией от общества // Смальта. – 2021. – № 4. – С. 84–96.

16. Ванюшина А. А. Сущность, понятие, виды внутриличностного конфликта условно осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях // Международный пенитенциарный журнал. – 2016. – № 2. – С. 67–70.

References

1. Laptev S. A. Uslovnoe osuzhdenie ili ogranichenie svobody // Vestnik Kuzbasskogo instituta. – 2012. – № 5 (13). – С. 96–105.
2. Panasenko (Yalovaya) V. N. Effektivnost' uslovnogo osuzhdeniya // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2014. – № 7. – С. 181–183.
3. Kazakova V. A. Tseli nakazaniya i ikh realizatsiya v Rossii i zarubezhnykh stranakh // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. – 2019. – № 2 (831). – С. 193–204.
4. Malikova N. B., Moskvitina M. M. O nekotorykh aspektakh trudoustroistva uslovno osuzhdennykh // Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii. – 2021. – № 1 (40). – С. 46–52; doi: 10.34988/2226-2326.2021.40.1.007.
5. Yurova Yu. V., Zaitseva A. E. Problemnye voprosy organizatsii kontrolya za uslovno osuzhdennymi // Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika. – 2023. – № 2 (36). – С. 46–50.
6. Kirillovskii O. V., Sharomova A. A. Pravovye i organizatsionnye nedostatki v deyatelnosti ugolovno-ispolnitel'nykh inspektsii po kontrolyu za uslovno osuzhdennymi // IUS PUBLICUM ET PRIVATUM. – 2022. – № 3 (18). – С. 152–161; doi: 10.46741/2713-2811.2022.18.3.016.
7. Minsafina S. N., Vlasova U. S. Deyatel'nost' ugolovno-ispolnitel'nykh inspektsii po kontrolyu za uslovno osuzhdennymi // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2017. – № 1 (23). – С. 45–47.
8. Chistyakov K. A. K voprosu ob osnovnykh napravleniyakh preduprezhdeniya prestuplenii, sovershaemykh uslovno osuzhdennymi // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. – 2014. – № 3. – С. 178–182.
9. Degtyareva O. L. Ispolnenie mery ugolovno-pravovogo kharaktera v vide uslovnogo osuzhdeniya // Problemy prava. – 2015. – № 6 (54). – С. 217–219.
10. Suchkova E. L. Predstavleniya o pravovoi deistvitel'nosti uslovno osuzhdennykh // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. – 2012. – № 3. – С. 153–161.
11. Malikov B. Z. Uslovnoe osuzhdenie – forma uslovnogo nakazaniya // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. – 2012. – № 2 (18). – С. 14–18.
12. Gvozdeva E. V., Vshivtseva N. A. Sotsial'no-demograficheskaya kharakteristika lichnosti uslovno osuzhdennogo // Nauka i obrazovanie: tendentsii i perspektivy. – 2016. – № 1 (3). – С. 108–112.
13. Makarova V. V. Osnovnye napravleniya profilaktiki prestupnosti uslovno osuzhdennykh : monogr. – Ryazan', 2021. – 224 s.
14. Volchkov D. I. Organizatsiya psikhologicheskogo obespecheniya deyatelnosti ugolovno-ispolnitel'nykh inspektsii za povedeniem uslovno osuzhdennykh // Mir politiki i sotsiologii. – 2012. – № 8. – С. 155–158.
15. Mazneva M. Yu. Spetsifika issledovaniya rolevykh konfliktov u lits, osuzhdennykh bez izolyatsii ot obshchestva k meram nakazaniya, ne svyazannym s izolyatsiei ot obshchestva // Smal'ta. – 2021. – № 4. – С. 84–96.
16. Vanyushina A. A. Sushchnost', ponyatie, vidy vnutrilichnostnogo konflikta uslovno osuzhdennykh, sostoyashchikh na uchete v ugolovno-ispolnitel'nykh inspektsiyakh // Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal. – 2016. – № 2. – С. 67–70.

Статья поступила в редакцию 10.08.2023; одобрена после рецензирования 12.10.2023; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted August 10, 2023; approved after reviewing October 12, 2023; accepted for publication March 5, 2024.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 159.9
doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-270-280

Светлана Николаевна Сорокоумова
доктор психологических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0001-8339-6597>, 4013@bk.ru

Военный учебно-научный центр Сухопутных войск
Общевойсковая ордена Жукова академия Вооруженных Сил Российской Федерации»
Российская Федерация, 119992, Москва, пр. Девичьего Поля, д. 4

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
Российская Федерация, 603005, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1

Александр Викторович Заргаров
адъюнкт
<https://orcid.org/0000-0002-7385-6518>, azargarov@inbox.ru

Ирина Сергеевна Ганишина
доктор психологических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, irinaganishina@yandex.ru

Академия ФСИИ России
Российская Федерация, 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1

О структуре личностной ответственности курсантов образовательных организаций ФСИИ России

Аннотация: Введение. В статье представлен теоретико-эмпирический анализ проблемы исследования личностной ответственности в отечественной и зарубежной психологии. Описаны результаты проведенного экспериментального исследования личностной ответственности курсантов образовательных организаций ФСИИ России. Цель исследования состояла в выявлении структурных элементов личностной ответственности курсантов образовательных организаций ФСИИ России. Эмпирическое исследование было проведено в Академии права и управления ФСИИ России. В нем приняли участие 165 курсантов с 1-го по 5-й курс. На каждом курсе было по 33 испытуемых. *Научная проблема* состоит в изучении личностной ответственности курсантов образовательной организации ФСИИ России и определении ее структурных элементов. *Методы и методики исследования.* Для определения структурных элементов личностной ответственности курсантов образовательных организаций ФСИИ России использовался следующий комплекс методов и методик: «Многомерно-функциональная диагностика ответственности-110 (ОТВ-110)» (В. П. Прядеин, О. В. Мухлынина); «Методика 16 PF (форма С)» (Р. Кеттелла); «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (А. А. Реан); «Опросник нравственной надежности (ОНН)» (Е. Ю. Стрижов); «Тест-опросник самоотношения – ОСО» (В. В. Столин, С. Р. Пантिलеев). *В результате проведенного исследования выявлено:* в структуру личностной ответственности курсантов образовательных организаций ФСИИ России входят: 1) регуляторно-динамический; 2) личностный; 3) мотивационно-смысловой компоненты.

Регуляторно-динамический компонент включает эргичность, стеничность, интернальность. Личностный компонент составляют эмоциональная устойчивость, самоотношение, самоконтроль эмоциональных реакций, уровень эмпатии, способность решать личностные и операциональные трудности. Мотивационно-смысловой компонент состоит из социоцентричности, осмысленности, признания ответственности перед нормами, понимания необходимости соблюдения норм, уровня мотивации достижения.

Ключевые слова: личностная ответственность, структура личностной ответственности, компоненты личностной ответственности, уголовно-исполнительная система, сотрудники, курсанты, образовательные организации, ФСИН России

Для цитирования: Сорокоумова С. Н., Заргаров А. В., Ганишина И. С. О структуре личностной ответственности курсантов образовательных организаций ФСИН России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 270–280; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-270-280.

Svetlana N. Sorokoumova

Dr. Sci. (Psy.), Professor

<https://orcid.org/0000-0001-8339-6597>, 4013@bk.ru

*Military Educational and Scientific Center of the Ground Forces “Combined Arms Order of Zhukov Academy of the Armed Forces of the Russian Federation”
4, Devichego Polyana Ave., Moscow, 119992, Russian Federation*

Nizhny Novgorod State Pedagogical University

named after Kozma Minin

Russian Federation, 603005, Nizhny Novgorod, st. Ulyanova, 1

Alexander V. Zargarov

Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-7385-6518>, azargarov@inbox.ru

Irina S. Ganishina

Dr. Sci. (Psy.), Professor

<https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, irinaganishina@yandex.ru

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

1, Sennaya str., Ryazan, 39000, Russian Federation

The structure of personal responsibility of cadets of educational establishments of the Federal Penal Correction Service of Russia

Abstract: Introduction. The article presents theoretical and empirical analysis of the problem of personal responsibility in national and foreign psychological works. The results of the study of personal responsibility of cadets of educational establishments of the Federal Penal Correction Service of Russia are described. The aim of the research was to identify the structural elements of personal responsibility of cadets of educational establishments of the Federal Penal Correction Service of Russia. The empirical study was conducted at the Academy of Law and Management of the Federal Penal Correction Service of Russia. The participants were 165 cadets representing courses 1 to 5. Each course covered 33 respondents. The scientific problem is to study the personal responsibility of cadets of the educational establishment of the Federal Penal Correction Service of Russia and to determine its structural elements. **Research methods and techniques.** To determine the structural elements of personal responsibility of cadets of educational establishments of FSIN of Russia the following methods and techniques were used: “Multidimensional functional diagnostics of responsibility-110 (“OTV-110”)” (V. P. Pryadein, O. V. Mukhlynina); “A Shortened “Basic English” Version (Form C) of the 16 PF Questionnaire” (R. Kettell); “Motivation of success and fear of failure” (A. A. Rean); “Moral reliability questionnaire (MRQ)” (E. Yu. Strizhov); “Test-questionnaire of self-attitude – SAR” (V. V. Stolin, S. R. Pantilev). **The research revealed:** the structure of personal responsibility of cadets of educational organisations of the Federal Penitentiary Service of Russia includes: 1) regulatory and dynamic components; 2) personal components; 3) motivational and semantic components. The regulatory and dynamic component comprises ergidity, stenicity, and

internality. The personal component is made up of emotional stability, self-attitude, self-control of emotional reactions, the level of empathy, the ability to solve personal and operational difficulties. The motivational and semantic component includes sociocentricity, meaningfulness, recognition of responsibility to norms, understanding of the need to comply with norms, and the level of achievement motivation.

Keywords: personal responsibility, structure of personal responsibility, elements of personal responsibility, penal system, officers, cadets, educational establishments, FSIN of Russia

For citation: Sorokoumova S. N., Zargarov A. V., Ganishina I. C. The structure of personal responsibility of cadets of educational establishments of the Federal Penal Correction Service of Russia // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 270–280; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-270-280.

Введение

Актуальность темы исследования личностной ответственности отражена в «Федеральном законе от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”»¹. В законе описаны виды ответственности, возлагаемые на сотрудника уголовно-исполнительной системы. «Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года»² указывает на необходимость формирования здоровой морально-психологической обстановки, исключающей противоправное поведение сотрудников, и подразумевающей совершенствование организации их деятельности.

В обзорах состояния дисциплины и законности в УИС за 2019–2022 гг. отмечается, что решение задач, возложенных на уголовно-исполнительную систему, в первую очередь зависит от личностной ответственности сотрудников, их добросовестного отношения к своим служебным обязанностям. В них также утверждается, что несмотря на снижение количества нарушений среди личного состава учреждений и органов ФСИН России, уровень нарушений все же находится на высоком уровне (2019 г. – 61 939, 2020 г. – 61 731, 2021 г. – 61 452), а количество нарушений, выявленных в 2022 г. (62 372 нарушения) существенно превысило показателя трех прошлых лет³. При анализе соотношения количества совершенных нарушений служебной дисциплины с количеством сотрудников (2019 г. – 44 403, 2020 г. – 44 181, 2021 г. – 44 106, 2022 г. – 43 167) становится очевидно, что некоторые сотрудники совершили более одного нарушения⁴. Это еще раз указывает на актуальность изучения данной темы.

Теоретический анализ проблемы личностной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы показал, что данное свойство личности входит в ядро профессионально важных качеств сотрудников ФСИН России [3, с. 214–216; 5, с. 477–478].

Слово «ответственность» в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой толкуется как необходимость, обязанность отдавать кому-либо отчет в своих действиях, поступках, а «ответственный» означает «имеющий высоко развитое чувство долга, ревниво относящийся к своим обязанностям»⁵.

Стоит отметить, что изначально представление об ответственности исходит из философских воззрений. Так, философ А. Г. Спиркин рассматривает «ответственность как отражение в субъекте бытия социальной необходимости; понимание смысла совершаемых действий субъектом, их последствий для определенной социальной группы, коллектива и самого себя» [13, с. 294]. А. Г. Спиркин утверждает, что с чувством ответственности связан не каждый поступок, а лишь социально значимый [11, с. 39; 12, с. 135].

Философ Г. Йонас рассматривал ответственность с позиции этических принципов, проявление которых заключалось в заботе о будущем: «Действуй так, чтобы последствия твоей деятельности были совместимы с поддержанием подлинно человеческой жизни на Земле» [6, с. 58].

¹ О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ (с изменениями и дополнениями) [

² Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р [

³ Федеральная служба исполнения наказаний «Обзор состояния дисциплины и законности в УИС» от 15 февраля 2023 г. № исх-07-12198.

⁴ Федеральная служба исполнения наказаний «Обзор состояния дисциплины и законности в УИС» от 01 апреля 2022 г. № исх-04-20836.

⁵ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 8000 слов фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры; – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: АЗЪ, 1995. – 928 с.

Изучению личностной ответственности в рамках психологической науки посвящены труды К. А. Абульхановой-Славской, К. Муздыбаева, О. В. Мухлыниной, В. П. Прядеина, В. Ф. Сафина, А. Г. Спиркина, Э. Фромма, Ф. Хайдера, В. Д. Шадрикова, Н. И. Шевченко.

Как считает К. А. Абульханова-Славская, ответственность – это «добровольное, внутренне принятое, осуществление необходимости, правил, требований» [1, с. 109]. С этой позиции ответственность проявляется в форме инициативы, т. е. «форма активности, качества, которая развивается у индивида в большей или меньшей степени в зависимости от того, насколько обществом ему предоставлена свобода и насколько он принимает общественную необходимость» [2, с. 109; 15, с. 243]. К. А. Абульханова-Славская указывает на то, что ответственность как устойчивое качество личности, освобождает человека от проверок и дополнительного контроля со стороны, а также позволяет ему справляться с какой-либо задачей без согласования собственных действий.

В. Ф. Сафин ответственность личности понимает как «отражение конвенциональной морали личности, т. е. подчинение внешним источникам контроля (шаблонное поведение)» [7, с. 224–225].

К. Муздыбаев пишет: «Ответственность, подобно скромности, чуткости, смелости, щедрости, настойчивости, гордости, есть свойство характера личности». В книге «Психология ответственности» он указывает на смежность ответственности и проблемы изучения «локуса контроля», исследуемого зарубежными психологами [8, с. 167].

По мнению Л. А. Регуша, «ответственность» способна возникать посредством прогнозирования, т. е. способность личности предвидеть возможные негативные последствия своих действий. Автор видит важность развития когнитивной сферы личности в проявлении чувства ответственности.

Как полагает В. П. Прядеин, «ответственность – это базовое свойство личности», именно поэтому она и изучается смежными психологии науками: философией, этикой, педагогикой, социологией, юриспруденцией [9].

Таким образом, единого определения понятия «ответственность» в психологии не существует. Проанализировав имеющиеся дефиниции, мы пришли к выводу, что «личностная ответственность – свойство личности, которое включает в себя систему взаимосвязанных компонентов, регулирующих отношение человека к своим поступкам и решениям, и определяющих уровень ответственности к ним» [4].

Остановимся на рассмотрении подхода в рамках системного исследования ответственности, так как он позволяет рассмотреть структуру личностной ответственности и выделить ее элементы. Данный подход в психологии считается наиболее продуктивным и рациональным при исследовании психических феноменов.

В рамках системного исследования ответственности стоит выделить работы К. А. Абульхановой-Славской, Л. И. Дементий, М. М. Калашниковой, Е. Ю. Коржовой, А. И. Крупновой, Д. А. Леонтьева, К. Муздыбаева, О. В. Мухлыниной, В. П. Прядеина, А. Ф. Плахотного, Л. А. Регуша, Э. И. Рудковского, В. Ф. Сафина, А. Л. Свенцицкой; Т. Н. Сидоровой; В. Л. Хайкина и др.

В юридической психологии при изучении структуры ответственности личности часто применяется трехкомпонентная схема психологических диспозиций и процессов. Д. А. Леонтьев утверждает, что в структуру личностной ответственности входят «когнитивный, эмоциональный и действенный компоненты» [16, с. 7–22].

По мнению А. Ф. Плахотного, структура ответственности включает в себя «единство рационального, волевого и эмоционального компонентов» [17].

А. Л. Свенцицкий полагает, что «чувство ответственности проявляется на эмоциональном уровне и выступает как черта характера личности»⁶.

М. М. Калашникова выделяет в структуре личностной ответственности следующие компоненты: «ценностно-мотивационный, познавательный-прогностический, эмоционально-волевой и поведенческий (конатативный)». Помимо этого, М. М. Калашникова описывает три основных элемента, входящих в структуру ответственности: «субъект ответственности (например, личность), объект (то, за что субъект несет ответственность), социальная инстанция (оценивает деятельность субъекта ответственности и налагает санкции)» [18].

Л. А. Регуш определяет важность развития когнитивной сферы личности в проявлении чувства ответственности [10, с. 122].

Большой вклад в изучение структуры личностной ответственности внес В. П. Прядеин, который пришел к выводу, что в структуру личностной ответственности входят «динами-

⁶ Свенцицкий А. Л. Краткий психологический словарь. – Москва, 2008. – 511 с.

ческий компонент, эмоциональный компонент, регуляторный компонент, мотивационный компонент, когнитивный компонент, результативный компонент». В 2013 году В. П. Прядеин совместно с О. В. Мухлыниной⁷ разработали методику «Многомерно-функциональная диагностика ответственности-110 (ОТВ-110)», расширенный аналог методики ОТВ-70 разработанной В. П. Прядеиным ранее. В данной методике динамический, эмоциональный, регуляторный компоненты относятся к «регуляторно-динамическим составляющим ответственности», а мотивационный, когнитивный, результативный компоненты – к «мотивационно-смысловым составляющим ответственности».

В определении структуры личностной ответственности курсантов ФСИН России мы придерживались структуры, разработанной В. П. Прядеиным и О. В. Мухлыниной. Однако в ходе проведенного эмпирического исследования личностной ответственности курсантов образовательных организаций ФСИН России было установлено: «Применительно к курсантам образовательных организаций ФСИН России наиболее целесообразно выделять следующие компоненты их личностной ответственности: «регуляторно-динамический, личностный, мотивационно-смысловой» (рис. 1).

В структуру регуляторно-динамического компонента входят: эргичность, стеничность, интернальность.

Личностный компонент составляют самоотношение, эмоциональная устойчивость, самоконтроль эмоциональных реакций, уровень эмпатии, способность преодолевать личностные и операциональные трудности.

Мотивационно-смысловой компонент включает социоцентричность, осмысленность, мотивацию достижения, признание ответственности перед нормами, понимание необходимости соблюдения норм.

Цель исследования

Выявление структурных элементов личностной ответственности курсантов образовательных организаций ФСИН России.

Основные задачи исследования:

1) изучение основных теоретико-методологических подходов к исследованию структуры личностной ответственности курсантов;

⁷ Прядеин В. П. Психодиагностика личности: избранные психологические методики и тесты / Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования ХМАО – Югры «Сургут. гос. пед. ун-т» [и др.]. – Сургут : РИО СурГПУ, 2013. – 245 с.

2) подбор и обоснование комплекса методов и методик, направленных на изучение структурных элементов личностной ответственности курсантов образовательных организаций ФСИН России;

3) проведение эмпирического исследования по выявлению структурных элементов личностной ответственности курсантов образовательных организаций ФСИН России.

Выборку исследования составили 165 курсантов Академии права и управления ФСИН России с 1-го по 5-й курс, по 33 испытуемых с каждого из курсов.

Методы исследования

В ходе эмпирического исследования использовался следующий психодиагностический инструментарий: «Методика многомерно-функциональная диагностика ответственность-110 (ОТВ-110)» В. П. Прядеина, О. В. Мухлыниной; «Методика 16 PF (форма С)» (Р. Кеттелла); Методика «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (А. А. Реан); «Опросник нравственной надежности (ОНН)» (Е. Ю. Стрижов); «Тест-опросник самоотношения – ОСО» (В. В. Столин, С. Р. Пантिलеев).

Результаты исследования

Согласно полученным данным по методике «Многомерно-функциональная диагностика «ответственность-110» (ОТВ-110) В. П. Прядеина, О. В. Мухлыниной» можно сделать вывод, что структурные компоненты личностной ответственности растут у курсантов в зависимости от их курса обучения. В табл. 1 представлены показатели по шкалам всех пяти курсов.

Рассмотрим их подробнее. Из представленной таблицы следует: показатели по шкалам у курсантов с 1-го по 5-й курс находятся в области средних значений методики. Однако если рассматривать этот промежуток относительно полученной динамики между курсами, можно заметить, что средние значения курсантов 1-го курса и курсантов 5-го курса по всем шкалам методики значительно отличаются. При этом значения курсантов 1-го курса приближены к низким показателям, а вот значения 5-го курса устремлены к высокому значению по шкале. Также стоит отметить, что относительно курса обучения курсантов в вузе повышаются и их показатели по представленным шкалам методики, а личностные особенности на выявление которых направлены эти шкалы, входят в структуру личностной ответственности курсантов образовательных организаций ФСИН России. Это свидетельствует не просто о положительном влиянии образовательного процесса, служебной дисциплины, иных методов воспитательного характера, применяемых в Академии ФСИН России относительно подготовки курсантов к своей дальнейшей профессиональной деятельности, но и о возможности разработки и применения методов психокоррекционного воздействия на уровень их личностной ответственности.

Таблица 1

Результаты диагностики курсантов образовательных организаций ФСИН России по методике «Многомерно-функциональная диагностика «ответственность-110» В. П. Прядеин, О. В. Мухлынина.

Шкалы методики «ОТВ-110»	Мин. значение	1 курс	2курс	3 курс	4 курс	5 курс	Макс. значение
ДЭ	0	14,2	15,1	19,2	23,1	23,9	35
МС	0	15,2	17,4	17,9	20,4	24,1	35
КО	0	14,5	17,2	20,1	22,7	23,5	35
ЭС	0	19,7	20,5	22,1	22,9	23,2	35
РИ	0	14,8	16,4	19,4	23,1	24,7	35
ТЛ	0	19,5	21,1	21,9	22,5	22,9	35
ТО	0	19,4	19,9	22,3	22,5	24,1	35
ЭБ	0	21,3	21,7	22,2	24,3	24,9	35
ЭО	0	21,9	22,4	22,6	23,8	24,4	35

Примечание: Полное название шкал методики: ДЭ – динамическая эргичность; МС – мотивация социоцентрическая; КО – когнитивная осмысленность; ЭС – эмоциональность стеническая; РИ – регуляторная интернальность; ТЛ – трудности личностные; ТО – трудности операциональные; ЭБ – эмпатия к близким; ЭО – эмпатия к окружающим.

Если провести сравнительный анализ данных по шкалам методики ОТВ-110 между курсантами 1-го курса и 5-го курсов, можно сделать следующий вывод: курсанты стар-

ших курсов более тщательно подходят к выполнению трудных и ответственных заданий в отличие от курсантов младших курсов. Их мотивация носит социоцентрический характер, т. е. проявление ответственности в каком-либо деле чаще происходит из-за желания не отставать от коллектива и находиться среди людей, общества. Они лучше понимают стержневую основу ответственности, имеют целостное и глубокое представление о данном свойстве личности. Курсанты старших курсов чаще испытывают положительные эмоции в ходе выполнения ответственных заданий, менее зависимы от внешних обстоятельств. В ходе выполнения ответственных дел они не пытаются найти причины для избегания ответственных поручений, самочувствие и эмоциональное состояние не влияют на качество выполнения ответственных поручений, а возникшие в процессе выполнения ответственных дел трудности быстро, четко и легко решаются.

Стоит отметить, что пятикурсники гораздо чаще первокурсников готовы к оказанию помощи, эмоциональному сопереживанию и участию в решении проблем не только близких им людей, но и окружающих.

По методике «Тест-опросник самооотношения – ОСО» В. В. Столина и С. Р. Пантилеева подобная динамика наблюдается по шкале «глобальное самооотношение (S)» (табл. 2).

Таблица 2

Результаты диагностики курсантов образовательных организаций ФСИН России по шкале методики «Тест-опросник самооотношения – ОСО» В. В. Столин, С. Р. Пантилеев

Шкалы методики «ОСО»	Мин. значение	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	5 курс	Макс. значение
Глобальное самооотношение «S»	0	14,2	15,1	19,2	23,1	23,9	35

Полученные в ходе исследования данные означают, что с повышением курса обучения у курсантов формируется более целостное, относительно постоянное, эмоциональное отношение к себе, повышается внутренний локус контроля, преимущественно в сфере достижений. Укрепляется мнение о том, что их личность, характер и деятельность способны вызвать у других уважение, симпатию, одобрение, понимание. В данном случае это стоит понимать не как действительное отношение других людей, а как предвосхищаемое отражение отношения других людей, т. е. речь идет о самооотношении курсантов. Чем старше курс, тем выше показатель, тем сильнее выражены эти личностные особенности у курсантов.

Самоотношение входит в разряд структурных элементов, личностного компонента ответственности курсантов образовательных организаций ФСИН России. Именно поэтому ее развитие на этапе обучения курсантов в вузе носит обязательный характер.

Показатели по шкалам «Признание ответственности перед нормами (I)» и «Признание необходимости соблюдения норм (II)» методики «Опросник нравственной надежности (ОНН)» Е. Ю. Стрижова повышаются относительно курса обучения курсантов (табл.3).

Таблица 3

Результаты диагностики курсантов образовательных организаций ФСИН России по методике «Опросник нравственной надежности (ОНН)» Е. Ю. Стрижова

Шкалы методики «ОНН»	Мин. значение	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	5 курс	Макс. значение
I	0	35,7	39,1	40,3	47,7	49,3	72
II	0	44,2	48,4	49,3	53,6	58,4	84

Примечание: Полное название шкал методики: I – признание ответственности перед нормами; II – признание необходимости соблюдения норм».

Увеличение числового показателя по шкалам «Признание ответственности перед нормами» (I) и «Признание необходимости соблюдения норм» (II) у курсантов образователь-

ных организаций ФСИН России в зависимости от курса их обучения свидетельствует, что в процессе обучения у курсантов формируется личностная ответственность перед моральными и правовыми нормами, появляется понимание и осознание всей важности и необходимости соблюдения установленных норм и правил. Поэтому у курсантов 1-го курса обучения в отличие от пятикурсников личная ответственность в большинстве случаев отрицается, увеличивается риск подверженности негативным нормам, а также проявляются такие личностные качества, как эгоизм, готовность к необоснованному риску, ответственность только перед самим собой, самоинтерес и ожидание положительного отношения к себе других людей. В процессе обучения у курсантов происходит переосмысление собственных взглядов, мнений и позиций, о чем и свидетельствуют высокие показатели курсантов 5-го курса, если сравнивать их с остальными четырьмя курсами. Выпускной курс старательнее подходит к выполнению поставленных задач, а ответственные поручения не вызывают панических действий и желания найти возможность их избегания. Стоит также отметить, что курсанты 5-го курса менее подвержены к негативным нормам и в редких случаях прибегают к необоснованному риску ради получения каких-либо личных благ. Они готовы нести ответственность не только за свои действия и поступки, но и способны возложить на себя ответственность за близких им людей и товарищей по службе, если этого требуют обстоятельства.

На основании данных, полученных по методике «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (МУБН) (А. А. Реан) было выявлено, что в процессе обучения у курсантов повышается мотивация к успеху (табл. 4).

Таблица 4

Результаты диагностики курсантов образовательных организаций ФСИН России по методике «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (МУБН) А. А. Реан

Шкалы методики «МУБН»	Мин. значение	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	5 курс	Макс. значение
«МУ» – мотивация успеха	0	10,4	13,2	14	14,7	16,1	20

Это означает, что курсанты старших курсов в своей деятельности более мотивированы на успех, при этом мотивация на успех подразумевает под собой достижение чего-то конструктивного, положительного. Они уверены в собственных силах, достаточно ответственны и инициативны, проявляют настойчивость, целеустремленность и активность в достижении поставленных перед собой целей.

По методике «16 PF – (форма С)» Р. Кеттелла удалось выявить значительное отличие между курсами по шкалам «С (эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность)» и «Q3 (низкий самоконтроль – высокий самоконтроль)» (табл. 5).

Таблица 5

Результаты диагностики курсантов образовательных организаций ФСИН России по методике «Методика 16 PF (форма С)» (Р. Кеттелла)

Шкалы методики «16 PF» Р. Кеттелла	Мин. значение	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	5 курс	Макс. значение
«С»	0	7,3	7,9	8,2	8,4	9,3	12
«Q»	0	6,2	7	7,7	8,9	9,7	12

Полное название шкал методики: «С – эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность»; «Q3 – низкий самоконтроль – высокий самоконтроль».

Отличие полученных данных между курсами по шкалам методики указывает на то, что с переходом курсантов на старший курс обучения происходят изменения в эмоциональной

сфере их личности. Формируется эмоциональная выдержка, умение контролировать свои эмоции и поведение, взгляды на собственную жизнь становятся более зрелыми, ориентированными на реальность, появляется устойчивость в интересах, повышается работоспособность, целенаправленность, возникает чувство внутреннего спокойствия, развиваются волевые качества.

Анализ полученных данных (см. табл. 5) показывает, что вышеперечисленные качества наиболее сформированы у курсантов 5-го курса, что еще раз подчеркивает их внутреннюю готовность к дальнейшей практической деятельности.

В проведенном исследовании для повышения точности, объективности и надежности полученных данных использовался «корреляционный анализ» [14].

Заключение

По результатам проведенного теоретико-эмпирического исследования удалось выявить, что структуру личностной ответственности курсантов образовательных организаций ФСИН России составляют следующие структурные компоненты: регуляторно-динамический, личностный, «мотивационно-смысловой». В структуру регуляторно-динамического компонента входят эргичность, стеничность, интернальность. Личностный компонент составляют самоотношение, эмоциональная устойчивость, самоконтроль эмоциональных реакций, уровень эмпатии, способность решать личностные и операциональные трудности. Мотивационно-смысловой компонент включает социоцентричность, осмысленность, мотивацию достижения, признание ответственности перед нормами, понимание необходимости соблюдения норм.

Проведенным исследованием установлено, что курсанты старших курсов понимают и полностью осознают важность личностной ответственности в процессе своей трудовой деятельности, имеют целостное и глубокое представление о данном свойстве личности. В ходе выполнения ответственных поручений курсанты старших курсов испытывают положительные эмоции чаще своих товарищей, находящихся на начальных курсах обучения в вузе. Самочувствие и эмоциональное состояние старшекурсников не оказывают значительного влияния на качество и эффективность выполнения ими ответственных поручений. Они принимают самих себя такими, какие они есть на самом деле, их эмоциональное отношение к себе достаточно целостно и постоянно. Курсанты старших курсов, в отличие от младшекурсников, чаще признают свою ответственность перед моральными и правовыми нормами, до конца понимают и осознают важность и необходимость соблюдения установленных норм и правил. В деятельности они мотивированы на успех, их отличают настойчивость в достижении цели, целеустремленность. Они обладают достаточно сильной волей, умеют контролировать свои эмоции и поведение.

Исходя из полученных результатов, можно утверждать, что уровень личностной ответственности у курсантов повышается в зависимости от курса их обучения.

Планируется проведение дополнительных исследований по данной проблеме с целью разработки и внедрения в практическую деятельность психологов и сотрудников отдела по работе с личным составом образовательных организаций «Программы психологической коррекции личностной ответственности курсантов образовательных организаций ФСИН России».

Список литературы

1. Абульханова-Славская К. А. Психология и сознание личности (проблемы методологии, теории и исследования реальной личности). – Москва: Модэк, 1999. – 216 с.
2. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – Москва: Мысль, 1991. – 299 с.
3. Ганишина И. С., Коноплин Н. Ю. К вопросу о формировании готовности курсантов образовательных организаций ФСИН России к воспитательной работе с осужденными // Перспективы науки. – 2019. – № 10 (121). – С. 214–216.
4. Заргаров А. В. Методы и методики диагностики личностной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Антропоцентрические науки в образовании: сборник научных статей XVIII Международной научно-практической конференции, Воронеж, 17–19 апреля 2023 года / редкол.: Э. П. Комарова (отв. ред.) [и др.]. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2023. – С. 229–231.
5. Заргаров А. В., Гаврина Е. Е. Влияние профессиональной ответственности на формирование репутации курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний // Человек: преступление и наказание. – 2023. – Т. 31. – № 3. – С. 477–488.

6. *Йонас Г.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. – Москва: Айрис-пресс, 2004. – 480 с.
7. *Минкина Н. А.* Воспитание ответственностью. – Москва: Высшая школа, 1990. – 143 с.
8. *Муздыбаев К.* Психология ответственности. – Ленинград: Наука, 1983. – 240 с.
9. *Прядеин В. П.* Ответственность как системное качество личности : монография. – Екатеринбург: Урал.гос.пед.ун-т, 2001. – 200 с.
10. *Регуш Л. А.* Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. – Санкт-Петербург: Речь, 2003. – 352 с.
11. *Сафин В. Ф.* Психологическая сущность ответственности личности // Теория и практика формирования коммунистического сознания. – Уфа, 1986. – 129 с.
12. *Сафин В. Ф.* Самоопределение личности: теоретические и эмпирические аспекты исследования. – Уфа: Гилем, 2004. – 258 с.
13. *Спиркин А. Г.* Сознание и самосознание. – Москва: Политиздат, 1972. – 303 с.
14. *Стрижов Е. Ю.* Валидность личностного опросника нравственной надежности специалиста // Акмеология. – 2009. – № 3 (31). – С. 67–70.
15. *Токарев В. С.* Ответственность личности как социально-педагогическая проблема // Сибирский педагогический журнал. – 2008. – № 2. – С. 241 – 255.
16. *Леонтьев Д. А.* Феномен ответственности: между недержанием и гиперконтролем / Экзистенциальное измерение в консультировании и психотерапии. – Бирштонас; Вильнюс: ВЕАЭТ, 2005. – Т. 2. – С. 7–22.
17. *Плахотный А. Ф.* Проблема социальной ответственности. – Харьков: Вища школа : Изд-во при Харьк. ун-те, 1981. – 190 с.
18. *Калашикова М. М.* Психология ответственности личности несовершеннолетних осужденных женского пола, отбывающих наказание в воспитательных колониях : монография. – Рязань : Академия ФСИН России, 2015. – 171 с.

References

1. *Abul'khanova-Slavskaya K. A.* Psikhologiya i soznaniye lichnosti (problemy metodologii, teorii i issledovaniya real'noy lichnosti). – Moskva: Modek, 1999. – 216 s.
2. *Abul'khanova-Slavskaya K. A.* Strategiya zhizni. – Moskva: Mysl', 1991. – 299 s.
3. *Ganishina I. S., Konoplin N. Yu.* K voprosu o formirovanii gotovnosti kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy FSIN Rossii k vospitatel'noy rabote s osuzhdennymi // Perspektivy nauki. – 2019. – № 10 (121). – S. 214–216.
4. *Zargarov A. V.* Metody i metodiki diagnostiki lichnostnoy otvetstvennosti sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noy sistemy // Antropotsentricheskiye nauki v obrazovanii: sbornik nauchnykh statey XVIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Voronezh, 17–19 aprelya 2023 goda / redkol.: E. P. Komarova (otv. red.) [i dr.]. – Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskiy tsentr «Nauchnaya kniga», 2023. – S. 229–231.
5. *Zargarov A. V., Gavrina Ye. Ye.* Vliyaniye professional'noy otvetstvennosti na formirovaniye reputatsii kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy // Chelovek: prestupleniye i nakazaniye. – 2023. – Т. 31. – № 3. – S. 477–488.
6. *Yonas G.* Printsip otvetstvennosti. Opyt etiki dlya tekhnologicheskoy tsivilizatsii. – Moskva: Ayris-press, 2004. – 480 s.
7. *Minkina N. A.* Vospitaniye otvetstvennost'yu. – Moskva: Vysshaya shkola, 1990. – 143 s.
8. *Muzdybayev K.* Psikhologiya otvetstvennosti. – Leningrad: Nauka, 1983. – 240 s.
9. *Pryadein V. P.* Otvetstvennost' kak sistemnoye kachestvo lichnosti : monografiya. – Yekaterinburg : Ural.gos.ped.un-t, 2001. – 200 s.
10. *Regush L. A.* Psikhologiya prognozirovaniya: uspekhi v poznanii budushchego. – Sankt-Peterburg: Rech', 2003. – 352 s.
11. *Safin V. F.* Psikhologicheskaya sushchnost' otvetstvennosti lichnosti // Teoriya i praktika formirovaniya kommunisticheskogo soznaniya. – Ufa, 1986. – 129 s.
12. *Safin V. F.* Samoopredeleniye lichnosti: teoreticheskiye i empiricheskiye aspekty issledovaniya. – Ufa: Gilem, 2004. – 258 s.
13. *Spirkin A. G.* Soznaniye i samosoznaniye. – Moskva: Politizdat, 1972. – 303 s.
14. *Strizhov Ye. Yu.* Validnost' lichnostnogo oprosnika nrvavstvennoy nadezhnosti spetsialista // Akmeologiya. – 2009. – № 3 (31). – S. 67–70.
15. *Tokarev V. S.* Otvetstvennost' lichnosti kak sotsial'no-pedagogicheskaya problema // Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal. – 2008. – № 2. – S. 241 – 255.

16. *Leont'yev D. A.* Fenomen otvetstvennosti: mezhdu nederzhaniyem i geperkontrolem / Ekzistentsional'noye izmereniye v konsul'tirovanii i psikhoterapii. – Birsh-tonas; Vil'nyus: VIEAET, 2005. – T. 2. – S. 7–22.

17. *Plakhotnyy A. F.* Problema sotsial'noy otvetstvennosti. – Khar'kov: Vyshcha shkola : Yzd-vo pry Khar'k. un-te, 1981. – 190 s.

18. *Kalashnikova M. M.* Psikhologiya otvetstvennosti lichnosti nesovershennoletnikh osuzhdennykh zhenskogo pola, otbyvayushchikh nakazaniye v vospitatel'nykh koloniyakh : monografiya. – Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2015. – 171 s.

Статья поступила в редакцию 11.09.2023; одобрена после рецензирования 12.11.2023; принята к публикации 18.01.2024.

The article was submitted September 11, 2023; approved after reviewing November 12, 2023; accepted for publication January 18, 2024.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Вклад соавторов

Сорокоумова Светлана Николаевна – критический анализ литературы; доработка текста.

Заргаров Александр Викторович – теоретический анализ литературы и результатов эмпирического исследования; проведение эмпирического исследования.

Ганишина Ирина Сергеевна – проведение эмпирического исследования; систематизация и представление авторского аналитического материала; доработка текста.

Научная статья
УДК 343.953.Ч
doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-281-290

Елизавета Львовна Сучкова

доктор психологических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-5702-6063>, elizavetasuchkova@yandex.ru

*Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125993, Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8*

Отношение к понесенному наказанию и его последствиям у лиц, осужденных условно

Аннотация: **Введение.** Условное освобождение от реального отбывания наказания в местах лишения свободы позволяет людям остаться на свободе и своим правопослушным поведением доказать отсутствие необходимости изолировать их от общества. Лица, осужденные условно, не всегда в должной мере осознают необходимость изменить образ жизни, адекватно оценивают результаты своего противоправного поведения, что делает чрезвычайно актуальными исследования в области изучения того, как они сами воспринимают и оценивают понесенное наказание и его последствия. **Методы исследования.** Для изучения эмоционально окрашенных представлений и оценок, объектом которых выступают понесенное наказание и его последствия, был выбран метод опроса (нестандартизированное интервью) и метод свободных ассоциаций. **Результаты исследования.** Осужденные условно считают назначенное им судом наказание справедливым и понимают, что его основной смысл заключается в том, чтобы дать человеку возможность исправиться и изменить свою жизнь. Условно осужденные, ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы, по сравнению с лицами, судимыми впервые, положительно воспринимают факт назначения им условного наказания, но критичнее относятся к обязанностям, возложенным на них судом, не принимая во внимание их необходимость и обоснованность. Эмоциональная составляющая отношения к наказанию и его последствиям у впервые осужденных связана с переживанием раскаяния и чувством стыда, а у неоднократно судимых она сопряжена прежде всего с неприятными правовыми последствиями самого факта наказания. Ранее судимые осужденные с условным наказанием являются уязвимой группой с точки зрения внутреннего неприятия ответственности за содеянное, в том числе и таких его последствий, как выполнение обязанностей и соблюдение ограничений и запретов, наложенных судом, что может создать благоприятные условия для совершения повторных преступлений в период испытательного срока.

Ключевые слова: условное осуждение, осужденные условно, наказание, понесенное наказание, последствия наказания

Для цитирования: Сучкова Е. Л. Отношение к понесенному наказанию и его последствиям у лиц, осужденных условно // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 281–290; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-281-290.

Elizaveta L. Suchkova

Dr. Sci. (Psy.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-5702-6063>, elizavetasuchkova@yandex.ru

*Academy of Management of the MIA of Internal Affairs of Russia
8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., Moscow,
125993, Russian Federation*

Attitude of persons with suspended sentence to the punishment and its consequences

Abstract: Introduction. By receiving conditional release from actual sentence serving in places of deprivation of liberty, individuals can remain free and demonstrate through their law-abiding behavior that they do not need to be isolated from society. The persons with suspended sentence are not always fully aware of the need to change their lifestyles, assess the results of their unlawful conduct adequately, that makes research and development of how they perceive and evaluate the punishment and its consequences very actual. **Research methods.** The non-standard interview method and the free association method were chosen to study emotionally charged perceptions and assessments of punishment and its consequences. **Research results.** The persons with suspended sentence consider the sentence imposed to them by the court to be just and understand that its main purpose is to give them the opportunity to correct and change their life. Those who have previously served a sentence of deprivation of liberty, in comparison with first-time convicts, accept positively the fact that they have been given a suspended sentence, but they are more critical to the responsibilities imposed by the court, without no regard to their necessity and reasoning. The emotional component of the attitude towards punishment and its consequences in the case of first-time convicts is connected with the feeling of repentance and shame, but in the case of multiple convicts it is associated primarily with unpleasant legal consequences of the very fact of punishment. Previously convicted persons with suspended sentences are a vulnerable group from the point of view of their internal responsibility rejection for their offences, including such consequences as the performance of duties, restrictions and prohibitions, imposed by the court, which may create favorable conditions for repeat offences during the probation period.

Keywords: suspended sentence, person with suspended sentence, punishment, incurred punishment, consequences of sentence

For citation: Suchkova E. L. Attitude of persons with suspended sentence to the punishment and its consequences // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. – № 1 (101). – P. 281–290; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-281-290.

Введение

Государственная политика, направленная на смягчение мер воздействия за преступления, не представляющие большой общественной опасности, создала условия для широкого применения наказаний, не связанных с лишением свободы. Условное наказание представляет собой специфическую форму условного освобождения от реального отбывания назначенного наказания. Выступая альтернативой такой мере наказания, как лишение свободы, данный институт считается предпочтительным в силу его гуманистической направленности и профилактики распространения криминальной идеологии тюремного сообщества среди лиц, находящихся в достаточно социально благополучной среде.

Отечественные ученые подчеркивают, что условное осуждение можно рассматривать как особую форму осуществления уголовной ответственности, которая выражается в освобождении условно осуждённого от реального отбывания основного вида наказания с применением к нему мер уголовно-правового воздействия при определённом условии в течение испытательного срока с возможным применением дополнительных видов наказания [1, с. 98], если в данный период осужденный докажет своим поведением, что исправился [2, с. 181]. Отмечается, что в условиях высокого рецидива, существенного негативного потенциала лишения свободы актуальным представляется дальнейшее воплощение принципа экономии репрессии и сокращение лишения свободы за счет альтернативных наказаний [3, с. 198]. Поэтому данный институт стал востребованной мерой уголовно-правового воздействия с хорошими перспективами позитивного социального, уголовно-правового и уголовно-исполнительного результата [4, с. 47]. Условное осуждение полностью соответствует современным тенденциям, предоставляя лицу возможность исправиться без изоляции от общества [5, с. 47].

Основным условием назначения наказания условно является обоснованный вывод суда о том, что лицо, нарушившее закон, не нуждается в изоляции от общества, отрыве от прежней среды и может исправиться без отбывания реального наказания в колонии или тюрьме. Человек остается дома и ведет по большей части привычный для него образ жизни, однако с определенными ограничениями и новыми обязанностями. Суть такого наказания

составляют именно запреты и обязанности, возложенные на него судебным приговором [6, с. 154–155]. Таким образом, существует ряд обязанностей, налагаемых на условно осуждённых, которые в свою очередь могут дополняться как судом, так и уголовно-исполнительными инспекциями, исходя из конкретных обстоятельств преступления. Заметим, что представления о правах и обязанностях у осуждённых условно должны четко отражаться в их сознании, так как без этого процесс эффективного исправления невозможен.

К сожалению, многие условно осуждённые несерьёзно относятся к назначению условного наказания, совершая повторные преступления, в том числе тяжкие и особо тяжкие. Наблюдается и рост совершения данной категорией лиц повторных преступлений в период отбывания испытательного срока [7, с. 47], постоянно увеличивается число тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных условно осуждёнными [8, с. 180]. Данные обстоятельства позволяют говорить о том, что данная мера воздействия не всегда приносит должные результаты. Одной из причин сравнительно высокой криминальной активности лиц, в отношении которых суд пришел к выводу о возможности их исправления без реального отбывания наказания и постановил считать назначенное наказание условным, указывается их недостаточная способность осознать и оценить предоставленную государством возможность скорректировать поведение и доказать свое исправление, поскольку для многих из них характерны асоциальная или антисоциальная направленность, дефекты правосознания и морально-волевой сферы, другие негативные особенности личности [9, с. 218].

Проведенные нами исследования позволили сделать вывод о том, что в психологии правосознания условно осуждённых присутствуют отрицательные оценки состояния законности и правопорядка. Так, они полагают, что законы «оторваны» от реальной жизни, от повседневности, а законодательство отвечает интересам обеспеченных слоев населения и поэтому действует избирательно. В законах часто не учитываются интересы обычных людей, к тому же они не исполняются в действительности, и поэтому, по мнению респондентов, россияне плохо относятся к законам и не доверяют им. Ведущими стимулами правомерного поведения условно осуждённых выступают преимущественно внешние детерминанты (система правового контроля), а не факторы внутренней регуляции поведения. Ориентация на внешние стимулы принуждения к правопослушному поведению в сочетании с внутренней убежденностью в несправедливости российских законов и их неэффективном исполнении свидетельствует о психологической готовности к совершению противоправных деяний, что может способствовать продолжению противоправной деятельности указанных лиц [10, с. 161].

В исследовании Б. З. Маликова получены данные о том, что 74,4 % условно осуждённых не осознают, что являются субъектами уголовно-исполнительных правоотношений и в рамках процедуры исполнения приговора должны подтверждать свое исправление, 48,8 % опрошенных стремятся негатив своего поведения не делать достоянием контролирующих органов, 71,2 % респондентов безразлично относятся к мерам, связанным с исполнением приговора, не понимая характера этой процедуры и своей роли в ней [11, с. 16]. Специалисты подчеркивают, что для применения условного осуждения большое значение имеет учет судом таких обстоятельств, как признание вины и раскаяние в содеянном. Ссылки на эти обстоятельства при обосновании применения условного осуждения содержатся во всех рассмотренных приговорах. Проведенное изучение уголовных дел показало, что виновные лица, совершившие преступления, в большинстве случаев раскаялись в содеянном или признали свою вину, но при этом отсутствует информация о том, в чем именно заключалось раскаяние [12, с. 100]. Логично предположить, что раскаяние и признание вины условно осуждёнными носит, как правило, формальный характер и основная цель подобного поведения заключается в желании смягчить наказание.

Многие осуждённые, получив условное осуждение, воспринимают его как освобождение от ответственности. После постановки на учет они уклоняются от контроля, систематически совершают нарушения. Часть условно осуждённых, несмотря на все принимаемые меры профилактического воздействия, упорно не желают встать на путь исправления [13, с. 131]. Для обеспечения эффективного контроля за поведением условно осуждённых предлагается активизировать усилия по психологическому сопровождению профилактической работы с данной группой лиц. Отмечается, что при тесном взаимодействии с психологом сотрудники уголовно-исполнительных инспекций будут располагать весьма значимой по объему и характеру информацией, касающейся особенностей личности осуждённого [14, с. 158].

М. Ю. Мазнева, опираясь на практический опыт работы психологов в уголовно-исполнительных инспекциях, выделяет проблему «неправильного прочтения» своей социальной

роли «условно осужденного», ошибочное понимание своих обязанностей, связанных с отбыванием наказания, назначенным судом, неправильная расстановка жизненных приоритетов в период наказания может привести осужденного к нарушению порядка отбывания наказания или к совершению повторного преступления. «Вчерашний правонарушитель» не всегда справляется с теми нормативными требованиями, которые ему предъявляет социальная роль «условно осужденного». В процессе отбывания наказания человек испытывает внутренние противоречия, которые в процессе разрешения необходимо перестроить на позитивные (раскаяние перед жертвой преступления и обществом в целом, осознание своей вины) [15, с. 89–91]. Позитивное отношение и пересмотр взглядов условно осужденных по отношению к жертве преступления, наказанию и самому преступлению есть условие успешности отбывания наказания [16, с. 69].

Для того, чтобы такая мера воздействия, как условное осуждение была эффективной с точки зрения профилактики повторного преступного поведения и формирования установки на правопослушное поведение, необходимо желание самого человека исправиться и изменить свой образ жизни. Среди основных факторов, препятствующих позитивным личностным изменениям, можно выделить нежелание следовать правовым нормам, внутреннее неприятие вины и ответственности за совершенные преступления и как следствие неисполнение тех запретов и ограничений, которыми сопровождается отбывание условного наказания. Асоциальное поведение и уклонение от обязанностей, наложенных судом, является главной причиной повторных правонарушений, что делает чрезвычайно актуальными исследования в области изучения того, каким образом лица, осужденные условно, относятся к понесенному наказанию и его последствиям.

Методы исследования. Специально для проведения исследования нами был разработан план нестандартизированного интервью по изучению отношения лиц, осужденных к условным срокам исполнения наказания к понесенному наказанию и его последствиям. Полученные в интервью данные подвергались качественно-количественному анализу, в ходе которого рассчитывалось процентное соотношение количества респондентов, давших ответы, относящиеся к соответствующей категории. Оценка того, насколько эмпирическая частота ответов превышает теоретическую частоту, осуществлялась с помощью биномиального критерия m . Для определения того, с одинаковой ли частотой встречаются разные значения признака, в эмпирическом распределении признака использовался критерий Пирсона χ^2 .

Для изучения эмоционально окрашенных представлений и оценок, объектом которых выступают понесенное наказание и его последствия, использовалась методика свободных ассоциаций, позволяющая выделить основные контексты, связанные с употреблением понятий: «понесенное наказание», «последствия наказания». Респондентам необходимо было назвать первые три существительных, пришедших в голову при вербализации указанных понятий, ответ ничем не ограничивался. Для обработки полученных данных использовалась процедура контент-анализа, при этом проводился подсчет встречаемости ассоциаций и процент респондентов, упомянувших каждую ассоциацию.

Выборка исследования. Эмпирическое исследование проводилось на базе уголовно-исполнительных инспекций УФСИН России по Вологодской области и г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. В нем приняли участие 90 мужчин, осужденных условно (45 мужчин, впервые привлекавшихся к уголовной ответственности, и 45 мужчин, ранее отбывавших наказание в местах лишения свободы). Обе группы были уравновешены по возрасту, образовательному статусу, криминологическим характеристикам (виды совершенных преступлений).

Описание результатов

В интервью респондентам задавался вопрос о том, что они сами думают о том, почему суд назначил им условное наказание, а не реальное лишение свободы с отбыванием срока в исправительном учреждении. Осужденные впервые полагают, что такое решение суда связано прежде всего с тем, что они совершили преступление первый раз (35,5 %), их пожалели и дали шанс изменить свое поведение (31,3 %), они получили наказание, соразмерное содеянному (28,8%). В группе ранее судимых 37,8 % опрошенных также считают, что суд их пожалел и им дали шанс одуматься («суд пожалел меня»), еще 22,2 % указали на то, что условное наказание им назначили «в соответствии с законом». Такое же количество (22,2 %) опрошенных из данной группы пояснили, что условное наказание обусловлено тем, что они раскаялись в содеянном. Логично предположить, что ранее судимые осужденные знают,

что признание вины и раскаяние учитывается при вынесении приговора, и это влияет на смягчение приговора.

Отвечая на вопрос о смысле назначения условного наказания, большинство (80 %) впервые осужденных сказали, что его основная цель заключается в предоставлении человеку возможности исправиться и не повторить ошибок, допущенных ранее («в период испытательного срока доказать своё исправление», «если человек оступился и ошибся, он может исправиться»). В группе ранее судимых 60 % респондентов рассуждают сходным образом, но при этом они чаще подчеркивали, что смысл назначения условного наказания заключается именно в предоставлении человеку права на исправление. Интересно, что в данной группе почти треть (28,9 %) опрошенных считают, что условное наказание назначается для того, чтобы «проверить человека на прочность». Респонденты пояснили, что сотрудники полиции и уголовно-исполнительных инспекций, а также родственники оказывают воздействие на условно осуждённых, и смысл условного наказания в том, чтобы не «сломаться под этим гнётом».

Осужденным условно был задан вопрос об их отношении к факту назначения условного наказания. В группе осужденных впервые 26,6 % респондентов отнеслись к данному виду наказанию хорошо (были довольны), а в группе лиц, ранее судимых, сходным образом ответили 79,9 % опрошенных. О своём негативном отношении к условному наказанию рассказали 24,4 % впервые осужденных. Можно предположить, что это связано с желанием вообще избежать самого факта судимости. Для проверки гипотезы о том, что в группе условно осуждённых, ранее отбывавших наказание, по сравнению с группой осуждённых впервые, чаще будет встречаться положительное отношение к факту назначения условного наказания, были сопоставлены распределения ответов в обеих группах, с помощью критерия χ^2 Пирсона. Ответ «положительное» в группе ранее судимых лиц встречается достоверно чаще, чем другие ответы (при $p \leq 0,01$), а в группе впервые осуждённых значимых различий в распределении ответов не выявлено. Таким образом, выдвинутая гипотеза подтвердилась. Можно сделать вывод о том, что осуждённые, ранее отбывавшие наказание, имея подобный опыт, были рады избежать отбывания наказания в виде реального лишения свободы.

В интервью осуждённым задавался вопрос о том, что они думают о справедливости назначенного им наказания. Большинство опрошенных из обеих групп (84,5 % осужденных впервые и 77,7 % ранее судимых) считают назначенное им судом наказание справедливым. Сопоставление распределений утвердительных и отрицательных ответов в обеих группах с помощью биномиального критерия показало, что утвердительный ответ встречается достоверно чаще при $p \leq 0,01$, что подтверждает гипотезу о том, что условно осуждённые считают назначенное им судом наказание справедливым.

На вопрос о том, повлияло ли условное наказание на жизнь опрошенных в целом, 91 % осужденных впервые ответили утвердительно (одна половина респондентов считает, что произошедшие изменения являются положительными, а вторая половина полагает, что последствия носят сугубо отрицательный характер). В группе ранее судимых только 37,7 % считают, что условное осуждение оказало какое-то влияние на их жизнь, а более половины (62,3 %) опрошенных заявили, что судимость ни на что не повлияла. Респондентам также задавался вопрос о влиянии понесенного наказания на их социальный статус. В группе впервые осужденных 64,4 % опрошенных указали на понижение социального статуса в обществе, что связано с самим фактом наличия у них судимости. В группе ранее судимых только 39,6 % опрошенных ответили сходным образом, а большинство (60,4 %) респондентов полагают, что условное наказание, не несущее в себе каких-либо жёстких ограничений, не способно оказать сильное влияние на социальный статус человека. Вероятно, у условно осужденных, ранее отбывавших наказание в местах лишения свободы, есть устоявшийся круг общения с наличием в нем лиц с криминальным прошлым и соответствующими взглядами относительно приемлемости противоправного поведения.

На вопрос о том, какие обязанности были возложены на них судом, 46,6 % опрошенных условно осужденных из обеих групп считают обязанность «отмечаться» в уголовно-исполнительной инспекции. Необходимость «выплачивать иск (штраф)» отметили 31,1 % впервые осужденных и 26,6 % ранее судимых. Об обязанности «возмещать ущерб» сказали 24,4 % опрошенных впервые осужденных и только 11,1 % лиц, ранее отбывавших наказание в местах лишения свободы. Среди других обязанностей условно осужденные из обеих групп отметили «не менять постоянного места жительства» (13,3 % и 6,6 % соответственно) и «официально трудоустроиться» (6,6 % в каждой группе).

Респондентам задавался вопрос о том, есть ли из перечисленных обязанностей те, которые они считают ненужными. Подавляющее большинство (91 %) впервые осужденных ответили, что все обязанности нужны, оставшаяся часть опрошенных затруднилась с ответом. В группе ранее судимых условно осужденных только 53,3 % респондентов согласились с тем, что все обязанности являются нужными. Пятая часть (20 %) осужденных из данной группы заявили о том, что вообще все обязанности, наложенные судом, не нужны, а 11,1 % полагают, что следует отменить требование об обязательном трудоустройстве. Столько же (11,1 %) опрошенных считают ненужным выплату иска.

В интервью условно осужденных просили ответить на вопрос об их отношении к обязанностям, возложенным судом. В группе впервые осужденных 93,3 % опрошенных заявили о том, что они относятся к обязанностям нормально (адекватно), считая их разумными и обоснованными. Они согласны с ними и планируют выполнять то, что от них требуется. В то же время в группе ранее судимых с такой позицией согласились только 48,8 % условно осужденных. В данной группе у 33,3 % опрошенных отношение к обязанностям крайне отрицательное, еще 11,5 % отметили то, что они им просто безразличны.

Далее рассмотрим данные, полученные с помощью методики свободных ассоциаций. В результате анализа ассоциаций для каждого понятия было подсчитано количество наиболее часто встречающихся ассоциаций. В табл. 1 представлены результаты группировки ассоциаций с понесенным наказанием.

Таблица 1

Ассоциации с понятием «понесенное наказание»

№ п/п	Ассоциация	Группы в %	
		впервые осужденные	ранее судимые
1	Стыд	60	11,1
2	Обязанности	53,3	66,6
3	Беспокойство	42,2	–
4	Ошибка	40	–
5	Опыт	31,1	26,6
6	Справедливость	24,4	8,8
7	Наказание	22,2	42,2
8	Условный срок	–	35,5
9	Безразличие	–	31,1
19	Не первый раз	–	24,4

Из данных, приведенных в табл. 1, видно, что в группе впервые осужденных чаще всего понесенное наказание ассоциируется со словом «стыд», что позволяет говорить о том, что сам факт судимости сопровождается у лиц из данной группы внутренним осознанием предосудительности совершенных поступков, несоответствия своего поведения общепринятым нормам. Социальная неприемлемость содеянного влечет за собой чувство вины и сопровождается неприятными эмоциями самосознания, связанными с негативной оценкой себя и своих действий. В группе ранее судимых данная ассоциация встречается только в 11,1 % ответах. Одной из наиболее часто упоминаемых ассоциаций в обеих группах является понятие «обязанности» (53,3 % впервые осужденных и 66,6 % ранее судимых). У осужденных условно понесенное наказание тесно связано с выполнением обязательных действий в рамках требований, которые являются принудительными и навязаны им извне.

У впервые осужденных наказание также ассоциируется с беспокойством, волнением и неприятностями (42,2 %) и ошибкой, непреднамеренным отклонением от правильных действий и поступков (31,1 %). В группе лиц, ранее отбывавших наказание в местах лишения свободы, подобные ассоциации не встретились. Условно осужденные из обеих групп (31,1 % впервые осужденных и 26,6 % ранее судимых) связывают понесенное наказание со знаниями, которые были приобретены ими в процессе получения жизненного опыта. Интересно, что у части опрошенных (24,4 % впервые осужденных и 8,8 % ранее судимых) наказание ассоциируется со справедливостью, что свидетельствует о его восприятии как соразмерном содеянному. Понесенное наказание воспринимается в контексте применения

неприятных и нежелательных правовых мер (22,2 % ответов в группе впервые осужденных и 42,2 % в группе ранее судимых). У лиц, ранее отбывавших наказание в местах лишения свободы, понесенное наказание связано с условным сроком (35,5 %), безразличием (31,1 %) и наличием опыта, связанного с уголовным наказанием (24,4 %).

В табл. 2 представлены результаты группировки ассоциаций с последствиями наказания.

Таблица 2

Ассоциации с понятием «последствия наказания»

№ п/п	Ассоциация	Группы в %	
		впервые осужденные	ранее судимые
1	Вина	64,4	-
2	Проблемы	62,2	80
3	Исправление	33,3	15,5
4	Штраф	31,1	8,8
5	Обязанности	28,8	-
6	Новая жизнь	24,4	-
7	Жизненный урок	20	22,2
8	Контроль	-	37,7

Как видно из данных, приведенных в табл. 2, в группе впервые осужденных последствия наказания ассоциируются с виной (64,4 %), переживание которой сопровождается отрицательно окрашенными чувствами, связанными как с поступками человека, так и с негативными результатами этих действий не только для него самого, но и для других лиц. У большинства опрошенных из обеих групп (62,2 % впервые осужденных и 80 % ранее судимых) последствия наказания сопряжены с возникновением сложных вопросов, не имеющих однозначных решений, сопровождающихся неопределенностью в отношении исхода возможных вариантов их разрешения (это проблемы с работой, с жильем, отношениями с семьей, с другими людьми). В группе впервые осужденных последствия наказания ассоциируются с исправлением (33,3 %), а также со штрафом (31,1 %) и обязанностями (28,8 %). У части опрошенных из данной группы последствия наказания связаны с новой жизнью (24,4 %) и жизненным уроком (20 %). В группе условно осужденных, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, понесенное наказание ассоциируется с контролем (37,7 %) и жизненным уроком (22,2 %). Таким образом, последствия наказания в контексте переживания чувства вины присутствуют только в группе впервые осужденных.

Заключение

Проведенное исследование показало, что, по мнению осужденных, смысл назначения условного наказания заключается в предоставлении человеку возможности исправиться и не повторить своих ошибок. Они полагают, что решение суда о назначении условного наказания связано с тем, что их пожалели, дали шанс изменить свое поведение, что они получили наказание, соразмерное содеянному. Большинство условно осужденных, как судимых впервые, так и ранее отбывавших наказание в местах лишения свободы, считают назначенное им судом наказание справедливым. Условно осужденные оказали существенное влияние на жизнь впервые осужденных, в то время как в группе ранее судимых оно не повлекло за собой подобных существенных изменений. В группе условно осужденных, ранее отбывавших наказание, по сравнению с группой осужденных впервые, чаще встречается положительное отношение к факту назначения условного наказания. Условно осужденные осведомлены о тех обязанностях, которые были наложены на них судом, но в группе ранее судимых не все опрошенные считают их нужными, разумными и обоснованными. Условно осужденные, ранее уже отбывавшие наказание в местах лишения свободы, ориентируются на взгляды тюремного сообщества, настроены на обесценивание значимости правовых норм и не желают быть объектом контроля со стороны сотрудников правоохранительных органов. Внутреннее сопротивление осужденных из данной группы по отношению к предъ-

являемым требованиям будет способствовать их игнорированию, что в дальнейшем приведет к проблемам с законом.

Лица, осужденные условно, понесенное наказание связывают с выполнением обязательных действий, которые воспринимаются ими в качестве принудительных мер воздействия на их поведение. У впервые осужденных отношение к понесенному наказанию и его последствиям имеет ярко выраженную отрицательную эмоциональную нагруженность, связанную с осознанием предосудительности совершенных поступков, переживанием несоответствия своего поведения общепринятым нормам, что вызывает беспокойство и волнение. Ранее судимые рассматривают понесенное наказание и его последствия через призму своего жизненного опыта, воспринимают его попытки оказать на них давление с помощью использования неприятных и нежелательных ограничений и требований. Для осужденных впервые условное наказание, с одной стороны, является возможностью избежать реального срока лишения свободы с отбыванием наказания в исправительном учреждении, с другой стороны, судимость влечет за собой существенные последствия в виде различных ограничений, а сам факт уголовного наказания вызывает отрицательные эмоции и переживания. У условно осужденных, ранее уже отбывавших наказание в местах лишения свободы, условное осуждение воспринимается в большей степени не как наказание, а как некая формальность, связанная с определенными ограничениями и трудностями, что затрудняет работу сотрудников уголовно-исполнительных инспекций с данной группой лиц.

В связи с тем, что у осужденных, ранее отбывавших наказание в местах лишения свободы, не присутствует искреннего сожаления в связи с совершением ими противоправных деяний, наблюдается критичное отношение к обязанностям, установленным судом, с данной группой условно осужденных необходимо проводить беседы по разъяснению правовой природы условного наказания. Последствия наказания для условно осужденных тесно связаны с необходимостью разрешения сложных проблем не только в области трудоустройства, но и в других сферах жизни, что сопровождается неприятными чувствами, вызванными неопределенностью относительно результатов предпринятых усилий. Сотрудники уголовно-исполнительных инспекций должны проявлять больше внимания к обстоятельствам жизни условно осужденных. В процессе общения необходимо ориентировать осужденных на преимущества правопослушного образа жизни. Психологическое сопровождение впервые осужденных должно быть направлено на снятие негативных психических состояний, формирования позитивного настроения на преодоление существующей тревоги. Особое внимание необходимо уделить психологическому консультированию условно осужденных по вопросам, связанным с разрешением трудных жизненных ситуаций, которые возникают в данный период жизни. Своевременная помощь в решении определенной проблемы даст уверенность условно осужденным в том, что они смогут успешно справиться с существующими сложностями, не прибегая к совершению противоправных действий.

Список литературы

1. Лантев С. А. Условное осуждение или ограничение свободы // Вестник Кузбасского института. – 2012. – № 5 (13). – С. 96–105.
2. Панасенко (Яловая) В. Н. Эффективность условного осуждения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 7. – С. 181–183.
3. Казакова В. А. Цели наказания и их реализация в России и зарубежных странах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2019. – № 2 (831). – С. 193–204.
4. Маликова Н. Б., Москвитина М. М. О некоторых аспектах трудоустройства условно осужденных // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2021. – № 1 (40). – С. 46–52; doi: 10.34988/2226-2326.2021.40.1.007.
5. Юрова Ю. В., Зайцева А. Е. Проблемные вопросы организации контроля за условно осужденными // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2023. – № 2 (36). – С. 46–50.
6. Кирилловский О. В., Шаромова А. А. Правовые и организационные недостатки в деятельности уголовно-исполнительных инспекций по контролю за условно осужденными // *Ius publicum et privatum*. – 2022. – № 3 (18). – С. 152–161; doi: 10.46741/2713-2811.2022.18.3.016.
7. Минсафина С. Н., Власова У. С. Деятельность уголовно-исполнительных инспекций по контролю за условно осужденными // Вестник Самарского юридического института. – 2017. – № 1 (23). – С. 45–47.

8. *Чистяков К. А.* К вопросу об основных направлениях предупреждения преступлений, совершаемых условно осужденными // Прикладная юридическая психология. – 2014. – № 3. – С. 178–182.
9. *Дегтярева О. Л.* Исполнение меры уголовно-правового характера в виде условного осуждения // Проблемы права. – 2015. – № 6 (54). – С. 217–219.
10. *Сучкова Е. Л.* Представления о правовой действительности условно осужденных // Прикладная юридическая психология. – 2012. – № 3. – С. 153–161.
11. *Маликов Б. З.* Условное осуждение – форма условного наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2012. – № 2 (18). – С. 14–18.
12. *Гвоздева Е. В., Вшивцева Н. А.* Социально-демографическая характеристика личности условно осужденного // Наука и образование: тенденции и перспективы. – 2016. – № 1 (3). – С. 108–112.
13. *Макарова В. В.* Основные направления профилактики преступности условно осужденных : монография. – Рязань: Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2021. – 224 с.
14. *Волчков Д. И.* Организация психологического обеспечения деятельности уголовно-исполнительных инспекций за поведением условно осужденных // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 155–158.
15. *Мазнева М. Ю.* Специфика исследования ролевых конфликтов у лиц, осужденных без изоляции от общества к мерам наказания, не связанным с изоляцией от общества // Смальта. – 2021. – № 4. – С. 84–96.
16. *Ванюшина А. А.* Сущность, понятие, виды внутриличностного конфликта условно осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях // Международный пенитенциарный журнал. – 2016. – № 2. – С. 67–70.

References

1. *Laptev S. A.* Uslovnoe osuzhdenie ili ogranichenie svobody // Vestnik Kuzbasskogo instituta. – 2012. – № 5 (13). – С. 96–105.
2. *Panasenko (Yalovaya) V. N.* Effektivnost' uslovnogo osuzhdeniya // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2014. – № 7. – С. 181–183.
3. *Kazakova V. A.* Tseli nakazaniya i ikh realizatsiya v Rossii i zarubezhnykh stranakh // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. – 2019. – № 2 (831). – С. 193–204.
4. *Malikova N. B., Moskvitina M. M.* O nekotorykh aspektakh trudoustroistva uslovno osuzhdennykh // Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii. – 2021. – № 1 (40). – С. 46–52; doi: 10.34988/2226-2326.2021.40.1.007.
5. *Yurova Yu. V., Zaitseva A. E.* Problemnye voprosy organizatsii kontrolya za uslovno osuzhdennymi // Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika. – 2023. – № 2 (36). – С. 46–50.
6. *Kirillovskii O. V., Sharomova A. A.* Pravovye i organizatsionnye nedostatki v deyatelnosti ugolovno-ispolnitel'nykh inspeksii po kontrolyu za uslovno osuzhdennymi // IUS PUBLICUM ET PRIVATUM. – 2022. – № 3 (18). – С. 152–161; doi: 10.46741/2713-2811.2022.18.3.016.
7. *Minsafina S. N., Vlasova U. S.* Deyatel'nost' ugolovno-ispolnitel'nykh inspeksii po kontrolyu za uslovno osuzhdennymi // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2017. – № 1 (23). – С. 45–47.
8. *Chistyakov K. A.* K voprosu ob osnovnykh napravleniyakh preduprezhdeniya prestuplenii, sovershaemykh uslovno osuzhdennymi // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. – 2014. – № 3. – С. 178–182.
9. *Degtyareva O. L.* Ispolnenie mery ugolovno-pravovogo kharaktera v vide uslovnogo osuzhdeniya // Problemy prava. – 2015. – № 6 (54). – С. 217–219.
10. *Suchkova E. L.* Predstavleniya o pravovoi deistvitel'nosti uslovno osuzhdennykh // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. – 2012. – № 3. – С. 153–161.
11. *Malikov B. Z.* Uslovnoe osuzhdenie – forma uslovnogo nakazaniya // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. – 2012. – № 2 (18). – С. 14–18.
12. *Gvozdeva E. V., Vshivtseva N. A.* Sotsial'no-demograficheskaya kharakteristika lichnosti uslovno osuzhdennogo // Nauka i obrazovanie: tendentsii i perspektivy. – 2016. – № 1 (3). – С. 108–112.
13. *Makarova V. V.* Osnovnye napravleniya profilaktiki prestupnosti uslovno osuzhdennykh : monogr. – Ryazan', 2021. – 224 s.

14. *Volchkov D. I.* Organizatsiya psikhologicheskogo obespecheniya deyatelnosti ugolovno-ispolnitel'nykh inspeksii za povedeniem uslovno osuzhdennykh // *Mir politiki i sotsiologii.* – 2012. – № 8. – S. 155–158.

15. *Mazneva M. Yu.* Spetsifika issledovaniya rolevykh konfliktov u lits, osuzhdennykh bez izolyatsii ot obshchestva k meram nakazaniya, ne svyazannym s izolyatsiei ot obshchestva // *Smal'ta.* – 2021. – № 4. – S. 84–96.

16. *Vanyushina A. A.* Sushchnost', ponyatie, vidy vnutrichnostnogo konflikta uslovno osuzhdennykh, sostoyashchikh na uchete v ugolovno-ispolnitel'nykh inspektsiyakh // *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal.* – 2016. – № 2. – S. 67–70.

Статья поступила в редакцию 10.08.2023; одобрена после рецензирования 12.10.2023; принята к публикации 05.03.2024.

The article was submitted August 10, 2023; approved after reviewing October 12, 2023; accepted for publication March 5, 2024.

Благодарности

Автор благодарит за помощь в проведении сбора эмпирических данных А. Д. Доронину.